РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

1888.

Пред. 50

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ (по личнымъ воспоминаніямъ). **Съ портретомъ.** Ст. П. Н. **А. Любимова.**

II. ЯРОМІРЪ И ПРЕДСЛАВА. Поэма (пѣснь первая). **Графа А. А. Голенищева-Кутузова.**

III. ВЪ БИБЛЕЙСКОЙ СТРАНѢ. **Е. В. Маркова.**

IV. МОЛОДЕЖЬ. Романъ. Гл. XV. **К. Ѳ. Орловскаго.**

V. ТУРГЕНЕВЪ ВЪ МОСКВѢ (изъ воспоминаній). **К. Н. Леонтьева.**

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ. **А. Н. Майкова.**

VII. ИЗЪ ГНѢЗДА. Повѣсть (гл. I—IV). **А. В. Стернъ.**

VIII. ТРАЯНОВЪ ПЕРЕВАЛЪ. (Оконч.). **П. П. Карцова.**

IX. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ МѢСТНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ. Гл. VI. **N.**

X. ПАМЯТИ Р. ВАГНЕРА. Стихотвореніе **Кн. Д. Н. Цертелева.**

XI. НОВЫЙ РОМАНЪ ФИЛИППСА. **П.**

XII. ДОЛГЪ ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО ПОЗ. КРЕДИТА. **А.—скаго.**

XIII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Древности Росс. Госуд. Кіевскій Софійскій соборъ. Выпускъ IV. — II. Лягушки, комедія Аристофана. Перев. К. Нейлисовъ.— III. Собр. мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. Московскаго, Т. V. — IV. П. А. Матвѣевъ. Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. — V. А. Позднѣевъ. „Очерки быта буддійскихъ монастырей".—VI. Брюхо Петербурга. А Бахтіарова. — VII. Книжныя новости.

XIV. МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА. Благотворительная Москва. — Что такое Московская частная благотворительность.—Ляпинскія благотворительныя учрежденія. — Московское купеческое общество и его расходная смѣта на 1888 г.—Московское ночлежничество и точныя цифры, характеризующія положеніе дѣла за послѣдніе года.—Ростъ и паденіе этихъ цифръ.—Начало года у Московскихъ спортсменовъ.—Спортсмены-охотники и ихъ выставка.—Нѣчто о живописи.—Галлерея П. М. Третьякова.

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Недѣлимыя дворянскія имѣнія.—Тюремное дѣло и дисциплинарные батальоны.—Поквартирный налогъ.

XVI. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Рѣшительный поворотъ въ нѣмецкой политикѣ — Ея вызывающій характеръ.—Обнародованіе Австро-Германскаго договора.—Рѣчь князя Бисмарка.

XVII. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. I. Неизданное письмо Наполеона (С. Татищевъ).—II. Пріобрѣтеніе Публ. Библ. (И. Бычкова).—III. Къ ист. масонскихъ ложъ (Е. Опочинина).—IV. Сочин. Погодина (И. Помяловскаго).—V. Древности Ярославля (Н. Покровскаго.—VI. Гробницы Сидонскихъ царей (Е. Бренкова.)

XVIII. ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ Рс. Рл. Крестовскаго. Гл. V—X.

XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Къ этой книгѣ приложенъ, гравированный на стали, въ Лейпцигѣ, портретъ Михаила Никифоровича Каткова.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

1888.

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО * БИБЛІОТЕКА * 25791

Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1888.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ

1888.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 33.
1888.

ВЪ КОНТОРѢ

ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

СПБ., Бол Подъяческая, № 39.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

„ИЗЪ ПРОШЛАГО“

Служебныя и личныя воспоминанія генералъ-лейтенанта П. П. Карцова.

Въ двухъ частяхъ (30 главъ, около 1000 страницъ).

Воспоминанія обнимаютъ событія съ 1831 по 1879 годъ, между которыми болѣе подробно описываются слѣдующія:

Бунтъ военныхъ поселеній въ 1831 году. — Кадетская жизнь и корпусныя воспоминанія 40 годовъ.—Гвардейская жизнь и служба того времени.—Походы гвардіи въ Литву въ 1849 и 54 гг.— Кончина Императора Николая I.—Коронація 1856 года.—Развитіе стрѣлковаго дѣла.—Красносельскіе лагери и маневры.—Гвардейскій отрядъ въ Варшавѣ.—Событія въ Польшѣ въ 1861 и 62 годахъ.—Возстаніе 1863 года.—Жизнь въ Варшавѣ.—Введеніе реформъ и русскіе дѣятели того времени.—На маневрахъ и празднествахъ въ Берлинѣ.— Армейская жизнь и служба.— Преобразованія въ военномъ вѣдомствѣ.—Общественная жизнь въ провинціи.—Въ Швейцаріи и въ Парижѣ. — Время Франко-прусской войны.—Высочайшіе смотры въ Москвѣ.—Отношенія къ гражданской администраціи.—Время передъ войною.—Мобилизація.—На Волыни и въ Румыніи.—При главной квартирѣ.—30 августа подъ Плевной.—Ловче-Сельвинскій отрядъ.—2-я бригада 3-й дивизіи въ западномъ отрядѣ.—Изслѣдованіе и проходы центральныхъ Балканъ.—Траянскій отрядъ.—Бой 26 октября.—Въ долинѣ Гіопса.—Отъ Карлова до Марицы.—Переправа.—По пути смерти до Адріанополя.—Въ Демотикѣ.—Занятіе Дадеагача.—У Галлипольскаго полуострова.—Въ Шаркіоѣ и Родосто.—Заключеніе мира.

Въ издаваемой книгѣ читатели встрѣтятъ черты изъ жизни и дѣятельности слѣдующихъ лицъ: **Великаго Князя Михаила Павловича, гр. Аракчеева, Я. И. Ростовцева, Н. Н. Пущина, гр. Берга; генераловъ: бар. Корфа, Гершенцвейга, Сухозанета, Ѳ. Ѳ. Трепова, бар. П. А. Фредерикса, князя Черкасскаго, Горчакова и Суворова; принца Фридриха-Карла, наслѣднаго принца Гумберта; фельдмаршаловъ Мольтке и бар. Врангеля** и многихъ другихъ.

Цѣна за оба тома при подпискѣ: 4 р. 50 к. съ перес. и достав. Въ отдѣльной продажѣ они будутъ стоить **5** р. безъ пересылки. Книгопродавцамъ при подпискѣ 10% уступки.

Подписка принимается до 1-го Апрѣля сего года.

На тѣхъ же условіяхъ можно подписываться, съ доставкою денегъ: 1) въ г. Царское-Село у автора П. П. *Карцова* и 2) въ книжномъ магазинѣ *Васильева*, С.-Петербургъ, Офицерская улица, № 6.

NOUVELLE REVUE

paraissant le 1-er et le 15 de chaque mois, en numéros séparés contenant de 225 à 250 pages d'impression.

SOMMAIRE DU

1-er DÉCEMBRE 1887.

M. Guy de Maupassant: Pierre et Jean. — M. le vice-amiral Bourgois: La Défense des Côtes et les Torpilleurs. — M. le marquis de Castellane: Le Parti Conservateur.—M. E. Wickersheimer, député: La Politique Coloniale.—M. Georges Glatron: L'Oubli (*suite*).—M. Léon Dorez: Jules Lacroix.—M. Thiébault-Sisson: Puvis de Chavannes et son oeuvre. — M-me de Montgomery: Au Tsar (*poésie*).—M. Léopold Lacour: Théâtre: Drame et Comédie. — M-me Juliette Adam: Lettres sur la Politique extérieure. — M. Tatistchew: La Vérité dans l'Histoire. — M. Raoul Frary: Chronique politique. — Chronique financière. — M-me Olga Smirnow: Mémoires de la Comtesse Edling. — Bulletin bibliographique.

SOMMAIRE DU

15 DÉCEMBRE 1887.

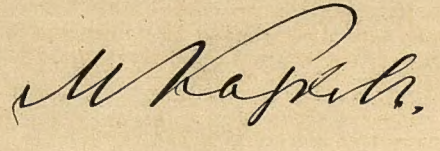
M. Guy de Maupassant: Pierre et Jean (*suite*). — M. Pierre Loti: Un Bal à Yeddo. — M Tatistchew: Paul I-er et Bonaparte, étude historique d'après des documents inédits (*suite*).— M. Maurice Bouchor: Le Peuple de Dieu (*poésie*).—M. Georges Glatron: L'Oubli (*suite*).—M. Thiébault-Sisson: L'Art Elégant: Prosper d'Epinay.—M. Ad. Badin: Les Livres d'Etrennes.— M-me Juliette Adam: Lettres sur la Politique extérieure.— M. Raoul Frary: Chronique politique. — M. Couanon: Revue agricole.— Chronique financière.— Bulletin bibliographique — M. Vernon Lee: Miss Brown (*suite*). Supplément littéraire.

On s'abonne à Paris à l'administration de la **NOUVELLE REVUE**, Boulevard Montmartre, 18; à St.-Pétersbourg aux librairies: E. Mellier, Wolff, Ricker et A. Portier d'Arc; à Moscou chez Gautier; à Odessa chez Rousseau; à Varsovie chez Gebetner-Wolff et Sennewald; à Vilna chez G. M. Strakoune; à Tiflis chez M. Chiddekel, et à plusieurs autres grandes librairies de la Russie. Prix de vingt-quatre numéros avec envoi pour l'année à St.-Pétersbourg 24 r.; en province 28 r. 50 c. Abonnement de six mois: à St.-Pétersbourg 13 r.; en province 16 r.; de trois mois à St.-Pétersbourg 7 r.; en province 9 r.

Les employés des autotités civiles et militaires désirant payer par versements avec la garantie de leurs maîtres des comptes peuvent s'adresser à la librairie E. Mellier à St.-Pétersbourg, persp. Nevsky, 20.

Editeur, M-me **ADAM.**

Печ.со стали Ф.А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.



МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ) [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основаніе журнала «Русскій Вѣстникъ».

I.

Разскажемъ съ нѣкоторою подробностію, пользуясь архивными документами, исторію основанія *«Русскаго Вѣстника»*. Случайное обстоятельство — упраздненіе отдѣльной каѳедры философіи въ университетахъ и порученіе преподаванія этой науки профессору богословія—передавшее редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“ въ руки Михаила Никифоровича, раскрыло его призваніе. „Журнальное поприще, говоритъ онъ самъ въ прошеніи объ изданіи журнала, (которое приведемъ ниже), не было произвольно избрано мною, меня вывело на него стеченіе обстоятельствъ, въ которыхъ я вижу нѣкоторое для себя указаніе“. Но разъ почувствовавъ призваніе и, съ зарею новаго царствованія, усмотрѣвъ возможность съ нѣкоторою свободою самостоятельно выступить на поприщѣ журналистики, онъ съ рѣшимостію вступилъ на новый путь. Мысль объ основаніи собственнаго журнала сдѣлалась его преобладающею мыслью, и онъ до-

[1]) См. Русск. Вѣстн. № 1.

велъ ее до осуществленія, вопреки препятствіямъ, съ настойчивостію, составлявшею одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ его характера. 29 мая и 10 іюля 1855 года онъ подалъ двѣ докладныя записки тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, А. С. Норову, сопроводивъ ихъ форменнымъ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему Высочайшаго разрѣшенія на изданіе новаго журнала подъ наименованіемъ *Русскій Лѣтописецъ*. Приводимъ здѣсь первую изъ этихъ записокъ, высказывающую мотивы новаго изданія и намѣренія его издателя.

„Имѣю честь представить вашему высокопревосходительству проектъ новаго повременнаго изданія и просить объ исходатайствованіи мнѣ Высочайшаго на оное соизволенія. Смѣю думать, что благонамѣренность и способность моя для такого предпріятія достаточно испытаны. Около шести лѣтъ, издавая „Московскія Вѣдомости“, газету распространенную въ нашемъ отечествѣ и читаемую во всѣхъ классахъ общества, я имѣлъ счастіе заслужить благоволеніе вашего высокопревосходительства. Признавая пользу моего служенія на этомъ поприщѣ, вы даровали мнѣ особыя преимущества, которыя, какъ выраженіе довѣрія вашего ко мнѣ, были лестною наградою за мой скромный и добросовѣстный трудъ. Испрашивая себѣ право основать особое изданіе, я всего лучше могу опереться на изъявленное самимъ правительствомъ довѣріе ко мнѣ въ подобномъ дѣлѣ.

„Въ началѣ позволяю себѣ высказать тѣ общія соображенія, которыя служатъ основаніемъ моему предположенію.

„Въ нашемъ образованіи, въ послѣднее тридцатилѣтіе, совершился многозначительный переворотъ. Просвѣщеніе, распространявшееся поверхностно и непосредственно изъ чуждыхъ источниковъ, теперь почувствовалось въ глубинѣ собственной нашей народности. Прекрасные проблески поэзіи и искусства возвѣстили міру присутствіе новаго духовнаго дѣятеля въ семьѣ человѣчества. Русское слово раскрыло свое богатство и разнообразіе; оно стало живымъ и гибкимъ орудіемъ творчества и знанія. Нѣтъ сферы мысли, которая оставалась бы ему недоступною. Образованное общество заговорило по-русски, и предѣлъ между живымъ и книжнымъ словомъ исчезаетъ непрерывно. Народное самопознаніе развивалось блистательно и быстро, и правительство не пощадило средствъ для открытія и обнародованія памятниковъ нашей древности.

„Должно желать, чтобы образованіе наше укрѣплялось въ этомъ направленіи; чтобы все болѣе и болѣе прояснялся собственно русскій взглядъ на вещи; чтобы русскій умъ такъ же свергъ съ себя иго чуждой мысли, какъ уже свергъ иго чуждаго слова; чтобы наша литература, созрѣвая и обогащаясь, могла доставлять удовлетвореніе всѣмъ умственнымъ потребностямъ русскаго человѣка.

„Особенно важное значеніе могутъ имѣть въ этомъ отношеніи живые органы литературы, повременныя изданія. При юности нашей читающей публики и самой литературы, при недостаточномъ устройствѣ книжной торговли, повременныя изданія въ нашемъ отечествѣ, можетъ быть, еще болѣе необходимы, чѣмъ гдѣ-нибудь. Соединяя въ себѣ все, что̀ можетъ быть полезно и занимательно для обширнѣйшаго круга читателей, они съ другой стороны, вызываютъ способныхъ людей на трудъ и открываютъ имъ поприще для него. Очень нерѣдко значительные труды дремлютъ въ своихъ начаткахъ или прерываются по недостатку нравственной и матеріальной поддержки, какую могли бы находить они въ обширномъ и добросовѣстномъ литературномъ предпріятіи.

„Однѣхъ запретительныхъ мѣръ недостаточно для огражденія умовъ отъ несвойственныхъ вліяній; необходимо возбудить въ умахъ положительную силу, которая бы противодѣйствовала всему ей несродному. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ отношеніи вооружены недостаточно. Какую опору можетъ найти у насъ молодой умъ противъ отрывочныхъ и смутныхъ возбужденій, насылаемыхъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ? Къ чему можетъ прислониться онъ? Къ какимъ явственнымъ, своенароднымъ направленіямъ, къ какимъ сосредоточіямъ самобытной умственной дѣятельности можетъ примкнуть его мысль, чтобы усвоить со стороны лишь то, что̀ соотвѣтствуетъ ей?

„Отъ праздномыслія лучшее средство есть трудъ, совершаемый на глазахъ у всѣхъ, подлежащій общему суду и оцѣнкѣ и потому должно желать, чтобы сколь можно долѣе процвѣтали у насъ законныя и публичныя средоточія умственной дѣятельности.

„Конечно нельзя жаловаться на недостатокъ разнаго рода изданій въ нашей литературѣ, но къ сожалѣнію, по случайнымъ обстоятельствамъ, право издавать журналы и газеты стало какою-то исключительною привилегіею нѣкоторыхъ лицъ, и почти превратилось въ монополію, хотя такая монополія никогда не была въ видахъ правительства.

„Извѣстно, что лица, владѣющія нынѣ органами нашей ли-

тературы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не были къ тому предварительно избраны, а совершенно случайно очутились благодѣтелями русскаго слова. Не произносимъ суда объ относительномъ достоинствѣ существующихъ у насъ изданій и о томъ, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуютъ они своей истинной цѣли; но нельзя не признать, что для этой цѣли необходимо допустить болѣе обширное соревнованіе. Лишь при взаимодѣйствіи соревнующихъ стремленій возможна литература, не какъ слабый отпрыскъ иностранныхъ литературъ, но какъ коренное, своеземное, оригинальное развитіе.

„Еслибы почему-либо казалось нужнымъ ограничить количество повременныхъ изданій, то свободное соперничество всего лучше могло бы послужить и для этой цѣли. Удержались бы только лучшіе журналы, а прочіе прекратились бы сами собою. Весьма естественно желать, чтобы поле оставалось за достойнѣйшими, а не за тѣми, которые случайно завладѣли имъ.

„Перехожу теперь къ программѣ предполагаемаго мною изданія.

„Въ настоящихъ обстоятельствахъ, напоминающихъ великую эпоху двѣнадцатаго года, мы не имѣемъ ни одного изданія въ родѣ „Вѣстника Европы“ и „Сына Отечества“, съ которыми связано столько патріотическихъ воспоминаній.

„Умы всѣхъ заняты теперь великою борьбою, изъ которой Богъ поможетъ нашему отечеству выйти съ такою же славою, какъ и въ ту вѣчнопамятную эпоху. Было бы желательно, чтобы благородное одушевленіе, нынѣ господствующее въ нашемъ обществѣ, нашло особый органъ и въ литературѣ.

„Вслѣдствіе сего изданіе, предполагаемое въ Москвѣ, состояло бы изъ двухъ существенныхъ отдѣловъ, политическаго и литературнаго.

„Главная сила изданія будетъ заключаться въ журналѣ, который, смотря по способамъ и по хозяйственнымъ соображеніямъ редакціи, выходилъ бы книжкою еженедѣльно, или ежемѣсячно, или два раза въ мѣсяцъ, подъ заглавіемъ *Русскій Лѣтописецъ*.

„Но для успѣха изданія, въ настоящее время, необходимо, чтобы текущія извѣстія сообщались ежедневно. А потому при журналѣ предполагается Листокъ, въ которомъ бы немедленно, по полученіи, печатались правительственныя постановленія и распоряженія, извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и событіяхъ въ политическомъ мірѣ, краткія замѣтки, литературныя и городскія новости, объявленія о выходѣ книгъ

и т. п. Листокъ этотъ носилъ бы названіе *Текущихъ Извѣстій Русскаго Лѣтописца.* Безъ такого ежедневнаго сообщенія извѣстій, ожидаемыхъ всѣми съ живымъ нетерпѣніемъ и участіемъ, вновь начинаемое изданіе не будетъ поддерживаться въ настоящее время.

„Въ текстѣ журнала предполагается помѣщать связный лѣтописный обзоръ правительственныхъ постановленій и распоряженій, какъ то ведется въ одномъ изъ нынѣ издаваемыхъ журналовъ именно въ „Отечественныхъ Запискахъ". Къ обзору правительственныхъ мѣръ примыкаетъ связная лѣтопись политическихъ событій, военныхъ дѣйствій и всего того, о чемъ ежедневно, но отрывочно, съ неизбѣжными неточностями, извѣщаютъ газеты. Редакція будетъ вносить въ свою лѣтопись лишь то, что въ этомъ отношеніи уже было обнародовано нашими ежедневными Листками, но избѣгая всякихъ сужденій, придастъ этимъ извѣстіямъ связность лѣтописнаго повѣствованія.

„Что же касается до патріотическихъ чувствованій и мыслей, возбуждаемыхъ текущими событіями, то онѣ могутъ быть излагаемы въ особыхъ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ. Подобнаго содержанія статьи будутъ, въ случаѣ надобности, подвергаться особой правительственной цензурѣ. Тонъ этихъ статей долженъ отличаться достоинствомъ и благородствомъ. Редакція должна блюсти, чтобы при всей живости патріотическаго одушевленія, въ выраженіи его не было ничего излишняго и неприличнаго. Искренность убѣжденія должна составлять главное достоинство подобныхъ статей. По своему назначенію, какъ выраженіе чувства частныхъ лицъ, онѣ могутъ быть умѣстны только въ неоффиціальномъ изданіи, и вообще не должны носить оффиціальнаго характера.

„Литературный составъ журнала долженъ заключать въ себѣ всѣ необходимыя части литературнаго изданія: статьи по части наукъ, искусствъ, промышленности и т. д., произведенія изящной словесности, критику и библіографію, обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ, корреспонденцію, разнаго рода замѣтки, смѣсь.

„Здѣсь открывается для редакціи обширное поприще служить средствомъ къ распространенію здравыхъ понятій и полезныхъ свѣдѣній, содѣйствовать очищенію и образованію вкуса, плодотворному направленію дарованій.

„Въ статьяхъ ученаго содержанія цѣль журнала—служить посредствомъ между наукою и обществомъ. Московскій университетъ, какъ одно изъ главныхъ средоточій русскаго

просвѣщенія, пріобрѣтетъ новый путь для своего благотворнаго вліянія. Нижеподписавшійся увѣренъ въ постоянномъ сотрудничествѣ прежнихъ товарищей своихъ, преподавателей университета. *Русскій Лѣтописецъ* вызвалъ бы много даровитыхъ, дѣльныхъ и полезныхъ трудовъ, которые нынѣ или вовсе не предпринимаются или не выходятъ въ свѣтъ по недостатку способовъ для обнародованія, или же выходятъ съ большими усиліями и значительною тратою времени. Доказательствомъ ученой производительности и потребности высказываться служитъ множество сборниковъ, выходящихъ въ Москвѣ. Не дѣлаясь излишними, какъ изданія спеціальныя, они при новомъ журналѣ уже не были бы единственнымъ средствомъ къ выпуску статей, назначаемыхъ для болѣе обширнаго круга читателей и не достигающихъ этого назначенія въ спеціальныхъ сборникахъ.

„Одна изъ существенныхъ задачъ ученыхъ статей должна состоять въ томъ, чтобы, на основаніи или по поводу важнѣйшихъ, появляющихся сочиненій по извѣстной части, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, излагать въ общедоступной формѣ предметы науки и знакомить при томъ съ ея современною литературою. Спеціальный знатокъ дѣла не будетъ ослѣпленъ блескомъ новаго воззрѣнія, но сохранитъ независимость своей мысли. Зрѣлый и опытный умъ сумѣетъ отличить существенное отъ парадоксальнаго; сличая многое и восполняя одно другимъ, пролагая свои пути, онъ можетъ подобными статьями и для себя прояснять начала будущихъ обширнѣйшихъ трудовъ, и вызывать другихъ на подобные самостоятельные труды, которыми упрочивается независимое отъ разныхъ чуждыхъ вліяній положеніе нашей науки и нашей мысли.

„Подобныя статьи, заключая въ себѣ болѣе или менѣе критическій элементъ, служатъ естественнымъ переходомъ къ статьямъ собственно критическимъ.

„Критика въ настоящее время, должно признаться, есть одна изъ слабыхъ сторонъ нашей литературы. На эту сторону будетъ обращено бдительное вниманіе редакціи. Она не потерпитъ, чтобы люди, едва знакомые съ предметомъ, брались за оцѣнку умственныхъ трудовъ. Оскорбительно видѣть сочиненіе, плодъ долговременныхъ, добросовѣстныхъ изслѣдованій, подъ ферулою верхогляда, не приготовленнаго даже и къ тому, чтобы съ толкомъ и пользою для себя прочесть сочиненіе, о которомъ судитъ какъ знатокъ подъ прикрытіемъ безъименности. Внѣшнимъ ручательствомъ за добросовѣстность критической статьи служитъ имя ея автора,

которое непремѣнно должно стоять подъ нею. Никто не посмѣетъ открыто выступать предъ публикою съ опрометчивымъ сужденіемъ. Вообще въ критическихъ статьяхъ должно господствовать доброжелательство, въ нихъ должна быть соблюдаема величайшая осторожность, и, безпощадно преслѣдуя ложное направленіе, критикъ долженъ всячески щадить дарованіе, такъ чтобы въ самомъ осужденіи находило оно себѣ опору и побужденіе къ лучшему труду. Лучше лишнее доброе слово, чѣмъ лишняя укоризна.

„Отъ произведеній изящной словесности редакція будетъ требовать, чтобы они не даромъ носили названіе изящныхъ. Журналъ не можетъ создавать таланты, но можетъ вызывать ихъ и давать имъ направленіе. Въ глазахъ редакціи наружный блескъ никогда не замѣнитъ внутренняго достоинства. Воображеніе должно быть согрѣваемо нравственнымъ чувствомъ. Мелкій, пустой и раздражительный анализъ, дагерротипное копированіе ежедневныхъ явленій, безъ глубины опыта, безъ животворной мысли, тщеславное фразерство безъ убѣжденія, безъ сердца, все подобное по возможности не только не будетъ допускаемо на страницы *Русскаго Лѣтописца*, но и будетъ вообще преслѣдуемо въ литературѣ. Не всякому виденъ трудъ редактора, и только тотъ, кто смотритъ глубже, пойметъ, какъ велика его обязанность и какъ много можетъ зависѣть отъ него и направленіе, и форма произведенія. Цензоръ исключаетъ, что̀ находитъ противнымъ уставу; редакторъ можетъ болѣе—онъ можетъ дѣйствовать положительно на самые источники произведенія.

„Редакція будетъ заботиться, чтобы изданіе ея состояло по преимуществу изъ произведеній оригинальныхъ; но этой цѣли можетъ она достигнуть не вдругъ и лишь при постепенномъ успленіи своихъ средствъ. Во всякомъ случаѣ редакція не можетъ пренебрегать достойнѣйшими произведеніями, какія могутъ представиться въ иностранныхъ литературахъ, и будетъ усвоять ихъ нашей словесности. Смотря по достоинству и объему ихъ и соображаясь со своими средствами, редакція будетъ или помѣщать ихъ въ текстѣ журнала, или выпускать особыми къ нему приложеніями.

„Библіографическую лѣтопись предполагается вести со всевозможною полнотою, но подвергаться особымъ рецензіямъ будутъ только замѣчательнѣйшія явленія.

„Редакція приметъ всѣ мѣры, сколько позволятъ то ея средства, чтобы во всѣхъ значительнѣйшихъ мѣстностяхъ нашего отечества имѣть своихъ корреспондентовъ и отли-

чать въ своемъ изданіи, Листкѣ или журналѣ, все замѣчательное, что̀ представитъ русская жизнь.

„Обозрѣнія разнаго рода, очерки, замѣтки, мѣстныя хроники и другія мелкія статьи, обнимаемыя общимъ названіемъ смѣси, не требуютъ особыхъ объясненій.

„Повергая на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства проектъ замышленнаго мною изданія, осмѣливаюсь надѣяться, что онъ будетъ принятъ вами благосклонно. Поприще этой дѣятельности не было произвольно избрано мною; меня вывело на него стеченіе обстоятельствъ, въ которомъ я вижу нѣкоторое для себя указаніе. И малыя силы, одушевляемыя чувствомъ призванія, могутъ сдѣлать много. Вы признали полезною дѣятельность мою по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*; смѣю думать, что труды мои могутъ быть гораздо полезнѣе, получивъ большій объемъ при управленіи изданіемъ по представленной программѣ, изданіемъ, которое должно находиться въ полномъ моемъ распоряженіи. Говорить болѣе о самомъ себѣ считаю неприличнымъ. Одно только могу сказать въ заключеніе, что чувствую всю важность своего призванія, никогда не измѣню своему долгу, и въ своемъ служеніи усердно буду дѣйствовать какъ слѣдуетъ искреннему христіанину, вѣрноподданному и Русскому, глубоко убѣжденному въ величіи судебъ своего отечества".

II.

Въ дополненіе къ этой запискѣ Михаилъ Никифоровичъ представилъ другую краткую, гдѣ резюмируетъ и планы предполагаемаго изданія и указываетъ, что изданіе это не можетъ нанести ущерба *Московскимъ Вѣдомостямъ*, и даже принесетъ пользу. „Листокъ подъ наименованіемъ „*Текущія Извѣстія Русскаго Лѣтописца*", предполагавшійся ежедневнымъ, могъ бы, говоритъ Михаилъ Никифоровичъ, служить дополненіемъ не одному *Русскому Лѣтописцу*, но и *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Онъ получался бы за извѣстную плату только желающими подписчиками журнала и *Московскихъ Вѣдомостей*. Представлю, продолжаетъ онъ, сколь можно яснѣе и отчетливѣе пользу отъ того для *Московскихъ Вѣдомостей*. *Московскія Вѣдомости* выходятъ три раза въ недѣлю по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ 9 часовъ утра. Возьму для примѣра нумеръ этой газеты, выходящій въ

субботу. Въ суботнемъ № могутъ быть помѣщены лишь тѣ извѣстія, которыя обнародованы въ Петербургѣ въ четвергъ и принесены въ Москву Петербургскими газетами въ пятницу. Но въ самый день выхода „Московскихъ Вѣдомостей“ въ субботу вновь приходятъ Петербургскія газеты съ извѣстіями, подобными обнародованнымъ въ Петербургѣ въ пятницу. Предполагаемый Листокъ, выходя ежедневно, но не утромъ, а пополудни отъ 4—6 часовъ, содержалъ бы въ себѣ новѣйшія извѣстія и, разсылаясь немедленно подписчикамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, служилъ бы для нихъ самымъ полезнымъ дополненіемъ“.

Въ приложенной къ прошенію программѣ указывался порядокъ изданія *Лѣтописца* и *Текущихъ Извѣстій*.

Прошеніе, программа и записки Михаила Никифоровича были препровождены министромъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа на заключеніе. Къ оффиціальной бумагѣ присоединено было конфиденціальное письмо. Письмо было по отношенію лично къ Михаилу Никифоровичу весьма благопріятно. „Какъ по прежней службѣ г. Каткова, писалъ министръ къ попечителю, въ составѣ ученаго сословія Императорскаго Московскаго университета, такъ и по нынѣшнимъ его занятіямъ при управленіи редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*, вамъ, милостивый государь, вполнѣ извѣстны ученые и литературные его труды, а также степень довѣрія, заслуженнаго имъ, по образу мыслей. Г. Катковъ и мнѣ лично извѣстенъ съ весьма хорошей стороны по своимъ способностямъ; сверхъ того, я имѣю въ виду лестный отзывъ статсъ-секретаря графа Блудова“. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ высказывалъ опасеніе, не понесли бы ущерба *Московскія Вѣдомости* отъ появленія новаго изданія и отъ раздѣленія труда редактора. Министръ просилъ попечителя „потребовать отъ г. Каткова объясненія, какія удостовѣренія можетъ онъ представить въ томъ, что, въ случаѣ исходатайствованія Высочайшаго соизволенія на предполагаемый имъ журналъ, *Московскія Вѣдомости* отъ него не потерпятъ ни по имѣющему возникнуть соперничеству съ новымъ изданіемъ, ни по необходимому раздѣленію труда редактора“.

Попечитель передалъ дѣло на разсмотрѣніе Московскаго цензурнаго комитета, который въ свою очередь отнесся въ правленіе университета, испрашивая его заключенія.

Какъ заключеніе правленія, такъ и послѣдовавшее за тѣмъ письмо попечителя отъ 31 іюля 1855 года были вполнѣ неблагопріятны для ходатайства Михаила Никифоровича.

Правленіе, въ бумагѣ отъ 14 іюля 1855 года, указывало, что основаніе *Полицейскихъ Вѣдомостей* уже нанесло ущербъ университетской газетѣ.

„Если Московскій университетъ, продолжаетъ правленіе, лишится еще исключительнаго права своего на печатаніе въ Москвѣ всѣхъ постановленій и распоряженій правительства, равно какъ и политическихъ извѣстій, права, составляющаго его столѣтнюю привилегію, и уступитъ его въ частныя руки,—тогда закроется для университета и другой источникъ его доходовъ. Усиленные труды редактора „Вѣдомостей“, вызванные обстоятельствами времени, и нѣкоторыя улучшенія въ изданіи ихъ, были признаны начальствомъ и щедро вознаграждены въ лицѣ нынѣшняго редактора. Ни одинъ изъ редакторовъ „Вѣдомостей“ университета никогда не пользовался такими выгодами, преимуществами и средствами, какія дарованы были г. Каткову. Но это вознагражденіе, конечно, не можетъ простираться до того, чтобы университетъ подѣлился съ редакторомъ своимъ правомъ издавать политическую газету“...

Относительно вопроса цензурнаго комитета, можетъ ли быть допущено соединеніе въ одномъ лицѣ занятій по редакціямъ двухъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ одно принадлежитъ казенному мѣсту, а другое было бы частною собственностію самаго издателя, правленіе отвѣчало слѣдующее:

„Замѣчаніе комитета касательно трудности соединить въ одномъ лицѣ редактора газеты, составляющей собственность университета, и редактора газеты, составляющей его собственность личную, такъ справедливо, что члены правленія недоумѣваютъ о томъ, какъ самъ г. Катковъ рѣшается поставить себя въ такое затруднительное положеніе,

въ которомъ онъ невольно долженъ будетъ или жертвовать личными своими выгодами пользѣ общественной университета, или обратно: приносить въ жертву сію послѣднюю своей собственной газетѣ; чего, конечно, онъ не захочетъ...

„Что касается до журнала учено-литературнаго, предполагаемаго г. Катковымъ, то это предпріятіе не можетъ имѣть никакого столкновенія съ „Московскими Вѣдомостями".

„Трудно повѣрить, однако, чтобы, при множествѣ занятій, сопряженныхъ съ изданіемъ „Вѣдомостей" и съ возможнымъ и постояннымъ ихъ улучшеніемъ, достало у него времени и силъ на подъемъ журнала новаго, съ такою разнообразною и обширною программою. Это предпріятіе, конечно, можетъ нанести вредъ существенный успѣшному движенію нашей газеты, по скольку оно зависитъ отъ лица редактора. Члены правленія, какъ прислушиваясь къ сужденіямъ читателей, такъ и сами лично, замѣчаютъ, что въ послѣднее время *Московскія Вѣдомости* не обнаруживали уже такого живаго и современнаго движенія въ статьяхъ своихъ, какое замѣтно въ нихъ было прежде"...

Попечитель въ свою очередь писалъ министру (31 іюля 1855 года):

„На письмо вашего превосходительства, которымъ вы изволите поручать особому моему вниманію просьбу редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, коллежскаго совѣтника Каткова, о дозволеніи ему издавать въ Москвѣ періодическое изданіе подъ заглавіемъ *Русскій Лѣтописецъ* вмѣстѣ съ ежедневной газетой текущихъ извѣстій, по представленной имъ къ вамъ программѣ, имѣю честь увѣдомить, что, отдавая полную справедливость отличнымъ способностямъ г. Каткова для подобнаго рода предпріятій и допуская безпрекословно всю пользу, какую задуманное изданіе могло бы принести читающей публикѣ, я весьма охотно готовъ былъ бы сдѣлать угодное графу Дмитрію Николаевичу оказаніемъ моего содѣйствія къ удовлетворенію просьбы Каткова. Но, какъ попечитель Московскаго учебнаго округа, дорожа выгодами и пользами подвѣдомственнаго мнѣ Московскаго Университета, не могу не признать справедливости мнѣнія

по этому дѣлу университетскаго правленія и заключенія цензурнаго комитета, изложенныхъ въ донесеніи управляющаго нынѣ округомъ помощника моего, статскаго совѣтника Зиновьева, которое вы получите вмѣстѣ съ этимъ моимъ письмомъ. Остаюсь въ увѣренности, что, принявъ во вниманіе представляемыя помощникомъ моимъ объясненія правленія университета, и ваше превосходительство изволите признать просьбу Каткова не подлежащею удовлетворенію въ настоящемъ ея видѣ. Одно только, что́ я еще могъ бы съ своей стороны допустить нѣкоторымъ образомъ изъ программы Каткова—это изданіе предполагаемаго имъ журнала, безъ ежедневнаго Листка текущихъ извѣстій, и то не въ томъ видѣ, какъ онъ предполагаетъ, но съ ограниченіемъ программы журнала однимъ только учено-литературнымъ отдѣломъ. Что же касается до того, не будетъ ли это изданіе мѣшать многосложнымъ занятіямъ г. Каткова по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ ущербъ этой газетѣ, то вопросъ этотъ я предоставляю на собственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашего превосходительства, такъ какъ съ своей стороны положительнаго по сему предмету я ничего сказать не могу, не зная навѣрное, достанетъ ли у Каткова времени и силъ, чтобы съ успѣхомъ вести то и другое изданіе; въ чемъ, впрочемъ, крайне сомнѣваюсь".

Дѣло приняло было неблагопріятный оборотъ. Въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія заготовлена была уже бумага, которою попечителю поручалось: „приказать объявить г. Каткову, что дозволенія на испрашиваемое имъ новое періодическое изданіе дано ему быть не можетъ". Отказъ, однако, не былъ подписанъ министромъ. Министръ въ то время сбирался въ Москву для осмотра Московскаго учебнаго округа и, надо думать, отложилъ рѣшеніе до личнаго объясненія съ Михаиломъ Никифоровичемъ. На такое рѣшеніе министра имѣло, несомнѣнно, мнѣніе его товарища, князя Петра Андреевича Вяземскаго. Въ документахъ сохранилась набросанная имъ, его оригинальнымъ почеркомъ, замѣтка слѣдующаго содержанія: „не угодно ли будетъ г. министру взять эти бумаги съ собою въ Москву,

ибо нѣтъ сомнѣнія, что о нихъ будетъ рѣчь въ Москвѣ, и г. Катковъ явится просителемъ. Можетъ быть, на мѣстѣ и въ личномъ сношеніи легче будетъ оцѣнить, разсудить и рѣшить это обстоятельство. Признаюсь съ своей стороны, хотя и нахожу *отчасти* опасенія университета заслуживающими вниманія, но не менѣе того нахожу справедливымъ и для общей пользы желательнымъ, чтобы оказано было и г. Каткову возможное удовлетвореніе по просьбѣ его“ [1]). Въ Москвѣ 7-го сентября 1855 г. Михаилъ Никифоровичъ подалъ министру докладную записку, въ которой просилъ раздѣлить двѣ части его ходатайства и рѣшить вопросъ о журналѣ независимо отъ вопроса объ ежедневномъ Листкѣ. Для большаго упрощенія дѣла онъ просилъ лишь о разрѣшеніи возобновить въ Москвѣ недавно прекратившійся журналъ *Сынъ Отечества*, съ его программою и съ правомъ еженедѣльнаго изданія, какимъ первоначально былъ этотъ журналъ. Михаилъ Никифоровичъ просилъ только измѣнить названіе, такъ какъ *Сынъ Отечества* при послѣдней редакціи потерялъ довѣріе публики и при сохраненіи названія могли бы

---

[1]) На другомъ листѣ князь Вяземскій дѣлалъ слѣдующее предложеніе: „Для соглашенія противоположныхъ мнѣній, писалъ онъ, и примиренія противоположныхъ интересовъ, а равно и для общей пользы, какъ университета, такъ и публики, всего, кажется, лучше было бы обратить нынѣ въ формѣ своей нѣсколько устарѣвшія *Московскія Вѣдомости* въ ежедневную газету, на что́ отчасти соглашается и самъ университетъ. При такомъ преобразованіи должно бы, разумѣется, возвысить содержаніе редактора, опредѣливъ ему *столько-то процентовъ* съ суммы, вырученной отъ подписчиковъ.

„Московскій университетъ имѣетъ всѣ средства возвысить и упрочить ученое и литературное достоинство подобной газеты, которая несомнѣнно сдѣлалась бы лучшею русскою газетой. Соучастниками и сотрудниками въ изданіи могли бы быть многіе члены его, коихъ труды были бы соразмѣрно вознаграждены.

„Для избѣжанія лишнихъ расходовъ по типографіи можно бы оставить *объявленія* и тому подобныя статьи, въ прежнемъ видѣ, то есть издавать эти прибавленія не ежедневно.

„Предварительно можно было бы, на основаніи этихъ предположеній, войти въ сношеніе съ Московскимъ университетомъ и г. Катковымъ и потребовать ихъ мнѣній“.

возникнуть какія-нибудь притязанія со стороны прежнихъ владѣльцевъ. „Я желалъ бы, говорилъ Михаилъ Никифоровичъ, удержать избранное мною названіе *Русскаго Лѣтописца*, что же касается до вопроса, удобно ли совмѣстить въ однѣхъ рукахъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* съ другимъ изданіемъ, то смѣю думать, что обстоятельство это не будетъ препятствіемъ въ моемъ исканіи. Этотъ вопросъ рѣшать не мнѣ, и сколь ни дорого цѣню я преимущества и выгоды, сопряженныя съ настоящимъ моимъ положеніемъ, я безспорно откажусь отъ нихъ, если признано будетъ почему-либо невыгоднымъ для университета оставить за мною редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* при другомъ изданіи".

III.

Къ запискѣ, писанной рукою Михаила Никифоровича, было имъ приложено слѣдующее подробное и весьма любопытное опроверженіе на отзывъ правленія университета, которое приводимъ вполнѣ.

„Начальство Московскаго университета находитъ, что я, какъ редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*, не имѣю права испрашивать себѣ разрѣшенія издавать журналъ: оно полагаетъ, что *Московскія Вѣдомости* пострадаютъ, если редакція ихъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ съ редакціею другаго изданія. Сколько мнѣ извѣстно, проектъ мой подалъ поводъ здѣсь къ нѣкоторымъ неблагопріятнымъ обо мнѣ заключеніямъ. Находятъ страннымъ, что я, вмѣсто того, чтобъ заботиться объ улучшеніи *Московскихъ Вѣдомостей*, ходатайствую о правѣ издавать свой журналъ; удивляются, что я не испрашивалъ того для *Московскихъ Вѣдомостей*, что находилъ нужнымъ внести въ проектъ своего изданія.

„Считаю своимъ долгомъ оправдать себя и представить дѣло въ истинномъ свѣтѣ. Дѣятельность редактора открыта и подлежитъ общей оцѣнкѣ. Въ какой мѣрѣ удалось мнѣ содѣйствовать улучшенію *Московскихъ Вѣдомостей* — судить не мнѣ. Могу сослаться только на отзывы начальства и публики, на увеличеніе числа подписчиковъ, возраставшаго съ каждымъ годомъ моей редакціи, не смотря на троекратное возвышеніе подписной цѣны, и достигшаго въ текущемъ году до 15,000, приняты же мною были *Москов-*

скія Вѣдомости только при 7,000 подписчиковъ. Но каковъ бы ни былъ успѣхъ моихъ трудовъ, я по крайней мѣрѣ съ чистою совѣстію могу сказать, что трудовъ не щадилъ. Долгое время я боролся съ величайшими трудностями, долженъ былъ нести на себѣ всю черную работу изданія и проводить ночи у типографскихъ станковъ. Съ расширеніемъ размѣровъ изданія требовалось увеличеніе и средствъ его: средства остались безъ измѣненія, то же число наборщиковъ, почти то же количество типографскихъ матеріаловъ, а газета отъ полутора и двухъ листовъ достигла, кромѣ объявленій, до трехъ съ половиною и четырехъ; газета получила литературный отдѣлъ, который сталъ существенною и постоянною ея частью. Послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій, мнѣ удалось организовать редакцію, такъ что, при прежнихъ средствахъ, изданіе идетъ правильнымъ порядкомъ, улучшаясь по возможности съ каждымъ годомъ въ своемъ внутреннемъ составѣ.

„Но не будучи хозяиномъ изданія, я могъ заботиться объ улучшеніи его только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* поставлена въ условія самыя неблагопріятныя. Она ничего не можетъ предпринять для расширенія способовъ изданія. Незначительнѣйшій проектъ ея долженъ проходить столько инстанцій и подвергаться столькимъ затрудненіямъ, что и самое горячее усердіе впадетъ въ уныніе. При томъ редакція находится въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ управленіемъ типографіи. Отъ редакціи непосредственно зависитъ только внутренній составъ „Вѣдомостей“, хозяйственная же сторона изданія, равно какъ и доставленіе его подписчикамъ, подлежитъ завѣдыванію конторы типографіи. Но публика этого не знаетъ и не хочетъ знать, и всю отвѣтственность возлагаетъ на одного редактора. Я получалъ и безпрестанно получаю множество писемъ, наполненныхъ жалобами, обвиненіями и нерѣдко оскорбительными укоризнами по поводу дурной печати, возвышенія подписной цѣны и неправильнаго доставленія или даже просто недоставленія „Вѣдомостей“. Редакція не можетъ выписать какое-либо нужное ей изданіе, если на то потребуется лишній рубль противъ суммы, ассигнованной на этотъ предметъ; безъ особенныхъ ходатайствъ, нерѣдко безуспѣшныхъ, она не можетъ тиснуть для автора статьи, помѣщенной въ „Вѣдомостяхъ“, особыхъ экземпляровъ ея; при безпредѣльно возрастающей матеріальной цѣнности литературныхъ произведеній, она не можетъ выйти изъ своего скуднаго бюджета, чтобъ возна-

градить прилично автора какой-либо статьи, которая, по сужденію редакціи могла бы придать интересъ ея изданію.

„Въ прошедшемъ году, когда г. министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе, чтобъ я остался при редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, я, нераздѣльно съ ходатайствомъ объ улучшеніи собственнаго моего положенія, находившагося дотолѣ въ крайней неопредѣленности, просилъ объ увеличеніи суммы, назначенной на плату за литературные труды, помѣщаемые въ „Вѣдомостяхъ". Г. министръ нашелъ доводы мои основательными и предложилъ университетскому начальству войти къ нему объ этомъ съ особымъ представленіемъ. Повидимому дѣло было рѣшено, и однако жъ оно не кончено и доселѣ, почти черезъ полтора года.

„Меня упрекаютъ, зачѣмъ я просилъ о дозволеніи издавать ежедневный Листокъ — для себя, а не для университета. Но начальству университета было бы естественнѣе и прямѣе самому ходатайствовать. Еслибы я вздумалъ предупредить его, то отъ него же бы подвергся укору за вмѣшательство не въ свое дѣло. Къ тому же я имѣлъ основаніе быть увѣреннымъ, что подобное усиленіе типографской дѣятельности по изданію „Вѣдомостей" не желалось самимъ начальствомъ университета. Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ извѣстій съ театры войны, я, по общему обычаю, извѣстія, получаемыя по выходѣ нумера газеты, спѣшилъ печатать въ особыхъ прибавленіяхъ и разсылать подписчикамъ, а въ слѣдующемъ нумерѣ, помѣщая ихъ въ текстѣ газеты, объявлялъ о предварительной разсылкѣ ихъ особыми листками. Вскорѣ посыпались на меня рекламаціи: подписчики не получали этихъ листковъ: по справкѣ оказалось, что начальство типографіи запретило разноску особыхъ прибавленій находя это невыгоднымъ для типографіи. Такой урокъ долженъ былъ научить меня осторожности.

„Что касается до *Листка*, на который я испрашивалъ себѣ право, при изданіи предполагаемаго журнала, то, какъ подробно объяснено мною въ дополнительной докладной запискѣ, поданной г. министру народнаго просвѣщенія, Листокъ этотъ не имѣлъ бы значенія особой газеты. На полученіе его не было бы отдѣльной подписки, и получать его могли бы только подписчики журнала. Я предлагалъ также, еслибы это было угодно университетскому начальству, разсылать этотъ Листокъ желающимъ подписчикамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, такъ чтобъ онъ былъ дополненіемъ столько же этой газеты, сколько и новаго

журнала. Начальство университета не приняло этого предложенія и вообще не желаетъ, чтобы мнѣ было дозволено издавать *Листокъ*, находя, что онъ подорветъ *Московскія Вѣдомости*.

„Недоумѣваю, какимъ бы образомъ могъ этотъ Листокъ подорвать газету, имѣющую сто лѣтъ существованія, 15.000 подписчиковъ, удовлетворяющую, по своему содержанію, самымъ разнообразнымъ потребностямъ публики и пользующуюся весьма важною привилегіею относительно казенныхъ объявленій,—недоумѣваю тѣмъ болѣе, что Листокъ этотъ не былъ бы особымъ изданіемъ и служилъ бы только дополненіемъ журнала. Во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что такой взглядъ на дѣло не совсѣмъ основателенъ. Ни университетъ, ни какое-либо другое заведеніе не пользуется у насъ монополіею журналовъ и газетъ. „С.-Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“ имѣютъ одну и весьма существенную привилегію, въ силу которой всѣ казенныя мѣста должны печатать свои объявленія исключительно въ этихъ двухъ газетахъ. Но этой привилегіи мой Листокъ не касается. Я испрашиваю для него, и то съ большими ограниченіями, лишь только то, что̀ принадлежитъ всѣмъ газетамъ. Почему мой Листокъ можетъ угрожать университетской газетѣ, когда ей не страшно соперничество многихъ Петербургскихъ изданій, выходящихъ ежедневно и предупреждающихъ ее для самой Москвы сообщеніемъ извѣстій? Какое существенное различіе въ томъ, что „Московскія Вѣдомости“ выходятъ въ Москвѣ, а „С.-Петербургскія Вѣдом.“, „Русскій Инвалидъ“, „Сѣверная Пчела“ выходятъ въ Петербургѣ? Да и въ Москвѣ недавно издавался (Драшусовымъ) „Городской Листокъ“, и нынѣ издается „Полицейская газета“, программа которыхъ отчасти совпадаетъ съ программою моего Листка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ее.

„Если существованіе университетской типографіи не препятствуетъ существованію другихъ типографій въ Москвѣ, то почему же *Московскія Вѣдомости* должны быть препятствіемъ къ основанію въ Москвѣ другихъ изданій.

„Г. министръ, согласно съ цензурнымъ уставомъ, предписывающимъ, чтобы прошенія объ основаніи новыхъ изданій предварительно разсматривались въ цензурномъ комитетѣ, обратился съ запросомъ о моемъ проектѣ въ Московскій цензурный комитетъ, а не къ начальству университета. Еслибы при этомъ имѣлся въ виду вопросъ о соперничествѣ, то слѣдовало бы также спрашивать мнѣнія Академіи Наукъ, отъ которой издаются „С.-Петербургскія Вѣдомости“,

редакціи „Русскаго Инвалида“ и прочихъ выходящихъ у насъ изданій, которыя могли бы также протестовать противъ новаго изданія, могущаго вступить съ ними въ соперничество.

„Что же касается до неудобства, находимаго университетскимъ начальствомъ, относительно соединенія редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и новаго изданія въ моихъ рукахъ, то обстоятельство это отнюдь не можетъ служить препятствіемъ въ моемъ исканіи. Какъ ни дорого цѣню я преимущества, дарованныя мнѣ г. министромъ по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, я безропотно откажусь отъ нихъ какъ только приступлю къ новому изданію. Увольненіе меня отъ редакціи тѣмъ легче, что я нахожусь на службѣ въ званіи не редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, а чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ. Если г. министру угодно будетъ меня при себѣ оставить и возложить на меня другое порученіе, я приму это за особенную милость и ручаюсь за добросовѣстное и усердное исполненіе всякой обязанности, какая будетъ мнѣ по силамъ. Начальство же университета можетъ легко замѣнить меня, тѣмъ болѣе, что редакція при заведенномъ уже порядкѣ, можетъ быть продолжаема успѣшно безъ особенныхъ усилій. Еслибы не оказалось для меня при министерствѣ никакого другаго порученія для удержанія меня на службѣ, то я просилъ бы только дозволить мнѣ докончить изданіе „Вѣдомостей“ за текущій 1855 годъ, потому, что въ октябрѣ сего года истекаетъ срокъ моему старшинству на производство въ слѣдующій чинъ. Къ тому времени я успѣлъ бы перемѣститься въ другое вѣдомство. Но издавая журналъ, я продолжалъ бы, и можетъ быть, съ большею пользою, мое служеніе на томъ же самомъ поприщѣ, которому доселѣ посвящалъ свои труды.

„Въ случаѣ необходимости внести въ мою программу какія-либо измѣненія, я желалъ бы быть вызваннымъ на короткое время въ Петербургъ: безъ разрѣшенія же г. министра я пріѣхать не могу. Такъ я могъ бы ограничить мою программу относительно *Листка* и въ крайности отказался бы отъ него, чтобъ только спасти журналъ. Для ускоренія хода дѣла и во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ затрудненій, готовъ просить, вмѣсто дозволенія основать новый журналъ, право возобновить въ Москвѣ недавно прекратившійся *Сынъ Отечества*“.

IV.

15-го сентября 1855 года министръ писалъ изъ Ярославля своему товарищу, что по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла

онъ не находитъ препятствія къ исходатайствованію Каткову дозволенія издавать новый журналъ, но безъ предполагавшагося прежде ежедневнаго Листка. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ высказалъ, что считаетъ весьма затруднительнымъ и неудобоисполнимымъ, въ случаѣ дозволенія Каткову издавать журналъ, оставить его вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Потому онъ поручилъ попечителю Московскаго учебнаго округа войти въ соображенія и доложить ему, по возвращеніи въ Москву, на кого можетъ быть, въ случаѣ увольненія Каткова, возложено редактированіе *Московскихъ Вѣдомостей*. (По рекомендаціи Михаила Никифоровича, редакція Вѣдомостей была потомъ передана помощнику его, покойному Валентину Ѳедоровичу Коршу).

Дѣло, повидимому, уладилось. Начались, однако, новыя формальныя проволочки и затрудненія. Послѣдовалъ запросъ изъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, сколько листовъ въ годъ намѣренъ выпускать Михаилъ Никифоровичъ. Главное управленіе цензуры рѣшило, что новое изданіе можетъ выходить одинъ или два раза въ мѣсяцъ, но не болѣе (Михаилъ Никифоровичъ ходатайствовалъ о правѣ издавать журналъ, по своему усмотрѣнію, одинъ, два или *четыре* раза въ мѣсяцъ). Требовалось, чтобы предполагавшаяся въ журналѣ лѣтопись политическихъ событій и военныхъ дѣйствій, представляла собою, „безъ всякихъ разсужденій со стороны редакціи, лишь связный выборъ извѣстій сего рода изъ періодическихъ изданій въ Россіи выходящихъ“ [1]). Михаилъ Никифоровичъ

[1]) Главное управленіе цензуры указывало при этомъ на примѣръ другаго изданія. «Въ истекшемъ 1854 году издатели журнала *Современникъ*, гг. Панаевъ и Некрасовъ, просили объ исходатайствованіи имъ Высочайшаго разрѣшенія къ существующимъ въ семъ журналѣ отдѣламъ присоединить отдѣлъ извѣстій военныхъ и политическихъ. Главное управленіе цензуры въ засѣданіи 15 мая 1854 года, разсмотрѣвъ дѣло по сему предмету, признало неудобнымъ предоставить частнымъ лицамъ, не ознакомленнымъ со всѣми видами правительства касательно внѣшней государственной политики, право помѣщать постоянно въ издаваемомъ ими журналѣ собственныя свои разсуж-

отправился въ Петербургъ, подавалъ записку министру. „Я отказался, писалъ Михаилъ Никифоровичъ, отъ ежедневнаго Листка, въ которомъ видѣлъ пособіе для новаго литературнаго предпріятія. Я наконецъ изъявилъ готовность принести этому дѣлу для меня важную жертву—мѣсто мое при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, хотя и вполнѣ сознавалъ, что *Московскія Вѣдомости*, оставаясь подъ моею редакціею нисколько бы отъ того не потерпѣли. Послѣ такой жертвы я долженъ особенно дорожить всѣми условіями, которыя въ настоящее тяжелое время и при позднемъ разрѣшеніи изданія могутъ сколько-нибудь благопріятствовать новому изданію и способствовать успѣху моего труда". Михаилъ Никифоровичъ настаивалъ на правѣ еженедѣльнаго изданія. „Смѣю думать, говорилъ онъ, что если программа моя признана согласною съ видами правительства, и самъ я заслужилъ его довѣріе, то всѣ другія обстоятельства изданія могутъ имѣть важность только для редактора и для тѣхъ лицъ, которыя стали бы поддерживать его своими трудами и средствами". Разрѣшенія на еженедѣльность изданія, однако, не послѣдовало.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Михаилъ Никифоровичъ 21 октября 1855 года подалъ заявленіе въ канцелярію министра слѣдующаго содержанія: „при томъ измѣненіи, которое внесено въ программу предполагаемаго мною журнала, при разсмотрѣніи оной въ главномъ управленіи цензуры, я полагаю приличнѣйшимъ, вмѣсто прежняго названія *Русскій Лѣтописецъ* означить этотъ журналъ названіемъ *Русскій Вѣстникъ*".

Наконецъ составленъ былъ докладъ на Высочайшее

денія о вопросахъ столь важной и запутанной современной политики, тѣмъ болѣе, что подобныя разсужденія поставили бы и цензуру при разсматриваніи ихъ въ большое затрудненіе. Посему просьба издателей *Современника* о допущеніи въ этомъ журналѣ извѣстій политическихъ осталась безъ удовлетворенія. Впослѣдствіи, а именно въ 23 день іюня 1855 года по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, послѣдовало Высочайшее дозволеніе журналамъ: *Современнику* и *Отечественнымъ Запискамъ* въ продолженіи нынѣшней войны перепечатывать военныя извѣстія изъ *Русскаго Инвалида*.»

нимя о дозволеніи коллежскому совѣтнику Каткову издавать журналъ *Русскій Вѣстникъ* и посланъ въ Крымъ, гдѣ въ то время находился Государь. На докладѣ послѣдовала резолюція. Рукою Государя карандашемъ написано: „со—ъ“, то-есть „согласенъ“. Разрѣшеніе состоялось 31 октября 1855 года въ Бахчисараѣ. Представленный докладъ былъ подписанъ княземъ Вяземскимъ.

IV.

Немедленно по полученіи желаннаго разрѣшенія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано было обширное объявленіе „объ изданіи новаго журнала, учено-литературнаго и политическаго *Русскій Вѣстникъ* въ 1856 году“.

„Съ Высочайшаго разрѣшенія, сказано было въ объявленіи, предпринимается въ Москвѣ новое изданіе, подъ старымъ названіемъ „Русскаго Вѣстника“. Изданіе откроется съ 1-го января наступающаго года.

„Нижеподписавшійся высоко цѣнитъ дарованное ему право и чувствуетъ всю важность соединенной съ нимъ обязанности. Оставляя редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, находившуюся подъ его управленіемъ въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ посвятитъ нераздѣльно всѣ свои силы новому изданію, которое потребуетъ отъ него трудовъ обширнѣйшихъ, многосложныхъ и разнообразныхъ. Онъ не можетъ ручаться за успѣхъ, но смѣло ручается за добросовѣстность своего предпріятія, и смѣло обѣщаетъ, что „Русскій Вѣстникъ“ будетъ въ нашей литературѣ дѣятелемъ усерднымъ и честнымъ, съ твердыми и чистыми убѣжденіями, съ полною вѣрою въ важность своего назначенія, какъ общественнаго органа мысли и слова“.

Далѣе упоминалось, что сотрудниками издателя по трудамъ редакціи будутъ: Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ (нынѣ библіотекарь Румянцевскаго музея въ Москвѣ), Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ и Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, „имена, хорошо извѣстныя въ нашей наукѣ и литературѣ“.

Обращалось особое вниманіе, что новое изданіе „будучи журналомъ учено-литературнымъ, какъ и всѣ прочіе выходящіе у насъ журналы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе политическое, что придаетъ ему особенную важность въ настоящее время, когда всеобщее вниманіе обращено на событія политическія".

Изложеніе содержанія и характеръ различныхъ отдѣловъ журнала сдѣланы въ объявленіи въ томъ смыслѣ, какъ въ приведенной выше докладной запискѣ на имя министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, въ которой Михаилъ Никифоровичъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему изданія *Русскаго Лѣтописца*. Въ заключеніе объявленія помѣщенъ длинный рядъ сотрудниковъ будущаго журнала. Приведемъ этотъ во многихъ отношеніяхъ любопытный списокъ.

Д. Н. Абашевъ, С. Т. Аксаковъ, К. С. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ, П. В. Анненковъ, А. Н. Аѳанасьевъ, И. К. Бабстъ, П. И. Бартеневъ, Н. В. Безобразовъ, П. А. Безсоновъ, И. Н. Березинъ, К. Н. Бестужевъ, М. П. Бибиковъ, Н. М. Благовѣщенскій, В. М. Благовѣщенскій, А. П. Богдановъ, О. М. Бодянскій, Ѳ. И. Буслаевъ, И. В. Вернадскій, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, В. П. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, А. И. Георгіевскій, А. М. Гезенъ, Г. Ф. Головачевъ, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, М. А. Дмитріевъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, А. Н. Драшусовъ, А. В. Дружининъ, А. Н. Егуновъ, А. С. Ершовъ, А. П. Ефремовъ, С. В. Ешевскій, А. М. Жемчужниковъ, П. Е. Забѣлинъ, А. П. Зернинъ, К. Д. Кавелинъ, Н. П. Калиновскій, И. К. Калугинъ, М. Н. Капустинъ, В. С. Карелинъ, Д. И. Каченовскій, Н. Х. Кетчеръ, И. П. Корниловъ, В. Ѳ. Коршъ, А. Н. Костылевъ, М. Е. Кублицкій, И. И. Лажечниковъ, А. В. Лохвицкій, Н. А. Любимовъ, Н. Э. Лясковскій, Д. Н. Мейеръ, Н. А. Мельгуновъ, Ѳ. А. Мельгуновъ, А. И. Меньщиковъ, Д. А. Милютинъ, Г. Г. Минъ, Д. Г. Минъ, М. Л. Михайловъ, кн. Н. С. Назаровъ, Е. Нарская (псевд.), А. В. Никитенко, Н. П. Огаревъ, А. Н. Островскій, Н. Ф. Павловъ, П. В. Павловъ, Н. М. Пановскій, К. Н. Петриченко, П. Л. Пикулинъ, А. Ѳ. Писемскій, Я. П. Полонскій, С. П.

Полуденскій, А. Н. Поповъ, Н. А. Поповъ, А. А. Потѣхинъ, А. Н. Пыпинъ, Н. А. Рамазановъ, С. А. Рачинскій, К. Ф. Рулье, Н. С. Савельевъ, Н. М. Сатинъ, С. А. Смирновъ, С. М. Соловьевъ, А. В. Станкевичъ, М. И. Сухомлиновъ, В. В. Тарновскій, Н. С. Тихонравовъ, гр. А. К. Толстой, Л. Н. Т. (литеры, подъ которыми скрывается имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей, автора разсказовъ „Дѣтство“, „Отрочество“ и пр.), Евгенія Туръ (псевд.), И. С. Тургеневъ, Ѳ. В. Чижовъ, Б. Н. Чичеринъ, С. Д. Шестаковъ, М. С. Щепкинъ, Н. М. Щепкинъ, Е. М. Ѳеоктистовъ.

Сколько уже похищено смертью!

Большинство извѣстныхъ именъ списка можно было въ то же время встрѣтить въ числѣ сотрудниковъ *Современника*, *Отечественныхъ Записокъ*. Менѣе всего представленъ былъ славянофильскій кругъ. Встрѣчаемъ имя Аксаковыхъ, съ семействомъ которыхъ Михаилъ Никифоровичъ былъ близокъ. Имена Погодина, Шевырева отсутствуютъ.

Въ началѣ января 1856 года вышла первая книжка *Русскаго Вѣстника*. Изъ числа авторовъ статей, помѣщенныхъ—съ подписанными именами—въ первой книжкѣ журнала, нынѣ въ живыхъ: графиня Сальясъ (Евгенія Туръ), Ѳ. И. Буслаевъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. А. Поповъ, М. Н. Капустинъ, А. П. Богдановъ и пишущій эти строки.

„Современная Лѣтопись“ первой книжки начиналась небольшою передовою статьею, помѣченною 31 декабря и подписанною: М. Катковъ. „Наконецъ,—такими словами начинается статья,—совершилъ оборотъ свой этотъ грозный 1855 годъ! Сколько событій, сколько скорби, сколько стоновъ и крови уноситъ онъ съ собою! Будетъ онъ памятенъ въ лѣтописяхъ міра, и долго громъ его будетъ отзываться въ народахъ и царствахъ... Да благословитъ Провидѣніе нашу добрую землю, да благословитъ ея страданія и надежды! Да явитъ любовь свою въ ея испытаніяхъ! Въ продолженіе своего тысячелѣтняго существованія много уже страдала она, терпѣливо тая боль въ своемъ сердцѣ и не требуя мзды за свои жертвы. Да будутъ же нынѣ зачтены ея прежнія страданія

и жертвы, и да облегчатъ они для нея трудъ настоящаго испытанія".

Статья заключалась словами, въ которыхъ нынѣ можно видѣть исполненный уже обѣтъ:

„Съ чистою и искреннею любовію обращаемъ мы наши взоры къ Престолу. Все, что есть въ насъ силы и энтузіазма, все отдадимъ мы нашему Царственному Вождю; радостно и съ полною преданностію пойдемъ мы въ добрый путь подъ Его знаменемъ, пойдемъ съ полною вѣрою, что знамя Вождя нашего есть истинная честь, свѣтъ и благо нашей родины!"

V.

Когда основался „Русскій Вѣстникъ", было уже немало литературныхъ журналовъ, гдѣ участвовали почти тѣ же лица, какія объявлены сотрудниками новаго изданія. Особенность новаго журнала, на которую, какъ выше упомянули, прежде всего обращено вниманіе въ объявленіи, та, что журналъ этотъ, „будучи учено-литературнымъ, какъ и всѣ прочіе, выходящіе у насъ журналы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе политическое". Событія времени вызывали особенный интересъ къ сообщенію политическихъ новостей и сужденій. А сильно обозначившаяся уже потребность во внутреннихъ преобразованіяхъ, при участіи общественнаго мнѣнія и гласнаго обсужденія вопросовъ государственной важности, требовала внесенія въ умственный обиходъ общества цѣлой массы понятій политическаго свойства, представлявшихся въ самыхъ туманныхъ образахъ и сбивчивыхъ сочетаніяхъ. Политическому элементу не были чужды и другія изданія. Но элементъ этотъ, вслѣдствіе цензурныхъ условій предшествовавшаго продолжительнаго періода, помѣщался, главнымъ образомъ, между печатными строками и въ этомъ искусствѣ достигнута была, долгимъ упражненіемъ, значительная ловкость. Да и политическіе идеалы значительной доли писателей Герценовскаго, и вообще такъ называемаго западническаго направленія были

таковы, что явно въ строкахъ не могли бы явиться при самыхъ облегченныхъ цензурныхъ условіяхъ. Политическія ученія новаго журнала были совершенно чужды революціоннаго элемента и вполнѣ были соединимы съ преданностію престолу и вѣрностью присягѣ вѣрноподданнаго въ самомъ искреннемъ ея пониманіи.

Не вдругъ однако могъ издатель „Русскаго Вѣстника“ повести прямую политическую рѣчь. Да и его собственные взгляды воспитались постепенно. Философъ, сдѣлавшійся журналистомъ по случайному стеченію обстоятельствъ, принялъ въ управленіе свое „Московскія Вѣдомости“ въ ту эпоху, когда политическій отдѣлъ газеты предписано было наполнять исключительно перепечатками изъ Петербургскихъ изданій. Въ самомъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ участіе Михаила Никифоровича, кромѣ общаго редакціоннаго труда, въ первое время выразилось помѣщеніемъ статьи, чисто эстетическаго содержанія, о Пушкинѣ, оставшейся неоконченною. Политическое обозрѣніе составлялось нѣкоторыми изъ сотрудниковъ. Такъ продолжалось болѣе года. Михаилъ Никифоровичъ не былъ доволенъ этимъ отдѣломъ. Въ 1857 году онъ самъ сталъ принимать участіе въ этомъ отдѣлѣ, а съ 1858 года отдѣлъ этотъ совсѣмъ перешелъ въ его руки. При составленіи политическаго обозрѣнія естественно представлялась противоположность двухъ странъ, главнымъ образомъ привлекавшихъ на себя вниманіе образованнаго міра,—Франціи и Англіи. Всѣ симпатіи Михаила Никифоровича были на сторонѣ прочно сложившихся на твердомъ историческомъ основаніи учрежденій Англіи. Отсюда та „англоманія“, которая и понынѣ упоминается какъ характеристическая черта „Русскаго Вѣстника“ первой эпохи. Преобразованія чрезъ примѣненіе отвлеченныхъ доктринъ, такъ свойственныя революціонной Франціи, казались ему наиболѣе нежелательными для нашего отечества. Англійскую преданность монархіи и мѣстное самоуправленіе чрезъ землевладѣльцевъ онъ разсматривалъ какъ начала близко родственныя началамъ нашей исторической жизни.

О русскихъ дѣлахъ и русской политикѣ, внѣшней и внутренней, въ первую эпоху „Русскаго Вѣстника“ еще нельзя было говорить громко, какъ сдѣлалось возможнымъ впослѣдствіи на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ эту первую эпоху замѣчательнѣйшія статьи политическаго содержанія, предшественницы передовыхъ статей Московской газеты, были обращены не къ массѣ публики, а къ правительству, по поводу возникавшихъ цензурныхъ недоразумѣній. Находимъ возможнымъ извлечь нынѣ изъ подъ спуда двѣ такихъ статьи, сохранившіяся въ архивныхъ документахъ. Онѣ писаны и представлены были начальству по поводу нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ „Современной Лѣтописи“ журнала и вызвавшихъ оффиціальную переписку.

Замѣтимъ, что говоря о цензурныхъ недоразумѣніяхъ, мы не имѣемъ въ виду столкновеній издателя „Русскаго Вѣстника“ съ цензоромъ его журнала. Такихъ столкновеній не было. Первый цензоръ „Русскаго Вѣстника“ Н. Ѳ. фонъ-Крузе былъ цензоромъ новой эпохи, желавшимъ содѣйствовать свободѣ слова, а не стѣснять ее. Онъ ничего не вычеркивалъ изъ представленнаго, и редакція „Вѣстника“ была значительно болѣе строгимъ цензоромъ своего изданія, чѣмъ оффиціальный его цензоръ и выпускала многое изъ безпрепятственно пропущеннаго снисходительнымъ наблюдателемъ. Цензуровавшіе „Русскій Вѣстникъ“ послѣ Н. Ѳ. Крузе, А. Н. Драшусовъ и Н. П. Гиляровъ держались той же системы покровительства печатному слову. Цензурныя затрудненія исходили сверху, отъ главнаго управленія цензуры, нерѣдко присылавшаго выговоры цензорамъ и возбуждавшаго преслѣдованія за ту или другую статью. Цензурная строгость сосредоточивалась въ немъ, а не въ мѣстной Московской цензурѣ.

VI.

Лѣтомъ 1858 года возбуждено было дѣло по поводу помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№№ 4, 6 и 9) статей

подъ наименованіемъ „Турецкія дѣла“. Статьи были писаны Болгариномъ Даскаловымъ и подписаны буквою Д. Въ статьяхъ говорилось между прочимъ о печальномъ положеніи православной церкви въ Болгаріи и о дѣйствіяхъ греческаго духовенства въ Константинополѣ. Статьи написаны сдержанно, приводили факты. Безъ сомнѣнія, никто изъ читателей „Русскаго Вѣстника“ и не подумалъ, чтобы онѣ могли подать поводъ къ цензурному преслѣдованію. И однако случилось именно такъ. Министромъ просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго была тогда цензура, получено было въ іюнѣ 1858 года секретное отношеніе оберъ-прокурора Св. Синода слѣдующаго содержанія:

„Долгомъ почитаю сообщить вашему превосходительству о глубоко-горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на святѣйшаго патріарха Константинопольскаго и тамошній Синодъ статьями, допущенными Московскою цензурою въ духѣ самомъ враждебномъ противъ греческой церкви, какихъ никогда еще въ Россіи не появлялось.

„Статьи сіи помѣщены въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ (№№ 4, 6 и 9) и въ „*Русской Бесѣдѣ*“ (кн. 2), и о содержаніи ихъ прилагается здѣсь записка съ ссылками на страницы. Нельзя и представить себѣ, чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что это есть плодъ внушеній заграничной пропаганды. Съ перваго разу можно уже видѣть въ нихъ явное оскорбленіе главной іерархіи восточной православной церкви, и что онѣ нестолько ведутъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ Болгаръ (которое можно возбуждать и не оскорбляя іерархіи), сколько къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному греческому народу и къ Константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой, и чтобы дать новую пищу нашимъ раскольникамъ для порицанія церкви православной.

„Между тѣмъ при существованіи у насъ цензуры, появленіе подобныхъ статей приписывается иностранцами, и въ томъ числѣ Греками, разрѣшенію русскаго правительства и

даже Святѣйшаго Синода, какъ видно изъ писемъ, получаемыхъ изъ Константинополя, и потому, чтобы отвратить по возможности вредныя для нашей православной церкви послѣдствія отъ оскорбленія сими статьями вселенскаго патріаршаго престола, я, по порученію Святѣйшаго Синода, отнесся о томъ къ г. министру иностранныхъ дѣлъ, и имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить ваше, милостивый государь, законное на сіи статьи вниманіе".

Послѣ личныхъ объясненій съ министромъ просвѣщенія (Е. П. Ковалевскимъ), оберъ-прокуроръ Синода (графъ А. П. Толстой) препроводилъ къ нему отвѣтъ на статью Даскалова, для помѣщенія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ письмѣ, при которомъ прислана была статья, оберъ-прокуроръ выражался такъ:

„Мнѣ казалось бы справедливымъ и смягчающимъ, сколько возможно, сдѣланное на православныхъ читателей означенныхъ статей непріятное впечатлѣніе,—напечатать препровождаемый при семъ отвѣтъ Даскалову въ ближайшемъ нумерѣ „Русскаго Вѣстника", какъ перваго виновника соблазна, и въ ближайшихъ же нумерахъ „Московскихъ Вѣдомостей", ради множества читателей этой газеты.

„Если вамъ, милостивый государь, угодно будетъ изъявить согласіе на мое предложеніе, то имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, дабы „Русскому Вѣстнику" и „Московскимъ Вѣдомостямъ" вмѣнено было въ обязанность, при напечатаніи отвѣта Даскалову, не дѣлать на него никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ-нибудь ловкимъ намекомъ заранѣе предубѣдить противъ нихъ читателя".

Самой статьи, состоявшей изъ двухъ частей: отвѣта „*Русскому Вѣстнику*" и отвѣта „*Русской Бесѣдѣ*", не приводимъ, такъ какъ о содержаніи ея, на сколько она касается „*Русскаго Вѣстника*"—получимъ вполнѣ ясное представленіе изъ

подробнаго отвѣта Михаила Никифоровича, который приведемъ ниже.

Статейка была препровождена чрезъ Московскій цензурный комитетъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Михаилъ Никифоровичъ не принялъ статьи и возвратилъ ее обратно въ комитетъ при слѣдующемъ рѣзкомъ отзывѣ:

„Честь имѣю возвратить при семъ статью, доставленную для напечатанія въ редакцію *Русскаго Вѣстника* изъ цензурнаго комитета, при отношеніи отъ 18 сего іюля за № 8. Я не могу согласиться напечатать статью эту въ моемъ журналѣ, какъ по причинѣ способа, какимъ доставлена эта статья, такъ и по причинѣ того условія, съ какимъ, какъ видно изъ отношенія цензурнаго комитета, должно быть сопряжено помѣщеніе ея въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

„Я незнаю узаконенія, по которому цензурный комитетъ, до сихъ поръ только разрѣшавшій или запрещавшій печатаніе статей, можетъ приглашать редакцію печатать что-либо въ ея журналѣ. Еслибы такое узаконеніе существовало, то изданіе частныхъ журналовъ стало бы совершенною невозможностію. Что же касается до условія, „чтобы редакція не дѣлала никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ-нибудь ловкимъ намекомъ, заранѣе предупредить противъ нихъ читателя“,—то я полагаю, что эти строки вошли въ отношеніе по какому-нибудь недоразумѣнію, ибо никакъ не могу думать, чтобы съ какой-либо стороны могло быть поставлено человѣку, пользующемуся покровительствомъ законовъ, подобное, оскорбительное для его совѣсти и чести, условіе. Въ своемъ журналѣ я ничего не печатаю и по совѣсти ничего не могу печатать *невольно*. Что же сказать о томъ требованіи, которое, предполагая, что я буду печатать статью невольно, то есть, не соглашаясь съ нею, хочетъ, чтобы въ то же время я вводилъ публику въ заблужденіе, предлагая ей такую статью, какъ выраженіе собственныхъ мнѣній, и принимая за нее отвѣтственность, какъ за свое собственное произведеніе?

„Впрочемъ считаю не лишнимъ объяснить, что еслибы автору статьи было угодно обратиться частнымъ образомъ въ редакцію, то она, не *невольно*, а весьма *охотно* напечатала бы изъ нея все то, что относится къ дѣлу, откинувъ всѣ относящіяся къ нему разглагольствія, съ тѣмъ однако же, чтобы подъ статьею было подписано имя автора, а главное съ тѣмъ, чтобы редакціи дана была полная возможность возобновить рѣчь о предметѣ этой статьи и оспаривать изложенныя въ ней мнѣнія и показанія, съ которыми редакція имѣетъ основанія не соглашаться".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Михаилъ Никифоровичъ, въ отвѣтъ на требованіе цензурнаго комитета, представилъ обширное и поучительное объясненіе. Съ своей стороны представилъ объясненіе и цензоръ фонъ-Крузе. Попечитель Московскаго учебнаго округа, гофмейстеръ Бахметьевъ, предсѣдавшій въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ, представилъ свое объясненіе министру просвѣщенія, присоединивъ и свое мнѣніе, благопріятное и „Русскому Вѣстнику", и цензору.

„Не входя,— писалъ попечитель,— въ оцѣнку фактовъ, изложенныхъ въ статьяхъ „Русскаго Вѣстника" и „Русской Бесѣды" подъ заглавіями „Турецкія дѣла" и „Возрожденіе Болгаръ", по личному моему убѣжденію, признаю, что эти статьи написаны слишкомъ рѣзко и могутъ вооружить сильныхъ въ Константинополѣ фанаріотовъ противъ Болгаръ, находящихся подъ ихъ игомъ. Осторожность въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что большинство малообразованныхъ читателей весьма склонно переносить обвиненія съ недостойныхъ служителей церкви на самый ея принципъ, и что по положительнымъ даннымъ, извѣстнымъ вашему высокопревосходительству, латинская и протестантская пропаганды дѣйствуютъ не только сильнымъ политическимъ вліяніемъ, но и громадными денежными способами, простирающимися до девяти милліоновъ франковъ въ годъ, тогда какъ мы можемъ располагать самыми ничтожными средствами, и, возбудивъ мщеніе неистовыхъ фанаріотовъ, не имѣли бы достаточной силы для защиты несчастныхъ Болгаръ отъ ихъ преслѣдованій. Но устраняя личное мое

сочувствіе и заботливость къ охраненію Болгаръ отъ болѣе бѣдственнаго положенія при настоящихъ обстоятельствахъ и разсматривая статьи „Русскаго Вѣстника“ и „Русской Бесѣды“ по строгому лишь смыслу и правиламъ цензурнаго устава, я нахожу, что сіи статьи не касаются догматовъ православнаго ученія, а обнаруживаютъ злоупотребленія греческаго духовенства въ Константинополѣ, какъ это сильнымъ и великолѣпнымъ языкомъ объяснено въ запискѣ г. Каткова. Въ этомъ смыслѣ и при такомъ значеніи статьи, по моему мнѣнію, не могли не быть допущены къ печати и я не нахожу, чтобы цензоръ поступилъ противъ цензурныхъ правилъ“.

Самую записку Михаила Никифоровича приведемъ въ слѣдующей статьѣ.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Яромiръ и Предслава.

(Посвящается И. Н. Кашкарову).

Пѣснь первая.

I.

Мой другъ, я вновь бѣжалъ отъ свѣта и людей,
Ихъ праздной суетой и шумомъ утомленный,
Вновь ты сманилъ меня въ пріютъ уединенный
Подъ благодатный кровъ обители твоей.
Привѣтствую сей кровъ, издавна мнѣ знакомый,
Радушьемъ мирныхъ Ларъ; привѣтствую твой садъ,
И церковь сельскую, и хижинъ тѣсный рядъ,
И нивъ, и пажитей окрестныхъ черноземы.
Давно уже моей не властвуютъ душой
Себялюбивыя мечты и заблужденья;
Толпу я разлюбилъ,—и сладокъ мнѣ покой
Вдали житейскихъ смутъ, въ тиши уединенья.
Прими же мой привѣтъ и ты, хозяинъ-другъ,—
Колдунъ, воздвигнувшій ограды и ворота
Вкругъ замка своего, куда въ волшебный кругъ
Не смѣютъ заглянуть ни скука, ни забота;
Гдѣ сочеталися въ плѣнительный союзъ
И строгій трудъ, и лѣнь, и дѣло, и бездѣлье,
Бесѣды тихія, служенье вольныхъ Музъ,
Разумность, простота, свобода и веселье.
Къ тебѣ съ отрадою направилъ я свой путь,

Покинувъ чуждый край неволи и изгнанья,—
Отъ одиночества, отъ долгаго скитанья
Подъ сѣнью дружества хочу я отдохнуть.

Да и не я одинъ... Взгляни—сама природа,
Наскучивъ трепетомъ и блескомъ лѣтнихъ грозъ,
Остепенилася; ужь по утрамъ морозъ
Бѣлѣетъ на травѣ, спадаетъ листъ; погода
Стоитъ прохладная и ясная; съ полей
Давно ужь убрались, и табуны коней
На яркихъ озимяхъ пасутся молчаливо.
Недвижный кругъ равнинъ безлюденъ и широкъ;
Все никнетъ въ полуснѣ, лишь сѣрый ястребокъ
Лѣниво кружится надъ опустѣлой жнивой,
То припадетъ къ землѣ, то въ высь опять порхнетъ,
И машетъ крыльями, недвигаясь впередъ.

Люблю я блѣдный ликъ осенняго безстрастья
И этотъ ровный свѣтъ, разлитый по землѣ;
Онъ тихъ, какъ зрѣлыхъ думъ сіянье на челѣ,
Какъ созерцаніе безоблачнаго счастья.
Пусть юность пылкая плѣняется весной
И пестрой прелестью сверкающаго лѣта—
Я знаю цѣну имъ, улыбка ихъ привѣта
Меня не обольститъ обманчивой красой:
Какъ воды вешнія мои сбѣжали слезы,
Какъ бури лѣтнія мои промчались грезы,
И суету надеждъ, желаній и тревогъ
Смиряетъ ласковый, осенній холодокъ.
Онъ мысли не смутитъ, онъ страсти не взволнуетъ,
Онъ не обворожитъ и не разочаруетъ.

За то какой просторъ, какой полетъ мечтамъ!
Какъ внятно въ дремлющей тиши, средь увяданья
Звучатъ и вымыслы, и были, и преданья;
Какъ любо, притаясь, внимать ихъ голосамъ!
Октябрьскій свѣжій день молчитъ, и небо блѣдно,

И села замерли, и оголился лѣсъ;
А въ снахъ иная жизнь подъемлется побѣдно,
Полна событій, лицъ, и блеска, и чудесъ.
Бодрѣе дышетъ грудь; въ ней тайно пѣсня зрѣетъ,—
Созданье вольное воскреснувшей мечты;
Межъ тѣмъ какъ холодокъ осенній вѣетъ, вѣетъ
И молча падаютъ, да падаютъ листы.
И чѣмъ кругомъ покой безвучнѣй и блѣднѣе,
Чѣмъ непробудніе земли усталой сонъ,
Тѣмъ явственнѣй та жизнь, тѣмъ ярче, тѣмъ полнѣе
Ея волшебный міръ встаетъ со всѣхъ сторонъ—
Надежный, вѣчный міръ святаго вдохновенья:
Въ немъ нѣтъ утратъ, въ немъ нѣтъ измѣны и забвенья.
Въ завѣтной глубинѣ отъ чуждыхъ взоровъ скрытъ
Онъ весь и навсегда душѣ принадлежитъ;
Но раскрывается и озаряетъ очи
Лишь изрѣдка, какъ кладъ во тьмѣ купальской ночи.

И вотъ, мой другъ, къ тебѣ въ знакомый твой пріютъ
Вернулся я искать желаннаго прозрѣнья.
Подъ кровъ свой ты меня пріялъ—и дни текутъ,
И чую: близятся ужь звуки и видѣнья.
Еще нестройные и смутные, меня
Къ себѣ они влекутъ таинственною силой,
Какъ послѣ долгой тьмы желанный проблескъ дня,
Какъ ранній лучъ зари, какъ взглядъ и голосъ милой...
Ужь зыблются въ очахъ сквозь сумракъ и туманъ
Какихъ-то призраковъ воздушныхъ вереницы—
Весеннихъ лебедей прилетныя станицы—
Они несутъ съ собой напѣвы дальнихъ странъ;
Невѣдомыхъ тѣхъ странъ, которымъ нѣтъ названья,
Куда лишь знаютъ путь крылатыя мечтанья!

II.

Послушай—грезится мнѣ: въ дальней сторонѣ
Порой вечернею, въ шеломѣ и бронѣ,

Въ доспѣхахъ боевыхъ какой-то витязь знатный
Дубравой держитъ путь... Какъ лебедь бѣлый, статный,
О корни на ходу копытами стуча,
Храпитъ пугливо конь—и въ тишинѣ дремучей
Разносится кругомъ тотъ стукъ и храпъ могучій,
Да грозный звукъ въ ножнахъ звенящаго меча.
Въ лѣсу дороги нѣтъ, лишь кое-гдѣ средь чащи
Сквозь дебри цѣпкія по заросли и мхамъ
Бродячее звѣрьё къ берлогамъ и норамъ
Свой проложило слѣдъ случайный и скользящій,
Лишь воды раннія, струясь изъ подъ снѣговъ,
Въ чаду весенняго безумья и отваги,
Съ холмовъ свергался въ лощины и овраги,
Ступени и тропы прорыли межъ деревъ,
Но по стремнинамъ тѣмъ не слышались отъ вѣка
Ни топотъ конскихъ ногъ, ни поступь человѣка.

И вотъ впервые лѣсъ средь царства своего
Вдругъ видитъ всадника. Ревниво вкругъ него
Стволистою толпой тѣснятся, какъ живыя,
И ели старыя, и сосны вѣковыя,
Какъ будто хочется имъ кругъ предъ нимъ сомкнуть,
Чтобъ тьмою преградить завѣтный, тайный путь
Подъ своды влажные, въ мохнатые чертоги,
Гдѣ до сего лишь вепрь носился быстроногій,
Да сѣрый волкъ бродилъ, да ползала лиса,
Да птицъ непуганныхъ звучали голоса.
Но мѣрно конь впередъ ступаетъ—и въ смятеньи,
Заслышавъ новый шумъ, бѣжитъ въ трущобу волкъ,
И прячется лиса, и птичій хоръ умолкъ,
И разступаются въ беззвучномъ изумленьи
Кусты и дерева предъ страннымъ пришлецомъ;
А тотъ свой держитъ путь, послушливымъ конемъ
По кручамъ и холмамъ искусно управляя,
Межъ тѣмъ какъ гаснетъ день, и солнышко зашло,
И меркнетъ запада румяное чело,
Прощальнымъ заревомъ безмолвно озаряя

Сквозь дремлющій туманъ блѣднѣющихъ небесъ
Вершины зыбкія незыблемыхъ древесъ.

Но всадникъ на пути не веселъ. Гнѣвной думы
На молодомъ челѣ запечатлѣлся слѣдъ;
Въ движеньяхъ ни огня, ни гордой силы нѣтъ—
Поникнувъ головой, сердитый и угрюмый,
Бразды вращаетъ онъ привычною рукой;
А мысли далеко... Мятежный вздохъ порой
Въ груди спирается и взглядъ, какъ лучъ зарницы,
Зловѣщимъ пламенемъ сверкаетъ сквозь рѣсницы.
По утру отчій кровъ покинулъ онъ... Гонецъ
Нежданно прискакалъ съ недобрыми вѣстями:
Борьбу затѣялъ князь съ сосѣдями-врагами
И собираетъ рать; но витязя отецъ
Ужь старъ и немощенъ; не въ силахъ онъ дружину,
Какъ встарь, вести въ походъ—и, поручая сыну
Отрядъ надежныхъ слугъ, свой мечъ и свой шеломъ...
„Ступай“, сказалъ старикъ—„и стань въ отцово мѣсто
На службѣ княжеской“.—Съ блѣднѣющимъ лицомъ
Родительскій приказъ сынъ внемлетъ... А невѣста?
А радость близкая?!... Ужель не суждено
Свершиться страстному души его желанью?
Онъ красну-дѣвицу избралъ себѣ давно,
Онъ любитъ, онъ любимъ; готово все къ вѣнчанью;
Уже назначенъ день и вдругъ... Тяжелый мигъ!
Невѣсту, отчій домъ и счастье—все покинуть,
Идти въ походъ и тамъ, вдали, быть можетъ, сгинуть
Подъ вражеской пятой.... И прочиталъ старикъ
Тѣ думы мрачныя на блѣдномъ ликѣ сына,
И, подавляя скорбь, сказалъ: „твоя кручина
„Понятна мнѣ... Но долгъ и честь идти велятъ.
„Успѣемъ свадьбу мы сыграть, когда назадъ
„Вернешься живъ и здравъ... Судьба такъ хочетъ, видно
„До града стольнаго не близокъ путь... Пора.
„Не медли жъ и не плачь—не то, мнѣ будетъ стыдно.“
И вотъ ужъ всадники съѣзжаютъ со двора...

Полдневный зной гнететъ долины и дубравы.
Дружинникъ молодой въ главѣ безмолвныхъ слугъ,
Родной окрестности обозрѣвая кругъ,
Смиряетъ пылъ коня, а помыселъ лукавый
Ему недобрую нашептываетъ рѣчь,
То нѣжнымъ вѣткомъ ласкаясь, навѣвая
Желанья страстныя, то трепетно пугая
Мечтами ревности и страхомъ грозныхъ сѣчъ
Мѣста знакомыя въ короткій мигъ прощанья
Для взора жаднаго блуждающихъ очей
Являются стократъ знакомѣй и милѣй,
Чѣмъ въ медленные дни и годы пребыванья.
Вотъ, дремлющей рѣки заливъ и бережокъ,
Гдѣ часто въ дѣтства дни, усѣвшись на песокъ
Съ дрожащею въ рукѣ тяжелою удою,
Онъ утро проводилъ, въ молчаньи, надъ водою
Слѣдя за поплавкомъ, внимая, какъ вдали
Пастухъ дудѣлъ въ рожокъ, кричали журавли,
Какъ рыбица въ водѣ близъ берега играла,
Какъ гдѣ-то далеко кукушка куковала...
Вотъ мѣсто, гдѣ лихой наѣздникъ съ юныхъ дней,
Бывало, объѣзжалъ онъ бѣшеныхъ коней
И мчался безъ сѣдла и безъ стремянъ, по волѣ
На дикомъ скакунѣ, какъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ,
Пока, могучею уздою покоренъ,
Весь въ пѣнѣ, съ кровію налитыми ноздрями,
Пугливо поводя сердитыми очами,
Не становился конь послушенъ и смиренъ...
Вотъ чащею лѣсной поросшіе подъемы
На дальнемъ рубежѣ синѣющихъ холмовъ.
Осеннею порой, со стаей быстрыхъ псовъ
Любилъ онъ объѣзжать тѣ рощи и отъемы,
Травить волковъ и лисъ безъ усталi съ утра
До поздней темноты, а ночью вкругъ костра
Съ друзьями пировать подъ неба яснымъ сводомъ,
Чтобъ часъ, иль два вздремнувъ, предъ солнечнымъ восходомъ,

Подняться на зарѣ и, осѣдлавъ коней,
Вновь рыскать по лѣсамъ и вновь травить звѣрей,
Ихъ царство темное, отъ края и до края
Въ весельи молодомъ побѣдно оглашая,
Людскими кликами, гудѣніемъ роговъ,
И ржаніемъ коней, и лаемъ дружныхъ псовъ.

Безпечное житье, безоблачные годы!
Онъ счастливъ былъ тогда и—баловень свободы—
Не вѣдая любви томительныхъ оковъ,
Порой въ забвеніи, внимая шумъ ловитвы,
Себя воображалъ бойцомъ на полѣ битвы
Въ главѣ лихихъ дружинъ, смирителемъ враговъ.
Все измѣнилося съ тѣхъ поръ, какъ ясны очи
Красотки молодой онъ встрѣтилъ въ первый разъ:
Закралась въ душу страсть—и честный пылъ угасъ
И нынѣ пробудить его въ груди—нѣтъ мочи!
Что̀ слава?—Праздный звукъ... Что̀ громъ и честь побѣдъ?
Видѣнье страшное, обрызганное кровью...
Какъ меркнетъ свѣтъ его—зловѣщій, лживый свѣтъ—
Предъ ликомъ красоты, предъ чистою любовью!
Гордыни суетной разбить пустой кумиръ,
Всю душу, полную любви волшебной силой,
Предать въ отрадный плѣнъ, во власть подруги милой,
Въ ея объятіяхъ забыть себя... весь міръ...
Вотъ, жизни сладкое, святое назначенье!
Вотъ счастье, вотъ удѣлъ!...
Нѣмое озлобленье
Объемлетъ юношу, и каждый шагъ впередъ,
Въ ту даль, гдѣ будущность его въ туманѣ скрыта,
И каждый мигъ пути, и каждый стукъ копыта
Тяжелымъ молотомъ его по сердцу бьетъ.
Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй мятежной страсти мука,
Тѣмъ кажется страшнѣй грядущая разлука.—
А возвращенія ужь нѣтъ!—Плывутъ часы;
Ужь пыль дорожная покрыла шлемы, брони
И лица всадниковъ; ужь утомились кони...

Природа жадно ждетъ прохлады и росы;
Но солнце, обходя небесную палату,
Еще не клонится къ желанному закату,
Еще далекъ ночлегъ—и прерывая путь,
Отъѣхавъ въ сторону подъ тѣнь сосновой рощи
Къ оврагу, гдѣ въ кустахъ ручей струится тощій,
Располагается дружина отдохнуть.

III.

И вотъ разведены костры и надъ огнями
Ужь съ брашнами котлы походные кипятъ;
Предъ ними путники усталые сидятъ;
Но сумрачный ихъ кругъ ни смѣхомъ, ни рѣчами
Не оглашается; изъ чарки круговой
Безмолвно пьютъ вино, безмолвно раздѣляютъ
Трапезу скудную и тутъ же, головой
Склонившись на траву, безмолвно засыпаютъ.
Лишь витязь молодой не спитъ; ужь передъ нимъ
Костеръ почти угасъ; но взоръ слѣдитъ, какъ дымъ
По вѣтру стелется, какъ пепелъ слабо тлѣетъ.
Все тихо—и въ мечтахъ рождается и зрѣетъ
Безумный замыселъ: не въ силахъ превозмочь
Тоскующей души мятежное желанье,
Съ невѣстой дорогой на тайное свиданье
Влюбленный юноша примчится въ эту ночь;
Къ окошку терема дѣвичьяго украдкой
Во тьмѣ приблизится и отъ дремоты сладкой
Пробудитъ милую: —„къ тебѣ, молъ, по пути
„Заѣхалъ, чтобъ сказать послѣднее прости,
„Иль вмѣстѣ сей же часъ бѣжать—бѣжать далеко,
„Невѣдомо куда, въ предѣлъ чужой земли,
„Чтобъ люди отыскать во вѣки не могли,
„Чтобъ тайнаго слѣда ничье не зрѣло око,
„А вѣдали бъ про то лишь Богъ, да мракъ ночной,
„Да звѣзды въ небесахъ, да въ полѣ конь лихой!“
Кто знаетъ? Можетъ быть, лучъ счастья тьму освѣтитъ;

Быть можетъ, на призывъ красавица отвѣтитъ
Согласьемъ радостнымъ... а еслибъ вдругъ мечта,
Была обманута, разбита, отнята...
Тогда... о, что жъ тогда скорѣй на поле брани,
Искать забвенія, иль смерти!.. Безъ желаній
Безъ цѣли, безъ надеждъ—не все ль равно влачить
Въ сердечной пустотѣ, въ разлукѣ и кручинѣ
Томительные дни, иль голову сложить
Въ какомъ-нибудь бою, далеко, на чужбинѣ!..

Такъ мыслитъ юноша—и страсти тайный гласъ,
Твердитъ ему: „вставай, лови удобный часъ,
Спѣши!“—И онъ встаетъ... Пытливыми очами
Глядитъ вокругъ; потомъ невѣрными шагами,
Въ чаду тревожныхъ думъ, какъ будто охмѣленъ,
Минуя спящихъ слугъ, къ коню подходитъ онъ.
Вновь озирается... Никто не шевелится...
Подъ тѣнью сладостной въ спокойствіи нѣмомъ,
Усталые, всѣ спятъ глубокимъ, мирнымъ сномъ...
Мгновенье... и бѣглецъ ужь на конѣ, и мчится
Съ дороги въ сторону, стрѣлой во весь опоръ,
Безумствомъ юности и страстію гонимый,
Внимая дальній зовъ мечты неотразимой.
И вотъ уже кругомъ одинъ дремучій боръ
Медлительно шумитъ; все сумрачнѣй, все выше
Толпятся дерева; темнѣе темныхъ тучъ
Нависъ мохнатый сводъ—и всадникъ ѣдетъ тише
По дебрямъ, безъ пути—какъ звѣрь, свой пряча слѣдъ...
То остановится и слушаетъ, то снова
Съ оглядкой движется средь сумрака лѣснаго...
И такъ проходитъ часъ и два... Погони нѣтъ.

IV.

Межъ тѣмъ пустынный лѣсъ—смущенъ при первой встрѣчѣ
Съ незваннымъ пришлецомъ—грознѣй теперь въ упоръ
На витязя глядитъ; суровый приговоръ

Надъ нимъ ужь изрекло пахмуренное вѣче,
Собравшихся вокругъ несмѣтною толпой
Въ безлюдьи выросшихъ, мохнатыхъ великановъ...
И вотъ смолкаетъ даль; во мглѣ сѣдыхъ тумановъ
Вечерняя заря погасла надъ землей.
Созвѣздія зажглись на небѣ; въ часъ урочный
Въ потемкахъ лѣшаго раздался свистъ полночный;
А витязь омраченъ и одинокъ, сойдя
Съ коня пугливаго, волшебную завѣсу
Не въ силахъ съ глазъ сорвать, пути не находя,
Блуждаетъ въ темнотѣ взадъ и впередъ по лѣсу.
Увы! все гуще мракъ и лѣсу нѣтъ конца!
Въ нѣмыхъ объятіяхъ—недвижный, непроглядный,
Исполненный вражды, могучій, безпощадный—
Какъ въ тѣсную тюрьму, замкнулъ онъ пришлеца
И, положивъ предѣлъ мечтаньямъ непокорнымъ,
Грозитъ ему въ глаза своимъ молчаньемъ черным.

Мой другъ, видалъ ли ты, какъ въ клѣткѣ дикій левъ
Порою мечется, всю клѣтку потрясая,
Досадливо хвостомъ по бедрамъ ударяя,
То остановится, то, вдругъ освирѣпѣвъ,
Къ рѣшеткѣ кинувшись съ горящими глазами,
Грызетъ желѣзный прутъ могучими зубами,
То въ уголъ отойдя, какъ будто присмирѣвъ,
Ложится—и глухой, протяжный, скорбный ревъ
Съ дыханіемъ, какъ стонъ, изъ груди вылетаетъ.
Конечно, въ этотъ мигъ пустыни гордый сынъ,
Въ темницу заключенъ, безпомощенъ, одинъ,
Утраченные дни свободы вспоминаетъ
И рвется на просторъ, туда, гдѣ чистыхъ водъ
Сверкающій ручей подъ пальмою зеленой
Таинственно журчитъ струей всегда студеной,
Гдѣ львица вѣрная его, тоскуя, ждетъ.

Какъ полоненный левъ, отвсюду окруженный
Стѣнами крѣпкими и тьмою ослѣпленный,

Метался юноша; мерещилось ему
Порой, что впереди, сквозь трепетную тьму
Опушка близкая рѣдѣетъ—и тревожно
Онъ ускорялъ шаги; но призрачный обманъ
Коварно убѣгалъ и таялъ, какъ туманъ,
Лишь на короткій мигъ блеснувъ надеждой ложной...
И путникъ, тяжкою печалью удрученъ,
Поспѣшно шелъ назадъ, и горько плакалъ онъ
И звалъ далекую подругу, самъ не зная
Зачѣмъ, куда идетъ; упрямо раздвигая
Колючіе кусты—и вѣрный конь за нимъ
Повсюду слѣдовалъ, какъ онъ, неутомимъ;
Покуда наконецъ въ безцѣльномъ томъ блужданьи
Въ душѣ послѣдній лучъ надежды не угасъ
И ласковой мечты далекое мерцанье
Въ побѣдномъ сумракѣ не скрылося изъ глазъ.
Тогда и юноша, и конь остановились,
И лѣсъ дохнулъ на нихъ покоемъ вѣковымъ;
И, очарованы безмолвіемъ лѣснымъ,
Тревоги замерли, желанія смирились...
Внезапно витязя склонилъ волшебный сонъ,
Неодолимый сонъ, исполненный забвенья,
На ложе мягкихъ травъ ложится молча онъ
И быстрой чередой помчались сновидѣнья—
Живыя, легкія, какъ тѣни облаковъ,
Подъ солнцемъ рѣющихъ въ полуденной лазури,
Когда промчалося дыханье злобной бури,
И замеръ дальній гулъ разгнѣванныхъ громовъ.

Глубоко витязь спитъ подъ кровомъ темной ночи...
Вдругъ слышится ему: „очнись, ступай впередъ!“
И удивленный онъ открываетъ очи
И видитъ—степь кругомъ. Смиренный пѣшеходъ
Съ тяжелымъ посохомъ, съ котомкою убогой
Бредетъ онъ, одинокъ, пустынною дорогой,
Лучами знойными и жаждою томимъ;
И вотъ, какое-то распутье передъ нимъ;

Въ невѣдомую даль вперяя взоръ тревожный,
Садится молча онъ на камень придорожный
И ропщетъ на судьбу... По степи два пути
Загадочно бѣгутъ налѣво и направо;
А степь покоится туманно, величаво,
Ни тѣни, ни жилья въ ней нѣтъ... Куда идти?

И вновь таинственно, невѣдомо откуда
Вторично слышится въ молчаньи громкій гласъ:
„Вставай—и да спадетъ покровъ туманный съ глазъ!“
И вотъ, свершается неслыханное чудо:
Лицомъ къ лицу сошлись на небѣ свѣтъ и тѣнь,
Очамъ раскрылась даль отъ края и до края:
Налѣво—солнечный, веселый, шумный день;
Направо—ночь въ звѣздахъ!—прозрачная, нѣмая,
Вся озаренная задумчивой луной.
Напрасно ищетъ взоръ, восторженно бродящій,
Границъ лучей и тьмы... а гласъ руководящій:
„Смотри и выбирай: двѣ жизни предъ тобой!“.

Прекрасенъ свѣтлый путь! Тамъ за широкой степью
Благословенный край, цвѣтущій, словно садъ;
Тамъ гордо надъ холмовъ раскидистою цѣпью
На царственной горѣ сіяетъ стольный градъ.
Предъ властію мечты исчезло разстоянье,
Туманъ разсѣялся—и ясно видитъ взоръ,
Воротъ, зубчатыхъ стѣнъ и башенъ очертанье,
И кровли теремовъ, и свѣтлый княжій дворъ.
Чу, бьла звучнаго разносится далече
Протяжный, внятный звонъ—и видно: изъ домовъ,
По стогнамъ, улицамъ, народъ со всѣхъ концовъ
Толпами пестрыми сбѣгается на вѣче.
И диво новое свершается: подъятъ
Какой-то силою крылатой надъ землею,
Несется путникъ въ даль съ волшебной быстротою
На тотъ призывный звонъ, на вѣче, въ шумный градъ...
Далеко позади осталась степь нѣмая

Изъ глазъ исчезла ночь; кругомъ толпа людская,
Какъ море бурное, волнуется—а онъ
Уже не въ странничью хламиду облеченъ—
Въ одеждѣ княжеской, вѣнчанной головою
Надменно высится надъ радостной толпою;
Она жъ привѣтный кликъ на весь подъемлетъ міръ:
„Да здравствуетъ нашъ князь могучій, Яромiръ!“

Гудитъ побѣдный звонъ, растутъ и плещутъ волны
Ликующей толпы... И вдругъ, сквозь шумъ живой,
Какъ затаенный вздохъ, тоски и страсти полный,
Нежданно издали несется звукъ иной:
Незаглушимый стонъ, призывъ любви забытой,
Невинныхъ, робкихъ устъ мучительный укоръ—
И жалитъ душу онъ стрѣлою ядовитой,
И обращаетъ вспять и помыслы, и взоръ.
Тамъ нѣмо, и темно, и трепетно, и чудно,
Тамъ въ небѣ катится пустынная луна,
Тамъ теремъ дремлющій стоитъ въ глуши безлюдной,
Тамъ мирный огонекъ мерцаетъ изъ окна;
И взору въ томъ окнѣ задумчивой свѣтлицы,
Яснѣе мѣсяца сквозь дымку тьмы ночной,
Предсталъ желанный ликъ красавицы-дѣвицы,
Предславы молодой,—всѣхъ помысловъ царицы;
Онъ манитъ, онъ зоветъ въ пріютъ любви святой!
Преграды рушились, тщеславныя мечтанья
Разсѣялись въ лучахъ нежданнаго свиданья,
Какъ позабытый сонъ исчезъ подлунный міръ,
Сіянья звѣзднаго погасъ ненужный трепетъ,
Лишь очи свѣтятся, лишь слышенъ милый лепетъ:
„Я заждалась тебя.... приди, мой Яромiръ!
„Ты жаждешь—напою тебя я наслажденьемъ,
„Ты сердцемъ одинокъ—съ послушливымъ смиреньемъ
„Покорная раба, склонюсь я предъ тобой;
„Покинь невѣрный путь, забудь и блескъ, и славу,
„Ты любишь—я твоя! Возьми свою Предславу...
„Ты счастіе найдешь во мнѣ—во мнѣ одной!“

И вѣритъ юноша, и въ страстномъ опьяненьи
Въ объятія любви онъ кинуться готовъ;
Но сна волшебнаго вновь падаетъ покровъ,
Блѣднѣютъ призраки; въ досадномъ пробужденьи
Пугливо Яромiръ вокругъ себя глядитъ:
Еще не двинулись въ лѣсу ночныя тѣни,
Попрежнему черны деревъ нависшихъ сѣни;
До утра далеко... Зачѣмъ же сонъ бѣжитъ!

V.

И мыслитъ юноша: то было предсказанье,
То былъ не лживый сонъ!.. Къ чему жъ влечетъ судьба?
Къ сіянью или къ тьмѣ?—И тайная борьба
Ужь зарождается... Двойное вспоминанье
Являетъ вновь очамъ двѣ жизни, два пути;
И вновь подъемлется вопросъ: куда идти?
Къ величью ль властному, въ удѣлъ гремящей славы,
По морю бурному надеждъ, борьбы, тревогъ,
Иль къ тихой пристани, въ смиренный уголокъ,
На робкій зовъ любви, въ объятія Предславы?
Кто скажетъ, кто рѣшитъ: гдѣ счастіе? Кругомъ
Недвижный, мрачный лѣсъ—и нѣтъ отвѣта въ немъ!

А между тѣмъ давно ль, такъ просто и такъ смѣло,
Указывала страсть надежный къ счастью путь!
Теперь сомнѣнія и страхъ закрались въ грудь,
И простодушное довѣрье отлетѣло.
Навѣялъ льстивый сонъ не юныя мечты,
Стремленье къ новому и властному кумиру...
Конецъ весеннему безхитростному пиру!
Конецъ всевѣдѣнью душевной чистоты!
Сталъ страшенъ каждый шагъ возможною ошибкой,
Надежда близкая умчалась далеко—
И въ омутѣ заботъ съ язвительной улыбкой
Свою загадку жизнь шепнула на ушко:
Гдѣ счастіе?.. Увы! напрасно поколѣнья,
Ввѣряясь призракамъ и мимолетнымъ снамъ,
Съ тревогой жадною ей ищутъ разрѣшенья,

Блуждая на угадъ по дебрямъ и потьмамъ
Житейской суеты!—Свой тѣсный кругъ сдвигая,
Дорогу прячетъ жизнь, какъ эта глушь лѣсная,
И споръ измѣнчивыхъ, невѣрныхъ чувствъ и думъ
Пугаетъ и томитъ, какъ ночи смутный шумъ.

Да, ночь теперь кругомъ ужь больше не молчала!
Какъ будто съ витяземъ, очнувшися отъ сна,
Волнами тьмы живой въ лѣсу плыла она
И своды темные тихонько колебала.
Въ раздумьи Яроміръ лежалъ—и не во снѣ
Ужь слышался ему нежданно внятный шопотъ...
То былъ ли вѣтерка передразсвѣтный ропотъ
Иль бредъ ночной вѣтвей въ дремучей вышинѣ...
Кто знаетъ? Но полна лукаваго значенья
Таинственная рѣчь звучала; чуткій слухъ
Ей трепетно внималъ; казалось, нѣкій духъ
Тлетворнымъ холодомъ смирялъ души сомнѣнья;
И пробужденныя шептали дерева
Дотоль неслыханныя, черствыя слова:
„Душа твоя полна тоскою и желаньемъ,
„Что жъ медлишь? Насладись мгновеннымъ обладаньемъ,
„Упейся дѣвственной, довѣрчивой красой,
„Потомъ... потомъ бѣги! На вѣкъ покинь Предславу...
„Судьба тебѣ сулитъ величіе и славу—
„Забвеніемъ любви ты къ счастью путь открой!“
И сердце юное, полно негодованья,
Сжимается въ груди... Покинуть, обмануть?!..
Прочь низкій замыселъ!.. Не легче ль въ дальній путь
Пуститься, разлучась безъ лжи и безъ прощанья?
Быть можетъ, не далекъ возврата свѣтлый день,
И вновь... Но рѣчь въ умѣ смолкаетъ, сердце бьется—
„А предсказаніе?!“ И тихо ночь смѣется,
И вновь, надъ головой струясь, шепчетъ тѣнь:
„Тебѣ возврата нѣтъ! Пока въ странѣ далекой
„Въ походахъ и трудахъ скитаться будешь ты,
„Въ измѣнчивой душѣ красотки одинокой,

„Быть можетъ, новыя пробудятся мечты,
„И гордый вождь дружинъ, вѣнчанный громкой славой,
„Высоко вознесенъ счастливою судьбой,
„Развѣнчанъ будешь ты и позабытъ Предславой—
„Другой ей станетъ милъ... ты слышишь ли?—Другой!“
О, ночь жестокая! молчи, молчи—нѣтъ мочи
Внимать твоимъ рѣчамъ... Но громче лѣсъ шумитъ,
И въ дикомъ шумѣ томъ побѣдный голосъ ночи
Теперь ужь не таясь, безстыдно говоритъ:
„Я помогу тебѣ... На тайное свиданье
„Предславу лишь склони... Когда жъ угаснетъ день,
„И дѣва робкая, въ пугливомъ колебаньи,
„Покинетъ терема хранительную сѣнь,
„Я обойму ее могучими крылами,
„Я въ очи ей сверкну влюбленными звѣздами,
„Я усыплю боязнь неопытной души;
„Окрестность обращу волшебнымъ сномъ въ пустыню—
„И проведу къ тебѣ покорную рабыню,
„Никѣмъ незримою, въ незыблемой тиши...
„Тогда“....
Но вѣтра шумъ нахлынувшей волною
Прервалъ и заглушилъ послѣднія слова —
И вновь безсмысленно щумятъ лишь дерева,
Да конь скучающій о землю бьетъ ногою...
Умолкнувшая ночь блѣднѣетъ—и съ небесъ,
Какъ жизни вольный лучъ, подъ темный сводъ темницы,
Съ привѣтомъ радостнымъ проснувшейся денницы,
Дрожащій, слабый свѣтъ ужь проникаетъ въ лѣсъ...
Его покинемъ мы... Пусть злая мысль тревожитъ
Героя нашего... Мой другъ, безъ насъ онъ можетъ
При свѣтѣ яснаго, веселаго утра
Найти желанный путь изъ сумрачной дубравы,
Приблизиться тайкомъ къ обители Предславы
И вѣсть дать о себѣ... Мнѣ отдохнуть пора.

ГРАФЪ А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ВЪ БИБЛЕЙСКОЙ СТРАНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Допотопный городъ.

Пристань Св. Земли.—Соломонъ и пророкъ Іона.—Шхеры.—Пріютъ православныхъ паломниковъ.—Память среднихъ вѣковъ.—Базары Яффы.—Арабская толпа.—Наполеонъ въ Яффѣ.—Ругня арабскихъ матронъ.

На разсвѣтѣ 30 апрѣля показался вдали берегъ Яффы...

Главная цѣль нашего странствованія теперь достигнута, окончено долгое скитаніе по морямъ, и ничто больше не заслоняетъ отъ насъ такъ давно манившихъ насъ поэтическихъ горизонтовъ Святой Земли.

Мы радовались какъ дѣти, любуясь съ высокой рубки на бѣлый амфитеатръ Яффы, съ волшебною быстротою выраставшій въ нашихъ глазахъ отъ незримо быстраго плавнаго приближенія къ нему парохода. Вопреки всѣмъ предсказаніямъ и всѣмъ опасеніямъ, море стало тихо, какъ уснувшее озеро. Неподвижная голубизна этого моря и такая же глубокая голубизна неба выдѣляли бѣлыя башни Яффскихъ плоско-крышихъ домовъ и обрывы береговыхъ утесовъ съ поразительною яркостью...

Яффа недаромъ называлась „прекрасною“ еще въ ветхозавѣтной древности.

Это достойная пристань Святой Земли, заслуженный

стражъ историческихъ воротъ, черезъ которыя прошли тысячелѣтія.

На земномъ шарѣ нѣтъ другаго города, котораго легенды народовъ почтили бы такою старинною родословною.

Евреи издревле считали Яффу городомъ Іафета, сына Ноева, и полагали, что Ноевъ ковчегъ отплылъ изъ его пристани въ разверзшіяся хляби земли...

Даже Плиній, патріархъ естествознанія, признаетъ допотопный титулъ за Яффою, этою его „Ioppe Phoenicum, antiquior terrarum inondatione“ [1]). Оттого въ старые вѣка искали въ Яффѣ гробницы Ноя. Фантазія древнихъ Грековъ, конечно, тоже не миновала этого древнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ міра. Къ скаламъ Финикійской Яфо или Іоппе, какъ разсказываетъ Плиній, была прикована по злобѣ Нерендъ осужденная морскому чудовищу Андромеда, спасенная потомъ Персеемъ, и слѣды ея цѣпей показывались на утесѣ Яффы еще въ первыя времена христіанства.

Во всякомъ случаѣ во дни Соломона Яффа была единственною пристанью Филистимскаго побережья, черезъ которую народъ Божій могъ сообщаться по морю съ чужими странами. Когда премудрый строитель послалъ просить на постройку Храма Іерусалимскаго кедровъ Ливанскихъ у Тирскаго царя Хирама, друга отца его Давида, то Хирамъ отвѣчалъ:

„Мы нарубимъ деревъ съ Ливана, сколько нужно тебѣ, и пригонимъ ихъ въ плотахъ по морю въ Яфу, а ты отвезешь ихъ въ Іерусалимъ“.

Впослѣдствіи пророкъ Іона садится въ Яффѣ на тотъ корабль, съ котораго его бросили въ море. „И всталъ Іона, чтобы бѣжать въ Ѳарсисъ отъ лица Господня, и пришелъ въ Іопію, и нашелъ корабль, отправлявшійся въ Ѳарсисъ, отдалъ плату за провозъ и вошелъ въ него“...

Слава Богу Авраама и Іакова, что намъ теперь не приходится подвергать себя злополучному жребію пророка, не приходится вопить съ нимъ къ Господу: „Объяли меня воды

[1]) „Яффа Финикіанъ, древнѣйшая всемірнаго потопа“.

до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита голова моя, всѣ воды Твои и волны Твои проходили надо мною".

Вмѣсто чрева китова извергла насъ на сушу ловкая восьми-весельная лодка, въ которой встрѣтилъ насъ бравый консульскій кавасъ съ серебрянымъ орломъ на груди, любезно посланный къ намъ на помощь изъ русскаго консульства.

Благодаря этому участію, мы избѣгли жаркой схватки съ лодочниками Арабами, взявшими на абордажъ нашъ смирный пароходъ совершенно такъ, какъ недавно еще пираты Средиземнаго моря брали съ бою купеческіе корабли, и отдѣлались всего пятью франками за проѣздъ въ то время, какъ три молодыхъ Итальянца, наши товарищи по путешествію, должны были заплатить 25 франковъ.

Обычныхъ сценъ Яффской высадки, о которой намъ такъ много натолковали наши милые моряки, этого швырянія за бортъ на руки полуголыхъ Арабовъ охающихъ и ахающихъ богомолокъ, раскачиваемыхъ какъ колокола, этого нырянія въ волнахъ по горло нагруженныхъ лодокъ,—ничего этого на сей разъ не было... Огромный пароходъ стоялъ неподвижно, и арабскія лодки пристали вплотную къ его черному пузу, какъ присосавшіяся піявки... За то тихое море позволило намъ оцѣнить по достоинству ужасный входъ въ знаменитую гавань царя Соломона.

Предательскіе подводные камни, черные отъ сырости, обросшіе какъ бородою лохматою зеленью, чуть-чуть спрятавшіе свои плоскіе черепа подъ уровень водъ, тянутся цѣлыми сплошными рифами вдоль скалистаго берега, отрѣзая его отъ простора моря, точно приточившіеся червивые зубы дряхлаго подводнаго чудовища, что глотаетъ уже какой вѣкъ утлыя посудины дерзкаго человѣчества.

Пробраться сквозь эти шхеры въ бурю нѣтъ никакой возможности, и нерѣдко пароходы, послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго выжиданія, снимаются съ якорей и отправляются выгружать пассажировъ куда-нибудь въ Акру или Бейрутъ. Хуже порта выдумать нельзя, и тѣмъ изумительнѣе, если

это дѣйствительно древнѣйшій портъ міра. Нѣмцы говорятъ: „ѣхать въ Яффу“ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ у насъ говорятъ: „отправляться на тотъ свѣтъ“. Одни эти каменные рифы знаютъ, сколько человѣческихъ жертвъ ежегодно, въ теченіи столѣтій, приносится Яффскому морю, и библейская легенда весьма знаменательно связала эту пристань вѣчнаго волненія и вѣчныхъ бурь съ поглощеніемъ моремъ Іоны пророка.

Непонятно только, какъ цивилизованные народы Европы, посылающіе каждую зиму тысячи богомольцевъ рисковать своими головами у этой дѣйствительно „*допотопной*“ гавани, не догадаются взорвать всю эту узенькую цѣпь камней, и затратою нѣсколькихъ пудовъ пороха, нѣсколькихъ фунтовъ динамита, спасти жизнь сотнямъ своихъ братій.

Исправляющій должность русскаго консула встрѣтилъ насъ на пристани и оказалъ намъ всякое содѣйствіе. Мы остановились отдохнуть въ русскомъ домѣ, но еще на дорогѣ консулъ нашелъ намъ колониста-Нѣмца съ обычнымъ четырехъ-мѣстнымъ фургономъ на рессорахъ,—35 франковъ за двоихъ до Іерусалима... Къ намъ присоѣдился и Французъ-архитекторъ, съ которымъ мы сдѣлали путь по Суэзскому каналу. Выѣзжать можно было только къ вечеру, когда солнечный зной начинаетъ немного ослабѣвать. Поэтому намъ оставалось довольно времени и поѣсть, и посмотрѣть городъ. Домъ-башня, куда вскарабкались мы съ нашими носильщиками и пожитками, какъ всѣ дома Яффы, заключаетъ внутри себя крошечный мощеный дворикъ съ чахлымъ деревцомъ въ углу. Этотъ дворикъ-яма охватывается кругомъ довольно неуклюжей и крутой каменной лѣстницей, которая поднимается до площадокъ каждаго изъ трехъ, четырехъ этажей.

На площадки эти выходятъ двери бѣдно обставленныхъ полутемныхъ комнатъ низенькихъ, хотя и обширныхъ, совершенно приноровленныхъ къ знойному дню весны и лѣта, но должно быть, достаточно сырыхъ и холодныхъ въ періодъ дождей.

Заказали сейчасъ же готовить обѣдъ и чай съ самова-

ромъ хозяину, не говорившему ни слова по-русски, а сами наскоро оправившись, торопились „*обозрѣвать*“ городъ, рѣшившись волей-неволей не обращать никакого вниманія на солнечный зной.

Чего другаго, а ужь солнца не обманешь и не обманешь въ горячей Палестинѣ.

Консульскій кавасъ былъ нашимъ путеводителемъ, и мы добросовѣстно пересчитали вслѣдъ за нимъ камни Яффскихъ мостовыхъ, обливаясь съ ногъ до головы такимъ потомъ, о которомъ имѣютъ понятіе только старинные любители паренья на полкахъ россійской бани. Не помогали ни шляпы, ни кисейныя покрывала. Яффа—это одинъ огромный неприступный замокъ съ множествомъ бойницъ, лазѣекъ, переходцевъ, тайниковъ, переулочковъ, городъ-крѣпость, какой и требовался въ вѣка борьбы и наспій на этой береговой скалѣ, защищавшей входы въ цвѣтущія долины Палестины. Въ сущности тутъ давно нѣтъ ни крѣпости, ни бойницъ, но древній боевой городокъ и въ мирномъ званіи своемъ сохранилъ воинственную физіономію своей старой средневѣковой исторіи.

Въ средніе вѣка это былъ дѣйствительно одинъ изъ главныхъ ключей для владычества надъ берегомъ и внутренностью страны.

За него жарко бились крестоносцы Ричарда Львинаго Сердца съ Сарацынами Саладина; къ нему приставали смѣлыя галеры Генуэзцевъ и Пизанцевъ, и надъ башнями его не одно десятилѣтіе вѣяли знамена геройскихъ рыцарей христіанства.

Въ послѣдній Крестовый походъ, когда французскій король Людовикъ IX высадился въ Яффѣ, она была еще въ рукахъ французскаго владѣтеля Готье де Бріенна и имѣла видъ довольно внушительный.

„Et quand le comte de Iapha vit que le roy venait, повѣствуетъ въ своей хроникѣ Жуанвиль, il assorti et mist son chastel de Iapha en tela point qu'il ressemblait bien une bonne deffensable. Car à chacun creneau de son chastel il y

avait bien cinq cents hommes, à tout chascun une targe et ung penoncel à ses armes. Laquelle chose était fort belle à voir".

Теперешняя Яффа построена однако всего только лѣтъ 150 тому назадъ; путешественники, посѣщавшіе ее въ концѣ XVII вѣка, видѣли однѣ развалины. Жители прятались въ пещерахъ, и единственный уцѣлѣвшій замокъ стоялъ среди всеобщаго разрушенія. Но и до сихъ поръ ползучіе и вьющіеся переулки Яффы полны, если не разрушенія, то мусору и нечистотъ всякаго рода. Бродишь словно по коридорамъ какого-нибудь давно запущеннаго безконечнаго замка, ныряя подъ темные своды, прячась въ разные закоулочки, карабкаясь по ступенькамъ. Думаешь—ходъ на колокольню, а это улица; кажется, что подъ ногами открылся спускъ въ погребъ,—а это входъ въ отель. Цѣлый лабиринтъ поворотовъ, переходовъ, лѣсенокъ. Защищаться тутъ легко одному противъ десяти, и нужно сказать правду, что для этихъ двухъ первенствующихъ цѣлей стараго строительства, для защиты отъ врага и для прохлады отъ солнца—береговые городки, подобные Яффѣ, идеальные городки.

И во всѣхъ этихъ тѣсныхъ ущеліяхъ между стѣнами толпа, движеніе, толкотня. Толкотня начинается еще съ пристани, гдѣ горами навалены другъ на друга ящики съ опоздавшими апельсинами, назначенными въ Россію, овчины для Константинополя, мыло для Александріи въ гигантскихъ глыбахъ, красный и бѣлый рисъ въ тюкахъ. Огромныя барки, придвинутыя къ берегу, завалены грудами апельсиновъ прямо въ насыпку, какъ волжскія барки съ дровами.

На жаркомъ солнцѣ южнаго полудня они горятъ какимъ-то невѣроятно прелестнымъ румяно-золотымъ огнемъ.

Отъ апельсиновъ тутъ дѣться некуда. Всѣ базары, всѣ лавки въ апельсинахъ; они тутъ не особенно нѣжны и толстокожи, но за то громадной величины и неправдоподобной дешевизны. На 15 копѣекъ кавасъ навязалъ намъ цѣлый узелъ этимъ гесперидскихъ плодовъ. Арабы ѣдятъ тутъ апельсины и лимоны прямо со шкурками, отрѣзывая ножич-

комъ ломтики и легонько ихъ посаливая. И не одна губастая рожа не моргнетъ, не покривится, спокойно жуя кислятину полузрѣлаго лимона и душистую горечь апельсинной корки.

На базарахъ — жизнь кипяткомъ кипитъ. Всѣ кофейни, кухоньки, лавки набиты народомъ. У насъ, въ Россіи, чуть пробивается теперь первая весенняя травка, а здѣсь ужь давно всякія свѣжія овощи: горохъ въ стручьяхъ, фасоль, огурцы, сѣмячки. Надъ базарами вездѣ растянуты широчайшія, хотя и очень грязныя, телѣги, подъ которыми благодушествуютъ философски молчаливые продавцы этого нехитраго товара. Ослы, верблюды, мулы толкутся тутъ же, и Сирійскіе Бедуины, совсѣмъ отличные отъ Египетскихъ, оживляютъ всю эту шумную и яркую картину подлинной Азіатской жизни, какъ олицетворенная иллюстрація къ Библіи.

Широкій живописный бурнусъ изъ грубой домашней шерсти, въ который они умѣютъ драпироваться съ такимъ мужественнымъ и величественнымъ изяществомъ,—всегда въ широчайшихъ черныхъ или зелено-коричневыхъ полосахъ по бѣлому фону.

Но подъ этими изрядно теплыми плащами, несмотря на сильный жаръ дня, еще полосатый шелковый халатъ по пятки, открытый на груди, подъ халатомъ еще синяя курточка-безрукавка, подъ курточкой еще длинная бѣлая рубаха, съ широчайшими поясами, съ штанами, падающими какъ женская юбка по самыя ступни. Такъ тщательно оберегаютъ себя отъ холода эти сыны знойныхъ песчаныхъ пустынь и обожженныхъ солнцемъ горъ Сиріи. На нѣкоторыхъ степныхъ посѣтителяхъ базара еще попадались намъ даже бараньи куртки. Днемъ разстегнется весь настежь, до-гола, обливается потомъ, а на ночь ужь его не проберетъ никакая сырая и холодная струя горнаго ущелья.

Типиченъ и сурово красивъ головной уборъ Сирійскаго Бедуина. Всѣ они плотно обвязаны по своимъ круглымъ,

будто точенымъ головамъ, черными, рѣже темносиними платками, которые здѣсь называются кёфія, и которые перехватываются сейчасъ выше уха, будто какимъ-то мрачнымъ вѣнцомъ, двойнымъ обручемъ черной веревки. Края этой просторной кёфіи закрываютъ шею и шатромъ пріосѣняютъ глаза и лицо Бедуина.

Безъ сплошнаго густаго покрова никакая голова, даже всевыносящая голова туземца, не въ силахъ вытерпѣть жгучихъ лучей Сирійскаго и Аравійскаго солнца.

Впрочемъ, кромѣ суровыхъ воинственныхъ плащей Аравійскаго кочевника, базары Яффы полны чисто турецкихъ нарядовъ—короткіе хитоны и куртки, затѣйливо расшитые позументами и золотымъ снуркомъ по желтому и красному, хитро увязанные, воздымающіеся башней тюрбаны изъ яркихъ матерій, съ висячими концами съ блестящей бахромой, сейчасъ выдаетъ щеголеватыхъ гостей роскошнаго малоазіатскаго побережья.

Женщины и тутъ, какъ въ Египтѣ, въ бѣлыхъ савапахъ, коленкоровыхъ или кисейныхъ съ золотомъ. Черныя, подлинно арабскія лица, съ поразительной рѣзкостію, совсѣмъ непривычной для европейскаго глаза, выдѣляются будто губастыя обезьяны изъ-подъ этихъ бѣлоснѣжныхъ покрововъ. Иныя, впрочемъ, должно быть угрюмыя пуристки мусульманства, — совсѣмъ съ глазами завѣшаны черными слѣпыми чадрами. Есть и по-египетски,—съ висюльками у носа, съ завѣшанными ртами, но вдобавокъ съ монистами и бисеромъ на лицѣ. Христіанки не закрываютъ лица; ихъ обычный уборъ — это цвѣтныя шапочки, унизанныя въ нѣсколько рядовъ серебряными монетами, очень похожія на шапочки горскихъ женщинъ нашего Дагестана.

Есть вообще чѣмъ полюбоваться, надъ чѣмъ поработать живописцу, хоть живи онъ тутъ въ Яффѣ цѣлые мѣсяцы.

Восточный базаръ—это неисчерпаемый кладъ для карандаша и кисти, и никакой базаръ Европы не можетъ даже близко подойти къ нему въ этомъ отношеніи. Базары—истыя

дѣтища востока, и понять ихъ настоящій смыслъ, настоящую красоту—можно только тамъ.

Мы посѣтили мимоходомъ католическій монастырь Яффы, въ которомъ даютъ пріютъ богомольцамъ-католикамъ. Онъ такой же крутой, такой же недоступный, такой же башнеподобный, какъ и всякое жилище Яффы.

Увѣряютъ, что недалеко отъ него, во дворѣ Армянскаго монастыря, происходило то позорное для христіанской цивилизаціи событіе, которое съ такимъ пристрастнымъ усердіемъ старается опровергнуть обожатель Наполеона—Тьеръ въ своей „Исторіи Консульства“. Здѣсь, говорятъ, были отравлены, по приказанію перваго консула, заболѣвшаго чумой, французскіе солдаты, которыхъ онъ не могъ захватить съ собою въ Египетъ.

„Было бы гораздо гуманнѣе дать имъ хорошую дозу опіума, чѣмъ оставлять ихъ жить!“ сказалъ Бонапартъ доктору Деженету.

„Мое ремесло—лѣчить людей, но не убивать ихъ!“ отвѣтилъ бравый докторъ.

Тьеръ увѣряетъ, что вслѣдствіе этого отвѣта, опіума больнымъ не дали, а клевету объ отравѣ распространили потомъ враги Бонапарта. Но Яффа легла чернымъ и кровавымъ пятномъ на славу французскаго героя еще и по другому, гораздо болѣе возмутительному, случаю.

Въ 1799 году побѣдитель при пирамидахъ овладѣлъ, послѣ жестокой двухгодовой защиты, Яффскою крѣпостью. Городъ отданъ былъ на 30 часовъ въ жертву разъяреннымъ солдатамъ. Между тѣмъ, тысячи четыре Арнаутовъ и Албанцевъ, засѣвши въ укрѣпленныхъ зданіяхъ города, не хотѣли сдаваться и отчаянно отстрѣливались. Богарне и Круатье, адъютанты консула, чтобы прекратить напрасное кровопролитіе, предложили храбрецамъ сдаться, поклявшись пощадить ихъ жизнь.

Тогда Турки положили оружіе и отдались на милосердіе враговъ, но побѣдоносный герой не даромъ смотрѣлъ на людей, какъ на пѣшки шахматной доски. Толпа плѣнниковъ

связывала его по рукамъ и ногамъ. Не съ кѣмъ было ни отправить, ни оставить ихъ, а еще меньше возможно было отпустить ихъ на подкрѣпленіе безъ того крѣпкой Акры. Черезъ три дня участь несчастныхъ была рѣшена. Ихъ собрали обманомъ на берегу моря, подъ предлогомъ перевозки, и разстрѣляли какъ стадо грачей. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ успѣли броситься вплавь въ море и спаслись на камни, на лодки. Но ихъ опять приманили оттуда обѣщаніемъ пощады и перестрѣляли до послѣдняго среди волнъ моря, когда они довѣрчиво возвращались на берегъ.

„Эта свирѣпая сцена заставляетъ меня до сихъ поръ содрогаться при воспоминаніи о ней, какъ и въ тотъ день, когда я ее видѣлъ, и я бы гораздо лучше желалъ навсегда забыть ее, чѣмъ быть обязаннымъ ее описывать“,—выражается объ этой вѣроломной казни одинъ изъ очевидцевъ.

Чума, которая выхватила тотчасъ послѣ этого нѣсколько сотъ человѣкъ изъ арміи Наполеона, казалась тогда всѣмъ только неизбѣжнымъ Божьимъ наказаніемъ за безчеловѣчно пролитую кровь.

Католики не преминули сообщить намъ, что монастырь ихъ, разумѣется, стоитъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ домъ Симона Кожевника, въ которомъ жилъ и творилъ чудеса верховный апостолъ Петръ.

Вѣроятно, у апостольскаго кожевника было въ то время очень много домовъ, потому что ту же самую претензію заявляютъ не только монастыри другихъ христіанъ, но и одна турецкая мечеть!

Мы не застали въ монастырѣ своего спутника Француза, котораго хотѣли предупредить о часѣ отъѣзда, и возвратились домой пообѣдать и немножко собраться съ силами къ утомительному путешествію.

Дома насъ угостили не только обѣдомъ и русскимъ чаемъ, и не только палестинскимъ виномъ и Яффскими плодами, но еще очень оригинальнымъ дуэтомъ. Противъ нашего открытаго окна, черезъ узенькій переулокъ въ 2 шага, стояли на крытой галлереѣ противоположнаго дома двѣ совсѣмъ молодыя Арабки и ругались между собою. Одна изъ нихъ,

защищавшаяся, была красивая и статная женщина, другая, нападавшая, — худая, злая фурія съ длинными крючковатыми руками обезьяны, которыми она махала, какъ вѣдьма кочергой. На сценѣ была, повидимому, супружеская ревность.

Мы ждали довольно долго обѣда — Арабки наши ругались, мы еще дольше обѣдали—онѣ все ругались; мы отдыхали цѣлый часъ послѣ обѣда — онѣ не переставали ругаться.

Въ жизнь свою я не слыхалъ и не предполагалъ услышать ничего подобнаго.

Я хорошо знакомъ съ ругательствами русскихъ бабъ у печи, русскихъ торговокъ на базарѣ... Но сравнительно съ этою неистовою, ни на мигъ не смолкавшею, непрерывно разроставшеюся, неудержимо остервенявшеюся ругнею арабскихъ женщинъ — русская базарная ругань просто сантиментальное воркованье.

Казалось, это собрались на платоническій турниръ, для безмезднаго услажденія насъ, гостей и толпы остановившихся внизу туземныхъ прохожихъ,—настоящія виртуозки своего дѣла.

Ни одна не захотѣла уступить другой ни мгновенной паузы, ни одного словечка изъ тѣхъ несчетныхъ ругательствъ, что сыпались быстро и больно, какъ тучи града, на голову противницы. Мы, конечно, не понимали словъ, но это было совершенно излишне. Злобныя завыванія и торопливыя захлебыванія собственнымъ бѣшенствомъ—поясняли нашей неопытности, лучше всякаго лексикона, содержаніе этой оживленной бесѣды двухъ подругъ, какъ нѣкогда грубымъ сердцамъ средневѣковыхъ Германцевъ была безъ словъ понятна воодушевленная французская проповѣдь святаго Бернарда!

Да, теперь ужь и мы будемъ знать, какъ люди ругаются, до какого художественнаго совершенства можно разлить неослабно старательнымъ упражненіемъ это почтенное житейское искусство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ночлегъ въ Аримаѳеѣ.

Палестинскіе дилижансы.—Сады Армиды.—Саронская равнина.—За роднымъ самоваромъ.—Родина Егорья Побѣдоносца.—Историческіе памятники Рамле.—Въ гостяхъ у патріарха.—Церковная политика Іерусалимскихъ Грековъ.

Вотъ мы и усѣлись наконецъ въ толкучій и трясучій фургонъ, осѣненный какимъ-то паланкиномъ на столбикахъ, съ парусинными передвижными занавѣсами по сторонамъ. Хотя онъ и рессорный, но какія рессоры спасутъ отъ этого хаоса битыхъ камней, величаемыхъ здѣсь шоссейною дорогою?

Нашъ Французъ-спутникъ, architecte ingénieur, помѣстился на переднемъ сидѣньи, лицомъ къ намъ, спиною къ возницѣ. Чемоданы и мѣшки наши тоже нашли довольно удобное вмѣстилище, въ этомъ преемникѣ Ноева Ковчега, съ оглушительнымъ стукомъ и громомъ вывозившемъ насъ наконецъ изъ Ноева города.

Душа моя замирала отъ радостнаго чувства, точно въ тѣ далекіе дни дѣтства, когда, освободившись отъ постылыхъ уроковъ, вырвавшись изъ прискучившихъ стѣнъ казенной школы, прыгалъ, наконецъ, весь сіяющій дѣтскимъ счастіемъ, въ объемистое нутро домашняго тарантаса, готоваго везти сейчасъ тебя и такихъ же радостныхъ братьевъ твоихъ—въ родимыя деревенскія поля. Странствованіе по Палестинѣ начиналось.

Изъ Яффы выѣхать не долго, но изъ садовъ Яффскихъ не скоро выберешься. Они тянутся на нѣсколько верстъ по Іерусалимской дорогѣ и въ глубь полей. Въ одномъ изъ садовъ, кажется, принадлежащемъ теперь американскому консулу, домъ библейской Тавифы, которую, по словамъ Дѣяній Апостоловъ, воскресилъ апостолъ Петръ; конечно, не домъ, а одно имя этого дома, пережившее камни и царства.

Если вы хотите понять, что такое мечталось фантазіи

древняго Грека, когда онъ описывалъ роскошные Гесперидскіе сады, изъ которыхъ Атлантъ принесъ Геркулесу драгоцѣнные, никому недоступные плоды, если хотите найти подтвержденіе всѣмъ вообще сказкамъ младенчествующихъ народовъ о золотыхъ яблокахъ, которыя съ такими смертельными опасностями и такими неслыханными подвигами добывали герои, подобные Ивану Царевичу,—то поѣзжайте, читатель, въ Яффу, и убѣдитесь своими глазами, что золотыя яблоки садовъ Гесперидскихъ—не поэтическая мечта, а осязаемая дѣйствительность, доступная въ наше демократическое время не только царевичамъ и полубогамъ, но и намъ, прозаическимъ смертнымъ изъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи.

Я видѣлъ апельсинные сады Италіи, и они далеко не произвели на меня того впечатлѣнія, какъ сады Яффы.

Въ Италіи апельсинное дерево смотритъ чѣмъ-то искусственнымъ, механически правильнымъ, едва не мертвеннымъ. Всѣ деревья одного умѣреннаго роста, всѣ подрѣзаны и подстрижены опрятными округленными кронами, всѣ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга и похожи другъ на друга какъ капли воды,—и земля среди нихъ вскопана какъ въ цвѣтномъ горшкѣ, и плоды, осыпающіе крону, распредѣлены такъ ровно и правильно, словно рука разсчетливаго садовника приклеила каждый апельсинъ и каждый лимонъ туда именно, гдѣ ему быть надлежитъ, и въ такомъ именно числѣ, въ какомъ они требуются. Это не толпы живыхъ разнообразныхъ деревьевъ, а роты и полки какихъ-то деревьевъ-солдатъ, геометрически выстроенныхъ, строго дисциплинированныхъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Азіатской Яффѣ. Цѣлые сплошные лѣса деревьевъ всевозможнаго роста, всевозможной густоты, всевозможныхъ тоновъ и формъ, провожаютъ по обѣ стороны нашу узенькую каменистую дорогу. Среди этой необозримой роскошной зелени горятъ золотыми шапками, огненными звѣздами, кровавыми букетами, яблоки громадныхъ цитроновъ, лимоновъ, апельсиновъ, цвѣты гранатника, Іудейской акаціи, олеандра. Эти неохватные райскіе сады огорожены отъ дороги очень свос-

образнымъ заборомъ: на многія версты тянутся съ обѣихъ сторонъ непроницаемыя чащи плоскаго, дощатаго кактуса. Кто не видалъ этого кактуса здѣсь, въ Палестинѣ, не можетъ себѣ представить ничего подобнаго.

Словно гигантскія зеленыя лапы какихъ-нибудь сказочныхъ великановъ съ растопыренными гигантскими пальцами, торчатъ они тѣсными рядами изъ каменистой земли, ревниво заслоняя собою соблазнительные сказочные сады, горящіе своими золотыми яблоками; и на этихъ громадныхъ уродливыхъ пальцахъ выросли, выперли наружу и переплелись другъ съ другомъ въ замысловатую нераспутываемую плетеницу другіе безчисленные пальцы, безобразно вздутые и расплющенные, кривые, колючіе, въ свою очередь со всѣхъ сторонъ ощетинившіеся зелеными наростами, усатыми бородавками, молодыми зачатками новаго еще болѣе безчисленнаго поколѣнія такихъ же досчатыхъ, такихъ же рогатыхъ, такихъ же во всѣ стороны выпяченныхъ и растопыренныхъ пальцевъ.

Когда взглянешь вдоль дороги впередъ на эту длинную перспективу сверкающихъ огнемъ и золотомъ садовъ, и этотъ оригинальный тропическій заборъ вырѣжетъ на безоблачномъ фонѣ Палестинскаго неба свои уродливо вычурныя лапы, а за нимъ и надъ нимъ вырисуются на той же глубокой знойной синевѣ изящные силуэты одинокихъ пальмъ съ ихъ высоко поднятыми въ небо букетами перистыхъ листьевъ, отдѣляющіеся надъ густой массой садовъ словно тонкіе минареты мечетей надъ низменной толпою человѣческихъ жилищъ,—тогда постигнешь смыслъ тѣхъ недоступныхъ Армидиныхъ садовъ, волшебное очарованіе которыхъ, по слѣдамъ трубадуровъ, крестоносцевъ, воспѣлъ Торквато Тассо.

Еслибы не зналъ навѣрное, что кактусъ распространился по берегамъ Африки и Сиріи уже послѣ открытія Америки, то можно было бы безъ труда предположить, что заколдованные лѣса Палестины, ужасавшіе паладиновъ Готфрида, охранялись именно этими уродливыми рогатыми чудищами, и что напоминавшее лѣсъ огненное пламя, въ которое такъ

доблестно ринулся Танкредъ, было ничто иное, какъ пылающія огненнымъ румянцемъ золотыя яблоки Яффы.

Въ тѣни этихъ садовъ Армиды—группы и сцены, цѣликомъ переносящія фантазію уже не въ вѣка Танкреда, а въ заслоненную тысячелѣтіями древность Библіи.

Старинные полуразрушенные фонтаны, увѣнчанные кубанами каменныхъ куполовъ, освященные памятью православныхъ арабскихъ шейховъ, которые похоронены подъ тѣми же мшистыми сводами и которыхъ имя несомнѣнно легло поверхъ другихъ, гораздо болѣе древнихъ и болѣе славныхъ именъ, ютятся въ заманчивыхъ сѣняхъ зелени, подъ утесами холмовъ. Около нихъ движеніе, жизнь, яркія краски.

Пестрыя толпы арабскихъ водоносицъ, съ громадными кувшинами на головахъ, въ тѣхъ же одеждахъ, въ тѣхъ же позахъ, съ тою же формою кувшина, какія были во дни Рахили и Лавана; отдыхающіе всадники—Арабы библейскаго вида, библейской важности, библейскія овцы, ожидающія своей очереди съ тѣмъ же покорнымъ терпѣніемъ, какъ и въ то далекое время, когда еще юный Іаковъ, хитроумный отецъ еврейства, опускалъ для нихъ въ воду колодца полосатые жезлы, чтобы провести своего прижимистаго тестя.

По дорогѣ народъ на всякомъ шагу; старыя Арабки въ своихъ неизмѣнныхъ синихъ плащахъ съ ношами на головѣ, молодыя—съ красными и синими полосами; Бедуины на верблюдахъ, на ослахъ, цѣлыми обозами какъ извощичьи повозки съ товаромъ на русскихъ большихъ дорогахъ. А вдали, какъ общій фонъ всей этой библейской картины, туманно голубыя Іудейскія горы, на которыя смотрѣлъ еще Авраамъ и Ной.

Плодоносная Саронская равнина стелется отъ подножія Іудейскихъ и Самарійскихъ горъ до самаго моря.

Мы теперь прорѣзаемъ самую южную и самую широкую часть ея, когда-то составлявшую владѣніе колѣна Іудина и Данова. Налѣво далекіе амфитеатры Самарійскихъ предгорій Ефраимова жребія, усѣянные бѣленькими городками, на-

право пустынные песчанистые холмы земли Филистимской. Она отдѣлялась отъ колѣна Іудина не вдалекѣ отсюда столь часто поминаемымъ въ Библіи потокомъ Экрономъ, попросту потокомъ Филистимскимъ, который теперь называютъ Наръ-Рубимъ или Сараръ; но въ сущности и та часть равнины Саронской, которую мы теперь проѣзжаемъ, долгое время входила въ предѣлы Филистимлянъ и до сихъ поръ пропитана ихъ воспоминаніями.

Хотя съ каждымъ годомъ дорога изъ Яффы въ Іерусалимъ дѣлается, какъ увѣряютъ, безопаснѣе, однако вы услышите въ Іерусалимѣ далеко не успокоительные разсказы о разныхъ не особенно давнихъ событіяхъ на этой дорогѣ. Если они и не часты, то во всякомъ случаѣ всегда возможны. Недаромъ консулы въ Яффѣ до сихъ поръ совѣтуютъ путешественникамъ брать съ собою кавасовъ; недаромъ и турецкія власти до сихъ поръ охраняютъ эту Филистимскую дорогу цѣлою цѣпью блокгаузовъ и вооруженными конными разъѣздами, которые мы только-что встрѣтили. Романтическія башни блокгаузовъ, да рѣдкія арабскія деревеньки, утонувшія въ кактусахъ, однѣ только кое-гдѣ вѣнчаютъ холмы привольной равнины, уже покрытой зрѣющими посѣвами. Видъ этихъ жирныхъ хлѣбовъ и еще болѣе видъ трудолюбиво-пашущаго Араба такъ мало гармонируетъ въ моемъ представленіи со всею воинственною обстановкою этого историческаго пейзажа, со всѣми воинственными воспоминаніями этой равнины великихъ битвъ.

Вотъ и „Макатане“—мрачная пустынная лощина между камнями, означающая по-русски нѣчто въ родѣ „голову долой!“ Недавно еще она кишѣла разбойниками, и богомольцы испуганно крестились, проходя ее. Сейчасъ же, какъ вылѣзешь изъ нея на гору,—сторожевая башня.

Прелестный розовый вечеръ, напоминавшій намъ самые очаровательные вечера нашей крымской жизни, спускался между тѣмъ на землю и охватывалъ всѣ эти коварныя разбойничьи засады, всѣ эти камни, орошенные кровью народовъ, нѣжнымъ объятіемъ любви и мира. Въ сіяніи этого тихаго вечера приближалась къ намъ все ближе и ближе

вырѣзавшаяся на фонѣ горъ своими пальмами, кипарисами, куполами и минаретами древняя Аримаѳея,—теперешняя Рамле.

Намъ хотѣлось посѣтить Палестину православными паломниками, а не туристами-космополитами; поэтому мы не рѣшились завернуть въ соблазнительно зеленѣвшую направо отъ дороги, сейчасъ же по въѣздѣ въ городъ, опрятную тополевую аллею, что вела въ благоустроенныя и красивыя владѣнія Латинскаго монастыря, и куда насъ усердно соблазнялъ Нѣмецъ-возница. Но architecte ingénieur былъ, повидимому, строгій католикъ и, какъ кажется, даже ѣхалъ въ Палестину по приглашенію какой-то католической конгрегаціи—строить монастыри и часовни.

Онъ тоже не захотѣлъ помѣститься въ пріютѣ иновѣрцевъ и высадился съ своимъ чемоданомъ у разукрашенныхъ воротъ аббатства, гдѣ его сейчасъ же встрѣтили два босоногихъ padre въ классическихъ коричневыхъ капюшонахъ, перепоясанныхъ веревкой, и съ круглою какъ полная луна тонзурою на темени, а мы, грѣшные, поплелись, патріотизма ради, безбожно подбрасываемые во всѣ стороны безбожною турецкою мостовою, по гористымъ переулочкамъ этой издали столь прелестной Аримаѳеи,—въ свои „русскія постройки“.

И въ самомъ дѣлѣ, кому же поддерживать ихъ, если свой братъ Русскій, свой братъ православный,—будетъ нести золото въ французскіе и итальянскіе монастыри, безъ того несравненно болѣе богатые и благоустроенные, куда и безъ того устремляются по разъ наторенной дорожкѣ всѣ какъ одинъ, будто по сговору, многочисленные и всегда многорасходующіе туристы Европы,—а за ними ихъ слѣпые и безразсудные подражатели — русскіе благородные путешественники.

На „русскія постройки“ взбираешься какъ на стѣны крѣпости. На верху — открытая, плитами вымощенная платформа, окруженная почти сплошнымъ кольцомъ низенькихъ и узенькихъ строеній съ каменными купольчиками на плоской каменной крышѣ. Это келіи для пріѣзжающихъ,

открывающіяся, конечно, прямо во дворъ. Подъ вымощеннымъ дворомъ — опять жилье, конюшни, сараи. Характерно и совсѣмъ непривычно.

Добрая старушка изъ какой-то подмосковной губерніи, мирно проживающая здѣсь съ своею дочерью въ роли смотрительницы, пріютила насъ съ русскимъ гостепріимствомъ въ этомъ азіатскомъ градѣ арабскихъ халифовъ, крестоносцевъ и Іудеевъ.

Привѣтливыя, благочинныя рѣчи и благообразный видъ этой характерной русской старушки, тульскій самоваръ, сверкавшій и шипѣвшій по родному обычаю на кругломъ столѣ, подъ шумокъ родной бесѣды, а на дворѣ, въ тѣни стѣночки, уютно усѣвшіеся въ обычный кружокъ съ деревянными ложками вокругъ деревянной чашки вечерившіе русскіе страннички въ своихъ русскихъ рубахахъ, лаптяхъ и валенкахъ, все это растрогало и умилило насъ приливомъ какого-то особенно напряженнаго чувства родины.

— Хлѣбъ-соль, старички! подсѣлъ я на минуточку къ давно уже знакомымъ богомольцамъ, рады небось, что добрались до своего... Тутъ вѣдь и хлѣбъ нашъ черный, и самоварчикъ.

— О, Боже мой, какъ хорошо!... Совсѣмъ своя родная сторонушка. Можно ль таки съ Египетской землей смѣнить! осклабившись благодушными улыбками, отвѣтили мнѣ старики.

Они уже поскидали свои пыльныя свитки, распустили пояски, растегнули слегка косые вороты, и сидѣли по-трое, красные, распаренные, будто только-что изъ бани. Кое отъ кого потягивало и виноградным винцомъ.

— Аль ужь чайку успѣли напиться? освѣдомился я.

— Да грѣшнымъ дѣломъ животики пораспарили! Винцо тутъ дешевое—бутылка за гривенникъ. Съ красненькимъ чаекъ-то куда скуснѣе! вотъ лишненькое, смотришь, и выпилъ. Самъ собою въ ротъ человѣку лѣзетъ, — съ очевиднымъ удовольствіемъ разъяснялъ мнѣ многоопытный Вологодецъ, вожакъ всей артели... Мы вѣдь на своихъ

толкочахъ все, извощика намъ не нанимать, а тутъ жара. Такъ вотъ оно и не грѣхъ чайкомъ побаловаться!

— Ты вѣдь изъ Вологодской губерніи, кажется, старикъ? Далеко жъ!

— Изъ Вологодской, съ Ветлуги... мнѣ далеко, а вотъ человѣкъ еще того подальше, изъ-за Камня, изъ-за Урала пришелъ, указалъ онъ на тщедушнаго старичка, съ прилипшими къ черепу длинными и жидкими волосенками.

— Этотъ совсѣмъ въ чистую ноги себѣ отстопалъ, вспухнули какъ подушки. Только и тѣшитъ ихъ что котами валеными.

Сибирякъ, о которомъ шла рѣчь, съ любопытствомъ смотрѣлъ на свои неподвижно вытянутыя какъ обрубки, обутыя въ валенки, ноги.

— Теперь ни сколько!..

— Завтра къ вечернѣ, коли Господь сподобитъ и Святому Гробу поклонимся, храбро похвастался онъ своимъ тоненькимъ полудѣтскимъ голоскомъ, словно думалъ подбодрить такъ не кстати отказавшіеся отъ службы свои хилые шатуны.

Солнце заходило, и я взобрался на парапетъ стѣны, чтобы полюбоваться городомъ.

Невыразимая прелесть была разлита кругомъ въ воздухѣ на землѣ и на небѣ. Живописная древняя равнина, охватившая этотъ живописный древній городокъ, вся тонула въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ умиравшаго вечера. Съ вершины нашего дома-крѣпости были видны какъ на огромной картѣ маленькіе бѣленькіе городки, разсыпанные кругомъ Рамле въ складкахъ предгорій, на вершинахъ холмовъ. Вотъ у нашихъ ногъ рукою подать Лидда, упоминаемая въ числѣ городовъ Веніаминова колѣна, еще въ Книгѣ Чиселъ и Нееміи, гораздо болѣе древняя, чѣмъ само Рамле, мѣсто чудесныхъ исцѣленій апостола Петра; теперь впрочемъ она гораздо болѣе полна воспоминаніями о другихъ чудесахъ и другихъ подвигахъ. По народному преданію, въ Лиддѣ происходилъ знаменитый бой съ дракономъ любимаго

героя церкви христіанской Георгія Побѣдоносца, этого близкаго русскому сердцу Георгія мученика, о которомъ поется въ русскомъ духовномъ стихѣ:

А Егорій свѣтъ—Христу мученикъ,
Христу мученикъ, еще труженикъ...
По колѣнки ножки да въ чистомъ серебрѣ,
По локотки руки да въ чистомъ золотѣ,
А волосъ да на немъ что ковыль-трава,
А гласомъ гласитъ по Евангельски,
А стихи поетъ Иже Херувимскіе.

Буйные вѣтры чудесно освобождаютъ его отъ глубокихъ погребовъ царя-мучителя.

„А Егорій-свѣтъ царицу врагъ—Демьянищу
„Копьемъ грудь пробивалъ
„Вотъ тебѣ, царище, за поруганьице,
„За Христову кровь проливаньице!

Въ Лиддѣ издревле показывалась и гробница Святаго Георгія, и издревле строились храмы во имя св. Георгія.

Вотъ у входа въ синюю пасть горъ крошечный поселокъ Латруна, родина разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ. Вотъ у самыхъ воротъ Рамле знаменитая въ теченіи долгихъ вѣковъ башня 40 мучениковъ, самый интересный памятникъ города. Для христіанъ—это, конечно, храмъ царицы Елены, потому что въ убѣжденіи народа всѣ храмы Палестины построены если не Соломономъ, то Еленой, какъ на Кавказѣ всякая башня, всякая развалина—непремѣнно приписывается Томарѣ.

Но для мусульманъ—это съ такою же несомнѣнностью мечеть великаго халифа Солимана,—Джаміе-ель-Абьядъ. Солиманъ дѣйствительно построилъ Рамле—этотъ „городъ песковъ“ еще въ самомъ началѣ VIII вѣка и основалъ эту мечеть, но послѣ него много еще болѣе славныхъ намѣстниковъ пророка, и Саладинъ, и Бибарсъ, и роскошный Калаунъ перестроивали и украшали знаменитую Джаміе, еще сохранившую на себѣ интересныя арабскія надписи. Точно также и громадныя подземелья этой мечети одинаково утѣшаютъ и благочестіе христіанъ, и благочестіе правовѣрныхъ: легенды греческой церкви издавна ведутъ сюда паломника поклониться праху 40 мучениковъ, претерпѣвшихъ мразъ озера

*

Севастійскаго, а мусульманскіе муллы и дервиши столь же усердно молятся здѣсь надъ гробницами 40 спутниковъ пророка. Вообще вся эта страна глубочайшей древности покрыта столькими историческими наслоеніями, что воспоминанія самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга вѣковъ перепутались и смѣшались фантазіею народа въ неразличимую путаницу, въ которой не въ силахъ оріентироваться самый многоученый археологъ. Имя каждой деревушки, каждаго храма, каждаго ручья дышетъ Библіею, временемъ апостоловъ или Крестовыми походами.

Меня всегда глубоко проникаетъ эта поэзія сѣдой древности и разстилавшійся кругомъ меня неохватный пейзажъ, безъ того полный прелести, отражался въ сердцѣ моемъ вдвойнѣ прекраснѣе отъ этого незримаго дыханія тысячелѣтнихъ тѣней исторіи.

Сама древняя Аримаѳея толпилась у моихъ ногъ тѣсными лабиринтами своихъ четырехугольныхъ каменныхъ домиковъ, осѣненныхъ куполами, среди которыхъ изрѣдка подымались въ потухавшее небо одинокія пальмы и кипарисы, да минареты турецкихъ мечетей. Тихій городокъ смотрѣлъ на меня черными входами своихъ безокихъ домиковъ, своими разрушенными сводами и муравьиными кучами своихъ земляныхъ куполовъ—совсѣмъ такъ, какъ онъ смотрѣлъ, навѣрно, во дни ветхозавѣтнаго Саула или Евангельскаго Никодима, словно только-что былъ выхваченъ со страницъ Библіи, не ощутивъ на себѣ прикосновенія вѣковъ.

Какъ разъ противъ нашего дома, едва отрѣзанный отъ него трехъ-аршиннымъ проулкомъ, высится большой старинный храмъ Крестоносцевъ съ готическими амбразурами, съ просторнымъ дворомъ, уже много вѣковъ тому назадъ обращенный въ главную мечеть города. Иновѣрцевъ рѣдко пускаютъ въ нее; вонъ я вижу: глубоко внизу наши спутники Итальянцы, вмѣстѣ съ французскимъ архитекторомъ, пробираются къ ней у подножія высокихъ стѣнъ. Драгоманъ ихъ что-то долго споритъ съ суровымъ хаджи, охраняющимъ запретный входъ, но, видно, не могъ побѣдить

упрямства магометанина, потому что европейскіе туристы поворачиваютъ оглобли.

Невозможно жалокъ, почти неприличенъ видъ этихъ модныхъ шляпъ и жакетокъ съ бульвара европейскихъ столицъ въ этой ветхозавѣтной обстановкѣ древняго города Измаильтянъ, Филистимлянъ и Іудеевъ, въ этой странѣ величавыхъ мантій, строгихъ профилей, важныхъ движеній.

Направо отъ нашего дома виднѣются въ тѣснотѣ азіатскихъ кварталовъ—массивныя постройки Греческаго монастыря, безъ колоколенъ, безъ отдѣльно стоящихъ храмовъ, скорѣе похожія на крѣпость съ эспланадами и парапетами.

На верхней террасѣ, господствующей надъ городомъ, можно было еще различать медленно двигающіяся по ней черныя фигуры.

— Это святѣйшій патріархъ Іерусалимскій изволитъ сегодня ночевать въ ихъ монастырѣ, сообщила мнѣ съ благоговѣніемъ старушка-смотрительница. Епархію свою обозрѣваетъ, только-что изъ Газы вчера вернулся, а завтра въ Лидду ѣдетъ. Тамъ свят. Георгія праздникъ.

Я рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ и отправился познакомиться съ патріархомъ, котораго могъ не застать въ Іерусалимѣ.

Греческій монастырь построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ по преданію домъ Іосифа Аримаѳейскаго точно такъ, какъ Латинскій монастырь, разумѣется, попалъ какъ разъ на дворъ къ благочестивому Никодиму. Блаженны вѣрующіе! Оспаривать эти преданія также невозможно, какъ и доказывать ихъ, а главное—совсѣмъ безцѣльно.

Все дѣло тутъ въ вѣрѣ, а не въ доказательствахъ. Дворъ монастыря былъ запруженъ конными всадниками и ослами. Христіане-Арабы толкались здѣсь, кто съ нуждами къ патріарху, кто просто получить его благословеніе. На лѣстницахъ, на террасахъ тоже была толпа. Мой проводникъ Арабъ поговорилъ по-арабски съ монахами, и

меня сейчасъ же ввели на обширную верхнюю площадку, составлявшую плоскую крышу монастырскихъ зданій. Монахи черною толпою тѣснились передъ нею, созерцая издали вмѣстѣ съ любопытною публикою важно возсѣдавшаго въ глубинѣ террасы своего Владыку, но на самую террасу не вступалъ никто изъ нихъ.

Высокая сановитая фигура патріарха разомъ поднялась съ кресла и сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу... Патріархъ Никодимъ — совсѣмъ еще бодрый и моложавый человѣкъ, мужественнаго вида, съ энергическимъ и нѣсколько гнѣвнымъ взглядомъ черныхъ какъ угли глазъ, съ черною бородою, черными волосами, весь одѣтый въ черное.

На головѣ его низенькая черная камилавка съ расширеннымъ дномъ, обычнаго греческаго образца, а на плечахъ черная мѣховая шубка сверхъ черной рясы. Въ такой же мѣховой шубкѣ сидѣлъ около патріарха и митрополитъ Петръ Аравійскій. Очевидно, этотъ мѣхъ — не столько необходимость въ теплые дни апрѣля, сколько условія сановитости.

Патріархъ осѣнилъ меня широкимъ размашистымъ благословеніемъ, ласково пригласилъ на стоявшее передъ нимъ кресло. Онъ представилъ меня сейчасъ же своимъ собесѣдникамъ: Никифору, митрополиту Петру Аравійскому и архимандриту здѣшняго монастыря, нашему общему хозяину.

Впрочемъ почтенные отцы почти не принимали участія въ нашей дальнѣйшей бесѣдѣ, можетъ быть изъ этикета, а можетъ быть и потому, что не понимали по-русски. Я невольно засмотрѣлся на характерную фигуру Аравійскаго архипастыря. Небольшаго роста, молчаливый, худой и блѣдный, съ сѣдою бородою, едва не по колѣна, — онъ до того живо перенесъ мое воображеніе въ средневѣковые скиты Фиваидскихъ и Палестинскихъ отшельниковъ, питавшихся кореньями и закрывавшихъ длинными брадами свою наготу, — что я смотрѣлъ на него скорѣе какъ на икону строгаго письма, изображающую ликъ какого-нибудь Ефи-

мія Великаго или Петра Аѳонскаго, чѣмъ на подлиннаго живаго человѣка.

Сейчасъ же явился служка съ подносомъ, на которомъ, по восточному обычаю, стояло варенье и холодная вода. Патріархъ любезно преподалъ мнѣ первый урокъ, какъ обращаться съ этимъ сладостнымъ азіатскимъ привѣтствіемъ. Не успѣлъ я залить водою густой и вязкій шербетъ, какъ появился другой подносъ съ чернымъ турецкимъ кофе. Таковъ ужь неизмѣнный этикетъ восточнаго гостепріимства.

Патріархъ Никодимъ очень долго жилъ въ Россіи, избранъ Россіею, и отлично говорилъ по-русски, хотя, конечно, съ нѣкоторымъ акцентомъ. У насъ оказалось много общихъ русскихъ знакомыхъ и вообще Его Блаженство съ большою симпатіею вспоминалъ свою русскую жизнь въ Бессарабіи, въ Москвѣ, въ Одессѣ. Но меня, конечно, болѣе всего интересовали дѣла здѣшней церкви.

— Удивляюсь, какъ это христіанскія державы, послѣ столькихъ войнъ, побѣдъ и мирныхъ трактатовъ, при такомъ всесильномъ вліяніи на Турцію, до сихъ поръ не могли выговорить себѣ въ полную собственность хотя бы одинъ Іерусалимъ, не говоря уже всѣ святыя мѣста,—высказалъ я Его Блаженству занимавшую меня мысль.

Энергическій патріархъ чуть не подскочилъ на своемъ креслѣ отъ изумленія и испуга.

— Что вы, что вы! Да избави насъ отъ этого во вѣки, Милосердый Господь!.. вскрикнулъ онъ, сверкая глазами. Для насъ нѣтъ опаснѣе врага, какъ Европа. Что разъ попадетъ въ руки Англичанъ или Французовъ, съ тѣмъ уже надо намъ проститься навсегда. Вы представить себѣ не можете, съ какимъ страшнымъ трудомъ приходится намъ отбиваться здѣсь отъ напора латинства и лютеранства, особенно латинства. Они настойчивы не по нашему, не жалѣютъ ни труда, ни денегъ. Они и силою и хитростью вырываютъ у насъ нашу слабую въ православіи паству. Турки сравнительно съ ними—наши спасители, особенно теперь. Притѣснять серьезно уже не смѣютъ, Россіи боятся, стали безсильны, а

намъ вездѣ довѣряютъ, по старой привычкѣ, больше, чѣмъ латинцамъ. Все-таки мы имъ свои въ нѣкоторомъ родѣ, подданные ихъ, снисходительно улыбнулся патріархъ.

Мнѣ не было интереса опровергать взгляды архипастыря Іерусалимской церкви и я только старался вызвать его на дальнѣйшее развитіе своихъ мыслей.

— Нѣтъ, я искренно молюсь ежедневно за султана, пусть Богъ продлитъ его дни! продолжалъ разгоряченный патріархъ.

— Пока Турція стоитъ, до тѣхъ поръ и мы тутъ хозяева, до тѣхъ поръ святыни православія въ нашихъ рукахъ. Вотъ, другое дѣло, когда перейдетъ со-временемъ турецкое наслѣдство въ православныя руки. Этому же, разумѣется, неминуемо быть когда-нибудь.—А пока нужно молить Бога, чтобы святыя мѣста не уходили изъ подъ турецкой власти.

— Неужели жъ между христіанскими церквами въ Палестинѣ больше вражды, чѣмъ между магометанами и христіанами? спросилъ я.

— Никакого сравненія. Магометане самый спокойный народъ на этотъ счетъ. А католики не пренебрегаютъ ничѣмъ, чтобы переманить вѣрующихъ отъ насъ къ себѣ. Даютъ деньги за это, воспитываютъ дѣтей на свой счетъ, открываютъ кредиты въ банкахъ, заступаются во всѣхъ дѣлахъ черезъ посольства и консуловъ. Мы ничего подобнаго не въ силахъ дѣлать. Оттого-то много православныхъ Арабовъ ушло въ послѣдніе годы изъ нашей церкви въ католическую и лютеранскую.

— И никакихъ средствъ нѣтъ остановить это, бороться съ своей стороны?

— Средства, конечно, могли бы быть, еслибы мы всегда были дѣятельны и внимательны къ нуждамъ своей паствы, тономъ рѣшимости, отвѣчалъ патріархъ. Мы сами, конечно, во многомъ виноваты. Вотъ я былъ сейчасъ въ такихъ эпархіяхъ, куда никогда не ѣздили наши патріархи. А народу необходимо имѣть утѣшеніе и помощь отъ своего владыки. Тамъ устроишь, что нужно, тамъ поддержишь благолѣпіе церкви, чистоту обрядовъ,—народъ и самъ иначе от-

несется къ церкви. Да вотъ, если пробуду на патріаршемъ престолѣ лѣтъ пять, я всѣхъ ихъ опять въ православіе возвращу, всѣхъ отъ насъ оторванныхъ. Въ этомъ далъ себѣ слово и сдержу его! прибавилъ, строго нахмурившись, патріархъ, словно угрожалъ какому то-невидимому сопернику.

— Не много времени прошло, а ужь 300 человѣкъ удалось мнѣ вернуть къ православію,—продолжалъ онъ черезъ минуту болѣе спокойно. Подождите немного, всѣ опять у меня будутъ!

— Россія, конечно, поддерживаетъ эти усилія Вашего Блаженства? спросилъ я.

— Россія, разумѣется, какъ-то неувѣренно сказалъ патріархъ. Кому-же кромѣ и поддерживать? Мы и Россія—это все одно. Я только вотъ чего не понимаю: какая надобность Россіи имѣть въ Палестинѣ какое-то особое отъ насъ вѣдомство? Мы всѣ—та же русская миссія. Интересы наши тѣ же самые и все, что исполняетъ здѣсь такъ называемая русская миссія, мы могли бы исполнить еще удобнѣе, только безъ всякаго раздвоенія власти и средствъ, безъ напраснаго раздѣленія греческихъ интересовъ отъ русскихъ.

Я уже слышалъ раньше о серьозныхъ недоразумѣніяхъ и тайномъ соперничествѣ, возникшихъ между русскою Палестинскою миссіею и патріаршимъ престоломъ, но такъ какъ самъ не зналъ ничего вѣрнаго кромѣ росказней и пересудъ, то счелъ за лучшее не затрогивать этого щекотливаго вопроса.

— Въ Россіи стараются выставить меня какимъ-то недругомъ Русскихъ продолжалъ между тѣмъ патріархъ. А тутъ меня считаютъ не греческимъ, а русскимъ, потому что я русскій ставленикъ и жилъ долго въ Россіи. Могу ли я быть недругомъ Русскихъ? Но мнѣ дорого единство церкви, и я думаю, что въ Святомъ градѣ не должно быть двухъ православныхъ церквей и двухъ православныхъ интересовъ. А вотъ, слышу, какой-то корреспондентъ „Новаго Времени“ живетъ теперь въ Іерусалимѣ и что-то пишетъ про меня, наслушавшись сплетень по гостиницамъ, — засмѣялся вдругъ

патріархъ, очевидно однако нѣсколько озабоченный этимъ слухомъ.

— Да вотъ еще, хотѣлъ я вамъ сказать! перебилъ онъ самъ себя. Вы говорите: помогаетъ Россія. Конечно, у насъ почти всѣ богомольцы Русскіе; Греки рѣдко приходятъ, Румыны тоже, потому что тамъ бѣдность. Только напрасно думаютъ, что Святый Гробъ такъ много получаетъ изъ Россіи. Мы собственно изъ Россіи ровно ничего не получаемъ, не посылаемъ никого на сборъ, и даже я Синоду вашему писалъ, чтобы не вѣрили тѣмъ монахамъ, что собираютъ нашимъ именемъ. А богомольцы, конечно, приносятъ, но не особенно много. Богатые тоже рѣдки. А вотъ есть у насъ въ Россіи святогробскія имѣнія, ими больше и содержимся. Я самъ былъ управителемъ нашихъ Бессарабскихъ имѣній, а потомъ завѣдывалъ Московскимъ Іерусалимскимъ подворьемъ, съ титуломъ митрополита Ѳаворскаго. Ну чтожъ, дѣйствительно получаемъ тыс. 140 рублей съ Бессарабскихъ имѣній, тысячъ восемь съ Московскаго подворья, да тысячи двѣ за Тифлисскіе дома—вотъ и всѣ главные доходы Святаго Гроба. Есть еще у насъ въ Турціи, въ Греціи имѣнія, но тѣ мало даютъ дохода, тѣхъ хоть бы и не считать.

Мы еще о многомъ бесѣдовали съ Его Блаженствомъ, онъ, повидимому, хорошо знакомъ со всѣми теченіями духовной и свѣтской политики Петербурга. На меня онъ произвелъ вообще впечатлѣніе человѣка энергическаго, ясно видящаго свои цѣли и стремящагося къ нимъ съ настойчивою твердостію. Это дѣйствительный правитель и хозяинъ церкви. Такихъ людей мудрено вести на помочахъ, мудрено заставить пѣть съ чужаго голоса.

Въ нихъ слишкомъ много для этого сознанія своего высокаго положенія и своихъ правъ. Можетъ быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ такая самостоятельность взглядовъ и характера способна перейти въ нѣкоторое властолюбіе, но трудно вмѣстѣ съ тѣмъ желать, чтобы на важномъ и воинствующемъ посту, каковъ престолъ Іерусалимскаго патріарха, постоянно окруженный борьбою и интригами иновѣрныхъ исповѣданій и иностранной дипломатіи,

сидѣлъ человѣкъ, не умѣющій себя поддержать на высотѣ своего призванія.

Русской духовной политикѣ нельзя упускать изъ виду, что верховные сановники греческой церкви все-таки подданные турецкаго султана, что политика самой Греціи и настроеніе греческаго народа въ послѣднее время—далеко не такъ дружественны ко всему русскому, чтобы мы могли благодушно успокоиться на единствѣ всѣхъ своихъ духовныхъ интересовъ и цѣлей. Греческое племя, давшее намъ когда-то православную вѣру и первыя сѣмена образованія, долгое время стоявшее подъ полуварварскимъ русскимъ славянствомъ въ роли просвѣщеннаго учителя и могучаго патрона,—можетъ быть, острѣе и ревнивѣе, чѣмъ какая-нибудь другая народность, уже въ силу однихъ своихъ историческихъ воспоминаній, относится къ теперешнему неизбѣжному господству русскаго вліянія въ области православія, и не хочетъ добровольно уступить ему своего древняго законнаго наслѣдія; но сознавая это, намъ очевидно слѣдуетъ не обострять борьбу формальнымъ раздвоеніемъ интересовъ православія, а слѣдуетъ вліять искусными и тонкими средствами на самое настроеніе греческаго духовенства и греческаго народа, сумѣть стать въ самой Греціи, въ совѣтахъ вселенской церкви, на твердую родственную ногу, объединить наши общіе съ Греціею духовные интересы, такъ сказать, въ самомъ источникѣ ихъ.

Впослѣдствіи я много слышалъ въ Іерусалимѣ и Палестинѣ о неутомимой дѣятельности патріарха Никодима по возстановленію древнихъ Святынь Палестины и поддержкѣ православія въ самыхъ далекихъ и забытыхъ ея углахъ. Его особенно хвалили за то, что онъ строго преслѣдуетъ безнравственность монаховъ и распущенные нравы духовенства. То и дѣло, говорятъ, разбалованные иноки богатыхъ обителей отправляются по приказу Владыки на тяжкое покаяніе въ Маръ-Сабу и даже на Синай.

Глядя на его черные огненные глаза и слушая его страстную рѣчь, можно этому повѣрить.... Его Блаженство

оказался знакомъ съ моими „Очерками Крыма“ и отозвался о нихъ съ большою любезностью, выразивъ надежду, что въ Палестинѣ я найду еще больше матеріаловъ для своихъ религіозныхъ, историческихъ и поэтическихъ впечатлѣній.

Было уже поздно; пора было отдохнуть и Владыкѣ, и мнѣ самому, и патріархъ благословилъ меня съ особенною привѣтливостію, взявъ съ меня слово побывать у него въ Іерусалимѣ на Троицынъ день.

Я возвратился въ русскія постройки черезъ совсѣмъ уже темные и опустѣвшіе переулки. У насъ ужь все спало мертвымъ сномъ. Но я еще цѣлый часъ простоялъ въ молчаливыхъ думахъ на высокомъ уступѣ стѣны, надъ обрывомъ глубокой и узкой улицы, отдѣлявшей отъ насъ мечеть.

Высокая башня Минарета смутно вырѣзалась надъ моею головою въ темносиней безднѣ ночи, мигавшей яркими звѣздами.

— Ля-иллахъ-иль-Аллахъ!—медленно и протяжно пронизывалъ стихшій воздухъ ночи голосъ Муэдзина съ поглощеннаго тьмою минарета.

— Ля-иллахъ-иль-Аллахъ! завывалъ этотъ незримый голосъ, десятки лѣтъ неизмѣнный въ своей интонаціи, какъ звукъ мѣднаго колокола, десятки лѣтъ, точный, какъ полуночный крикъ пѣтуха.

Неспѣшно обходилъ онъ тамъ наверху по утлому балкончику, поднятому къ облакамъ, невидимый для человѣческаго глаза, отъ востока къ сѣверу, отъ сѣвера къ западу, отъ запада къ югу, и къ каждой сторонѣ свѣта поочереди взывалъ свою протяжную, далеко слышную молитву:

— Ля-иллахъ-иль-Аллахъ!..

Евг. МАРКОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОДЕЖЬ.

РОМАНЪ

(Продолженіе).

XV.

— Вотъ это мило, князь, тѣмъ болѣе мило, что такъ неожиданно!

Мери Столѣнина, свѣжая и смѣющаяся, стоя на главномъ крыльцѣ Вороновскаго дома, привѣтствовала этими словами только-что прискакавшаго на своемъ гнѣдомъ жеребцѣ Юрія Двинскаго.

— Когда вы пріѣхали? Только вчера? Въ такомъ случаѣ это ужь до того любезно, что я даже не знаю, какъ и благодарить васъ, а стало быть лучше и не благодарить вовсе. Она опять глядѣла избалованнымъ шалуномъ, и слова ея звучали обычнымъ, насмѣшливымъ задоромъ, точно она хотѣла скрыть отъ Юрія, какъ льстилъ ей и радовалъ ее пріѣздъ молодаго человѣка.

— Вы необыкновенно скоро покончили со всѣми этими дѣлами,—продолжала она, поднимаясь съ нимъ по лѣстницѣ,—которыя, по вашимъ словамъ, должны были занять васъ такъ долго. Я вижу, вы рѣшительно готовите себя въ государственные люди: вѣдь главное качество государственнаго человѣка, не правда ли, умѣнье быстро справляться и съ людьми, и съ затрудненіями, и все рѣшать необыкно-

венно быстро, даже то, о чемъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія.

Они прошли на широкую террасу, гдѣ они такъ долго пробесѣдовали въ первое посѣщеніе Юрія. И должно быть видъ этой террасы съ ея изящнымъ безпорядкомъ воскресилъ въ памяти молодаго человѣка одни пріятныя воспоминанія, по крайней мѣрѣ, онъ весело и оживленно вторилъ тому искристому вздору, который жемчугомъ сыпался отъ красивыхъ губокъ Марьи Борисовны.

Юрій въ самомъ дѣлѣ необыкновенно быстро и удачно справился съ затрудненіями, ожидавшими его въ Воронежскомъ помѣстьѣ. А были они довольно серьезнаго свойства. Неожиданная смерть главнаго управляющаго оставила дѣла въ самомъ запутанномъ положеніи, и не потому только, что безупречною честностью онъ не отличался. Приходилось не только провѣрять далеко не добросовѣстную отчетность, надо было считаться съ глубокимъ неудовольствіемъ крестьянъ, раздраженныхъ долгими годами самой вопіющей эксплоатаціи. Не легко было втолковать имъ, что виной этому не владѣлецъ, а лишь недобросовѣстный его замѣститель. Отецъ Юрія до того рѣдко посѣщалъ свои обширныя вотчины, что обратился для своихъ бывшихъ вассаловъ въ какое-то отвлеченное понятіе. Злобное настроеніе противъ вымогательствъ управляющаго переносилось на самаго князя. Но Юрію удалось побѣдить это настроеніе очень скоро, наглядно доказавъ крестьянамъ, что отецъ его и онъ не причастны въ допущенныхъ несправедливостяхъ. Помогло ему въ этомъ то брезгливое отвращеніе, какое всегда инстинктивно возбуждало въ немъ все, отзывавшееся корыстными побужденіями. А не было, разумѣется, недостатка въ попыткахъ опутать его цѣлою сѣтью лживыхъ доносовъ и извиненій; но Юрій былъ заранѣе убѣжденъ, что встрѣтится въ отцовскомъ имѣніи съ повальною нечестностью, и не далъ своего довѣрія никому изъ тѣхъ, кто заискивалъ въ немъ и наушничалъ ему. Онъ сказалъ себѣ, что не дать себя сбить съ толку можно однимъ только средствомъ—не впутываться въ мелочи, въ которыхъ послѣдній изъ при-

кащиковъ отца, конечно, будетъ сильнѣе его. Надо было смотрѣть впередъ и рѣшительно покончить со всѣмъ запутаннымъ наслѣдствомъ прошлыхъ годовъ—разсѣчь Гордіевъ узелъ, какъ онъ говорилъ себѣ. Это, конечно, было связано съ убытками, но временные убытки ничего не значили при огромномъ состояніи Двинскихъ. Важнѣе всего было сразу поставить хозяйство на правильный путь и обезпечить за собой довѣріе крестьянъ. Ставъ на эту точку, единственно возможную для человѣка малосвѣдущаго, какимъ сознавалъ себя Юрій, онъ достигъ цѣли такъ скоро и легко, какъ и самъ того не ожидалъ. Затянувшіеся споры съ крестьянами не только были покончены миромъ, но крупная сумма была ассигнована на устройство больницы въ главномъ селѣ и на образованіе ссудосберегательной кассы. Все это было сдѣлано вопреки настояніямъ цѣлаго сонма должностныхъ лицъ, увѣрявшихъ Юрія, что мѣстные крестьяне—народъ до крайности самовольный и почти съ разбойничьими наклонностями.

— Я не хочу вѣрить,—упорно отвѣтилъ Юрій,—чтобы нѣсколько тысячъ человѣкъ были сплошнымъ сборищемъ негодяевъ. Они озлоблены длиннымъ рядомъ несправедливостей и послабленій, вотъ и все. Конечно, распускать вожжей не слѣдуетъ, но въ то же время показать надо, что мы не только изъ нихъ деньги выколачивать умѣемъ, и вы увидите, что они будутъ, какъ всѣ прочіе мужики въ Россіи, не лучше и не хуже.

И Юрій мысленно сравнивалъ себя съ тѣми либеральными правителями, которые, вопреки совѣтамъ своихъ приближенныхъ, смѣло и довѣрчиво идутъ на встрѣчу желаніямъ своего народа. Поступая такъ, стараясь щедрою рукой загладить прошлое и привязать къ себѣ крестьянъ, Юрій невольно вспомнилъ про свои разговоры съ Наташей. „Она была бы теперь довольна мной, часто думалъ онъ, когда такъ заботливо вникалъ въ нужды крестьянъ и такъ великодушно платилъ имъ за прежнюю строптивость. И хорошее, радостное чувство поднималось въ немъ при этой мысли, точно образъ Наташи, какъ добрый его геній, сопутствовалъ

ему и нашептывалъ, какъ слѣдовало поступать. Онъ чувствовалъ за собою какую-то вину передъ нею, хоть врядъ ли онъ подозрѣвалъ, что-за глубокую скорбь причинилъ ей неожиданный его отъѣздъ. И было въ немъ теперь смутное желаніе загладить эту вину, исполняя то самое, что, конечно, посовѣтовала бы ему Наташа. Одного Юрій, однако, не вполнѣ сознавалъ—въ его щедрости къ крестьянамъ было не столько искренней заботливости объ ихъ судьбѣ, сколько горделиваго равнодушія къ денежнымъ вопросамъ и какого-то полупрезрительнаго снисхожденія къ толпѣ сѣраго люда, стоявшей такъ неизмѣримо ниже его самого. Раздражить его, вынудить къ какому-нибудь возмездію за свои провинности эти люди, конечно, не могли; но въ его равнодушной щедрости было гораздо болѣе высокомѣрія, чѣмъ христіанскаго братолюбиваго чувства. Быть очень богатымъ потому только и хорошо, часто говорилъ себѣ Юрій, что благотворительность становится такою доступною, что такъ легко пріобрѣтаешь право на самоуваженіе, а выше этого чувства не могло быть ничего для человѣка, который, подобно Юрію, такъ низко цѣнилъ мнѣніе другихъ.

Не одинъ образъ Наташи, однако, носился передъ его воображеніемъ. На ряду съ нимъ воскресали въ его памяти задорныя черты Марьи Борисовны. Въ ушахъ его звучалъ ея серебристый смѣхъ. И хоть онъ мысленно продолжалъ называть ее пустой и взбалмошной, воспоминаніе о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ ней вызвало въ немъ пріятное, слегка возбуждающее ощущеніе. Конечно, она не могла заслонять собою милый образъ Наташи. Ея черты только легкимъ, едва намѣченнымъ наброскомъ сохранились въ его памяти; и въ тѣ минуты, когда его умъ серьезно работалъ, а сердце подсказывало хорошія мысли, конечно, этимъ онъ былъ обязанъ не воспоминанію о Мери Столѣниной. Въ такія минуты съ нимъ была одна Наташа, точно онъ становился добрѣе и лучше, вспоминая о ней. Въ короткій двухнедѣльный срокъ всѣ дѣла были окончены, и Юрія неудержимо потянуло опять въ Набережное. Уѣзжая оттуда, онъ сперва думалъ прямо вернуться въ Петербургъ и тамъ при-

няться за исполненіе совѣта, даннаго ему Борисоглѣбскимъ. Но теперь честолюбивыя мысли опять отошли на второй планъ. Ему казалось, что все, сдѣланное имъ въ Воронежскомъ помѣстьѣ, гораздо важнѣе широкихъ, но себялюбивыхъ видовъ на будущую карьеру. Въ первый разъ, можетъ быть, въ цѣлой жизни онъ былъ доволенъ собою, болѣе даже чѣмъ въ тотъ день, когда при Дунайской переправѣ онъ стойко вынесъ испытаніе непріятельскаго огня. „Тамъ было, конечно“, думалъ онъ, сидя въ вагонѣ, „болѣе шума и блеска, но все-таки это было удовлетвореніемъ только личнаго чувства. Здѣсь сѣрое, невидное дѣло, а въ немъ во сто разъ больше пользы, чѣмъ во всей моей военной храбрости“. И за то, что онъ былъ способенъ понимать это, Юрій мысленно благодарилъ Наташу. Ея милый образъ и манилъ его теперь въ Набережное. Ему хотѣлось передать ей свои новыя, хорошія мысли, и услыхать отъ нея похвалу себѣ.

Когда, однако, на другой день послѣ своего возвращенія въ Набережное, Юрій велѣлъ осѣдлать себѣ жеребца, онъ поскакалъ не въ Солнцево, а доѣхавъ до того мѣста, гдѣ дорога сворачивала въ Вороново, онъ, долго не задумываясь, повернулъ туда голову лошади. И теперь, когда онъ вдвоемъ съ Мери сидѣлъ на террасѣ Вороновскаго дома, шутя и разсказывая про свои похожденія, ея смѣхъ и болтовня, и самый блескъ ея глазъ, слегка подернутыхъ влагой, пріятно щекотали его нервы, какъ тонкое блюдо щекочетъ вкусъ послѣ долгаго поста. Только ему все казалось, что онъ словно портитъ впечатлѣнія, вызванныя у него поѣздкой, передавая ихъ молодой женщинѣ. Въ этихъ впечатлѣніяхъ она очевидно бы ничего не поняла и невольно Юрій настроилъ себя на ея легкій насмѣшливый тонъ. Онъ снова поддался старинной привычкѣ трунить надъ собой и прикидываться холоднымъ и безсердечнымъ. И въ то же время, дѣлая это, онъ стыдился самого себя. „Не такъ бы я все это сталъ разсказывать, думалось ему, еслибы теперь со мной была Наташа“.

— Я вижу, однако, что на вашъ счетъ сильно ошиба-

лась,—говорила ему Марья Борисовна.—Я всегда думала, что вы... ой, ой... что называется, съ душкомъ, и съ вами ухо надо держать востро! А на повѣрку выходитъ, что вы славный и добрый такой—въ хорошемъ смыслѣ, конечно! И даже нѣтъ въ васъ совсѣмъ этой струнки петербургскаго честолюбія, которую я въ васъ подозрѣвала.

По тону Марьи Борисовны очень трудно было догадаться, насмѣшка или похвала звучали въ ея словахъ,—до того искренно и добродушно улыбались ея глаза.—Пожалуйста, не ищите въ моихъ словахъ иронiи!—продолжала она.—Я говорю совершенно серьезно. И я могу васъ только поздравить, что у васъ такія мирныя, сельскія наклонности. Онѣ гораздо вѣрнѣе къ счастью васъ приведутъ, чѣмъ это глупое честолюбіе. И знаете, я уже заранѣе вижу васъ женатымъ на какой-нибудь доброй, хорошенькой дѣвочкѣ, живущимъ у насъ въ провинціи, конечно не круглый годъ, словомъ отцомъ семейства и земскимъ дѣятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше этого?!

Послушный голосокъ Марьи Борисовны попрежнему избѣгалъ иронической нотки. Но Юрію, должно быть, эта нотка въ немъ все-таки послышалась: по крайней мѣрѣ онъ отвѣтилъ ей съ легкимъ оттѣнкомъ нетерпѣнія.

— Я самъ очень прельщенъ этой картиной счастья, которую вы такъ мило рисуете. Одно въ ней только не совсѣмъ вѣрно: о свадьбѣ я пока и не помышляю.

— Напрасно, вы были бы отличнымъ мужемъ. Вы, я увѣрена, себя воображаете страшнымъ повѣсой, котораго перспектива быть прекраснымъ мужемъ совсѣмъ не прельщаетъ. И вы ошибаетесь, какъ многіе это дѣлаютъ. Вотъ мой мужъ, напримѣръ. Знаете, что въ молодые годы онъ воображалъ себя очень серьезнымъ человѣкомъ и про карьеру мечталъ, и очень много и умно говорилъ о политикѣ. Вѣдь онъ совсѣмъ не глупъ—мой мужъ; вы пожалуйста не думайте!

„Она просто невозможна!“ подумалъ Двинскій, звонко разсмѣявшись въ отвѣтъ.

— Онъ и теперь иногда говоритъ очень толково, гораздо толковѣе многихъ, такъ называемыхъ дѣльныхъ людей.

Бѣда только, что все ему надоѣло очень скоро, все кромѣ лошадей.

— Даже семейное счастье надоѣло?—спросилъ Юрій.

— Оно-то въ особенности. Я впрочемъ за это на него не сержусь. Въ немъ есть, какъ у многихъ, потребность въ движеніи, и въ то же время лѣнь думать и волноваться. Вотъ почему онъ и кажется пустымъ человѣкомъ... А вотъ, кажется, молодежь наша вернулась съ прогулки, и мужъ съ ними тоже.—Мери нагнулась черезъ перила террасы, подъ которой слышались чьи-то оживленные голоса и въ числѣ ихъ сухой, немного хриплый голосъ Владиміра Валеріановича. Странная, не совсѣмъ добрая улыбка, заиграла на лицѣ Мери.

— А я и забыла васъ предупредить,—сказала она,—кого вы здѣсь встрѣтите. У насъ сегодня домъ полонъ гостей... Venez ici, ma chère, venez vite!—крикнула она въ садъ.

Минуту спустя на террасѣ показалась цѣлая гурьба молодежи. Тутъ съ Владиміромъ Валеріановичемъ и его дочерью были оба Коловратскіе и, къ немалому изумленію Юрія, былъ и Гриша съ сестрой. Юрій поднялся съ мѣста и въ быстромъ пожатіи руки, которымъ онъ обмѣнялся съ Наташей и съ ея братомъ, было что-то похожее на смущеніе. Ей тоже какъ-будто измѣнило обычное самообладаніе. Щеки ея чуть-чуть заалѣли. А рука ея слегка задрожала, торопясь высвободиться изъ руки Юрія. Въ ея вспыхнувшихъ глазахъ, тотчасъ скрывшихся подъ опущенныя рѣсницы, былъ и нѣмой упрекъ, и невольная радость, которой она будто стыдилась. Все это мигомъ прочла въ нихъ Марья Борисовна. „Они любятъ другъ друга, это ясно,—подумала она,—и вдобавокъ стараются это скрыть!.. Она еще разъ изподлобья скользнула недобрымъ взглядомъ по молодымъ людямъ и при этомъ ласково сказала:

— Не правда ли, вы не ожидали другъ друга встрѣтить, и я хорошо сдѣлала, не предупредивъ васъ обоихъ?!

Юрій быстро овладѣлъ собой и заговорилъ съ напускнымъ оживленіемъ. Наташа тотчасъ подмѣтила какую-то фальшивую ноту въ его голосѣ.

*

— Что́, удалась ваша поѣздка,—разспрашивала Мери,—весело было?

Владиміръ Валеріановичъ отвѣчалъ за всѣхъ, немного кисло подтрунивая надъ собой за то, что взялся показывать молодежи какое-то необыкновенно живописное мѣсто въ окрестностяхъ Воронова. Было тѣмъ не менѣе совсѣмъ очевидно, что онъ уже успѣлъ стать на короткую ногу со всей этой молодежью, и что съ нимъ, несмотря на разницу лѣтъ, обращались почти какъ съ товарищемъ.

— А я такъ не понимаю, —съ утомленнымъ выраженіемъ на лицѣ сказала Марья Борисовна,—какъ это благоразумные люди въ такую жару не предпочитаютъ сидѣть дома!

И Владиміръ Валеріановичъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ уходился, подвергая себя изъ гостепріимства палящему іюльскому солнцу. Онъ усиленно обмахивался шляпой, отирая вспотѣвшій лобъ раздушеннымъ платкомъ.

— Monsieur Victor, — обратилась Мери къ старшему Коловратскому,—неужели и вамъ это доставило удовольствіе?

— Я сожалѣлъ о томъ только, что вы не захотѣли быть съ нами!—съ чрезвычайнымъ усердіемъ произнесъ Викторъ, у котораго такъ и запрыгали маслянистые глаза.—Теперь, надѣюсь, вы меня за это вознаградите?

— Теперь, напротивъ, я собираюсь васъ предоставить самимъ себѣ! — засмѣялась въ отвѣтъ Марья Борисовна и медленно поднялась съ мѣста. — Черезъ полчаса будутъ обѣдать.

Викторъ, какъ ему и подобало, успѣлъ уже по уши влюбиться въ Мери, хоть и былъ у нея во второй разъ, и всячески старался, чтобы всѣ это замѣтили, до того усердно онъ за ней ухаживалъ. Его развязная на видъ, а въ сущности очень и очень робкая влюбленность до крайности смѣшила Мери. И она явно ободряла его, въ то же время поднимая его то и дѣло на смѣхъ.

Съ уходомъ Марьи Борисовны не исчезла натянутость между Юріемъ и Наташей. Онъ готовилъ для нея столько искреннихъ, теплыхъ словъ, а теперь, когда онъ стоялъ пе-

редъ нею, онъ находилъ одни безсодержательныя выраженія условной вѣжливости. А между тѣмъ, всматриваясь въ ея опущенные глаза, онъ съ удвоенной силой ощущалъ свою вину передъ ней, и ему такъ болѣзненно хотѣлось быть опять съ нею наединѣ и возобновить свои прежнія, длинныя, хорошія бесѣды.

— Я долженъ извиниться передъ твоей семьей,—сказалъ Двинскій, обращаясь къ Гришѣ,—что уѣхалъ тогда съ такой непозволительной поспѣшностью. Я, право, думалъ, что въ имѣніи отца поднялся бунтъ настоящій. Ну, разумѣется, ничего не оказалось: сущіе пустяки.

— И ты опять сюда на долго?

— Я думаю, на недѣлю. Во всякомъ случаѣ я буду у васъ завтра.

Говоря это, Юрій пристально взглянулъ на Наташу, но ея глаза ему не отвѣтили.

— Ну, а ты мнѣ теперь скажи,—продолжалъ Юрій, отводя пріятеля въ сторону,—какими судьбами я тебя здѣсь застаю? Что можетъ быть у тебя общаго съ этими Столѣпиными?!

— Да я прежде къ нимъ былъ несправедливъ, Юрій!—добродушно отвѣтилъ Гриша.—И Владиміръ Валеріановичъ въ сущности предобрый малый.

— Ну, братецъ мой, такими добрыми малыми хоть прудъ пруди. Терпѣть не могу я этого выраженія, и добрые-то они потому только, что силенки не хватаетъ быть злыми.

— Ну,—разсмѣялся Гриша,—деревенскій воздухъ тебя однако не смягчилъ! Что за охота вѣчно въ людяхъ дурное отыскивать!?

— И радъ бы по твоему всѣхъ съ распростертыми объятіями встрѣчать, да не могу, что прикажешь?

Гриша совсѣмъ пересталъ дичиться Столѣпиныхъ. Своей непринужденностью, своими пріемами добраго малаго, Мери безъ труда сдѣлала его ручнымъ. Да и не стала бы она къ этому прилагать особенныхъ стараній. Въ ея глазахъ Гриша не переставалъ быть чѣмъ-то въ родѣ школьника, съ которымъ она даже хорошенько не знала, про что заговорить.

Но Гриша и не требовалъ, чтобы имъ занимались. Простотой, даже безцеремонностью отношеній его привлечь было всего легче.

— Да и въ самомъ дѣлѣ тому, кто не заглядывалъ поглубже въ ихъ жизнь, Столѣнины могли показаться очень добродушными людьми. Размашистое гостепріимство, не знающее деньгамъ счета, очень похоже на искреннюю сердечность. Владиміръ Валеріановичъ плѣнилъ вдобавокъ Гришу своими охотничьими наклонностями. Скучавшій среди деревенскаго затишья Столѣнинъ былъ радъ случаю найти товарища для любимой забавы, и раза два они уже вдвоемъ цѣлый день пробродили по завѣтнымъ мѣстамъ, такъ хорошо знакомымъ Гришѣ.

— И что за милое существо, эта маленькая Олли!—продолжалъ Гриша.—Сколько въ ней простоты и правдивости Я никакъ не повѣрю, чтобы у дурныхъ людей могла быть такая дочь.

Двинскій повелъ плечами.—На этотъ счетъ, милый мой,—холодно отозвался онъ,—я спорить не стану. Дѣвочка въ этомъ возрастѣ для меня просто не существуетъ.

— Нѣтъ, ты послушай, что было на дняхъ. Поѣхали мы верхомъ цѣлой компаніей,—она, старшій Коловратскій, моя сестра.

— Какъ, Наталья Михайловна верхомъ ѣздитъ?—спросилъ Юрій, вдругъ оживившись. Я и не подозрѣвалъ.

— И очень даже хорошо. Только въ послѣднее время она бросила ѣзду: такой ужъ на нее стихъ нашелъ. Она вѣдь престранная! Такъ вотъ ѣдемъ мы всѣ вчетверомъ, а лошадь у Ольги Владиміровны хоть и совсѣмъ маленькая, за то горячая, прегорячая, и страшно вдобавокъ пугливая. Вдругъ, у самаго въѣзда въ село, деревенскій мальчишка какой-то, лѣтъ семи, вздумалъ перебѣжать дорогу—и прямо подъ ноги ея лошади. Не будь она такой мастерицей ѣздить, наскочила бы на мальчика. Осадила она лошадь разомъ, но тутъ и вышла бѣда. Лошадь загорячилась и мигомъ на-дыбы. Перепугались мы всѣ не на шутку. Я бросился впередъ, хотѣлъ схватить лошадь за поводъ, но она меня останав-

ливаетъ. „Нѣтъ, говоритъ, не трогайте ее, она чужихъ боится, а я съ нею справлюсь“. И въ самомъ, дѣлѣ ни на секунду она головы не потеряла. Сидитъ въ сѣдлѣ, какъ вкопанная, да гладитъ шею лошади. Хоть бы въ лицѣ перемѣнилась. Минуты не прошло, какъ лошадь успокоилась и пошла смирно. Молодецъ дѣвочка, просто молодецъ! Другая на ея мѣстѣ не только перепугалась бы, но нарочно стала бы разныя ужимки дѣлать, да интересничать, а эта какъ ни въ чемъ не бывало.

— Такъ что вы, государь мой,—насмѣшливо сказалъ Двинскій,—объявили себя рыцаремъ сей тринадцатилѣтней героини? Поздравляю.

Гриша взглянулъ на него съ удивленіемъ.—Полно чепуху нести, Юрій. Ты, я вижу, не въ своей тарелкѣ сегодня.

И въ самомъ дѣлѣ Юрій весь этотъ день былъ въ какомъто желчномъ настроеніи. Раза два онъ даже почти рѣзко отвѣтилъ Владиміру Валеріановичу, а барона Гейзена, когда тотъ вздумалъ отпускать свои шуточки, осадилъ такъ рѣшительно, что онъ мгновенно присмирѣлъ и умолкъ. Марья Борисовна примѣчала все это и слегка посмѣивалась. Она была почти рада своему открытію, хоть оно и возбудило въ ней далеко не доброе чувство къ Наташѣ. Въ ея незанятой жизни по крайней мѣрѣ зарождался теперь хотя крошечный интересъ, предстояла борьба, на которую наталкивало ее своенравное желаніе овладѣть Юріемъ. Она не сомнѣвалась что изъ этой борьбы выйдетъ побѣдительницей. „Увидимъ“, говорила она себѣ, „какъ это онъ уѣдетъ черезъ недѣлю.“

За обѣдомъ она между тѣмъ усердно занялась Викторомъ Коловратскимъ. У бѣднаго малаго совсѣмъ голова закружилась. Онъ бойко и самоувѣренно болталъ, бросая изрѣдка по сторонамъ побѣдоносные взгляды; онъ чистосердечно воображалъ, что ему суждено зачислить за собой еще одну, на этотъ разъ блестящую, побѣду. Само собою разумѣется, что въ Марьѣ Борисовнѣ его привлекала не столько сама она въ качествѣ хорошенькой женщины, сколько то обаяніе свѣтской львицы, которое такъ неотразимо дѣйствуетъ на воображеніе очень тщеславныхъ юношей.

Словомъ, въ этотъ день всѣмъ было очень весело, всѣмъ, кромѣ Юрія и Наташи. Даже младшій братъ Виктора на время забылъ про свои аскетическія мечты. На его блѣдномъ, задумчивомъ лицѣ часто вспыхивало неподдѣльное молодое оживленіе. При всей суровости его взглядовъ на жизнь въ немъ былъ, можетъ быть, незамѣтный для него самаго, непочатый запасъ молодости, готовый развернуться при первомъ случаѣ. Онъ походилъ на блѣдные цвѣты сѣверной природы, которые ждутъ перваго весенняго луча, чтобы распуститься. Отецъ его не любилъ, считая его мало на что способнымъ. Отцы, впрочемъ, рѣдко любятъ сыновей, которые совсѣмъ на нихъ не похожи. Братъ и сестра надъ нимъ охотно подтрунивали, товарищей у него не было вовсе и въ богатомъ родномъ домѣ онъ росъ одиноко. Правда, онъ былъ любимцемъ матери. Но бѣдная мать, всегда жившая затворницей, не могла вдохнуть въ его молодую жизнь счастія, котораго не было у нея самой. Въ самыхъ ея ласкахъ было что-то болѣзненное. И вотъ здоровый воздухъ, которымъ дышалось въ Непрядвинской семьѣ, чѣмъ-то бодрящимъ повѣялъ на Пашу. Нечего и говорить, что Михаилъ Андреевичъ и Варвара Петровна очень обрадовались пріѣзду Коловратскихъ и старались ихъ удержать у себя какъ можно долѣе. Молодые люди прогостили въ Солнцевѣ уже съ недѣлю, и для Паши эти немногіе дни были едва-ли не лучшими въ цѣлой его жизни. Къ Гришѣ онъ привязывался все болѣе той особой немного робкой привязанностью, съ которой слабое существо всегда льнетъ къ болѣе сильному. Наташа, правда, обращала на него мало вниманія: для дѣвушки, недавно полюбившей въ первый разъ, всѣ остальные люди какъ-то стушевываются. Но въ немъ за то ея спокойная прелесть, то честное, правдивое, что съ разу читалось въ ея прямомъ взглядѣ, вызвали какое-то особое поклоненіе—иного слова не подберешь. Это было именно поклоненіе безкорыстное и немного подчиненное.

Словомъ, Пашѣ въ Солнцевѣ жилось очень хорошо.

Къ Столѣпинымъ онъ отправился почти нехотя. И, конечно, ужь не мечталъ подобно брату про ухаживаніе за

Марьей Борисовной. Молодая женщина совсѣмъ не пришлась ему по сердцу, потому, можетъ быть, что какимъ-то особымъ чутьемъ, свойственнымъ всѣмъ людямъ, очень замкнутымъ въ себѣ, онъ сразу подмѣтилъ ея странныя отношенія къ дочери. Олли тоже, какъ онъ самъ, росла одиноко. Правда, нерадостное дѣтство не запечатлѣло грустью ея смуглаго личика и не согнало съ него румянца. Въ ней рано окрѣпла воля, замкнувшаяся въ себѣ; какъ лѣсное деревцо, она росла безъ присмотра, но и безъ стѣсненія. Ранняя самостоятельность пріучила ее мыслить и наблюдать въ такіе годы, когда ея сверстницы только рѣзвятся. И совсѣмъ ужь не по-дѣтски глядѣли ея большіе темносиніе глаза. Эта ранняя зрѣлость, съ которой такъ удивительно мирилась таившаяся въ ней и всегда готовая вспыхнуть искра задорной веселости, казалась въ ней какъ-то особенно прелестною. И Паша Коловратскій почувствовалъ сразу полубезсознательное влеченіе къ этой странной дѣвушкѣ, и дикой, и отзывчивой въ то же время, потому, должно быть, что въ ихъ положеніи было столько общаго, хотя натуры ихъ такъ мало походили одна на другую.

Подружились они въ этотъ самый день и вотъ по какому случаю. Когда Солнцевская молодежь во второмъ часу прикатила въ Вороново, тамъ всѣ еще были въ столовой. Кончали завтракъ, всегда продолжавшійся въ Вороновѣ очень долго. Владиміръ Валеріановичъ увелъ Гришу и барона Гейзена въ конюшню, гдѣ онъ проводилъ бо́льшую часть дня, безконечно совѣщаясь съ главнымъ наѣзникомъ и лѣниво потягивая душистую сигару. Марья Борисовна тоже куда-то исчезла, оставивъ въ столовой свою дочь и Наташу съ обоими Коловратскими. День, какъ и всегда въ Вороновѣ, тянулся свободно, но вяло.

— Не понимаю право,—говорила Наташа своей маленькой подругѣ,—какъ это вы можете жить такимъ образомъ, рѣшительно не зная за часъ впередъ, что вы собираетесь дѣлать!

— Мама это свободой называетъ,—улыбнулась Олли въ отвѣтъ.

— А меня бы нетерпѣніе взяло отъ такой свободы. Мнѣ хорошо тогда только, когда я сама распоряжаюсь въ своей жизни, а у васъ кажется одинъ случай всѣмъ распоряжается.

Олли не отвѣчала. Она бы ни за что не высказала хотя бы косвенный упрекъ своей матери. Но выраженіе ея твердо сложенныхъ губокъ ясно говорило, что она, по крайней мѣрѣ, себя на волю случая не дастъ. Вдругъ дверь растворилась и вошла сильно разгнѣванная Марья Борисовна.

— Что это значитъ?—прямо обратилась она къ дочери, не обращая вниманія на постороннихъ.—Мери Столѣпина ни передъ кѣмъ не стѣснялась.—У тебя въ комнатѣ опять сидитъ эта деревенская дѣвчонка, которую я вчера еще приказала выгнать! Ты знаешь, что я терпѣть не могу этой фамильярности. Я сто разъ тебѣ запрещала...

— Она должно быть пришла,—вставая перебила Олли,—мнѣ сказать на счетъ своей матери. Докторъ у нихъ былъ сегодня. Я сейчасъ къ ней пойду.

— Совсѣмъ тебѣ не зачѣмъ идти!—запальчиво остановила ее мать.—Доктора имъ послали, чего же больше! А пускать къ себѣ въ домъ этихъ грязныхъ дѣтей, которыя чего-добраго еще болѣзней разныхъ занесутъ, про это я и слышать не хочу, понимаешь!

Мать дѣвушки, про которую шла рѣчь, была вдова когда-то зажиточнаго мужика, долго служившаго въ Вороновѣ. По смерти мужа, утонувшаго въ рѣкѣ во время ледохода, у нея осталось на рукахъ шестеро малолѣтокъ, и семья безъ работника быстро опустилась. Теперь захворала и единственная ея мать-опора, и Олли, которой дѣвочка, ея сверстница, приходила жаловаться на домашнее горе, навѣдала больную и настояла, чтобы къ ней доктора выписали изъ города.

Олли ничего не возражала матери, только щеки ея вспыхнули и сильно задрожала рука, которой она опиралась объ столъ.

— Ты удивительно стала непослушна,—продолжала бранить ее мать, я тебѣ сто разъ запрещала въ деревню къ больнымъ ходить. Ты докторъ что ли?!

— Я и не была тамъ съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ про это говорили,—сдержанно отвѣчала Олли.

— Ты лжешь! Я увѣрена, что ходила. Откуда бы иначе взялась смѣлость у этой дѣвчонки къ тебѣ прямо въ комнату явиться?

Глаза Олли гнѣвно блеснули, но она отвѣтила все также спокойно, хотя голосъ у нея дрожалъ.

— Я никогда не лгу, мама: вы это знаете!—Олли почувствовала, что слезы готовы у нея навернуться, но она не дала имъ воли; заплакать при чужихъ, сознаться передъ ними въ нанесенной ей обидѣ, она бы ни за что не захотѣла.

— Ну, хорошо. Только знай, что дѣвчонки этой сюда больше не пустятъ!—Сказавъ это, Марья Борисовна вышла. Наклонности къ деспотизму у нея не было вовсе, да и черствость не была въ ея натурѣ. При случаѣ она даже охотно выказывала щедрость, хоть щедрость эта и была очень равнодушнаго свойства. Чужой свободѣ Марья Борисовна тоже не мѣшала; но стоило ей наткнуться на безобразіе, вызвавшую у нея на мигъ брезгливое чувство, и своенравіе въ ней тотчасъ выражалось въ самой жесткой, непривлекательной формѣ.

Послѣ ухода матери, Олли невольно взглянула на Наташу. Она знала, какъ вся эта сцена должна была возмутить молодую дѣвушку; и въ самомъ дѣлѣ ея сдвинувшіяся брови такъ и говорили про сдержанное негодованіе. Наташа однако не проронила ни слова. Паша Коловратскій съ грустнымъ сочувствіемъ глядѣлъ на дѣвушку, вспоминая, какъ часто ему тоже въ родномъ домѣ приходилось молча сносить оскорбленія. Молчаніе прервалъ его старшій братъ.

— А я просто любуюсь, — не совсѣмъ умѣстно захихикалъ онъ, обращаясь къ Олли, — какъ сердито вспыхнули ваши глазки! Это къ вамъ очень идетъ.

Наташа взглянула на него почти съ отвращеніемъ. Съ самаго пріѣзда Коловратскихъ Викторъ ей сильно не нравился. Потомъ она тихо обвила рукой гибкій станъ маленькой Олли, нагнула къ себѣ ея головку и тихо сказала:

— Не грустите, мой дружокъ. Вѣдь вы все-таки сумѣете такъ устроить, чтобы эта бѣдная семья не осталась безъ помощи, не правда ли?

— Только я не буду знать теперь, что тамъ дѣлается,— отвѣтила Олли.

— Про это не безпокойтесь, — весь вспыхнувъ, сказалъ Паша, смотря на Олли своими загорѣвшимися, но все-таки робкими глазами. — Я возьмусь быть вашимъ разсыльнымъ. Я хоть сейчасъ побываю на селѣ, и, если позволите мнѣ тоже немного помочь этимъ бѣднымъ людямъ...

Олли живо протянула ему руку. Такое искреннее желаніе въ самомъ дѣлѣ помочь и не деньгами только свѣтилось въ глазахъ юноши, а Олли такъ мало привыкла еще въ комъ-либо встрѣчать сочувствіе къ своимъ маленькимъ заботамъ, что сердце ея мгновенно откликнулось на слова Паши. И молодой человѣкъ въ тотъ же день успѣлъ выполнить обѣщаніе, чѣмъ навлекъ на себя лишній разъ насмѣшки старшаго брата.

Когда кончился долго тянувшійся обѣдъ, сумерки уже ложились на Вороново: обѣдали тамъ поздно, по столичному. Наташа подошла къ брату и сказала ему, что пора запрягать лошадей.

— Что вы такъ спѣшите, мой дружокъ? — обмахиваясь вѣеромъ, подошла къ нимъ Мери.—Вамъ какъ будто сегодня не весело? — Необыкновенно ласково звучали ея слова, но совсѣмъ не ласку прочла въ ея пристальномъ взглядѣ Наташа.

— Мы и такъ будемъ дома только въ десять часовъ,— почти сухо отвѣтила она.

Наташѣ хотѣлось поскорѣе освободиться отъ тяжелыхъ ощущеній этого дня. Съ той самой минуты, какъ она встрѣтилась съ Юріемъ, вся обстановка Вороновскаго дома, весь пестрый шумъ его жизни показался ей чѣмъ-то враждебнымъ, словно въ немъ слышалась ей какая-то насмѣшка. Дома, наединѣ съ собой она стряхнетъ съ себя малодушное чувство, овладѣвшее ею при видѣ Юрія! Вѣдь сама же она давно рѣшила, что они на вѣки должны оставаться чужими; а теперь, когда

она вновь увидѣла Двинскаго, она даже не смѣла прямо на него взглянуть, точно она боялась, что глаза выдадутъ ея смущеніе, и тревожная краска зальетъ ея щеки. Неужели онъ могъ бы встрѣтить ее такъ равнодушно, и вести въ ея присутствіи эту развязную болтовню, еслибы прошлые дни оставили въ немъ хотя бы тѣнь воспоминанія! „Да! кончено, все кончено!“ думалось Наташѣ.—„Да и кончать было нечего!“...

Гриша пришелъ ей сказать, что лошади поданы. Она быстро встала и пошла къ лѣстницѣ, не зная даже хорошенько, кому она протянула руку прощаясь. Мери проводила ее до передней и въ ласковомъ поцѣлуѣ молодой женщины Наташѣ почудилась насмѣшка. Но гдѣ же былъ Юрій? Неужели и теперь онъ не скажетъ ей ни слова?! Онъ куда-то исчезъ. Его не было тутъ, когда она ушла съ террасы... Наташа торопилась сѣсть въ коляску, забывъ даже надѣть свою накидку.

— Наталья Михайловна!—вдругъ послышался рядомъ съ нею знакомый голосъ, — берегитесь, вы простудитесь: ночь будетъ свѣжая!

И чьи-то мягкія руки бережно укутывали ее въ длинную накидку. Въ обширныхъ сѣняхъ царствовала полутьма. Ея братъ былъ уже на крыльцѣ и приказывалъ что-то кучеру; Викторъ Коловратскій, весь отдавшійся веселымъ, задорнымъ впечатлѣніямъ, не обращалъ на нее вниманія и съ торжествующимъ видомъ закуривалъ папироску; Паша, стоя на послѣдней ступени лѣстницы, прощался съ Олли: Коловратскіе собирались уѣзжать на слѣдующій день. Рослый лакей Столѣпиныхъ равнодушно глядѣлъ, стоя истуканомъ передъ открытою дверью. Наташа быстрымъ, нервнымъ движеніемъ схватила накидку и хотѣла идти...

— Наталья Михайловна,—тихо продолжалъ голосъ Юрія, и она почувствовала, что онъ нагнулся къ ея уху,—неужели мы стали чужими отъ того только, что за эти двѣ недѣли не видались? Сегодня мы вѣдь и двухъ словъ другъ другу не сказали. Или вы уже успѣли позабыть...

Она забыла!.. Она! мгновенно промчалось у нея въ мыс-

ляхъ, но совсѣмъ не съ упрекомъ взглянули на него ея полуопущенные глаза.

— Повѣрьте, я весь этотъ день былъ не свой,—продолжалъ онъ. — Завтра я буду у васъ, и надѣюсь, смѣю надѣяться по крайней мѣрѣ, вы опять будете прежняя добрая и привѣтливая, какъ всегда...

Чудною музыкою прозвучали эти слова въ ея ушахъ. Она не отвѣтила, однако, и чуть-чуть лишь пожала его протянутую руку. Но когда она усѣлась, нѣтъ—вспорхнула въ коляску — совсѣмъ ужь инымъ казался ей окружающій ее міръ. Свѣжій, ночной вѣтерокъ, колебавшій вѣтви деревьевъ, нашептывалъ ей сладкія рѣчи, чѣмъ-то душистымъ вѣяло отъ скошенныхъ луговъ, и только-что поднявшійся мѣсяцъ, чуть бѣлѣвшій изъ-за быстро скользившихъ облаковъ, какимъ-то волшебнымъ блескомъ озарялъ ее, точно и въ немъ она читала какую-то ободряющую улыбку.

На первыхъ порахъ въ колескѣ всѣ молчали. Наташа ушла въ себя, перебирая мысленно все, что было въ этотъ день; новыя, робкія еще надежды, забившіяся въ ней вопреки ея волѣ, боролись съ чувствомъ стыда. Но столько умиротворяющаго покоя было въ этой іюльской ночи, такимъ сладкимъ и въ то же время ободряющимъ дыханіемъ обвѣвала она молодую дѣвушку, что, вслушиваясь въ ея таинственный голосъ, нельзя было не отдаться крылатымъ ожиданіямъ того счастія, которое сулилъ этотъ вкрадчивый голосъ. И мало по малу стерлись нехорошія воспоминанія дня и однѣ счастливыя мысли, ласкающія и робкія, какъ свѣтъ прятавшагося мѣсяца, зароились у нея въ головѣ...

И у прочихъ тоже были свои мысли, совсѣмъ только непохожія на мысли Наташи. Гриша съ безпокойствомъ оглядывалъ облачное небо и думалъ про себя, что-за погода будетъ на завтрашній день и успѣютъ ли въ Соколовѣ убрать хлѣбъ, который весь уже скосили. „Солнце закатилось за тучи, а заря была такая багровая“, говорилъ онъ себѣ. Паша думалъ съ грустью о томъ, что завтра ему придется оставить Солнцево; а старшій его братъ самодовольно вспоминалъ, какъ хорошо пошли его дѣла съ Марьей Борисов-

ной, и какъ, прощаясь съ нею, онъ многозначительно пожалъ ей руку. „Настоящая прелесть—эти замужнія женщины,—пощипывая усики, мыслилъ онъ,—когда имъ только за тридцать и онѣ въ полномъ соку! Съ ними даже какъ-то совсѣмъ не робѣешь...“ И онъ заранѣе представлялъ себѣ, что будущей зимой онъ воспользуется такъ хорошо начавшимся знакомствомъ.

Мало по малу однако Наташа разговорилась съ младшимъ Коловратскимъ.

— Что вы смотрите такъ грустно?—спросила она его, улыбаясь. Она теперь совсѣмъ не понимала, отъ чего можно было грустить.

— Жаль съ Солнцевымъ разставаться!—отвѣтилъ онъ, вздохнувъ.

— Такъ что-жъ, не уѣзжайте!

— Нельзя, и такъ загостились. Насъ ждетъ отецъ. Но я сохраню добрую, очень добрую память про всѣхъ васъ и про...

— Про Олли тоже?!—разсмѣялась Наташа. И это былъ настоящій серебристый, дѣвическій смѣхъ. Ей вдругъ припомнилась вся утренняя сцена, и доброе чувство къ молодому человѣку заговорило въ ней. „Онъ совсѣмъ еще ребенокъ, но въ немъ есть сердце!“ подумала она.

И въ первый разъ, подстрекаемый чѣмъ-то сочувственнымъ въ ея голосѣ,—ухо на этотъ счетъ у Паши было необыкновенно чуткое—онъ коснулся при ней своей любимой темы. И, какъ всегда, эта тема его увлекла. „А вотъ онъ каковъ“!—слушая его, подумала Наташа, и не подозрѣвавшая въ немъ такой горячности въ убѣжденіяхъ.

Разговаривая, они и не примѣтили, какъ экипажъ подъѣзжалъ къ Солнцевскому дому.

— Фу, что ты за чепуху опять понесъ!—фыркнулъ Викторъ на своего брата, поднимаясь съ нимъ по лѣстницѣ на верхъ.—Тебя бы постричь въ монахи, право!

И долго потомъ, уже лежа на кровати, онъ угощалъ Гришу разсказами о своихъ успѣхахъ съ прекраснымъ по-

ломъ и о бойкихъ своихъ надеждахъ по адресу Марьи Борисовны. Гриша подъ конецъ не вытерпѣлъ.

— Отстань ты съ своими пустяками!—сердито прикрикнулъ онъ на Виктора.

— Порядочные люди этимъ не хвастаютъ, а тѣ, которымъ есть чѣмъ хвастать,—и подавно.—И Гриша, сказавъ это, ткнулъ голову въ подушку, потушивъ свѣчу. „И, слава Богу, думалъ онъ про себя, что они завтра уѣзжаютъ. А то совсѣмъ они меня выбили изъ колеи. Всю эту недѣлю въ Соколово даже не заглядывалъ."

Гриша съ наслажденіемъ сказалъ себѣ, что завтрашній же день примется опять за это свое настоящее дѣло, хотя въ то же время къ нему подкрадывалась докучливая мысль, что чего добраго за всю истекшую недѣлю, когда онъ въ Соколово не заглядывалъ, дѣла тамъ отъ того пошли не хуже и что его участіе въ нихъ пожалуй и не особенно замѣтно.

К. ОРЛОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТУРГЕНЕВЪ ВЪ МОСКВѢ.

1851—1861 гг.

(Изъ моихъ воспоминаній).

ГЛАВА I.

Мнѣ былъ 21 годъ, когда я отнесъ Тургеневу свое первое произведеніе—комедію „Женитьба по любви".

Я учился тогда въ Москвѣ, въ университетѣ, медицинѣ и жилъ на Остоженкѣ. Почти напротивъ нашей квартиры былъ довольно большой сѣрый деревянный домъ *Ломаковской*. Я часто проходилъ мимо него, не подозрѣвая, что онъ будетъ имѣть такое большое значеніе въ моей жизни. Я не зналъ, что въ этомъ домѣ жила мать Тургенева, которая скончалась именно въ тотъ годъ, когда я написалъ „Женитьбу по любви". Это случилось въ 51-мъ году.

Я былъ на второмъ курсѣ и очень много страдалъ въ этомъ году. У меня болѣла грудь и я безпрестанно былъ нездоровъ. Знакомство черезъ родныхъ въ Москвѣ было бо́льшею частію въ богатомъ кругу, а денегъ не было. Въ своей семьѣ мнѣ очень многое не нравилось. Я былъ очень самолюбивъ, требовалъ отъ жизни многаго, ждалъ многаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимо мучился той мыслію, что у меня чахотка.

Медицина первые два года меня тяготила, хотя, конечно, были минуты, въ которыя меня занимало что-нибудь на лек-

ціяхъ. Общіе научные выводы, общія идеи сначала занимали меня больше, чѣмъ подробности. Подробности стали нравиться мнѣ позднѣе на 4-мъ курсѣ, у постели больнаго, и еще больше въ военныхъ больницахъ, гдѣ я уже былъ самъ хозяиномъ и распорядителемъ. Впослѣдствіи времени я сталъ лѣчить недурно и нерѣдко очень счастливо. Мнѣ кажется, впрочемъ, что и въ самые вопросы о томъ—„дать ли тутъ opiумъ или aqua laurocerasi, пустить ли кровь или не пустить“,—я сталъ все больше и больше вникать не столько изъ любви къ наукѣ, или изъ корысти, сколько изъ человѣколюбія, нѣсколько романтическаго оттѣнка. Впрочемъ объ этомъ позднѣе. Однимъ словомъ, вынужденный обстоятельствами поступить на медицинскій факультетъ, я полюбить медицину всей душею все-таки не могъ.

Наука, значитъ, не могла въ то время утѣшать меня и особенно на второмъ курсѣ, гдѣ еще не было передо мною *живыхъ страдальцевъ*, возбуждавшихъ мое участіе, мое рвеніе, мое самолюбіе, а только валялись на столахъ удавленные старики, замерзшіе на улицѣ пьяные, убитыя блудницы, которыхъ трупы терзали студенты, смѣясь и кощунствуя всячески.

Меня не занимала грубая веселость моихъ товарищей. Видимо, они ни о чемъ почти не безпокоились и не думали, кромѣ экзамена и карьеры своей. Я же съ утра до вечера *думалъ* и мучился обо всемъ.

Я утратилъ тогда и на долгое время дѣтскую вѣру; только-что пересталъ томиться; — успокоиться же на какомъ-то неясномъ деизмѣ, эстетическомъ и свободномъ, на которомъ я успокоился недолго позднѣе, я въ то время еще не могъ. Все меня мучило: безвѣріе, жизнь въ семьѣ, болѣзни, безденежье, подавленное самолюбіе, университетскія занятія, которыя мнѣ не нравились и къ которымъ я принуждалъ себя, чтобы кончить *во что бы то ни стало* курсъ въ высшемъ заведеніи. Съ другими студентами я почти не знакомился; мнѣ казалось, что они ничего не понимаютъ и поэтому у многихъ были такія непріятныя лица; а я всегда

любилъ изящное, даже и въ товарищахъ. И на лекціяхъ даже почти ни съ кѣмъ не говорилъ и всѣхъ остерегался.

Былъ у меня одинъ только другъ Алексѣй Георгіевскій. Онъ былъ тоже студентъ, двумя годами старше меня; сынъ очень бѣднаго и многосемейнаго чиновника изъ глухаго городка Боровска нашей Калужской губерніи. Я его года два подъ-рядъ безъ ума любилъ, но и отъ него я видѣлъ больше горя и оскорбленій, чѣмъ радости. Онъ былъ для меня тѣмъ, чѣмъ былъ Мефистофель для Фауста. Но у него иронія и отрицаніе происходили не отъ недостатка поэзіи, или идеализма, а скорѣе отъ злобы на жизнь, которая не давала ему ничего. Большинство товарищей не обращали на него вниманія, считали его просто чудакомъ; но тѣ немногіе, поумнѣе и поразвитѣе, съ которыми онъ сближался, подчинялись немедленно его уму, или лучше сказать смѣло—его генію.

Онъ *отравился* въ 66 году. Я его совсѣмъ потерялъ изъ виду съ 54 года; но еще въ 51-мъ я прервалъ съ нимъ всѣ сношенія, потому что онъ уже тогда сдѣлался нестерпимо желченъ и несправедливъ. Объ немъ одномъ можно было бы написать очень много, но здѣсь я хочу объ немъ сказать два слова только потому, что онъ своими совѣтами и мнѣніями имѣлъ большое вліяніе на мои литературныя занятія и сверхъ того, самая комедія „Женитьба по любви“ безъ него не написалась бы.

Мнѣ тогда очень было тяжко жить на свѣтѣ;—я страдалъ тогда отъ всего: отъ нужды и свѣтскаго самолюбія, отъ жизни въ семьѣ, которая мнѣ многимъ не нравилась, отъ занятій въ анатомическомъ театрѣ надъ смрадными трупами разныхъ несчастныхъ и покинутыхъ людей... отъ недуговъ тѣлесныхъ, отъ безвѣрія, отъ боязни, *что отцвѣту, не успѣвши расцвѣсть*, отъ боязни рано умереть „sans avoir connu la passion, sans avoir été aimé!“

Я былъ тогда точно человѣкъ, съ котораго сняли кожу, но который живъ и все чувствуетъ только гораздо сильнѣе и ужаснѣе прежняго. Оттого-то я и не могъ долго выносить иронію и умственную злость моего разочарованнаго друга;

его даже и шуточныя замѣчанія дѣйствовали какъ ѣдкое вещество на живое окровавленное тѣло.

Въ 51-мъ году мнѣ стало до того, наконецъ, уже грустно и больно, что я вовсе пересталъ понимать веселые стихи, веселыя сцены и т. п... Я только понималъ страдальческія, болѣзненныя произведенія. Когда Тургеневъ напечаталъ „Записки лишняго человѣка“, мнѣ показалось, что онъ угадалъ *меня*, не видавши меня никогда. Былъ противъ университета трактиръ *Британія*, въ который я ходилъ читать журналы, слушать органъ и пить *чай* (*завтракать* часто я не смѣлъ, потому что не было денегъ).

Что мнѣ было дѣлать, когда пришлось (не преувеличивая скажу)—*плакать* въ трактирѣ надъ исторіей этого „Лишняго человѣка?“—Я закрывался книгой въ углу и плакалъ. Слава Богу, никто не обратилъ вниманія.

Была въ Москвѣ одна дѣвица—З. К—ва. Отношенія наши длились *пять лѣтъ* подъ-рядъ; все время, пока я былъ въ Москвѣ, принимали разныя формы отъ дружбы до самой пламенной и взаимной страсти. *Но хорошее время* настало послѣ; а въ 51-мъ году и эти отношенія были какія-то нерѣшительныя, неясныя, шаткія и даже они причиняли больше боли, чѣмъ радости. Есть одно стихотвореніе Клюшникова (-Ѳ-)

Я не люблю тебя, но, полюбивъ другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя.

Оно было тогда мнѣ ближе всей остальной поэзіи, ближе Пушкина, Фета, Лермонтова, Кольцова, ближе всего на свѣтѣ... „*Я не люблю тебя*“ я находилъ несказанное наслажденіе повторять это и себѣ, и ей. А не видать её день одинъ было для меня тяжело.

Подъ такими впечатлѣніями я написалъ „Женитьбу по любви“. Не знаю, какъ бы мнѣ какъ можно короче изложить ея содержаніе?

Въ Москвѣ живетъ съ родной теткой своей, еще не очень старой женщиной, молодой человѣкъ Андрей Кирѣевъ. У него вмѣстѣ съ теткой есть небольшое состояніе, достаточное для независимой жизни. Ему 24 года.

Ему нравится молодая дѣвушка 22-хъ лѣтъ... (имени ея

не помню); она гораздо хитрѣе и осторожнѣе его. У этой дѣвицы есть двоюродный братъ, лѣтъ 30, Буровцовъ, брюнетъ, красивый, служилъ и сражался на Кавказѣ, „съ красной ленточкой въ петлицѣ“. Для колеблющагося Кирѣева онъ то риторъ и офицеръ à la Марлинскій, то примѣръ чести и мужества.

Для молодой дѣвушки онъ идеалъ мужчины „c'est un homme énérgique et distingué, qui a vu la mort de près“, и т. д.

У нея съ Буравцовымъ былъ небольшой романъ; — но Б—въ не захотѣлъ ни обольстить ее, ни жениться на ней. Теперь ему хочется выдать милую и бѣдную кузину за Кирѣева. У Кирѣева есть другъ—*Яницкій*, 26 лѣтъ, блѣдный, красивый, съ тонкими чертами лица, богатый, независимый, но онъ страдаетъ грудью и потому нѣсколько озлобленъ. Онъ точно такъ же, какъ и мой небогатый студентъ-Мефистофель, отъ скуки проливаетъ свой ядъ на раны безпокойнаго Кирѣева.

Кирѣевъ самъ не знаетъ, любитъ ли онъ кузину Буровцова, или нѣтъ. Яницкій тѣшится этимъ, увѣряя Кирѣева, что онъ и вовсе будто бы *неспособенъ любить*...

Кирѣевъ раздирается отъ отчаянія:

Я не люблю тебя, но, полюбивъ другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя...

Тетка Кирѣева, которая его воспитала и обожаетъ его, огорчена его страданіями; но не понимаетъ въ чемъ дѣло. Кирѣевъ и тяготится теткою, и до боли жалѣетъ ее, дѣлая ей, однако, всякія непріятности.

Наконецъ Кирѣевъ, чтобы доказать Яницкому, что онъ *можетъ что-нибудь сильное сдѣлать*, рѣшается жениться. Въ послѣднемъ дѣйствіи онъ очень несчастливъ и мучаетъ всячески и свою новобрачную, которая согласилась бы стать ему доброй женой, и тетку, которую онъ подозрѣваетъ въ непріятномъ чувствѣ къ женѣ. Поссорившись и съ той, и съ другой, и, почти прогнавши ихъ, онъ вызываетъ на дуэль Яницкаго изъ одного мщенія и отчаянія. Но Яницкій, который очень храбръ, имѣетъ моральное мужество отказаться

отъ такой дуэли, и это великодушіе врага окончательно уничижаетъ несчастнаго Кирѣева.

Комедія эта была писана не для сцены, а для чтенія; она вся основана на тонкомъ анализѣ болѣзненныхъ чувствъ. Въ ней, я помню, было много лиризма, потому что она вырвалась у меня изъ жестоко настрадавшейся души!

Я вынужденъ здѣсь распространиться хоть сколько-нибудь о разницѣ, которая была между мной и моимъ героемъ.

Конечно, у меня, какъ и оказалось на дѣлѣ, при сходныхъ обстоятельствахъ, было несравненно больше такта и твердости; но измѣненія эти внеслись сами собою въ пьесу, какъ только я измѣнилъ нѣкоторыя внѣшнія черты. Я былъ гораздо бѣднѣе Кирѣева; я былъ боленъ,—онъ здоровъ;—онъ свободенъ,—я учился насильно медицинѣ;—я былъ въ многолюдной и несогласной семьѣ,—онъ жилъ съ одной теткой, которая смотрѣла ему въ глаза. Одного или двухъ изъ тѣхъ условій, которыя меня тогда такъ несчастно опутывали, было бы достаточно для горя и грустнаго лиризма, а у меня ихъ было десять разомъ.

Отнявши у своего героя почти всѣ тѣ права на страданія, которыми я такъ щедро былъ тогда снабженъ,—я долженъ былъ *преувеличить его собственныя вины*, чтобы путемъ глубокаго презрѣнія, *самоуничиженія* причинить ему страданія той глубины, какая у меня самого являлась на половину слѣдствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Сколько бы я тогда (отчасти и со словъ другихъ) ни винилъ бы и ни казнилъ себя презрѣніемъ, какой-то *внутренній голосъ* взывалъ во мнѣ постоянно о пощадѣ;—онъ говорилъ мнѣ, что условія и другіе близкіе люди еще, пожалуй, хуже меня самого, и я убѣдился позднѣе, что это было не совсѣмъ *пристрастіе*, а въ значительной мѣрѣ правда;—съ перемѣной даже и не всѣхъ людей, а только обстоятельствъ,—и я сталъ другой.

Конечно, это я теперь такъ разбираю свою юношескую комедію, но тогда все это было мнѣ не такъ ясно. Я помню только, что мнѣ вдругъ стало гораздо *легче*, когда я написалъ два дѣйствія. Я не хотѣлъ прочесть рукописи ни род-

нымъ своимъ, *ни той дѣвицѣ*, чтобы она не *узнала* меня въ Кирѣевѣ и не судила бы объ душѣ моей хуже, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ. Я прочелъ ее только двумъ товарищамъ: тому Мефистофелю-Георгіевскому, который отравился и другому Ер—ву, который и теперь живъ и старѣетъ въ своемъ Нижегородскомъ имѣніи. Съ этого „втораго“ я списалъ внѣшность изящнаго Яницкаго;—онъ былъ еще моложе меня, побогаче; танцовалъ прекрасно, ѣздилъ хорошо верхомъ; былъ иногда насмѣшливъ, но больше какъ свѣтскій человѣкъ, а не какъ демонъ какой-то придирчивой и ненужной даже вовсе психологіи. Я составилъ Яницкаго изъ своей тѣлесной болѣзненности, изъ ядовитости Г—го и изъ милой и свѣтской внѣшности Ер—ва. Я презиралъ и жалѣлъ Кирѣева. Яницкаго я любилъ и уважалъ.

Я пригласилъ ихъ обоихъ разъ послѣ обѣда и прочелъ имъ оба дѣйствія не спѣша и съ глубокимъ чувствомъ.

Г—ій очень любилъ и понималъ искусство. Онъ всталъ;—его румяное и полное лицо утратило обычное выраженіе гордости и насмѣшки, оно стало радостнымъ; онъ обнялъ меня и сказалъ: „Ну вотъ, Костя, что жъ ты жаловался? Вотъ тебѣ и награда за страданія твои. Это настоящій талантъ!“ А Ер—въ судить тогда объ искусствѣ еще не брался твердо (ему было 20 лѣтъ) и сказалъ мнѣ другое: „Знаешь, какъ странно видѣть въ своемъ близкомъ знакомомъ вдругъ такого даровитаго человѣка!.. По правдѣ сказать, я и не думалъ, что ты можешь такъ серьезно писать!“ Какъ меня все это ободрило и утѣшило—сказать не могу! Однако мнѣ хотѣлось найти себѣ протекцію и поддержку въ литературномъ мірѣ. Я не рѣшался вѣрить только себѣ и этимъ молодымъ пріятелямъ. Плохую же вещь я печатать не желалъ. Я ненавидѣлъ посредственность въ искусствѣ.

Я сталъ думать, къ кому пойти?—Я встрѣчалъ Хомякова и Погодина, но они оба тогда мнѣ вовсе не нравились лично. Сочиненіямъ ихъ я также не находилъ въ душѣ моей въ это время ни малѣйшаго отголоска. Изъ незнакомыхъ мнѣ авторовъ я „за глаза“ больше всѣхъ любилъ Тургенева. Но онъ былъ заграницей. Я собирался идти то къ гр.

Ростопчиной, то къ Евг. Туръ. Но первую, судя по ея собственнымъ стихамъ, я не считалъ хорошимъ критикомъ, а ко второй, не помню почему, все колебался идти.

Мой Г—ій совѣтовалъ тоже найти покровителя, но прибавлялъ: Ты смотри однако—всѣмъ этимъ извѣстностямъ не слишкомъ ужь вѣрь. Они тоже ошибаться могутъ. Не вѣрь имъ во всемъ. Вѣрь себѣ больше,—своему чувству; у тебя талантъ можетъ выработаться большой. Скажутъ тебѣ—это дурно, это хорошо; а ты не слишкомъ вѣрь. Вотъ хоть бы этотъ Тургеневъ,—самъ вѣдь онъ талантъ не первоклассный: описанія его ужь становятся скучны; у геніальнаго писателя картина, замѣть, никогда не похожа вполнѣ на жизнь;—она или лучше, или хуже жизни. У Гоголя она преднамѣренно хуже; а у Тургенева эти „Записки охотника“ такъ мелочны! Они производятъ точь въ точь то впечатлѣніе, какъ сама жизнь. Не поддавайся поэтому вполнѣ никому и иди своей дорогой. Ты можешь много сдѣлать.

Мнѣ было, конечно, лестно все это слышать отъ Г—го; но я тогда не въ силахъ былъ понять всю оригинальность критики этого геніальнаго юноши. *Только лѣтъ тридцати слишкомъ я дорось до него* и сталъ понимать, что передъ судомъ строгаго искусства—Тургеневъ *не совсѣмъ то*, чѣмъ *можно быть* и чѣмъ его провозгласили. Особенно эти прославленныя „Записки охотника“.

Но въ то время эти нападки Г—го на Тургенева не послѣдняго унижали въ моихъ глазахъ, а заставляли меня лишь сомнѣваться въ правотѣ перваго. „Если онъ не цѣнитъ Тургенева (думалъ я),—то могу ли я самъ полагаться на его сужденія и его похвалы?“

Каково было мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько лѣтъ два человѣка, болѣе насъ обоихъ опытные и гораздо болѣе начитанные, сказали мнѣ о Тургеневѣ почти то же самое;—но я даже и этимъ людямъ не вѣрилъ вполнѣ, а повѣрилъ только своему собственному чувству гораздо позднѣе,—лѣтъ *черезъ семь* и болѣе! Одинъ изъ этихъ строгихъ критиковъ былъ М. Н. Катковъ, въ то время человѣкъ

еще никому почти неизвѣстный, удаленный отъ должности профессора философіи, скромный редакторъ весьма тогда скромныхъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Другаго я не назову, потому что онъ живъ и я не знаю, желаетъ ли онъ, чтобы я назвалъ его.

Итакъ я все не рѣшался, къ кому мнѣ идти за совѣтомъ и помощью.

Разъ вечеромъ, я пришелъ къ роднымъ моимъ, Охотниковымъ на Пречистенкѣ и сѣлъ у круглаго стола подъ лампой, бесѣдуя съ одной дѣвицей. На столѣ лежала газета. Я газетъ не любилъ и не читалъ; но на этотъ разъ случилось иначе. Я говорилъ съ молодой дѣвушкой о моихъ затрудненіяхъ, говорилъ о Тургеневѣ и случайно раскрылъ газету. Вдругъ вижу объявленіе: „Николай Сергѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневы вызываютъ должниковъ и заимодавцевъ скончавшейся матери своей такой-то; *домъ Ломаковской, на Остоженкѣ*“. Это было почти напротивъ моей квартиры. Я показалъ m-lle Sophie газету, и мы оба удивились. Я ушелъ домой и на другой день утромъ часовъ въ 9 съ стѣсненнымъ сердцемъ понесъ свою рукопись Тургеневу.

Человѣкъ пошелъ доложить. Тургеневъ жилъ на антресоляхъ. Какъ я ни былъ занятъ своимъ дѣломъ, но *объективность*, какъ и всегда, не покидала меня и тутъ. Я не зналъ ни наружности, ни состоянія Тургенева и ужасно боялся встрѣтить человѣка *не годнаго въ герои*, не красиваго, скромнаго, небогатаго, однимъ словомъ жалкаго труженика, которыхъ видъ и тогда уже прибавлялъ яду въ мои внутреннія язвы. Терпѣть не могъ я смолоду безцвѣтности, скуки и буржуазнаго плебейства, хотя и считалъ себя крайнимъ демократомъ. Герои Тургенева были все такіе скромные и жалкіе. Ни Рудина, ни Лаврецкаго онъ еще не произвелъ въ то время. Однако меня скоро позвали, и я былъ пріятно пораженъ. Тургеневъ любезно всталъ мнѣ навстрѣчу и, подавая руку, спросилъ, что мнѣ угодно?

Росту онъ былъ почти огромнаго, широкоплечій; глаза глубокіе, задумчивые, темносѣрые; волосы были у него тогда

темные, густые, какъ помнится нѣсколько курчавые, съ небольшой просѣдью; улыбка обворожительная, профиль немного грубъ и рѣзокъ, но рѣзокъ барски и прекрасно. Руки *какъ слѣдуетъ* красивыя, „des mains soignées“, большія, мужскія руки. Ему было тогда съ небольшимъ 30-ть лѣтъ. Одѣтъ на немъ былъ темно-малиновый шелковый шлафрокъ и бѣлье прекрасное. Еслибы онъ и дурно меня принялъ, то я бы за такую внѣшность полюбилъ бы его. Я ужасно былъ радъ, что онъ гораздо *героичнѣе* своихъ *героевъ*. Ни слова почти не говоря, я сѣлъ противъ него въ большое кресло и началъ читать ему свое сочиненіе. Онъ закрылся руками и прослушалъ около четверти часа; но потомъ прервалъ меня и сказалъ, чтобы я оставилъ ему рукопись, что онъ прочтетъ ее лучше самъ и обдумаетъ. Назначилъ мнѣ на другой день зайти утромъ, сдѣлалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ объ университетѣ, о томъ, давно ли я учусь, давно ли пишу и т. д.

На другой день я зашелъ, но мнѣ сказали, что онъ очень боленъ сердцебіеніемъ и что у него былъ самъ Иноземцевъ. Черезъ день ему стало лучше; онъ меня принялъ и мы долго бесѣдовали.

Можетъ быть здѣсь кстати будетъ упомянуть и объ его впечатлѣніяхъ; мнѣ объ нихъ, смѣясь, разсказывали позднѣе общіе знакомые.

— „Сижу я по-утру дома (говорилъ имъ Тургеневъ). — Наканунѣ ко мнѣ приносилъ свою драму незнакомый армейскій офицеръ. Отъ бумаги ужасно пахло Жуковымъ. Тамъ была какая-то графиня, и обольститель, и такой благородный одинъ офицеръ, вѣрно это себя описывалъ авторъ... Вещь никуда не годная. Я второй разъ уже не принялъ его и выслалъ ему внизъ записку, что драма, по моему мнѣнію, не можетъ быть напечатана. Онъ при человѣкѣ моемъ ужасно разсердился, разорвалъ мою записку и ушелъ. Только-что онъ ушелъ, докладываютъ—студентъ. Входитъ очень молодой человѣкъ, бѣлокурый, въ вицъ-мундирѣ, съ треугольной шляпой и съ рукописью. Говоритъ, что его фамилія Леонтьевъ, жметъ мнѣ руку, извиняется, что у него нѣтъ шпаги, потому что отдалъ чинить въ ней что-то,

и потомъ, ни слова больше не говоря, садится и читаетъ. Читалъ онъ не слишкомъ хорошо и потому я предпочелъ самъ просмотрѣть рукопись. И тотчасъ же увидалъ, что это совсѣмъ не то, что у офицера"... Въ глаза Тургеневъ говорилъ мнѣ также много ободрительнаго и лестнаго.

— Ваша комедія произведеніе болѣзненное, но очень хорошее; особенно для вашего возраста это очень много. Видно, что вы не подражаете ничему, а пишете прямо отъ себя. Ваша тетка, напримѣръ, не похожа на моихъ тетокъ или на тетокъ Гончарова. Искренности также много. Вашъ герой—больной ребенокъ, но поэтому онъ и можетъ возбудить участіе. Она у васъ не совсѣмъ кончена; кончите ее, и я съ радостью ее напечатаю. На счетъ цѣны я постараюсь выхлопотать вамъ сразу 75 рублей. Такъ устроился Писемскій; я и Григоровичъ получаемъ только 50 рублей за листъ; за эту цѣну (за 50 руб.) я вамъ ручаюсь.— Онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у меня еще чего-нибудь начатаго и просилъ принести. Я принесъ ему двѣ-три первыя главы романа, который я началъ почти въ одно и то же время съ комедіей. Названіе романа было: „Булавинскій заводъ". Недалеко отъ Калуги былъ сахарный заводъ Унковскаго, котораго окрестности мнѣ очень нравились. Это-то мѣсто я выбралъ для своего романа. Огромный сосновый боръ; „сѣрозеленые" холмы и по нимъ „сбѣгаютъ кудрявые дубки и березы". Заводъ въ сторонѣ, а на одномъ холмѣ созданный моимъ воображеніемъ просторный и теплый, новый деревянный домикъ; „свѣжія бревна, необшитыя тесомъ"; зелень вокругъ, а зимой „морознымъ вечеромъ—красныя сторы на освѣщенныхъ окнахъ". Въ этомъ миломъ домикѣ на веселой опушкѣ дремучаго бора, въ здоровомъ воздухѣ, я помѣстилъ своего героя—доктора Руднева. Руднева и Кирѣева я создавалъ въ одно и то же время. И тотъ и другой былъ я, и ни тотъ, ни другой не былъ мною. Если Кирѣевъ былъ богаче меня, былъ независимѣе и лучше моего поставленъ въ Московскомъ обществѣ,—Рудневъ за то былъ еще бѣднѣе,—онъ нуждался въ хлѣбѣ; онъ былъ сирота; у него не было какъ у меня прекраснаго материнскаго прибѣжища,—

роднаго имѣнія, краснваго, тѣнистаго нашего Кудинова! Кирѣевъ былъ здоровъ. Рудневъ былъ боленъ грудью, какъ я. Рудневъ былъ докторъ, какъ я.

Все свое малодушное, все свое слабое я придалъ Кирѣеву; все солидное, почтенное, серьезное, что во мнѣ было, я вручилъ Рудневу. Я отдалъ Рудневу всегдашнюю серьезность и честность моей мысли, мою выдержку въ занятіяхъ (даже и въ медицинскихъ, которыхъ я не любилъ), мою жажду знанія, мои *grübeln* и осыпалъ его за то *внѣшними* невзгодами, какъ осыпанъ былъ ими я самъ.

Сверхъ того въ Кирѣевѣ была моя дворянская, „свѣтская", такъ сказать, сторона; въ Рудневѣ — моя тружеическая. Я сдѣлалъ Руднева любящимъ медицину, какъ полюбилъ бы вѣроятно ее и я, еслибы мечты о службѣ искусству не охлаждали бы меня къ ней.

Я услалъ Руднева изъ столицы въ лѣсъ управлять заводомъ и имѣніемъ богатаго молодаго помѣщика Булавина и лѣчить его крестьянъ, ибо я и самъ мечталъ тогда много объ этомъ. Я хотѣлъ быть *одинъ*, хотѣлъ быть подальше отъ родныхъ, хотѣлъ быть „въ лѣсу", здоровъ, дѣятеленъ, *полезенъ бѣднымъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ независимъ. Еще я хотѣлъ одного... Я хотѣлъ имѣть молодую, очень молодую возлюбленную, простую, кроткую, послушную, которая бы не требовала отъ меня все высокаго и высокаго, какъ требовали дѣвицы нашего круга, а только добраго и добраго...

По мѣрѣ того, какъ я писалъ и переживалъ это, еще недоступное студенту, будущее почти независимаго, сельскаго врача, душа моя все веселѣла и смягчалась, и требовала новаго и новаго! Захотѣлось мнѣ съѣздить въ Петербургъ, и вотъ Булавинъ выписалъ Руднева въ столицу на два мѣсяца (не болѣе)!.. На радостяхъ, что я такой дѣльный докторъ и что я „въ лѣсу", и что грудь прошла, и что у Паши волосы какъ ленъ и платье зимнее изъ сѣрой матеріи съ бѣлыми полосками и синій бантикъ,—на этихъ радостяхъ захотѣлъ я еще добра и добра... Кого бы пожалѣть?.. Кого еще полюбить?.. Я придумалъ для Руднева

сироту—младшаго брата, юношу молодца и красавца, котораго онъ взялъ съ собою изъ Москвы въ свой „лѣсъ“...

Потомъ явился еще машинистъ, молодой Французъ Огюстъ, воспитанный въ Россіи, знакомый давно съ русской жизнью, ловкій, bon enfant... Вотъ начало романа... А дальше я не зналъ и самъ, что будетъ! Но писать эти три-четыре главы было для меня тогда блаженствомъ!

Тургеневъ прочелъ ихъ и нашелъ, что они еще лучше „Женитьбы“.

— У васъ большой талантъ, сказалъ онъ; Рудневъ другое лицо; это уже не больной ребенокъ, какъ Кирѣевъ, а человѣкъ физически болѣзненный, но сильный мыслью и духомъ; онъ преданъ наукѣ. Это лицо вовсе новое. Описанія ваши очень милы. Эти *сыро-зеленые* холмы напримѣръ. Это правда: въ такихъ мѣстахъ много сѣраго моху. Этотъ заводъ, мальчикъ-братъ—все это очень кстати.—Не портите только вашего таланта какимъ-то юмористическимъ любезничаньемъ съ читателемъ... Къ чему это вы говорите вдругъ по поводу копоти: „И заборъ, *не ускользнувшій отъ проказъ заводской трубы*“. Вы видѣли это, можетъ быть, у кого-нибудь другаго. Но помните, что эти выходки и у самого Диккенса вовсе не хороши. Не острите, бросьте это; у васъ можетъ выработаться спокойное, свѣтлое, или грустное міросозерцаніе, но этого рода ложную юмористику вы оставьте. Это не вашъ удѣлъ! Кончайте вашу комедію и вашъ романъ, и я ихъ напечатаю въ Петербургѣ. Не торопитесь; не портите вашего таланта и не давайте, безъ моего совѣта, редакторамъ эксплоатировать себя; они рады заставить васъ писать фельетоны и т. п. дрянь.

Эти первыя свиданія мои съ Тургеневымъ приходились весной 51-го года, черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ въ Орловскую губернію на лѣто, а я къ матери, въ Калужскую.

Лѣтомъ я не спѣша отдѣлалъ мою комедію совсѣмъ и послалъ ее Тургеневу. Конецъ вышелъ еще лучше начала. Созданіе Руднева, похвалы Тургенева, нескрываемое удивленіе многихъ близкихъ людей, когда я разсказывалъ имъ о моихъ разговорахъ съ этимъ писателемъ, хотя тогда

еще и не прославленнымъ, но все-таки уже достаточно извѣстнымъ,—все это возвысило меня въ моихъ собственныхъ глазахъ и отдалило меня отъ глубоко униженнаго *Кирѣева*... Память о *немъ*, объ его ошибкахъ и недавнихъ страданіяхъ была еще на столько свѣжа, что теплота въ выраженіи чувствъ сохранилась, а мое отъ него постепенное отчужденіе помогло мнѣ лишь больше уяснить себѣ всѣ образы и всѣ душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ.

Вмѣстѣ съ комедіей я послалъ Тургеневу еще одинъ отрывокъ *стихотворный*,—начало небольшой поэмы, писанный плохими гекзаметрами. И эти стихи я сочинилъ *все въ ту же зиму*, въ которую началъ и „Женитьбу по любви“ и „Булавинскій заводъ“. Несмотря на самыя неблагопріятныя и даже мрачныя условія со стороны здоровья, семейныхъ отношеній и т. д. (обо всемъ этомъ я говорилъ уже) въ эту ужасную зиму изъ души моей какимъ-то неудержимымъ ключемъ и почти вдругъ стало бить литературное вдохновеніе! Я до сихъ поръ даже и понять не могу, когда я успѣлъ все это вообразить, обдумать и написать! Тѣмъ болѣе мнѣ это кажется страннымъ, что на лекціи я все-таки довольно аккуратно ходилъ; въ первый разъ послѣ долгаго отвращенія и тяжкой борьбы сталъ „препарировать“ въ анатомическомъ театрѣ мускулы и жилы на отрѣзанныхъ мертвыхъ рукахъ и ногахъ; дѣлалъ физіологическіе опыты подъ руководствомъ строгаго профессора Глѣбова и заслужилъ даже его одобреніе за представленный ему отчетъ о родѣ страданій и объ образѣ смерти одного несчастнаго голубя, которому самъ Глѣбовъ насквозь проткнулъ булавкой полушарія большаго мозга. Мнѣ дали этого голубя на домъ для наблюденій надъ припадками, которые должны были послѣдовать за такимъ важнымъ поврежденіемъ. Мнѣ помнится, что голубь прожилъ съ булавкой въ большомъ мозгу—дня три въ спокойномъ, хотя и отупѣломъ состояніи, но на четвертую ночь сталъ такъ громко биться и трепетать крыльями, что я проснулся и присутствовалъ при его кончинѣ. Помню, что умирая, онъ все вертѣлся въ одну сторону; не знаю, какъ теперь учатъ, а тогда (если мнѣ не измѣнила вполнѣ „медицинская“ па-

мять) насъ учили, что этого рода неправильное движеніе случается при пораженіи мозжечка съ одной стороны. Утромъ я вскрылъ осторожно маленькій черепъ мученика науки,— нашелъ, что мозжечекъ дѣйствительно былъ пораженъ и написалъ свой отчетъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ случаѣ лишь потому, что, повторяю, самъ не могу постичь, какъ и когда я успѣлъ въ эту зиму столько настрадаться за себя и даже за другихъ, столько прочесть, столько передумать и перечувствовать новаго; столько написать и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворительно приготовиться къ экзамену! Въ первый разъ я тогда сталъ рѣзать самъ трупы; въ первый разъ коснулся руками холоднаго и гніющаго человѣческаго тѣла; въ первый разъ узналъ, что такое глубина и жестокость *молодаго* отчаянія, (оно нестерпимо, хотя и скоро проходитъ); въ первый разъ дѣлалъ физіологическіе опыты надъ живыми существами; въ первый разъ написалъ и эти, хоть сколько-нибудь да сносные, стихи.

Тургеневъ тотчасъ же по полученіи моихъ рукописей отвѣчалъ мнѣ длиннымъ и самымъ любезнымъ письмомъ. Это *первое* его письмо покажется, вѣроятно, многимъ читателямъ довольно скучнымъ, ибо онъ очень внимательно и подробно занимается въ немъ стихосложеніемъ и метрической, такъ сказать, критикой моихъ гекзаметровъ; я нахожу, однако, необходимымъ помѣстить его здѣсь, не только потому, что оно *первое*, но еще и потому, что оно дѣлаетъ большую честь его доброму сердцу и его литературной добросовѣстности. Пусть оно само говоритъ за себя; кому надоѣстъ разборъ неправильныхъ стиховъ, тотъ все это пропуститъ, пробѣжавъ лишь глазами.

С. Спасское,
12 іюня 1851 г.

Милостивый Государь
Константинъ Николаевичъ.

Я получилъ ваше письмо и посылку вчера и, видите, не замедлилъ отвѣтомъ. Вы не почли нужнымъ, какъ вы говорите, „разсыпàться въ изъявленіяхъ благодарности“—я, съ своей стороны, избавлю и васъ отъ увѣреній въ искреннемъ моемъ участіи къ вашему таланту; лучшимъ доказа-

тельствомъ этого участія послужитъ подробность и добросовѣстность моихъ замѣтокъ.

Начнемъ съ вашихъ гекзаметровъ. Прилагаю ихъ къ этому письму вмѣстѣ съ таблицей всѣхъ чисто-метрическихъ ошибокъ, найденныхъ мною въ вашихъ стихахъ. Вы извините за откровенность: вы до сихъ поръ не имѣли точнаго понятія о гекзаметрѣ. Но это не должно васъ опечалить; вы владѣете языкомъ, выраженія ваши живы и счастливы—овладѣть размѣромъ вамъ будетъ очень легко. Позвольте сообщить вамъ нѣсколько замѣчаній о гекзаметрѣ, которыя, я надѣюсь, не будутъ вамъ безполезны, и не взыщите за наставническій тонъ.

Гекзаметръ состоитъ изъ *шести* стопъ, *пяти* трехсложныхъ, въ которыхъ первый слогъ долгій, а вторые два короткихъ, и *одной* окончательной, усѣченной стопы, состоящей изъ одного долгаго и одного короткаго слога. Вотъ его форма:

1	2	3	4	5	6
— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪
Жилъ былъ са	*довникъ о*	*динъ въ опу*	*стьломъ и*	*грустномъ и*	*мьныи.*

Эта форма представляетъ *полный* гекзаметръ. Греки, изобрѣвшіе этотъ размѣръ, замѣняли часто въ одной, иногда въ двухъ, иногда во всѣхъ стопахъ, *исключая пятой, которая всегда оставалась полной,* и послѣдней, *шестой,* усѣченной, *которая тоже никогда не измѣнялась,*—замѣняли, говорю, короткіе два слога однимъ длиннымъ [1]), что придавало большое разнообразіе и гибкость этому размѣру. Повторяю, *пятая* стопа и *послѣдняя* никогда не измѣнялись; онѣ-то придаютъ гекзаметру его характеръ, и потому оканчивать стихъ *мужскою* рѣчью, слогомъ съ удареніемъ, какъ вы это дѣлали, наприм., въ полустишьи: Яковъ садовникъ храни*лъ*,—совершенно противно всѣмъ правиламъ и превращаетъ *гекзаметръ* въ *пентаметръ*.

Далѣе, новѣйшимъ народамъ, перенявшимъ гекзаметры у Грековъ, предстояло большое затрудненіе. Не имѣя, какъ Греки *количественно*-долгихъ и короткихъ слоговъ, *независимо*

---

[1]) Напр., у нихъ безпрестанно встрѣчаются такіе гекзаметры:

	1	2	3	4	5	
	— —	— ∪∪	— —	— ∪∪	— ∪∪	— ∪
или:	— ∪∪	— —	— —	— ∪∪	— ∪∪	— ∪
или:	— —	— —	— ∪∪	— —	— ∪∪	— ∪
или:	— —	— —	— ∪∪	— ∪∪	— ∪∪	— ∪
или даже:	—	— —	— —	— —	— ∪∪	— ∪ и т. д

отъ удареній, имѣя *только ударенія*, они, по-настоящему, могли ввести у себя только *полный гекзаметръ*, замѣнивъ первый, долгій слогъ каждой стопы слогомъ съ удареніемъ:

— ∪∪ — ∪∪ — ∪∪ — ∪∪ — ∪∪ — ∪

Но, чувствуя однообразіе этой формы, Нѣмцы первые рѣшились, по мѣрѣ возможности, замѣнять два короткіе слога однимъ долгимъ, или, говоря точнѣе, слогомъ съ удареніемъ, т. е. вмѣсто ∪∪, ставить — —. Они это сдѣлали не соображаясь съ какими-нибудь произвольными, придуманными законами, не идущими къ ихъ языку (извѣстно, что у Грековъ *постоянные* законы опредѣляютъ долготу слога), но съ ухомъ, съ мѣрой и духомъ, можно сказать, съ музыкой языка. Главная задача состояла въ томъ, чтобы читатель, не затрудняясь, тотчасъ прочелъ *измѣненный* гекзаметръ такъ, какимъ его сочинилъ поэтъ, и эта задача была достигнута, эта попытка въ рукахъ талантливыхъ людей удалась; но надо имѣть талантъ и ухо, чтобы чувствовать, *гдѣ* именно возможно нарушить однообразіе полнаго гекзаметра введеніемъ длиннаго слога, вмѣсто двухъ короткихъ. Вы сами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень удачно это сдѣлали. Ни одинъ читатель запнется, какъ прочесть слѣдующій вашъ стихъ:

1	2	3	4	5	6
— ∪ ∪	— ∪	— ∪	— —	— ∪ ∪	—
Только и	было, что	пять; од	на надъ	*пру*домъ въ де	ревнѣ [1]),

въ которомъ у васъ двѣ стопы среди, 3-я и 4-я состоятъ изъ двухъ долгихъ слоговъ,—или этотъ стихъ:

1	2	3	4	5	6
— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— —	— ∪ ∪	— ∪
Жизнью ки	пящихъ, счас	тливыхъ и	сильныхъ,	*злою* на	смѣшкой,

въ которомъ у васъ 4-я стопа состоитъ изъ долгихъ.

Воейковъ въ слѣдующемъ гекзаметрѣ:

1	2	3	4	5	6
— —	— ∪ ∪	— —	— ∪ ∪	— ∪ ∪	— ∪
Здѣсь сквозь	доски по	ла визж	ить, заецъ	пляясь зу	бами,

Гнѣдичъ въ переводѣ *Иліады* часто весьма удачно измѣняли полную форму. Очень жаль, что Жуковскій не понадѣялся

[1]) Полный гекзаметръ былъ бы слѣдующій:

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪

Только и было, что тридцать; одна надъ рѣкою въ деревнѣ.

на свое умѣнье владѣть стихомъ и всю *Одиссею* перевелъ полными гекзаметрами, что̀ производитъ утомительное однообразіе и стукотню. Конечно, оно легче, удобнѣе и, положимъ, даже правильнѣе, но, повторяю, лучше тогда совсѣмъ бросить этотъ размѣръ. Только, разумѣется, надобно умѣючи вводить долгіе слоги (правильнѣе, слоги съ удареніемъ, потому что количественно-долгихъ слоговъ въ новѣйшихъ языкахъ нѣтъ, но мы для краткости будемъ ихъ называть долгими). Правила, какъ это дѣлать, предписать невозможно, но нѣкоторые намеки могутъ быть даны:

а) Никогда не должно превращать въ долгій слогъ незначительную частицу или незначительный слогъ въ словѣ, на которыхъ неестественно остановиться, какъ вы это сдѣлали въ 55-мъ стихѣ:

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — ∪

Думать должно, что заглохъ онъ отъ неухода и пищи,

что̀ ужасно деретъ слухъ.

b) Также надобно наблюдать, *чтобы первый, долгій слогъ стопы*, слѣдующей за стопой, превращенной въ долгую (— —), былъ не частица или незначительный слогъ, какъ, напр., у васъ въ 60-мъ стихѣ:

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪

Темную кровлю казалъ, какъ бы наблюдая тихонько,

гдѣ послѣ продолженной стопы — залъ какъ — читатель принужденъ сдѣлать удареніе на *бы*, что̀ неестественно.

с) Должно стараться, чтобы продолженный слогъ—слогъ, представляющій собою два коротких слога, имѣлъ либо *значеніе* въ стихѣ, какъ напр. (см. выше),

— ∪ ∪ — ∪ ∪ —

Только и было, что *плыть* и т. д.

либо, чтобы за нимъ слѣдовалъ знакъ препинанія, что̀ позволяетъ голосу остановиться, какъ напр.:

— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — — ∪ ∪ — ∪

Ягодъ багровыхъ пучки выставляла. Ландышей скромныхъ

Но, повторяю, правила для употребленія этой вольности должны находиться въ ухѣ поэта, и если вы на свое ухо не надѣетесь, пишите, такъ и быть, исключительно полными гекзаметрами. Но гдѣ больше труда—больше и чести [1]).

Что же касается собственно-поэтическаго достоинства отрывка, то онъ свѣжъ и картиненъ. Не могу, однако, не

---

[1]) Въ подлинникѣ слѣдуютъ подробныя указанія на метрическія ошибки въ произведеніи.

замѣтить, что „младые прогрессисты“ въ 90-мъ стихѣ непріятно поражаютъ слухъ и что не худо бы вамъ отвыкнуть отъ такихъ оборотовъ, какъ напр., „кленъ-то не шибко здѣсь росъ по себѣ“, что я, помнится, называлъ вамъ любезничаньемъ и что вовсе не идетъ къ вашему ясному и спокойному поэтическому взгляду. Еще замѣчу вамъ, что ревенемъ, точно, пахнетъ тополь, только не серебристый. Но мнѣ весьма было бы пріятно знать, что вы продолжаете вашу поэму, соображаясь съ метрическими правилами, а метрическія правила соблюдать такъ легко, что, право, не стоитъ нарушеніемъ ихъ вредить впечатлѣнію читателя.

Я такъ подробно распространился о вашихъ гекзаметрахъ, что не имѣю болѣе времени говорить какъ бы слѣдовало о вашей комедіи. Я третье дѣйствіе прочелъ со вниманіемъ; оно не перемѣнило моего прежняго мнѣнія: это сюжетъ, не говорю сценическій, но анти-драматическій; интересъ въ немъ даже не психологическій, а патологическій. Но со всѣмъ тѣмъ это вещь замѣчательная и оригинальная. Я исполню всѣ ваши порученія—пошлю вашу комедію къ Краевскому съ письмомъ къ Дудышкину, критику *О. З.*; но я объ этомъ еще поговорю съ вами въ другомъ письмѣ, въ которомъ я выскажу вамъ все мое мнѣніе о вашемъ произведеніи. Я надѣюсь, что въ августѣ мѣсяцѣ вы непремѣнно будете имѣть деньги.

Пока будьте здоровы, работайте. Смѣю думать, что вы теперь не сомнѣваетесь въ желаніи моемъ быть по мѣрѣ силъ полезнымъ вамъ и вашему таланту; надѣюсь, что со временемъ къ чувству литературной симпатіи прибавится другое, болѣе теплое—личное расположеніе. Желаю вамъ всего хорошаго.

Вашъ покорный слуга *Иванъ Тургеневъ*.

Таково было это первое письмо Ивана Сергѣевича. Могло ли оно не ободрить двадцатилѣтняго мальчика?

Сила его дѣйствія удвоивалась, помню, еще и безкорыстной радостью тому, что самъ Тургеневъ такъ красивъ, такъ ростомъ великъ и плечистъ, такой „баринъ“! Мнѣ было пріятно быть обязаннымъ человѣку, который мнѣ такъ нравился. Я радовался даже и тому, что онъ богатъ.

Всё некрасивое, жалкое, бѣдное, болѣзненное съ виду ужасно подавляло меня тогда, не оттого, чтобы я былъ сухъ или несострадателенъ, а напротивъ потому, что я при первомъ переходѣ моемъ изъ отрочества въ юношеское совер-

шенно-лѣтіе, принималъ всё слишкомъ близко къ сердцу и въ пныя минуты ужь было мнѣ и не подъ силу всѣхъ и все жалѣть, начиная съ самого себя и кончая какимъ-нибудь беззащитнымъ щенкомъ, надъ которымъ профессора наши Севрукъ и Глѣбовъ дѣлали такіе жестокіе опыты!

Еще бѣдное, истерзанное сердце мое не окрѣпло, не возмужало, не притерпѣлось, и мнѣ было такъ пріятно порадоваться хоть на чужую силу, на чужую красоту или на богатство, доставшееся хоть не въ мои, но въ хорошія руки, въ руки человѣка, по моему мнѣнію, достойнаго всякаго счастія!

Я помню это лѣто (51-го года) въ нашемъ Калужскомъ имѣніи. Карамзинъ сказалъ про свою первую молодость: „Я помню восторги, но не помню счастія". Мнѣ захотѣлось, говоря объ этомъ лѣтѣ въ родной деревнѣ, привести эти слова Карамзина, только немного измѣняя порядокъ ихъ: „Конечно,—я не помню счастія, *но помню восторги!*". Да, я ихъ помню, и обязанъ я былъ ими больше всего Тургеневу!

Я помню одну лѣтнюю ночь... должно быть въ іюлѣ мѣсяцѣ. Я долго не могъ заснуть отъ необычайнаго возбужденія мыслей и какихъ-то неясныхъ, но восхитительныхъ чувствъ. Открытое на всю ночь окно моей комнаты выходило въ садъ. Сквозь марлевую заставку при сильномъ лунномъ свѣтѣ я видѣлъ, хотя и смутно, большія липы нашей огромной густой аллеи; видѣлъ яблони и груши, знакомыя съ дѣтства; съ полей созрѣвающей за садомъ ржи раздавался посреди безлюдья громкій крикъ коростелей... Мало ли сколько разъ я слыхалъ этотъ крикъ и прежде, и послѣ, но ни разу ни прежде, ни послѣ, этотъ знакомый крикъ не дѣйствовалъ на меня такъ сильно, такъ поразительно, торжественно и странно!

Конечно, не одно это милое и столь ободрительное письмо было причиной моего пріятнаго душевнаго возбужденія въ это достопамятное для меня лѣто... Были и другія обстоятельства благопріятныя для хорошаго настроенія моего духа. Особенно—два. Одно изъ нихъ, для меня очень важное, было прямо связано съ мыслями о Тургеневѣ,—вытекало

изъ знакомства съ нимъ;—а другое было совсѣмъ случайное, но тоже въ моихъ глазахъ весьма существенное. Впрочемъ, я помню, что при тогдашнихъ размышленіяхъ моихъ и объ этомъ второмъ, случайномъ обстоятельствѣ, хотя на мгновеніе, но все-таки являлся передо мной съ безмолвнымъ благословеніемъ призракъ моего поэтическаго Орловскаго помѣщика. Еслибы я на этотъ разъ (только на одинъ этотъ разъ!)—былъ бы Французомъ или былъ бы увѣренъ, что могу правильно писать по-французски, то я выразился бы между прочимъ такъ:... „l'image noble et gigantesque de mon généreux protecteur!—или вообще въ этомъ родѣ — вмѣсто этихъ простыхъ словъ „призракъ“... Но у насъ не полагается такъ писать. У насъ вѣдь прежде всего надо упомянуть о томъ, какъ кто-нибудь „сопѣлъ, глаза протирая, плевался, сюсюкалъ, хихикалъ“ и т. д...

Первое благопріятное для моего настроенія обстоятельство, вытекавшее отчасти, какъ я сказалъ, изъ этого счастливаго знакомства съ Тургеневымъ, было то, что я именно въ это время задумалъ впервые и рѣшилъ прервать, наконецъ, всѣ сношенія съ Алексѣемъ Георгіевскимъ. Рѣшеніе это, не безъ долгихъ думъ и не безъ борьбы, созрѣло и окрѣпло въ душѣ моей за это лѣто такъ сильно, что я тотчасъ же, по возвращеніи моемъ осенью въ Москву,—привелъ его въ исполненіе, и гораздо легче и смѣлѣе, чѣмъ самъ отъ себя ожидалъ.

Г—ій становился все несноснѣе, придирчивѣе, несправедливѣе и неделикатнѣе; и замѣчу, только съ тѣми изъ сверстниковъ, съ которыми онъ былъ близокъ, въ привязанности которыхъ онъ былъ увѣренъ. Съ остальными людьми онъ былъ остороженъ, вѣжливъ и даже иногда любезенъ. Для меня все это было истинной загадкой; самъ я рѣшительно подобныхъ чувствъ и наклонностей не понималъ. Другаго друга своего (нашего же Калужскаго товарища П—ва) онъ довелъ своими жесткими шуточками и насмѣшками до того, что П—въ рѣшительно выгналъ его изъ квартиры своей. Но Георгіевскій отъ избытка самомнѣнія сталъ выше этого, обратилъ все это въ шутку и

пришелъ съ какими-то каррикатурными ужимками къ нему просить иголки и нитокъ для починки казеннаго носоваго платка (онъ былъ казеннымъ студентомъ). П—въ, который славился у насъ еще прежде упорствомъ и твердостью характера, доходившей иногда и до тупаго упрямства,—не устоялъ противъ этого паясничанья своего даровитаго друга и примирился съ нимъ. Я помнилъ этотъ недавній случай крѣпко и молчаливое, затаенное негодованіе мое на Георгіевскаго было уже такъ сильно, что я оказался непоколебимѣе упорнаго П—ва.

Привязанность моя къ Г—му, въ началѣ университетской жизни нашей столь искренняя и пылкая,—начала, положимъ, уже и зимой, остывать подъ вліяніемъ тѣхъ вовсе ненужныхъ и злыхъ гадостей, которыя онъ намъ съ П—мъ постоянно говорилъ; разъ я даже на извозчикѣ сказалъ ему по поводу одной его выходки:—А знаешь ли ты, что за это по лицу бьютъ?

Онъ какъ и всегда, нашелся: „Пока меня не ударили, мнѣ право—все равно!“

Драться мы въ саняхъ и въ треугольныхъ шляпахъ на улицѣ, конечно, не стали;—но я ничего не забылъ и все собиралъ во едино въ негодующемъ сердцѣ моемъ.

Отъ разрыва меня долго удерживали два чувства:—одно внушало мнѣ какія-то тончайшія сомнѣнія въ моей собственной правотѣ, сомнѣнія ужъ слишкомъ добросовѣстныя и строгія къ себѣ до несправедливости. Мнѣ часто думалось тогда: „истинно умный человѣкъ не можетъ не быть добрымъ и справедливымъ. Г—ій такъ удивительно уменъ; какъ же можетъ онъ быть недобръ и несправедливъ ко мнѣ, который его такъ любитъ и котораго бесѣды, умъ и дружбу онъ самъ предпочитаетъ обществу и дружбѣ всѣхъ другихъ людей?!—*Надо еще размыслить: не правъ ли онъ? Можетъ быть и я виноватъ? Можетъ быть я чего-нибудь еще не понялъ, а онъ, конечно, ужъ все понимаетъ!*“

Глупыя мысли неглупаго мальчика, у котораго отъ боли сердечной и обидъ умъ зашелъ за разумъ!.. Именно *зашелъ дальше* чѣмъ нужно было...

И вотъ я все искалъ, чѣмъ бы его оправдать, а себя обвинить, и найти не могъ. Обиженное сердце съ величайшей болью протестовало противъ всѣхъ изысканныхъ и самоукоряющихъ доводовъ сбитаго съ толку ума.

И я все болѣе и болѣе (ничего ему объ этомъ не говоря) начиналъ, послѣ двухъ-лѣтней вѣры въ непогрѣшимость его „генія“ и даже его нравственнаго суда, — *предполагать, что даже и онъ можетъ быть неправымъ.*

Другое чувство, которое долго мѣшало мнѣ прекратить съ Г—мъ всѣ сношенія, была потребность такъ называемаго „обмѣна“ мыслей высшаго порядка. Я около себя не находилъ, кромѣ него, ни одного человѣка, съ которымъ бы я могъ такъ много, такъ свободно и такъ „современно“, какъ говорится, разсуждать о Пушкинѣ и Гомерѣ, о Гоголѣ и Бѣлинскомъ, о любви и дружбѣ, о вѣрѣ и безвѣріи, объ общихъ началахъ науки и поэзіи. Говорили многіе довольно умно, читали... Но мнѣ всего этого было мало, а его независимый и мощный умъ не только удовлетворялъ, но даже и подавлялъ меня безпрестанно.

Какъ только я познакомился съ Тургеневымъ, какъ только Тургеневъ призналъ во мнѣ талантъ, я понялъ, что *теперь* я въ силахъ буду найти себѣ и помимо Г—го собесѣдниковъ „наивысшаго порядка“, и что мой самодовольно-ядовитый и безъ достаточной причины придирчивый товарищъ мнѣ ужь не такъ необходимъ для умственной жизни, какъ я съ полгода тому назадъ воображалъ.

И вотъ, гуляя одинъ по нашимъ живописнымъ Кудиновскимъ рощамъ и липовымъ аллеямъ, я думалъ, думалъ, думалъ и... надумался...

Какая-то струна въ сердцѣ моемъ отъ этой думы, долгой и упорной,—перетерлась и порвалась разъ навсегда, невозвратно!..

Пока я воображалъ смиренно, что мой ежедневный обвинитель и жестокій судья—непогрѣшимъ *мыслью* своею, я не смѣлъ, *во имя идеальной правды*, разстаться съ нимъ. Пока я боялся, что безъ него мнѣ не съ кѣмъ будетъ говорить о томъ, напримѣръ, какая разница въ характерахъ

у Онѣгина, Печорина и Бельтова („Кто виноватъ?“) и *на котораго изъ нихъ лучше быть самому похожимъ* въ жизни и т. д. Пока я боялся, что некѣмъ будетъ съ этой стороны замѣнить его—я терпѣлъ. *Теперь*—я не желалъ болѣе терпѣть и не боялся съ нимъ разстаться.

Въ началѣ сентября, въ Москвѣ, когда начались уже лекціи, Г—ій пришелъ ко мнѣ вечеромъ. У меня въ это время сидѣлъ еще другой молодой человѣкъ, нѣкій русскій-Французъ Эж. Р., давній тоже Калужскій сверстникъ и пріятель, также весьма неглупый, но совсѣмъ въ другомъ родѣ: простосердечный, веселый, легкомысленный и добрый.

Начался разговоръ и очень скоро перешелъ на литературу.

— А ты какъ тамъ ни толкуй, *молодой писатель*, сказалъ Г—ій,—а твой Тургеневъ все-таки немного *мелкопомѣстенъ* (Г—ій любилъ придумывать такія необыкновенныя выраженія).—Вотъ напримѣръ, этотъ „Бѣжинъ лугъ“. Къ чему эти подробныя описанія всѣхъ этихъ облаковъ утромъ... Помнишь?.. *ужъ больно густо*! Подумаешь, человѣкъ для того пишетъ, чтобы побольше за листъ взять... „Дадутъ за лишній листъ, да еще скажутъ про меня — „художникъ!“ (Слово „художникъ“ онъ произнесъ съ насмѣшливой, сантиментальной ужимкой и претенціознымъ голосомъ).

Я возмутился и отвѣчалъ:

— Послушай, что ты говоришь „за листъ“... Вѣдь у него больше тысячи душъ крестьянъ!.. Онъ получаетъ по 50 р. с. за листъ; сколько жъ за это описаніе придется? Быть можетъ 5 рублей.

— Ну, такъ вотъ: „художникъ!“, повторилъ онъ тѣмъ же тономъ и потомъ продолжалъ:—Перечелъ я недавно „Наташу“ и „Аптекаршу“ графа Соллогуба.—Вотъ это чувство! и простота, и художественность настоящая... На что ужь я, кажется *un ours*... Какъ это у васъ, господа, говорятъ?.. *Un ours*... ужь не „*moscovite*“ даже, а „*de Borowsk*“... а кончая „Наташу“, заплакалъ... И „Аптекарша“ тоже—какая искренняя и прекрасная вещь! Эти Нѣмцы русскіе въ уѣздномъ нашемъ городкѣ и Нѣмцы нѣмецкіе въ Дерптѣ...

Эта дѣвочка въ коленкоровой шляпѣ, дуэль, старикъ профессоръ!.. Прелестно!.. „Мысль обрѣла языкъ простой и голосъ страсти благородный“... А у Тургенева все какія-то штучки, вродѣ комизма или юмора—какъ будто что-то и Гоголевское... Да куда!—Далеко кулику до Петрова дня!.. А хочется тоже! Нѣтъ, братъ, какъ хочешь мелкопомѣстенъ онъ, мелкопомѣстенъ... Я думаю, онъ никогда не будетъ даже въ силахъ написать длинную и серьезную вещь. Вотъ Писемскій—хоть твоей, такъ сказать, женственности, „Тюфякъ“ его и противенъ, я знаю... А онъ скорѣе Тургенева создастъ объективное и сложное произведеніе... Даже *вы*, молодой авторъ, *вы*, я полагаю, скорѣе Тургенева способны сочинить сложный планъ большаго романа... Конечно, надо стараться, *мал—дой че—къ*, надо стараться! прибавилъ онъ уже съ веселымъ добродушіемъ, представляя какого-то начальника.

На все это я отвѣтилъ только, что я съ этимъ не согласенъ и можетъ быть даже и *не понимаю* всего этого.

Г—ій въ отвѣтъ на это продекламировалъ свое четверостишіе, сочиненное имъ еще прежде не на меня, а на другаго нашего товарища, лирическаго стихотворца:

Ты многаго не понимаешь,
И многаго, быть можетъ, не поймешь!
Ты только то порядочно поешь,
Что самъ въ себѣ лишь замѣчаешь.

— Впрочемъ, (поспѣшилъ онъ прибавить),—второй стихъ къ тебѣ не приложимъ. Ты „многое современемъ поймешь“, „чего теперь не замѣчаешь“... Вотъ, *графъ*, какъ я для васъ это... *перефра?... пере?... фрази?... Перефрадьяволилъ?..*

Такой обычной ему выходкой кончилъ Г—ій свой жестокій критическій походъ на Тургенева, котораго слава была еще далеко впереди.

Каково было мое удивленіе, когда *лѣтъ черезъ десять, если не болѣе*, я началъ вдругъ находить, что этотъ сынъ бѣднаго боровскаго „приказнаго“, ничего кромѣ калужской гимназіи прежде не видавшій, незнакомый вовсе съ иностранными языками, *несравненно* менѣе меня съ раннихъ лѣтъ начитанный (я уже и въ дѣтствѣ много вовсе *не-дѣт-*

скаго—успѣлъ прочесть и по-французски и по-русски),—что онъ былъ, если не во всемъ и не совсѣмъ, то *почти* все-таки правъ въ своей строгой художественной оцѣнкѣ!

Но это понималъ я сталъ уже *тридцатилѣтнимъ мужемъ*, а онъ былъ до того способенъ, что въ двадцать три года опережалъ не только насъ, ровесниковъ, но даже и *будущую критику* и русскую, и иностранную. Нельзя, разумѣется, и теперь не цѣнить таланта Тургенева, но нельзя же и равнять его, напр., хоть бы со Львомъ Толстымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его надо поставить ниже Писемскаго, ниже Достоевскаго, ниже Щедрина. По лиризму гораздо ниже Достоевскаго; по широкой и равномѣрно разлитой объективности—ниже Писемскаго;—по силѣ ядовитаго комизма (отъ котораго Тургеневъ былъ все-таки не прочь) и по пламенной сатирической злобѣ—ниже Щедрина, за которымъ и нераздѣляющій его направленіе человѣкъ долженъ все-таки признать эти свойства.

Да! 21-го года—я былъ не въ силахъ сравняться въ силѣ критической съ моимъ геніальнымъ Г—мъ! Но самая эта сравнительная слабость мысли послужила *въ то время* мнѣ на пользу... Слабость мысли придала мнѣ силу воли, силу рѣшимости—покончить съ нимъ сразу все!

Немного погодя, онъ собрался уходить. Я при Французѣ нашемъ не хотѣлъ ничего обнаружить, а сказалъ Г—му: „Ну, хорошо, пойдемъ... Я провожу тебя по двору до воротъ“. Эженъ Р. сдѣлалъ было тоже движеніе какое-то... (ночь была лунная, хорошая), но я взглянулъ на него такъ значительно, что онъ понялъ и остался.

Мы шли по двору сначала молча... Мнѣ было больно, очень больно... Г—ій, наконецъ, догадался, что это не спроста и полушутливо спросилъ, подходя къ калиткѣ: „Батюшки! Что это такое значитъ?“...

— А то значитъ, сказалъ я, протягивая ему руку,—что я прошу тебя никогда больше ко мнѣ не ходить и, встрѣчаясь, не заговаривать даже со мной, а оставить меня въ покоѣ.

Онъ тихо пожалъ мнѣ руку и молча ушелъ.

Я вернулся къ себѣ и со вздохомъ опустился на диванъ. И больно, и легко!

Мой опытный и живой Эженъ началъ спрашивать:

— Что такое? Что такое? Секретъ?

Я разсказалъ ему.

Эженъ, слушая улыбался, не то одобрительно, не то скептически и, наконецъ, сказалъ:

— Однако, какой ты сталъ рѣшительный! Вѣдь ты такъ любилъ его!

— Люди, голубчикъ, обучатъ рѣшительности. Всему, и моей уступчивости, и моему ослѣпленію есть предѣлъ! возразилъ я этому доброму малому, который ни на что подобное по слабости и легкомыслію своему не былъ способенъ.

Я сказалъ, что слабость мысли придала мнѣ силу рѣшительности. Надо объяснить это.

Что *часть* критическихъ нападокъ его на Тургенева была справедлива, я тогда понять не могъ, а слышалъ только въ рѣчахъ его звуки какого-то личнаго злорадства; я прочелъ въ нихъ неблагородное желаніе отравить недавнюю радость товарищу, который такъ его любилъ, такъ смирялся передъ нимъ и такъ много за послѣднее время страдалъ.

— Что нибудь одно: или онъ все это въ самомъ дѣлѣ думаетъ, или на зло мнѣ говоритъ. Если онъ говоритъ то, что думаетъ, то онъ неправъ *умственно*; значитъ, онъ ошибается, какъ критикъ.—Что-жъ тутъ худаго, что „Записки охотника“ такъ похожи на жизнь этой милой мнѣ русской провинціи? — „Мертвыя души“ эти, надъ которыми онъ, Г—скій, чуть не ежедневно съ восторгомъ хохочетъ—*на жизнь все-таки не похожи*; все-таки въ нихъ изображена одна пошлая ея сторона... Я недавно только подъ его вліяніемъ *понудилъ* себя второй разъ ихъ прочесть; понялъ наконецъ, что художественность велика въ самомъ дѣлѣ и все-таки, *молча*, пожалъ плечами и сказалъ себѣ: да мнѣ до этого какая нужда! Я и безъ этой „великой поэмы“, зналъ, что есть мошенничество, что отъ Петрушекъ и Селифановъ часто дурно пахнетъ и т. д. А Тургеневъ научаетъ меня, что хорошо и что дурно въ нашей помѣщичьей жизни, что гу-

манно и негуманно, что поэтично, и что пошло; онъ незамѣтно указываетъ мнѣ, какъ мнѣ вести себя. Онъ безпрестанно, кромѣ того, въ „Запискахъ охотника“ напоминаетъ мнѣ своими чувствами мои собственныя, естественныя чувства, когда я живу въ Кудиновѣ и ѣзжу оттуда въ уѣздные наши города, въ живописный Юхновъ или въ Мещовскъ или даже въ Калугу... А такъ, какъ чувствуютъ дѣйствующія лица „Мертвыхъ душъ“ или даже самъ Гоголь, я никогда не чувствовалъ и *не буду... Не хочу...* Развѣ-вотъ сравненіе Россіи съ *тройкой*! Нѣтъ Г—ій ошибается! Это натяжка—это восхищеніе „великой поэмой“, и для меня „Записки охотника“ выше—и кончено!...

Такова была моя тогдашняя юношеская, *сердечно-тенденціозная* критика! Конечно, я былъ въ этомъ не совсѣмъ правъ, но я былъ правъ въ томъ, что въ его разсужденіи о Тургеневѣ я слышалъ нѣкоторое злорадство. Если и признать, что *слова* его были искренни, то все-таки *аккомпаниментъ* этихъ словъ, сердечная музыка его рѣчей въ этомъ случаѣ была нечистая, недобрая.

Я бы не *такъ* и не *такимъ тономъ*, кажется, говорилъ бы, еслибы я былъ на его мѣстѣ, а онъ на моемъ, подумалъ я.

Подумалъ я это,—авторитетъ его и умственный, и нравственный вдругъ пошатнулся; — перетертая уже прежде струна безкорыстной, молодой дружбы лопнула... *и все было кончено—разъ навсегда!...*

Три года еще мы пробыли вмѣстѣ на медицинскомъ факультетѣ; — встрѣчались на лекціяхъ; сначала издали иногда кланялись другъ другу; я не чувствовалъ ни малѣйшаго сожалѣнія. Онъ одинъ разъ попытался было завести разговоръ; подошелъ, съ радостнымъ видомъ подалъ руку и сказалъ:

— Ты въ лицѣ такъ поправился, посвѣжѣлъ, и взглядъ сталъ бойчѣе... Я очень радъ...

— Да, мое здоровье теперь лучше, отвѣтилъ я и тотчасъ отошелъ прочь.

Послѣ этого, встрѣчаясь изрѣдка (мы впослѣдствіи были

на разныхъ курсахъ), — мы перестали другъ другу кланяться.

Ненависть моя противъ него вначалѣ, послѣ разрыва, была такъ велика, что я нѣсколько разъ на лекціяхъ, узнавши издали *его* голосъ, или его какую-то особую, изысканную манеру покашливать, исполнялся злобою и съ наслажденіемъ воображалъ его убитымъ и лежащимъ передо мной на землѣ въ крови... Это было совершенно непроизвольное движеніе сердца и оно стало повторяться все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ я рѣже и рѣже встрѣчалъ его. Я понемногу сталъ къ нему равнодушенъ.

Жизнь моя текла съ тѣхъ поръ своимъ путемъ и мысль моя развивалась, какъ ей было предначертано развиваться, безъ всякаго его участія. И съ тѣхъ поръ я никогда уже не отдавался никому душой и умомъ такъ безусловно... То сердечное и умственное рабство, съ которымъ я прожилъ около двухъ лѣтъ тогда, уже ни разу и ни въ какой формѣ не повторялось въ моей жизни, и мнѣ впослѣдствіи времени нужно было дѣлать даже усилія ума, чтобы вообразить себя въ этомъ состояніи, чтобы понять, какъ это такъ могло *со мной* случиться и какъ это я могъ такъ покорно его любить!

Тургеневъ не имѣлъ на меня и десятой доли его *умственнаго* вліянія; а про чувство сердца или про какое-нибудь *невольное* подчиненіе воли и помину быть не могло, ибо сношенія наши съ Тургеневымъ для этого были сравнительно слишкомъ поверхностны, и свиданія даже слишкомъ рѣдки.

Къ тому же, восхищаясь Тургеневымъ всячески, признавая его авторитетъ на столько, на сколько необходимо юношѣ признавать авторитетъ дарованій и опыта въ старшихъ (чтобы не выйти самому надменнымъ и грубымъ дуракомъ),— я все-таки и тогда сознавалъ, что ищу въ немъ до извѣстной степени и *внѣшней* силы, *внѣшней* для своихъ дѣлъ опоры, литературной протекціи, ободренія, помощи, практическихъ совѣтовъ и т. д... А что въ этомъ родѣ могъ сдѣлать для меня казенный студентъ Георгіевскій, никому неизвѣстный и во всѣхъ отношеніяхъ въ обществѣ хуже и ниже

меня поставленный?.. Поэтому и чувство мое къ нему было безкорыстнѣе, чѣмъ къ Тургеневу, и мое „обожаніе“ его ума безусловнѣе, чѣмъ почтеніе мое къ дарованіямъ Тургенева.

Впрочемъ, взявши въ разсчетъ года Г—го, его слабую подготовку, его сравнительную необразованность и тѣсный, бѣдный, даже жалкій житейскій кругъ, въ которомъ онъ вращался, я готовъ, пожалуй, и теперь признать, что изо всѣхъ знакомыхъ мнѣ лично въ жизни разнообразныхъ людей,—онъ былъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ самый геніальный по природнымъ своимъ дарованіямъ. И, признаюсь, мнѣ даже очень досадно, что я не могу гораздо подробнѣе и *доказательнѣе* говорить здѣсь объ немъ.

А все-таки мнѣ стало гораздо просторнѣе дышать на свѣтѣ, когда я въ *это лѣто* (51 года) *рѣшился* прекратить съ нимъ сношенія.

Другое обстоятельство, благопріятное для моего вдохновенія, все въ то же лѣто, было то, что ни одинъ изъ моихъ старшихъ холостыхъ братьевъ не гостилъ на этотъ разъ въ нашемъ Кудиновѣ. Они по многимъ причинамъ мнѣ очень не нравились и во многихъ отношеніяхъ, вѣроятно, и сами того не подозрѣвая, стѣсняли меня. Я не хочу здѣсь судить ихъ строго или нападать на нихъ;—оба они уже померли. Ужь если нужно кого-нибудь по этому поводу строго судить, то скорѣе всего самого себя за слишкомъ тонкую тогдашнюю эстетику мою... Я въ то время сталъ находить, что поэтъ, художникъ, мечтатель и т. п. (особенно желающій *самъ быть* по мѣрѣ силъ *лично поэтичнымъ*)—*не долженъ имѣть никакихъ этихъ* братьевъ, сестеръ и т. д. *Можно* имѣть мать; ну, пожалуй, почтеннаго отца; тетку добрую, дядю, наконецъ (особенно холостаго и *одинокаго*—это какъ-то лучше!)... Но братья, сестры... Особенно братья... Да еще старшіе!.. Это несносно!.. Права—на фамиліарность какую-то, непониманіе, неделикатность и т. д...

Я такъ сталъ думать, перейдя за двадцать лѣтъ, и продолжалъ держаться этого мнѣнія очень долго... Нужно мнѣ было дойти до 40 лѣтъ и пережить крутой переломъ, возвратившій меня къ *положительной* религіи, чтобы я былъ въ силахъ

вспомнить, что привязанность къ роднымъ имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе христіанское, чѣмъ дружба съ чужими по своевольному избранію сердца и ума. Христіанство, конечно, не запрещаетъ и послѣдней; оно даже одобряетъ иногда отчужденіе отъ родныхъ, если это отчужденіе происходитъ почему-либо во имя *вѣры*; я не про это говорю; я хочу сказать только вотъ что:—*смиренія* передъ волей Божіей гораздо больше въ принятіи данныхъ намъ судьбою близкихъ родныхъ, безъ всякаго участія нашей воли и вкуса, чѣмъ въ томъ свободномъ избраніи дружбы и любви, которою мы всѣ такъ естественно расположены дорожить.

Разумѣется, и христіанинъ самый искренній и твердый въ убѣжденіяхъ своихъ можетъ поссориться съ близкими и удалиться отъ нихъ; но онъ не станетъ изъ гордой поэзіи какой-то обращать этого удаленія и разрыва въ принципъ, въ нѣчто въ родѣ долга самоуваженія.

Мое воспитаніе,—увы!—строго-христіанскимъ не было и я уже въ то время *задумывалъ*, *какъ-бы стать* подальше отъ братьевъ и сестеръ (особенно отъ братьевъ), не огорчая слишкомъ матери, которую я очень любилъ и жалѣлъ. И признаюсь, мнѣ стало гораздо пріятнѣе жить на свѣтѣ, когда я со всѣми ними (за исключеніемъ одного) прервалъ позднѣе и навсегда всѣ сношенія.

Въ тотъ годъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, конечно, недоброе чувство это не обратилось еще въ систематическое правило, но оно было все-таки уже на столько сильно и на столько сознательно, что мнѣ было нѣсколько непріятно знать, что даже *и у Тургенева есть ни къ селу, ни къ городу какой-то братъ Николай Сергѣевичъ*. Утѣшалъ я себя, впрочемъ, тѣмъ, что Тургеневъ въ своемъ Спасскомъ живетъ и пишетъ одинъ, и никто не мѣшаетъ его вдохновенію, никто не вертится некстати у него передъ глазами въ его возвышенномъ одиночествѣ...

Относительно себя и своей обстановки я уже и тогда утратилъ прежнее отроческое добродушіе, которое радовалось и веселилось на многолюдство родной семьи, и началъ все больше и больше утверждаться въ мысли, что въ

„моемъ“ (*не юридически, а душевно* моемъ) Кудиновѣ, гдѣ цвѣтникъ на большомъ дворѣ такъ узорно-красивъ, гдѣ аллеи въ саду такъ длинны и таинственны, гдѣ самый шумъ деревьевъ для меня какъ будто осмысленнѣе и многозначительнѣе, чѣмъ тотъ же шумъ въ другихъ мѣстахъ,—что въ этомъ Кудиновѣ должно существовать только то, *въ чемъ я находилъ поэзію*: мать умная, образованная, красивая, оригинальная, энергическая; тетка—старушка горбатая, пріятно-безобразная, пріятно-ограниченная, смирная, набожная, меня не только любящая, но чуть не почтеніемъ меня почитающая; няня—чрезвычайно умная, нѣсколько злая, но въ высшей степени оригинальная, безграмотная и русская вполнѣ, но на простую, „классическую“, добрую няню вовсе не похожа. И кромѣ этихъ трехъ старыхъ женщинъ, кромѣ мужиковъ и дворовыхъ Кудиновскихъ, и меня самого—никто бы не долженъ жить здѣсь! Здѣсь все должно быть поэтично и характерно! А братья мои, казалось мнѣ,—были ни то, ни сё.

Положимъ, что въ смыслѣ строгаго „вкуса“ собственно я былъ, пожалуй, и правъ;—и сверхъ того они, какъ старшіе, позволяли себѣ въ обращеніи со мной такіе оттѣнки, которыхъ *я-то* позволять не желалъ имъ болѣе по мѣрѣ того, какъ выростало и созрѣвало мое самолюбіе. Все это такъ, положимъ.

Но, повторяю, — еслибы воспитаніе мое было болѣе христіанскимъ, то и самое удаленіе мое отъ нихъ не дошло бы, (какъ оно впослѣдствіи дошло) до враждебнаго съ ними разрыва. Инициатива разрыва была моя и выдержка въ немъ до конца тоже моя. И я былъ противъ нихъ много виноватъ и грѣшенъ! До этого было, впрочемъ, въ 51-мъ году еще довольно далеко; но я помню очень твердо, что въ *то лѣто* явилась у меня впервые ясная, сознательная мысль о томъ, что и съ *ними*, съ этими братьями, хорошо бы какъ можно рѣже видаться и что ихъ отсутствіе дѣйствуетъ на меня очень пріятно и даже вдохновительно.

При чемъ же тутъ Тургеневъ?? Вотъ при чемъ: при многосложной болѣзненной, утонченной работѣ моей неопытной, еще не утвердившейся совѣсти, при жестокой иногда борьбѣ

„поэзіи съ нравственностью“, при тогдашней моей *нравственной* требовательности отъ себя и *эстетической* придирчивости къ другимъ, мнѣ необходимо было для успокоенія душевнаго узнать: *имѣю ли я право и основаніе такъ чувствовать и такъ думать?*

Мнѣ нужно было провѣрить себя посредствомъ хотя бы мысленнаго обращенія къ какому-нибудь признанному мною же авторитету. И вотъ я вызывалъ не разъ изъ Орловской губерніи сюда къ намъ, въ Калужскую, тѣнь изящнаго, даровитаго и крайне добраго,—гуманнаго, какъ я былъ убѣжденъ,—„Охотника“ съ его ружьемъ и собакой и говорилъ самъ себѣ такъ:

Вообрази себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ самый Тургеневъ вмѣсто того, чтобы жить гдѣ-то около Мценска, былъ бы намъ сосѣдомъ и зашелъ бы усталый къ намъ съ ружьемъ. Какъ бы теперь (когда братьевъ моихъ нѣтъ) ему бы все у насъ понравилось! Не богато; но домъ большой, удобный и благодаря уму и тонкому вкусу матери—какъ все своеобразно и красиво! Красивѣе и милѣе, чѣмъ у многихъ богатыхъ. Все бы ему понравилось: и садъ—огромный, романтическій, и домъ веселый, и обѣдъ, и сама мать, и тетушка въ чепцѣ съ перелинкой на большомъ горбу!.. а братья?—Нѣтъ, нѣтъ,—они не могутъ нравиться человѣку съ высокимъ вкусомъ... Я вѣдь ихъ не гналъ отсюда и гнать даже ни власти, ни права не имѣю... Я *только радъ, что ихъ нѣтъ*.. И, конечно, самъ Тургеневъ, у котораго и лицо такое доброе и котораго сочиненія такъ гуманны, не осудилъ бы мою радость, какъ радость жестокую или низкую.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я говорю, что Тургеневъ *въ это время*, самъ того не подозрѣвая, вліялъ издали даже на мою частную, личную жизнь, на мои вкусы, желанія и на такія *рѣшенія*, отъ которыхъ прочнаго поворота назадъ въ жизни уже не бываетъ.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Стихотворенія А. Н. Майкова.

I.

Гроза.

Кругомъ царила жизнь и радость,
И вѣтеръ несъ ржаныхъ полей
Благоуханіе и сладость
Волною мягкою своей...

Но вотъ, какъ бы въ испугѣ, тѣни
Бѣгутъ по золотымъ хлѣбамъ...
Промчался вихрь—пять-шесть мгновеній—
И въ встрѣчу солнечнымъ лучамъ

Встаютъ съ серебрянымъ карнизомъ
Чрезъ всѣ полнеба ворота,
И тамъ, за занавѣсомъ сизымъ,
Сквозятъ и блескъ и темнота...

Вдругъ словно скатерть парчевую
Поспѣшно сдернулъ кто съ полей,
И тьма за ней въ погоню злую,
И все свирѣпѣй и быстрѣй...

Ужь расплылись давно колонны,
Исчезъ серебряный карнизъ,
И гулъ пошелъ неугомонный,
И огнь и воды полились...

Гдѣ царство солнца и лазури?
Гдѣ блескъ полей? гдѣ миръ долинъ?
Но прелесть есть и въ шумѣ бури,
И въ пляскѣ ледяныхъ градинъ...

Ихъ нахватать—нужна отвага!
И—вонъ какъ дѣти въ удальцѣ
Ее честятъ! какъ вся ватага
Визжитъ и скачетъ на крыльцѣ!
1887.

II.

Л — У.

Нѣтъ, то не Муза, дщерь небесъ,
Что насъ дѣтьми ужь дразнитъ славой!
То—злобный геній, мрачный бѣсъ,
То сынъ погибели лукавый
Къ намъ, улыбаясь, предстаетъ,
Плѣнитъ насъ лирою заемной,
И поведетъ, и понесетъ,
И предъ тобой ужь Тартаръ темный,
Но ты летишь туда стремглавъ,
Безъ разсужденья, безъ сознанья,
Въ душѣ, увы! давно поправъ
Любви и вѣры упованья,
Не признавая ничего,
И, бѣсу въ радость и забаву,
За недающуюся славу
Кляня и міръ, и божество...

Нѣтъ, Муза—строгая богиня!
Ей слава міра—тлѣнъ и прахъ!
Ей—сердце чистое святыня,
И умъ окрѣпнувшій въ трудахъ.

Въ жизнь проникая постепенно
И въ глубину, и въ высоту,
Она поетъ Отцу вселенной
Съ своею лирой умиленной
Его созданій красоту!

1887.

ИЗЪ ГНѢЗДА.

(Повѣсть).

I.

Весь фасадъ Стоговскаго дома горѣлъ огнями. Еще за три версты, съ большой дороги, путникъ замѣчалъ этотъ рядъ освѣщенныхъ оконъ и останавливался въ недоумѣніи, что бы это могло значить. Бывало вся громада стараго дома стоитъ погруженная во мракъ и огонь свѣтится только въ двухъ крайнихъ окошкахъ—кабинетѣ хозяина,—а теперь на-поди, точно иллюминація!

И все какъ-то въ этотъ осенній сумрачный вечеръ было необычайно въ старомъ Стоговскомъ домѣ: необычайно лоснился паркетъ, натертый воскомъ,—давно не видалъ онъ этой роскоши—необычайно блестѣли скобки, замки, задвижки, только-что вычищенные; въ гостиной были чехлы съ мебели сняты и она, выбитая наканунѣ—таки заставила она почихать Агаѳона съ Тришкой!—вся точно умытая и обновленная, смотрѣла почти новой, не смотря на свои 50 слишкомъ лѣтъ. Слуги дома, въ своихъ самыхъ парадныхъ костюмахъ, дожидались господъ. Самъ старый Агаѳонъ, хоть и не побрилъ подбородка, но напялилъ измятый узкій фракъ и надѣлъ бѣлый галстухъ; отъ блестящихъ сапогъ прикащика Тимоѳеевича такъ и несло дегтемъ; небывалый случай заставилъ мальчика Тришку употребить небывалую порцію ко-

ровьяго масла на свою голову, за что́ онъ и получилъ хорошую затрещину отъ своего принципала Агаѳона; экономка Матрена Ивановна расхаживала по дому въ красно-лиловомъ шелковомъ платьѣ и въ чепцѣ съ желтыми лентами. Но самый изящный туалетъ былъ конечно на Гашѣ, еще не старой, лѣтъ тридцати пяти, горничной, присланной съ вещами барыни изъ Москвы: на ней была свѣтло-сѣрая юбка и канзу (она произносила въ носъ на французскій манеръ) со сризовыми лентами; впрочемъ вся сила-то была не въ этихъ видимыхъ вещахъ, а въ томъ, что она носила корсетъ и кринолинъ и, на ходу премило потряхивала турнюромъ. Эта же модная особа болѣе всѣхъ суетилась въ ожиданіи господъ: то пыль сотретъ въ гостиной, то лампу поправитъ, то хлѣбъ повернетъ на блюдѣ и станетъ въ позу, созерцая эффектъ произведеннаго ею измѣненія, то, какъ будто вспомнивъ что-то, въ спальню побѣжитъ и тамъ что-то такое подѣлаетъ.

— Ишь вертитъ, ишь вертитъ! говоритъ Матрена Ивановна, провожая ее недоброжелательнымъ взглядомъ.

Уже антагонизмъ проявляется очень явно между старыми Стоговскими слугами и этой пришлой „трясохвосткой“, какъ ее окрестила Матрена. Но Гаша кичится своимъ тактомъ и выдержанностью, и на всѣ язвительныя замѣчанія экономки и на явныя грубости Агаѳона отвѣчаетъ „хорошими словами“, какъ бы ничего не понимая; она очевидно въ прекрасномъ расположеніи духа и смотритъ свысока на эту деревеньщину. Въ сердцахъ же старыхъ слугъ Стогова, не смотря на праздничныя ризы, ничто не поетъ и не ликуетъ, они огорчены и взволнованы перемѣной; вѣдь подумайте только: ихъ баринъ Степанъ Алексѣевичъ Волковъ, за которымъ такъ славно и покойно имъ жилось, женился на старости лѣтъ и везетъ теперь въ Стогово свою молодую жену.

— Ѣдутъ, ѣдутъ! раздалось изъ передней, гдѣ собрались низшаго разбора слуги и деревенскіе старики, чтобы встрѣтить новобрачныхъ,—ѣдутъ!—и всѣ кинулись на крыльцо.

Молодыхъ осыпали хмѣлемъ, поднесли хлѣбъ-соль, все какъ слѣдуетъ.

— Много лѣтъ здравствовать съ молодою женою, Степанъ Алексѣевичъ!

— Со святымъ вѣнцомъ, батюшка!

— Дай тебѣ, Господи!

Степанъ Алексѣевичъ, высокій, плотный, уже лысый человѣкъ, лѣтъ за пятьдесятъ, нервно подергивая усы, конфузливо раскланивался и благодарилъ; новобрачная, средняго роста дѣвушка, лѣтъ за тридцать, худая, желтоватая кожей, но сохранившая еще слѣды красоты, стояла совсѣмъ растерянная; ея красиво очерченныя губы подергивались, а большіе темные глаза то и дѣло наполнялись слезами. Агаѳонъ принесъ на подносѣ уже разлитое въ стаканы вино; голоса поздравляющихъ еще болѣе оживились.

— Любовь да согласіе!

— Дѣтокъ хорошенькихъ!

— Ой горько! крикнулъ кто-то изъ стариковъ.

— Горько, горько, послышалось со всѣхъ сторонъ.

И Степанъ Алексѣевичъ, расправивъ усы, осторожно прикоснулся къ губамъ Евгеніи Васильевны.

Когда, наконецъ, мучительная процедура поздравленій была окончена и Волковъ ввелъ жену въ столовую, гдѣ приготовленъ былъ для нихъ ужинъ и чай, онъ почувствовалъ, что ему надо сказать ей что-нибудь, привѣтствовать, но, какъ нарочно, ничего не приходило ему въ голову.

— Вотъ и Стогово! вымолвилъ наконецъ онъ, и обвелъ вокругъ себя рукою, но тутъ же сообразилъ, что сказалъ совсѣмъ не то, что надо и, мысленно обругавъ себя и предоставивъ жену Матренѣ и Гашѣ, обступившихъ ее, удалился въ кабинетъ. Только тамъ онъ позволялъ себѣ затянуться изъ трубки „жуковымъ“, — сколько ужъ времени онъ былъ лишенъ этого наслажденія!

Но каково же было его пораженіе, когда онъ увидѣлъ свой кабинетъ, въ которомъ прожилъ четверть вѣка, гдѣ каждая вещь стояла на опредѣленномъ, годами освященномъ мѣстѣ,—превращеннымъ въ спальню!

Комната была въ видѣ шатра обтянута розовымъ ситцемъ, какая-то вычурная мебель, были два какихъ-то патэ,

туалетный столъ, умывальникъ, трюмо, все очень изящное, но по понятіямъ Степана Алексѣевича никуда не годное. Его же письменный столъ, шкафъ съ книгами, старый, любимый оттоманъ, отцовское кресло были вынесены въ небольшую проходную.

За нѣсколько дней до свадьбы мать невѣсты, какъ милости, просила у него позволенія самой устроить спальню молодымъ и поѣхала въ Стогово съ обойщиками и своими людьми. Хотя Степанъ Алексѣевичъ очень неохотно пустилъ этихъ чужихъ въ свое гнѣздо, но изъ чувства деликатности не послѣдовалъ за тещей, говоря ей: „все, все предоставляю въ ваше распоряженіе, какъ вы устроите, такъ и будетъ хорошо“. И вотъ что она устроила! Волковъ былъ въ совершенномъ отчаяніи.

— Агаѳонъ, дуракъ, кричалъ онъ, какъ же ты допустилъ! какъ допустилъ! Агаѳонъ смотрѣлъ убитымъ не менѣе барина.

— Что дѣлать, сударь, не посмѣлъ ихъ ослушаться; та угловая, что вы назначали, не хороша, видите ли, трюму некуда поставить и не четвероугольная, обтянуть нельзя... Что дѣлать, прошли значитъ, батюшка, наши красные-то деньки.

— Ахъ, старый болванъ, какъ же ты такъ!.. понизивъ нѣсколько тонъ, продолжалъ восклицать Волковъ, весь взволнованный и забывшій о трубкѣ.

Когда возвратился Степанъ Алексѣевичъ въ столовую, онъ нашелъ жену въ слезахъ — часъ отъ часу не легче. Вотъ тебѣ и первый день супружества!

II.

Степанъ Алексѣевичъ Волковъ, какъ видите, женился поздно. И женился-то онъ собственно потому, что двоюродная сестра его, Марья Петровна Степанова, ужь очень энергично взялась за это дѣло.

— Не понимаю, говорила она, разъ пріѣхавъ къ нему въ его благоустроенное, любимое имъ, Стогово, не понимаю,

братецъ, какъ не скучно вамъ жить одному въ такихъ хоромахъ—и она обводила руками вокругъ себя—вѣдь вы, я думаю, умираете съ тоски?

— Нѣтъ, почему же? я занятъ... да и привыкъ, наконецъ.

— То-то что привыкли! И вотъ помяните мое слово, скоро совсѣмъ опуститесь—и теперь-то вы Богъ знаетъ на что похожи—а тогда ужь ни одна женщина за васъ не пойдетъ.

— Ну, Машенька, вы ужь скажете! Я еще совсѣмъ, совсѣмъ молодецъ; вотъ тутъ только неладно—и онъ ударялъ себя по плѣши, а все остальное, ей Богу, хоть куда!

И онъ пріостановился, выпрямляя свой хотя и полный, но все еще стройный станъ.

— На комъ же мнѣ жениться-то? спрашивалъ онъ, саркастически улыбаясь. Ужь вы мнѣ и невѣсту укажите; безъ васъ вѣдь не обойдешься,—вы сихъ дѣлъ мастеръ.

— Если вы хотите насмѣшничать, то я молчу, mon cousin, вы не услышите отъ меня ни слова, ни-и слова.

— И хорошо дѣлаете, ma cousine, что молчите.

Они расходились, недовольные другъ другомъ. Но Степану Алексѣевичу очень хотѣлось возобновить разговоръ о женитьбѣ; онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ мечталъ ужь о семьѣ,—болѣе о дѣтяхъ, чѣмъ о женѣ,—но онъ былъ слишкомъ неловокъ съ женщинами, слишкомъ непредпріимчивъ, онъ чувствовалъ, что жениться самъ онъ не сумѣетъ, что его можно только женить. И онъ часто сѣтовалъ про-себя, что нѣтъ ни одной женщины, которая захотѣла бы употребить надъ нимъ свою власть и заставить его жениться на себѣ,—„все тряпки какія-то!“ говорилъ онъ презрительно.

Онъ былъ человѣкъ съ состояніемъ; имѣніе свое онъ устроилъ на славу, домъ его былъ полная чаша и капиталецъ хорошій имѣлся, а онъ все работалъ, устраивалъ, накоплялъ, присовокуплялъ. Но все чаще являлся вопросъ: „къ чему все это?“—Не унесетъ же онъ съ собою въ могилу? Пойдетъ все дальнимъ родственникамъ, прохвостамъ какимъ-то. Да, хорошо бы жениться!

Послѣ „эмансипаціи“ особенно часто стали тревожить его эти думы. Образъ жизни его, положимъ, оставался все тотъ же, что и при крѣпостномъ правѣ, но онъ несомнѣнно чувствовалъ утрату; ему было какъ-то жутко въ Стоговѣ, чего-то недоставало—„почвы подъ ногами нѣтъ!“ говорилъ онъ своимъ единомышленникамъ. Онъ былъ взволнованъ, выбитъ изъ колеи; грубость какого-нибудь Антошки, которую въ былое время онъ бы спустилъ, незамѣтивъ, выводила его изъ себя. Никогда такъ сильно не чувствовалъ онъ своего одиночества, и мысль о женитьбѣ какъ-то особенно часто стала приходить ему на умъ: хорошо бы жениться, дать жизнь маленькому Волкову, продолжить родъ, передать свое Стогово сыну.

— Marie, вы на меня не сердитесь? обращался онъ къ Марьѣ Петровнѣ.

— Нѣтъ, mon cousin.

— Ну ужь скажите,— я вижу вамъ не терпится — кого вы выбрали мнѣ въ невѣсты?

— Нѣтъ, зачѣмъ же возобновлять непріятный вамъ разговоръ.

— Жените меня на Сонѣ Варгиной.

— Ишь что выдумалъ! Ей нѣтъ и двадцати лѣтъ, пойдетъ она за старую грымзу! Вотъ Евгенія Васильевна,— подходящая вамъ невѣста.

— Старая-то дѣва? благодарю покорно!

— А вамъ бы на молоденькой, чтобы къ году рога вамъ наставила! Нѣтъ, братецъ, серіозно съ вами и разговаривать нельзя.

— Да скажите, какое же удовольствіе жениться на старухѣ? Терпѣлъ, терпѣлъ и вдругъ: на тебѣ старуху!

— Старуха?—ей нѣтъ и тридцати.

— Съ хвостикомъ, кузинушка, съ хвостикомъ и довольно длиннымъ.

— Позвольте мнѣ лучше знать: ей нѣтъ еще тридцати, говорила Марья Петровна особенно выразительно, и притомъ она красавица.

— То есть была, вы хотите сказать.

— И есть, Степанъ Алексѣевичъ.

— Ну положимъ, она молода, красива, добродѣтельна и т. п., но за меня она не пойдетъ.

— Это почему?

— Вы знаете эти ихъ аристократическія, Ставроховскія понятія; имъ самъ чортъ не братъ, куда ужь мнѣ соваться! При этомъ же, сами говорите, что она красавица, а я вѣдь старая грымза.

— Посмотрѣла бы я, какъ она за васъ не пойдетъ! Да чѣмъ же это вашъ родъ хуже ея?.. Аристократы выискались, скажите на милость!.. А вы старая грызма!—да кто это сказалъ? Мущина, можно сказать, въ полномъ соку!... Да я знаю, наконецъ, ел мнѣніе о васъ: „высокихъ, говоритъ, добродѣтелей человѣкъ и какіе, говоритъ, глаза!..

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Марья Петровна говорила Евгеніи Васильевнѣ:

— Братецъ-то мой только объ васъ и мечтаетъ—„вотъ, говоритъ дѣвушка!“ И что вы смотрите, ma chère? Человѣкъ—и какой человѣкъ—самъ дается вамъ въ руки, а вы раздумываете.

— Но, право, милая Марья Петровна, я въ первый разъ слышу.

— Скажите, какая невинность! не замѣтили?—Марья Петровна недовѣрчиво смѣялась.

Собственно говоря, задача Степановой была довольна легка—оба кліента ломались мало: Степану Алексѣевичу страстно хотѣлось жениться, а Евгеніи Васильевнѣ почти столь же страстно хотѣлось замужъ. Она давно уже чувствовала, что лишняя въ семьѣ, не разъ слыхала она, какъ отецъ говорилъ матери: „нѣтъ, матушка, товаръ этотъ—подразумѣвая барышень—съ рукъ не скоро идетъ, женихъ-то вздорожалъ!“ Меньшіе братья подсмѣивались надъ нею, называя ее „прекрасною розьеркой“ вѣнчанной за добродѣтель двадцатою весною. Сама Евгенія Васильевна чувствовала, что смѣшна, выѣзжая на балы въ Москвѣ четырнадцатый сезонъ, нося неизмѣнно, какъ и подобаетъ выѣзжающей барышнѣ, нѣжно свѣтлые цвѣта и танцуя наравнѣ со студентами и семнадцати лѣтни-

ми дѣвочками. Она чувствовала тоску, усталость и стыдъ, но все-таки выѣзжала, такъ какъ этого требовали отецъ съ матерью, попрекая ее въ то же время этими выѣздами, которые стоили имъ дорого. Кромѣ того, что замужество представлялось ей выходомъ изъ ея фальшиваго, смѣшнаго положенія, оно было желательно Евгеніи Васильевнѣ и по другой причинѣ: она жаждала любви. На Степана Алексѣевича, впрочемъ, Ставрохова никогда не смотрѣла какъ на жениха, но какъ скоро Марья Петровна сдѣлала намекъ на возможность брака съ нимъ, онъ, некрасивый, застѣнчивый, толстый, плѣшивый, вдругъ представился ей въ какомъ-то поэтическомъ свѣтѣ; почти не сказавъ съ нимъ и двухъ словъ, она ужь надѣлила его умомъ и всѣми добродѣтелями, и, когда Марья Петровна именемъ Степана Алексѣевича сдѣлала ей предложеніе, она совершенно искренно отвѣчала, что согласна, потому что любитъ его.

Дожидаясь кузину съ отвѣтомъ, Волковъ былъ въ страшномъ волненіи; откажи ему Евгенія Васильевна, онъ считалъ бы себя несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. „Все, все отъ этого зависитъ,“ бормоталъ онъ, шагая крупными шагами по своему номеру и ероша остатки волосъ, „все отъ этого зависитъ! Да нѣтъ, она не согласится, вотъ и Марья Петровна не ѣдетъ! Боже, Боже мой“! И онъ вдругъ, совершенно неожиданно для самаго себя, молитвенно вскинулъ глаза на образъ. Но когда вошла къ нему кузина и радостно воскликнула:—Поздравляю, братецъ, вы женихъ! онъ безпомощно опустился въ кресло.

— Какъ! согласилась? вымолвилъ онъ, почти съ отчаяньемъ.

— Вы, кажется, не рады?

— Нѣтъ, кузина, помилуйте, я радъ; только что же мнѣ теперь дѣлать?

— Какъ что?—одѣваться и ѣхать къ невѣстѣ.

— Одному?

— Неужели же съ нянюшкой, братецъ!

— Сестрица, матушка, не оставьте!...

— Да что вы, Степанъ Алексѣевичъ, съ ума что ли сошли! И срамиться, батюшка, не стану, поѣзжайте одни.

Несчастный Степанъ Алексѣевичъ отправился къ невѣстѣ одинъ.

Тяжелое время пришлось переживать Волкову.

— Ахъ, говорилъ онъ не разъ Марьѣ Петровнѣ, хоть бы она согласилась уводомъ.

Но, увы, уводомъ невѣста вѣнчаться не соглашалась и бѣдный Волковъ долженъ былъ подчиниться всѣмъ требованіямъ жениховскаго этикета: онъ ѣздилъ къ невѣстѣ съ букетами и конфектами, дарилъ ей часы, браслеты и т. п.; съ будущей тещей любезничалъ до того, что, говорилъ онъ, къ концу дня углы губъ болятъ отъ улыбокъ; „милыхъ братцевъ“ — онъ терпѣть не могъ этихъ двухъ красивыхъ шелопаевъ Ставроховыхъ—не разъ и не два угощалъ шампанскимъ; въ концѣ концовъ онъ сшилъ себѣ новый фракъ—лѣтъ десять у него ужь не было въ заводѣ этой штуки. Вѣнчали Степана Алексѣевича въ модной церкви съ хоромъ чудовскихъ пѣвчихъ, отъ которыхъ у него чуть было не лопнула барабанная перепонка, говорилъ онъ; гостей было видимо не видимо,—самыхъ близкихъ родственниковъ Ставроховыхъ набралось пятьдесятъ два человѣка. Шампанское, поздравленія, шоколадъ, корнэ—было всего, и все это страшно утомило Степана Алексѣевича. Единственно, что поддерживало его въ это тяжелое время, это мысль о тихомъ пристанищѣ Стоговѣ. „Ну вотъ пріѣдемъ въ Стогово, думалъ онъ, и все пойдетъ по-старому, по-хорошему“. И вотъ что ждало его въ родномъ мѣстѣ: кабинетъ, преображенный въ спальню! Нѣтъ, эмансипація менѣе потрясла его, чѣмъ это!

III.

И все не такъ пошло въ Стоговѣ съ водвореніемъ въ немъ тихой Евгеніи Васильевны. Старый, хорошій порядокъ былъ нарушенъ: Степанъ Алексѣевичъ въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ привыкъ вставать, напримѣръ, въ 7 часовъ утра и желалъ бы чтобы и жена вставала вмѣстѣ

съ нимъ, а она, при всемъ своемъ стремленіи угодить мужу, открываетъ глаза только къ 9-ти. Стало-быть Степанъ Алексѣевичъ пьетъ чай самъ по себѣ, жена сама по себѣ—безпорядокъ! Матрена Ивановна бурчитъ, Агаѳонъ рыло воротитъ, и Степану же Алексѣевичу приходится ихъ обрывать за непочтительныя выраженія неудовольствія. Привыкъ Волковъ обѣдать ровно въ часъ, а жена въ это время не голодна, ничего не ѣстъ. Пришлось измѣнить часъ обѣда. Былъ у Степана Алексѣевича архалучекъ, такъ среднее между халатомъ и пальто,—надо правду сказать, стара была вещь, но очень удобна,—жена упросила бросить архалукъ; „отъ васъ, говоритъ, дурно пахнетъ“. Ну бросилъ; и надѣвая какую-то модную кургузую штуку, заказанную женою, всякій разъ ругается Степанъ Алексѣевичъ. Рубашки тоже... Ну, отличныя рубашки были у Степана Алексѣевича, изъ хорошаго плотнаго ткацкаго полотна, длинныя, теплыя—жена замѣнила ихъ голландскими. И дрогнетъ теперь Степанъ Алексѣевичъ въ тонкихъ рубахахъ, чтобы угодить женѣ.

А этотъ безпорядокъ, который вноситъ за собою даже самая порядочная женщина! Боже мой, какъ страдалъ отъ него Степанъ Алексѣевичъ! Ужь, кажется, самый маленькій уголокъ отвели ему въ домѣ; ужь можетъ, кажется, онъ требовать, чтобы этотъ уголъ былъ его собственный,—нѣтъ-съ, онъ не его! Хочетъ онъ сѣсть въ кресло, что передъ письменнымъ столомъ,—глядь—а тамъ женинъ платокъ; на столѣ смотришь—ея наперстокъ, на диванѣ—клокъ какого-то кружева, шпилька изъ косы. Понадобятся ему ножницы—ихъ нѣтъ на столѣ, и ужь знаетъ Степанъ Алексѣевичъ, гдѣ онѣ, и искать не надо: въ женином рабочей корзинкѣ.

— Матушка, побойтесь Бога, вопитъ Степанъ Алексѣевичъ, не берите моихъ вещей со стола и не надо мнѣ вашихъ! и онъ гадливо, едва прикасаясь къ вещамъ жены, выбрасываетъ ихъ одна за другою въ сосѣднюю комнату.

Новая непріятность: жена обидѣлась, затворилась въ спальнѣ, плачетъ... Ахъ, Боже, Боже мой, тяжелы вы узы Гименея.

Евгенія Васильевна была, кажется, еще болѣе разочарована, чѣмъ Степанъ Алексѣевичъ. На алтарь этого самаго Гименея она несла сердце, готовое любить; она мечтала о ласкѣ, сцены нѣжности рисовало ей воображеніе. Въ мечтахъ ей не казалось страннымъ или несообразнымъ, что этотъ пятидесятилѣтній, плѣшивый, толстый человѣкъ стоитъ передъ нею на колѣняхъ и проситъ ея поцѣлуя; въ мечтахъ онъ говоритъ ей „ты“, называетъ ее „Жени, моя ненаглядная“. Въ дѣйствительности, ничего этого не было. Въ дѣйствительности, онъ говорилъ ей „вы“, называлъ „Евгенія Васильевна“, не молилъ о поцѣлуѣ, а когда она подходила къ нему съ намѣреніемъ приласкаться, онъ такъ удивленно оглядывался на нее, что она невольно отступала. Жаловаться, между тѣмъ, ей было не на что: малѣйшее ея желаніе исполнялось тотчасъ же, все въ домѣ ей повиновалось, и разъ, когда Агаѳонъ, не взлюбившій барыню, вздумалъ нагрубить ей, Степанъ Алексѣевичъ такъ вспылилъ, что чуть было не ударилъ старика и прогналъ бы непремѣнно, еслибы Евгенія Васильевна не заступилась за него.

Но вотъ наступило время, когда Евгенія Васильевна увидѣла на себѣ истинную заботливость мужа. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ ихъ женитьбы, какъ она почувствовала себя беременной. Когда узналъ Степанъ Алексѣевичъ эту новость, онъ обезумѣлъ отъ счастья; правда, это былъ только одинъ моментъ, затѣмъ наступили мѣсяцы тревоги и мукъ нестерпимыхъ; каждое движеніе жены въ эти мѣсяцы причиняло боль Степану Алексѣевичу; видѣть ее спускающеюся, хотя бы съ пяти ступеней балкона, было для него невыносимо.

— Остановитесь, остановитесь, матушка! кричалъ онъ, я сведу васъ.

А когда онъ видѣлъ, что не поспѣетъ къ ней на подмогу, онъ въ отчаяніи брался за голову и закрывалъ глаза, чтобы не видѣть ея гибели.

Воображеніе безпрестанно рисовало ему самыя ужасныя картины: то жена падала съ лѣстницы, то оступалась на

гладкомъ паркетномъ полу; сама Евгенія Васильевна не подозрѣвала даже, гдѣ онъ видѣлъ опасность, грозившую ей.

— Нагибаетесь, опять нагибаетесь, вдругъ вскрикивалъ онъ; скажите, трудно мнѣ поднять вашу катушку?.. Ахъ эти женщины, женщины! одна съ вами мука!

— И зачѣмъ вы работаете, говоритъ онъ въ другой разъ умильнымъ голосомъ, вѣдь это движеніе руками вредно, положительно вредно.

Еслибы была его воля, онъ безъ сожалѣнія положилъ бы Евгенію Васильевну на всѣ девять мѣсяцевъ и даже, во избѣжаніе непроизвольныхъ движеній, привязалъ бы ее легонько къ кровати. Въ экипажъ ей садиться онъ не позволялъ, гулять она могла только исключительно съ нимъ.

— Куда? куда?—кричалъ онъ, едва она вставала съ кресла. Не можете сказать мнѣ! И онъ срывался съ мѣста и, поддерживая ее за талію, сѣменилъ маленькими шажками.—Не спѣшите, не спѣшите, поспѣете.

Послѣдній мѣсяцъ онъ совсѣмъ изстрадался и безпрестанно съ ужасомъ во взорѣ заглядывалъ въ лицо жены.

— Ну что, какъ вы себя чувствуете? Подушечку подложить подъ спину? А скамейку подъ ноги? Ну сдѣлайте мнѣ одолженіе, что вамъ стоитъ, поставьте ноги на скамейку.

Какъ ни тяжела была заботливость мужа, Евгенія Васильевна переносила ее почти съ радостью, хотя и чувствовала, что она относится не къ ней, а къ тому невѣдомому сокровищу, которое она носила; но отъ этой любви перепадало кое-что и на ея долю; она радовалась и этому, тѣмъ болѣе, что невѣдомое существо, носимое ею подъ сердцемъ, заполонило и ее. Ей говорили, что въ ея годы—ей было тридцать одинъ — надо ожидать тяжелыхъ родовъ, но она не страшилась физическихъ мукъ, лишь бы ребенокъ остался живымъ....

IV.

И она безъ крика, безъ стона, только искусавъ до крови себѣ губы зубами отъ страшной невыносимой муки, родила дѣвочку. И, Боже мой, что это было за счастіе для обоихъ!

Одну только секунду Степанъ Алексѣевичъ какъ бы обомлѣлъ—онъ такъ былъ увѣренъ, что родится сынъ — но сейчасъ же потомъ онъ забылъ о своемъ разочарованіи; не все ли равно, въ сущности, сынъ или дочь—ребенокъ, вотъ что важно. Онъ съ рыданіемъ припалъ къ ногамъ жены, онъ цѣловалъ ей руки, обнималъ ее со страстной нѣжностью; въ первый разъ, кажется, называлъ ее „Жени, моя ненаглядная“ и говорилъ ей „ты“, а она, счастливая и гордая, принимала его ласки, роняя тихія слезы.

Да, это было счастіе настоящее, невыразимое счастіе, и долго не могли они привыкнуть къ мысли, что у нихъ ребенокъ, ихъ собственный ребенокъ, рожденный въ настоящихъ физическихъ и нравственныхъ мукахъ.

Но вмѣстѣ со счастіемъ обладанія сокровищемъ, явился и страхъ его утраты, и если появленіе ребенка неразрывно скрѣпило узы, связующія супруговъ Волковыхъ, то вскорѣ стало, въ то же время, неизсякаемымъ источникомъ распрей.

— Ты утопишь ее, матушка, восклицалъ Степанъ Алексѣевичъ, смотря, какъ жена купаетъ дѣвочку, и непроизвольно подражая ужимкамъ младенца,—купаешь въ корытѣ,—не ровенъ часъ—покачнулось, ребенокъ и захлебнулся.

— Да что ты, Степанъ Алексѣевичъ! Не мать я ей что ли! какъ можно, чтобы покачнулось корыто, вѣдь оно подставлено, стоитъ крѣпко,—и она пробовала рукою.

— Не качайте, Бога ради, не качайте! я вѣрю, вѣрю. Нѣтъ это ужасно, ужасно! Женщинѣ осторожность не знакома.

— И зачѣмъ вы сюда только ходите, Степанъ Алексѣевичъ.

— Что же, развѣ я не отецъ ей, мнѣ ужь и посмотрѣть нельзя, какъ ее купаютъ!... Сами же вы звали меня...

Мужъ и жена расходились въ воззрѣніяхъ на воспитаніе дѣтей: Евгенія Васильевна держалась болѣе современныхъ гигіеническихъ правилъ, стремилась къ тому, чтобы дѣвочку не парить, держала дѣтскую впрохолодь, любила одѣвать ребенка въ платья съ открытыми воротами, а Степанъ Алексѣевичъ равнодушно видѣть этихъ платьевъ не могъ, требовалъ, чтобы въ дѣтской было не менѣе 17° и т. п.

— Смотри, какая прелесть наша Надечка, — говорила Евгенія Васильевна, вынося дѣвочку въ столовую, въ одинъ изъ первыхъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней.

— Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! — кричалъ еще издали Степанъ Алексѣевичъ,—не подносите ее ко мнѣ.

— Что такое случилось? испуганно спрашиваетъ Евгенія Васильевна.

— Окна вездѣ открыты (было открыто только одно окно) а ты спрашиваешь!

— Да что же такое, вѣдь на дворѣ теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ.

— Теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ! передразнивалъ Волковъ жену,—вездѣ сквозники, а смотрите, какъ она одѣта.

— Помилуй, Степанъ Алексѣевичъ, ужь, кажется, я здорова, а меня всегда такъ водили.

— Да какое мнѣ дѣло, какъ васъ водили! Вѣдь это идіотство какое-то, женское упрямство: „меня водили!“ — и этимъ все сказано. Да плевать я хочу, какъ васъ водили, я-то не желаю, чтобы дочь мою одѣвали по-дурацки, слышите, не желаю!

Евгенія Васильевна уходила совсѣмъ разобиженная.

Черезъ полчаса Степана Алексѣевича брало раскаяніе; онъ шелъ въ комнату жены и находилъ ее въ слезахъ.

— Ну, о чемъ вы плачете, скажите на милость?

— Помилуй, развѣ легко выслушивать всѣ эти оскорбленія и изъ-за чего?...

— Ну, матушка, прости, погорячился; пойми, что это изъ-за любви же къ ней.

— Да я-то, не люблю ее, что ли?

— Ну, да, знаю, знаю, любишь и ты, — говорилъ Степанъ Алексѣевичъ уже совсѣмъ растроганный и цѣловалъ женину руку.

Да, много ссоръ, много горя пришлось имъ вынести обоимъ, но все это сторицею выкупалось. Прошли годы, а они все еще не могли привыкнуть къ своему счастію; когда глаза ихъ останавливались на этомъ маленькомъ, прелестномъ существѣ, они оба чувствовали приливъ блаженства.

Ни одинъ изъ нихъ не могъ видѣть Надю безъ желанія покрыть поцѣлуями ея розовое личико съ ямочками на щечкахъ, эти толстыя ручки съ перевязями, эту бѣлую шейку...

Придетъ, бывало, Степанъ Алексѣевичъ въ дѣтскую, дѣвочка сидитъ на коврѣ, окруженная игрушками, и Евгенія Васильевна сидитъ тутъ же на низенькомъ диванчикѣ.

— Вотъ пришелъ медвѣдь, говоритъ страшнымъ голосомъ Степанъ Алексѣевичъ, и становится на-четвереньки и ползетъ къ своей дѣвочкѣ, а она кричитъ замирающимъ голосомъ:

— Не медвѣдь совсѣмъ, а папка, папка, папка! ой, не боюсь!

Вотъ онъ захватилъ свою дѣвчурку и щетинистыми усами щекочетъ ей горлышко, ручки, за ушами. Она отбивается, смѣется, визжитъ, вывертывается изъ его рукъ и бѣжитъ къ матери. И всѣмъ своимъ мягкимъ теплымъ тѣльцемъ она прижимается къ Евгеніи Васильевнѣ и кладетъ свою темную, круглую головку къ ней на колѣни.

— Не отдавай меня папкѣ, кричитъ она.

— Не отдамъ, никому не отдамъ, говоритъ мать почти торжественно, страстно обнимая дочь и съ блаженствомъ чувствуя это обвившееся вокругъ ея колѣнъ маленькое тѣльце.

— А папку поцѣловать развѣ не хочешь? говоритъ Степанъ Алексѣевичъ уже обиженно.

Она повертываетъ къ нему свое лукаво улыбающееся личико.

— Это не папа, а медвѣдь, говоритъ Надя, подражая толстому голосу медвѣдя, у! у! страшно!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не медвѣдь, а папа; развѣ дѣвочка моя не поцѣлуетъ папу?

И она не отходя отъ матери, все также крѣпко прижавшись къ ней, точно боясь возбудить въ ней ревность, бросаетъ обѣ свои ручки вокругъ шеи отца.

— Обоихъ, обоихъ люблю, говоритъ она, и тебя и маму

О, какія то были блаженныя минуты! И, подумаешь, все это прошло, погибло безвозвратно!

V.

Годы шли. Надя росла, крѣпла и развивалась. Это была прелестная дѣвочка, съ бѣлой, прозрачной кожей, съ большими темными, прямо и оживленно смотрящими на васъ глазами, съ розовымъ маленькимъ ротикомъ, всегда готовымъ улыбаться и, Боже мой, что это была за улыбка! Какія неподражаемыя ямочки образовывала она на щекахъ! А тонкія и прямыя брови, а стрѣльчатыя рѣсницы, а эта круглая, точно точеная головка, съ массой темныхъ, блестящихъ волосъ, раздѣленныхъ, какъ ниточкой, тонкимъ проборомъ! Нѣтъ, всего этого не разскажешь. Волосы были такъ густы, что Надю стригли какъ мальчика, выстригая затылокъ. И надо было видѣть этотъ затылокъ съ темной маленькой косичкой, которая казалась еще темнѣе отъ бѣлизны шейки. Степанъ Алексѣевичъ не могъ равнодушно видѣть ни этой косицы, ни этой шейки; увидитъ онъ, бывало, сидитъ Надя и наклонивъ голову прилежно выводитъ палочки въ своей тетради или читаетъ, водя пальчикомъ по строкамъ—онъ осторожно, осторожно подкрадется къ дѣвочкѣ и прильнетъ губами къ ея шейкѣ.

— Испугалъ! не мѣшай мнѣ, папа, говоритъ Надя и ежится, смѣется, ловитъ его голову и, завладѣвъ ею, цѣлуетъ его въ глаза.

Евгенія Васильевна, глядя на дочь, часто удивлялась, откуда она взяла всѣ свои прелести: неужели у Степана Алексѣевича были такіе же чудные глаза! Неужели у нея, Евгеніи Васильевны, была когда-то такая же обворожительная улыбка! Неужели Надя взяла все это у нихъ, у стариковъ? А умъ? Ну, умнѣе-то она обоихъ! Еще совсѣмъ маленькой, маленькой, она удивляла всѣхъ своими замѣчаніями и разспросами. Евгенія Васильевна отлично помнила, какъ разъ она спросила ее: „А всегда это такъ будетъ, мама, мы будемъ утромъ вставать, молиться Богу, кушать чай,

играть, обѣдать и опять спать?“ „Если Господь будетъ къ намъ милостивъ, то всегда, моя милая“, отвѣчала мать. „Всегда, всегда? переспросила дѣвочка, и это не будетъ скучно?“ Вотъ поди ты и разсуждай съ такими дѣтьми!

Надя росла привольно, окруженная довольствомъ и лаской. Весь домъ, казалось, заботился только о ней: хорошо выспалась Надечка—и всѣ были довольны, всѣ радовались; скушала всю тарелку супу — и всѣ ликовали; упала Надечка, поставила себѣ шишку на лобъ — и весь домъ въ тревогѣ. Степанъ Алексѣевичъ бранится, охаетъ, Евгенія Васильевна вся въ красныхъ пятнахъ, Матрена Ивановна чуть не плачетъ, „невры, какъ она говоритъ, расходились“, и навѣрное эти „невры“ будутъ причиной нѣсколькихъ крупныхъ исторій: задастъ Матрена Ивановна и Агаѳону, и Тришкѣ, и Дуняшѣ, будутъ помнить они Надину шишку! Надя была средоточіемъ всей жизни въ Стоговѣ; Стогово для нея былъ какой-то заколдованный замокъ, изъ-за стѣнъ котораго могло не доходить до нея ни малѣйшаго звука, еслибы не было чего-то въ ней самой, что стремилось вонъ изъ этого заколдованнаго круга, не было въ ней самой жажды все видѣть, все испытать, до всего дотронуться руками. Придутъ мужики съ просьбой какой или жалобой къ Степану Алексѣевичу, глядишь — Надя ужь тутъ какъ тутъ, все выспроситъ, зачѣмъ пришли, что надо? все сообразитъ, пойметъ и бѣжитъ къ отцу—передастъ ему взволнованно и страстно.

— Ишь ходатая какого нашли! говоритъ смѣясь Степанъ Алексѣевичъ, выходя въ переднюю къ мужикамъ. А тѣ ухмыляются въ бороды, переступая съ ноги на ногу, почти увѣренные, что ихъ просьба будетъ уважена. Придутъ ли погорѣльцы, слѣпцы съ поводырями, смотришь — ужь Надя бѣжитъ къ нимъ, собакъ отгоняетъ, все выспроситъ: откуда идутъ, когда погорѣли, сколько у кого дѣтей-внучатъ? И пойдетъ клянчить у отца съ матерью того, другаго, третьяго, для бѣдныхъ людей.

— Да и сердце доброе у нашей дѣвочки, говорятъ про

себя родители, далъ бы только Богъ сохранить его чистымъ и неприкосновеннымъ.

Очень рано уже Надя начала высказывать желаніе учиться, и Волковы ничего не жалѣли для образованія дочери, самыя дорогія гувернантки-иностранки и учителя, бравшіе по 6 руб. въ часъ, не казались имъ дорогими, но они заранѣе рѣшили, что дочь ихъ не будетъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи. Всѣ институты и гимназіи казались имъ разсадниками пороковъ и вольныхъ идей, о которыхъ ихъ дѣвочка не должна имѣть понятія. Нѣтъ, на ихъ обязанности лежитъ охранять ее отъ преждевременнаго знанія свѣта и всѣхъ его мерзостей, и они охранятъ, охранятъ непремѣнно. Но какъ ни замкнута была жизнь Волковыхъ — они большую часть года жили въ деревнѣ, только на 4 зимнихъ мѣсяца переѣзжая въ Москву или въ ихъ губернскій городъ,—но Надѣ приходилось сталкиваться съ дѣвочками ея возраста, учившимися въ институтахъ и гимназіяхъ и, слушая ихъ оживленные разсказы о совмѣстныхъ урокахъ и играхъ, ее брала зависть; возвращаясь домой, она бросалась на шею матери, умоляя отдать ее въ гимназію.

— Мнѣ скучно дома, говорила она,—все одна, да одна.

— Какъ! мама и папа съ тобою, а ты говоришь одна.

Надя краснѣла, потупляя глаза.

— Вотъ-съ, вотъ-съ ваши выѣзды, говорилъ раздраженно Степанъ Алексѣевичъ, когда они оставались съ женою вдвоемъ, полюбуйтесь на дѣло рукъ вашихъ! Сдѣлаете вы изъ моей дочери нигилистку, пустите ее въ народъ.

— Да что ты, Степанъ Алексѣевичъ! Охота тебѣ говорить страшныя слова.

— Не я говорю страшныя слова, а вы страшныя дѣла дѣлаете, Евгенія Васильевна;—одна у васъ дочь и ту уберечь не можете.

— Да не могу же я ее все дома держать, вѣдь ей скучно.

— Дома-то скучно! На твоей обязанности, матушка, сдѣлать этотъ домъ пріятнымъ, а не сводить нашу дочь съ разными нигилистками.

— Ну Степанъ Алексѣевичъ, заврался ты совсѣмъ, — какъ же я одна, никого къ себѣ не пуская, сдѣлаю домъ пріятнымъ?

— А такъ, такъ-съ... Но и самъ Степанъ Алексѣевичъ чувствовалъ, что заврался и, махнувъ рукою, желая выразить этимъ „и разговаривать-то съ вами, бабами, не стоитъ“, уходилъ въ свою конуру.

И Надя опять по цѣлымъ мѣсяцамъ никого не видала кромѣ отца съ матерью, да своей гувернантки. Ея природная живость не находила себѣ исхода, ей скучно было играть одной, и она бралась за книгу. Ея воображеніе рано стало работать. Спеціально дѣтскихъ книгъ Надя не любила читать, она пробавлялась путешествіями и историческими разсказами. Герои древности стали ея любимцами. И въ новѣйшей исторіи была одна героиня, привлекавшая ее своей романтической прелестью, то была Іоанна д'Аркъ. Гувернантка Нади—Жозефина, уроженка Орлеана, много разсказывала ей объ Іоаннѣ, и дѣвочка по цѣлымъ днямъ иногда воображала себя этой, любимой ею героиней; съ маленькимъ игрушечнымъ пистолетомъ за поясомъ, съ линейкой, на которую привязывала свой носовой платокъ, она носилась по залѣ, хмуря брови, улыбаясь, шепча что-то. А родители радовались, что ихъ дѣвочка такъ хорошо играетъ одна, не только безъ товарищей, но даже безъ игрушекъ.

Надѣ шелъ одиннадцатый годъ, когда, послѣ долгихъ совѣщаній, Волковы рѣшили взять ей подругу. Это была Аннушка Амосова, тихая, кроткая дѣвочка, годомъ постарше Нади, дочь бѣдной мелкопомѣстной дворянки, обремененной многочисленной семьей. „И Надѣ будетъ веселѣй учиться, и доброе дѣло сдѣлаемъ“, говорилъ Степанъ Алексѣевичъ.

Собираясь на нѣсколько дней въ Стогово изъ города, гдѣ они проводили зиму, Волковъ не могъ утерпѣть, чтобы не шепнуть своей Надюшѣ на ухо:

— Какой сюрпризъ я тебѣ привезу!

— Сюрпризъ? А, знаю, сушеной малины.

— Ну вотъ еще, стану возить я эту дрянь.

— А если отгадаю, ты скажешь?

— Скажу.

— Ты привезешь мнѣ кота Ваську! Нечего головой-то мотать, знаю, что его; сюрпризъ вѣдь большой?

— Большой.

— Вотъ такой?

— Больше.

— Такой?

— Нѣтъ больше.

— Неужели такой?

— Больше, вотъ увидишь.

— Ну скажи же, папа, ради Бога, скажи, не то я умру отъ нетерпѣнія.

— И будешь въ дурахъ, коли умрешь; сюрприза не увидишь.

Надя дѣйствительно чуть было не расхворалась, такъ велико было ея любопытство и нетерпѣніе. Евгенія Васильевна такъ же, какъ и Степанъ Алексѣевичъ, ни за что не хотѣла сказать ей, въ чемъ состоитъ сюрпризъ. На третьи сутки къ обѣду Волковъ возвратился въ городъ. Вслѣдъ за Степаномъ Алексѣевичемъ Агаѳонъ внесъ на рукахъ маленькую фигурку и поставилъ посреди передней. Влетѣла Надя и увидала Аннушку, укутанную въ платокъ и длинный материнскій салопъ, стоящую неподвижно, какъ ее поставили и смотрящую какъ бы съ недоумѣніемъ своими голубыми круглыми глазами.

— Такъ это-то сюрпризъ? воскликнула Надя.

Она была разочарована. Она знала Аннушку: мать привозила ее раза два въ Стогово, и Надѣ всегда бывало такъ скучно съ неповоротливой, застѣнчивой, не умѣвшей совсѣмъ играть, дѣвочкой. Однако она подбѣжала къ ней и стала ее раскутывать.

— Ну вотъ это хорошо, милая дѣвочка, что пріѣхала, говорила ласково Евгенія Васильевна, помогая дочери. Вѣдь она на-вовсе къ намъ, чтобы тебѣ было веселѣй учиться и играть, будь ласкова, прибавила она вполголоса. Ахъ,

матушки, да что же это какъ ее отпустили-то! Неужели у тебя не было лучше этого платьишка?

Дѣвочка не отвѣчала, но ея круглые, неморгающіе, голубые глаза были полны слезъ, губы подергивались. Степанъ Алексѣевичъ, все еще стоявшій тутъ же и видимо усиливающійся что-то сказать, вдругъ выпалилъ:

— Rein du tout, и обвелъ вокругъ себя руками.—Голь перекатная, добавилъ онъ и поспѣшилъ уйти.

— Ну, о чемъ же ты, дурочка! мы дадимъ тебѣ платьице, утѣшила дѣвочку Евгенія Васильевна.

— Мама, отдай ей мое новое, ради Бога, отдай ей мое новое, умоляла Надя.

Онѣ повели дѣвочку одѣвать во все Надино; вмѣстѣ съ одеждой, ей перемѣнили и имя, стали звать Аней, найдя, что Аннушка имя слишкомъ не благозвучное.

VI.

Первое время своего пребыванія въ домѣ Волковыхъ Аня рѣшительно во всемъ подчинялась Надѣ.

— Хочешь въ куклы играть? спрашивала та.

— А вы хотите?

— Хочу.

— Ну, такъ и я хочу.

— Читать будешь?

— А вы будете? ну, такъ и я.

Однажды Надя цѣлый день мудрила надъ своей подругой; въ десять минутъ она мѣняла десять игръ, и та все исполняла безпрекословно, не улыбаясь, не моргая почти своими круглыми глазами; она, какъ автоматъ, выполняла всѣ требованія подруги. Наконецъ, это подчиненіе ея капризамъ взорвало Надю; она вдругъ совершенно неожиданно затопала ногами, слезы показались на глазахъ.

— Зачѣмъ ты меня все слушаешься, зачѣмъ слушаешься, противная дѣвчонка! завопила она голосомъ, прерываемымъ рыданіями, и вдругъ бросилась на беззащитную Аню и стала ее бить. Къ счастію, подоспѣла гувернантка, M-lle Jose-

phine и, отнявъ у разъяренной Нади ея жертву, разсадила дѣвочекъ по разнымъ комнатамъ.

Надю скоро взяло раскаяніе, но она долго боролась съ своимъ чувствомъ. Не слушая увѣщаній отца съ матерью и гувернантки, она сохраняла сердитое выраженіе лица и все твердила:

— Такъ ей и надо, противной, такъ ей и надо, зачѣмъ слушается, іезуитка!

Однако въ сумерки, когда ее оставили въ покоѣ, она прокралась въ коморку Ани. Дѣвочка помѣщалась въ небольшой полутемной комнатѣ, заставленной шкафами, сундуками, чемоданами. Когда Надя отворила дверь въ эту комнату, на нее пахнуло запахомъ кожи и чего-то затхлаго; въ другихъ комнатахъ было довольно еще свѣтло, но тутъ царствовала уже совершенная тьма. Надя пробиралась ощупью.

— Аня, ты здѣсь? спросила она.

— Здѣсь.

Въ голосѣ ребенка не слышалось никакого раздраженія.

Аня сидѣла на сундукѣ. Стула въ комнатѣ не было, а постель ей воспрещалось мять днемъ; за этимъ строго слѣдила не только Матрена Ивановна, но даже глупенькая, молоденькая Таня, горничная безъ спеціальныхъ занятій, и которой всѣ помыкали.

Надя отыскала Анюту, сѣла рядомъ и стала ощупывать лицо.

— Ты все еще плачешь?! Аня, перестань, прости меня.

— Я не сержусь.

— Не сердишься?! А я тебя больно прибила?

— Больно.

— Вотъ я какая гадкая! Но зачѣмъ же ты меня всегда слушаешься?

— Мамаша говорила, что я должна ежечасно угождать вамъ, а то меня держать не станутъ, отправятъ домой.

Надя удивилась, но мысль ея очевидно забѣгала куда-то въ сторону.

— А ты не хотѣла бы вернуться къ своимъ? спросила она. Вѣдь тамъ на хуторѣ у тебя мама, сестры, братья; ты ихъ не любишь?

Аня вдругъ громко зарыдала. Господи! она-то ихъ не любитъ! „Хоть бы глазкомъ однимъ взглянуть на милыхъ, дорогихъ!“... Она по-простонародному начала причитать, и въ этомъ дѣтскомъ причитаніи было что-то надрывающее душу. Надя задрожала. Она крѣпко прижала къ себѣ дѣвочку и стала покрывать поцѣлуями ея голову.

— Не плачь, дорогая моя Анечка, Анюта моя милая, не плачь! Надя все крѣпче и крѣпче прижимала къ себѣ дѣвочку. Если хочешь, вернись завтра же домой; я попрошу папу, чтобы онъ тебя отправилъ; мнѣ будетъ очень грустно безъ тебя, но я попрошу.

Аня, плакавшая, прижавшись къ плечу подруги, вдругъ подняла голову.

— Что вы, Надечка! Не говорите папашѣ ради Бога. Они, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ отправятъ меня домой. Что мы тогда станемъ дѣлать?

— Ты же вѣдь хотѣла.

— Развѣ мы можемъ дѣлать что̀ хочется; мы вѣдь бѣдные, вѣдь дома-то я лишній ротъ.

— Что такое „лишній ротъ?“

— Кормить меня надо..

— Какъ? Неужели твоя мама такъ бѣдна, что и накормить тебя нечѣмъ?

— А какъ бы вы думали, хлѣбъ-то теперь дорогъ.

— Развѣ вы кушаете одинъ хлѣбъ?

— Нѣтъ не одинъ: щи тоже варимъ—по буднямъ пустые, по праздникамъ съ мясомъ,—кашу тоже иногда, картофель... Откуда взять-то? вдругъ, возвысивъ голосъ, продолжала она,—вѣдь насъ семь ртовъ, да работникъ, да работница; вѣдь мамаша дворянка—она выговорила это съ нѣкоторою гордостью—жать не умѣютъ... вотъ полоть,—мы всѣ пололи, сѣно тоже... Иной разъ и хлѣбомъ однимъ сыты... Повѣрите ли, ѣмъ я тутъ, наѣдаюсь, а у самой сердце поворачивается; хоть бы кусочекъ одинъ имъ спрятать!

— Ну что же, это хорошо; давай имъ откладывать, Аня; не будемъ наѣдаться до-сыта, а имъ все.

— Какъ можно, насъ забранятъ.

— Нѣтъ, мы никому не скажемъ.

— Да гдѣ жъ мы прятать-то будемъ, вѣдь испортится вся наша провизія... Ахъ смѣшная, что выдумала.

Аня въ первый разъ, кажется, съ тѣхъ поръ, какъ поступила къ Волковымъ, разсмѣялась, и ея серебристый смѣхъ какой-то лаской прошелъ по сердцу Нади.

— Аня, милая, сказала она, сдѣлай мнѣ удовольствіе, говори мнѣ „ты".

— И-и, что вы! Я боюсь Матрену Ивановну, задастъ она мнѣ—„ты"!

— Ради Бога, прошу тебя, говори мнѣ—„ты"!

Аня вдругъ, по собственному побужденію, кинула свои худенькія ручки вокругъ шеи Нади.

— Ну ужъ пускай бранитъ, сказала она, я буду говорить тебѣ „ты".

Долго не спала въ этотъ вечеръ Надя. „Какая несправедливость, думала она, сколько мы ѣдимъ—и она начинала пересчитывать,—а они только щи, да кашу иногда! Все, все несправедливо... Моя бѣдная Анечка,—губы подергивались, и она вся въ слезахъ начинала цѣловать подушку—ничѣмъ не была она виновата; я ее отколотила; меня, положимъ, наказали за это и посадили въ мою свѣтлую хорошую комнату; мама приходила меня уговаривать, Жозефина, папа, а мою Анечку, ничѣмъ невиноватую, избитую, обиженную, пихнули въ вонючую конуру, на сундукъ и никто не навѣстилъ ее, никто не подумалъ... А вѣдь мама добрая и папа тоже!"

Когда Евгенія Васильевна, по обыкновенію, передъ отходомъ ко сну зашла въ дѣтскую и наклонилась надъ своимъ возлюбленнымъ дѣтищемъ, она встрѣтила его блестящій, влажный взоръ.

— Не спишь еще?

— Не сплю. Надя кинула обѣ руки на шею матери и страстно продолжала:—Мама, вѣдь ты добрая, добрая? доб-

рѣе, лучше тебя на свѣтѣ нѣтъ... Но зачѣмъ же ты такая несправедливая?

— Чѣмъ же, дитя мое? я стараюсь...

Надя перебила ее и стала доказывать ей ея несправедливость.

— Ты только все для меня, ты не думаешь объ Анѣ.

И она страстно, порывисто, стала передавать, что передумала за этотъ вечеръ.

— Завтра вели поставить сюда ея кровать, я хочу, чтобы мы совсѣмъ были равны, какъ сестры; я не хочу, чтобы она лежала въ той вонючей комнатѣ и думала бы о томъ, что она бѣдная и потому ей нужно терпѣть униженія и меня слушаться. Мама, люби ее, будь справедлива... Я люблю тебя и хочу всегда, всегда любить мою маму.

— Христосъ съ тобою, моя голубка; авось, Богъ дастъ, ты никогда не разлюбишь меня. Успокойся, о чемъ же плакать-то! Все, все сдѣлаю по твоему.

Мать привлекла къ себѣ на колѣни свою большую дѣвочку и, какъ маленькую, стала ласкать и убаюкивать ее.

— Не для меня сдѣлай, мамочка, а для нея, понимаешь: для нея, шептала та.

— Евгенія Васильевна, ты? окликнулъ Степанъ Алексѣевичъ соннымъ голосомъ, когда въ спальню вошла жена. Въ ожиданіи ея, онъ смыкающимися уже глазами пробѣгалъ газету.

— Я, мой другъ.

— Что, наша преступница спитъ?

— Ахъ, Степанъ Алексѣевичъ, еслибы ты зналъ, какое это золотое сердце.

Евгенія Васильевна присѣла на кровати и съ увлажненными глазами, съ ноткой умиленія въ голосѣ, начала разсказывать о томъ, что говорила ей Надя. Степанъ Алексѣевичъ задыхался, пришелъ въ безпокойство; онъ тщетно старался скрыть отъ жены посредствомъ газеты глаза, полные слезъ.

— И въ кого она такая жалостливая, добрая? прибавила Евгенія Васильевна, окончивъ свой разсказъ.

— Конечно въ тебя, сказалъ Волковъ и, взявъ руку жены, притянулъ ее къ губамъ.

— Не въ тебя ли, мой другъ? Евгенія Васильевна своей прозрачной, худой, но все еще изящной рукой, провела въ видѣ ласки по большому, морщинистому, съ жесткими усами, лицу мужа.

— Она ангелъ по добротѣ, сказалъ Волковъ, но демонъ по уму; съ ней все надо дѣлать обдуманно; и не угадаешь, что происходитъ въ ея головкѣ!

— Не угадаешь,—согласилась и Евгенія Васильевна. Жозефина, говорила мнѣ на-дняхъ: „Elle a des idées, cette enfant, oh! mais des idées!“

А. СТЕРНЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРАЯНОВЪ ПЕРЕВАЛЪ.

(*Окончаніе*).

Занятіе Клиссуры, Калофера и Карлова.—Турецкій парламентеръ.—Новый годъ на переходѣ.—Движеніе къ Филиппополю.—Недоразумѣнія и приказанія.—Движеніе на Чирпанъ.—Подготовленіе къ переправѣ черезъ Марицу.—На станціи желѣзной дороги.—По пути смерти.—Присоединеніе Траянскаго отряда къ западному.

Во время минувшей войны, послѣ громадныхъ потерь подъ Ловчею, Плевною и Горнымъ-Дубнякомъ, образовался крайне странный и ошибочный взглядъ на оцѣнку дѣйствій и на результаты боя. Только тотъ успѣхъ и принимался въ разсчетъ, при которомъ потери насчитывались сотнями и тысячами. О такихъ дѣлахъ кричали, прославляли ихъ; на тѣ же, при которыхъ хотя и достигались выходящія изъ ряда послѣдствія, но потери были не велики, смотрѣли какъ на дѣло самое обыкновенное, о которомъ поговорятъ день или два, и потомъ забываютъ. Вѣроятно, всякій согласится съ выводомъ, сдѣланнымъ однимъ изъ нашихъ писателей, о разборѣ послѣдствій всякаго сраженія.

„Важнѣйшая задача каждаго военачальника — говоритъ онъ,—состоитъ въ выиграніи дѣла при наименьшихъ потеряхъ. Конечно, это менѣе эффектно, но за то болѣе существенно и полезно. Сыпать солдатами, какъ горохомъ, если нѣтъ на то вопіющей необходимости, вовсе не заслуга, и тѣмъ болѣе чести тому, кто сумѣлъ достигнуть желаемаго съ меньшимъ числомъ жертвъ".

Главный результатъ успѣха Траянскаго отряда заключается въ томъ, что появленіе его за Балканами заставило Турокъ очистить Калоферъ и Клиссуру и еще за день до паденія Шипки бѣжать къ югу, со всего пространства между центральнымъ Балканомъ и Адріанополемъ. Плѣнные Турки говорили, что паническое бѣгство совершилось потому, что никто не считалъ возможнымъ переходъ Русскихъ черезъ Траянъ, „а если ужь черезъ него перешагнули,—говорили они,—то гдѣ же послѣ этого не пройдутъ ихъ силы?“. И такъ заслуга Траянскаго отряда—въ нравственномъ потрясеніи, породившемъ панику за Балканами.

Послѣ трехчасоваго отдыха, въ полночь на 27 декабря, были посланы Татищевымъ двѣ сотни и баталіонъ къ Клиссурѣ, съ приказаніемъ рекогносцировать ущелье и войти въ связь съ 2-ю бригадою, шедшею на присоединеніе отъ Златицы. Другія двѣ сотни направлены были на Карлово, для развѣдки Калоферскаго ущелія и связи съ колонною Скобелева у Иметли. Полученныя на разсвѣтѣ донесенія отъ разъѣздовъ извѣщали, что всѣ деревни долины Гіопса, обитаемыя исключительно Турками, брошены, и что въ нихъ масса скота, зерна, сѣна, сушеныхъ фруктовъ, фасоли и проч. Послѣднее во многомъ развязало мнѣ руки, избавивъ отъ тѣхъ хлопотъ и заботъ, которыя предстояли по передачѣ сухарей изъ Ловчи въ Кулибы и за перевалъ.

28 декабря, осмотрѣвъ по пути спускъ вновь разобранныхъ орудій съ горъ и подымавшуюся партію плѣнныхъ, я прибылъ въ Корнари, куда къ этому времени подоспѣли донесенія, что Карлово очищено Турками, ушедшими къ Филиппополю и что къ сторонѣ Шипки слышна сильная канонада. Едва я слѣзъ съ коня, какъ съ перевала сообщили, что на немъ опять начинается такая метель, что положеніе спускаемыхъ орудій дѣлается критическимъ. Къ вечеру всякое сообщеніе съ переваломъ прекратилось, между тѣмъ какъ въ Корнари наступила совершенно теплая и тихая лунная ночь.

Чѣмъ болѣе я вникалъ въ положеніе моего отряда, тѣмъ болѣе убѣждался, что оно далеко не безопасно. Взявъ перевалъ

и спустившись за Балканы, мы очутились безъ артиллеріи, почти безъ патроновъ, а плѣнные офицеры и солдаты дали показанія, что въ 15 верстахъ отъ Карлова, на Филиппопольскомъ шоссе, сосредоточено до 10 таборовъ. Ко всему этому, пути отступленія для меня не существовало; ни о томъ, гдѣ находится 2-я бригада, ни о томъ, что дѣлается подъ Шипкою, мы не имѣли еще положительныхъ свѣдѣній, и къ довершенію всего, начавшаяся на Траянѣ вьюга грозила погребсти на перевалѣ наши орудія, транспорты и конвойныхъ посланныхъ съ плѣнными. Вотъ въ какое положеніе можно быть иногда поставлену и послѣ одержанной побѣды. Было о чемъ призадуматься.

На сколько тяжелъ у меня день 28 декабря, на столько радостнымъ оказалось 29-ое число. Съ самаго ранняго утра одно успокоительное донесеніе получалось за другимъ. Прежде всего писали изъ Клиссуры, что Турки, бросивъ укрѣпленіе, отошли отъ ущелія къ югу, а наши разъѣзды вошли въ связь съ идущею отъ Златицы, на соединеніе со мною, второю бригадою. Очищеніе Турками ущелія было совершенно неожиданностью, явленіемъ вполнѣ необъяснимымъ. Взять ихъ позицію было бы не возможно, такъ какъ, на протяженіи 7 верстъ, Клиссурское ущелье представляло корридоръ между отвѣсными скалами, прегражденный въ четырехъ мѣстахъ каменными завалами. Изъ Калофера доносили, что, вслѣдствіе одержанной генераломъ Радецкимъ побѣды на Шипкѣ, Турки положили оружіе, и путь отъ Карлова къ Казанлыку очищенъ. Вслѣдствіе этого я въ тотъ же день направилъ графа Татищева съ его полкомъ и тремя сотнями въ Карлово, а 10-му стрѣлковому баталіону приказалъ передвинуться къ Филиппопольскому шоссе. 30 декабря метель на Траянѣ прекратилась; утромъ прибылъ транспортъ сухарей изъ склада въ Кулибахъ, а изъ монастыря были присланы архимандритомъ 50 вьюковъ печенаго хлѣба.

Къ полудню солнце въ долинѣ грѣло такъ сильно, что мы ходили въ однихъ мундирахъ, а спускавшіе орудіе были въ рубахахъ. Подъ вечеръ горное эхо со стороны Клис-

суры донесло до Корнари три равномѣрные пушечные выстрѣла. Это были сигналы приближающейся второй бригады. Изъ доставленнаго съ посланнымъ впередъ офицеромъ рапорта я съ грустью узналъ, что вмѣсто бригады вели ко мнѣ не болѣе двухъ баталіоновъ, потому что въ Псковскомъ полку оставалось на лицо всего 900, а въ Великолуцкомъ 1200 штыковъ. Все остальное, то есть около 4-хъ тысячъ человѣкъ, легло въ бояхъ, а большею частью вслѣдствіе 6-ти недѣльной стоянки на вершинахъ Арабъ-Конака и Этрополя, сдѣлалось жертвою болѣзни и стужи. Принадлежащая бригадѣ артиллерія не шла съ нею. Вмѣсто своихъ орудій я получилъ: 2 конныя 16-й батареи, два казачьей № 19-го батареи и батарею 31-й артиллерійской бригады. Всѣ они не имѣли съ собою ящиковъ, такъ что самыми снаряженными оказались мои два орудія, спустившіяся въ тотъ же день съ Траяна. Кромѣ этого, полки получили другое, крайне оригинальное, къ нимъ присоединеніе. Въ теченіе трехъ предшествовавшихъ дней пригонъ казаками брошеннаго Турками и блуждавшаго по долинѣ скота достигъ такихъ размѣровъ, что въ Корнари стояло въ загонахъ 2000 крупныхъ и 1000 мелкихъ его головъ. Куда мнѣ было дѣвать его, какъ распорядиться его кормомъ и уходомъ за нимъ? Хотя сѣна въ долинѣ было вволю, но сколько нужно было взять народа изъ строя, чтобы раздать кормъ такой массѣ, напоить ее и разсортировать по вагонамъ и прочее. Дабы выйти изъ этого затрудненія, я приказалъ: выдѣлить по 100 головъ въ каждый баталіонъ, въ счетъ порціоннаго скота, остальной мелкій скотъ раздать Болгарамъ даромъ, а крупный продать имъ по умѣренной цѣнѣ и вырученныя деньги выдать, въ видѣ жалованья, правильно сформированнымъ болгарскимъ четамъ.

31-го декабря прибылъ въ Корнари Великолуцкій полкъ, соединенный въ одинъ баталіонъ. Это были остатки славнаго полка, нѣкоторыя роты котораго обратились въ полувзводики. Они были одѣты въ прожженныя и изорвавшіяся въ лѣсныхъ дебряхъ и по скаламъ шинели, въ лапти и болгарскіе опанки. Закоптѣлые, обросшіе волосами, нижніе

чины казались закаленными огнями костровъ и 20 градуснымъ морозомъ ветеранами. Не видя полка $2^1/_2$ мѣсяца, я поблагодарилъ Великолутцевъ, именемъ Главнокомандующаго, за ихъ славную службу. Какъ мнѣ ни хотѣлось видѣть Псковской полкъ, но чтобы не заставлять его дѣлать для этого лишній переходъ, я направилъ его мимо Корнари прямо къ Филиппопольскому шоссе.

Въ тотъ же день, около 3-хъ часовъ, мнѣ доложили, что къ моей квартирѣ ведутъ турецкаго парламентера. Выйдя на террасу дома, я увидѣлъ на его дворѣ группу конныхъ, состоящую изъ турецкаго офицера, трубача и 4-хъ драгунъ. Когда съ глазъ парламентера и его конвоя сняли бѣлыя повязки, я велѣлъ вести его ко мнѣ. Вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ и лицами моего штаба, въ комнату вошелъ невысокій блондинъ лѣтъ тридцати и отрекомендовался турецкимъ военнымъ врачемъ, по фамиліи Муазъ, присланнымъ съ письмомъ отъ Филиппопольскаго коменданта къ Великому Князю. На мой вопросъ о свойствѣ даннаго ему порученія онъ подалъ мнѣ незапечатанный пакетъ, предлагая прочесть вложенный въ него документъ. Въ письмѣ на французскомъ языкѣ комендантъ, въ почтительныхъ выраженіяхъ, извѣщалъ, что, такъ какъ между Оттоманскою Портою и Россіею съ 27-го декабря заключено перемиріе, то онъ проситъ остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ къ Филиппополю. Замѣтивъ, что парламентеръ совершенно свободно объясняется по-французски, а потомъ оказалось и понѣмецки, я повелъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

— Находя крайне страннымъ поступокъ вашего начальника, я сомнѣваюсь, чтобы вы были приняты Великимъ Княземъ и едва-ли получите какой-либо отвѣтъ на это письмо.

— Позвольте узнать, генералъ, спросилъ удивленный парламентеръ, на чемъ вы основываете ваше предположеніе?

— Вотъ на чемъ, отвѣчалъ я: во-первыхъ, вы забываете, что нашъ Главнокомандующій, какъ родной братъ русскаго Императора, можетъ входить въ сношенія, по столь важному вопросу, какъ перемиріе, только непосредственно съ главнокомандующимъ турецкою арміею, или съ лицомъ, аккредито-

ваннымъ для этого Султаномъ, а не съ комендантомъ какого-либо города; во-вторыхъ, еслибы между воюющими сторонами состоялось соглашеніе о перемиріи, то конечно Великій Князь зналъ бы объ этомъ ранѣе вашего начальства; и въ третьихъ, еслибы перемиріе было дѣйствительно заключено, то я имѣлъ бы увѣдомленіе отъ штаба нашей арміи.

Муазъ, кажется, сразу понялъ, что хитрость не удалась и молча опустилъ глаза.

— Задерживать посланнаго къ Его Высочеству, продолжалъ я, нѣтъ основаній, поэтому вы получите конвой, который препроводитъ васъ въ Главную Квартиру; а такъ какъ вы, вѣроятно проголодались и прозябли въ дорогѣ, то позвольте предложить вамъ закусить чѣмъ Богъ послалъ и покормить вашихъ людей.

Турокъ, (судя по выговору скорѣе Еврей) охотно принялъ мое предложеніе; ему подали, только-что оконченный, нашъ скромный обѣдъ, состоявшій изъ курпнаго супа, жареной баранины и компота.

Послѣ двухъ-трехъ стакановъ краснаго вина (подарка отца Макарія), Муазъ сдѣлался до того словоохотливъ, что высказалъ собственное свое недоумѣніе насчетъ перемирія.

— Надо вамъ сказать, говорилъ онъ, что не далѣе какъ семь дней назадъ, жили мы въ Филиппополѣ совершенно спокойно; вдругъ приходитъ извѣстіе о наступленіи генерала Гурко отъ Софіи, а потомъ и о переходѣ Русскихъ черезъ Траянъ. Вы понимаете, какое это производитъ впечатлѣніе? Черезъ Траянъ!! Мы этому не вѣрили, считали баснею, какъ вдругъ является къ коменданту дѣйствовавшій противъ васъ Раффикъ-бей. Онъ рвалъ на себѣ волосы, плакалъ, какъ дитя, но объяснялъ свое пораженіе тѣмъ, что Русскіе наступали въ громадныхъ силахъ.

— Невѣрныя же у васъ свѣдѣнія, m-r Муазъ, перебилъ я его.—Мои силы равнялись вашимъ, а занятыя вами позиціи стоили цѣлаго корпуса.

— Но у васъ была артиллерія?

— Она была и у Турокъ.

— Вѣроятно число вашихъ горныхъ орудій было гораздо больше?

— У меня не было ни одного горнаго орудія.

— Какъ же это, какія же пушки были съ вами?

— Со мною были всего два 9-ти фунтовыя орудія.

— Извините, развѣ возможно поднять ихъ на Траянъ?

— Мы не только втащили, но и спустили ихъ и, если вы сомнѣваетесь, то можете взглянуть на нихъ, они здѣсь недалеко.

Муазъ поблагодарилъ за предложеніе и затѣмъ съ нѣкоторою задумчивостью продолжалъ:

— Да, конечно, если для Русскихъ возможны и такія вещи, то вы могли прогнать Раффикъ-бея. Долженъ сознаться, что его появленіе въ Филиппополѣ произвело почти панику. Въ ночь на 29-е комендантъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что, такъ какъ я владѣю языками, то онъ посылаетъ меня съ письмомъ къ вашему Главнокомандующему о заключенномъ перемиріи. Въ это время ему подаютъ депешу. Прочтя ее, онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ объявляетъ, что перемиріе не состоялось, а потому и въ командировкѣ нѣтъ надобности. Я возвратился къ себѣ, но въ 3 часа ночи опять требуютъ къ коменданту. Онъ встрѣчаетъ меня словами: „Новая депеша, перемиріе заключено; вотъ вамъ письмо, отправляйтесь въ русскую Главную Квартиру. И вотъ я передъ вами, по пути къ Великому Князю. Всѣ эти противорѣчащія депеши, эти колебанія, мнѣ кажутся непонятными.

— Положеніе, въ которомъ находятся ваши войска, замѣтилъ я, нѣсколько разъясняетъ дѣло. Вашимъ генераламъ, тѣмъ или другимъ способомъ, надо было остановить наше наступленіе. Способъ-то только они выбрали черезчуръ азіатскій: думали обмануть и не удалось. Помолчавъ, Муазъ продолжалъ:

— Я почти увѣренъ, что въ мое отсутствіе Русскіе займутъ Филиппополь, а это заставляетъ меня бояться за участь жены и семейства.

— Могу увѣрить васъ, отвѣчалъ я, что Русскіе не сдѣлаютъ ни малѣйшей непріятности вашей семьѣ.

— О, я опасаюсь не Русскихъ, съ живостью возразилъ докторъ.—Неужели вы, генералъ, полагаете, что у насъ кто-либо изъ порядочныхъ людей вѣритъ въ жестокость Русскихъ. Я говорю о башибузукахъ и Черкесахъ, которые не упустятъ случая грабить своихъ же.

Предполагая, что Великій Князь находился въ это время въ Сельви или въ Габровѣ, я объявилъ парламентеру, что онъ, вмѣстѣ съ конвоемъ, при Сухомлиновѣ, будетъ отправленъ въ Главную Квартиру кратчайшимъ путемъ черезъ Траянъ.

— Какъ черезъ Траянъ! съ испугомъ, вскочивъ со стула, спрашиваетъ Муазъ.—Черезъ Траянъ я ни за что не рискну; отправьте меня лучше черезъ Карлово къ Шипкѣ.

Въ виду того, что Главная Квартира могла уже быть и на Шипкинскомъ перевалѣ, я согласился. Доктору и его спутникамъ, на томъ же дворѣ моей квартиры, завязали глаза, казаки взяли поводья ихъ лошадей и шествіе тронулось, провожаемое массою сбѣжавшихся Болгаръ и нашихъ солдатъ поглазѣть на незваныхъ гостей.

Сухомлиновъ нашелъ Великаго Князя уже въ Казанлыкѣ, гдѣ собралось нѣсколько турецкихъ парламентеровъ, но Его Высочество не удостоилъ принять ихъ.

Готовясь оставить Корнари, мнѣ оставалось еще многимъ распорядиться. Видя, что нижніе чины второй бригады до того обезсилѣли и обносились, что многіе не могутъ слѣдовать съ отрядомъ, я велѣлъ сформировать изъ каждаго полка по одному сводному баталіону, составивъ его изъ людей наиболѣе сохранившихъ силы, прочихъ же перевести въ Карлово. Для скорѣйшаго возстановленія силъ, я приказалъ довольствовать ихъ улучшенною пищею и какъ можно поспѣшнѣе исправить ихъ одежду и обувь. Это было возложено мною на командовавшаго Псковскимъ полкомъ подполковника Кобордо, назначеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ тыла отряда. Ему же я поручилъ образованіе продовольственныхъ складовъ и охрану ихъ.

1-го января, рано утромъ, собрались ко мнѣ всѣ командиры частей, для полученія послѣднихъ приказаній: выступающіе—о дальнѣйшемъ движеніи и цѣляхъ отряда, оставшіеся—о приведеніи въ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ восходомъ солнца, поздравивъ другъ друга съ новымъ годомъ, мы сѣли на коней и тронулись къ Карлову. Легкій 3-хъ градусный морозъ уничтожилъ слѣды дневной оттепели; войска шли бодро и весело. Съ штабомъ отряда шла только конвойная сотня и саперная рота съ двумя орудіями. Старо-ингерманландскій полкъ былъ уже въ Карловѣ, прочія части въ деревняхъ по подножію Малыхъ Балканъ прикрывали фланговое движеніе. Два сводные баталіона 2-й бригады шли въ переходѣ позади штаба и составляли резервъ. Путь отъ Корнари до Карлова пролегалъ по той же благодатной долинѣ Гіопса; по брошеннымъ деревнямъ шарили „братушки“.

Единственнымъ пунктомъ, принадлежавшимъ въ этой мѣстности Болгарамъ, былъ Сопотъ, небольшой, пять мѣсяцевъ назадъ процвѣтавшій, чистенькій и красивый городокъ. Трудно себѣ представить, что сдѣлали изъ него Турки. Теперь Сопотъ, съ двумя разрушенными церквами, представлялъ площадь обгорѣлыхъ развалинъ, въ которыхъ не осталось камня на камнѣ. Пройдя разоренный городъ, я остановился для привала на его окраинѣ. Когда группа штабныхъ офицеровъ собралась къ разложенному на фундаментѣ одного изъ домовъ ковру и, по моему приглашенію, приступила къ холодной закускѣ, къ намъ подошло нѣсколько монахинь (калугерокъ) Сопотскаго монастыря, пощаженныхъ вслѣдствіе своей старости. Между ними находилось нѣсколько вдовъ, мужья и дѣти которыхъ были зарѣзаны лѣтомъ. Одѣтыя въ черныя платья, онѣ принесли намъ теплыя лепешки, овечій сыръ и яблоки; лепетали что-то, кланялись, съ волненіемъ пожимали намъ руки, гладили нашихъ лошадей и, какъ дѣти, въ одно же время и плакали, и смѣялись отъ радости. Одна изъ старицъ неожиданно опустилась передо мною на колѣни, перекрестясь взглянула на небо, и чисто произнесла по-славянски: „благодаримъ Тя, Господи, яко

днесь видѣста очи мои спасеніе наше". Другія разсказывали про всѣ ужасы разграбленія Турками ихъ обители, уводъ молодыхъ послушницъ и про кощунства, совершенныя въ ихъ храмѣ.

Только-что мы тронулись съ привала, какъ меня нагналъ нарочный казакъ изъ Ловчи, съ накопившеюся въ наше отсутствіе почтою. Среди множества конвертовъ оказалось нѣсколько писемъ на мое имя, отъ семьи и знакомыхъ изъ Тамбова и Нижняго, отъ сыновей и дочерей изъ Петербурга. Болѣе мѣсяца я не имѣлъ извѣстія отъ своихъ, а потому неожиданное ихъ полученіе, да еще при той обстановкѣ, въ которой мы находились, доставило такую отраду, которую поймете только тотъ изъ читателей, кто когда-либо бывалъ въ подобномъ положеніи.

Въ полуверстѣ отъ Карлова меня встрѣтилъ графъ Татищевъ и депутація отъ города, съ духовенствомъ во главѣ. Благодаря энергіи и распорядительности графа, я нашелъ въ Карловѣ полный порядокъ. Военная полиція была уже на мѣстахъ, у всѣхъ складовъ съ турецкими запасами стояли часовые. Открывшій свои дѣйствія городской совѣтъ ожидалъ меня въ залѣ отведенной мнѣ квартиры бывшаго англійскаго консула, только-что выѣхавшаго въ Адріанополь. Оставивъ у себя предсѣдателя совѣта и отпустивъ другихъ, я просилъ его ознакомить меня съ настоящимъ положеніемъ населенія и города, показавшагося мнѣ нетронутымъ. Объясняя настоящее, президентъ коснулся и прошедшаго. Карлово не было сожжено и разграблено Турками только потому, что среди его болгарскаго населенія было много Армянъ и Турокъ, и что въ немъ имѣли дачное пребываніе европейскіе консулы изъ Адріанополя. Это обстоятельство и было причиною, что неистовства Турокъ ограничились кощунствами, произведенными въ двухъ православныхъ храмахъ въ день пророка Иліи. При осмотрѣ этихъ церквей, мнѣ показывали запекшуюся на мраморномъ полу лужу крови и другую такую лужу на площадкѣ лѣстницы, ведущей на кафедру, гдѣ былъ зарѣзанъ священникъ, говорившій проповѣдь. Въ другой церкви на ликахъ

Спасителя и Николая Чудотворца были выковырены глаза, выскоблены кинжалами носы и уши; всѣ прочія иконы прострѣлены, и Распятіе, стоявшее надъ иконостасомъ, лежало на полу расколотымъ.

Какъ ни было необходимо сдѣлать въ Карловѣ дневку, но я на другой же день, 2-го января, продвинулъ всѣ части впередъ за Малые Балканы, соединивъ ихъ при этомъ по-эшелонно на Филиппопольскомъ шоссе. Проводивъ лично Старо-ингерманландскій полкъ, я вернулся въ Карлово, гдѣ еще было немало хлопотъ по распредѣленію найденныхъ запасовъ между войсками и по устройству летучей почты къ Казанлыку, куда уже спустилась Главная Квартира черезъ Шипку. Въ этотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ Карлово Казанскій драгунскій полкъ, направленный на усиленіе отряда черезъ Траянъ, а послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ отъ Великаго Князя генералъ-лейтенантъ Скобелевъ I. Онъ вручилъ мнѣ предписаніе Главнокомандующаго, которое привожу въ подлинникѣ:

„Великій Князь главнокомандующій приказать изволилъ: принять общее начальство надъ кавалеріею ввѣреннаго вамъ отряда генералъ-лейтенанту Скобелеву I-му. Для сего, ваше превосходительство, изволите назначить въ его распоряженіе Казанскій драгунскій полкъ, 30-й и 24-й казачьи полки, оставивъ изъ послѣднихъ столько, сколько необходимо для службы при дивизіи. Скобелеву I-му приказано двинуться по долинѣ Гіопса къ сторонѣ Филиппополя, держа постоянно связь съ отрядомъ Гурко и съ первою кавалерійскою дивизіею, которая предшествуетъ наступленію отряда генерала Радецкаго.

„Ваше превосходительство, предшествуемые кавалеріею Скобелева I-го, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія Турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко.

„Въ этомъ отношеніи вы должны соображать ваши движенія и дѣйствія съ отрядомъ Гурко. Еслибы, подходя къ Филиппополю, вы узнали, что Турки уже прошли этотъ городъ и отрѣзать имъ отступленіе не можете, то должны

двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ между отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которыя направляются на Эски-Загры и Германлы".

Это предписаніе указывало мнѣ сдѣлать то, что уже было сдѣлано, и потому, въ день его полученія, я отправилъ въ Главную Квартиру слѣдующее донесеніе:

„Указанія Вашего Императорскаго Высочества предупреждены. Стрѣлковый баталіонъ и Ново-ингерманландскій полкъ уже на половинѣ пути между Карлово и Филиппополемъ, а завтра вся первая бригада будетъ въ 10 верстахъ отъ него. Драгуны только-что прибыли. Изъ остатковъ 2-й бригады формирую два сильные баталіона, которые составятъ мой резервъ".

Подъ вечеръ пріѣхалъ изъ Казанлыка Сухомлиновъ. Мнѣ достаточно было взглянуть на него, чтобы замѣтить, что въ Главной Квартирѣ чѣмъ-то недовольны. Поданная имъ записка, писанная рукою генерала Левицкаго, начиналась словами: „Главнокомандующій крайне недоволенъ медленностію вашихъ движеній", а затѣмъ подтверждалось то же, что было и въ приведенномъ предписаніи, съ добавленіемъ: „присылайте ваши донесенія Его Высочеству возможно чаще".

Изъ предшествовавшаго разсказа читатели видѣли, что дѣлалось въ отрядѣ каждый день, со времени Траянскаго боя, то есть съ 27-го по 30-е декабря, когда первый полкъ уже 29-го перешелъ въ Карлово, а стрѣлковый баталіонъ стоялъ впереди его на Филиппопольскомъ шоссе. Пусть всякій понимающій военное дѣло скажетъ, могъ ли я, 27-го и 28-го числа, тронуть эти части отъ Корнари, покуда не освѣтилъ мѣстности до Клиссуры и Калофера, куда уже въ ночь 26-го, сряду послѣ боя, посланы были кавалерійскія партіи. Не изъ того ли же полеваго штаба писали мнѣ, чтобы послѣ спуска я „смотрѣлъ въ оба направо и налѣво"; теперь же я какъ бы осужденъ за то, что съ 5-ю баталіонами и 2-мя орудіями не пошелъ далѣе, когда вторая бригада въ эти числа еще не прошла занятаго непріятелемъ Клиссурскаго ущелья. Все это указывало на то, что въ полевомъ штабѣ, вѣроятно, не были получены мои донесенія, а между

тѣмъ, я писалъ по два раза въ день обо всемъ, что дѣлалъ, но отправлялъ записки черезъ Траянъ въ Ловчу и только 30-го, когда отъ моихъ же разъѣздовъ узналъ о паденіи Шипки, сталъ посылать казаковъ къ Казанлыку.

Полученное замѣчаніе не могло не произвести на меня тяжелаго впечатлѣнія; я уже предвидѣлъ, что совершенное моимъ отрядомъ на Траянѣ останется въ тѣни. Надо было употребить всѣ средства, чтобы не дать повода въ чемъ-либо обвинить меня вторично.

3-го января, рано утромъ, Скобелевъ I-й, вслѣдствіе сдѣланныхъ мною съ нимъ наканунѣ условій, выступилъ съ драгунами къ Филиппополю; казачьи же части, выдвинутыя по тому же направленію, были уже далеко впереди и присоединялись къ нему на дорогѣ. Въ этотъ же день пѣхотные эшелоны продвинулись еще верстъ на 30 по шоссе.

Въ ночь на 4-е января былъ полученъ мною новый сюрпризъ отъ начальника штаба Западнаго отряда, въ видѣ слѣдующей записки:

„Вчера ночью я имѣлъ честь послать вашему превосходительству *приказаніе* наступать вамъ со всею дивизіею на Филиппополь. Сегодня вновь получилъ *приказаніе* подтвердить *приказаніе*, чтобы вы шли форсированнымъ маршемъ на Филиппополь, дѣлая въ день по 25-ти верстъ. При этомъ идти безъ обозовъ и выдавать людямъ по фунту хлѣба. Въ такіе дни, какъ мы переживаемъ, нужно дѣлать сверхъестественныя усилія“.

Записка послана 1-го января, но откуда—неизвѣстно. Не говоря о ея слогѣ, начну съ того, что посланнаго 31-го декабря ночью *приказанія*, какъ выражается ея авторъ, я не получалъ; затѣмъ является вопросъ: чье *приказаніе* онъ сообщалъ? До этой минуты я и не имѣлъ никакого распоряженія о томъ, чтобы мой отрядъ былъ кому-либо подчиненъ, кромѣ Главнокомандующаго, между тѣмъ тонъ и смыслъ записки указываютъ на какое-то подчиненіе. Въ ней даже говорится, какъ довольствовать людей, какіе дѣлать переходы, и даются совѣты о сверхъестественныхъ усиліяхъ.

Диспозиціею, отданною мною на 4-е января, предписы-

валось: летучему отряду генерала Скобелева I-го—идти безостановочно на Филиппополь и буде возможно занять его; прочимъ частямъ слѣдовать за нимъ и, остановясь въ одномъ переходѣ отъ этого города, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, сообразно съ тѣми свѣдѣніями, которыя получатся отъ летучаго отряда. На этомъ же переходѣ встрѣчный казакъ подалъ мнѣ записку отъ Скобелева I-го, слѣдующаго содержанія: „Войска генерала Гурко занимаютъ Филиппополь. Вступаю туда же съ драгунами и казаками".

Хотя въ вышеприведенномъ приказаніи Главнокомандующаго ясно указанъ случай, когда отрядъ долженъ свернуть на Чирпанъ, но прежде чѣмъ измѣнять направленіе колоннъ, я хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться въ томъ, что происходитъ въ Филиппополѣ, а потому послалъ туда подполковника Сосновскаго, самъ же, съ первымъ полкомъ, остался въ пунктѣ ближайшаго поворота съ шоссе. Сосновскій нашелъ Филиппополь уже занятымъ, и видѣлъ въ немъ гвардейскую артиллерію. Вслѣдствіе этого я, въ тотъ же вечеръ, послалъ приказаніе всѣмъ частямъ свернуть на Чирпанъ, давъ при этомъ колоннамъ такое направленіе, чтобы онѣ шли на одной высотѣ, параллельно Марицѣ; а такъ какъ отъ шоссе до Чирпана было 50 верстъ, то предписывалось выступить какъ можно раньше.

5-го января, рано утромъ, передъ самымъ выступленіемъ, мнѣ подали записку отъ начальника штаба арміи, отъ 2-го января. Въ ней было сказано: „Великій Князь приказалъ, чтобы вы, съ полученія сего, безотлагательно отправились по долинѣ Гіопса на Филиппополь, а если получите свѣдѣнія, что противникъ оставилъ этотъ городъ, или что онъ уже занятъ нашими, то возьмите направленіе на Чирпанъ. Это направленіе должна принять и кавалерія Скобелева I-го. О вашихъ распоряженіяхъ увѣдомляйте для доклада Его Высочеству".

Итакъ, вторично получено приказаніе сдѣлать то, что давно уже было сдѣлано. Видимо, что или донесенія мои не получены, или забывали о нихъ; но и въ послѣднемъ случаѣ, разъ что Сухомлиновъ, бывъ 1-го января въ Казан-

лыкѣ, могъ лично передать, что я въ Карловѣ, а передовыя части отряда на полпути къ Филиппополю, странно было писать уже о сдѣланномъ и упоминать о долинѣ Гіопса, такъ какъ *не по ней, а отъ нея* идетъ Филиппопольское шоссе прямо на югъ.

Свернувъ съ шоссе, всѣ три колонны шли параллельно одна другой, сближаясь иногда версты на 4, такъ что полки видѣли другъ друга. Этотъ фланговый маршъ, прикрытый съ фронта рѣкою, шелъ по плоской, почти ненаселенной равнинѣ, покрытой снѣгомъ гораздо болѣе, чѣмъ у Карлова, что̀, при бывшей два дня оттепели, вынуждало безпрестанно переходить въ бродъ ручьи и мелкіе притоки Марицы. Когда войска прошли уже верстъ 20 и остановились въ 9-мъ часу на привалъ, къ сторонѣ Филиппополя послышались пушечные выстрѣлы, слившіеся потомъ въ общую канонаду. Казалось, что она то удаляется, то приближается, то смолкаетъ, то раздается съ новою силою. По временамъ турецкая ружейная трескотня была слышна до того ясно, что всѣ были увѣрены въ переходѣ боя на нашъ берегъ Марицы. Пославъ колоннамъ приказаніе остановиться, я велѣлъ маіору Грошеву, взявъ конвойную сотню, осмотрѣть всю мѣстность до рѣки и вправо къ Филиппополю. Въ то же время, съ офицеромъ и 8-ю казаками, послана была къ генералу Гурко слѣдующая записка: „Хотя я имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго, въ случаѣ занятія вами Филиппополя, идти на Чирпанъ, но, слыша канонаду, прошу увѣдомить,—не нужно ли мое содѣйствіе. Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января“.

Въ теченіи полутора часа Грошевъ облетѣлъ до 20-ти верстъ и узналъ, что бой идетъ на той сторонѣ рѣки, которая въ полномъ разливѣ и покрыта густымъ льдомъ. Посланные имъ еще дальше разъѣзды постепенно возвращались съ докладомъ, что дѣло происходитъ верстахъ въ 12-ти за Филиппополемъ, слѣдовательно не ближе 25 верстъ отъ насъ, что̀ подтверждали и бѣжавшіе изъ города Болгары.

Убѣдясь въ невозможности поспѣть на помощь, еслибы она и была нужна, и въ виду того, что около 3-хъ часовъ пальба прекратилась, я приказалъ продолжать движеніе на Чирпанъ. День былъ пасмурный и сырой. Часу въ 5-мъ повалилъ снѣгъ, и тропа, по которой мы шли, сдѣлалась до того неясною, что еслибы не проводникъ-священникъ, то мы навѣрно заблудились бы, тѣмъ болѣе, что ни впереди, ни по сторонамъ не виднѣлось ни одного селенія.

Потеря времени на остановку и наступившая темнота съ метелью были причиною, что ни одна изъ колоннъ, хотя и сдѣлала до 40 верстъ въ одинъ переходъ, не дошла до города, а это вынудило полки ночевать въ 5-ти и 6-ти верстахъ отъ него. Сообразивъ, что бывшему противъ Гурки Сулейманъ-пашѣ можно отрѣзать путь отступленія къ Адріанополю только быстрою переправою черезъ Марицу, я немедленно, ночью же, послалъ двухъ казачьихъ офицеровъ какъ въ городъ, такъ и къ рѣкѣ, для собранія свѣдѣній, гдѣ возможно перейти ее въ бродъ, или скорѣе устроить переправу. Показанія Болгаръ и возвратившихся къ разсвѣту разъѣздовъ сводились къ тому, что переправа, съ большими затрудненіями и опасностію, буде и возможна, то только противъ желѣзно-дорожной станціи Іени-Михалесы; кромѣ того было узнано, что въ Чирпанѣ находится эскадронъ л. гв. Уланскаго полка, разъѣзды котораго вошли уже въ связь съ 1-ою кавалерійскою дивизіею.

Оставивъ войска на мѣстахъ ночлега, откуда имъ было ближе къ Марицѣ, я съ штабомъ, конвойною сотнею и саперною ротою, 6-го января, въ день Богоявленія, вступилъ въ Чирпанъ. У въѣзда въ городъ насъ встрѣтило населеніе, а старшій протоіерей, во главѣ прочаго духовенства, поднесъ мнѣ на оловянномъ блюдѣ пшеничный хлѣбъ, солонку и стопу мѣстнаго вина. Послѣ сказаннаго привѣтствія онъ предложилъ намъ слѣдовать въ церковь, гдѣ совершилъ молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія: „Александру II-му, *Освободителю Болгаріи, Царю нашему и Императору*“. По выходѣ изъ церкви, весь мой штабъ и прочіе офицеры, на расхватъ были разобраны зажиточными хо-

зяевами въ свои дома, гдѣ насъ ожидало радушное угощеніе. Съ непривычки это даже стѣсняло. Впрочемъ, съ самаго вступленія нашего въ предгорья Балканъ, начиная съ выжженнаго Траяна, была уже замѣтна разница въ бытѣ и характерѣ болгарскаго населенія, сравнительно съ придунайскимъ. На сколько послѣднее забито и ко всему равнодушно, не исключая собственнаго быта, на столько живущее въ горахъ и за Балканами, бойче, предпріимчивѣе и развитѣе. Даже и женщины южной Болгаріи гораздо красивѣе сѣверной.

На отведенной мнѣ квартирѣ меня ожидали: командиръ Уланскаго эскадрона Бибиковъ, предсѣдатель уже составленнаго Болгарами городскаго совѣта и прибывшій изъ Главной Квартиры, Кавалергардскаго полка поручикъ Хвощинскій, отправляемый въ Сербію съ Георгіевскими крестами. Бибиковъ сообщилъ, что въ городѣ находятся громадные склады запасовъ и патроновъ.

Видя явную необходимость войти въ сношеніе съ Главною Квартирою, распорядиться приведеніемъ въ извѣстность запасовъ, а главное,—принять мѣры для скорѣйшаго устройства переправы, я рѣшился сдѣлать въ Чирпанѣ дневку. Ею впрочемъ не могли воспользоваться 10-й стрѣлковый баталіонъ и саперная рота, которые, при начальникѣ штаба, были посланы для сбора матеріаловъ и устройства переправы у деревни Іогурчу, противъ Іени-Михалесы. Отдавъ необходимыя приказанія, я послалъ ординарца моего, Крестовскаго, на телеграфную станцію взять и разобрать всѣ оставшіяся тамъ депеши турецкаго правительства, а другому ординарцу, Эрнроту, приказалъ приготовиться къ отъѣзду въ Іени-Загру, гдѣ предполагалъ Великаго Князя. Вмѣстѣ съ другими донесеніями полевому штабу, я писалъ генералу Непокойчицкому:

„Въ дополненіе донесенія моего о найденныхъ турецкихъ запасахъ въ долинѣ Гіопса, имѣю честь сообщить, что все пройденное отрядомъ пространство представляетъ неисчислимыя богатства подобныхъ запасовъ. Въ Карловскомъ складѣ оставлено 2,000 мѣшковъ галетъ, 200 мѣш-

ковъ рису, 1,500 мѣшковъ ячменя и 70 мѣшковъ фасоли. Затѣмъ есть ружья, патроны, гранаты. Я сдѣлалъ для ихъ охраны все, что могъ, но по малочисленности отряда не могу оставлять въ городахъ людей и посылать команды въ деревни, гдѣ все расхищается. Запасы зерна въ Чирпанѣ, хотя не приведены еще въ извѣстность, но громадны, и кромѣ того здѣсь оставлено Турками 395 ящиковъ съ патронами, по 10,000 въ каждомъ, что составляетъ почти 4 милліона. Было бы крайне полезно прислать въ пройденный мною край нѣсколько интендантскихъ чиновниковъ съ командами, такъ какъ, безъ энергическихъ мѣръ, черезъ недѣлю все будетъ расхищено".

Что касается даннаго Крестовскому порученія о разборѣ турецкихъ телеграммъ, то изъ представленной имъ выписки было видно: 1) что комендантъ Шипки, еще 25 декабря, предписывалъ прислать къ нему какъ можно скорѣе всѣ войска, какія только есть въ Чирпанѣ; 2) что наплывъ бѣжавшаго населенія въ Чирпанъ начался со дня перехода Русскихъ черезъ Траянъ; 3) Чирпанскій каймакамъ доноситъ, что ни жители, ни мустафисы (запасные солдаты) его не слушаютъ и не хотятъ оставлять своихъ семей и жилищъ. Особенно интересна слѣдующая телеграмма Филиппопольскому губернатору, отъ 28 декабря: „Громадныя силы Русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи. Казанлыкское населеніе бѣжитъ поголовно. Учрежденія Красной Луны остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что администраціи надо выбираться. Состоящіе при мнѣ офицеры, чиновники и телеграфисты бѣжали. Узналъ сейчасъ, будто заключено перемиріе".

Кстати объ этомъ странномъ, выдуманномъ Турками перемиріи. Несомнѣнно, что оно было придумано съ цѣлью отступить безъ потерь и, оправясь отъ паники, собраться у Адріанополя, гдѣ и дать намъ отпоръ, который, подобно Плевнѣ, могъ бы затянуть кампанію на нѣсколько мѣсяцевъ. Не безъинтересно и то, что этимъ обманомъ и безчестнымъ поступкомъ турецкаго правительства не только

не возмутилась европейская пресса, но даже умолчала о немъ.

Въ ночь на 7 января полученъ наконецъ отвѣтъ на мою записку генералу Гурко съ предложеніемъ содѣйствія. Начальникъ его штаба писалъ: „Его Высокопревосходительство послалъ сегодня утромъ къ вамъ ординарца съ предложеніемъ перейти Марицу и стать у деревни Ахланъ, гдѣ и составить общій резервъ войскъ, оперирующихъ противъ арміи Фуадъ-паши, при которой находится, какъ кажется, самъ Сулейманъ. Въ настоящее время бой идетъ на Станимакской дорогѣ. Турки пробиваютъ себѣ отрѣзанный имъ путь отступленія".

Хотя на этомъ отвѣтѣ и не было обозначено числа его отправленія, но, судя по его содержанію, онъ писанъ 5-го числа, а полученъ мною только черезъ два дня. Разслѣдовать причину подобнаго промедленія, а равно и то, почему никакого предложенія я не получилъ, было некогда, да и не къ чему, такъ какъ всѣ мои мысли были заняты заботою объ устройствѣ переправы. Сопоставляя же факты, оказывается, что моя кавалерія съ Скобелевымъ I и Сухомлиновымъ была въ Филиппополѣ 4 числа въ полдень, что̀, конечно, не могло не быть извѣстно въ штабѣ отряда генерала Гурко, и отъ нихъ легко могли узнать, что и пѣхота моя всего въ полупереходѣ на шоссе. Если же, вмѣсто того, чтобы послать ко мнѣ ординарца 4-го же числа, послали его на другой день, то, конечно, онъ не могъ найти меня на шоссе, потому что, согласно повелѣнію Главнокомандующаго, отрядъ мой въ это время шелъ уже къ Чирпану.

Въ продолженіи двухдневнаго пребыванія въ этомъ городѣ продовольствіе отряда не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ предсѣдатель городскаго совѣта обнаружилъ въ этомъ отношеніи особенную энергію. При самомъ вступленіи въ городъ онъ заявилъ, что у него уже заготовлено 350 пудъ печенаго хлѣба и сколько угодно галетъ находится въ турецкомъ складѣ. Взять ихъ болѣе какъ на 5 дней впередъ, безъ отягощенія людей, было невозможно. Чтобы оставшіеся затѣмъ припасы не погибли, я оставилъ въ Чирпанѣ

офицера съ небольшою командою, а для караула у патроновъ—фейерверкера съ 6-ю рядовыми, о чемъ донесъ полевому штабу. Впослѣдствіи оказалось, что эти команды ни кѣмъ не были замѣнены; пробывъ же въ караулѣ три недѣли, онѣ издержали оставленныя имъ порціонныя деньги, почему и должны были, на свой страхъ, возвратиться къ своимъ частямъ. Что сталось съ запасами и милліонами патроновъ—неизвѣстно.

Въ то время, когда я уже садился на лошадь, чтобы ѣхать къ избранному, въ 12 верстахъ отъ Чирпана, мѣсту переправы, получено было распоряженіе Главнокомандующаго о томъ, что Траянскій отрядъ поступаетъ въ составъ Западнаго, подъ начальство генералъ-адъютанта Гурко. Но такъ какъ до 12 января я не получалъ отъ него никакихъ указаній, то самостоятельное существованіе Траянскаго отряда слѣдуетъ считать до дѣйствительнаго соединенія его съ Западнымъ. Поэтому какъ предстоявшая переправа черезъ Марицу, такъ и слѣдовавшія за нею въ теченіе 4-хъ дней распоряженія, исходили непосредственно отъ меня, составляя какъ-бы отдѣльныя и самостоятельныя дѣйствія Траянскаго отряда.

Подполковникъ Сосновскій съ саперною ротою и 10-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, въ полдень 6-го января, прибылъ къ деревнѣ Іогорчу, лежащей въ полуверстѣ отъ мѣста, избраннаго для устройства переправы. Состояніе Марицы, разлившейся на 110 сажень и почти сплошь покрытой льдомъ, съ перваго взгляда указывало на всю трудность предстоявшей работы, тѣмъ болѣе, что быстрота теченія достигала 6-ти футовъ въ секунду, а залитое пространство, по словамъ жителей, было покрыто яминами и рытвинами; поэтому пустить пѣхоту въ бродъ я считалъ невозможнымъ. Видимые на рѣкѣ слѣды происходившей на томъ же мѣстѣ переправы бѣжавшаго турецкаго населенія ясно указывали то же самое. Русло ея было покрыто опрокинутыми возами и поломанными каруцами, которыя торчали изъ воды въ различныхъ положеніяхъ. Тутъ же высовывались, гдѣ рога, гдѣ ноги попавшихъ въ ямины буйволовъ. На одной изъ

затертыхъ льдомъ повозокъ видна была замерзшая съ дѣтьми женщина и нѣсколько труповъ людей и животныхъ лежали выброшенными на отмели берега, загроможденнаго покинутыми повозками. Ими-то и воспользовались саперы и стрѣлки—плотники, какъ подмостками, для устройства мостковъ. Саперы съ полнымъ самоотверженіемъ шли по грудь въ воду, устанавливали въ линію каруцы и телѣги и вбивали колья для козелъ тамъ, гдѣ глубина превышала высоту повозокъ. Все это дѣлалось охотно, безропотно, при морозѣ въ 6 градусовъ и продолжалось весь день и всю ночь. Только благодаря безпримѣрному усердію, распорядительности и личному примѣру командира саперной роты Попкова съ его офицерами, удалось побороть препятствія, казавшіяся непреодолимыми. Въ то же время, сажень на 100 ниже, по указанію Болгаръ, былъ отысканъ плохой паромъ, который быстро былъ исправленъ и примѣненъ для переправы орудій. Къ вечеру 7-го числа уже была выдвинута черезъ рѣку линія возовъ до противоположнаго берега, а въ теченіе ночи, при свѣтѣ костровъ, принялись за укладку лежней и настилки. Для этого были разобраны нѣсколько крайнихъ домовъ деревни. Полученный изъ нихъ матеріалъ какъ-то: полы, двери, полки, закромы,—солдаты и казаки переносили къ переправѣ, а саперы прибивали деревянными гвоздями и привязывали лозовыми прутьями къ импровизированнымъ устоямъ. По полученіи отъ Сосновскаго донесенія, что къ разсвѣту устройство мостковъ будетъ окончено, я отдалъ приказаніе Ново-ингерманландскому полку выступить къ переправѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы подойти къ ней до 7-ми часовъ утра, а Старо-ингерманландскому до 10-ти.

Окончивъ въ теченіе ночи послѣднія распоряженія по охраненію складовъ, 8-го января на разсвѣтѣ, вмѣстѣ съ чинами штаба, я выѣхалъ изъ Чирпана на мѣсто переправы. Утро стояло морозное, съ порывистымъ вѣтромъ; обгоняемыя мною войска шли быстро и весело. Этому не мало способствовало то, что по невозможности переправить воловій обозъ пришлось бросить его; патроны были переложены на вьюки, порціонный скотъ каждая часть гнала за своею колонною,

а турецкіе галеты были выданы на 3 дня людямъ на руки. Что ожидало войска послѣ трехъ дней, это теперь уже не очень озабочивало меня—до того мы привыкли разсчитывать не на свое, а на турецкое интендантство, точно нарочно заготовлявшее для насъ всякаго рода запасы всюду, куда только мы ни приходили. Надо думать что ни одна война въ будущемъ не представитъ такого примѣра беззаботности о своихъ со стороны индендантства и такой, хотя неумышленной, заботливости о ней воюющаго съ нею непріятеля. Представляю вниманію читателей такой фактъ: со дня выступленія изъ Ловчи, то есть съ 23-го декабря, по день вступленія 1-го марта въ Родосто, уже на берегу Мраморнаго моря мой отрядъ не видалъ ни одного интенданта, ни одного агента товарищества Горвицъ, Коганъ и комп. и не получалъ ни одного указанія или распоряженія о томъ, откуда получать сухари, какъ и чѣмъ продовольствовать людей.

Когда мы подъѣзжали къ переправѣ, половина стрѣлковаго баталіона была уже на той сторонѣ; Ново-ингерманландскій полкъ на привалѣ, у берега рѣки, варилъ въ котелкахъ похлебку, а саперы обогрѣвались и сушились у костровъ; имъ и казакамъ раздавали водку. Сойдя съ коня, я принялъ на себя непосредственно всѣ распоряженія по ходу переправы. Каждый баталіонъ долженъ былъ отдыхать до тѣхъ поръ, покуда я не пришлю за нимъ. Роты подходили къ спуску черезъ $^1/_4$ часа одна за другою; люди вступали на зыбкіе мостки по-одиночкѣ и шли по нимъ шаговъ на пять одинъ отъ другаго. Десять бывшихъ при отрядѣ орудій къ полудню подошли къ парому; переправа каждаго съ передкомъ занимала $^3/_4$ часа, и почти столько же времени требовалось на обратный путь парома. Чтобы преодолѣть быстроту теченія и не дать усилившемуся съ полудня вѣтру относить паромъ ниже, приходилось всякій разъ подниматься на шестахъ сажень 100 вверхъ по рѣкѣ. Тяжелое орудіе съ передкомъ заставляло паромъ погружаться на столько, что края оставались не болѣе какъ на 3 вершка надъ водою, и самое незначительное волненіе захлестывало борта. Передъ закатомъ солнца вѣтеръ сталъ до того порывистъ, что при-

шлось прекратить перевозъ артиллеріи, а ночью паромъ сорвало съ причала и унесло версты на двѣ, между тѣмъ четыре орудія оставались еще не переправленными.

Такъ какъ казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей нельзя было пустить по мосткамъ, а паромъ не подымалъ болѣе шести, то я рѣшилъ направить ихъ въ бродъ, для отысканія котораго вызвалъ охотниковъ. Первымъ вызвался молодой казакъ; не успѣлъ онъ отойти 20-ти саженъ отъ берега, какъ вдругъ лошадь его точно нырнула вмѣстѣ съ всадникомъ, а большая льдина наплыла на то мѣсто, гдѣ они погрузились.

Невольный крикъ вырвался у всѣхъ, слѣдившихъ за смѣльчакомъ съ нашего берега, но черезъ нѣсколько секундъ что-то черное, барахтающееся въ брызгахъ, показалось изъ-подъ сломавшейся льдины; это конь казака выбрался изъ глубокой подводной рытвины на отмель и остановился. Почти въ то же мгновеніе всплылъ и его сѣдокъ. Почувствовавъ подъ собою дно, онъ сталъ на ноги, перекрестился, вскочилъ въ сѣдло; какъ ни въ чемъ не бывало, хлестнулъ коня нагайкою и благополучно, то ходомъ, то вплавь, достигъ противоположнаго берега, откуда тѣмъ же путемъ, но уже безъ приключеній, возвратился на нашу сторону. Всѣ роты, бывшія у переправы, сбѣжались смотрѣть на удаль казака, встрѣтили его криками и рукоплесканіями, а я приказалъ скорѣе раздѣть его, вытереть водкой, напоить горячимъ чаемъ съ ромомъ, завернуть въ полушубокъ и бурку, и уложить возлѣ костра, гдѣ онъ почти моментально заснулъ богатырскимъ сномъ.

Около двухъ часовъ дня напоромъ льда обрушило часть мостковъ у противоположнаго берега, но къ счастью на мелкомъ мѣстѣ, такъ что нѣсколько человѣкъ только выкупались. За стрѣлками переходили рѣку сводные баталіоны второй бригады, а затѣмъ, лишь въ сумерки, дошла очередь до Ново-ингерманландцевъ. Переправа въ бродъ артиллерійскихъ лошадей и казаковъ, во главѣ которыхъ пошелъ ихъ полковой командиръ, полковникъ Кузнецовъ, совершилась благополучно. Я переправился уже подъ вечеръ и, чтобы вы-

ждать окончанія перехода Ново-ингерманландскаго полка, остановился на желѣзнодорожной станціи Іени-Михалесы, въ полуверстѣ отъ рѣки и въ 5 верстахъ отъ деревни того же имени, гдѣ назначилъ сборъ и ночлегъ всего отряда. Въ станціонномъ домѣ мы застали еще трехъ служащихъ: начальника станціи—Швейцарца, телеграфиста изъ Грековъ и нѣмецкаго инженера. Разсыпаясь въ увѣреніяхъ, что рады нашему приходу, они предлагали намъ свои квартиры и покуда мы пили чай, другъ передъ другомъ пускались разсказывать о перенесенномъ ими страхѣ отъ нашествія на станцію бѣжавшаго населенія. По ихъ словамъ, съ 30-го декабря всѣ поѣзда, подвозившіе войска къ Филиппополю, захватывались эмигрантами силою. Не только вагоны и платформы набивались биткомъ, но женщины и дѣти лѣзли на крыши, цѣплялись за подножки, хватались за буфера. Только-что отходилъ одинъ поѣздъ, какъ налетала новая толпа бѣглецовъ съ кинжалами и ятаганами и требовала вагоновъ, а ихъ не было. Хотя правленіе дороги и предписывало, чтобы всѣ служащіе оставались на мѣстахъ, но большая часть ихъ ушла въ города, занятые нашими войсками. Принявшіе насъ умоляли меня оставить на станціи хотя роту, для охраны ихъ отъ набѣга башибузуковъ. Швейцарецъ разсказывалъ, что еще до боя подъ Филиппополемъ Сулейманъ велѣлъ Туркамъ уходить въ Азію, и уходя все жечь и уничтожать, что сообщеніе съ Андріанополемъ прервано и что у Трнова появились сильные русскіе отряды.

Между тѣмъ, посланные къ рѣкѣ узнавать о ходѣ переправы ординарцы привозили на станцію все менѣе и менѣе утѣшительныя извѣстія. Вслѣдствіе усилившихся порывовъ вѣтра, въ 8-мъ часу, мостки снова обломились, но и тутъ саперы выручили пѣхоту: въ полтора часа все было исправлено, и переходъ продолжался. Узнавъ объ этомъ, я оставилъ на станціи переправившіяся роты Ново-ингерманландцевъ, самъ же съ сводными баталіонами перешелъ въ деревню, на шоссе, гдѣ посланный впередъ съ казаками адъютантъ отвелъ для штаба опустѣлый домъ, проходя къ ко-

торому по большому двору, приходилось натыкаться на какія-то занесенныя снѣгомъ кучи,—то были трупы...

— Мерзѣйшій ночлегъ, ваше превосходительство, сказалъ встрѣтившій меня адъютантъ,—да выбрать не изъ чего; все разрушено и повсюду масса всякихъ труповъ.

Ежеминутно опасаясь за участь переправы, въ 12-мъ часу ночи я послалъ къ ней Крестовскаго еще разъ взглянуть, что тамъ дѣлается и узнать, начали ли переходить Старо-ингерманландцы, а также — какія приняты мѣры для подвода снесеннаго внизъ парома. Возвратясь далеко за полночь, Крестовскій доложилъ, что переправа, при поднявшейся бурѣ, крайне затруднительна: людей чуть не срываетъ съ мостковъ, снѣгъ бьетъ имъ прямо въ лицо, залѣпляя глаза, холодъ проникаетъ до костей, доски обледенѣли такъ, что двигаться можно только съ крайнею осторожностью, и что, вслѣдствіе этого, дай Богъ, чтобы послѣдній баталіонъ могъ перейти къ разсвѣту, а о полкѣ графа Татищева ранѣе завтрашняго дня и думать нечего. Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Крестовскій ночную картину переправы: „представьте себѣ, при завываніи вѣтра въ лѣсу противоположнаго берега, освѣщеннаго кострами и миріадами крутящихся въ воздухѣ искръ и огненныхъ языковъ,— шумъ волнъ, трескъ льдинъ, напирающихъ на мостки и ихъ скрыпъ подъ ногами солдатъ, которые, закутавъ головы въ башлыки, съ ружьями на перевѣсъ, осторожно подвигаются по обледенѣлымъ мосткамъ, въ то время какъ вѣтеръ неистовыми порывами рветъ полы шинелей, а въ воздухѣ крутятся кучи снѣжной метели“.

Войдя въ отведенную мнѣ хату, я какъ убитый уснулъ на покрытой ковромъ кучѣ добытаго казаками сѣна. Несмотря на впечатлѣнія этого памятнаго дня и озабочивавшія меня мысли, усталость взяла свое.

Заканчивая этимъ свое повѣствованіе, подвожу итоги дѣйствій бывшаго подъ моимъ начальствомъ отряда и ихъ послѣдствія. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) Въ привлеченіи на себя отъ Шипки и Филиппополя 6-ти непріятельскихъ таборовъ и полное ихъ разбитіе, со

взятіемъ неприступнаго укрѣпленія, оружія, двухъ знаменъ, орудія, транспорта и плѣнныхъ.

2) Въ распространеніи паники по всей долинѣ Гіопса и очищеніи турецкими войсками двухъ сильно укрѣпленныхъ ущелій у Калофера и Клиссуры, откуда Турки ушли, когда еще не состоялось паденіе Шипки.

3) Захватъ въ пользу войскъ громаднаго количества скота и всякаго рода запасовъ, что дало возможность продовольствовать отрядъ безъ расходовъ для казны.

4) Обезпеченіе съ запада праваго фланга войскъ, спускавшихся въ долину Тунджи.

5) Такое же обезпеченіе лѣваго фланга и затѣмъ тыла западнаго отряда, чего бы не случилось, еслибы Турки не были сбиты съ Траянова перевала."

Полагаю, что этихъ результатовъ достаточно для заключенія, что войска, составлявшія Траянскій отрядъ, свято исполняли свой долгъ и что обвинять ихъ въ медленности движеній не было основаній.

П. КАРЦОВЪ.

Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій.

ГЛАВА VI.

Отзывы земствъ, полученные изъ 21 губерніи.—Предложеніе подчинить крестьянское самоуправленіе надзору земства или мироваго института.—Всесословная волость.—Докладъ коммиссій и протоколы губернскаго земскаго собранія С.-Петербургской губерніи.—Отзывы Симбирскаго земства.—Земство Орловское. — Отзывы губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

Отзывы земствъ о волостномъ управленіи поступили изъ 21-й губерніи, а именно: изъ Курской, Самарской, Казанской, Таврической, Костромской, Вологодской, Уфимской, Полтавской, Харьковской, Орловской, Вятской, Калужской, Тульской, Бессарабской, Тверской, Воронежской, Херсонской, Олонецкой, Екатеринославской, Петербургской и Симбирской. Кромѣ протоколовъ губернскихъ земскихъ собраній всѣ почти эти губерніи прислали доклады коммиссій и управъ и такимъ образомъ число всѣхъ отзывовъ дошло до 53. Внутреннее содержаніе ихъ обусловливается взглядами самихъ земствъ на задачу, предложенную имъ правительствомъ. Спрошенныя о томъ, чѣмъ можно помочь крестьянамъ, чтобы возстановить пошатнувшееся ихъ самоуправленіе и говоря собственно о волостномъ управленіи, они совершенно вѣрно представляютъ какъ внутренніе недостатки его организаціи, такъ и причины существующей неурядицы, и не сходя тутъ съ почвы объективности, теряютъ

ее подъ собою, какъ только дѣло доходитъ до конечныхъ выводовъ. Вмѣсто того, чтобы въ проектахъ своихъ о преобразованіи волостнаго управленія имѣть въ виду исключительно крестьянскіе интересы и предлагать ближайшіе способы къ возстановленію пошатнувшагося крестьянскаго самоуправленія, они въ крестьянское дѣло вмѣшали свое собственное, земское и, поставивъ его на первый планъ, пришли къ выводамъ, не отличающимся своею убѣдительностію.

Земства Курское, Самарское, Таврическое, Костромское, Вологодское, Уфимское, Бессарабское, Воронежское и Екатеринославское, признавая необходимымъ сохранить сословныя крестьянскія учрежденія и имѣя передъ глазами своими горькій опытъ неудачнаго надзора и руководства ихъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, полагаютъ полезнымъ, одни—поручить крестьянское самоуправленіе надзору и руководству земства, а другіе—мировому институту. Не вдаваясь въ подробный анализъ этого предложенія, можно обратить вниманіе, лишь на то обстоятельство, что въ компетенцію ни того, ни другаго изъ этихъ институтовъ не входятъ тѣ функціи, которыя необходимы для выполненія возлагаемаго на нихъ совершенно не подходящаго имъ дѣла. Ставить вмѣсто уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія настоящую земскую управу или настоящаго мироваго судью, не расширивъ ихъ компетенціи и не приспособивъ ее къ новымъ функціямъ на нихъ возлагаемымъ, значитъ—еще болѣе запутать дѣло; слѣдовательно, прежде чѣмъ ихъ ставить на это мѣсто, необходимо преобразовать самихъ, и такимъ образомъ вопросъ о возстановленіи пошатнувшагося крестьянскаго самоуправленія сводится на вопросъ о предварительномъ преобразованіи земства и мироваго института въ этихъ цѣляхъ.

Другая группа земствъ—Казанское, Полтавское, Харьковское, Вятское, Калужское, Тульское, Тверское, Херсонское, Олонецкое и Петербургское—ухватились за модный тогда вопросъ, поднятый и дѣятельно пропагандировавшійся нашею журнальною и газетною прессою,—вопросъ о всесословной волости—и сочли за самое удобное, пользуясь на-

стоящимъ случаемъ, провести его въ жизнь, предложивъ правительству изъ крестьянской волости сдѣлать всесословную. Этимъ достигалось образованіе мелкой земской единицы, соприкасающейся съ народомъ, а черезъ посредство такого звена получалась вѣроятность осуществленія завѣтной мечты той части земской интеллигенціи, которая, не переставая горячо ратовать за снятіе всякой опеки съ народа, страстно добивается проникнуть въ него для того, чтобы взять на себя его руководительство.—Впрочемъ изъ докладовъ коммиссій и управъ, а также и протоколовъ губернскихъ земскихъ собраній видно, что этотъ модный вопросъ не вездѣ проходилъ гладко и встрѣчалъ подъ часъ вѣскія возраженія.

Такъ напримѣръ, изъ журнала Казанскаго губернскаго земскаго собранія видно, что гласный П. И. Останковъ прямо утверждаетъ, что крестьяне не высказываютъ желанія лишиться своего самоуправленія и мѣнять свою сословную волость на безсословную; другой гласный, В. И. Образцовъ, высказалъ, что въ данномъ случаѣ вопросъ касается крестьянскаго населенія, но мы не видимъ, чтобы общества сознавали эту нужду; еслибы крестьяне ее сознавали, то они могли бы провести свое ходатайство объ ней въ уѣздныхъ собраніяхъ, а такъ какъ тамъ постановленія объ этомъ нѣтъ, то можно предполагать, что крестьянскія общества вовсе не готовы къ этого рода самоуправленію. Трудъ коммиссіи, разработавшій проектъ всесословной волости, не былъ опубликованъ и гласные не могли ознакомиться съ нимъ и, хотя въ докладѣ пока ничего нѣтъ новаго, такъ какъ все это мы читали въ журналахъ и газетахъ, но недостатки могутъ быть исправлены только по всестороннемъ обсужденіи послѣдствій, а потому полагалъ бы полезнымъ оставить сужденіе о всесословной волости открытымъ до слѣдующаго экстреннаго земскаго собранія. Въ самыхъ преніяхъ, по вопросу о всесословной волости, заключаются существенныя противорѣчія. Одни гласные заявляютъ, что крестьянскія общества развились до той степени, какая требуется для успѣшнаго примѣненія къ нимъ предлагаемой реформы,

другіе утверждаютъ противное. Которое-нибудь мнѣніе должно же быть вѣрно. Въ первомъ случаѣ непонятно, почему крестьянскіе представители въ земскихъ собраніяхъ не заявляютъ о необходимости введенія всесословной волости, во второмъ — значитъ мы принимаемъ на себя обязанность измѣнить ихъ прежнія отношенія; а въ такомъ случаѣ нужно прежде взвѣсить, на сколько необходима и полезна эта реформа.

На это гласный С. В. Дьяченко возражая указалъ, что всѣ реформы, также какъ и крестьянская, шли сверху, а не снизу, и что г. Образцовъ проситъ отложить рѣшеніе, такъ какъ гласные незнакомы съ докладомъ коммиссіи, и въ то же время высказалъ, что всѣ его читали въ газетахъ, слѣдовательно и ознакомились; если же его отложить, то значитъ лишить себя права высказать свое слово, такъ какъ Особая Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, вѣроятно скоро окончитъ свой трудъ.

В. И. Образцовъ, возражая г. Дьяченко, высказалъ, что хотя всѣ реформы исходили сверху, но это не гарантировало насъ отъ такихъ реформъ, которыя по введеніи ихъ возбуждали ропотъ и быстро отмѣнялись; ссылка на реформу освобожденія крестьянъ не вѣрна, такъ какъ она явилась сверху только тогда, когда всѣми сознана была потребность въ этой реформѣ и она желалась отовсюду. Затѣмъ, хотя нѣкоторые гласные и знакомы съ докладомъ коммиссіи по газетамъ, но вѣдь громадная разница, читая, обсуждать или рѣшать вопросъ, а губернское собраніе должно крайне осторожно постановлять свои рѣшенія.

Далѣе изъ доклада коммиссіи Бѣжецкому земству Тверской губерніи, видно, что при обсужденіи предположеній организаціи всесословной волости были высказаны нѣкоторыми гласными слѣдующія мнѣнія: „желательно, чтобы волостнымъ старшиною былъ или мѣстный помѣщикъ, или крестьянинъ, но отнюдь не образованный пролетарій. Установленіе ценза для волостнаго старшины коммиссія отклонила и признала необходимымъ условіемъ грамотность. Но всѣ гласные изъ крестьянъ заявили, что волостными стар-

шинами будутъ во всесословной волости только лица — *пришлые чиновники, такъ сказать, приказные*; хотя имъ и указывалось на преобладаніе крестьянскаго населенія, они оставались при своемъ мнѣніи".

Наконецъ изъ дебатовъ самихъ сторонниковъ всесословной волости проглядываетъ сознаніе ими самими ея практической шаткости; такъ изъ протоколовъ коммиссіи Тверскаго губернскаго земства видно, что, при обсужденіи вопроса о способѣ избранія гласныхъ волостью, г.г. Ладыженскій и Гольцевъ находили, что непосредственное избраніе гласныхъ отъ волости неминуемо повлечетъ за собою исключеніе интеллигенціи изъ состава земства, что̀ нежелательно. Въ огражденіе интересовъ интеллигенціи, Гольцевъ предложилъ двойную систему выборовъ, а именно, чтобы волость избрала только выборщиковъ, которые, съѣхавшись въ центральномъ пунктѣ, избирали бы гласныхъ.

Мнѣніе это было поддержано г. Швейковскимъ; но другіе члены коммиссіи находили, что двойные выборы затруднительны и не приведутъ къ желанной цѣли, такъ какъ и при нихъ интеллигенція легко можетъ быть устранена отъ участія въ земствѣ. Созывъ же всѣхъ выборщиковъ въ центральномъ мѣстѣ представитъ на практикѣ большія неудобства, и если останавливаться на двойной системѣ выборовъ, то нужно съѣзды выборщиковъ допустить по округамъ. Желательно, чтобы въ земскомъ собраніи были представители отъ всѣхъ группъ населенія. Теперешній порядокъ выборовъ страдаетъ тѣмъ, что большинство, забравъ въ свои руки управленіе, не даетъ никакого выраженія меньшинству. Правильный порядокъ требуетъ, напротивъ, чтобы и меньшинство имѣло въ земствѣ своихъ представителей; только при развитіи оппозиціи большинство будетъ дѣйствовать производительно. Нельзя отрицать того, что, при непосредственномъ выборѣ гласныхъ отъ волости, есть нѣкоторая опасность для интеллигенціи, хотя и не такая большая, какъ предполагаютъ; но если бы даже и въ самомъ дѣлѣ часть интеллигенціи была бы устранена, то что же съ этимъ дѣлать? За то земство получитъ совсѣмъ иной характеръ,

болѣе приближающійся къ дѣйствительному народному представительству. Гл. Гольцевъ на это возражалъ, что, предвидя опасность, нѣтъ надобности допускать такую комбинацію выборовъ, при которой интеллигенція можетъ быть устранена.

Вопросъ этотъ оставленъ былъ на земскомъ собраніи открытымъ и не менѣе того изъ происходившихъ дебатовъ видно, что въ мнѣніяхъ сторонниковъ всесословной волости выказалось признаніе ими антагонизма, существующаго между сословіемъ крестьянскимъ и, выдающею себя за бессословную, интеллигенціею, въ такой степени, что для поддержанія ея тенденцій потребовалось придумывать новый, исключительно подлаженный подъ ея виды способъ выбора гласныхъ.

Подобныхъ выдержекъ изъ отзывовъ, получившихся отъ земствъ, можно было бы привести еще немало, и хотя въ нихъ ясно высказывалось несочувствіе крестьянъ къ всесословной волости, земство не останавливалось въ своихъ трудахъ по ея разработкѣ. Впрочемъ, чтобы дать болѣе отчетливое понятіе объ этихъ редакціонныхъ трудахъ земствъ, по проекту всесословной волости, мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ трудовъ по этому же предмету С.-Петербургскаго земства.

Соображенія С.-Петербурскаго земства о преобразованіи крестьянскаго самоуправленія.

Мнѣнія о необходимости упразднить отдѣльное управленіе дѣлами крестьянъ и устроить всесословную волость высказываются большинствомъ земства Петербургской губерніи; они встрѣчаются въ слѣдующихъ отзывахъ: въ журналѣ Петергофскаго земскаго собранія, въ журналѣ Гдовскаго земскаго собранія, въ докладѣ коммиссіи Лугскому земскому собранію, докладѣ земской управы Царскосельскому земскому собранію, докладѣ земской управы Шлиссельбургскому земскому собранію, докладѣ коммиссіи С.-Петербургскому губернскому земскому собранію и въ журналѣ С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія.

Петергофское земское собраніе представило свой проектъ переустройства крестьянскихъ учрежденій, безъ подробной мотивировки, въ однихъ только общихъ основныхъ чертахъ.

Оно считаетъ нужнымъ, „для общей организаціи земскаго самоуправленія и полнаго слитія волостныхъ и земскихъ учрежденій, признать низшею единицею—волость, преобразовавъ крестьянскую волость во всесословную (территоріальную) самостоятельную волость". Долженъ быть опредѣленъ minimum платежей, дающій право непосредственнаго участія въ волостныхъ сходахъ. Волостныя должностныя лица избираются „безъ различія сословій" на сходѣ. Сходъ имѣетъ право обложенія всѣхъ безъ различія сословій лицъ, принадлежащихъ къ волости; онъ составляетъ смѣту расходовъ, утверждаемую уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. „Надзоръ за дѣятельностью должностныхъ лицъ волости принадлежитъ всецѣло земскимъ учрежденіямъ". Но упраздняя отдѣльную крестьянскую волость, Петергофское земское собраніе признало нужнымъ сохранить для крестьянъ прежній волостной судъ, хотя съ значительными измѣненіями его компетенціи; относительно его оно постановило: „сохранивъ для крестьянскаго сословія волостной судъ, слѣдуетъ изъять изъ его вѣдѣнія всѣ уголовныя дѣла, съ передачею ихъ мировымъ учрежденіямъ. Въ виду же предполагаемаго уничтоженія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, рѣшенія волостныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ—подлежатъ пересмотру въ кассаціонномъ порядкѣ вмѣсто сихъ присутствій—особыхъ съѣздовъ изъ волостныхъ судей подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ мировыхъ судей".

Гдовское земское собраніе высказалось о всесословной волости въ столь же общихъ чертахъ, замѣтивъ только, что „введеніе ея въ дѣйствіе слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ согласія обывателей". Обложеніе имуществъ обывателей, по его проекту, производится не сходомъ, а земскимъ собраніемъ. Что касается волостнаго суда, то Гдовское земство также рѣшило его „сохранить для одного только крестьянскаго населенія", но нашло возможнымъ „предоста-

вить избирателямъ право выбора въ волостные судьи изъ всѣхъ лицъ обывателей безъ различія сословій". Съѣздъ волостныхъ судей подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи составляетъ инстанцію апелляціонную, а съѣздъ мировыхъ судей—кассаціонную. Кромѣ этого собраніе постановило: а) „Примѣненіе въ рѣшеніи волостнаго суда обычнаго права допустить только въ томъ случаѣ, если дѣйствительное существованіе принятаго въ основаніе рѣшенія обычая будетъ сторонами доказано; при чемъ необходимо для волостнаго суда изданіе сельско-судебнаго устава.

б) Изъ предѣловъ вѣдомства волостнаго суда должны быть изъяты дѣла о проступкахъ, за которыя уставомъ о нак., нал. мир. суд., опредѣляется тюремное заключеніе, съ отмѣною, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставленнаго нынѣ волостному суду права приговаривать къ тѣлесному наказанію.

в) Расширить компетенцію волостнаго суда по дѣламъ о раздѣлахъ крестьянскаго имущества и объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства цѣною до 500 рублей.

Коммиссія Лугскаго земства видитъ главную причину неуспѣшной дѣятельности крестьянскихъ учрежденій въ современномъ устройствѣ волости. „Волостное правленіе, по словамъ доклада, какъ учрежденіе наиболѣе близкое къ населенію, по необходимости сдѣлалось присутственнымъ мѣстомъ, исполняющимъ порученія правительства и земства. Оно не имѣетъ большею частью ни времени, ни силы для исполненія своей первоначальной задачи—заботы о пользахъ и нуждахъ крестьянъ. Работая наравнѣ съ другими органами управленія для всѣхъ сословій, оно оплачивается одними крестьянами". „Въ Лугскомъ уѣздѣ, говорится далѣе, потребность въ такихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ крестьяне могли бы принимать участіе совокупно съ лицами другихъ сословій, чувствуется уже давно; сдѣланы были даже попытки къ ихъ осуществленію. На самомъ дѣлѣ владѣльцы всѣхъ сословій уже сходятся между собою на тѣхъ волостныхъ съѣздахъ, на которыхъ, съ прошедшаго года, установляется порядокъ починки уѣздныхъ земскихъ дорогъ и опредѣляются необходимыя для того сред-

ства [1]). Стоитъ только распространить кругъ дѣйствій этихъ съѣздовъ, признать за постановленіями ихъ обязательную силу и дать избраннымъ ими лицамъ исполнительную власть для того, чтобы замѣнить существующую сословную волость другою, всесословною и территоріальною". Основанія на какихъ должна быть устроена эта всесословная волость, излагаются въ докладѣ въ 9 пунктахъ. Участвуютъ въ сходѣ: а) представители сельскихъ обществъ; б) не принадлежащіе къ сельскимъ обществамъ землевладѣльцы, имущество которыхъ оцѣнено для уплаты земскаго сбора не менѣе какъ въ 1000 р.; в) другія, живущія въ предѣлахъ волости не менѣе двухъ лѣтъ, лица, имущество которыхъ оцѣнено для уплаты земскаго сбора въ такую же сумму, и г) живущія въ предѣлахъ волости не менѣе двухъ лѣтъ лица, получившія высшее или среднее образованіе (п. 2). Сходъ избираетъ гласныхъ въ уѣздное земское собраніе, вслѣдствіе чего подлежатъ упраздненію существующіе землевладѣльческіе и крестьянскіе избирательные съѣзды (п. 4). Единственное условіе выбора волостнаго старшины и его помощниковъ—грамотность (п. 5). Вѣдѣнію старшины подлежатъ взысканіе налоговъ государственныхъ и земскихъ, вообще волостное хозяйство, дѣла, относящіяся къ полиціи благочинія и благоустройства, исполненіе порученій земской управы, завѣдываніе мѣстными дѣлами земскаго хозяйства (п. 6). Права налагать взысканія собственною властью старшины не имѣютъ (п. 7). Жалобы на сходъ приносятся уѣздному земскому собранію, а на старшину—уѣздной управѣ (п. 8). Судъ волостной сохраняется, и учреждается апелляціонная инстанція изъ мироваго судьи и трехъ волостныхъ судей (п. 9). Эта подробная программа новаго волостнаго устройства заключается заявленіемъ коммиссіи, что „крестьянское на-

[1]) Относительно успѣшности этихъ съѣздовъ любопытно заявленіе на Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласнаго Н. К. Шмита: „Все было тщательно обсуждено и даже было установлено количество расходовъ, но когда съѣздъ разъѣхался, то почти ничего изъ его предположеній выполнено не было, и дороги остались въ прежнемъ состояніи".

селеніе можетъ отнестись съ сочувствіемъ и довѣріемъ только къ такой всесословной волости, въ которой землевладѣльцы не пользовались бы большими правами, чѣмъ крестьяне, и должность старшины была бы доступна для всякаго грамотнаго крестьянина".

Царскосельская уѣздная управа въ своемъ докладѣ земскому собранію, послѣ общихъ соображеній о ненужности въ настоящее время крестьянской обособленности, установленной закономъ 19-го февраля 1861 г. въ виду переходнаго состоянія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, полагала необходимымъ „признать крестьянъ общинниковъ такими же землевладѣльцами, какъ и прочіе личные поземельные собственники въ уѣздѣ, и передать ихъ въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ сословій административныхъ учрежденій, съ тѣми лишь немногими исключеніями, которыя обусловливаются своеобразными особенностями быта сельскаго населенія; уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія упразднить, административно-хозяйственныя дѣла передать изъ нихъ въ земскія учрежденія, а судебныя въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій; существующія волости, какъ учрежденія наиболѣе хозяйственныя, обратить во всесословныя". Относительно устройства новыхъ волостей управа не проектировала никакихъ подробностей, и „въ виду установленія равноправности и устраненія всякаго различія между крестьянами, также для поднятія матеріальнаго ихъ благосостоянія и упроченія порядка въ обществахъ сельскихъ" она предложила нѣсколько мѣръ, изъ которыхъ отмѣтимъ: а) освобожденіе старшинъ и старостъ отъ подчиненія полиціи и административныхъ взысканій, съ тѣмъ, чтобы взысканія за проступки по должности налагались по суду (п. 5); б) предоставленіе волостному суду разсматривать и рѣшать дѣла, не стѣсняясь суммою 100 р., съ тѣмъ, чтобы на рѣшенія были допущены жалобы не только въ кассаціонномъ, но и въ апелляціонномъ порядкѣ (п. 8).

Въ докладѣ Шлиссельбургской управы земскому собранію повторяются о всесословной волости тѣ же соображенія, что въ проектахъ другихъ земствъ. Особенно обстоятельно ка-

сается управа положенія волостнаго старшины: она высказываетъ желаніе, чтобы были уменьшены занятія старшинъ, возложенныя на нихъ не по закону, а по домашнимъ распоряженіямъ разныхъ уѣздныхъ учрежденій, и чтобы было отмѣнено право полиціи наказывать старшинъ арестомъ. Пользу всесословной волости управа видитъ въ томъ, что „отъ введенія образованнаго элемента можно ожидать только лучшаго выбора должностныхъ лицъ и увеличенія контроля за ихъ дѣйствіями". Управа признаетъ необходимость особаго наблюденія и опеки надъ крестьянами, такъ какъ они еще не привыкли собой распоряжаться и попали во власть старшинъ и писарей, обращающихся съ ними совершенно деспотически. Говоря о волостномъ судѣ, управа проектируетъ апелляціонную инстанцію и изданіе сельско-судебнаго устава. Она предлагаетъ „разъяснить мировымъ судьямъ, что они должны строго придерживаться относительно подсудности Положенія о крестьянахъ, не принимая, вслѣдствіе неточнаго толкованія, кассаціонныхъ рѣшеній Сената, къ разбору мелкихъ проступковъ, совершенныхъ крестьянами въ предѣлахъ волости, при чемъ легко можетъ случиться, что за одно и то же дѣйствіе, напримѣръ, мелкое воровство, мировой судья приговоритъ къ тюремному заключенію, а волостной судъ къ простому кратковременному аресту".

Докладъ коммиссіи С.-Петербургскому земскому собранію представляетъ собою сводъ изложенныхъ мнѣній уѣздныхъ земствъ. Коммиссія въ началѣ старается охарактеризовать современное положеніе мѣстнаго управленія. „Разсматривая существующіе органы мѣстнаго управленія, говоритъ она, нельзя не убѣдиться, что въ учрежденіи ихъ не имѣется никакой руководящей системы мѣстнаго управленія; напротивъ, каждый органъ образованъ на совершенно самостоятельныхъ началахъ, и всѣ они не имѣютъ между собою ничего общаго; такимъ образомъ, учрежденія полицейскихъ управленій, исправниковъ, становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ основаны исключительно на бюрократическомъ началѣ, учрежденія крестьянскихъ присут-

ствій, волостныхъ и сельскихъ управленій основаны на сословномъ началѣ, учрежденія земскихъ собраній и управъ—на всесословномъ началѣ; всѣ эти учрежденія имѣютъ одну цѣль—благо населенія, и такъ какъ они дѣйствуютъ самостоятельно, то они должны или сталкиваться между собою въ своей дѣятельности, создавая вредный антагонизмъ между правительственными и общественными учрежденіями, или относиться совершенно равнодушно къ своимъ обязанностямъ. Мѣстное управленіе только тогда можетъ вполнѣ удовлетворять своей цѣли, когда оно основано на довѣріи къ населенію, и когда оно имѣетъ въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть; при существующей же массѣ учрежденій въ уѣздахъ, нѣтъ дѣйствительнаго органа правительственной власти, а также дѣйствительнаго самоуправленія". Затѣмъ, обращаясь къ отдѣльному крестьянскому управленію, коммиссія признаетъ его излишнимъ. Крестьянскія учрежденія не входятъ въ дѣла, предоставляемыя исключительному вѣдѣнію сельскаго общества, волость въ большинствѣ случаевъ удовлетворяетъ интересамъ общаго управленія, а для одного волостнаго суда не нужно сохранять особый органъ управленія. Устройство поземельныхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами окончено, а что касается обязанности крестьянскихъ учрежденій по надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ, коммиссія полагаетъ, что „истекшія 20 лѣтъ должны были пріучить крестьянское населеніе къ самоуправленію, которое, по убѣжденію коммиссіи, для успѣха своего отправленія нуждается не въ надзорѣ и опекѣ какихъ бы то ни было учрежденій, а въ предоставленіи оному самостоятельности[1]). Только при этомъ условіи оно въ состояніи будетъ принести пользу населенію, конечно, установивъ строгую судебную отвѣтственность обществъ и должностныхъ лицъ за нарушеніе установленныхъ законовъ и интересовъ частныхъ лицъ". Крестьянское управленіе должно утратить свой сословный характеръ. „Сослов-

[1]) Мнѣніе, прямо противоположное сейчасъ приведенному заявленію Шлиссельбургской управы.

ные и особенно общинные интересы населенія могутъ быть вполнѣ удовлетворены въ существующемъ сельскомъ обществѣ, затѣмъ всѣ интересы, относящіеся до общаго порядка управленія, должны быть сосредоточены въ волости и удовлетворяться не однимъ крестьянскимъ населеніемъ, но всѣмъ населеніемъ, проживающимъ въ предѣлахъ волости". Это облегчитъ крестьянскіе расходы и уничтожитъ отчужденность крестьянства отъ другихъ сословій: образованныя и состоятельныя лица пріобрѣтутъ возможность принести населенію непосредственную пользу своими средствами и знаніями. „Но такъ какъ, продолжаетъ докладъ, обязательное введеніе всесословной волости можетъ возбудить различныя недоразумѣнія, въ особенности недовѣріе со стороны крестьянскаго населенія, и опасенія со стороны владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ новаго обложенія ихъ имуществъ и подчиненія ихъ лично волостному управленію: эти обстоятельства вынуждаютъ при учрежденіи всесословной волости дѣйствовать осторожно и постепенно, вводя ее въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе пожелаетъ ея введенія, что могло бы быть выражаемо приговорами сельскихъ или волостныхъ сходовъ отъ крестьянскаго населенія и истребованіемъ отзывовъ отъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ предѣлахъ предполагаемой къ открытію всесословной волости. Хотя при подобномъ порядкѣ возможно будетъ одновременное существованіе въ каждомъ уѣздѣ крестьянской и всесословной волости, коммиссія не усматриваетъ въ этомъ никакого затрудненія, такъ какъ обязанности ихъ по общественному управленію волостями и отношенія ихъ къ мѣстному уѣздному управленію будутъ однѣ и тѣ же". Коснувшись волостнаго суда, коммиссія нашла необходимымъ сохранить его на время, пока онъ силою вещей самъ не станетъ излишнимъ. Такимъ образомъ коммиссія выработала слѣдующія предложенія:

1) Допустить образованіе всесословной волости, на основаніи нижеслѣдующихъ главныхъ началъ:

а) всесословная волость образуется изъ обывателей всѣхъ сословій извѣстной мѣстности;

б) каждый обыватель волости, платящій съ своего недвижимаго имущества, торговаго заведенія или промысла земскій сборъ опредѣленнаго размѣра, имѣетъ право на участіе въ выборѣ лицъ волостнаго общественнаго управленія; обыватели, накопившіе недоимку означенныхъ сборовъ болѣе годичнаго ихъ оклада лишаются права голоса;

в) волостному общественному управленію принадлежитъ въ волости полицейская и распорядительно-хозяйственная власть;

г) хозяйственныя потребности волости удовлетворяются налогомъ, взимаемымъ съ предметовъ земскаго обложенія въ процентѣ къ стоимости ихъ по земской оцѣнкѣ; способъ исполненія натуральныхъ повинностей предоставляется усмотрѣнію волостнаго общественнаго управленія; maximum обложенія какъ денежными, такъ и натуральными повинностями, опредѣляется закономъ;

д) уѣзднымъ земскимъ собраніямъ предоставляется право надзора за правильностью и уравнительностью обложенія имуществъ на волостныя потребности;

е) въ волостные головы и въ члены волостныхъ управъ могутъ быть избираемы только грамотныя лица;

ж) всесословная волость вводится въ дѣйствіе, вслѣдствіе выраженнаго согласія крестьянскаго населенія въ сельскихъ или волостныхъ приговорахъ и по полученіи на сіе согласія отъ половины землевладѣльцевъ, по количеству платимаго ими налога; разрѣшеніе на приведеніе въ дѣйствіе всесословной волости дается уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, если оно признаетъ отзывы меньшинства землевладѣльцевъ неуважительными; вмѣстѣ съ симъ, собраніе опредѣляетъ число уѣздныхъ гласныхъ, избираемыхъ отъ всесословной волости.

2) Существующій волостной судъ остается и при введеніи всесословной волости исключительно для крестьянскаго населенія, но въ видахъ улучшенія его предположены слѣдующія мѣропріятія:

а) избраніе волостныхъ судей производится выборщиками отъ сельскихъ обществъ, но избираемы могутъ быть всѣ обыватели волости, безъ различія сословій;

б) въ каждомъ мировомъ участкѣ учреждается съѣздъ волостныхъ судей подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго мироваго судьи, для разсмотрѣнія дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, съ допущеніемъ кассаціонныхъ жалобъ въ мировой съѣздъ;

в) примѣненіе обычнаго права допускается лишь въ томъ случаѣ, когда существованіе этого права можетъ быть доказано письменными приговорами сельскихъ обществъ и рѣшеніями волостнаго суда;

г) издать сельскій судебный уставъ для правильнаго разрѣшенія дѣлъ по проступкамъ;

д) отмѣнить тѣлесныя наказанія;

е) предоставить волостному суду разсмотрѣніе дѣлъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и о раздѣлахъ крестьянскаго имущества какъ недвижимаго, такъ и движимаго, цѣною до 500 рублей;

ж) изъять изъ вѣдомства волостнаго суда уголовные проступки, влекущіе за собою по уставу о нак., нал. мир. суд., тюремное заключеніе".

Этотъ докладъ коммиссіи вызвалъ въ губернскомъ земскомъ собраніи весьма оживленныя пренія, особенно сосредоточившіяся на вопросахъ о самой необходимости всесословной волости, о лицахъ, въ ней участвующихъ, о постепенности ея введенія, объ оставленіи волостнаго крестьянскаго суда и объ изъятіи изъ его вѣдѣнія дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ за собой тюремное заключеніе.

Гласный Н. К. Шмитъ высказалъ слѣдующее мнѣніе о всесословной волости: „Предложеніе объ образованіи всесословныхъ волостей, очевидно, имѣетъ въ виду ломку нынѣ существующихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ; выдвигая что-либо новое, необходимо указать и мотивы, вызывающіе реформу. Такимъ мотивомъ въ данномъ вопросѣ могли бы быть или потребности въ сельскомъ населеніи, или потребности въ земствѣ. Гласный Н. К. Шмитъ лично не слыхалъ и не знаетъ о какихъ-либо заявленіяхъ со стороны крестьянъ въ пользу всесословной волости, и ему думается, что врядъ ли крестьяне пожелали бы поставить свое само-

управленіе въ предлагаемыя новыя рамки. Указывается между прочимъ на то, что образованныя и состоятельныя лица, вступивъ въ составъ всесословной волости, своими средствами и знаніями принесутъ крестьянскому населенію непосредственную пользу и будутъ способствовать уничтоженію отчужденности крестьянскихъ населеній отъ остальныхъ сословій. Врядъ ли можно смотрѣть на такое мнѣніе, какъ на серіозный мотивъ въ пользу всесословной волости. Образованные люди, живя и въ настоящее время въ уѣздахъ, имѣютъ, безъ всякой регламентаціи, вліяніе на крестьянъ и при томъ нерѣдко вліяніе плодотворное. Такъ какъ предполагаемыя волостныя управы по-прежнему будутъ составлять низшую ступень уѣздной администраціи, то надежда видѣть въ числѣ членовъ ихъ серіозно образованныхъ и состоятельныхъ людей болѣе чѣмъ сомнительна. Но требуетъ ли само земство ломки нынѣ существующихъ учрежденій? На это отвѣта въ соображеніи коммиссіи не имѣется, а измѣненіе избирательнаго порядка ничѣмъ не мотивировано, и врядъ ли можно услыхать основательные къ тому мотивы. Вообще весь этотъ вопросъ далеко еще не созрѣлъ и требуетъ самой тщательной и осторожной разработки".

Мнѣніе г. Шмита поддерживалъ гласный А. И. Васильевъ, возражалъ противъ него гласный К. К. Арсеньевъ. Сущность возраженія сводилась къ тому, что нынѣшнія волости менѣе всего заняты работою крестьянскою, исполняютъ кое-какъ требованія правительственныя и почти совсѣмъ не исполняютъ требованій земства, которое лишено всякой возможности ихъ къ тому понудить; необходимость ихъ преобразованія вызывается слѣдовательно потребностями государственными, земскими и крестьянскими. Необходима всесословная волость для правильнаго распредѣленія тягостей среди населенія и для непосредственнаго сближенія образованныхъ лицъ съ крестьянствомъ, сглаженія въ послѣднемъ въ отношеніи другихъ сословій многихъ привычекъ и воззрѣній.—Земское собраніе приняло предложеніе коммиссіи по этому вопросу.

Пунктъ б. отд. 1 доклада коммиссіи вслѣдствіе возраже-

ній гласныхъ Н. Н. Волкова и К. К. Арсеньева получилъ такую редакцію: „представители крестьянскаго сословія отъ 10 дворовъ и каждый обыватель волости, платящій земскій сборъ опредѣленнаго размѣра, имѣютъ право какъ на участіе въ выборѣ лицъ волостнаго общественнаго управленія прямо или посредственно, такъ и быть избранными; обыватели, накопившіе недоимку означенныхъ сборовъ, болѣе годичнаго ихъ оклада, лишаются права голоса".

Пунктъ ж. отд. 1 вызвалъ возраженіе К. К. Арсеньева, предложившаго признать желательнымъ повсемѣстное, одновременное, обязательное введеніе всесословной волости. Гласный А. И. Янковъ предложилъ обусловить введеніе всесословной волости спеціальнымъ постановленіемъ уѣзднаго земскаго собранія. Защитники обязательнаго введенія всесословной волости находили, что такое важное дѣло нельзя ставить въ зависимость отъ согласія или несогласія отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ одни не понимаютъ его благодѣтельности, другіе противодѣйствуютъ изъ личныхъ видовъ, какъ напр. крупные землевладѣльцы; что одновременное существованіе двухъ типовъ волостей неудобно и вызоветъ неудовольствія, что организація волости обусловливаетъ устройство губернскаго и уѣзднаго управленія. На это возражали, что обязательность введенія вызоветъ недовѣріе и усилитъ предубѣжденія противъ новаго типа волости, что и для крупныхъ землевладѣльцевъ всесословная волость выгодна, избавляя ихъ отъ иныхъ расходовъ. Пренія заключились принятіемъ предложенія г. Янкова.

Относительно волостнаго суда были высказаны такія мнѣнія: гласный М. А. Ратьковъ-Рожновъ предложилъ его уничтожить, въ виду его неудовлетворительности, превосходства писаннаго закона передъ обычаемъ. Ненормальность существованія сословнаго учрежденія въ волости всесословной была главнымъ доводомъ въ пользу мнѣнія гласнаго Н. А. Митинскаго о подчиненіи волостному суду обывателей волости безъ различія сословій. Наконецъ гласный Н. Н. Волковъ предложилъ дополнить предложеніе коммиссіи слѣдующими словами: „и для лицъ, по взаимному соглаше-

нію обращающихся къ волостному суду, въ предѣлахъ его подсудности". Въ результатѣ преній было принято предложеніе коммиссіи съ дополненіемъ г. Волкова.

Наконецъ, по вопросу объ изъятіи изъ вѣдѣнія волостнаго суда дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ за собой тюремное заключеніе по уст. о нак., нал. мир. суд., было высказано мнѣніе, что этого рода мѣра можетъ сильнѣйшимъ образомъ повредить народной нравственности: законъ относительно этихъ проступковъ непомѣрно строгъ, мировой судья связанъ въ выборѣ наказанія; проступки, по суду волостному, наказуемые простымъ кратковременнымъ арестомъ, по суду мировому влекутъ за собой тюремное заключеніе, и при несовершествѣ тюремной системы, такое наказаніе въ конецъ развращаетъ провинившагося. Но противъ этого возражали, что слѣдуетъ улучшить тюремную систему и дать большій просторъ мировымъ судьямъ, и мнѣніе коммиссіи было утверждено.

Остальныя предложенія коммиссіи прошли почти безъ преній.

Покончивъ съ С.-Пербургскимъ земствомъ, входящимъ въ число желающихъ ввести всесословную волость, перейдемъ къ земству Симбирскому, не находящему особыхъ препятствій къ охраненію и возстановленію пошатнувшагося самоуправленія, дарованнаго крестьянамъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Соображенія, принятыя большинствомъ коммиссіи уполномоченныхъ отъ уѣздныхъ земствъ Симбирской губерніи при составленіи проекта земской волости.

Волостныя правленія, по Положенію 19-го февраля 1861 г., были учреждены для завѣдыванія хозяйственными дѣлами волости и для исполненія нѣкоторыхъ полицейскихъ обязанностей въ ея предѣлахъ. Находясь подъ непосредственнымъ надзоромъ мировыхъ посредниковъ, которые были облечены значительной властью, волостныя правленія въ первые четыре года крестьянской реформы исполняли свои обязанности удовлетворительно. Волостные старшины дѣйствовали подъ ближайшимъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ,

и хотя они по закону могли распоряжаться въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, самостоятельно, но, по установившемуся въ то время порядку управленія, они были помощниками мировыхъ посредниковъ по надзору за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ.

Этотъ характеръ волостнаго управленія началъ быстро измѣняться къ худшему послѣ введенія въ дѣйствіе земской и судебной реформъ, которыя содѣйствовали обѣдненію института мировыхъ посредниковъ личными силами и ограниченію ихъ власти. Непосредственное участіе въ управленіи крестьянскими дѣлами, которымъ характеризуется дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва, было замѣнено однимъ формальнымъ надзоромъ, выражавшимся въ разсмотрѣніи жалобъ на неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія. Рядомъ съ мировыми посредниками явились мировые судьи и члены земскихъ управъ, которые стали обращаться къ волостнымъ правленіямъ, какъ къ своимъ исполнительнымъ органамъ, съ предписаніями и указаніями, и очень скоро заняли положеніе начальства надъ волостными старшинами. Власть мироваго посредника была парализована, а въ 1874 году самая должность мироваго посредника упразднена и обязанности по надзору за крестьянскимъ управленіемъ возложены были на уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, неудовлетворительность которыхъ коммиссія не считаетъ нужнымъ доказывать, въ виду высказанныхъ по этому предмету основательныхъ мнѣній уѣздныхъ земскихъ собраній. Безпорядки и злоупотребленія въ волостныхъ правленіяхъ, начавшіеся со времени введенія земскихъ учрежденій и судебно-мироваго института и съ паденіемъ авторитета власти мировыхъ посредниковъ, начали развиваться безпрепятственно, когда волостныя правленіи и все крестьянское сословіе осталось безъ всякаго руководства, послѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ.

Главными причинами неудовлетворительности волостныхъ правленій, по мнѣнію коммиссіи, являются:

1) Зависимое и подчиненное отношеніе волостныхъ прав-

леній къ представителямъ всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ властей и право, предоставленное уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и уѣзднымъ исправникамъ, — подвергать волостныхъ старшинъ аресту, который считается въ глазахъ крестьянъ позорнымъ наказаніемъ.

2) Отсутствіе непосредственнаго руководства надъ дѣйствіями волостныхъ правленій. 20-ти лѣтній опытъ показалъ, что крестьянское сословіе, не обладающее необходимыми элементами для управленія внѣ предѣловъ общиннаго быта, не можетъ выставить изъ своей среды достаточное число лицъ, способныхъ къ служебной дѣятельности, требующей самостоятельности. Безъ надлежащаго руководства, должностныя лица крестьянскаго сословія весьма нерѣдко подпадаютъ подъ самыя дурныя вліянія и не могутъ поддерживать авторитетъ предоставленной имъ власти.

3) Обремененіе волостныхъ правленій массой порученій отъ различныхъ вѣдомствъ по хозяйственной, административной, полицейской, финансовой и другимъ частямъ управленія, удовлетворительное исполненіе коихъ является не по средствамъ нынѣшнему составу волостныхъ правленій, которыя не имѣютъ ни времени, ни умственныхъ и образовательныхъ силъ для работъ, на нихъ возлагаемыхъ.

Коммиссія пришла къ заключенію о необходимости поднять среди крестьянскаго населенія авторитетъ волостной власти, т. е. той власти, которая входитъ въ ближайшее непосредственное отношеніе къ крестьянскому населенію и которая по условіямъ своей дѣятельности, можетъ водворить правомѣрный порядокъ въ общественномъ крестьянскомъ управленіи; для чего, по мнѣнію коммиссіи, необходимо во главѣ волостнаго управленія поставить лицо, облеченное значительной властью, независимое по своему положенію, представляющее гарантію необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, способное дать защиту сельскому населенію отъ обидъ и притѣсненій и принять на себя отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ волости. Указанныя условія требуютъ соединенія въ рукахъ представителя волости власти судебной и административной. При

раздѣленіи этихъ властей, лицо, поставленное во главѣ волости, не будетъ въ состояніи удовлетворять потребностямъ крестьянскаго населенія, интересы котораго по его численности должны занимать первенствующее положеніе, и не будетъ въ состояніи пріобрѣсти надлежащій авторитетъ. Если строгое отдѣленіе суда отъ администраціи признается необходимымъ въ областномъ и центральномъ государственномъ управленіи, то послѣдовательное проведеніе этого принципа въ управленіи мѣстномъ, ближайшемъ къ населенію, находитъ себѣ оправданіе лишь въ однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, которыя коммиссія не можетъ признать основательными. Условія быта нашего сельскаго населенія не представляютъ данныхъ для строгаго разграниченія потребностей юридическихъ отъ потребностей въ управленіи вообще. Всякое нарушеніе правомѣрнаго порядка, имѣетъ ли оно въ основаніи гражданскую сдѣлку или насиліе лица, проистекаетъ ли оно отъ злоупотребленій низшихъ чиновъ полиціи или отъ бездѣятельности сельскихъ властей—крестьянинъ одинаково считаетъ обидой, и ищетъ власти, которая бы могла его защитить отъ этихъ обидъ. Въ настоящее время крестьянское населеніе такой власти не находитъ. Система раздѣленія властей и разграниченія ихъ компетенціи, характеризующая существующій порядокъ управленія, весьма мало способствуетъ, какъ намъ показываетъ опытъ, водворенію правомѣрнаго порядка. Эта система является, напротивъ, одной изъ главныхъ причинъ современной безурядицы и безвластія. Крестьяне не знаютъ, куда имъ обращаться съ своими жалобами, и по неволѣ должны прибѣгать къ помощи повѣренныхъ, которые, составляя самый безнравственный классъ сельскаго населенія, эксплоатируютъ крестьянъ, забирая мало-по-малу всѣ отрасли управленія въ свои руки.

Судебно-мировой институтъ, съ его исключительной судебной властью, принесъ весьма мало пользы народу. Не участвуя самъ непосредственно въ управленіи и занимая, если можно такъ выразиться, критикующее положеніе, онъ много содѣйствовалъ подорванію авторитета административ-

ныхъ властей, но нисколько не содѣйствовалъ прекращенію злоупотребленій. Стѣсненные формализмомъ въ своихъ рѣшеніяхъ, мировые судьи не могли развить уваженіе къ суду, и лишь способствовали развитію адвокатуры и кляузничества. Но существенный вредъ полнаго отдѣленія суда отъ администраціи въ мѣстномъ управленіи заключается въ томъ, что судебно-мировой институтъ отнимаетъ самыя лучшія нравственныя и умственныя силы земства, такъ какъ независимое и безотвѣтственное положеніе, хорошее вознагражденіе и относительно малый трудъ побуждаютъ большинство способныхъ лицъ предпочитать должности мировыхъ судей всѣмъ другимъ должностямъ, болѣе отвѣтственнымъ и требующимъ большей работы.

Всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ къ убѣжденію въ необходимости соединенія административныхъ и судебныхъ обязанностей въ лицѣ начальника волости, называемаго *земскимъ судьей*, которому присвоивается власть бывшаго мироваго посредника, власть судебно-полицейская, и на котораго возлагаются: 1) отвѣтственность за общій порядокъ и спокойствіе въ волости; 2) отправленіе правосудія въ предѣлахъ, предоставленныхъ нынѣшнимъ мировымъ судьямъ; 3) завѣдываніе нѣкоторыми сельско-хозяйственными дѣлами; 4) наблюденіе за поступленіемъ казенныхъ и земскихъ сборовъ. Границы волостей должны быть расширены до размѣра двухъ или трехъ нынѣшнихъ волостей. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ размѣры ихъ слишкомъ малы, будущія волости могутъ быть составлены изъ четырехъ такихъ волостей. Будущей единицѣ управленія предполагается дать названіе *земской волости*.

Земскій судья долженъ быть лицо выборное уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и стоять въ равной степени съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Съ учрежденіемъ должности земскаго судьи во главѣ волости, будутъ устранены, по мнѣнію коммиссіи, всѣ тѣ недостатки нынѣшней системы управленія, которые съ такой очевидностью выяснились за послѣднее десятилѣтіе. Представители власти съ необходимымъ нравственнымъ авто-

ритетомъ будутъ поставлены въ прямое, непосредственное отношеніе къ населенію. Крестьянское сословіе получитъ руководителя въ своемъ общественномъ управленіи. Земскіе судьи явятся дѣйствительными хранителями земскаго мира, всякое нарушеніе котораго можетъ быть быстро возстановлено. Земство въ лицѣ ихъ пріобрѣтетъ агентовъ по многимъ дѣламъ земскаго управленія, хорошо знакомыхъ со всѣми мѣстными нуждами волости. Что же касается въ частности до судебныхъ обязанностей будущихъ земскихъ судей, то коммиссія полагаетъ, что земскому судьѣ должно быть предоставлено право, по желанію тяжущихся, разбирать дѣла порядкомъ, установленнымъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г. для мировыхъ посредниковъ (ст. 40—77 пол. общ. учр. по крест. дѣламъ).

Опредѣливши характеръ и значеніе власти земскаго судьи, какъ начальника волости, и приступая къ опредѣленію состава будущаго волостнаго управленія, коммиссія нашла нужнымъ войти въ обсужденіе тѣхъ доводовъ, которые приводятся въ пользу весьма, въ послѣднее время, распространеннаго мнѣнія о необходимости уничтоженія сословно-крестьянскаго характера волости и объ организаціи волости всесословной. Мысль о такой реформѣ волости, по мнѣнію коммиссіи, не находитъ себѣ оправданій въ практическихъ условіяхъ и потребностяхъ жизни. Созданіе такой хозяйственной единицы явится насиліемъ надъ жизнью, которая не выработала никакихъ данныхъ для объединенія имущественныхъ интересовъ населенія волости. Такая мелкая всесословная хозяйственная единица явится учрежденіемъ чисто искусственнымъ, которая, кромѣ того, не будетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обладать необходимыми умственными и нравственными силами для сложнаго хозяйственнаго управленія. Практическая невозможность уравновѣсить элементы землевладѣльческій и крестьянскій въ волостномъ управленіи поведетъ за собою несправедливое подавленіе интересовъ одного изъ этихъ элементовъ въ пользу другаго и можетъ имѣть въ результатѣ не сближеніе, а взаимный антагонизмъ сословій. Не усматривая такимъ об-

разомъ пользы отъ организаціи всесословной волости, комиссія не можетъ не опасаться вредныхъ результатовъ такой коренной реформы.

Власть земскаго судьи будетъ имѣть всѣ условія для разумнаго руководства крестьянскимъ управленіемъ, но для выполненія непосредственнаго наблюденія, для отправленія крестьянскаго правосудія, и вообще для успѣшнаго хода всего крестьянскаго управленія, земскому судьѣ необходимы помощники, хорошо знакомые съ бытомъ и нуждами крестьянскаго населенія волости. Такими помощниками, по убѣжденію коммиссіи, могутъ быть только лица, принадлежащія къ крестьянскому сословію и избираемыя самимъ крестьянскимъ населеніемъ волости. Посему, коммиссія пришла къ заключенію о необходимости сохранить сословное крестьянское волостное управленіе. Всѣ дурныя стороны нынѣшнихъ волостныхъ правленій объясняются не сословнымъ ихъ характеромъ, а отсутствіемъ руководства и обремененіемъ ихъ непосильной работой. Съ учрежденіемъ должности земскаго судьи, который, въ качествѣ начальника волости, дѣлается предсѣдателемъ волостнаго крестьянскаго управленія, дѣятельность должностныхъ лицъ, подъ ближайшимъ его руководствомъ, несомнѣнно будетъ направлена въ лучшую сторону.

Затѣмъ коммиссія изложила свой проектъ:

1) О земской волости и о земскомъ судѣ.
2) О волостномъ сходѣ.
3) О волостномъ управленіи.
4) О волостныхъ старшинахъ.
5) О волостномъ судѣ.
6) О земскомъ приставѣ.

Протоколы коммиссіи уполномоченныхъ отъ уѣздныхъ земствъ при Симбирской губернской земской управѣ заключаютъ въ себѣ пренія, которыя, къ сожалѣнію, рамки нашей статьи не позволяютъ изложить. Но всѣ онѣ сводятся къ вышесказанному, а именно къ учрежденію особой должности земскаго судьи, облеченнаго судебно-полицейскою

властью, которому и предполагается ввѣрить надзоръ и руководство надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ.

Бунское земство касается до расходовъ, вызываемыхъ новымъ учрежденіемъ земскихъ судей, и дѣлаетъ разсчетъ, который доказываетъ невозможность этого новаго учрежденія, а совѣтуетъ принять крестьянское управленіе въ вѣдѣніе земства.

Коммиссія *Сызранскаго* земства признаетъ нужнымъ уничтожить волость и волостныя управленія и замѣнить ихъ участками и участковымъ управленіемъ.

Въ заключеніе нельзя не указать на отзывъ *Орловскаго* земства, отрицающій пользу введенія всесословной волости. По мнѣнію его, вліятельный въ сельской средѣ и вредный классъ, противовѣсъ которому думаютъ найдти въ лучшихъ людяхъ данной мѣстности, войдетъ въ составъ волостныхъ земскихъ учрежденій и получитъ въ немъ перевѣсъ, уже не окольными путями, какъ теперь, а на почвѣ, открытой для него самимъ закономъ. Если и въ настоящее время въ волостныхъ сходахъ участвуютъ люди этого типа, то ихъ вліяніе сколько-нибудь умѣряется принадлежностью къ сельскимъ общинамъ, а въ земскую волость они войдутъ всѣ, большинство же изъ нихъ мѣщане и другіе разночинцы. Такимъ образомъ низменные и своекорыстные инстинкты получаютъ преобладаніе въ ущербъ интересамъ общиннымъ, а равно и интересамъ крупнаго личнаго землевладѣнія, представители коего будутъ съ перваго же шага отстранены числительною силою.

Переходимъ затѣмъ къ отзывамъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Ихъ представлено 14.

1) Докладъ *Уфимскаго* губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

2) Докладъ *Сумскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Харьковской губерніи.

3) Журналъ *Черниговскаго* губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

4) Журналъ *Бахмутскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Екатеринославской губерніи.

5) Журналъ *Оренбургскаго* губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

6) Докладъ *Царскосельскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Петербургской губерніи.

7) Записка предсѣдателя *Новохоперскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Воронежской губерніи.

8) Докладъ *Ардатовскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Нижегородской губерніи.

9) Журналъ *Нижегородскаго* губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

10) Мнѣніе *Гомельскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Могилевской губерніи.

11) Мнѣніе предсѣдателя *Сызранскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Симбирской губерніи.

12) Докладъ *Борисоглѣбскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Тамбовской губерніи.

13) Мнѣніе *Елецкаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Орловской губерніи.

14) Докладная записка непремѣннаго члена *Чухломскаго* по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Костромской губерніи.

Во всѣхъ этихъ отзывахъ есть очень много общаго и потому не представляется никакой надобности излагать ихъ въ отдѣльности. Большая часть изъ нихъ считаетъ упраздненіе уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій мѣрою, которая не поведетъ къ ущербу крестьянскаго самоуправленія. Этому самоуправленію несомнѣнно необходимы руководство и контроль, только совсѣмъ инаго рода, чѣмъ могло выполнять это, коллегіальное учрежденіе—уѣздное присутствіе, составленное изъ различныхъ элементовъ, среди которыхъ полиція, въ лицѣ исправника заняла преобладающее значеніе. Волостное и сельское управленія обратились въ органы исполнительные администраціи, земства и мировыхъ учрежденій и все это парализовало внутреннюю жизнь крестьянскаго самоуправленія. На должность старшинъ и старостъ стали попадать самые ничтожные люди, безграмот-

ные, захудалые; опутываемые міроѣдами они стали обращаться въ ихъ слѣпое орудіе. Пьянство и лихоимство охватили волостной и сельскій сходы и всякій порядокъ исчезъ; въ селеніяхъ воцарились безвластіе и неурядица.

По всему этому надзоръ и руководство за крестьянскимъ самоуправленіемъ крайне необходимы въ настоящее время, но ни уѣздное присутствіе, ни земство не въ состояніи быть здѣсь полезными. Земства, хотя и существуютъ болѣе 15 лѣтъ, но дѣятельность уѣздныхъ земствъ въ большинствѣ случаевъ была такая, что нельзя разсчитывать на улучшеніе крестьянскаго управленія отъ привлеченія земскихъ силъ. Не вдаваясь въ излишнія подробности, которыя бы обострили вопросъ, можно вывести заключеніе о характеристикѣ земской дѣятельности изъ разсмотрѣнія смѣтнаго назначенія большинства уѣздныхъ земствъ: половина, а иногда и болѣе, земскихъ сборовъ, добываемыхъ налогомъ на землю, идетъ на удовлетвореніе жалованьемъ земскихъ дѣятелей. Не смотря на это, видимаго, ощутительнаго улучшенія матеріальнаго благосостоянія народонаселенія, а также удовлетворенія хозяйственныхъ его нуждъ не замѣчается.

Для надзора же и руководства крестьянскому самоуправленію необходимо создать совершенно новыя должности. Въ уѣздѣ должны быть выбраны два, три лица, изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и утверждены въ этой должности министромъ внутреннихъ дѣлъ; они должны быть облечены властью, равною власти мировыхъ посредниковъ перваго періода. Посвящая свои труды исключительно толкованію крестьянамъ правъ и обязанностей, дарованныхъ имъ Положеніемъ 19 февраля, они будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы тѣ умѣли пользоваться закономъ, на которомъ основано ихъ самоуправленіе. Въ то же самое время эти лица должны ограждать сельскія власти отъ неправильнаго давленія на нихъ другихъ учрежденій, подчинившихъ ихъ себѣ, въ силу установившейся практики, а не закона, и только при такихъ условіяхъ возможно крестьянскому самоуправленію правильное отправленіе его функцій.

Нѣкоторыя изъ присутствій находятъ, что весьма важно

обратить вниманіе на размѣръ сельскихъ обществъ и волостей, расширившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далеко свыше нормы, опредѣленной общимъ положеніемъ. Существуютъ теперь волости, доходящія до 10 т. душъ населенія. Это ненормально и должно быть урегулировано въ интересахъ крестьянскихъ, такъ какъ объемы волостей до чрезвычайности неравномѣрны, а между тѣмъ каждая изъ нихъ несетъ одинаковые расходы по управленію, часто превышающіе размѣромъ своимъ налоги государственные и земскіе. Другія присутствія полагаютъ, что было бы полезно совсѣмъ упразднить волость, какъ искусственную административную единицу, и замѣнить ее болѣе нормальною единицею—приходомъ.

Для успѣшнаго дѣйствія сельскихъ властей необходимо производить имъ опредѣленное содержаніе въ такомъ размѣрѣ, который бы позволялъ имъ посвящать свои труды исключительно своимъ обязанностямъ, отложивъ заботы о своемъ хозяйствѣ. Сборъ податей возложить спеціально на сборщика, освободивъ отъ этой обязанности старшинъ и старостъ, которымъ поручить лишь наблюденіе за дѣйствіями сборщика.

Не мало говорится и о волостномъ судѣ, который присутствія находятъ совсѣмъ не отвѣчающимъ своему назначенію, по безграмотности большей части старшинъ и судей. Въ этихъ судахъ господствуетъ волостной писарь, постановляющій рѣшенія вовсе не по мѣстному обычаю, а на основаніи произвольно приводимыхъ имъ законовъ изъ X тома, а иногда изъ кассаціонныхъ рѣшеній сената.

Отмѣна ст. 163 и 165 общ. полож. о выкупѣ, по мнѣнію присутствій, была бы мѣрою крайне необходимою для воспрепятствованія саморазрушенію общины.

Но впрочемъ изъ числа присутствій, Сумское, Харьковской губерніи, находитъ объединеніе крестьянскаго самоуправленія съ земствомъ единственнымъ путемъ, которымъ возможно только выйти изъ настоящей неурядицы, а Царскосельское присутствіе, Петербургской губерніи, считаетъ за болѣе полезное совсѣмъ упразднить крестьянскія учрежденія. Въ 1875 г. въ этомъ уѣздѣ Красносельская,

Тосненская и Ижорская волости изъяты были изъ вѣдѣнія крестьянскихъ учрежденій и подчинены губернатору, который управляетъ ими, руководствуясь до-реформеннымъ уставомъ удѣльнаго вѣдомства. Волости эти съ того времени пришли въ цвѣтущее состояніе, а потому, если не найдено будетъ возможнымъ распространить тотъ же порядокъ и на остальныя волости Царскосельскаго уѣзда, то лучше всего крестьянъ здѣшнихъ подвести подъ категорію крестьянъ-собственниковъ и, уничтоживъ среди нихъ круговую поруку, а также и освободивъ ихъ отъ обязанности поддерживать общинное владѣніе, предоставить имъ вѣдать всѣ дѣла свои въ общихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ.

N.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Памяти Р. Вагнера.

Умеръ волшебникъ; безмолвно надъ свѣжей могилою
Стелется вѣчнаго неба просторъ;
Тихо, но въ сердцѣ звучитъ съ возрастающей силою
Чудный, незримо-таинственный хоръ:

Снова рыдаютъ Тангейзера страстныя струны,
Снова поетъ у могилы Вольфрамъ,
Глухо откликнулись Эдды зловѣщія руны,
Близкую гибель пророка богамъ.

Тучи окутали скалы; въ ущеліи дикомъ
Съ ревомъ и свистомъ летитъ ураганъ;
Въ молніяхъ мчатся Валькиріи съ бѣшенымъ крикомъ,
Въ огненномъ вихрѣ несется Вотанъ...

Озера манятъ зеркальныя, сонныя воды,
Лѣсъ очарованный, синяя даль...
Храма стариннаго блещутъ высокіе своды,
Кровью и пламенемъ свѣтитъ Грааль.

Умеръ волшебникъ, но все, что онъ вызвалъ у рока:
Боги, герои, вражда и любовь —
Все, что въ минувшаго безднѣ таилось глубоко,
Въ звукахъ и образахъ носится вновь.

Кн. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

Бэйрейтъ 1886 г.

ЖЕРТВА.

(Новый романъ Филипса).

Филипсъ—романистъ начинающій, восходящая звѣзда. Первое его произведеніе: „Какъ въ зеркалѣ“ имѣло значительный успѣхъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Европѣ.

Помимо основной мысли, романъ, изложеніе котораго мы предлагаемъ читателямъ („Жертва фарисейства“) достоинъ вниманія и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ изобилуетъ живо набросанными жанровыми картинками, тонко и ярко созданными характерами. Одинъ блѣдный силуэтъ во всей книгѣ—князь Баланниковъ, но это—Русскій, а всѣ Русскіе, фигурирующіе въ произведеніяхъ иностранныхъ писателей—или мелодраматическіе герои, или блѣдныя тѣни; такъ и чувствуется, что создавались эти характеры не путемъ наблюденія надъ окружающей дѣйствительностью, а просто сочинены, на основаніи какой-нибудь шаблонной, подхваченной на лету фразы. Быть можетъ у насъ еще сохранилось довольно своеобразныхъ чертъ, чтобъ ставить втупикъ писателей, ярко и талантливо рисующихъ образы представителей другихъ національностей. Въ заключеніе—одна необходимая оговорка: въ подлинникѣ разсказъ ведется отъ лица героини, въ видѣ автобіографіи; пришлось это измѣнить,—подобная форма неудобна при бѣгломъ изложеніи.

I.

Оссульстонъ самая жалкая деревенька во всемъ сѣверномъ Девонширѣ. Среди нея возвышается каменный домъ въ восемь комнатъ, это—викаріатъ, пріютъ викарія мистера Сентъ-Обенъ и его единственной дочери, Миріамъ. Обстановка ихъ самая первобытная. У нихъ есть коровы, свиньи, птицы, есть фруктовый садъ, но деревья его уже много лѣтъ остаются безъ прививки. Крыша густо поросла сорными травами. Раза два въ годъ викарій ѣздитъ въ Экзетеръ и возвращается съ запасомъ платья, табаку и крѣпкихъ напитковъ—для себя, и фланели, коленкору и простыхъ матерій—для дочери. О дочери, о ея воспитаніи отецъ нисколько не заботится, онъ учитъ ее латинскому и греческому языкамъ, требуетъ, чтобъ она въ воскресенье два раза бывала въ церкви—и только. Лишенная всякаго призора, дѣвочка по своему счастлива — она свободна. Шести лѣтъ она раннимъ утромъ пробиралась въ курятникъ, крала только-что снесенныя яйца, пробуравливала въ нихъ дырочку булавкой, высасывала содержимое, а скорлупу заботливо зарывала въ землю. Отецъ часто удивлялся, почему его́ куры несутся не такъ правильно, какъ бы слѣдовало. Ему и въ голову не приходило задаться вопросомъ: чѣмъ сыта дочь? Обѣдалъ онъ всегда одинъ, а Миріамъ пробавлялась яблоками и сливами изъ сада или отцовскими объѣдками. Викарій былъ озлобленъ житейскими неудачами, которыя начались съ университетской скамьи. Теперь ему около шестидесяти лѣтъ, но онъ, какъ всѣ эгоисты, прекрасно сохранился. Честолюбіе въ немъ замерло или дремлетъ; гордости нѣтъ и слѣда; онъ охотно проводитъ вечера съ своими прихожанами въ мѣстной тавернѣ, служа предметомъ общихъ насмѣшекъ. Быстро летятъ годы, Миріамъ уже двадцать лѣтъ. Прикованная къ скалѣ Андромеда не болѣе безпомощна чѣмъ она.

Въ одно прекрасное утро это ужасное однообразіе было нарушено. Отецъ получилъ какое-то письмо и позвалъ дочь къ себѣ въ кабинетъ. Когда молодая дѣвушка вошла, онъ

сидѣлъ въ своемъ старомъ деревянномъ креслѣ у письменнаго стола и имѣлъ чрезвычайно почтенный видъ. Миріамъ почудилось, что она слышитъ звонокъ передъ поднятіемъ занавѣса. Отецъ оправилъ галстухъ, откашлялся и проговорилъ:

— Садись, Миріамъ.

Она присѣла на стулъ и онъ началъ:

— Мой старый другъ, сэръ Генри Кревенъ, съ которымъ я былъ близокъ и въ Регби и въ Кембриджѣ, утомленный городской жизнью, пишетъ мнѣ, что онъ жаждетъ провести нѣсколько недѣль среди безусловнаго покоя. Понятно, я просилъ его раздѣлить съ нами нашъ смиренный кровъ; богатство его неисчислимо, вліяніе громадно. Онъ могъ бы завтра же сдѣлать изъ меня епископа; можешь быть увѣрена, что я не упущу благопріятнаго случая, и ты должна помогать мнѣ. Онъ человѣкъ свѣтскій, а свѣтскіе люди сразу поддаются обаянію *ingénue*. Ты здѣсь лишена подругъ, удовольствій, и ни о чемъ я такъ не горюю, какъ о невозможности доставить ихъ тебѣ. И я—виноградарь, коему еще не предоставлена предопредѣленная ему работа. Я трачу свои способности и время въ маленькомъ приходѣ, когда мнѣ слѣдовало бы руководить общественнымъ мнѣніемъ, предостерегать противъ заблужденій вѣка сего. И такъ, дорогая, намъ слѣдуетъ быть практичными. Приведи домъ въ порядокъ, выведи жирныя пятна на моемъ праздничномъ сюртукѣ, прибери мой кабинетъ, укрась пріемную какъ можно лучше. У нашего церковнаго старосты Джиггита есть оранжерея, жена его конечно дастъ тебѣ цвѣтовъ. Если у тебя есть кисейное платье, прикажи его приготовить, тебѣ придется обѣдать за столомъ, пока сэръ Генри здѣсь, понадобится и голубой поясъ и бархатка на шею. Вотъ два шиллинга. Пожалуйста торопись. Для сэра Генри деньги ничто. Странно, что блага міра сего такъ неровно распредѣлены. Онъ можетъ быть здѣсь очень скоро. Не надо, чтобъ онъ засталъ насъ врасплохъ.

Послѣдствіемъ этой рѣчи былъ военный совѣтъ, который Миріамъ въ тотъ же вечеръ держала съ своей наперсницей

и единственной прислугой мистриссъ Пиль. Все уладилось лучше, чѣмъ можно было ожидать.

Черезъ два дня прибылъ и самъ великій человѣкъ. Викарій привѣтствовалъ его съ изысканной вѣжливостью, дружески, но безъ особыхъ изліяній.

Обѣдъ былъ поданъ въ 7 часовъ и сошелъ благополучнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Была форель съ топленымъ масломъ, цыплята, зелень, яблочный пирогъ, сыръ и салатъ. Сэръ Генри привезъ съ собой цѣлый запасъ вина и ликеровъ, его камердинеръ служилъ за столомъ съ подобающей торжественностью. Когда передъ хозяиномъ и гостемъ явился ящикъ сигаръ, Міріамъ удалилась изъ столовой не безъ удовольствія, такъ какъ въ продолженіе всего обѣда сэръ Генри такъ упорно, хотя и украдкой, слѣдилъ за ней, что ей становилось положительно неловко.

На другой день, за завтракомъ, Міріамъ уже пристальнѣе вглядѣлась въ гостя. Онъ казался лѣтъ на пятнадцать моложе отца. У него была небольшая лысина, но ни одного сѣдаго волоса не виднѣлось ни на головѣ, ни въ бакенбардахъ. Его однобортный сюртукъ безукоризненно облегалъ прекрасно-сохранившуюся фигуру. По всѣмъ пріемамъ въ немъ сказывался придворный. Послѣ завтрака сэръ Генри предложилъ Міріамъ прогулку. Она взяла шляпу, легкую шаль и пошла съ гостемъ въ качествѣ чичероне. Разговоръ сразу завязался, но былъ какой-то странный, точно будто старикъ стремился дать понять своей молоденькой спутницѣ, что изъ него выйдетъ отличный и самый снисходительный мужъ.

Онъ восхищался Девонширомъ, сравнивая эту часть Англіи съ Ниццой и Ментономъ; негодовалъ, узнавъ, что его спутница никогда не выѣзжала за предѣлы роднаго графства, а когда Міріамъ возразила ему, что при средствахъ ея отца путешествія немыслимы, онъ принялся увѣрять ее, что деньги вздоръ, что положеніе отца ея вскорѣ неизмѣримо улучшится въ матеріальномъ отношеніи, что повышеніе его дѣло рѣшенное и при болѣе обширномъ полѣ

для дѣятельности способности его непремѣнно обнаружатся во всемъ блескѣ.

— Отецъ вашъ, продолжалъ сэръ Генри, слишкомъ прятался отъ людей. Но онъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, ничто не потеряно. Я говорю съ вами, дорогая миссъ Сентъ-Обенъ, съ разрѣшенія, болѣе того, по желанію вашего отца. Онъ жаждетъ вновь занять подобающее ему положеніе въ свѣтѣ; положеніе, на которое онъ имѣетъ право по рожденью, по связямъ, по своимъ огромнымъ способностямъ. Но его главная забота—вы, онъ желаетъ, чтобы вы знали, что при каждомъ шагѣ, какой онъ сдѣлаетъ подъ моимъ руководствомъ, или при моемъ содѣйствіи, для него важно одно: ваше благосостояніе и счастье.

Онъ остановился, ожидая отвѣта. Миріамъ была достаточно умна, чтобы понять, къ чему онъ клонитъ, но она чувствовала себя такой же безпомощной, какъ дочь Іаира или сама Ифигенія. Она прошептала, что нѣжно любитъ отца и будетъ счастлива, когда онъ займетъ положеніе достойное какъ его, такъ и ихъ семейныхъ преданій.

— Въ такомъ случаѣ, любезно возразилъ сэръ Генри, мы можемъ считать дѣло улаженнымъ. Мѣсто декана въ Соутвикѣ въ настоящую минуту свободно... Мое вліяніе на премьера, не говоря объ архіепископѣ, даетъ мнѣ основаніе надѣяться.

Тѣмъ временемъ они достигли викаріата; на крыльцѣ ихъ ожидалъ блаженно улыбавшійся хозяинъ.

— Мы съ миссъ Миріамъ поретолковали дорогой, Сентъ-Обенъ, началъ дипломатъ. Ваша дочь совершенно со мной согласна, что мнѣ, въ вашихъ интересахъ, необходимо немедленно отправиться въ Лондонъ. Въ такихъ дѣлахъ всякая четверть часа имѣетъ значеніе.

Сказано—сдѣлано. Благодаря усердію Батсона—этого идеальнаго камердинера—сборы были окончены въ нѣсколько минутъ. Пылкій пожилой джентльмэнъ отвѣсилъ самый изысканный поклонъ, завернулся въ плащъ, сѣлъ въ экипажъ и... укатилъ. Едва онъ скрылся изъ виду, викарій положилъ руку на плечо дочери и съ кроткой улыбкой сказалъ:

— Миріамъ, дорогая моя, мнѣ надо переговорить съ тобой.

Миріамъ вырвалась отъ него, вбѣжала въ свою комнатку, бросилась на постель и разразилась страстными рыданіями... Ни въ комъ бѣдняжка не нашла поддержки, даже старушка-экономка, которая очень ее любила, прочла ей цѣлую лекцію житейской мудрости. Она увѣряла, что не понимаетъ изъ-за чего тутъ убиваться. Пожалуй, миссъ Миріамъ проторчитъ вѣкъ въ этой норѣ и вовсе не выйдетъ замужъ. Отецъ не вѣченъ, а что она будетъ дѣлать, когда онъ умретъ? Выйдя же за этого стараго джентльмэна, миссъ будетъ жить припѣваючи. У него, говорятъ, домъ—дворецъ и прочее и прочее въ томъ же родѣ.

Послѣ долгихъ размышленій Миріамъ поняла, что ей ничего не остается, какъ согласиться. Она объявила отцу, когда онъ дипломатически завелъ съ ней объ этомъ рѣчь, что согласна. Сэръ Генри возвратился сіяющій, съ роскошными подарками для дѣвушки, которую уже считалъ своей невѣстой. Хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, мистеръ Сентъ-Обенъ былъ назначенъ деканомъ въ Соутвикъ.

— Отецъ вашъ, объявилъ Миріамъ ея поклонникъ,—далъ мнѣ понять, что я могу надѣяться... Съ своей стороны мнѣ остается только увѣрить васъ, что единственной цѣлью моей будетъ всячески оказывать вамъ мою любовь и преданность. Вы, дорогая миссъ Сентъ-Обенъ, будете полной госпожей. Вы будете жить—т. е. мы будемъ жить—гдѣ вамъ угодно и какъ вамъ угодно. Мнѣ пріятно знать, что я всегда буду имѣть возможность исполнять ваши желанія. Если вы охотница до путешествій, скажите слово и я тотчасъ откажусь отъ всего, что могло бы задержать меня. Еслибъ вы предпочли остаться въ Англіи, выберете свое мѣстопребываніе, постараемся тамъ все устроить по вашему вкусу...

Свадьба была самая скромная, по желанію невѣсты. Самаго вѣнчанія Миріамъ не помнила; она была въ какомъ-то туманѣ и опомнилась только за завтракомъ, по окончаніи котораго молодая перемѣнила туалетъ и, напутствуемая объятіями и благословеніями отца, сѣла съ мужемъ въ карету.

Короткое пребываніе въ Лондонѣ слилось, въ воспоминаніяхъ Миріамъ, въ одно смутное, но пріятное впечатлѣніе. Привезли ее въ палаццо мужа въ улицѣ Сентъ-Джемсъ, она вошла въ сѣни, залитыя огнемъ, украшенныя тропическими растеніями, переполненныя слугами въ раззолоченныхъ ливреяхъ.

Среди всего этого великолѣпія молоденькая женщина ясно сознавала одно: слава Богу, что день прошелъ и что она разъ навсегда окончательно избавилась отъ отца...

На слѣдующее утро сэръ Генри предложилъ поѣздить по магазинамъ и началъ съ того, что поднесъ женѣ прелестное черепаховое porte-monnaie съ инкрустаціей, въ которомъ, при ближайшемъ осмотрѣ, оказалось банковыхъ билетовъ и новенькихъ золотыхъ на полтораста фунтовъ. Путешествіе совершилось какъ по мановенію волшебнаго жезла. До Дувра молодые доѣхали въ особомъ вагонѣ-салонѣ, въ Дуврѣ ихъ ожидала яхта... Въ Парижѣ путники остановились въ Hôtel Bristol, сэръ Генри отправился въ Англійское посольство и жена его, въ сопровожденіи своей горничной Джаксонъ, особы лѣтъ тридцати, довольно пріятной наружности, поѣхала по магазинамъ. Миріамъ накупила перчатокъ, кружевъ, нѣсколько зонтиковъ просто скуки ради, такъ какъ всего этого у нея, благодаря щедрости супруга, было слишкомъ достаточно. Джаксонъ, подбивая свою госпожу на всѣ эти покупки, прекрасно знала, кому вещи пригодятся. Но Миріамъ и себя не забыла, накупивъ цвѣтовъ, фруктовъ, конфектъ, англійскихъ и французскихъ книгъ въ изящныхъ переплетахъ. Купила она еще четки, про которыя продавецъ увѣрялъ, что онѣ вырѣзаны изъ оливокъ съ дерева, растущаго въ Геѳсиманіи. Можетъ быть это была и правда. Миріамъ было все равно. Она ощущала какое-то ожесточеніе.

— Что жъ, говорила она себѣ,—деньги я получила; продалась за нихъ сознательно, почему жъ мнѣ ихъ не тратить?

Покупки, отъ которыхъ какихъ-нибудь шесть недѣль тому назадъ она была бы въ восторгѣ, только утомили ее. Она равнодушно смотрѣла, какъ Джаксонъ раскладывала

вещи на столѣ, опустилась на стулъ у окна и принялась за персики. Такъ засталъ ее мужъ:

— Дорогая Миріамъ, объявилъ сіяющій сэръ Генри,—мнѣ удалось достать ложу въ оперу на сегодняшній вечеръ, даютъ Динору. По отзывамъ компетентныхъ критиковъ,—это одна изъ лучшихъ оперъ Мейербера и одна изъ лучшихъ ролей Патти. Наша ложа между ложами Австрійскаго и Италіанскаго посланниковъ. Послѣ театра мы ужинаемъ въ Русскомъ Посольствѣ.

Миріамъ выслушала эту маленькую рѣчь съ благосклонной улыбкой, но безъ особеннаго удовольствія. Тѣмъ не менѣе когда она, черезъ нѣсколько часовъ, подошла совсѣмъ одѣтая къ огромному трюмо и заглянула въ него, она невольно залюбовалась собой. На ней было бѣлое атласное платье, все отдѣланное стариннымъ кружевомъ, діадема, серьги и ожерелье изъ жемчуга, ея вѣеръ былъ—подлинное произведеніе Watteau. Какъ ни боролась Миріамъ, она уже начинала ощущать въ себѣ способность наслаждаться богатствомъ. Когда она съ мужемъ вошла въ ложу, ей стало неловко отъ множества устремленныхъ на нее биноклей. Началась увертюра. При первыхъ звукахъ ея, молодая дебютантка на поприщѣ всякихъ удовольствій перенеслась въ волшебный міръ, а когда взвился занавѣсъ, она уже не понимала, гдѣ она, что съ нею, какъ она сюда попала. Она жила на сценѣ. Въ антрактахъ ложа ея наполнялась посѣтителями, но молодая женщина не обращала на нихъ никакого вниманія. Мужъ представлялъ ей этихъ господъ, и она машинально обмѣнивалась съ ними незначительными фразами. Ее очень смущалъ чей-то бинокль, упорно устремленный на нее въ продолженіе всего представленія. Господинъ, такъ усердно наблюдавшій за нею, смотрѣлъ Англичаниномъ и былъ далеко не юноша, ему можно было дать 38—40 лѣтъ. Черты его были правильны и довольно пріятны, ясный и смѣлый взглядъ говорилъ о хорошо проведенной молодости. Высокій ростъ и широкія плечи выгодно дополняли этотъ симпатичный образъ. Но впечатлѣніе, производимое на Миріамъ незнакомцемъ, было самое мимолет-

ное и совершенно вылетѣло у нея изъ головы, какъ только она вступила въ салоны Русскаго Посольства. Здѣсь ей представилась картина изъ „Тысячи и одной Ночи“. Молодая дикарка была поражена роскошью обстановки, массой цвѣтовъ, привѣтливостью хозяевъ. За ужиномъ она въ душѣ удивлялась всему; ей казалось, что судьба перенесла ее на новую планету, но съ свойственнымъ женщинамъ тактомъ она затаила свои чувства въ душѣ и держала себя съ спокойнымъ достоинствомъ. Хозяинъ осыпалъ ее комплиментами и очень тонко далъ ей понять, что успѣхи сэра Генри на дипломатическомъ поприщѣ, всегда значительные, *теперь* обезпечены вполнѣ. Отъ всего этого фиміама невольно кружилась молодая голова.

Несмотря на свой блестящій дебютъ леди Кревенъ скучала въ Парижѣ. Она чувствовала себя одинокой главнымъ образомъ потому, что все болѣе и болѣе начинала тяготиться обществомъ супруга. Удовольствія, предлагаемыя имъ, въ своемъ торжественномъ однообразіи, надоѣдали ей, минутами ей сильно хотѣлось пожить по-своему, ознакомиться съ городомъ, забраться на противоположный берегъ Сены, взглянуть на старый Парижъ, побывать въ Jardin des Plantes, но всѣ эти мечты такъ и остались мечтами: время сэра Генри было такъ переполнено, что у него навѣрное не нашлось бы и минуты для подобныхъ эксцентрическихъ прогулокъ... Рада была Миріамъ возвратиться въ Лондонъ, въ свой чудный домъ въ Сентъ-Джемсъ Скверѣ. Здѣсь было хоть спокойствіе и комфортъ, но тоска продолжала грызть ее по-старому.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ она искренно обрадовалась, получивъ письмо отъ одной знакомой, съ которой сошлась въ Парижѣ. Особа эта, нѣкая мисисъ Фортескью, вдова лѣтъ тридцати, довольно красивой наружности, писала, что на-дняхъ будетъ въ Лондонѣ и тотчасъ по пріѣздѣ навѣститъ дорогую леди Кревенъ. Миріамъ пригласила Этель Фортескью остановиться у нея въ домѣ. Миріамъ ожила: ей теперь было съ кѣмъ слово сказать. Она была неразлучна съ своей гостьей и время ле-

тѣло незамѣтно; жизнь молодой женщины была бы даже пріятна, еслибы не отравлялъ ее отецъ. Почтенный деканъ сначала письменно, а по возвращеніи дочери въ Англію, и лично вѣчно приставалъ къ ней съ просьбами. То ему докторъ велѣлъ пить какую-то особенную, необыкновенно дорогую мадеру, которой въ погребахъ сэра Генри навѣрное большой запасъ,—не пришлетъ ли ему Миріамъ нѣсколько бутылокъ? То необходимо покрыть расходы по переселенію въ Соутвикъ, словомъ денегъ почтенный родитель просилъ подъ всевозможными предлогами. При первомъ требованіи Миріамъ послала ему пятьдесятъ фунтовъ, но въ дальнѣйшихъ субсидіяхъ рѣшительно отказывала, за что наконецъ была наказана патетическимъ посланіемъ, въ которомъ деканъ проводилъ трогательную параллель между собой и королемъ Лиромъ.

При замкнутой жизни, какую вела леди Кревенъ, всякое новое знакомство составляло эпоху, а потому не удивительно, что когда Этель попросила позволенія представить ей одного изъ своихъ „большихъ пріятелей“, — всѣ знакомые вдовушки удостоивались этого эпитета — она охотно изъявила согласіе. Мистеръ Сабинъ — такъ звали ожидаемаго гостя—засталъ обѣихъ дамъ въ будуарѣ хозяйки за предъобѣденнымъ чаемъ. Поднимаясь ему на встрѣчу, Миріамъ мгновенно узнала въ немъ таинственнаго незнакомца изъ Grand Opéra. Онъ просидѣлъ съ полъ-часа, бесѣдуя о разнообразныхъ предметахъ съ рѣдкой увлекательностью и въ заключеніе своего посѣщенія объявилъ леди Кревенъ, что коротко знакомъ съ ея мужемъ, котораго часто встрѣчалъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Москвѣ. Послѣ этого хозяйкѣ ничего не оставалось, какъ только пригласить его обѣдать. Съ этого дня мистеръ Сабинъ сталъ ревностнымъ посѣтителемъ дома леди Кревенъ, онъ былъ членомъ клуба путешественниковъ и Сентъ-Джемсъ Скверъ приходился ему по дорогѣ. Это былъ замѣчательный собесѣдникъ, гдѣ только онъ не побывалъ, чего не извѣдалъ: видѣлъ и Скалистыя горы, и водопадъ Замбези, охотился на бѣлаго медвѣдя на Шпицбергенѣ, обо-

гнулъ мысъ Горнъ, бесѣдовалъ съ дикарями, населяющими Патагонію.

Дни проходили за днями однообразной чередой, единственною цѣлью Миріамъ Кревенъ было какъ бы убить время. Читала она мало, только когда пила утренній шоколадъ, каталась, ѣздила по магазинамъ, за завтракомъ всегда были гости, за обѣдомъ тоже. Въ итогѣ отъ всего этого къ вечеру получалась удручающая усталость и только. Сэръ Генри становился все невыносимѣе, рѣчь его, съ ея мнимымъ глубокомысліемъ, была лишь „мѣдь звенящая или кимвалъ бряцающій". Его напыщенность не позволяла замѣтить и природнаго его добродушія. Вскорѣ между нимъ и женой дѣло дошло до открытаго столкновенія по поводу дипломатической миссіи, данной ему къ правительству блистательной Порты. Онъ собирался въ Константинополь въ надеждѣ, что Миріамъ поѣдетъ съ нимъ, она отказалась.

— Но, убѣждалъ сэръ Генри,—я положительно не могу ѣхать безъ васъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ разсчитывалъ, что мы ѣдемъ вмѣстѣ.

— Соображенія министра иностранныхъ дѣлъ очень важны, непочтительно возразила жена,—но я не признаю ихъ силы надъ собой и боюсь, что мнѣ придется разочаровать его.

— Вы неблагоразумны, леди Кревенъ, и крайне неблагодарны. Вы, кажется, совершенно забыли, чѣмъ вы съ отцомъ мнѣ обязаны. Я далъ вамъ все, чего можетъ желать женщина. Я требую, чтобъ вы мнѣ повиновались.

— А я, сэръ Генри, объявляю вамъ, что совершенно отказываюсь ѣхать и не хочу болѣе обсуждать этого вопроса. Это безполезно.

— Сэръ Генри позеленѣлъ отъ гнѣва.

— Вы мнѣ говорите, что отказываетесь ѣхать, сказалъ онъ, точно не довѣряя собственнымъ ушамъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія отказываюсь.

Сэръ Генри быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ за собою дверью.

Насталъ августъ. Лондонъ быстро пустѣлъ, недѣли за три

до отъѣзда сэра Генри было рѣшено, что онъ отправится въ столицу султановъ—одинъ. Миріамъ наняла себѣ домикъ въ Брайтонѣ, съ выходящими на море окнами и такой маленькій, чтобъ декану ужь никакъ не нашлось въ немъ мѣста. Прощаніе супруга было любезно и отечески-благосклонно.

Поселившись въ Брайтонѣ, леди Кревенъ такъ скучала въ одиночествѣ, что снова выписала къ себѣ мисиссъ Фортескью. Дня черезъ два по пріѣздѣ послѣдней, онѣ, во время прогулки, встрѣтили мистера Сабинъ. Онъ объяснилъ имъ, что съ тѣхъ поръ, какъ они разстались въ Лондонѣ, онъ успѣлъ перебывать въ Довилѣ, въ Гамбургѣ, въ Баденѣ и въ Карлсбадѣ. Вездѣ тоска. Пріѣхалъ въ Брайтонъ—пожить въ тишинѣ и спокойствіи и пр. пр.

Проводивъ обѣихъ дамъ до дома, мистеръ Сабинъ, конечно, зашелъ къ нимъ и съ этого дня сдѣлался ихъ частымъ гостемъ. Такъ прошло недѣль шесть, семь... Миріамъ все сильнѣе и сильнѣе поддавалась вліянію этого энергическаго человѣка, съ горячей душой и могучей волей. Бѣдная женщина и не сопротивлялась, она напоминала маленькую лодочку, увлекаемую сильнымъ теченіемъ. Однажды вечеромъ, часовъ въ пять, мистеръ Сабинъ забрелъ къ леди Кревенъ. Были глубокія сумерки. Мисиссъ Фортескью нездоровилось, она лежала у себя въ комнатѣ, съ сильнѣйшей головной болью.

Послѣ чаю мистеръ Сабинъ предложилъ прогулку, Миріамъ съ радостью набросила на плечи тяжелый плащъ и они отправились.

— Совершенно забылъ сказать вамъ, небрежно проговорилъ мистеръ Сабинъ, когда они вышли на берегъ, — что моя яхта здѣсь. Не желаете ли посмотрѣть ее? Мы будемъ тамъ въ нѣсколько минутъ. Они спустились со старыхъ каменныхъ ступеней и сѣли въ ожидавшій ихъ четырехвесельный катеръ.

Мигъ спустя они уже были на яхтѣ. Было такъ темно, что Миріамъ почти ничего различить не могла, но она вполнѣ оцѣнила изысканную роскошь, съ какой была отдѣлана каюта, гдѣ темный орѣхъ, ярко-красный бархатъ и

золото сливались въ одно гармоническое цѣлое. Уютный уголокъ этотъ освѣщался висячими лампами. Гостей, повидимому, ожидали, Миріамъ подали чашку шоколада, виноградъ, конфекты, она уничтожала всѣ эти явства съ чистодѣтскимъ увлеченіемъ,

— Что бы вы сказали, леди Кревенъ, вдругъ совершенно серьезно началъ мистеръ Сабинъ, — еслибы сейчасъ почувствовали дрожаніе яхты и убѣдились, что мы снялись съ якоря и держимъ путь на югъ?

Миріамъ съ минуту помедлила отвѣтомъ, затѣмъ взглянула на него и проговорила вызывающимъ тономъ:

— Вы никогда бы такъ не поступили. Вы знаете также хорошо, какъ и я, что это было бы низостью. А каковы бы вы ни были, вы не низкій человѣкъ.

Онъ весело засмѣялся.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, это было бы низостью и предательствомъ. Я всегда предпочитаю открытую борьбу. Совершенно несправедливо, что въ любви и на войнѣ все дозволено. Не дозволено, напримѣръ, купить дочь человѣка цѣною уплаты его долговъ, съ придачей хорошаго общественнаго положенія и обезпеченнаго дохода. Я самъ цѣню лишь то, за что боролся. Взгляните сюда.

Онъ указывалъ на висѣвшій на стѣнѣ каюты небольшой стеклянный ящикъ, въ которомъ красовалась голова индійскаго тигра. Нѣсколько пониже, въ меньшемъ футлярѣ, висѣлъ тяжелый охотничій ножъ.

— Этимъ ножемъ я убилъ его, сказалъ онъ,—такъ-таки и распоролъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оказать мнѣ ту же услугу. Вотъ обращикъ его когтей.

Онъ снялъ съ часовой цѣпочки огромный коготь, отдѣланный въ золото.

— А вотъ, если зрѣлище это не заставитъ васъ вскрикнуть или упасть въ обморокъ, и рубецъ.

Онъ засучилъ рукавъ повыше локтя. Вдоль всей руки шла длинная, глубокая царапина.

У Миріамъ невольно вырвался легкій крикъ.

— Полноте, засмѣялся онъ,—вамъ нечего меня бояться,

леди Кревенъ. Я слишкомъ глубоко люблю васъ, чтобъ не уважать, и вполнѣ вѣрую въ свою звѣзду. Все въ этомъ мірѣ дается человѣку, который на себя надѣется, будь цѣль его желаній посольскій постъ или жемчужина—превыше царствъ. Пойдемте, позвольте мнѣ проводить васъ на берегъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этой поэтической, но совершенно невинной, прогулки Миріамъ сидѣла у себя въ гостиной у камина и читала. На лѣстницѣ послышались шаги, дверь отворилась, кто-то вошелъ.

Миріамъ подняла глаза, передъ ней стоялъ сэръ Генри собственной особой, очевидно въ сильнѣйшемъ волненіи.

Жена встала и пошла къ нему на встрѣчу, но онъ замахалъ на нее обѣими руками... Нѣсколько секундъ спустя онъ на столько оправился, что сѣлъ и наконецъ медленно и отрывисто заговорилъ:

— Я все слышалъ и все знаю. Объ объясненіяхъ и извиненіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Сегодня я пріѣхалъ, вопреки совѣтамъ моего адвоката, чтобъ объявить вамъ это, а также чтобъ сказать вамъ, что въ этомъ мірѣ мы никогда болѣе не встрѣтимся. Это печальный финалъ моей жизни, а для васъ полная погибель. Но не въ нашей власти раздѣлать, что̀ сдѣлано. Я полагаю,—я знаю, что вы меня никогда не любили, но я было надѣялся, что вы привяжетесь ко мнѣ. Надежда эта теперь исчезла и намъ обоимъ остается забыть, если намъ это удастся. Миріамъ была такъ поражена, что едва могла спросить, что̀ онъ хочетъ сказать, что̀ его такъ взволновало.

— Не представляйтесь, отвѣчалъ онъ, вы отлично меня понимаете. Богъ видитъ, что эта несчастная исторія причиняетъ мнѣ гораздо болѣе огорченія, чѣмъ вамъ. Но я долженъ оберегать собственную честь, а тамъ, гдѣ дѣло коснется ея, я неумолимъ. Не думаю, чтобъ вы вышли за него, я увѣренъ, что онъ никогда на васъ не женится, что̀ бы онъ вамъ ни говорилъ. Прощайте, не могу сказать: да благословитъ васъ Богъ, но надѣюсь, что остальная жизнь ваша

будетъ счастлива, а конецъ ея радужнѣе, чѣмъ теперь будетъ конецъ моей.

Миріамъ опять хотѣла подойти къ нему, онъ отстранилъ ее рукой и вышелъ.

Бѣдная женщина сидѣла какъ оглушенная...

— Сэръ Генри хочетъ разводиться со мной, объявила она пріятельницѣ, меня ожидаетъ вѣчный позоръ.

— Разводиться! воскликнула миссисъ Фортескью, а гдѣ у него доказательства? Онъ не можетъ явиться въ судъ съ одними подозрѣніями. Подозрѣнія ничего не значатъ, даже въ дипломатіи. Гдѣ у него доказательства?

Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь. Оказалась служанка.

— Что надо, Мэри? спросила Миріамъ.

— Миссъ Джаксонъ сейчасъ ушла, миледи, она поручила мнѣ доложить, что жалованье ей заплачено до срока, а за своими вещами она пришлетъ завтра утромъ. Мисисъ Фортескью взглянула на леди Кревенъ и засмѣялась—voilà la vipère dans les fleurs [1]), проговорила она,—теперь намъ все ясно.

Легкомысленная вдовушка оказалась истиннымъ другомъ бѣдной Миріамъ въ эти тяжкія минуты, она поддерживала въ ней бодрость духа и заботливо за ней ухаживала. Она увѣряла ее, что дѣло вовсе не такъ плохо, какъ ей кажется, что стоитъ только пережить это испытаніе, а тамъ она будетъ свободна... Намекала ей и на то, что человѣкъ, котораго она любитъ, человѣкъ надежный. Самъ мистеръ Сабинъ умолялъ леди Кревенъ объ одномъ—быть спокойнѣе, не терять самообладанія, онъ рекомендовалъ ей опытнаго адвоката и въ душѣ почти радовался, что дѣло приняло такой благопріятный для него оборотъ. Стоитъ только, стиснувъ зубы, вынести всю судебную процедуру, а тамъ любимая женщина найдетъ счастье съ нимъ. Деканъ лично посѣтилъ дочь.

— Миріамъ, сказалъ онъ, искоса поглядывая на ми-

[1]) Вотъ она, змѣя подъ цвѣтами.

сиссъ Фортескью, я желаю говорить съ тобой съ глазу на глазъ.

— А я не намѣрена такъ говорить съ вами, папа. Я предпочитаю, чтобъ мисиссъ Фортескью осталась.

— Въ такомъ случаѣ, Миріамъ, я долженъ признаться, что пріѣхалъ сюда въ глубочайшемъ горѣ и кромѣ того, съ глубочайшимъ чувствомъ стыда и униженія. Мнѣ все извѣстно. Никто живѣе меня не сознаетъ, что теперь не время упрекать тебя. Я пріѣхалъ потому, что мой печальный долгъ въ качествѣ отца...

— Вы-то еще зачѣмъ во все это путаетесь? вырвалось у мисиссъ Фортескью.

— Слова мои обращены не къ вамъ, милостивая государыня, возразилъ деканъ. У меня свой взглядъ на ваше поведеніе, на роль, которую вы играли въ этой ужасной трагедіи.

— Неужели? отозвалась Этель. А какъ вы смотрите на вашу собственную роль въ ней? Примите мой совѣтъ, г-нъ деканъ, возвратитесь въ свою гостиницу. Неужели у васъ на столько мало такта, что вы не замѣчаете, что въ вашемъ присутствіи здѣсь не нуждаются?

Не обращая никакого вниманія на это воззваніе, отецъ продолжалъ:

— Это ужасное, это подавляющее извѣстіе сообщилъ мнѣ самъ сэръ Генри. Онъ самъ предложилъ, чтобъ я пріѣхалъ сюда. Да, ты наложила роковое и неизгладимое пятно на свое имя. Будь твоя бѣдная мать на свѣтѣ, она бы не пережила этого удара. Мое сердце разбито, мнѣ никогда болѣе не поднять головы. Жизнь, которая могла бы, съ Божіей помощью, послужить церкви, а можетъ быть и государству, загублена. Но зачѣмъ говорить о себѣ? Моя первая забота, дочь моя, это ты. Молодая женщина вся дрожала отъ негодованія.

— Какъ вы смѣете считать вину мою доказанной, гнѣвно воскликнула она.

— Увы, дитя мое, отозвался онъ,—безполезно толковать

о виновности, о невинности, о доказательствахъ, когда все извѣстно.

— Вовсе не безполезно, сказала Миріамъ, окончательно выведенная изъ себя,—а вы, продавшій меня, менѣе всѣхъ на свѣтѣ вправѣ быть моимъ судьей. Вы продали меня по своей цѣнѣ и деньги получили. Теперь оставьте меня, уходите!

— Повторяю, Миріамъ...

— Уходите, крикнула дочь, наступая на него.

Онъ повернулся и вышелъ, а леди Кревенъ упала въ обморокъ.

Время шло, приближался день судебнаго разбирательства. Въ матеріальномъ отношеніи она была обезпечена, мужъ внесъ на ея имя въ банкъ тысячу фунтовъ, о чемъ она была увѣдомлена адвокатской фирмой, завѣдывавшей дѣлами сэра Генри.

Наконецъ насталъ и роковой день. Миріамъ явилась въ судъ. Все совершилось такъ, какъ слѣдовало ожидать. Деканъ былъ олицетвореніемъ родительской скорби и очень ловко далъ понять присяжнымъ, что онъ предостерегалъ дочь противъ мистера Сабинъ, нарочно съ этой цѣлью пріѣзжалъ въ Лондонъ, но что она просила его не вмѣшиваться не въ свои дѣла.

Голосъ его дрожалъ отъ волненія, присяжные были видимо тронуты.

Самой важной свидѣтельницей, показанія которой рѣшили дѣло, была Джаксонъ. Она, очевидно, вела обстоятельный дневникъ и память ей не измѣнила ни разу. Она сказала, что частыя посѣщенія мистера Сабинъ казались ей подозрительными, что она невидимо замѣчала разныя обстоятельства и сочла долгомъ довести ихъ до свѣдѣнія сэра Генри.

За ней, совершенно неожиданно для отвѣтчицы, выступилъ новый свидѣтель—береговой стражникъ, который показалъ, что леди Кревенъ была съ мистеромъ Сабинъ вечеромъ на его яхтѣ, гдѣ оставалась часа два.

На вопросъ, гдѣ теперь находится яхта, онъ отвѣтилъ, что, на сколько ему извѣстно, въ Средиземномъ морѣ, а

ушла она вскорѣ послѣ посѣщенія леди Кревенъ. Показаніе это произвело чрезвычайно непріятное впечатлѣніе.

Сама Миріамъ, когда ее вызвали, подъ присягой отрицала справедливость взводимаго на нее постыднаго обвиненія, довольно спокойно вынесла и перекрестный допросъ, но все время чувствовала, что присяжные ей не вѣрятъ.

Мистеръ Сабинъ просто заявилъ, что всѣ вниманія, какія онъ оказывалъ леди Кревенъ, онъ считалъ себя вправѣ ей оказывать, въ качествѣ хорошаго знакомаго ея мужа.

Показанія прочихъ свидѣтелей заняли много времени. Защитникъ Миріамъ сказалъ блестящую, превосходную рѣчь и описалъ отца ея такими красками, что даже дочь была удовлетворена. Присяжные удалились для совѣщанія.

Когда они возвратились, Миріамъ прочла свой приговоръ на лицѣ старшины прежде, чѣмъ онъ открылъ ротъ,

Все конечно—она признана виновной. Она разведенная, на вѣки опозоренная женщина, отъ нея будутъ сторониться какъ отъ зачумленной, а она невинна какъ дитя.

Миріамъ съ трудомъ дошла до экипажа и очнулась, черезъ двѣ недѣли, въ постели. Она не въ силахъ была приподняться на подушкахъ, волосы были обрѣзаны, а у изголовья ея сидѣла мисисъ Фортескью, не покидавшая ее ни на минуту во все время болѣзни. Позже Миріамъ узнала, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней жизнь ея находилась въ опасности, что мистеръ Сабинъ заходилъ два, иногда три раза въ день, а его высокопреподобіе—деканъ возвратился во-свояси въ самый день суда.

II.

Когда Миріамъ немного оправилась, онѣ съ Этель переселились въ Лидаль,—скромную деревеньку въ Корнваллисѣ, гдѣ ихъ навѣстилъ мистеръ Сабинъ. Онъ пришелъ на паровой яхтѣ и пробылъ всего нѣсколько часовъ, онъ откровенно винился передъ Миріамъ въ томъ, что не устоялъ противъ желанія ее видѣть, но оправдывался, увѣряя, что это было выше силъ его, да и къ тому же ему хотѣлось ей

сказать, что черезъ четыре мѣсяца, по истеченіи положеннаго закономъ срока, они могутъ стать мужемъ и женой. Они разстались,—полные любви и радужныхъ надеждъ, а черезъ нѣсколько дней Міріамъ узнала о новомъ и на этотъ разъ непоправимомъ несчастіи. Яхта, на которой приходилъ Джорджъ Сабинъ, погибла, изъ числа бывшихъ на ней не спаслось ни одного человѣка. Впрочемъ горькую истину молодая женщина узнала не сразу, надежда долго не покидала ее, но наконецъ пришлось убѣдиться въ страшномъ несчастіи. Теперь ей оставалось одно: затаить въ глубинѣ сердца память о Джорджѣ Сабинъ, какъ о лучшемъ другѣ, какого она когда-либо имѣла, а затѣмъ позволить жизни взять надъ ея разбитымъ сердцемъ свои права.

Новая жизнь Міріамъ началась съ поѣздки въ Парижъ подъ крылышкомъ Этель Фортескью, у которой въ Rue Royale было хорошенькое помѣщеніе. Пріятельницы вели довольно уединенную жизнь, пріятное однообразіе которой было нарушено новою встрѣчей. На скачкахъ онѣ встрѣтили нѣкоего русскаго, князя Баланникова. Это былъ человѣкъ еще молодой, во всякомъ случаѣ не старый, атлетически сложенный, но почти безобразный. Лицо его было чисто калмыцкаго типа, съ выдающимися скулами, низкимъ, узкимъ лбомъ, толстыми губами и плоскимъ носомъ. Маленькіе блестящіе глазенки съ пронзительнымъ взглядомъ нѣсколько скрашивали эту непривлекательную внѣшность. Этель объяснила своему другу, что Баланниковъ страшно богатъ, владѣя на родинѣ баснословнымъ количествомъ копей и лѣсовъ, что живетъ онъ заграницей не совсѣмъ по доброй волѣ, такъ какъ ему дали понять, что непродолжительное пребываніе внѣ предѣловъ Имперіи будетъ ему полезно.

Съ первой же встрѣчи съ Міріамъ Баланниковъ увлекся ея красотой, онъ посвящалъ ей и миссисъ Фортескью все свое время, каталъ ихъ водою и въ своихъ разнообразныхъ экипажахъ, сопровождалъ въ оперу, словомъ исполнялъ обязанность cavalier servant. Однажды, оставшись наединѣ съ молодой женщиной, онъ сталъ горячо увѣрять ее въ своей преданности, не скрывая отъ нея, что жениться онъ не мо-

жетъ, такъ какъ у него въ Россіи осталась жена, но утверждалъ, что онъ готовъ посвятить ей всю жизнь и, если она согласится, тотчасъ помѣститъ въ контору Ротшильда сумму, которая обезпечивала бы ей ежегодный доходъ въ триста тысячъ франковъ. Все это было высказано на превосходномъ англійскомъ языкѣ, въ изысканно-вѣжливыхъ выраженіяхъ и съ такимъ цинизмомъ, точно онъ говорилъ съ кокоткой. Бурное негодованіе заклокотало въ душѣ Миріамъ, она мысленно съ горечью спросила себя, чѣмъ она заслужила подобное оскорбленіе, ей страшно захотѣлось убить этого человѣка, такъ развязно предлагавшаго ей подобныя вещи. Будь у нея подъ рукой пистолетъ, неизвѣстно, чѣмъ бы эта сцена кончилась... Опомнившись, она сказала ему, что съ его стороны низко такъ оскорблять ее, что будь у нея лакеи, она бы велѣла имъ выгнать его и указала ему на дверь.

Когда онъ ушелъ, она упала на диванъ, расхохоталась и зарыдала, а успокоившись, задумалась надъ вопросомъ, какой совѣтъ подалъ бы ей отецъ, при настоящихъ обстоятельствахъ. Ей казалось, что почтенный деканъ сталъ бы ее убѣждать, что она поступила не по-христіански, что человѣкъ этотъ ей искренно преданъ, что онъ очевидно жаждалъ повести новую и лучшую жизнь подъ охраной ея вліянія, что она по капризу отвергла очень блестящую будущность и, въ заключеніе, что греческая церковь по своимъ догматамъ такъ схожа съ англиканской, что онъ, деканъ, не теряетъ надежды увидѣть ихъ сліянье, при чемъ, подобно старцу Симеону, воскликнетъ: „*Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко*“. Послѣ такого эпизода бѣдной Миріамъ захотѣлось тишины и покою, и она возвратилась въ Англію. Тутъ начинается исторія: *La Juive Errante.*

Первой станціей ея на этомъ тяжкомъ пути былъ городокъ Лимингтонъ, гдѣ она поселилась подъ именемъ миссисъ Бичестеръ. Сначала все шло совершенно благополучно. Она жила въ прекрасной квартирѣ, положила довольно крупную сумму на текущій счетъ въ банкѣ, завела себѣ приличный кругъ знакомства; но случайной встрѣчѣ съ однимъ изъ членовъ адвокатской фирмы, вѣдавшей дѣла сэра Генри,

было достаточно, чтобъ мгновенно разрушить заботливо возведенное ею зданіе. Человѣкъ этотъ узналъ ее, назвалъ по имени, а на другой день по городку съ быстротою молніи разнесся слухъ, что она самозванка. Исторія ея передавалась изъ устъ въ уста. Пришлось бѣжать.

Послѣ этой неудачи выборъ ея остановился на городѣ Салчестерѣ. Салчестеръ это былъ такъ называемый „cathedral-town“ т. е. городъ, гдѣ имѣется соборъ и гдѣ всѣ интересы жителей носятъ на себѣ клерикальный отпечатокъ. Духовенство даетъ здѣсь тонъ обществу. Епископъ, деканы, каноники составляютъ мѣстную аристократію. Мисиссъ Алленъ—новый псевдонимъ леди Кревенъ—и въ этой исключительной средѣ сумѣла прекрасно себя поставить. Она повела самый скромный образъ жизни, два раза въ день ходила въ церковь, старалась не выдаваться, за все платила чистыми деньгами и очень скоро пріобрѣла значительную популярность среди своихъ новыхъ согражданъ. Деканъ и жена его пригласили ее обѣдать. Кругъ ея знакомства расширялся съ каждымъ днемъ. Когда ее навѣщали дамы, она предлагала имъ чай, печенья, фрукты; когда гостями ея были мужчины, на столѣ являлось отличное бордо. Мисиссъ Алленъ завоевала всѣ сердца. Мало по малу однако эта однообразная жизнь ей прискучила, такъ что она сочла необходимымъ вновь соединиться съ своей вѣрной наперсницей мисиссъ Фортескью — и попутешествовать. Онѣ объѣздили чуть не полъ-Европы и, когда Міріамъ возвратилась въ свое уютное гнѣздышко, оно показалось ей еще милѣе прежняго. Въ Салчестерѣ ей всѣ были рады, жизнь потекла по-старому, мирно и пріятно. Въ числѣ усерднѣйшихъ поклонниковъ молодой женщины былъ нѣкто мистеръ Медоусвитъ, одинъ изъ младшихъ канониковъ. Въ одно прекрасное утро онъ предложилъ Міріамъ быть его женой. Весь Салчестеръ считалъ ее вдовою; когда въ началѣ ея пребыванія среди нихъ жители, или вѣрнѣе, жительницы богоспасаемаго городка разспрашивали ее о ея прошломъ, она отвѣчала только, что оно было крайне печально, что мужъ ея былъ консуломъ и умеръ при чрезвы-

чайно-трагическихъ обстоятельствахъ. Тутъ являлся на сцену носовой платокъ—продолжать разспросы становилось, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Миріамъ очень захотѣлось принять предложеніе каноника. Онъ былъ красивъ, строенъ, высокъ, имѣлъ прекрасный теноръ, былъ ей симпатиченъ, обладалъ душою честной, благородной и былъ всего нѣсколькими годами старше ея. Онъ ей нравился; и она была убѣждена, что съ ея помощью онъ быстро проложитъ себѣ дорогу. Одно ее затрудняло: неужели необходимо открыть ему ненавистное прошлое. Миріамъ дала ему слово, попросивъ его никому о томъ не говорить до поры до времени, а сама отправилась въ Лондонъ совѣтоваться съ мистеромъ Вили, къ которому когда-то направилъ ее бѣдный Джорджъ Сабинъ. Знаменитый адвокатъ принялъ ее очень любезно но, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшительно объявилъ, что вѣнчаться она можетъ только подъ своимъ настоящимъ именемъ, Миріамъ Кревенъ, и совѣтовалъ ей все открыть жениху, тѣмъ болѣе, что рано или поздно этого не миновать. Возвратясь въ Салчестеръ, Миріамъ провела нѣсколько страшно-мучительныхъ недѣль, но наконецъ рѣшилась и призналась жениху, что она героиня процесса, надѣлавшаго столько шуму, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Она говорила ему, что еслибъ Джорджъ Сабинъ былъ живъ, онъ бы женился на ней, увѣряла, что никакой вины не лежитъ у нея на душѣ. Онъ отвѣтилъ ей, что ни минуты въ томъ не сомнѣвался, но такъ какъ: *„женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ“*, ему невозможно стать ея мужемъ. Онъ прибавилъ, что свято сохранитъ ея тайну, всѣмъ любопытнымъ, уже провѣдавшимъ про ихъ помолвку, будетъ говорить, что она ему отказала и проситъ ее считать его своимъ братомъ, другомъ.

Вскорѣ послѣ ихъ разрыва Миріамъ получила новое письмо отъ отца, все того же содержанія. Неосмотрительный старецъ опять просилъ денегъ. Дочь отвѣчала рѣзкимъ отказомъ и поплатилась за то.

Въ одно прекрасное утро Миріамъ, проходя по главной улицѣ Салчестера, встрѣтила своего отца въ сопровожде-

ніи мѣстнаго декана, а на другой день ей доложили, что послѣдній желаетъ ее видѣть.

Обмѣнявшись съ хозяйкой нѣсколькими ничего незначущими фразами, почтенный деканъ заявилъ, что пришелъ потолковать съ ней о чрезвычайно щекотливомъ предметѣ.

Она отвѣтила, что предчувствовала это.

— Вотъ почему, продолжалъ онъ,—я рѣшился явиться къ вамъ одинъ, такъ какъ желаю, чтобы разговоръ нашъ никому не былъ извѣстенъ кромѣ васъ. Вы, конечно, вчера видѣли меня съ вашимъ отцомъ, который былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ васъ здѣсь, и отъ котораго я, не безъ изумленія и не безъ сожалѣнія, узналъ, что вы жили среди насъ подъ чужимъ именемъ съ цѣлью скрыть ваше прошлое. При такихъ обстоятельствахъ, еслибъ вы, какимъ бы то ни было образомъ, ввели насъ въ заблужденіе положительной ложью, у меня на этотъ счетъ могло бы быть только одно мнѣніе. Но было бы крайне несправедливо утверждать, чтобъ вы пытались это дѣлать. Съ другой стороны, если тутъ не было suggestio falsi, то несомнѣнно было suppressio veri, что почти равносильно. Вы, напримѣръ, позволили себѣ открыто участвовать въ самыхъ священныхъ церковныхъ обрядахъ. Это безусловно дѣло вашей совѣсти. Я никогда не позволю себѣ приписывать вамъ какія-либо недостойныя побужденія. Но другіе служители церкви могли бы иначе взглянуть на вопросъ. Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Вы, конечно, не припишете мнѣ желанія сурово судить о вашемъ поведеніи, или указывать вамъ. Но мнѣ невольно думается и вы, поразмысливъ, согласитесь со мной, что желательно было бы, чтобъ вы оставили Салчестеръ. И мнѣ, и женѣ моей жаль будетъ разстаться съ вами, но вы, я увѣренъ, убѣдитесь, что, оставаясь здѣсь, вы поставите многихъ членовъ капитула, вмѣстѣ съ ихъ семействами, въ чрезвычайно затруднительное положеніе, а этого вы, конечно, постараетесь избѣгнуть цѣною какихъ бы то ни было личныхъ жертвъ.

— Вы очень добры, отвѣчала ему Миріамъ, откровенно и прямо глядя ему въ лицо,—я вамъ очень благодарна за

участіе. Мнѣ кажется, вы правы, и я обѣщаю вамъ, что оставлю Салчестеръ такъ скоро, какъ только успѣю. Мнѣ будетъ очень грустно уѣхать, еще грустнѣе разстаться со многими, кого я уже привыкла считать своими друзьями, но я почти согласна съ вами, что, хорошо или дурно я дѣйствовала до сихъ поръ, теперь для меня выбора нѣтъ.

— Повѣрьте мнѣ, что оно такъ, подтвердилъ онъ.

— Причинъ своего отъѣзда я, конечно, никому объяснять не стану, продолжала Миріамъ;—а въ награду за это обѣщаніе я прошу у васъ одной милости: позвольте мнѣ теперь же вкратцѣ разсказать вамъ исторію моего брака и моего развода.

— Вы безусловно вправѣ этого отъ меня требовать. Мой долгъ васъ выслушать, былъ отвѣтъ.

Она разсказала ему печальную повѣсть своей жизни, просто, спокойно, нисколько не сгущая красокъ. Въ своемъ повѣствованіи она отдавала полную справедливость мужу, воздерживалась отъ всякихъ комментаріевъ относительно отца и въ заключеніе призналась, что въ Салчестерѣ думала отдохнуть отъ всѣхъ этихъ бурь.

— Теперь же, господинъ деканъ, проговорила она, вставая и протягивая ему руку,—мнѣ приходится искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Я уѣду какъ можно скорѣе и надѣюсь, что меня забудутъ очень скоро.

— Въ моемъ домѣ васъ ужь никакъ не забудутъ, леди Кревенъ, увѣрялъ деканъ. Ручаюсь за себя и за жену.

Онъ горячо пожалъ ей руку, они разстались друзьями.

Всѣ треволненія, которыми была переполнена жизнь Миріамъ, имѣли ту хорошую сторону, что развили въ ней философскій взглядъ, пріучили заботиться лишь о настоящемъ, не заглядывая въ будущее и не слишкомъ предаваясь воспоминаніямъ. Значительную роль тутъ, конечно, играла молодость. По отъѣздѣ изъ благочестиваго Салчестера, леди Кревенъ, подъ именемъ мистриссъ Гаскойнъ, поселилась въ Истгамптонѣ, укромномъ городкѣ на южномъ берегу Англіи, недалеко отъ Плимута. Городокъ этотъ возникъ изъ рыбацкой деревушки благодаря тому, что одинъ изъ знаменитѣй-

шихъ Лондонскихъ докторовъ имѣлъ виллу въ этой мѣстности и создалъ славу ея, въ качествѣ санитарной станціи. Устроившись возможно комфортабельнѣе въ своей уютной квартирѣ, которую украсила цвѣтами и множествомъ изящныхъ бездѣлушекъ, что всегда придаетъ комнатамъ жилой видъ, Миріамъ завела себѣ экипажъ, не скромный шарабанъ, какъ въ Салчестерѣ, а болѣе внушительную викторію съ хорошей лошадью и стала жить какъ улитка въ своей раковинѣ. Она много читала, возилась съ канарейками, занималась музыкой, время летѣло незамѣтно... Но такъ продолжалось недолго; въ Истгамптонѣ только-что были построены казармы; одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ—мушкетеры королевы съ придачей баталіона пѣхоты не замедлили занять ихъ и здѣсь-то, среди кавалеристовъ, мнимая мисисъ Гаскойнъ нашла новую жертву. Встрѣтились они съ капитаномъ Молтби на балу, который полкъ его давалъ мѣстному обществу, тотчасъ по прибытіи на новую стоянку. Бархатное платье Миріамъ, ея чудныя кружева и роскошные брилліанты, а главнымъ образомъ ея красота, не могла пройдти незамѣтными среди скромной обстановки провинціальнаго праздника. Она произвела фуроръ. Капитанъ Молтби просилъ разрѣшенія навѣстить ее, она отвѣтила, что очень рада. Миріамъ готовилась къ этому посѣщенію, ей хотѣлось произвести благопріятное впечатлѣніе и можетъ быть, кто знаетъ, съ помощью этого симпатичнаго ей и увлеченнаго ею человѣка, получить наконецъ возможность жить человѣческой жизнью, смотрѣть людямъ прямо въ глаза, не таиться словно преступница. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ Молтби сдѣлалъ ей предложеніе. Онъ не скрылъ отъ нея, что ничего особенно блестящаго сулить ей не можетъ, такъ какъ онъ—второй сынъ, находящійся въ полной зависимости отъ отца, въ матеріальномъ отношеніи, но онъ такъ любилъ ее, такъ горячо и такъ краснорѣчиво умолялъ не отталкивать его преданнаго сердца, что бѣдная женщина была искренно тронута. Къ тому же, на этотъ разъ, не предвидѣлось надобности въ унизительной исповѣди, такъ какъ инкогнито леди Кревенъ было давно раскрыто жителямъ Истгамптона какой-то сплет-

ницей, перекочевавшей изъ богоспасаемаго Салчестера. Весь полкъ, начиная съ командира и его жены, добродушной особы, державшей всѣхъ своихъ офицеровъ „въ струнѣ“, стоялъ за леди Кревенъ, горячо порицая ея мужа и тѣмъ болѣе отца. Рыцарское чувство военной молодежи возмущалось при мысли о страданіяхъ, которыми судьба такъ щедро одѣлила бѣдную и прекрасную жертву человѣческаго фарисейства. Мать командира сама посвѣтила Миріамъ и откровенно высказала ей это, а также и то, что надежды капитана Молтби не составляютъ тайны для нея, мисиссъ Мартинъ, такъ какъ онъ смотритъ на нее, какъ на старшую сестру и ничего отъ нея не скрываетъ. Теплыя слова доброй женщины были цѣлительнымъ бальзамомъ для наболѣвшаго сердца Миріамъ. Она дала слово Молтби. Конечно она не могла сравнить своего чувства къ нему съ любовью, какую питала къ Джорджу Сабинъ, *такъ* любить можно только разъ въ жизни, но молодой офицеръ былъ ей симпатиченъ и она надѣялась, что съ каждымъ днемъ будетъ все сильнѣе и сильнѣе къ нему привязываться. Одно ее смущало—мысль объ отцѣ жениха, согласится ли онъ на ихъ бракъ? Она знала, по разсказамъ сына, что старикъ нрава довольно суроваго, истый пуританинъ; къ тому же онъ и по профессіи принадлежалъ къ числу людей, обязательно наводящихъ микроскопъ на всѣхъ представителей рода человѣческаго, какіе имъ попадаются подъ руку,—процессъ, при которомъ рѣдкій изъ насъ выигрываетъ. Отецъ капитана Молтби былъ судья.

Судьба, однако, не сжалилась надъ Миріамъ. На другой же день послѣ разговора, рѣшившаго, какъ ей казалось, ея участь, она получила отъ Молтби телеграмму съ извѣстіемъ, что онъ сейчасъ уѣзжаетъ въ Лондонъ. Старшій братъ упалъ съ лошади—жизнь его въ опасности.

Еще черезъ нѣсколько часовъ новая телеграмма: братъ умеръ, превративъ жениха Миріамъ въ единственнаго сына и наслѣдника. Это въ корню измѣняло вопросъ. Такъ думала Миріамъ, хотя женихъ ея былъ иного мнѣнія, онъ почти каждый день писалъ ей и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія. Въ одно прекрасное утро Ми-

ріамъ, въ числѣ писемъ самаго разнообразнаго характера, получила какое-то необыкновенно внушительное посланіе. Конвертъ съ широкой траурной каймой, запечатанный гербовой печатью весьма значительныхъ размѣровъ. Съ замираніемъ сердца принялась молодая женщина читать это письмо.

Вотъ оно:

99. Вимполь-Стритъ.
Лондонъ.

Милостивая Государыня!

„Съ большимъ удивленіемъ узналъ я отъ сына моего, что онъ считаетъ себя вашимъ женихомъ, прибавляя, что почитаетъ долгомъ, какъ офицеръ и джентльмэнъ, остаться вѣрнымъ своему слову.

„О томъ, на сколько было неприлично съ его стороны рѣшиться на столь важный шагъ, предварительно не посовѣтовавшись со мной, какъ съ отцомъ своимъ, я и не говорю; полагаю, что, пораздумавъ, вы сами этого отрицать не станете. Это, однако, отнюдь не все, на что я почитаю себя вправѣ негодовать въ этомъ дѣлѣ.

„Почти несомнѣнно, что съ теченіемъ времени я удостоюсь высокаго знака благосклонности Ея Величества, въ видѣ возведенія меня въ званіе пэра и назначенія членомъ судебнаго отдѣла Тайнаго Совѣта, къ каковой корпораціи я ex officio уже принадлежу. Званіе пэра, безъ сомнѣнія, перейдетъ къ моимъ наслѣдникамъ и, еслибъ сынъ мой сталъ упорствовать въ своемъ настоящемъ рѣшеніи, для меня будетъ невозможно послужить моей государынѣ. Итакъ, если вы питаете истинное расположеніе къ капитану Молтби, то ваше чувство долга, я увѣренъ, немедленно заставитъ васъ возвратить ему его слово и такимъ образомъ избѣгнуть, въ числѣ прочихъ непріятностей, непримиримаго отчужденія между отцомъ и его единственнымъ, оставшимся въ живыхъ, сыномъ. Я высказался откровенно по этому тяжелому вопросу, такъ какъ чувствую я все это очень глубоко. Но я старался, на сколько было возможно, щадить ваши чувства и, если какимъ бы то ни было образомъ, невольно

оскорбилъ васъ, то вы, я увѣренъ, не откажетесь принять выраженіе моего искренняго сожалѣнія.

„Я буду имѣть честь лично явиться къ вамъ за отвѣтомъ завтра, въ полдень, и надѣюсь застать васъ одну.

„Имѣю честь быть, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій слуга".

Іосифъ Молтби.

Свиданіе состоялось, его страдательную роль въ немъ разыгралъ старикъ, всѣ аргументы котораго разбивались о гордое спокойствіе собесѣдницы. Онъ распространился о томъ, что сынъ въ полной отъ него зависимости и, женившись на леди Кревенъ—Молтби père все время такъ ее называлъ — будетъ вынужденъ, за неимѣніемъ средствъ, оставить полкъ, отказаться отъ карьеры, которой дорожитъ. Миріамъ замѣтила, что съ нихъ будетъ достаточно ея средствъ.

Тогда выдвинута была тяжелая артиллерія, въ видѣ рисовавшагося въ туманѣ званія пэра, на это послѣдовалъ отвѣтъ, что и военные удостоивались этой чести, даже скорѣй и легче чѣмъ юристы. Словомъ пораженіе пришлось потерпѣть полное. Тѣмъ не менѣе послѣ отъѣзда разъяреннаго противника Миріамъ поняла, что боролась съ нимъ, по любимому выраженію моряковъ, „*для чести флага*". Она знала, что ничто въ мірѣ не заставитъ ее войдти въ семью, членомъ которой ее не желаютъ видѣть. Никакія мольбы бѣднаго Молтби не могли поколебать ея рѣшимости. Она объявила ему, что женой его никогда не будетъ. Пришлось снова взяться за страннический посохъ. Проживъ нѣсколько времени въ семьѣ пастора — въ Линкольнширѣ — эпизодъ этотъ, какъ совершенно лишенный интереса, выпускаемъ—Миріамъ, съ своимъ вѣрнымъ другомъ Этель Фортескью, снова пустилась странствовать по бѣлу свѣту. Въ Трувилѣ онѣ познакомились съ четою Фоксъ; супруги эти сами по себѣ не представляли ничего особеннаго, мужъ былъ типомъ разбогатѣвшаго буржуа, но имѣлъ на столько здраваго смысла, что не пытался скрывать своего происхожденія, жена—вполнѣ безцвѣтная особа, съ большими претензіями, была дочерью лорда. Враги мистера Фокса утверждали,

что онъ вульгаренъ, друзья возражали,—что у него доброе сердце. Миріамъ забавлялась имъ, а онъ пришелъ отъ нея въ такой восторгъ, что упрашивалъ ее пріѣхать, по возвращеніи въ Англію, погостить съ мисиссъ Фортескью въ его имѣніи въ Беркширѣ. Миріамъ обѣщала, впослѣдствіи оказалось, что эта встрѣча имѣла рѣшающее значеніе въ ея жизни.

Возвращаясь изъ Трувиля, во время короткаго пребыванія въ Парижѣ Миріамъ снова суждено было встрѣтиться съ Баланниковымъ. Русскій князь, болѣе чѣмъ когда-либо увлеченный ею, увѣрялъ, что готовъ навсегда поселиться въ Англіи, если она согласится на все, что онъ когда-то предлагалъ ей. Его странныя рѣчи пугали ее, и она старалась его успокоить. Правда, минутами въ ней сказывалась нравственная усталость, она даже доходила до того, что говорила себѣ, что у него въ рукахъ деньги, и что это—все, что ей осталось на этомъ свѣтѣ, законы котораго, подобно законамъ Мидянъ и Персовъ, неизмѣнны. Одно ее удерживало—это память о Джорджѣ Сабинъ.

Въ началѣ октября Миріамъ и Этель были въ Беркширѣ. Загородный домъ Фоксовъ оказался однимъ изъ тѣхъ, за которые любой парижскій банкиръ тотчасъ пожертвовалъ бы дюжиной châteaux. Это было старое, безобразное зданіе, къ которому прибавлялись этажъ за этажемъ, крыло за крыломъ, комната за комнатой, смотря по требованіямъ минуты. За домомъ до самой дороги тянулся хвойный лѣсъ, а передъ домомъ до рѣки лугъ, испещренный цвѣтами. На рѣкѣ—цѣлая флотилія разнообразныхъ лодокъ, словомъ—маленькій рай!

Вновь прибывшія сразу почувствовали себя какъ дома. Гостей было много, мужчины отнеслись къ Миріамъ дружелюбнѣе женщинъ. Послѣднихъ она раздражала всѣмъ: туалетомъ, который рѣзко отличался отъ ихъ собственнаго, самообладаніемъ, сдержанностью, нежеланіемъ болтать болтовни ради. Она чувствовала себя въ положеніи некрасиваго утенка въ чудной сказкѣ Ганса Андерсена. Общество было самое разнообразное: тутъ былъ ректоръ изъ Лондона съ женой и старшей дочерью. Приходъ его находился въ

Сити и у него было не болѣе десяти прихожанъ. Онъ получалъ двѣ тысячи фунтовъ въ годъ, платилъ двѣсти своему помощнику, былъ компаніономъ въ нѣсколькихъ компаніяхъ въ Сити. Впрочемъ человѣкъ добрый и вполнѣ искренній.

Былъ тутъ докторъ изъ Вестъ-Энда съ огромной практикой. Спеціальностью его была скрытая чахотка. Вы можете не страдать ею въ настоящую минуту, но онъ готовъ прозакладывать свою репутацію, что вы сдѣлаетесь жертвой ея черезъ шесть мѣсяцевъ, если не послѣдуете его совѣту— поѣхать въ Ментонъ, пробыть тамъ сколько вздумается, а по возвращеніи снова посовѣтоваться съ нимъ. Былъ на лицо и издатель еженедѣльной газеты *Комета*, былъ судья, который любилъ вѣшать, въ частной же жизни былъ кротокъ и не чуждъ нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей: онъ былъ охотникъ до молока и уничтожалъ печенье съ жадностью проголодавшагося школьника. Былъ тутъ и лордъ Робертъ Фитцъ-Генри, третій братъ герцога Беркширскаго, тратившій весь свой значительный доходъ на свою яхту, съ которой сходилъ на берегъ лишь на короткое время; былъ наконецъ и лордъ Ашвель, наслѣдникъ графа Кембриджскаго. Это былъ высокій молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-четырехъ съ длинными ногами и руками, неловкій, неуклюжій. У него было румяное лицо, красныя губы, пушокъ надъ губой, изсѣра-голубые глаза, кудрявые, бѣлокурые волосы. Онъ краснѣлъ, когда съ нимъ разговаривали. При однообразной жизни, какая велась подъ гостепріимнымъ кровомъ мистера и мисисъ Фоксъ, общество увлекательной мисисъ Гаскойнъ было особенно дорого молодому дикарю, онъ воспламенился необыкновенно быстро и однажды, заставъ ее одну, напрямикъ объявилъ ей, что любитъ ее.

Выражался онъ энергически, но очень нескладно и въ заключеніе сказалъ ей, что хоть мѣсяцъ толкуй, ничего больше этого онъ не скажетъ.

— Вамъ рѣшительно нѣтъ никакой надобности толковать цѣлый мѣсяцъ, возразила Миріамъ. Я увѣрена, что мы отлично понимаемъ другъ друга. Вы оказали мнѣ величай-

шую честь, какую мужчина можетъ оказать женщинѣ; я вамъ очень благодарна. Я знаю, что вы искренни, но объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Останемтесь добрыми друзьями, лордъ Ашвель.

— Это всегда такъ говорится, съ неудовольствіемъ проговорилъ онъ,—будемте друзьями. Ненавижу я это слово. Конечно, дружба имѣетъ свою прелесть. Но вашей дружбы мнѣ не нужно. Я ея не прошу. Я прошу того, что́ цѣню гораздо выше.

— Въ такомъ случаѣ, сказала она,—вы желаете больше, чѣмъ я могу дать вамъ. Я не могу дать того, чего не имѣю. Вы мнѣ очень симпатичны съ самаго начала нашего знакомства. Вы одинъ изъ немногихъ истыхъ джентльмэновъ, какихъ я встрѣчала въ жизни. Но всегда лучше говорить правду. Я не люблю васъ и не думаю, чтобъ когда-нибудь могла полюбить.

Лордъ Ашвель умолялъ ее не лишать его надежды, на томъ разговоръ и кончился.

Дня черезъ четыре въ замкѣ былъ балъ и на этомъ балу юный и восторженный лордъ снова атаковалъ даму своего сердца.

— Надѣюсь, сказалъ онъ, что вы обдумали нашъ разговоръ. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, что́ вы мнѣ скажете. Если это то, что́ я жажду услышать, я не знаю, что́ я сдѣлаю или скажу, но я долженъ замѣтить одно, что рѣшился не отставать, пока вы, наконецъ, не скажете: *да*.

— Но я не имѣла времени ничего обдумать. Это такъ неожиданно, защищалась Миріамъ.

— Это несправедливо, отвѣтилъ онъ.—Вамъ было дано пять дней. Право, этого достаточно, чтобъ истощить списокъ моихъ недостатковъ. Достоинствъ за мной не водится. Пожалуйста, мисисъ Гаскойнъ, сейчасъ же скажите мнѣ, чего я долженъ ожидать отъ жизни.

— Въ такомъ случаѣ, лордъ Ашвель, вы мнѣ очень симпатичны и я всѣми силами буду стараться полюбить васъ. Думаю, что это задача не изъ очень трудныхъ.

— Значитъ: *да?* спросилъ онъ съ оттѣнкомъ сомнѣнія.

— Полагаю, что такъ.

— Вы очень добры, я этого не стою.

Этель Фортескью очень обрадовалась, узнавъ, что другъ ея у пристани. Бѣдовая вдовушка и себя не забыла, во время пребыванія въ замкѣ ей удалось поймать въ свои сѣти пожилаго альдермэна, жизнь котораго не сулила ему впереди особыхъ радостей, такъ какъ энергическая особа уже теперь деспотически распоряжалась своимъ будущимъ повелителемъ.

Миріамъ съѣздила въ Лондонъ, гдѣ имѣла длинное совѣщаніе съ адвокатомъ, мистеромъ Вили. Этотъ мужъ совѣта и разума отзывался о молодомъ лордѣ Ашвелѣ съ самой лестной стороны, поздравлялъ свою кліентку съ такой побѣдой, настоялъ на томъ, что необходимо открыть истину человѣку, до котораго она всѣхъ ближе касается. По возвращеніи въ замокъ, Миріамъ нашла тамъ слѣдующее письмо:

Джокей-Клубъ. Парижъ.
24 октября 18—

„Дорогая леди Кревенъ, легко можетъ быть, что письмо это не скоро дойдетъ до васъ. Я не знаю, гдѣ вы и думаю, что въ Англіи, въ это время года вы не должны сидѣть на одномъ мѣстѣ.

„Я въ Парижѣ и, конечно, провожу время пріятнѣе, чѣмъ могъ бы провести его въ Петербургѣ или Лондонѣ. Тѣмъ не менѣе, я невольно сожалѣю, что я не въ Каирѣ или не въ Дамаскѣ.

Зачѣмъ, я вамъ пишу? Я, понятно, не забылъ строгаго запрета, какой вы наложили на меня. Конечно я неправъ, нарушая его. Mais que voulez vous? Новости, порою, доходятъ до меня странными путями и я слышалъ кое-что о васъ и, сказать вамъ правду, о лордѣ Ашвелѣ. Надѣюсь, что дошедшіе до меня слухи невѣрны, такъ какъ милордъ—достойный всякаго уваженія образецъ молодаго, англійскаго джентльмэна и, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы образцовымъ и чрезвычайно любящимъ мужемъ. Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Но мой простой долгъ сообщить

вамъ, какъ можно скорѣе, что вамъ грозитъ опасность. Подлинная исторія вашей жизни легко можетъ во всякую данную минуту, когда вы всего менѣе этого ожидаете, открыться. Тогда вы убѣдитесь, что вамъ предстоитъ большая борьба.

„Моя же любовь къ вамъ остается неизмѣнной. Я не лгалъ, говоря вамъ, что это единственная страсть въ моей жизни. Во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, мое старое предложеніе и связанныя съ этимъ предложеніемъ обѣщанія остаются въ своей силѣ. Я на-вѣки покину Россію и предоставлю вамъ выборъ нашего мѣстопребыванія.

„Еслибъ я вамъ понадобился, въ чемъ я почти не сомнѣваюсь, при томъ гораздо скорѣй, чѣмъ вы думаете, телеграфируйте мнѣ сюда или пріѣзжайте, какъ вздумается. Мнѣ почему-то кажется, что вы пріѣдете, а потому я не уѣду отсюда, пока не получу отъ васъ извѣстій. Я могъ бы исписать нѣсколько листовъ, но я высказалъ все, что нужно и теперь буду ждать нашего свиданія“.

Вѣчно вашъ
Баланниковъ.

Этель уѣхала на десять дней въ Парижъ, гдѣ у нея накопилось много дѣлъ. Миріамъ осталась въ замкѣ. На душѣ у нея было какъ-то смутно и тяжело. Проводивъ друга на станцію, она провела весь день въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа, не спала всю ночь и, когда на другой день вошла въ столовую къ завтраку, то поняла, почему ее томило тяжкое предчувствіе.

На противуположномъ концѣ длинной комнаты, по-прежнему моложавый и самоувѣренный, очевидно почитая себя центромъ всего общества, ораторствовалъ сэръ Генри Кревенъ, ея супругъ и повелитель.

Положеніе было не изъ пріятныхъ.

Миріамъ не отвела глазъ, когда сэръ Генри взглянулъ въ ея сторону. Она церемонно поклонилась ему, но на лицѣ ея было выраженіе говорившее: „Дѣлайте, что знаете. Мы оба прекрасно понимаемъ, что мечъ вынутъ изъ но-

женъ. Помилованія я не жду и, если вы намѣрены вступить въ бой, я также сумѣю постоять за себя".

Не смотря на это возбужденное состояніе леди Кревенъ сознавала, что много тяжелаго еще предстоитъ ей. Она не ошиблась.

Въ паркѣ, куда она пошла побродить послѣ пріятнаго сюрприза, она встрѣтила лорда Ашвеля. Онъ казался взволнованнымъ, раздраженнымъ.

— Очень тяжело, мисисъ Гаскойнъ, заговорилъ онъ, когда происходятъ такія непріятныя вещи. Я не желаю предлагать никакихъ тяжелыхъ для васъ вопросовъ, но я полагаю, что вы знаете стараго сэра Генри Кревенъ. Онъ здѣсь и очень много говорилъ про васъ. Но минуты не могу допустить, чтобъ онъ положительно лгалъ. Что-нибудь тутъ да должно быть. Можетъ быть, онъ имѣетъ свой взглядъ на вопросъ, можетъ быть, онъ неправъ, можетъ быть правъ. Я о немъ не особенно высокаго мнѣнія. Но то, что онъ сказалъ, требуетъ отвѣта.

Миріамъ быстро сообразила, что ей ничего не остается, какъ признаться во всемъ.

— Вы хотите сказать, заговорила она,—что мое настоящее имя не Гаскойнъ, что я когда-то была леди Кревенъ. Что жъ, моя исторія извѣстна вамъ въ томъ видѣ, какъ и многимъ. Я могла бы разсказать вамъ ее по-своему. Еслибъ вы знали всю истину, вы пожалѣли бы меня. Но даже всей истинѣ не уничтожить фактовъ. Это я прекрасно сознаю. Факты вамъ извѣстны, вы знаете худшее. Истолкованіе ихъ—другой вопросъ. Я готова истолковать ихъ, но уничтожить не могу.

— А дѣло очень просто, сказалъ Ашвель. Я съ вами познакомился, какъ съ мисисъ Гаскойнъ, теперь оказывается, что вы вовсе не носите того имени, что вы леди Кревенъ. Ваше дѣло объяснить это. Я этихъ вещей не понимаю, я къ нимъ не привыкъ.

— Я имѣла намѣреніе сказать вамъ все, но исторію цѣлой жизни нельзя вспомнить въ нѣсколько минутъ.

— Все это, твердилъ онъ, глядя на свои сапоги, а не на нее,—крайне непріятно.

— Я не понимаю, о чемъ вы безпокоитесь, воскликнула Миріамъ, окончательно выведенная изъ терпѣнія. Вы недовольны тѣмъ, что слышали про меня. Пусть такъ. Вы уѣзжаете отсюда и я также. Разстанемтесь, будто никогда не встрѣчались.

— Мнѣ очень жаль, возразилъ онъ,—но я не вижу другаго выхода изъ этого положенія.

Они возвратились въ домъ, не говоря ни слова.

Предстояло еще прощаніе съ хозяйкой.

Леди Алетея вошла въ свой будуаръ, гдѣ ждала ее отъѣзжающая.

— Леди Алетея, сказала Миріамъ, я должна ѣхать и хотѣла проститься съ вами и поблагодарить васъ за ваше гостепріимство.

— Такъ вы уѣзжаете, леди Кревенъ, былъ отвѣтъ,— что жъ, оно пожалуй и лучше, когда прощаніе короткое.

Миріамъ встала, когда хозяйка вошла. Обѣ остались на ногахъ.

— Пожалуй, особенно, когда оно окончательное, какъ наше.

— Совершенно съ вами согласна, отвѣтила леди Алетея, повернулась къ двери и зашуршала платьемъ по корридору.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, Миріамъ телеграфировала Этели: „Выѣзжаю, Парижъ, завтра утромъ, 9 ч. 40 м. Встрѣтьте меня, я устала“.

Мѣсяца черезъ два послѣ всѣхъ этихъ событій, Миріамъ получила письмо отъ отца, который снова обращался къ ней за помощью. Онъ помѣстилъ свои деньги въ какую-то компанію, съ необыкновенно длиннымъ названіемъ, компанія лопнула, и положеніе его становилось трагическимъ, Миріамъ отвѣтила ему:

Парижъ, Елисейскія Поля, 2001.
28 декабря 18—

Дорогой отецъ!

„Вашъ печальный разсказъ глубоко огорчилъ меня. Вамъ я обязана жизнью и всѣмъ счастіемъ, какое эта жизнь мнѣ

принесла. Я была бы болѣе, чѣмъ безчеловѣчна, еслибъ не питала къ вамъ глубокой благодарности. Моему банкиру отданъ приказъ немедленно положить на ваше имя въ старый банкъ въ Соутвикѣ сто фунтовъ и производить подобную же уплату каждые три мѣсяца.

„Не мѣшаетъ вамъ знать, откуда эти деньги. Это часть суммы, которую я получаю отъ князя Баланникова. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я совершенно отказалась отъ пенсіи, какую получала отъ сэра Генри Кревенъ. Примите эти деньги, дорогой отецъ, берегите ихъ и тратьте осмотрительно".

Ваша дочь
Миріамъ.

Съ первой же почтой былъ полученъ отвѣтъ:

Соутвикъ. 29 декабря 18—

Дорогое дитя мое!

„Прежде всего позволь отъ всего сердца поблагодарить тебя за твою сердечную и благовременную помощь. Дни мои сочтены, не долго мнѣ пользоваться твоимъ великодушіемъ. Но я счастливъ, видя, что сохранилъ твою привязанность.

„Не судите, да не судимы будете". Я всегда сознавалъ всю силу и прелесть этого божественнаго повелѣнія и смиренно старался согласовать съ нимъ свою жизнь.

„Морганатическіе браки, подобные твоему, признаются греческой церковью, къ которой я всегда питалъ величайшее сочувствіе, провидя съ горячей вѣрой окончательное возсоединеніе христіанства. Чѣмъ ближе мы придерживаемся сухихъ догматовъ, тѣмъ болѣе отдаляемся отъ свѣта, отъ жизни, отъ истины".

Твой преданный и любящій отецъ
Августъ Сентъ-Обенъ.

Преобразованіе долга Общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Лишенное, внезапно неожиданно и несправедливо, въ эпоху освобожденія крестьянъ помощи долгосрочнаго государственнаго кредита, наше крупное землевладѣніе прибѣгло къустройству заемныхъ банковъ на началахъ взаимности. Покойный Государь съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія принялъ извѣстіе объ этомъ починѣ, исходившемъ изъ среды дворянской знати и Обществу взаимнаго поземельнаго кредита предоставлена была свобода дѣйствія на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, за псключеніемъ Финляндіи, составляющей особое политическое и хозяйственное тѣло въ нашемъ государственномъ организмѣ, и губерній Царства Польскаго, гдѣ землевладѣніе пользовалось дешевымъ *земскимъ* кредитомъ и даже кредитомъ мелioраціоннымъ, изъ *государственныхъ* источниковъ, съ начала тридцатыхъ годовъ.

Благодаря запродажѣ закладныхъ листовъ вліятельной на европейскихъ биржахъ группѣ банкировъ, Общество взаимнаго поземельнаго кредита могло безпрепятственно удовлетворять возродившемуся въ обширныхъ размѣрахъ спросу на долгосрочный кредитъ, получивъ же въ 1867 г. въ свое распоряженіе пятимилліонный капиталъ бывшаго то-

варищества пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ, открыло для своихъ заемщиковъ и дешевый краткосрочный кредитъ подъ соло-векселя, доставлявшій землевладѣльцамъ оборотныя средства для веденія ихъ хозяйствъ. Съ 1868 по 1877 годъ оно выдало долгосрочныхъ ссудъ на 130 милл. металл. рублей, соотвѣтственно этому выпустивъ въ обращеніе 13 серій закладныхъ листовъ, по 10 милл. каждая; ежегодные обороты его по ссудамъ подъ соло-векселя простирались до 16 милл. кред. рублей. Положеніе заемщиковъ Общества, пользовавшихся зачетомъ прибылей въ срочные платежи, могло считаться вполнѣ удовлетворительнымъ при тогдашней дороговизнѣ частнаго кредита; но начиная съ 1877 года, вслѣдствіе значительнаго упадка курса нашего бумажнаго рубля, условія перемѣнились. Платежи заемщиковъ стали превышать 8 рубл. съ сотни ссуды, дошли въ 1884 году до 8 р. 90 к., а въ случаѣ еще дальнѣйшаго увеличенія срочныхъ по займамъ взносовъ неизбѣжною представлялась принудительная продажа значительной части заложенныхъ имѣній.

Въ устраненіе такого бѣдствія, Общество въ томъ же 1884 году исходатайствовало разрѣшеніе на выпускъ 5% облигацій въ суммѣ 3.800.000 кр. рубл. номинальной стоимости, съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ этого займа деньги были обращаемы на обезпеченіе заемщиковъ въ производствѣ срочныхъ платежей по металлическимъ ссудамъ. Платежъ свыше 8 р. кр. съ каждой сотни металлической ссуды разрѣшено относить на счетъ облигаціоннаго займа, для уплаты же процентовъ по выпущеннымъ облигаціямъ правительство изъявило согласіе выдавать Обществу безпроцентные авансы, возмѣщеніе которыхъ казнѣ начиналось только тогда, когда Общество, взимая съ заемщиковъ не свыше 8 руб. съ сотни ссуды, будетъ располагать свободными денежными остатками [1]).

---

[1]) Высоч. утвержденное 22 мая 1884 г. мнѣніе Госуд. Сов.

Такой способъ фиксаціи въ кредитныхъ единицахъ срочныхъ взносовъ по металлическимъ ссудамъ въ сущности не облегчалъ положенія заемщиковъ; имъ устранялось только, и при томъ лишь временно, дальнѣйшее отягощеніе ихъ непосильными платежами. Восемь рублей съ сотни ссуды—тяжелый платежъ для землевладѣнія во всякое время и долго длиться не можетъ; при уменьшеніи же доходности имѣній, вслѣдствіе наступившаго кризиса въ земледѣльческой промышленности и истощенія естественной производительности почвы въ мѣстностяхъ черноземной полосы, платежныя силы 7.000 хозяевъ—членовъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита—оказались бы вскорѣ въ конецъ подорванными еще болѣе обременительными условіями займовъ по вторымъ закладнымъ. Къ безповоротному разоренію такой значительной и культурной группы землевладѣльцевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ уѣздамъ болѣе или менѣе хлѣбородныхъ мѣстностей Европейской Россіи, высшее правительство, весьма понятно, не могло отнестись безучастно, и Государственный Совѣтъ, обсуждая проектъ учрежденія дворянскаго банка, предоставилъ министру финансовъ „подвергнуть ближайшему соображенію и разработкѣ вопросъ о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для облегченія, *при помощи дворянскаго банка*, положенія заемщиковъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита [1]).

Бывшее финансовое управленіе, въ дѣлѣ организаціи долгосрочнаго государственнаго кредита не стоявшее, какъ извѣстно, за принципъ сословности, признавало умѣстнымъ допустить самое сліяніе Общества съ дворянскимъ банкомъ. Оно находило возможнымъ понизить платежъ до 6 р. 90 к. кр. съ сотни первоначальной ссуды и въ этомъ размѣрѣ фиксировать срочные взносы металлическихъ заемщиковъ Общества, съ уничтоженіемъ ихъ круговой поруки и съ правительственной гарантіей выпущенныхъ въ обращеніе 5% закладныхъ листовъ, но условія досрочнаго выкупа оставляло

---

[1]) Высоч. утвержденное 3 іюня 1885 г. мнѣніе Госуд. Сов.

въ прежнемъ видѣ и требовало передачи дворянскому банку всѣхъ капиталовъ Общества.

Предложенная мѣра прежде всего являлась особенно льготною для владѣльцевъ закладныхъ листовъ, т. е. для кредиторовъ Общества, такъ какъ правительственная гарантія несомнѣнно подняла бы цѣну закладныхъ листовъ, слѣдовательно, еще болѣе затруднила бы досрочный выкупъ. Усиливая прикрѣпленіе къ землѣ тѣхъ заемщиковъ Общества, которые уже давно тяготятся своею земельною собственностью или находили бы болѣе для себя выгоднымъ продажею части своихъ помѣстій освободиться отъ обременительныхъ для хозяйства долговъ по вторымъ закладнымъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ возлагала на казну бремя гарантіи по 5-ти процентнымъ металлическимъ обязательствамъ Общества въ то время, когда состояніе денежнаго рынка позволяло заключать на выгодныхъ условіяхъ $4^1/_2$ процентные облигаціонные займы. Кромѣ того, предрѣшая ликвидацію „золотаго банка", бывшій министръ финансовъ безповоротно лишалъ заемщиковъ всякой надежды на пониженіе все еще высокаго, сравнительно съ платежами заемщиковъ дворянскаго банка, размѣра ихъ срочныхъ взносовъ, въ томъ случаѣ, если исправится курсъ нашего кредитнаго рубля. Въ ближайшемъ будущемъ слѣдовало, конечно, ожидать только ухудшенія курса, но едва-ли основательно было бы допустить неизмѣнность гнетущихъ обстоятельствъ въ теченіе всего времени, остающагося до окончательнаго погашенія долговыхъ обязательствъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, т. е. на срокъ отъ 36 до $45^1/_2$ лѣтъ, считая съ іюля 1887 года. Еслибы и дѣйствительно самое имя Общества было „одіозно", какъ усердно твердили нѣкоторые изъ вліятельныхъ его членовъ, то такое настроеніе въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ еще не могло служить достаточнымъ поводомъ къ обременительной для казны и безотрадной для заемщиковъ ликвидаціи. У людей предусмотрительныхъ и не простиравшихъ рукъ къ казенному сундуку, какъ къ пристани спасенія, естественно родилась мысль, въ свое время поддержанная на страницахъ „Мо-

сковскихъ Вѣдомостей", нельзя ли иными путями достигнуть облегченія заемщиковъ въ мѣрѣ ихъ платежной способности. Возникло предположеніе о конверсіи металлическихъ листовъ съ преміей въ кредитные выигрышные билеты по образцу французскихъ obligations foncières et communales. Московскій земельный банкъ охотно бралъ на себя эту операцію, и можно сказать съ увѣренностью, что этимъ способомъ была бы вполнѣ удовлетворительно и безъ всякихъ для казны приплатъ по гарантіи разрѣшена задача помощи заемщикамъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита. Но такая мѣра сопровождалась бы выпускомъ на нашъ небогатый капиталами денежный рынокъ слишкомъ на сто милліоновъ *спекулятивныхъ* процентныхъ бумагъ, наименѣе желательныхъ съ точки зрѣнія правильнаго денежнаго хозяйства. Представленный въ 1886 году, вмѣстѣ съ ходатайствами Общества, проектъ бывшаго министра финансовъ былъ отклоненъ Государственнымъ Совѣтомъ и затѣмъ, 12-го января 1887 года, удостоено Высочайшаго утвержденія мнѣніе того же Совѣта, которымъ, между прочимъ, постановлено: предоставить министру финансовъ войти въ подробное соглашеніе съ Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита относительно мѣръ, которыя могли бы быть приняты для наилучшаго облегченія его заемщиковъ, но съ тѣмъ, „чтобы въ число этихъ мѣръ отнюдь не входило предположеніе о конверсіи металлическаго долга при помощи займа съ выигрышами".

Такимъ образомъ былъ окончательно устраненъ вопросъ о сліяніи съ государственнымъ дворянскимъ банкомъ частнаго и безсословнаго кредитнаго установленія, и отвергнуты услуги Московскаго земельнаго банка.

Новому финансовому управленію пришлось перенести устройство дѣлъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита на иную почву, къ чему оно и приступило, можно сказать, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности.

Оно не было уполномочено поступать диктаторски, руководствуясь исключительно своими собственными соображеніями. Мнѣніе Государственнаго Совѣта обязывало его „войти

въ подробное соглашеніе съ Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита" и оно дѣйствовало не иначе, какъ по согласію съ уполномоченными Общества, составившими изъ себя особую коммиссію на правахъ общаго собранія. Но, по удостовѣренію предсѣдателя коммиссіи, министерство финансовъ „приняло самое дѣятельное участіе и руководящее положеніе" въ разработкѣ существеннаго для Общества вопроса, „и только благодаря содѣйствію главнаго въ этомъ дѣлѣ правительственнаго органа", коммиссія имѣла возможность, сравнительно въ короткій срокъ, исполнить возложенную на нее задачу [1]).

За точку отправленія было принято выраженное еще въ 1884 году желаніе Общества фиксировать въ кредитныхъ единицахъ платежи заемщиковъ и готовность послѣднихъ уплачивать въ общемъ среднемъ по 6 р. 90 к. кредитныхъ на каждую сотню рублей первоначальной ссуды, въ теченіе 56 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы этими уплатами былъ сполна погашенъ остатокъ ихъ металлическаго долга. Этотъ остатокъ къ 1-му іюля 1887 года опредѣлялся въ 108.560.800 мет. рубл. по 5% закладнымъ листамъ, погашаемымъ, съ уплатою преміи въ 25%, въ сроки, которые съ означеннаго числа имѣютъ продолжительность отъ 36 до 45½ лѣтъ.

Общество соглашалось на удлиненіе сроковъ своихъ долговыхъ обязательствъ отъ 10½ до 20 лѣтъ, лишь бы только были уменьшены до указаннаго предѣла и фиксированы въ кредитныхъ единицахъ срочные взносы его членовъ-заемщиковъ, другими словами—оно желало разсрочки на 56 лѣтъ тѣхъ самыхъ платежей, которыми, по условіямъ выпуска закладныхъ листовъ, долны быть оплачены проценты и окончательно погашенъ въ болѣе короткіе сроки представляемый сими листами капиталъ. Разсрочить платежи заемщиковъ, не сдѣлавъ въ то же время соотвѣтственной разсрочки самыхъ долговыхъ обязательствъ Общества, т. е. выпущенныхъ имъ закладныхъ листовъ, было бы невозможно

[1]) Подписанный графомъ В. Левашовымъ циркуляръ отъ 21 іюля 1887 г., за № 11,900.

безъ чрезмѣрнаго обремененія казны приплатами [1]), а потому естественно возникло предположеніе о замѣнѣ существующихъ закладныхъ листовъ новыми, погашаемыми по тиражу въ теченіе того же 56-ти лѣтняго срока, на который были бы разсрочены платежи заемщиковъ.

Какъ скоро представилась необходимость замѣны существующихъ закладныхъ листовъ новыми, на одинъ общій для всѣхъ 56-ти лѣтній срокъ, то естественно явилась и мысль, нельзя ли эти новые закладные листы выпустить на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ это было прежде, 20 лѣтъ тому назадъ.

Въ этихъ видахъ нынѣшній министръ финансовъ вошелъ въ переговоры съ братьями Ротшильдъ въ Парижѣ, М. А. Ротшильдъ во Франкфуртѣ и Блейхредеръ въ Берлинѣ, вѣроятно, руководствуясь въ выборѣ банкирскихъ фирмъ соображеніемъ, что при значительныхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжена конверсія закладныхъ листовъ, операція эта едва-ли могла бы имѣть успѣхъ, еслибы была предпринята помимо названныхъ фирмъ. Непосредственное участіе послѣднихъ въ конверсіи представлялось тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что онѣ же реализовали въ свое время металлическіе листы Общества прежнихъ выпусковъ и понынѣ состоятъ его корреспондентами.

Состоялось соглашеніе, облеченное въ форму предварительнаго договора между Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита, съ одной стороны, и синдикатомъ, образованнымъ гг. Ротшильдъ и Блейхредеръ, — съ другой. Сущность соглашенія заключается въ слѣдующемъ:

Синдикатъ принимаетъ на себя конверсію 5% находя-

---

[1]) Платежи заемщиковъ, по желанію Общества, предполагалось разсрочить на 56 лѣтъ, при обязательствѣ же погашенія прежде выпущенныхъ закладныхъ листовъ не позже, какъ въ сроки отъ 36 до $45^1/_2$ лѣтъ, казнѣ, въ случаѣ принятія на себя гарантіи, пришлось бы приплачивать ежегодно весьма крупныя суммы, возмѣщеніе которыхъ по частямъ началось бы не ранѣе 36 лѣтъ.

щихся въ обращеніи закладныхъ листовъ Общества взаимн. позем. кредита въ $4^1/_2$%-ные листы, съ полученіемъ за 100 существующихъ листовъ 110 новыхъ, погашаемыхъ *безъ преміи* въ 56 лѣтъ, но съ условіемъ, что они будутъ свободны отъ сбора съ доходовъ отъ капиталовъ и вполнѣ гарантированы правительствомъ. При этомъ синдикатъ принимаетъ на себя, обязательно и безусловно, конверсію съ 1 іюля по 31 декабря 1887 г. 5% закладныхъ листовъ на 22 милл. рубл., предоставляя себѣ свободу конвертировать и остальное ихъ количество (86.560.800 р.) въ теченіе двухъ лѣтъ, считая отъ окончанія конверсіи обязательной для синдиката партіи въ 22 милл. рублей.

Вникая въ эти условія, нельзя не замѣтить, что въ нихъ нѣтъ существенныхъ признаковъ *конверсіи* въ строгомъ смыслѣ слова. Конверсія предполагаетъ обмѣнъ рубль за рубль болѣе доходной бумаги на менѣе доходную и владѣльцамъ конвертируемой цѣнности предоставляетъ только выборъ между такимъ обмѣномъ или полученіемъ нарицательнаго капитала наличными деньгами. Банкиры же требовали прибавки къ нарицательному капиталу въ размѣрѣ 10% и въ общей сложности не только не уменьшали, но еще увеличивали доходы кредиторовъ Общества, что̀ видно изъ слѣдующаго разсчета:

Каждая сотня 5% закладныхъ листовъ приноситъ дохода 500 р., а за вычетомъ 25 р. нынѣ установленнаго государственнаго сбора,—475 р., тогда какъ доходъ отъ замѣняющихъ эту сотню 110-ти $4^1/_2$%-ныхъ листовъ не подлежитъ никакому вычету въ пользу казны и полностію поступаетъ въ собственность кредиторовъ Общества, въ размѣрѣ 495 рублей.

Вся операція сводится къ уничтоженію преміи, платимой за вышедшіе въ тиражъ листы, съ нѣкоторымъ за то увеличеніемъ дѣйствительно получаемаго дохода отъ всего количества закладныхъ листовъ. Такая конверсія есть ничто иное, какъ преобразованіе выигрышнаго займа въ обыкновенный съ удлиненіемъ срока.

Одно изъ предложенныхъ синдикатомъ условій—увеличе-

ніе обязательствъ Общества на 10%—не могло быть удовлетворено въ чистомъ видѣ, ибо соотвѣтственно этому пришлось бы увеличить и остатокъ капитальнаго долга заемщиковъ, чѣмъ существенно были бы нарушены интересы ихъ русскихъ кредиторовъ по вторымъ закладнымъ; кромѣ того неизбѣжно возрастали и приплаты казны, по даруемой правительствомъ гарантіи, ежегодно на сумму 532.600 мет. рублей, что вмѣстѣ съ потерею налога въ 109.200 мет. рублей (если налогъ на закладные листы равномѣрно распредѣлить по всѣмъ 112 полугодіямъ) составило бы сумму довольно крупную и превосходящую тотъ убытокъ, которымъ угрожалъ государственному казначейству проектъ бывшаго финансоваго управленія, отвергнутый Государственнымъ Совѣтомъ. Съ тѣми же пожертвованіями, какія требовались отъ Общества отклоненнымъ министерскимъ проектомъ, можно было достигнуть лучшихъ результатовъ, и они дѣйствительно были достигнуты.

Общество взаимн. позем. кредита, за исключеніемъ своего *спеціальо запаснаго фонда*, обезпечивающаго *кредитные* закладные листы, которые оно стало выпускать съ 1881 года, имѣло металлическихъ процентныхъ бумагъ на 10.644.000 руб. нарицательной стоимости и капиталъ въ 3.002.000 р. кр., затраченный въ краткосрочныя ссуды. Надлежало только по-хозяйски распорядиться большею частію этихъ капиталовъ и доходами отъ ихъ остатковъ.

Для выкупа закладныхъ листовъ въ такомъ количествѣ, чтобы сумма вновь выпускаемыхъ $4^1/_2\%$-ныхъ листовъ не превышала количества состоявшихъ въ обращеніи 5%-ныхъ листовъ (108.560.800 мет. р.), пришлось употребить изъ капиталовъ Общества 9.870.000; затѣмъ осталось металлическихъ процентныхъ бумагъ на 774.000 р., ежегодный доходъ съ конхъ составляетъ 38.000 мет. рублей.

Изъ капитала въ 3.002.000 кред. рубл. до 1 милл. подлежало обратить на покрытіе издержекъ по изготовленію новыхъ $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листовъ и на оплату ихъ гербовымъ сборомъ въ Россіи. Ежегодный доходъ съ остальныхъ 2 милл., считая по 5%, составляетъ 100.000 кред. рублей.

*

Въ виду этихъ средствъ и даннаго имъ назначенія, преобразованіе долга Общества сводится къ слѣдующему разсчету:

Изъ общаго количества 5% закладныхъ листовъ въ обращеніи выкуплены листы на 9.870.000 р. По замѣнѣ остальныхъ 5% листовъ, на сумму 98.600.800 р., новыми $4^1/_2$%-ными листами, по разсчету 110 новыхъ листовъ за 100 старыхъ, явится въ обращеніи новыхъ листовъ на 108.560.000 р., т. е. на сумму дѣйствительнаго остатка совокупнаго долга заемщиковъ. Годовой платежъ процентовъ и погашенія (2,453% въ полугодіе) по новымъ листамъ составитъ 5.326.000 мет. рубл. Въ платежъ этотъ зачисляется 38.000, которыя Общество получаетъ на остатокъ отъ своихъ капиталовъ въ металлическихъ бумагахъ, стало быть остальные 5.288.000 мет. рубл. должны быть покрыты платежами заемщиковъ, съ присоединеніемъ вышеозначенныхъ 100.000 дохода въ кред. рубляхъ.

Сумма всѣхъ платежей заемщиковъ, въ среднемъ по 6 р. 90 коп. съ каждой сотни первоначальной ссуды, составитъ 8.340.000 кр. рубл. [1]), а съ присоединеніемъ къ нимъ 100.000 дохода отъ уцѣлѣвшей части вспомогательнаго капитала—платежныя средства Общества будутъ состоять всего изъ 8.440.000 кр. рублей.

Послѣдняя сумма, при нынѣшнемъ состояніи вексельнаго курса, далеко не уравновѣшиваетъ собою цѣнность обязательныхъ металлическихъ платежей Общества, за вычетомъ имѣющихся въ его распоряженіи 38.000, т. е. сумму въ 5.288.000 рубл. золотомъ; отъ государственнаго казначейства въ настоящее время потребовалась бы приплата по гарантіи закладныхъ листовъ около 1.300.000 кред. рублей. Исчислены слѣдующія приплаты;

при курсѣ	1,60	20.000 кр. р.
„ „	1,67	390.000 „ „
„ „	1,70	549.000 „ „

[1]) Первоначальный долгъ заемщиковъ къ 1-му іюля 1887 года составлялъ 120.875.000 мет. рублей.

при курсѣ 1,80 . . . . . 1.078,000 кр. р.
„ „ 1,90 . . . . . 1.607,000 „ „

Таковы неизбѣжныя послѣдствія фиксаціи въ кредитныхъ единицахъ срочныхъ взносовъ по металлическимъ ссудамъ. Финансовое вѣдомство ясно видѣло и точно измѣрило предстоявшія казнѣ жертвы, но не считало возможнымъ останавливаться передъ ними. Руководствуясь дважды выраженною монаршею волею, министръ и Особый Комитетъ [1]) были поставлены въ нравственную невозможность отказать Обществу въ той помощи, безъ которой не могла бы состояться вызываемая крайнею хозяйственною нуждою разсрочка обязательныхъ платежей его заемщиковъ. [2])

Но суммы, отпущенныя изъ казны, а равно и взятыя изъ вспомогательнаго капитала на выкупъ и уничтоженіе части 5% закладныхъ листовъ, записываются долгомъ за заемщиками съ распредѣленіемъ пропорціонально остатку числящейся за каждымъ изъ нихъ по срокъ 1 іюля 1887 г. не-

---

[1]) Высоч. утвержд. 15 мая 1887 г. положеніе Особаго Комитета, см. циркул. графа Левашова.

[2]) Въ случаѣ еслибы получилъ примѣненіе первоначальный проектъ Министерства Финансовъ о фиксаціи платежей заемщиковъ въ размѣрѣ 6 р. 90 к. съ сотни металлической ссуды *безъ преобразованія металлическихъ обязательствъ Общества изъ 5% съ преміей и 4½ % безъ преміи*, пожертвованія казны были бы еще несравненно обременительнѣе, въ особенности въ первыя 36 лѣтъ до наступленія срока окончательнаго погашенія первыхъ серій листовъ. Несмотря на то, что въ настоящее время срокъ обязательствъ удлиненъ до 56 лѣтъ — такое удлиненіе все же представляетъ значительное облегченіе противъ тѣхъ громадныхъ приплатъ, которыя правительство въ первомъ случаѣ должно было бы производить, въ особенности въ теченіе первыхъ 36 лѣтъ, не имѣя для ихъ покрытія другихъ источниковъ, кромѣ заключенія новыхъ государственныхъ займовъ.

Приплаты правительства равнялись бы разницѣ между ежегодными взносами заемщиковъ и неизмѣнною цифрою 6.286.000 металлическихъ рублей уплаты по ихъ обязательствамъ, что́ выразилось бы въ слѣдующихъ цифрахъ.

При курсѣ золот. руб.
160 . . . . . 1.424.600
162 . . . . . 1.550 300
164 . . . . . 1.676 000
166 . . . . . 1.801.800
168 . . . . . 1.958.900
170 . . . . . 2.053.200
А при настоящемъ курсѣ,
186 . . . . . 3.184.100

погашенной ссуды. Записываемый долгъ возмѣщается единственно изъ избытка фиксированныхъ срочныхъ взносовъ заемщиковъ надъ обязательными оплатами процентовъ и погашенія по $4^1/_2$% закладнымъ листамъ. Если же въ такомъ порядкѣ онъ не будетъ погашенъ въ теченіе срока, на который выпущены новыя металлическія обязательства Общества, т. е. въ теченіе 56 лѣтъ, то сколько бы его ни накопилось—онъ окончательно списывается со счетовъ [1]). Слѣдовательно, заемщики ничего не теряютъ при угнетенномъ состояніи курса, хотя бы угнетеніе это еще усилилось и длилось болѣе полувѣка, но они прямо выигрываютъ въ случаѣ прочнаго исправленія курса и въ такой мѣрѣ, что ихъ срочныхъ взносовъ въ кредитныхъ единицахъ будетъ болѣе чѣмъ достаточно для уплатъ по металлическому долгу Общества. Поясникъ сказанное примѣромъ.

Допустимъ, что первыя десять лѣтъ средній курсъ будетъ 1,80. Ежегодная приплата казны по гарантіи, въ такомъ случаѣ, составитъ, какъ мы видѣли, 1.078.000 кр. рублей, а за десять лѣтъ 10.780.000 кр. рублей. Сумма эта будетъ записана долгомъ за заемщиками, съ начисленіемъ ежегодно $4^1/_2$% интереса, но безъ начисленія процента на процентъ, слѣдовательно всего долга образуется 12.863.000 р., а съ присоединеніемъ къ нимъ 6.672.000 р. [2]) израсходованнаго на конверсію вспомогательнаго капитала и 3.002.000 р. процентовъ на него—22.537.000 рублей.

Если въ послѣдующіе затѣмъ годы средній курсъ будетъ всего 1,40, то избыткомъ срочныхъ взносовъ надъ обязательными уплатами по металлическому долгу Общества, т. е. избыткомъ въ 1.037.000 кр. рублей, лѣтъ черезъ 30 будетъ сполна погашенъ весь записанный за заемщиками добавочный долгъ; ихъ срочные взносы могутъ быть тогда уменьшены на 12%, и кромѣ того они начнутъ пользоваться доходами отъ возстановленнаго вспомогательнаго капитала.

---

[1]) Высоч. утвержденное 15 іюня 1887 г. мнѣніе Госуд. Сов.

[2]) 3.151.300 р. мет. и 1.000.000 р. кред.

Придется долго ждать такого результата, но въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго и едва-ли покажется легкомысленною надежда, что лѣтъ черезъ десять мирнаго времени и спокойнаго экономическаго развитія страны нашъ пятирублевый полуимперіалъ станетъ уравновѣшиваться рыночною цѣною 7 кред. рублей.

Но что бы ни было, какія бы бѣды ни обрушились на наши государственные финансы, созданное конверсіей положеніе заемщиковъ *ухудшиться* не можетъ; на сколько же оно лучше прежняго — легко видѣть изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго въ циркулярѣ [1]) правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита:

Заемщикъ получилъ 10.000 рубл. долгосрочной металлической ссуды изъ 1-й серіи.

До конверсіи, на заложенное имѣніе наложено запрещеніе въ 10.000 звонкою монетою, срокомъ по 1 января 1924 года.

Послѣ конверсіи и пересрочки долга, на имѣніи будетъ числиться запрещеніе только въ 8.545 р. звонкою монетою, срокомъ по 1 іюля 1943 года.

До конверсіи ежегодный срочный платежъ составляетъ 562 р. 50 коп. золотою монетою, что, при курсѣ полуимперіала 9 р. 34 к. и за вычетомъ 80 р. прибыли, равняется 940 р. 15 коп. кред. При ухудшеніи курса платежъ можетъ увеличиться.

Послѣ конверсіи — ежегодный платежъ 653 р. 70 к. кред. Этотъ платежъ не можетъ увеличиться вслѣдствіе паденія курса, а, напротивъ, можетъ только уменьшаться отъ прибылей, въ случаяхъ, указанныхъ выше.

Этимъ очевиднымъ облегченіемъ платежей не исчерпывается, однако, достоинство сдѣланнаго преобразованія. Существенно важнымъ является еще новый порядокъ досрочнаго выкупа.

Прежній порядокъ представлялъ то существенное неудобство, что сумма, потребная для сверхсрочнаго погаше-

[1]) Отъ 21 іюля 1887 г. за № 19.101-мъ.

нія, была подвержена колебаніямъ въ зависимости отъ повышенія или пониженія курса, вслѣдствіе чего не поддавалась предварительному исчисленію, а потому возникли немаловажныя затрудненія при желаніи заемщика продать заложенное имѣніе. Для устраненія этого неудобства допущенъ досрочный выкупъ посредствомъ взноса суммы, образующейся чрезъ капитализацію изъ 4½ % фиксированныхъ годичныхъ платежей заемщиковъ. Эти платежи, составляя въ среднемъ 6 р. 90 к. кр. съ сотни первоначальной металлической ссуды, различны по серіямъ и разверстаны пропорціонально остаткамъ первоначальнаго долга—такимъ образомъ:

№ серіи.	Остатокъ долга на 1 іюля 1887 г. отъ сотни ссуды.	Новый срочный платежъ въ годъ.
1	85 р. 45 к.	6 р. 54 к.
2	86 „ 50 „	6 „ 62 „
3	88 „ 48 „	6 „ 77 „
4	88 „ 95 „	6 „ 80 „
5	89 „ 41 „	6 „ 84 „
6	89 „ 86 „	6 „ 87 „
7	90 „ 74 „	6 „ 94 „
8	90 „ 74 „	6 „ 94 „
9	91 „ 59 „	7 „ 01 „
10	92 „ — „	7 „ 04 „
11	92 „ 40 „	7 „ 07 „
12	92 „ 79 „	7 „ 10 „
13	93 „ 93 „	7 „ 19 „

Очевидно, что чѣмъ ниже нумеръ серіи, тѣмъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ производится, при новомъ порядкѣ, досрочный выкупъ наличными деньгами; но новый порядокъ льготнѣе прежняго для всѣхъ заемщиковъ безъ различія. При курсѣ 5% мет. закладнаго листа 169 и золотаго рубля 1,80, заемщикъ первой серіи, при прежнемъ порядкѣ, для окончательнаго погашенія своего долга уплатилъ бы, съ зачетомъ его доли въ складочномъ капиталѣ 138 р. 45 к. кред. за остатокъ отъ каждой сотни первоначальной металл. ссуды, а теперь уплатитъ только 133 р. 16 к., а заемщикъ 13-й серіи, по тому же разсчету, вмѣсто 152 р. 85 к. уплатитъ всего 146 р. 38 к.

Въ виду изложеннаго, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита, что

„облегченіе, Высочайшею властью даруемое заемщикамъ Общества, на столько велико и существенно, что нельзя ожидать, чтобы могли найтись заемщики, которымъ казалось бы предпочтительнѣе свое прежнее положеніе, сравнительно съ новымъ“. Если кому и приходится жутко, такъ это казнѣ, которая прежде оставалась въ сторонѣ отъ всякихъ вообще бѣдъ, разразившихся надъ русскимъ землевладѣніемъ. Но безучастное отношеніе правительства къ разоренію значительной группы изъ культурнаго класса гражданъ—людьми здравомыслящими никогда не признавалось желательнымъ. При томъ же слѣдуетъ замѣтить, что казнѣ угрожаютъ безповоротныя потери лишь въ томъ случаѣ, если нынѣшнее угнетеніе курса нашего рубля будетъ длиться еще десятка два лѣтъ и если по прошествіи и двадцати лѣтъ этотъ злополучный курсъ не поправится на столько, чтобы 7-ю кредитными рублями уравновѣшивалась цѣнность пятирублеваго полуимперіала.

Преобразованіе долга Общества взаимнаго поземельнаго кредита, производившееся при дѣятельномъ участіи государственнаго банка и нѣкоторыхъ его отдѣленій, а также трехъ частныхъ банковъ: учетнаго, международнаго и русскаго для внѣшней торговли,—можно считать законченнымъ въ виду заявленія министра финансовъ, что изъ всего количества старыхъ закладныхъ листовъ оставалось къ прошлому декабрю неконвертированныхъ менѣе $^1/_{10}$ части [1]). Ходитъ слухъ, что нѣсколько милліоновъ старыхъ закладныхъ листовъ умышленно удерживаются спекулянтами, въ надеждѣ получить крупный барышъ отъ синдиката банкировъ, нравственно заинтересованныхъ въ доведеніи конверсіи до конца. „Свои люди“, разумѣется, сочтутся, но временная неподатливость той или другой стороны едва-ли послужитъ препятствіемъ къ предоставленію членамъ-заемщикамъ Общества безотлагательнаго пользованія всѣми преимуществами созданнаго для нихъ новаго положенія.

А — СКІЙ.

---

[1]) Всеподд. докладъ о госуд. росписи на 1888 годъ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Древности Россійскаго Государства.—Кіевскій Софійскій соборъ. Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. — Выпускъ IV.

Предыдущій выпускъ этого великолѣпнаго изданія появился 15 лѣтъ тому назадъ. Тогда помощникомъ предсѣдателя Общества былъ князь Г. Г. Гагаринъ; изъ восьми членовъ особой коммиссіи, которой отъ Общества поручено было самое изданіе, трое нынѣ покойники (И. И. Срезневскій, Д. В. Полѣновъ и В. А. Прохоровъ), одинъ не живетъ уже давно въ Петербургѣ (В. В. Вельяминовъ-Зерновъ), къ остальнымъ членамъ коммиссіи принадлежали нынѣшній помощникъ предсѣдателя А. Ѳ. Бычковъ, П. И. Савваитовъ, Ив. В. Помяловскій и старшій изъ археологовъ Ѳ. Г. Солнцевъ, которому принадлежитъ честь первой реставраціи стѣнописи Софійскаго собора, оконченной къ 4 октября 1853 года, когда Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ было совершено благодарственное молебствіе „объ окончаніи устройства собора и возобновленіи его древняго стѣнописанія". Причинъ къ пріостановкѣ на 15 лѣтъ изданія собора было немало. Общество указываетъ какъ на одну изъ главныхъ—смерть литографа. Но за долгое ожиданіе мы нынѣ вознаграждены тѣмъ, что къ четвертому выпуску (конца истекшаго года) подоспѣли вошедшія въ него новыя открытія профессора С.-Петербургскаго университета А. В.

Прахова. Г. Праховъ, посѣтивъ Кіевъ лѣтомъ 1880 года, ознакомился съ запущеннымъ, и внутри сплошь забѣленнымъ штукатуркою Кирилловскимъ храмомъ — постройкою князей Ольговичей XII-го столѣтія. Твердое желаніе нашего энергичнаго ученаго вызвать этотъ храмъ изъ забвенія и неизвѣстности достигло плодотворныхъ результатовъ. Въ 1882 году Археологическое Общество уже ознакомилось, по отчету Прахова, съ открытіями въ Кирилловскомъ храмѣ, которыя были потомъ выставлены въ колоссальныхъ снимкахъ въ зданіи университета. Работы по этимъ открытіямъ и по украшенію новаго Владимірскаго храма связали проф. Прахова съ Кіевомъ и немудрено, что онъ направилъ свое изслѣдованіе и на реставрированный тридцать лѣтъ тому назадъ Софійскій соборъ. Искусный техникъ въ дѣлѣ точнаго воспроизведенія подлинника въ снимкахъ, прекрасно владѣющій карандашемъ и кистью, профессоръ задумалъ сдѣлать снимки съ мозаикъ собора въ натуральную величину. Эти удачныя произведенія его рукъ нынѣ украшаютъ Кіевскую залу историческаго музея въ Москвѣ. Снимки, снятые г-мъ Праховымъ съ мозаикъ Кіевской-Софіи, привели въ восторгъ археологовъ не только по размѣру и точности, но и по новымъ открытіямъ. Г. Праховъ не могъ принять на вѣру мнѣніе, что прежняя реставрація будто бы открыла все, что таится подъ варварскою штукатуркою позднѣйшихъ временъ. Мѣстные археологи увѣряли, что куполъ былъ изслѣдованъ при возобновленіи собора, но кирка въ ловкой рукѣ пытливаго изслѣдователя ощупала около крюка висящей въ центрѣ собора люстры *мозаику*, и передъ нами явился строгій чудный мозаичный ликъ Господа, временъ Ярослава. Открылъ г. Праховъ еще прекрасное мозаичное изображеніе Аарона съ кадильницей и другое Серафима — въ высотахъ храма. Но, что всего важнѣе было для появившагося теперь изданія, онъ открылъ не постигнутую первыми реставраторами недостававшую часть великолѣпной запрестольной мозаики. Изданная въ III выпускѣ въ маломъ видѣ, мозаика Евхаристіи представляла въ одной своей половинѣ Христа и только двухъ

апостоловъ, подходящихъ къ чашѣ причащенія вмѣсто шести. Въ прежнемъ изданіи лица искажены, одежды ангеловъ, вмѣсто бѣлыхъ, представлены коричневыми. Издавая продолженіе стѣнописи Софійскаго собора, Общество сочло необходимымъ повторить новымъ изданіемъ запрестольную мозаику—въ весьма увеличенномъ размѣрѣ и во всей яркости и красотѣ подлинника. Всѣ подробности фигуръ и узоровъ, самая площадь мозаики вмѣстѣ съ ея небольшимъ дефектомъ, съ рубцомъ, означающимъ новое, поврежденное слишкомъ крѣпкимъ покровомъ штукатурки, открытіе, переданы съ несомнѣнною точностію. Самая мозаика воспроизведена на рисункѣ такъ, какъ она видна въ подлинникѣ.

Считаемъ не лишнимъ напомнить читателю содержаніе древнѣйшей запрестольной мозаики. Въ самой срединѣ изображенъ престолъ,—или Св. трапеза. Она покрыта краснымъ съ полосами покровомъ, по которому разбросаны золотистые кружки и листья; настоліе гладкое, красное, обрамленное бѣло-красною каймою. По срединѣ трапезы лежитъ золотой крестъ, а по сторонамъ его дискосъ съ частицами и серебряная звѣздица, губка, копіе въ видѣ ножа и лжица съ широкою рукояткою. Трапезу осѣняетъ кивотъ сложной архитектуры разныхъ цвѣтовъ, на серебряныхъ колоннахъ. По сторонамъ престола два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ; поверхъ хитоновъ на нихъ короткіе стихари. Они держатъ золотыя рипиды и внимаютъ божественнымъ словамъ. Послѣднее изображено синими неправильными линіями, выходящими изъ ушей. Спаситель изображенъ дважды по обѣимъ сторонамъ престола. Направо онъ подаетъ правою рукою хлѣбъ шести апостоламъ, одинъ за другимъ грядущимъ къ причащенію, налѣво — чашу другимъ шести. Спаситель облаченъ въ голубаго цвѣта хитонъ и золотистый иматіонъ. Уста Его раскрыты: Онъ произноситъ слова таинства. Апостолы въ бѣлыхъ хитонахъ и иматіонахъ, съ свѣтло-лазоревымъ оттѣнкомъ; на ногахъ у нихъ сандаліи. Апостолы шествуютъ съ наклоненной головой и простертыми ко Христу руками; только ближайшій къ хлѣбу готовитъ руки къ принятію на нихъ Св. хлѣба. На апостолахъ вѣнцы или сіянія въ видѣ

яркихъ круговъ, на Іисусѣ Христѣ внутри круга помѣщенъ широкій изукрашенный крестъ, средина котораго заслонена главою. Фонъ мозаики золотой; наверху, въ одну сторону, черной мозаикой надпись по-гречески: пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое и т. д.—въ другую: пійте отъ нея вси.... полностью, какъ на литургіи Златоуста. Великолѣпная кайма съ арабесками и цвѣтами довершаетъ красоту мозаики.

Кромѣ совершенно новаго воспроизведенія Евхаристіи—въ новомъ изданіи видимъ еще и другую важную поправку къ прежде изданному изображенію мозаичной иконы Пресвятой Богородицы на алтарномъ сводѣ,—иконы, именуемой „Нерушимой стѣною“. По колориту, по одеждѣ, изображеніе „Нерушимой стѣны“, отпечатанное въ прежнемъ изданіи золотомъ и красками весьма хорошо, имѣло одинъ недостатокъ, а именно: несходственныя съ подлинникомъ черты Пресвятой Дѣвы. Теперь намъ данъ точный рисунокъ одного лика, по прописи г. Прахова.

Въ общемъ новый выпускъ Кіевской-Софіи продолжаетъ рядъ изображеній святыхъ, священныхъ событій и орнаментовъ, исполненныхъ по слѣпкамъ и плафонамъ храма—al fresco. Какъ и въ прежнихъ выпускахъ, потускнѣвшія и утратившія колоритъ фрески переданы чернымъ рисункомъ, но за небольшими исключеніями. Такъ на л. 32-мъ уже красками переданъ плафонъ одной изъ многихъ обособленныхъ частей храма—съ изображеніемъ четырехъ архангеловъ и четырехъ серафимовъ. Но интересенъ 34-й листъ, на которомъ четыре лица, составляющія одну картину, изображены дважды—въ томъ видѣ, какъ были реставрированы при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ и Кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ и какъ реставрированы теперь. Тогда подрисовали имъ головы и присочинили греческія надписи: Св. Софія, Св. Вѣра, Св. Надежда и Св. Любовь, т. е. приняли эти четыре фигуры за извѣстныхъ четырехъ мученицъ. Новая реставрація являетъ намъ это изображеніе въ иномъ видѣ и иномъ смыслѣ. Это не святыя мученицы, а четыре русскихъ князя: одинъ взрослый, но

юный, безбородый, за нимъ два подростка и наконецъ ребенокъ. Одежды какъ на князьяхъ Святославова сборника; старшіе двое несутъ по зажженой большой свѣчѣ, средній держитъ крестъ, ребенокъ положилъ свободную правую руку на перси — поза молитвенная. Всѣ четверо одинъ за другимъ шествуютъ торжественно, неся Богу дары свои и молитву.

Изображать въ храмѣ семейство храмоздателя было обычно въ древности, но въ отдаленіи отъ алтаря; внѣ алтарной части храма и не высоко, на правой сторонѣ, по всей вѣроятности былъ изображенъ Ярославъ, жена его, быть можетъ дочь и Изяславъ. На сохранившейся фрескѣ на лѣвой сторонѣ изображены, вѣроятно, его младшіе сыновья отъ Святослава до Игоря включительно. Ярославъ конечно подносилъ Богу построенный имъ храмъ, подобно тому какъ въ Спасо-Нередицкой церкви, близъ Новгорода, соименный ему родной внукъ его, держитъ на рукѣ созданный имъ храмъ.

На листѣ 37 невольно останавливаешься на подробностяхъ одежды римскихъ воиновъ, на изображеніи ап. Петра у Корнилія сотника. По изяществу и красотѣ замѣчательны изображенія великомученика Георгія въ большомъ видѣ—и тутъ же рядомъ царицы Александры, предъ нимъ преклоняющейся. На 47 л. три ангела передъ Авраамомъ одѣты путешественниками и съ классическими посохами въ рукахъ. Пещь Вавилонская (на томъ же мѣстѣ) уставлена въ аренѣ цирка; она изящно складена, но имѣетъ характеръ скорѣе жаровни. Халдеи одѣты, какъ слуги цирка на знаменитыхъ фрескахъ наружной лѣстницы, ведущей на хоры собора. Три отрока только по колѣна въ пещи. Одѣты они богато, въ мантіяхъ съ застежками и украшеніями. Царь находится въ ложѣ. Костюмъ его, и самая ложа, и узорчатая спинка кресла, все это переноситъ зрителя прямо ко двору Романа III Аргира. Ангелъ осѣняетъ трехъ отроковъ своими величавыми большими крылами и господствуетъ надо всей картиной. Однако же разсматриваніе новаго выпуска рисунковъ, важныхъ для археолога, для историка церкви

и историка искусства — увлекло бы насъ надолго. Будемъ ожидать отъ Археологическаго Общества давно обѣщаннаго имъ текста къ изданію. Текстъ этотъ не замедлитъ, конечно, появленіемъ; въ прошломъ мѣсяцѣ былъ прочитанъ въ засѣданіи Общества рефератъ проф. Н. П. Кондакова „объ изображеніяхъ охоты и цирка на лѣстницѣ, ведущей на хоры Кіево-Софійскаго собора".

Состоявшійся переходъ этого ученаго въ С.-Петербургскій университетъ даетъ надежду на скорѣйшее появленіе текста къ изданнымъ уже рисункамъ Кіевскихъ, первоклассныхъ по значенію, древностей русскихъ.

II.

Лягушки, комедія Аристофана. Перевелъ съ греческаго, съ присоединеніемъ необходимыхъ примѣчаній, К. Нейлисовъ. Спб. 1887. Ц. 65 коп.

Отъ богатой, живой и разнообразной, глубоко оригинальной по своему характеру и исторіи своего развитія, греческой комедіи, дошелъ до насъ въ цѣльныхъ произведеніяхъ одинъ только Аристофанъ и то лишь въ небольшомъ числѣ пьесъ. Изъ, приблизительно, сорока его комедій, которыя знала ученость александрійскаго времени, до насъ дошло одиннадцать. Своеобразіе тона и колорита этихъ произведеній, связь ихъ содержанія съ современной дѣйствительностью въ Аѳинахъ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что знакомство съ ними дается вообще не такъ-то легко, и Аристофанъ не принадлежитъ и на западѣ къ такимъ же хорошимъ знакомцамъ образованной публики, какими являются многіе другіе поэты классической древности. У насъ на Руси, для ознакомленія нашей публики съ Аристофаномъ, сдѣлано пока очень мало. Переводы нѣкоторыхъ его комедій появлялись, правда, въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ, но, сколько намъ извѣстно, одна лишь комедія, а именно: „Птицы", вышла затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ (Варшава, 1874, переводъ М. Скворцова). Среди оживленія переводной литературы съ классическихъ языковъ за послѣдніе годы дождался своей очереди и Аристофанъ. Мы вѣримъ, что назван-

ный въ заголовкѣ трудъ г. Нейлисова побудитъ другихъ нашихъ филологовъ постараться ознакомить нашу публику и съ другими пьесами оригинальнаго Аѳинскаго поэта и содѣйствовать тѣмъ усиленію интереса къ античному міру, благо онъ въ настоящее время дѣйствительно существуетъ. Но отъ надеждъ обращаемся къ факту.

Исполненный г. Нейлисовымъ переводъ комедіи „Лягушки“ обладаетъ неотъемлемыми достоинствами. Онъ обличаетъ усиленную и продолжительную работу автора надъ текстомъ комедіи. По своей точности, правильности и продуманности, заслуживаетъ онъ полнаго признанія. Но по отношенію къ его формѣ насъ остановило слѣдующее обстоятельство: переводъ напечатанъ какъ проза, т. е. въ строку; между тѣмъ онъ сдѣланъ стихами. Діалогическія части исполнены размѣромъ подлинника, въ ямбахъ. Въ хорахъ, гдѣ Аристофанъ разнообразитъ свои размѣры, переводчикъ передалъ текстъ оригинала въ различныхъ метрахъ, не стѣсняя себя (за что мы готовы вполнѣ его одобрить) точнымъ воспроизведеніемъ метра подлинника. Но почему же переводчикъ не пожелалъ дать форму стиховъ своему тексту? Самъ онъ не счелъ вовсе нужнымъ оговорить этого обстоятельства и этого характера своего перевода и изданія въ своемъ предисловіи. Не довѣрялъ ли переводчикъ своему стиху и, не умѣя повсюду ровно выдержать стихотворный размѣръ, пожелалъ вовсе скрыть отъ взора читателя стихотворную форму своего перевода, или у него были какія другія соображенія, или же, наконецъ, это—результатъ желанія соблюсти экономію мѣста въ изданіи, вовсе, къ сожалѣнію, не отличающемся внѣшнимъ изяществомъ—всѣ эти вопросы остаются загадкой.

Переводчикъ много потрудился надъ текстомъ „Лягушекъ“. Результаты его ученой филологической работы видны какъ въ исправности его перевода, такъ и въ обильныхъ примѣчаніяхъ, которыми снабженъ переводъ. Переводъ сдѣланъ литературнымъ языкомъ и назначенъ для широкой публики, самыя же примѣчанія носятъ вполнѣ ученый характеръ. Въ нихъ дано гораздо больше

того, что нужно неспеціалисту для пониманія текста комедіи, а нѣчто другое и весьма разнообразное. Въ примѣчаніяхъ оговорены сомнительныя мѣста текста, подвергаются спеціальной критикѣ нѣкоторыя конъектуры, приводятся объясненія схоліастовъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ Аристофанова текста, дается весьма обстоятельный экзегетическій комментарій. Примѣчанія разсчитаны на то, что у читателя находится предъ глазами греческій текстъ комедіи, а не переводъ. Примѣчанія производятъ такое впечатлѣніе, что это былъ тотъ матеріалъ, который сообщалъ своимъ слушателямъ при университетскомъ чтеніи комедіи „Лягушки“ покойный уже нынѣ переводчикъ. Работа его выпущена имъ въ свѣтъ безъ большаго вниманія къ интересамъ и надобностямъ читателя изъ образованной публики,—а болѣе для учащагося студента. Для облегченія пониманія комедіи Аристофана для перваго необходимо бы было прибавить обозначенія смѣны сценъ, указать на обстановку, въ которой происходитъ данное дѣйствіе, не обрекая читателя на необходимость догадываться объ этомъ изъ текста перевода. Краткое предисловіе, въ которомъ авторъ обронилъ нѣсколько замѣчаній о характерѣ комедіи и послѣдовательности въ ней развитія дѣйствія, слишкомъ недостаточно для указанной надобности; это жаль, потому, что такой характеръ изданія мало можетъ содѣйствовать распространенію труда г. Нейлисова въ средѣ неспеціалистовъ, для которыхъ собственно и нуженъ переводъ. А между тѣмъ комедія „Лягушки“ такъ оригинальна и богата по содержанію, такъ глубоко интересна и по своей идеѣ, и какъ фактъ въ исторіи развитія литературныхъ вкусовъ Аѳинской публики, въ періодъ полнаго расцвѣта словеснаго творчества, что знакомство съ ней способно доставить всякому образованному читателю весьма много поученія и самаго живаго интереса. Въ намѣренно-грубой и подъ часъ даже циничной формѣ приводится въ этой комедіи споръ изъ-за реалистической и идеалистической тенденціи въ сферѣ словеснаго творчества и искусства. Въ ней даны намъ живыя современныя сужденія Аѳинянъ конца V-го вѣка до Р. Х.

о великихъ, имѣвшихъ міровое значеніе и сохраняющихъ его доселѣ трагикахъ—Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ.

III.

Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. Т. V. Часть первая. Москва 1887 г.

Въ концѣ минувшаго года вышла въ свѣтъ первая часть V-го тома капитальнаго „Собранія мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета". Изданіе это, выходящее въ свѣтъ подъ редакціей преосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго, предпринято высшимъ церковнымъ управленіемъ въ 1883 году, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія великаго русскаго іерарха и теперь представляетъ уже своего рода библіотеку въ видѣ шести объемистыхъ книгъ. По слухамъ, съ выпускомъ второй части V-го тома и затѣмъ VI-го тома, имѣющихъ выдти изъ печати въ непродолжительномъ времени, заканчивается это цѣнное „Собраніе". Но изданы будутъ еще письма нашего іерарха къ Высочайшимъ особамъ и переписка его съ разными учрежденіями и лицами.

V-й томъ „Собранія" представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ предшествующіе томы. Помѣщенная въ немъ переписка относится къ 1861, 1862 и 1863 годамъ. Здѣсь передъ нами письма, проекты, доклады и т. п., вышедшіе изъ-подъ пера Московскаго владыки и со свойственною ему глубиною затрогивающіе и выясняющіе важные вопросы, церковные и государственные.

Много важнаго относится здѣсь до церкви, разныхъ сторонъ ея жизни, сношеній съ восточными патріархами, монашества, духовныхъ школъ, богословской литературы, раскола, церковно-приходскихъ совѣтовъ и проч. До сихъ поръ въ соотвѣтствующихъ сферахъ сужденія Филарета по этимъ предметамъ не теряютъ своего руководящаго значенія; мы здѣсь остановимся на томъ, что въ его перепискѣ касается интересовъ собственно государственныхъ.

На первомъ мѣстѣ должно поставить документы, харак-

торизующіе отношеніе къ крестьянской реформѣ 1861 года. Послѣ нѣсколькихъ проектовъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, рѣшено было просить митрополита Филарета составить свой проектъ такого манифеста. Для этого, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ въ Москву близкій и довѣренный человѣкъ тогдашняго министра юстиціи В. Н. Панина, М. И. Тапильскій, уполномоченный передать архипастырю матеріалы для манифеста. Въ переданномъ при этомъ письмѣ В. Н. Панина (отъ 5 февраля 1861 г.) было сказано: „При предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта слово Государя Императора къ народу своему будетъ имѣть самое сильное вліяніе на успѣхъ предпринятаго дѣла. Въ семъ убѣжденіи Его Императорское Величество съ полною довѣренностью къ вѣрноподданническимъ чувствамъ и къ дарованіямъ вашимъ, неоднократно выразившимся въ рѣчахъ, памятныхъ всей Россіи, призналъ нужнымъ обратиться къ вамъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы ваше высокопреосвященство приняли на себя трудъ составить манифестъ, въ коемъ изъяснены будутъ воля и ожиданія Его Величества по сему важному вопросу“. Желаемый манифестъ былъ написанъ митрополитомъ, въ тетрадкѣ въ $^1/_4$ листа, собственноручно, съ небольшими помарками, на 20 четверткахъ. Изъ относящихся къ этому предмету бумагъ митрополита въ настоящемъ выпускѣ „Собранія“ напечатаны слѣдующіе документы: письмо Филарета къ В. Н. Панину, проектъ манифеста, оканчивавшагося извѣстными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ“... и „Записка о затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть при приведеніи въ исполненіе положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ“.

Не мало замѣчательнаго можно найти въ перепискѣ Филарета за то же время и по поводу начинавшихся уже пробиваться волненій и смутъ, такъ, напр., студенческихъ волненій въ Казани, въ Пермской семинаріи, а затѣмъ и бунта въ Польшѣ.

Нельзя не указать, между прочимъ, на весьма любопыт-

ныя сужденія нашего іерарха о проектѣ П. А. Валуева—призвать въ составъ Государственнаго Совѣта русскихъ православныхъ епископовъ (стр. 172—181), о запискѣ князя Н. А. Орлова о тѣлесныхъ наказаніяхъ (стр. 128—130), по вопросамъ: объ участіи духовенства въ земскихъ учрежденіяхъ (стр. 454—457) и объ отношеніяхъ государственной власти къ расколу (стр. 492—498).

Было бы желательно, чтобы сужденія нашего іерарха по разнымъ вопросамъ имѣли болѣе распространенности въ обществѣ. Извлекши ихъ изъ малодоступныхъ капитальныхъ изданій въ небольшія и доступныя по цѣнѣ книжки—этого можно бы было лучше всего достигнуть. Въ этомъ отношеніи мы уже имѣемъ удачные опыты въ довольно распространенныхъ книжкахъ: „Государственное ученіе Филарета, митрополита Московскаго“ и его „Догматическое Богословіе“. Высокій интересъ и польза такихъ извлеченій не требуютъ доказательствъ.

IV.

П. А. Матвѣевъ „Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса“. Историческій очеркъ. С.-Петербургъ 1887 г.

Съ того момента, когда дарована освобожденной Болгаріи конституція и водворенъ на болгарскомъ престолѣ Александръ Баттенбергъ, Болгарія сдѣлалась больнымъ мѣстомъ русской политики и предметомъ заботъ дипломатіи. Филиппопольскій переворотъ 6 сентября 1885 г. и дальнѣйшія событія, приведшія страну къ господству въ ней Эбентальскаго самозванца и руководящей имъ шайки политическихъ бродягъ — сдѣлали Болгарію источникомъ политическихъ смутъ и слѣпымъ орудіемъ антирусской интриги.

Положеніе Россіи въ отношеніи Болгаріи такъ тяжело и печально, что у насъ многіе въ своемъ увлеченіи готовы безъ всякаго критическаго разбора и серьезныхъ основаній обвинять во всемъ нашу дипломатію, не отдавая себѣ отчета въ той политической обстановкѣ, среди которой при-

ходилось ей работать послѣ Берлинскаго конгресса. Всякій болѣе или менѣе серьезный трудъ, посвященный этому вопросу и освѣщающій на основаніи документальныхъ и достовѣрныхъ данныхъ событія только-что пережитой нами эпохи,—заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Къ категоріи такихъ именно произведеній нашей политико-исторической литературы мы относимъ и книгу П. А. Матвѣева, заглавіе которой выписано выше.

Книга г. Матвѣева отнюдь не представляетъ самостоятельнаго историческаго труда, (и надо замѣтить, что время для появленія въ свѣтъ такого труда едва-ли настало), но она можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для будущаго историка этой смутной эпохи жизни несчастнаго болгарскаго княжества. Иностранная, особенно нѣмецкая, историческая литература уже успѣла обогатиться нѣсколькими работами по части болгарской исторіи за періодъ съ 1877 по 1885 гг., но всѣ онѣ, носятъ на себѣ характеръ диѳирамбовъ въ честь Александра Баттенберга, такъ какъ вышли изъ-подъ пера придворнаго пастора Коха и корреспондента „Кельнской газеты“, близкаго друга Баттенберга, —Гуна. Книга г-на Матвѣева есть первый опытъ объективной оцѣнки событій, которыя привели Болгарію къ настоящему положенію. „Систематическій обманъ общественнаго мнѣнія посредствомъ завѣдомой клеветы, говоритъ г. Матвѣевъ, заставилъ меня взяться за перо и написать этотъ историческій очеркъ“. Вотъ какимъ образомъ рисуетъ онъ картину той подтасовки фактовъ и завѣдомой клеветы, которые создали такую постановку вопроса:

„Духовникъ и интимный совѣтникъ Баттенберга, Адольфъ Кохъ, и состоявшій у него на жалованьи корреспондентъ „Кельнской газеты“ А. Гунъ, какъ бы съ общаго молчаливаго согласія всей европейской печати, взяли себѣ привилегію на званіе историковъ новѣйшаго періода болгарской исторіи и политической дѣятельности нѣмецкаго принца, семь лѣтъ правившаго судьбами Болгаріи“.

„Эти историки и рекламировавшіе Баттенберга за деньги газетные корреспонденты создали своего рода культъ въ

глазахъ общественнаго мнѣнія Европы бывшему болгарскому князю, благодаря нашему молчанію и нежеланію оглашать тѣ матеріалы и документы, которые своимъ появленіемъ въ свѣтъ не замедлили бы свести съ незаслуженнаго пьедестала этого политическаго авантюриста, который такъ долго спекулировалъ на долготерпѣніе и благодушіе Россіи, которой онъ былъ всѣмъ обязанъ. Баттенбергъ и его приспѣшники пустили въ ходъ рядъ басенъ, клеветы и всякаго рода лжи по адресу нашей политики въ болгарскомъ вопросѣ, въ твердой увѣренности, что отпора и опроверженій съ нашей стороны изъ среды компетентныхъ сферъ и лицъ они не встрѣтятъ".

Авторъ разсматриваемой нами книги довольно подробно излагаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ событія, совершившіяся въ Болгаріи со времени вступленія въ страну русскихъ войскъ и до дня Филиппопольскаго пронунсіаменто, подтверждая свой разсказъ ссылками на массу оффиціальныхъ документовъ. Онъ весьма ярко и рельефно очерчиваетъ личность Баттенберга и доказываетъ, что избраніе его на болгарскій престолъ въ качествѣ правителя, ограниченнаго такой радикальной конституціей, какъ Тырновскій „Органическій Уставъ", уже въ самомъ себѣ носило зародышъ всякой политической смуты, неизбѣжно долженствующей быть послѣдствіемъ столкновенія молодаго, неопытнаго, но заносчиваго принца, мечтавшаго играть выдающуюся роль въ исторіи славянства и въ то же время превратить Болгарію въ какое-то маленькое нѣмецкое государство, съ разнохарактерными партіями. Это хорошо понимали въ Европѣ и потому радовались воцаренію Баттенберга, какъ событію, которое должно было принести въ будущемъ великія заботы и огорченія русской дипломатіи.

Мораль всей книги г. Матвѣева сводится къ тому, что подчиненіе волѣ Европы на Берлинскомъ конгрессѣ и разъединеніе двухъ частей Болгаріи, дарованіе конституціи самой либеральной изъ всѣхъ европейскихъ конституцій—странѣ, не привыкшей къ самостоятельному политическому существованію и возведеніе на престолъ Болгаріи Баттенберга—

были крупными ошибками, результаты которыхъ сказываются и въ настоящемъ политическомъ положеніи Болгаріи...

V.

А. Позднѣевъ. „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи, въ связи съ отношеніями послѣдняго къ народу". Спб. 1887.

До появленія книги проф. Позднѣева въ литературѣ оріентализма чувствовался важный пробѣлъ, по части близкаго знакомства съ ламами и ламаитами. На западѣ, правда, много знали и печатали объ этомъ. Полтысячи лѣтъ тому назадъ сѣверная буддійская религія уже привлекала вниманіе европейскихъ путешественниковъ. Между 1316 и 1330 г.г. одинъ католическій монахъ посѣтилъ Лхассу. Вслѣдъ затѣмъ свѣдѣнія о Тибетѣ и земляхъ, гдѣ онъ насаждалъ принятое имъ вѣроученіе, становились все полнѣе и обширнѣе. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Шлагинтвейту явилась возможность издать цѣлое стройное сочиненіе о ламаизмѣ. Съ тѣхъ поръ постоянно являются различныя изслѣдованія въ той же области знанія. Двѣ причины особенно двигаютъ науку въ этомъ направленіи: во-первыхъ, стремленіе Англичанъ со временъ Уаррена Гастингса завязать прочныя отношенія съ Тибетцами для сбыта индійскихъ товаровъ и къ нимъ, и въ Китай, сухимъ путемъ; во-вторыхъ, дѣятельностью самоотверженныхъ католическихъ миссіонеровъ близъ очаговъ буддизма, среди неблагосклонно настроеннаго населенія. Христіанскіе проповѣдники въ Тибетѣ и настойчивая Англія у порога околдованной язычествомъ страны,—это такія двѣ серьезныя силы, что едва-ли внутренняя Азія долгое время еще будетъ для насъ въ большей или меньшей мѣрѣ terra incognita. Съ сѣвера къ ламайскому міру приближается Россія. Сотни тысячъ инородцевъ, преданныхъ этой религіи, уже вошли въ составъ нашего государства. Монголія граничитъ съ важнѣйшими частями Сибири и сочувственно относится къ державѣ Бѣлаго Царя. Въ Императрицѣ Екатеринѣ II кочевники видѣли воплощеніе одной изъ своихъ важнѣйшихъ богинь—

Цага́нъ-Дара́-Эхэ. До сихъ поръ образъ Государя для нихъ—олицетвореніе божества. Въ интересы державы нашей входитъ поддерживать и питать эти чувства любви и благоговѣнія, воспользоваться ими, чтобы внести въ буддійскія степи глаголъ истины Христовой.

Къ несчастію, пока очень мало дѣлалось во имя столь великой идеи. Скорѣе напротивъ. Она искажалась и ложно примѣнялась на каждомъ шагу, особенно за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Когда еще на восточно-сибирской окраинѣ, при Муравьевѣ, жилъ преосвященный Нилъ, онъ вникалъ въ бытъ мѣстныхъ ламаитовъ, интересовался ихъ религіозными потребностями, оставилъ послѣ себя хоть и неполный и туманно изложенный, но все-таки несомнѣнно цѣнный трудъ о буддизмѣ у инородцевъ. Затѣмъ всякая любознательность въ этомъ направленіи изсякла. Вмѣсто возможнаго и желательнаго сближенія на религіозной почвѣ, стало расти и крѣпнуть искусственно вызываемое отчужденіе. Профессоръ Остроумовъ, заговоривъ о ламайской вѣрѣ въ сентябрьской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1886 годъ, справедливо говоритъ: „Мы твердо держимся убѣжденія, что миссіонеръ не можетъ проповѣдывать, не зная буддійскаго ученія, такъ же, какъ не можетъ неграмотный человѣкъ обучать другихъ грамотѣ“. Дѣйствительно, нерѣдко со стороны радѣющихъ объ успѣхѣ православія высказывались въ печати такія мнѣнія и пожеланія, проектировались такія мѣры, что всякій, хоть немного знакомый съ положеніемъ дѣла на этой окраинѣ и измѣрившій глубину возбуждаемаго религіознаго вопроса, просто руками разводитъ, слушая, о чемъ толкуютъ и чего добиваются нѣкоторые краснорѣчивые сочинители различныхъ проектовъ. За примѣрами нѣтъ надобности идти далеко. Еще въ этомъ году появилась брошюра—„По поводу ожидаемыхъ церковно-государственныхъ преобразованій въ Сибири“, гдѣ авторъ, не имѣя даже самыхъ элементарныхъ представленій объ излагаемомъ предметѣ, съ изумительной развязностью, которая ни въ чемъ не уступаетъ его полному незнанію дѣла, проводитъ тенденціозные взгляды на вопросъ, на-

ставаетъ на необходимости крещенія сотенъ тысячъ инородцевъ по Высочайшему повелѣнію, предлагаетъ такія насильственныя мѣры для блага дѣла, что и съ государственной, и съ чисто-христіанской точки зрѣнія, кромѣ явнаго вреда отъ нихъ и ожидать нечего. Книга Позднѣева является поэтому какъ нельзя болѣе кстати. Она не полемизируетъ съ господствующими теперь ходячими мнѣніями. Авторъ очень осторожно и умно отстраняется отъ столь щекотливой темы. Но за то въ трудѣ его сгруппированы всѣ тѣ данныя, которыя разомъ наносятъ смертельный ударъ разнымъ безпочвеннымъ проектамъ. Увѣряютъ, что ламаизмъ не есть религія для народа, что языческимъ духовнымъ неминуемо надо замыкаться въ чертѣ монастырей, что никакого общенія между жречествомъ и мірянами не существуетъ и т. д. Стоитъ перелистовать капитальное сочиненіе нашего выдающагося монголиста (около 500 страницъ съ рисунками), чтобы убѣдиться въ умышленной или невольной лживости подобныхъ увѣреній. Имѣя такой богатый свѣдѣніями источникъ, правительство уже можетъ взвѣсить разнорѣчивые факты, накопившіеся у него въ рукахъ, на основаніи безспорно точныхъ данныхъ.

Въ книгѣ Позднѣева насъ остановила одна неточность: „Россія насчитываетъ уже *милліоны* поклонниковъ Будды". Даже если множественное число — опечатка, все-таки откуда наберется такое количество? Въ Забайкальѣ ламаитовъ едва-ли больше, чѣмъ *200, 250,000*. И то сомнительно. Въ Иркутской губерніи не наберется свыше 15 — 20,000. Въ Томской губерніи, на монгольской границѣ, лишь горсть инородцевъ, тяготѣющихъ къ буддизму. Остаются Калмыки семирѣченскіе и европейскіе. Но вѣдь не превышаютъ они, вмѣстѣ взятые, 700,000. Затѣмъ у почтеннаго профессора нѣкоторыя выраженія, когда ихъ примѣняютъ къ языческому культу, рѣжутъ ухо: „благовѣстъ" (почему не просто звонъ?), „церковная утварь", „иконописаніе". Тѣмъ не менѣе сочиненіе Позднѣева — серьезный вкладъ въ литературу востока.

VI.

Брюхо Петербурга. — Общественно-физіологическіе очерки А. Бахтіарова. Петербургъ, 1888.

Въ книгѣ подъ этимъ неблагозвучнымъ заглавіемъ г. Бахтіаровъ рисуетъ намъ любопытную сторону столичной жизни, сторону, почти неизвѣстную ея обывателямъ, не смотря на то, что каждому приходится сталкиваться съ нею ежедневно. Дѣло идетъ о снабженіи Петербурга припасами, провизіей и т. п. Продовольствіе большаго города и большой массы людей — вещь крайне сложная и требующая одновременнаго и согласнаго дѣйствія весьма многихъ факторовъ. Почти вся Россія заинтересована въ томъ, чтобъ накормить и напоить это милліонное чудовище, и мало найдется мѣстностей, даже и самыхъ отдаленныхъ, которыя не поставляли бы чего-нибудь для этого громаднаго города. Такое сложное дѣло требуетъ и сложной организаціи. Сколько рукъ, сколько инстанцій пройдетъ тотъ или другой „товаръ“, прежде чѣмъ поступить на рынокъ! Сколько мытарствъ долженъ пройти какой-нибудь волъ, мирно пасшійся на тучныхъ пажитяхъ Новороссіи, прежде чѣмъ попасть сюда. Черезъ сколько рукъ перейдетъ напр. самарская пшеница, съ того дня, когда ее скосятъ на крестьянской нивѣ и до того, какъ она попадетъ къ намъ, къ чаю, въ видѣ всѣмъ извѣстной французской булки?

Петербургъ съѣдаетъ даже въ глухое дачное время до 15,000 пудовъ мяса въ день. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ теченіи года въ Петербургъ привозятъ около 3 милліоновъ пудовъ мяса въ видѣ живаго скота, и до полутора милліона пудовъ тушами; итого до 4 съ половиной (4,391,638 пуд. за 1884 годъ) милліоновъ пудовъ, т. е. до 5 пудовъ 4 фунт. на 1 жителя.

Эта цифра оказывается *выше цифры всѣхъ другихъ городовъ Европы.* Такъ въ Парижѣ приходилось по 3 п. 28 ф. на человѣка, въ Берлинѣ 3 п. 7 ф., въ Вѣнѣ 4 п. 9 ф.

Въ Петербургѣ происходитъ непрестанный приливъ скота изъ нашихъ южно-русскихъ степей, и первое мѣсто

по количеству вывозимаго убойнаго скота принадлежитъ землѣ войска Донскаго. Затѣмъ идутъ степи Средней Азіи. Отовсюду скотъ гонится на многочисленныя ярмарки юга Россіи, гдѣ онъ и закупается. Крестьяне или сами ведутъ скотъ на ярмарку или у нихъ скупаютъ его такъ называемые *шибаи*. Тѣ скупаютъ скотъ по мелочамъ и перепродаютъ *скупщикамъ*. У самихъ крестьянъ на ярмаркахъ торгуютъ скотъ особые *бѣгуны*. Скупщики, составивъ партію головъ въ 20—30 уже и бѣгуны, обращаются къ *бѣгунамъ*, перепродаютъ скотъ *прасоламъ*, а тѣ формируютъ до 200—300 головъ и болѣе, и предварительно откормивши его въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ степяхъ, на арендуемыхъ „полевщинахъ“, отпоивши бардой, гонятъ въ Петербургъ.

Такимъ образомъ *прасолъ* конечное звено среди степныхъ спекулянтовъ. Но быкъ, приходя съ береговъ Дона или Днѣпра въ Петербургъ, сосредоточиваетъ вокругъ себя цѣлую стаю другихъ спекулянтовъ, которые представляютъ организованную шайку посредниковъ между столичнымъ обывателемъ и степнымъ прасоломъ.

Въ столицѣ партію беретъ у прасола *коммиссіонеръ* и подыскиваетъ для нея подходящаго покупателя. Онъ продаетъ его такъ называемымъ *быкобойцамъ*, которые партіями бьютъ скотъ на бойнѣ и оптомъ перепродаютъ его *мясопромышленникамъ*, откуда онъ поступаетъ наконецъ въ 1,200 петербургскихъ мясныхъ лавокъ и продается потребителю.

И такъ: хозяинъ быка, шибай, скупщикъ, бѣгунъ, прасолъ, коммиссіонеръ, быкобоецъ и мясопромышленникъ, вотъ сколько лицъ вцѣпились, такъ сказать, въ одного и того же быка и въ самомъ концѣ ряда мы видимъ несчастнаго потребителя, который и вынужденъ удовлетворить всю эту ораву.

Самымъ полезнымъ и самымъ недорогимъ изъ цѣлой стаи посредниковъ является „бѣгунъ“, который довольствуется 20 коп. съ каждаго быка. Коммиссіонеръ получаетъ по 1 р. съ головы, прасолъ имѣетъ барыша по 10 рублей съ каждой штуки скота, 6 крупныхъ быкобойцевъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ монопольно почти всю мясную тор-

говлю Петербурга, ворочаютъ десятками тысячъ, а 1,200 мясопромышленниковъ берутъ въ свою пользу лакомый кусочекъ, въ общей сложности въ 4—5 милліоновъ рублей.

Но не смотря на все это *цѣны на мясо у насъ дешевле, чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ Западной Европы.* Мясо въ Петербургѣ продается отъ 17 до 23 коп. за 1 сортъ, между тѣмъ за границей оно стоитъ отъ 25 до 50 коп. за фунтъ (въ Лондонѣ); это подтверждаетъ между прочимъ и недавно вышедшее сочиненіе Мейнерта, который тоже говоритъ, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ мясо дешевле.

Если южно-русскія степи высылаютъ Петербургу убойный скотъ, то сѣверныя губерніи: Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Пермская и Вятская снабжаютъ его дичью. Дичь эта, а также и вся домашняя птица сосредоточивается на Сѣнномъ рынкѣ и Щукиномъ дворѣ.

Сколько привозится разной дичи и птицы въ нашу столицу, нѣтъ возможности сосчитать, тѣмъ болѣе, что часть ея, въ замороженномъ видѣ, идетъ и заграницу. Во всякомъ случаѣ надо считать милліонами. Тутъ кормится масса народу. Понятіе о „чистомъ“ и „нечистомъ“ давно уже отошло въ область преданій. Если въ Петербургѣ въ лавкахъ продаютъ конское мясо, то и на Щукиномъ вы встрѣтите всегда цѣлыя корзины съ замороженными воробьями, свиристелями, голубями, которыхъ здѣсь называютъ „пижонами“ и т. д. Мѣха идутъ въ Гостиный Дворъ, гдѣ и поступаютъ къ цѣлому штату разныхъ спеціалистовъ, скорняковъ, разборщиковъ и сборщиковъ, а птичьи шкурки идутъ въ мастерскія „чучельниковъ“ и оттуда вмѣстѣ съ отдѣльными головами, крыльями, хвостами заграницу, преимущественно въ Парижъ, откуда частію возвращаются опять къ намъ, но уже послѣ различныхъ метаморфозъ и подъ видомъ „экзотическихъ птицъ“.

Фруктовый товаръ везется со всей Россіи, преимущественно съ юга. За осень 1886 года, напримѣръ, доставлено въ Петербургъ однихъ яблокъ 2.000 вагоновъ, въ каждомъ до 250 пудовъ. Цѣны устанавливаются по вдохновенію. Когда товаръ „вновѣ“, за него просятъ „по-божески“ т. е.

сколько взбредетъ на умъ. За то бываетъ и такъ, что продажная цѣна вдругъ падаетъ ниже стоимости привоза, является „перепроизводство“ и тогда „товаръ“, какіе-нибудь арбузы, напр., не берутъ съ вокзала, а оставляютъ въ пользу желѣзной дороги, которая конечно не знаетъ, что съ ними дѣлать.

Рыбные товары сосредоточиваются на Мытномъ Дворѣ, гдѣ одни бочки съ Астраханскими селедками тянутся на полверсты. Кромѣ того для сельдей существуетъ спеціальный „сельдяной буянъ“, куда привозится ихъ изъ Норвегіи, Голландіи и Шотландіи до 70 милліоновъ штукъ. Живой рыбой торгуютъ на живорыбныхъ садкахъ, и обороты тутъ нельзя опредѣлить. Средняя Россія, весь Волжскій бассейнъ, области рѣкъ Камы и Вятки везутъ въ Петербургъ хлѣбъ.

Въ Петербургѣ хлѣбные грузы сосредоточиваются на Калашниковской пристани. Здѣсь они складываются въ амбары, при чемъ главнѣйшій собственникъ этихъ амбаровъ,— Александро-Невская Лавра. Ей принадлежитъ всего 110 амбаровъ. Любопытно, что среди капиталистовъ столицы неоднократно находились лица, предлагавшія монастырю снять въ аренду всѣ амбары, но монастырь это предложеніе отклонилъ, не желая навлекать на себя со стороны обывателей столицы нареканій, неизбѣжныхъ притакоймонополіи.

Привозъ хлѣба въ Петербургъ громаденъ; такъ напр. въ 1884 г. на Калашниковскую пристань привезено до 85 милліоновъ пудовъ хлѣба. Но большая часть этого хлѣба идетъ заграницу, часть въ Финляндію, и только часть остается въ Петербургѣ. Собственно, закупка хлѣба для потребностей столицы производится по утрамъ „за чаемъ“ въ Барановскомъ трактирѣ, на Калашниковской пристани. Сюда сходятся хлѣботорговцы и сидятъ за чаемъ, а около нихъ стоитъ сплошная масса лабазниковъ, мелочниковъ, булочниковъ и пекарей. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, нѣтъ ни мельниковъ, ни мельницъ. Весь мучной товаръ получается изъ-подъ Москвы и изъ поволжскихъ губерній.

Мы слегка познакомили читателей съ книгой г. Бахті-

арова. Какъ видно и изъ этого краткаго изложенія книга представляетъ несомнѣнный интересъ для желающихъ поближе ознакомиться съ жизнью нашего великаго города.

Книги, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.

Въ С.-Петербургѣ:

Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи отъ начала государства до настоящаго времени. Н. В. Пономарева. XXIV+401+7 стр. 8 д. л.

Auszug aus den Berichten an Seine Majestät den Kaiser über den Staad des Unterrichtswesen in den Jahren 1879—1884 236 S.

Нѣсколько словъ о цѣляхъ и задачахъ ученія и воспитанія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. 24 стр. 8 д. л.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга пятая. VII+469 стр., 1 портретъ и 1 факсимиле. 4 д. л.

П. М. Занковъ. *Старецъ Артемій, новооткрытый писатель эпохи Ивана Грознаго.* 20 стр. 8 д. л.

А. П. Лопухинъ. *Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завѣта.* 432 стр. 8 д. л.

Исторія Арменіи. Составилъ В. А. Абаза. IX+128 стр. 8 д. л.

Подробный конспектъ. Война 1805 года. *Аустерлицкая операція.* Составилъ генералъ-лейтенантъ Лееръ. 77 стр. 8 д. л.

Записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго. VIII+588 стр. 8 д. л.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Выпускъ 9-й, стр. 371—418. 8 д. л.

Рецензія римскаго права В. Моддермана, профессора Гронингенскаго университета. Съ нѣмецкаго перевелъ А. Ка-

минка, подъ редакціей профессора Н. Л. Дювернуа. III+116 стр. 8 д. л.

Слово о монашескомъ дѣланіи, составленное архимандритомъ Игнатіемъ Малышевымъ по поводу проекта игумена Митрофанія 10-го іюля 1869 г. 13 стр. 8 д. л.

„Научные пріемы“ и „строго-нравственныя мысли“ Г. Великова (Отвѣтъ нашему критику). П. И. Георгіевскаго. 17 стр. 8 д. л.

І. Каблицъ (Юзовъ). *Основы народничества.* Часть I. Второе дополненное изданіе. 464 стр. 8 д. л.

Русская исторія въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній, составилъ Петръ Вейнбергъ. 274 стр. 8 д. л.

Сочиненія Захеръ-Мазоха. *Ищутъ человѣка (Ein Mann wird gesucht).* Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. П. 320 стр. 8 д. л.

Сергѣй Атава. *Марѳинькино счастье и другіе разсказы.* 372 стр.

А. З. Соколовскій. *Вторая жизнь.* Оригинальный романъ въ трехъ частяхъ. 240 стр. 8 д. л.

Князь Курбскій. Историческій романъ временъ Іоанна Грознаго. Сочиненіе Бориса Федорова. Изданіе третье. 420+III стр. 8 д. л.

А. И. Фаресовъ. *Илюха.* Изъ разсказовъ ружейнаго охотника. 51 стр. 8 д. л.

Г. Эберсъ. *Нильская невѣста (Nil-Braut).* Романъ изъ временъ язычества. 448 стр. 8 д. л.

А. Вольскій. *Жена.* Романъ. 450 стр. 8 д. л.

Н. М. Минскій. *Стихотворенія.* Изданіе второе. 246+II стр. 8 д. л.

М. Альбовъ. *На точкѣ.* Филиппъ Филиппычъ.—О томъ, какъ горѣли дрова. 181 стр. 8 д. л.

Алчущіе. Романъ въ пяти книгахъ. А. Михайлова. 277+243 стр. 8 д. л.

А. Галаховъ. *Исторія русской словесности.* Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній примѣнительно къ учебному плану, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія. Изданіе пятое. III+252+XXXI стр. 8 д. л.

Учебникъ географіи. Составилъ А. Я. Гердъ. Ш. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Съ 49 рисунками и 7 картами въ текстѣ. II+124 стр. 8 д. л.

Первые разсказы изъ естественной исторіи. М. Быковой. Для дѣтей, только-что научившихся читать. Изданіе второе, дополненное. 77 стр. 12 д. л.

Курсъ гидравлики. Лекціи, читанныя въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Составилъ Ф. Е. Максименко. Выпускъ первый, съ 9 листами чертежей. II+1+128 стр. 8 д. л.

Краткая этимологія Геродотовскаго нарѣчія. Александра Бронзова. 26 стр. 8 д. л.

Основные факты химіи для врачей и студентовъ, равно какъ пособіе при изученіи химіи. Составилъ E. Harnack. Переводъ съ нѣмецкаго С. Ламанскаго. VIII+84 стр. 8 д. л.

Учебники, составленные по порученію департамента земледѣлія и сельской промышленности. *Коневодство.* Составилъ П. Кулешовъ. Съ 106 политипажами въ текстѣ. 176 стр. 8 д. л.

Азбука для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Составилъ К. К. Абаза. Изданіе 4-е, исправленное. 68 стр. 8 д. л.

О винодѣліи на южномъ берегу Крыма. Барона Ѳ. Р. Унгернъ-Штернберга. 57 стр. 8 д. л.

А. Ивченко. *Мотивы костюмовъ для маскарада и сцены.* 23 рисунк.

А. С. Виреніусъ. *Гигіена учителя.* 42 стр. 8 д. л.

Гигіена сельско-хозяйственныхъ млекопитающихъ животныхъ. Двадцать лекцій Карла Даманна, профессора и директора ветеринарной школы въ Ганноверѣ. Переводъ—извлеченіе. Часть вторая. V+VI+880+16 стр. 8 д. л.

Гомеопатическій лѣчебникъ для лѣченія собакъ и домашнихъ птицъ. Составилъ В. И. Гемпель 62 стр. 8 д. л.

Е. Молоховецъ. *Общедоступный русскій лѣчебникъ.* Собраніе гигіеническихъ и полезнѣйшихъ простыхъ домашнихъ врачующихъ средствъ. Женскія болѣзни, дѣтскія болѣзни, домашняя аптека. VIII+256 стр. 8 д. л.

Положеніе о дѣтскихъ пріютахъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Составилъ П. Горбуновъ. Изданіе второе. 186 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Д. И. Иловайскаго. *Мелкія сочиненія, статьи и письма.* 1857—1887 гг. По вопросамъ о преподаваніи исторіи. Путевыя замѣтки и воспоминанія. Публицистика по Восточному вопросу. Публицистика по внутреннимъ дѣламъ. О послѣднемъ фазисѣ Восточнаго вопроса. 416 стр. 8 д. л.

Н. М. Павловъ. *„Наше переходное время“.* (Сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ „День“, „Москва“ и „Русь“. Приложеніе къ „Русскому Архиву“ 1888 года. III+495 стр. 8 д. л.

Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи. Собралъ Дм. Цвѣтаевъ. Часть первая XXI+245+VII стр. 8 д. л.

Вопросы и запросы, не получившіе окончательной разработки на первыхъ семи археологическихъ съѣздахъ. 24 стр. 4 д. л.

Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи В. Н. Татищева. Іосифа Сенигова. 435 стр. 8 д. л.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать четвертая. Бумаги разнаго содержанія, XI+504 стр. 8 д. л.

А. С. Размадзе. *Очерки исторіи музыки отъ древнѣйшихъ временъ до половины XIX вѣка.* 159+184+189+153 стр. 8 д. л.

Максъ Кохъ. *Шекспиръ.* Перев. съ нѣмецкаго А. М. Гуляева. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями Н. И. Стороженка. 472+VI стр. 8 д. л.

Гердеръ, его жизнь и сочиненія Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Часть первая. 849 стр. 8 д. л.

Теорія науки и метафизики съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Соч. профессора А. Риля. Перев. съ нѣмецкаго Е. Корша. 426+VIII стр. 8 д. л.

Вечерніе огни. Выпускъ третій неизданныхъ стихотвореній А. Фета. VII+69+II стр. 8 д. л.

А. И. Полежаевъ. *Собраніе сочиненій съ біографіей, портретомъ и факсимиле.* 389 стр. 8 д. л.

Сочиненія А. С. Пушкина, изданныя для юношества, подъ редакціей В. А. Авенаріуса. Съ біографіей поэта, портретами и снимками съ почерка его, картинами и политипажами въ текстѣ. Томъ I-й IX+188+XIII стр. Т. II-й 231+VIII стр. Т. III-й 208+V стр. 8 д. л.

Викторъ Острогорскій. *Родные поэты.* Для чтенія въ классѣ и дома. IV+355 стр. 8 д. л.

Д. А. Линевъ. *Среди отверженныхъ.* Очерки и разсказы изъ тюремнаго быта. 273 стр. 8 д. л.

Отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго университета за 1887 годъ. 197 стр. 8 д. л.

Объ отношеніи химіи къ медицинѣ. А. Булыгинскаго. 39 стр. 8 д. л.

Краткій учебникъ микроскопической техники. Пособіе при практическомъ изученіи патологической гистологіи. Составилъ М. Никифоровъ. Второе исправленное и дополненное изданіе. 162+7 стр. 8 д. л.

Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ Э. Скудельный, преподаватель Московскаго реальнаго училища. VIII+290+127 стр. 8 д. л.

Женское молоко и выборъ кормилицъ. Д-ра Н. Ѳ. Миллера. Съ 23 политипажами въ текстѣ. VIII+232 стр. 8 д. л.

Въ Екатеринославѣ:

Нужна ли бухгалтерія? Очеркъ М. Г. Л—на. 21 стр. 12 д. л.

Въ Казани:

Чтеніе греческаго текста святыхъ евангелій. А. Некрасова. 200 стр. 8 д. л.

Сатиры Ювенала. (Введеніе, текстъ, варіанты, комментарій и указатель). Объяснилъ и издалъ съ приложеніемъ снимка изъ рукописи Питу и изслѣдованія о Ювеналѣ и его произведеніяхъ Д. И. Нагуевскій. Томъ первый. Изслѣдованіе о Ювеналѣ и его произведеніяхъ и сатиры I—III. CI+229 стр. 8 д. л.

Дачная обстановка и образъ дачной жизни знатнаго и бога-

таго римлянина въ первомъ столѣтіи по Р. Х. (Четыре письма Плинія Младшаго въ русскомъ переводѣ П. Гвоздева). 25+III стр. 8 д. л.

Снѣгурочка. Новелла для юношества Владиміра Краузе. 23 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Филоктетъ. Трагедія Софокла. Подстрочный переводъ со словаремъ и примѣчаніями. С. Островскаго. 107 стр. 12 д. л.

Въ Пензѣ:

Объясненіе къ подвижнымъ нотамъ и начальныя занятія по пѣнію въ школѣ. Для учащихся. Составилъ А. Карасевъ. 12 стр. 8 д. л.

Въ Таганрогѣ:

Начальныя основанія морской практики. В. Лукина. II+201 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ:

Веселые разсказы, сцены, водевили, сатиры и стихотворенія. Сочиненія Ю. А. Давыдова-Гунаропуло. Томъ I 286 стр. Томъ II 334 стр. 8 д. л.

Въ Тифлисѣ:

П. Б. *Мысли и замѣтки безпристрастнаго наблюдателя.* 30 стр. 8 д. л.

Казбекскіе ледники. О необходимости изслѣдованій Казбекскихъ ледниковъ. Г. Хатисяна.

*

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Благотворительная Москва.—Что такое Московская частная благотворительность.—Ляпинскія благотворительныя учрежденія.—Московское купеческое общество и его расходная смѣта на 1888 г.—Московское ночлежничество и точныя цифры, характеризующія положеніе дѣла за послѣдніе года.—Ростъ и наступившее паденіе этихъ цифръ.—Начало года у Московскихъ спортсменовъ.—Спортсмены-охотники и ихъ выставка.—Нѣчто о живописи. Галлерея П. М. Третьякова.

Едва-ли найдется въ Россіи городъ, въ которомъ сохранились бы въ такой первобытности черты, захватывающей самый широкій кругъ, частной благотворительности, въ какой сохранились онѣ въ Москвѣ. Кто плохо знаетъ Москву, кто не особенно пристально присматривался къ нѣкоторымъ современнымъ, сравнительно, явленіямъ Московской жизни, кто не слѣдилъ внимательно за тѣмъ, что совершается порою въ Бѣлокаменной по части благотворительности, тотъ пожалуй усомнится въ справедливости только-что высказаннаго; но это подтверждаютъ почти ежедневные факты, въ этомъ приходится убѣждаться на самыхъ характерныхъ примѣрахъ. Появляется напр. въ какой нибудь газетѣ маленькая замѣтка, въ которой „обращается вниманіе благотворителей на семью N N, находящуюся въ бѣдственномъ положеніи“; немедленно находится множество людей, которые шлютъ и тащутъ по указанному адресу и деньги, и платье, и всевозможную

провизію. Дѣло доходитъ до того, что благодѣтельствуемые иногда заявляютъ запоздавшимъ благотворителямъ, что уже получили достаточно, и указываютъ, гдѣ еще есть нуждающаяся семья.

Нѣкто очевидецъ разсказывалъ недавно пишущему эти строки объ одномъ подобномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто чуть что не на дняхъ.

— Пріѣзжаю,—говоритъ онъ—по указанному газетой адресу и привожу съ собой кое-что по части дѣтскаго теплаго платья, да денегъ немного. Вхожу. Квартирка дѣйствительно крохотная, обстановка бѣдненькая; но навстрѣчу мнѣ высыпало штукъ пять ребятишекъ и всѣ такіе расфранченные, что меня просто недоумѣніе взяло. Выходитъ и мать; тоже одѣтая въ хорошее шерстяное платье. „Чего я тутъ благотворить буду?“ думаю я. „Что я съ своимъ старьемъ соваться стану, когда у меня у самого дѣти одѣты не богаче этихъ?“ Однако объяснилъ цѣль пріѣзда. Мать благодаритъ: „простите, я откажусь! Сегодня ужь пятому человѣку отказываемъ. Насъ просто засыпали всякой всячиной. Вотъ, говоритъ, извольте взглянуть: цѣлые сундуки платья и разныхъ вещей наслали. Что на мнѣ и на дѣтяхъ, изволите видѣть, какія платьица, это все прислали благотворители. А ужь вы потрудитесь черезъ три дома, направо, во дворѣ спросить; тамъ живетъ семья чиновника одного отставнаго. Тѣ вотъ дѣйствительно нуждаются“.

— Ну и что же вы?

— Отвезъ въ ту, другую, семью.

До чего доходитъ частная благотворительность въ Москвѣ, указаніемъ служатъ разныя благотворительныя учрежденія, основанныя братьями Ляпиными на ихъ собственный счетъ. У Ляпиныхъ есть громадный ночлежный домъ, отлично устроенное, хорошо обставленное зданіе, дающее ежедневный безплатный пріютъ восьми-стамъ ночлежникамъ, которые проводятъ въ хорошемъ, тепломъ помѣщеніи собственно даже не ночь, а около двухъ-третей сутокъ, такъ какъ впускать въ домъ начинаютъ съ 4-хъ часовъ по полудни, оставаться же въ немъ можно до 8 ча-

совъ утра. У Ляпиныхъ есть знаменитая въ студенческихъ лѣтописяхъ „Ляпинка"—безплатныя квартиры для студентовъ. Они же основали безплатныя квартиры для вдовъ (на Большой Серпуховской улицѣ). Это послѣднее благотворительное учрежденіе въ настоящее время разрослось въ нѣчто дѣйствительно огромное; тамъ есть одиннадцать жилыхъ строеній и отдѣльно выстроенная при нихъ церковь. Четыре строенія предназначены для призрѣваемыхъ и въ нихъ имѣется до двухъ-сотъ-сорока номеровъ, общія залы, чайныя, столовыя, девятнадцать кухонь; остальные, меньшіе по размѣрамъ, дома заняты больницею для призрѣваемыхъ, школою на полтораста дѣтей, квартирами причта и служащихъ при домѣ; затѣмъ имѣются баня и прачешная. Словомъ все, что требуется. Въ учрежденіи все безплатно: и церковныя требы, и обученіе дѣтей, и лѣченіе, и лѣкарство и, конечно, помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе. Плата полагается только за ѣду, но и то значительно пониженная противъ обычной. О размѣрахъ владѣнія можно судить и изъ того, что оно, находясь въ районѣ дешевыхъ сравнительно квартиръ, тѣмъ не менѣе, оцѣнено въ 7.000 р. годоваго дохода. Замѣчательно при этомъ, что только въ концѣ прошлаго года Дума нашла справедливымъ не взыскивать съ Ляпиныхъ подоходнаго налога за это владѣніе, а то—приходилось бы еще платить налогъ...

Сочтите все это вмѣстѣ и сообразите, во сколько же обходится подобная благотворительность, если взять въ разсчетъ не только годовой расходъ по ней, но и самую затрату капитала, необходимаго на постройку и надлежащую отдѣлку этихъ домовъ.

И все это дѣлается не громко, безъ треска. Не случайся, напримѣръ въ думѣ докладъ о сложеніи взысканія подоходнаго налога съ Ляпиныхъ по ихъ владѣнію, занятому вдовьими квартирами, объ квартирахъ этихъ и не зналъ бы никто, кромѣ проживающихъ въ нихъ вдовъ.

Но гдѣ дѣло благотворенія развито, что называется во всю ширь, это—въ сферахъ дѣятельности Московскаго ку-

ческаго общества. Вотъ, напримѣръ, смѣта приходовъ и расходовъ общества, утвержденная на 1888 годъ; смѣта эта представляетъ собою весьма интересный матеріалъ.

Расходный бюджетъ на 1888 годъ составляютъ 773.223 р. 70 к. (на 61.210 р. 8 к. менѣе предположеннаго по смѣтѣ дохода). Изъ этой суммы расхода только около 25% не имѣютъ собственно благотворительнаго назначенія, все же остальное есть расходъ или на учебную и благотворительно-учебную часть, или на благотворительныя учрежденія, содержимыя на счетъ купеческихъ капиталовъ, пожертвованныхъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобъ проценты ихъ шли на то или другое благотворительное дѣло, или на непосредственныя дѣла благотворенія, въ родѣ раздачи денегъ бѣднымъ. Учебная и благотворительно-учебная часть обнимаетъ собою значительную часть бюджета въ 282.501 р. 12 к. (по смѣтѣ); сюда входятъ заведенія чисто учебнаго характера, какъ Мѣщанскія училища (155.898 р. 44 к.), Коммерческое училище (27.900 р.), Практическая академія коммерческихъ наукъ (33.224 р. 16 к.), Александро-Маріинское училище (23.454 р. 92 к.), Солодовниковское училище (18,023 р. 35 к.) и т. п., а также училища благотворительно-учебнаго свойства въ родѣ Арнольдовскаго училища для глухо-нѣмыхъ, и разныя пособія въ родѣ пособія бѣднымъ студентамъ (4.120 р.), пособія Школѣ живописи и ваянія, учебно-воспитательному заведенію для слѣпыхъ дѣтей, православнымъ школамъ въ Западномъ краѣ, школамъ благотворительнаго общества 1837 года и пр. Далѣе, 199.730 р. 24 к. обнимаютъ собою расходъ по учрежденіямъ чисто благотворительнаго свойства. Сюда входятъ: Андреевская богадѣльня (71.963 р. 16 к.), Кумонинская богадѣльня (17.602 р. 54 к.), Солодовниковская богадѣльня (22.111 р. 5 к.), Мазуринскій домъ призрѣнія (15.335 р. 9 к.), Хлѣбниковское отдѣленіе богадѣльни (9.988 р. 85 к.), богадѣльня Немировыхъ-Колодкиныхъ для слѣпыхъ женщинъ (6.150 р.), безплатныя квартиры (13.387 р. 4 к.) и т. п. Къ этому же отдѣлу можно отнести и такія пособія, какъ напр. пособія, выдаваемыя Николаевскому вдовьему дому (19.275 р. 70 к.), православ-

нымъ церквамъ въ Западномъ краѣ, глазной больницѣ и пр. Лучшимъ примѣромъ того, какъ съ каждымъ годомъ словно грибы выростаютъ разныя благотворительныя учрежденія, основываемыя на купеческіе капиталы, можетъ служить слѣдующее. Въ концѣ прошлаго года открытъ Мазуринскій домъ призрѣнія, превосходное зданіе, отдѣланное и внутри и снаружи на самую широкую ногу, обошедшееся одной постройкой и отдѣлкой не менѣе 200.000 руб.; при этомъ остальная часть полумилліоннаго, пожертвованнаго капитала—тысячъ триста примѣрно—служитъ для содержанія призрѣваемыхъ; теперь уже отстраивается домъ призрѣнія имени Г. И. Хлудова, на основаніе котораго пожертвовано также триста тысячъ рублей наличными и зданія, нынѣ приспособляемыя согласно утвержденному уставу подъ домъ призрѣнія (на первое время будетъ принято 80 человѣкъ призрѣваемыхъ на полное иждивеніе) и подъ безплатныя квартиры для неимущихъ семействъ. Въ то же время, какъ слышно, одинъ изъ М—выхъ имѣетъ уже намѣреніе пожертвовать до полумилліона рублей на основаніе дома призрѣнія имени М—выхъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ полгода осуществляются три полумилліонныя пожертвованія (пожертвованій мелкихъ, измѣряемыхъ тысячами, мы уже не считаемъ).

За расходомъ на содержаніе богадѣленъ и домовъ призрѣнія приведемъ расходъ, ассигнуемый на дѣло непосредственнаго благотворенія, иначе говоря, на прямую раздачу денегъ бѣднымъ. Тутъ есть и выдача пособій бѣднымъ невѣстамъ (31.221 р. 10 к.), и выдача пособій бѣднымъ гражданамъ (38.846 р. 13 к.), и выдача пособій на приданое дѣвушкамъ, воспитывавшимся въ Мѣщанскомъ училищѣ (1.900 р.); есть даже суммы, ассигнуемыя на уплату долговъ за бѣдныхъ гражданъ и на уплату податей за бѣдныхъ мѣщанъ.

Не слѣдуетъ забывать при всемъ этомъ, что благотворительныя учрежденія, содержимыя купеческимъ обществомъ, отличаются еще вдобавокъ чертами, характеризующими не простую, оффиціальную благотворительность съ обычной кан-

целярской подкладкой и сухо-формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, а благотвтрительность заботливую, предусматривающую даже мелочи. Вотъ хоть напр. домъ безплатныхъ квартиръ; самое зданіе застраховано въ 179 тысячахъ—это даетъ понятіе о его солидности; просматривая подробную вѣдомость расхода по этому дому, мы находимъ тамъ не только такія статьи какъ набивка погребовъ льдомъ, натираніе половъ и т. п., но даже расходы на содержаніе домашней аптеки, постояннаго доктора, на уплату причту ближайшей приходской церкви за совершеніе требъ и т. п.

Заботясь о дѣлахъ благотворенія на сторонѣ, купеческое общество проявляетъ и заботливость о лицахъ, отдающихъ ему свой трудъ и свои силы. Едва-ли можно указать въ Москвѣ другое частное учрежденіе, которое такъ относилось бы къ своимъ служащимъ какъ относится купеческое общество къ служащимъ въ купеческой управѣ. Поднятъ и проведенъ вопросъ объ учрежденіи безплатныхъ квартиръ для бѣднѣйшихъ служащихъ купеческой управы, каковыя квартиры и будутъ устроены въ одномъ домѣ купеческаго общества. И это помимо того, что, вообще говоря, служба въ купеческой управѣ являетъ собою бо́льшую сравнительно обезпеченность чѣмъ во многихъ другихъ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, которыя, подобно напр. городской Думѣ, никакъ не удосужатся заняться вопросомъ объ образованіи пенсіоннаго капитала.

Разъ что рѣчь зашла о нуждѣ и бѣдности, не лишнимъ будетъ отвести въ настоящей хроникѣ мѣсто одному учрежденію, также удовлетворяющему нужду весьма насущную. Мы говоримъ о городскомъ ночлежномъ домѣ, дающемъ безплатный пріютъ множеству бездомныхъ скитальцевъ. Какъ разъ кстати мы располагаемъ въ настоящее время подробнымъ и точнымъ матеріаломъ, относящимся какъ къ вопросу объ обращеніи ночлежничества въ городскомъ ночлежномъ домѣ, такъ и къ вопросу о Московскомъ ночлежничествѣ вообще. Городской ночлежный домъ вмѣщаетъ въ себѣ приблизительно отъ $^1/_4$—$^1/_3$ всего бездомнаго населенія Москвы, поэтому все, что имѣемъ мы

повѣдать читателю относительно ночлежничества въ городскомъ домѣ, въ равной степени относится и къ остальнымъ ночлежнымъ пріютамъ, т. е. къ Ляпинскому безплатному ночлежному дому и къ разнымъ частнымъ платнымъ вмѣстилищамъ ночлежниковъ.

Обратившись къ точнымъ цифрамъ, доставленнымъ въ наше распоряженіе, прежде всего поражаешься ихъ громадностью, а затѣмъ систематическимъ ихъ возрастаніемъ.

Ночлежниковъ перебывало въ городскомъ ночлежномъ домѣ:

Въ 1885 г	256,647 мужч.,	38,605 женщ. и дѣтей;	всего	295,252 чел.
„ 1886 „	295,799 „	43,543 „ „ „	„	339,342 „
„ 1887 „	313,239 „	41,942 „ „ „	„	355,181 „

Ростъ, казалось бы, ужасный, имѣющій въ себѣ нѣчто угрожающее! Однако, по разсмотрѣніи отдѣльныхъ цифръ, можно прослѣдить, что ростъ этотъ не только остановился, но что дѣло идетъ на очевидную убыль, а это уже несомнѣнно составляетъ явленіе утѣшительное. Въ самомъ дѣлѣ, сличимъ два послѣдніе года.

Въ 1886 году ночлежниковъ перебывало въ домѣ:

Въ январѣ ..	27,067 мужч.,	2,611 женщ. и дѣтей;	всего	29,678 чел
„ февралѣ..	26,761 „	2,552 „ „ „	„	29,313 „
„ мартѣ ...	29,809 „	2,022 „ „ „	„	31,831 „
„ апрѣлѣ ...	27,494 „	2,733 „ „ „	„	30,227 „
„ маѣ ...	28,355 „	5,937 „ „ „	„	34,292 „
„ іюнѣ	23,448 „	4,696 „ „ „	„	28,144 „
„ іюлѣ	15,521 „	2,516 „ „ „	„	18,037 „
„ августѣ ..	16,100 „	2,820 „ „ „	„	18,920 „
„ сентябрѣ	21,727 „	3,704 „ „ „	„	25,431 „
„ октябрѣ ..	25,561 „	4,315 „ „ „	„	29,876 „
„ ноябрѣ .	31,889 „	5,382 „ „ „	„	37,276 „
„ декабрѣ	22,067 „	4,255 „ „ „	„	26,322 „
Итого	295,799 мужч.,	43,543 женщ. и дѣтей;	всего	339,342 чел.

Въ 1887 году цифры представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Январь . .	29,476 мужч.,	3,808 женщ. и дѣтей;	всего	33,284 чел.
Февраль ..	24,997 „	3,345 „ „ „	„	28,342 „
Мартъ ...	32,277 „	3,914 „ „ „	„	36,191 „
Апрѣль ...	33,522 „	3,797 „ „ „	„	37,319 „
Май ...	33,374 „	4,223 „ „ „	„	38,597 „
Іюнь	28,759 „	4,686 „ „ „	„	33,445 „
Іюль	19,755 „	2,562 „ „ „	„	22,317 „
Августъ ..	20,452 „	2,979 „ „ „	„	23,431 „
Сентябрь..	21,383 „	3,050 „ „ „	„	24,433 „
Октябрь ..	21,411 „	3,350 „ „ „	„	24,761 „
Ноябрь ...	25,048 „	3,150 „ „ „	„	28,198 „
Декабрь ..	21,785 „	3,078 „ „ „	„	24,863 „
Итого	313,239 мужч.,	41,942 женщ. и дѣтей;	всего	355,181 чел.

Начиная съ января 1887 г. и до августа включительно, за случайнымъ, очевидно, исключеніемъ февраля мѣсяца, идетъ постепенное возрастаніе помѣсячныхъ цифръ по сравненію ихъ съ цифрами параллельныхъ мѣсяцевъ 1886 г. Въ сущности, высшей степенью этого сравнительнаго возрастанія и отличаются мѣсяцы іюль и августъ (на 18,037 человѣкъ іюля 1886 г. приходится 22,317 чел. іюля 1887 г., а на 18,920 челов. августа 1886 г. — 23,431 челов. августа 1887 г.). Съ сентября мѣсяца 1887 г. начинается паденіе цифръ по отношенію къ цифрамъ 1886 г.; въ сентябрѣ оно достигаетъ только тысячи человѣкъ, въ октябрѣ же и ноябрѣ разница дѣлается очень значительною: въ первомъ изъ названныхъ мѣсяцевъ она составляетъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ, во второмъ же — слишкомъ девять тысячъ человѣкъ. Правда, что въ слѣдующемъ затѣмъ декабрѣ разница эта ограничивается вновь лишь полутора тысячью человѣкъ, но этимъ характеризуется не прекращеніе паденія цифры, а очевидная невозможность дальнѣйшаго ея паденія въ томъ же процентномъ отношеніи цифръ 1887 г. къ цифрамъ 1886 г. Что паденіе это имѣетъ въ себѣ именно черты утѣшительнаго явленія, что оно не есть случайное уменьшеніе пары цифръ, это доказывается и тѣмъ, какъ прочно удержалось явленіе, и тѣмъ, въ какіе именно мѣсяцы года начало оно имѣть мѣсто. Ночлежниковъ собственно остается лѣтомъ почти не меньше, чѣмъ зимой, а только ночевать ихъ приходитъ меньше даже въ безплатный городской ночлежный домъ; ихъ не тянетъ туда, разъ что и Сокольники, и Петровскій паркъ, и разныя подгородныя дачныя пристанища, и городскіе бульвары даютъ такой же безплатный пріютъ на ночь, какъ ночлежный домъ.

Осень и зима — иное дѣло. Начиная съ половины сентября и въ особенности въ октябрѣ и ноябрѣ, цифра ночлежничества быстро начинаетъ дѣлаться *настоящею*, дающею истинное понятіе о количествѣ бездомныхъ скитальцевъ. Холодъ и слякоть гонятъ ихъ въ ночлежные дома. Если въ эти мѣсяцы замѣчается паденіе цифръ ночлежничества, да еще замѣчается при томъ паденіе систематическое, это

значитъ, что ночлежниковъ дѣйствительно убавилось. Тутъ не можетъ быть мѣста иному соображенію. Нельзя, напр., предположить, что въ городскомъ домѣ ихъ убавилось, а въ частныхъ притонахъ—прибавилось. Городской домъ ночлежники предпочитаютъ вмѣстѣ съ Ляпинскимъ всѣмъ остальнымъ: тамъ и лучше, и просторнѣе, и теплѣе, и тамъ, наконецъ, не берутъ ничего за ночлегъ.

Говоря о паденіяхъ и возрастаніяхъ цифръ ночлежничества, нельзя умолчать объ одной изъ причинъ явленія, кажущагося очень страннымъ на первый взглядъ. Просматриваешь напр. поденныя цифры и видишь, что онѣ понемногу падаютъ и падаютъ съ каждымъ днемъ, потомъ вдругъ сразу цифра выростаетъ огромнѣйшимъ образомъ и начинаетъ себѣ преисправно держаться на той же высотѣ.

— Что это значитъ?—интересуетесь вы этимъ и задаете такой вопросъ смотрителю дома.

— Обхода боятся,—поясняетъ онъ вамъ.

— Какъ обхода?

— Полицейскаго обхода. Бываетъ это раза три-четыре въ году, приблизительно съ одинаковыми промежутками. Ночлежники знаютъ это и остерегаются. Не было напр. давно обхода—его ждутъ и потому отъ ночевки въ домѣ воздерживаются. Совершится обходъ, заберетъ полиція нѣсколько человѣкъ—мигомъ это сдѣлается извѣстнымъ и на другой же день привалитъ масса народа, такъ какъ оно ужъ извѣстно, что до времени слѣдующаго обхода еще далеко. Потомъ повторится опять та же исторія; на цифры помѣсячныя это почти не вліяетъ, оказывая вліяніе только на поденныя цифры.

Чтобъ дать понятіе о томъ, что такое результаты этихъ полицейскихъ обходовъ, достаточно привести нѣсколько цифръ. Въ 1886 году въ четыре бывшіе обхода взято среди ночлежниковъ городскаго дома безпаспортныхъ: 449 мужчинъ и 50 женщинъ. Въ 1887 году въ четыре обхода взято: 635 мужчинъ и 20 женщинъ. Цифры, казалось бы, весьма внушительныя, но что касается, по крайней мѣрѣ, первой изъ нихъ, вліянія на послѣдующія цифры ночлежничества

отъ нея незамѣтно, это даетъ возможность предполагать, что наступившее съ осени прошлаго года паденіе цифръ имѣетъ въ основаніи не такую простую и малоутѣшительную причину, какъ изъятіе изъ обращенія извѣстнаго количества ночлежниковъ посредствомъ полицейскихъ обходовъ, а причины болѣе серьезныя и болѣе утѣшительныя: весьма возможно, что это паденіе цифры ночлежничества не чуждо нѣкоторыхъ экономическихъ причинъ, что имъ характеризуется сокращеніе той безработицы, которая имѣла въ свое время мѣсто въ различныхъ подмосковныхъ, второстепенныхъ фабричныхъ и промышленныхъ пунктахъ, какъ и въ самой Москвѣ, безработицы, какъ будто дѣйствительно начавшей мало-по-малу переходить къ большему оживленію дѣлъ.

Между прочимъ городской ночлежный домъ служитъ и посредникомъ между разными, въ большинствѣ случаевъ анонимными, жертователями-Москвичами и Московской бездомной голью; именно туда стекаются въ огромной массѣ (конечно, впрочемъ, относительной) самыя разнообразныя пожертвованія. Такъ напр. мы находимъ въ доставленномъ намъ матеріалѣ слѣдующія по этой части данныя:

Въ 1886 году поступили пожертвованія: 6,041 билетовъ на безплатные обѣды въ народной столовой, 19 пудовъ 1½ фунта баранокъ, 835 пудовъ 34½ фунта ржанаго хлѣба, 950 штукъ пеклеванниковъ, 810 ситниковъ, 16,850 калачей, 5,820 яицъ, 40 пудовъ соли, 1 мѣра варенаго картофеля, 3 ведра кислой капусты, 3 мѣры яблокъ, 10 ведеръ соленыхъ огурцовъ, 43 штуки ситцевыхъ платковъ, 29 билетовъ на полученіе безплатно теплыхъ чулокъ, 36 р. 46 к. деньгами. Въ 1887 году пожертвовано: 3,332 билета на безплатные обѣды, 3,258 калачей, 1,743 пуда ржанаго хлѣба, 72 пуда соли, 8,220 яицъ, 12 пудовъ баранокъ, 950 ситниковъ, 390 пеклеванниковъ, 2 бочки соленыхъ огурцовъ, 1 ведро кислой капусты, 2,000 штукъ пироговъ (въ 5 коп.), 5 р. 70 к. деньгами.

Нечего и говорить о томъ, что, не существуй городскаго ночлежнаго дома и всѣ эти пожертвованія не имѣли бы мѣ-

ста, такъ какъ не было бы имъ возможности дойти по назначенію; понятно, что въ Ляпинскій домъ они поступаютъ также и тамъ въ равной степени несомнѣнно достигаютъ цѣли. Но жертвовать что-либо въ частные ночлежные дома было бы празднымъ занятіемъ: съемщики ночлежныхъ квартиръ въ большинствѣ случаевъ народъ такого свойства, что отдать въ ихъ руки какое-нибудь пожертвованіе—то же, что выбросить его на улицу.

Нѣтъ сомнѣнія что въ значительной мѣрѣ безплатные ночлежные дома—своего рода благотворительное зло, ибо они размножаютъ тунеядцевъ и шатуновъ. Вопросъ этотъ имѣетъ немало за и противъ, и мы не станемъ его обсуждать. Частные, платные ночлежные дома—несомнѣнное зло. То, что есть по этой части въ Москвѣ, это—такіе притоны воровъ и мошенниковъ, такіе пристанодержательства и вертепы разврата, что, дѣйствительно, можно пожелать закрытія ихъ.

Московскіе спортсмены, гг. охотники, начали годъ выставкой собакъ и охотничьихъ лошадей. Выставка по обыкновенію была устроена въ манежѣ и по обыкновенію же, не смотря на высокую плату за входъ (1 р.), она привлекла за всѣ дни своего существованія довольно много публики. Что собственно привлекаетъ Москвичей неохотниковъ на выставку, опредѣлить было бы трудно; интересуютъ ли ихъ собаки, или лошади, нравится ли имъ смотрѣть на самихъ спортсменовъ, суетящихся по манежу, съ важнымъ видомъ вымѣряющихъ высоту какого-нибудь Шагая, или Угара, ѣздящихъ на лошадяхъ съ цѣлью показать проѣздку той, или другой лошади—все это вопросы, остающіеся открытыми. Вѣрно только то, что значительная часть людей, посѣщавшихъ манежъ въ дни выставки—неохотники.

Между прочимъ вы видите толпу, стоящую въ молчаніи передъ чѣмъ-то. Вы подходите ближе и видите, что остановиться дѣйствительно стоитъ: къ охотничьей выставкѣ не безъ остроумія пристегнуто искусство.

На постаментѣ въ ростъ человѣка висятъ три рельефныя картины: „ружейный охотникъ“, „охота на медвѣдя“ и „рыболовы“; послѣдняя сдѣлана съ знаменитыхъ „рыболововъ“ Перова и сдѣлана такъ, что сразу приковываетъ ваше вниманіе. Это даже не рельефная картина, а просто группа, помѣщенная въ глубокой рамѣ, за стекломъ; группа, объ фигуры которой исполнены съ замѣчательнымъ мастерствомъ. И старикъ, млѣющій надъ удочкой (рыба, очевидно, клюетъ) и молодой человѣкъ, насаживающій на крючекъ червяка, не покидая въ то же время взглядомъ поплавка, близъ берега, и вся обстановка—этотъ травянистый берегъ и поросли, высунувшіяся изъ воды—все это показываетъ, что картина исполнена не мастеромъ-ремесленникомъ, а человѣкомъ съ художественнымъ талантомъ.

Кто же сдѣлалъ эту группу, или, лучше сказать, эти группы?—интересуетесь вы. Надписи на нихъ нѣтъ.

Оказывается, что дѣлаетъ ихъ въ Саратовской губерніи одна дама, глухонѣмая отъ рожденія, что поставляетъ она такія картины магазину Аванцо, у котораго состоитъ нѣкоторымъ образомъ на откупу, такъ какъ кромѣ него никому своихъ картинъ не отдаетъ на продажу. Далѣе оказывается, что за картины эти магазинъ беретъ большія деньги (до 300 р. за штуку), что именно „рыболовы“—самая малая изъ нихъ—стоитъ 175 р.

Невольно задумываетесь вы, стоя передъ картиной. Вѣдь вотъ судьба! Глухонѣмая отъ рожденія... Это ли не несчастіе? Это ли не тяжелый крестъ, возложенный на человѣка? И что же рядомъ съ этимъ?.. Какъ бы въ вознагражденіе, человѣку данъ талантъ, въ немъ зажжена та искра Божія, благодаря которой онъ можетъ искать утѣшенія въ сферахъ, недоступныхъ массѣ людей, въ сферахъ высшаго искусства...

Едва манежъ покончилъ съ одними спортсменами, какъ другіе вступили въ свои права: ушли изъ него гг. охотники, и въ немъ снова водворились гг. велосипедисты, устраивающіе тамъ въ зимнее время свои состязанія и катанія по воскресеньямъ. Велосипедное дѣло въ Москвѣ развивается

довольно быстро; конечно, еще не вся Бѣлокаменная поѣхала на одномъ колесѣ, но все же велосипедистовъ—„сипедистовъ“ какъ зоветъ ихъ подмосковное простонародье—развелось множество.

Въ прошлой хроникѣ мы предположили поговорить о положеніи въ Москвѣ живописи. Искусство живописи имѣетъ въ Москвѣ немалое количество серьезныхъ представителей русской школы, имѣетъ и такихъ сильныхъ покровителей среди частныхъ лицъ, охотно покупающихъ выдающіяся произведенія русскихъ художниковъ, какихъ ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи не найдешь. Въ Москвѣ живутъ гг. Солдатенковъ, Боткинъ, а главное П. М. Третьяковъ, составившій такую художественную коллекцію картинъ русской школы, какой въ Россіи нѣтъ, это—безъ преувеличенія.

Галлерея П. М. Третьякова—Московская достопримѣчательность—помѣщается въ захолустномъ переулкѣ замоскворѣчья, въ мѣстности, правда, чистой и тихой, но все же такой, что тамъ чѣмъ-то неожиданнымъ кажется существованіе такой сокровищницы, какъ Третьяковская галлерея. Мы называемъ ее сокровищницей и, пожалуй, въ названіи этомъ нѣтъ преувеличенія. Какъ назвать иначе художественную коллекцію, богатѣйшую, помѣщающуюся въ превосходномъ, заботливо выстроенномъ для нея помѣщеніи, сосредоточивающую въ себѣ массу талантливыхъ произведеній нашей національной школы, наконецъ, стоющую въ переводѣ на деньги, вѣроятно, милліоновъ? Помѣщеніе галлереи, двухъ-этажный рядъ залъ, приспособленныхъ спеціально для картинной коллекціи, примыкаетъ къ дому владѣльца, соединяясь съ нимъ внутреннимъ ходомъ и въ то же время имѣя отдѣльный подъѣздъ и широкія переднія. Ни платы за входъ, ни разрѣшенія на осмотръ галлереи, ни малѣйшихъ хлопотъ и затрудненій для полученія права на входъ. Двери галлереи гостепріимно отворяются для всякаго желающаго; ежедневно, съ утра и до трехъ часовъ пополудни, всякій можетъ проводить цѣлые часы, наслаждаясь тѣмъ, что съ такимъ умѣньемъ, такой щедрой рукой, собралъ владѣлецъ галлереи во множество

ея комнатъ. И чего только не найдете вы здѣсь? За нѣкоторыми исключеніями почти всѣ лучшія произведенія русской школы.

Вотъ цѣлая серія Верещагинскихъ картинъ, за нею серія Ивановскихъ этюдовъ къ его картинѣ „Явленіе Христа", серія картинъ Полѣнова; далѣе лучшіе представители русской школы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Вотъ пресловутая „Княгиня Тараканова" Флавицкаго... А вотъ Якобіевскій „Роздыхъ арестантовъ" — картина, имѣвшая въ свое время успѣхъ особаго рода; а вотъ серія произведеній Куинджи... А вотъ Брюловъ, Перовъ, Маковскій, Пряничниковъ, Пукиревъ, Айвазовскій, Максимовъ, Васнецовъ и др.; вотъ цѣлая коллекція произведеній Крамского... Вотъ комната, въ которой сосредоточены произведенія Рѣпина.

Невозможно перечесть все, имѣвшее свою исторію, что смотритъ на васъ со стѣнъ Третьяковской галлереи. Еслибъ подобная галлерея была не въ Замоскворѣцкомъ захолустьи, а въ какомъ-нибудь западно-европейскомъ центрѣ, ее съѣзжались бы смотрѣть. Здѣсь же, въ Москвѣ, галлерея скромно существуетъ себѣ изъ году въ годъ, пріобрѣтая все новыя и новыя произведенія; говорятъ о ней мало, пишутъ еще того меньше... Однако Москвичи ее любятъ и цѣнятъ по достоинству; нѣтъ такого дня, когда, придя въ галлерею, вы не застали бы тамъ многихъ посѣтителей. По праздникамъ галлерею посѣщаютъ свыше 500 человѣкъ въ день, а въ будніе дни тамъ можно видѣть чуть не въ каждой комнатѣ молодыхъ художниковъ, копирующихъ произведенія.

Братъ Павла Михайловича, Сергѣй Михайловичъ, также тратитъ большія деньги на пріобрѣтеніе произведеній искусства; П. М. Третьяковъ, владѣлецъ галлереи, пріобрѣтаетъ исключительно произведенія русской школы, комнаты же великолѣпнаго дома С. М. Третьякова щеголяютъ прекрасными картинами иностранныхъ художниковъ. Что касается коллекцій Д. П. Боткина и К. Т. Солдатенкова, то и ихъ можно осматривать—владѣльцы коллекцій весьма любезно предоставляютъ это право желающимъ,—но посѣщеніе ихъ все-таки связано съ необходимостью полученія на то разрѣ-

шенія, такъ какъ коллекціи эти помѣщаются не въ отдѣльныхъ галлереяхъ на подобіе галлереи П. М. Третьякова, а въ комнатахъ, гдѣ живутъ сами владѣльцы. Послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ, пріобрѣтеннымъ П. М. Третьяковымъ для своей галлереи, была Суриковская „Боярыня Морозова“, бывшая на послѣдней передвижной выставкѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Недѣлимыя дворянскія имѣнія.—Тюремное дѣло и дисциплинарные батальоны.—Поквартирный налогъ.

Какъ ни тяжело напряженное состояніе въ виду угрожающаго положенія, принятаго нашими западными сосѣдями, но все же оно не можетъ мѣшать и правительству, и обществу сосредоточиваться на вопросахъ внутренней жизни и устроительными работами укрѣплять силу государства. Въ ряду такихъ работъ первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ внесенному уже на обсужденіе Государственнаго Совѣта проекту преобразованія мѣстнаго управленія. Извѣстно, что предполагается призвать къ дѣятельному участію въ этомъ управленіи землевладѣльческое дворянство. Послѣ долгихъ шатаній и безплодныхъ усилій передѣлать хозяйственно-административный строй Россіи по западно-европейскимъ образцамъ рѣшились, наконецъ, обратиться къ источнику настоящей земской силы, къ осѣдлому въ уѣздахъ дворянству, къ тому слою нашего высшаго сословія, который наиболѣе заинтересованъ въ соблюденіи порядка и благоустройства и который никогда не переставалъ выдѣлять изъ себя полезныхъ дѣятелей на поприще общественной и государственной службы. Къ сожалѣнію, помѣстное дворянство не выдержало наплыва неблагопріятныхъ для его хозяйственной дѣятельности обстоятельствъ и съ каждымъ годомъ выбываетъ изъ насиженныхъ гнѣздъ, покидая землю, которая

для многихъ изъ нихъ стала не матерью кормилицей, а злою мачихою. Со времени крестьянской реформы до 1877—1878 гг., т. е. за полтора десятка лѣтъ, по свѣдѣніямъ оффиціальной статистики, дворяне утратили 12.726.655 десятинъ или болѣе 15% всего количества ихъ земельной собственности въ 43 губерніяхъ Европейской Россіи[1]). Акціонерные земельные банки своимъ дорогимъ и чисто *мобилизаціоннымъ* кредитомъ только способствовали обезземеленію дворянъ. Крестьянскій поземельный банкъ снабжаетъ землею своихъ кліентовъ преимущественно изъ дворянскихъ же помѣстій. Послѣдній отчетъ (за 1886 годъ) этого учрежденія показываетъ, какое видное мѣсто занимаютъ помѣщичьи имѣнія въ составѣ земель, купленныхъ крестьянами при содѣйствіи банка:

Продано.	десятины.	%
Дворянами и чиновниками . . .	240.375	81,57
Духовными	2.141	0,73
Купцами и мѣщанами.	37.127	12,60
Крестьянами	5.979	2,03
Нѣмцами-колонистами	1.858	0,63
Евреями	3.019	1,03
Башкирами	160	0,05
Казаками	856	0,29
Иностранными подданными . . .	2.251	0,76
Кредитными учрежденіями . . .	922	0,31
Итого .	294.688	100

Заслуживаетъ вниманія, что наибольшее количество дворянской собственности сохранилось въ губерніяхъ Западнаго края (въ Подольской губ., напримѣръ, до 95%), стало быть въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено земское положеніе, гдѣ правительственная власть, вслѣдствіе особыхъ политическихъ причинъ, довольно энергична и сохранила за собою наибольшій надзоръ надъ сельскою жизнью. Объ *угнетеніи* мужика

*) Изъ общаго числа 49 губерній, нами исключены губерніи Архангельская, Вологодская, Олонецкая, гдѣ дворянское землевладѣліе всегда было ничтожно, и три прибалтійскія губерніи, гдѣ это землевладѣніе находится въ совершенно особыхъ условіяхъ.

въ угоду помѣщику, разумѣется, тамъ не можетъ быть рѣчи; но на помѣщичье хозяйство благотворно дѣйствуетъ просто упроченіе власти.

Однако въ мѣстностяхъ кореннаго русскаго землевладѣнія въ то время, къ которому восходятъ вполнѣ достовѣрныя статистическія свѣдѣнія, дворянская собственность была еще значительна. Тогда всей дворянской земли, въ 43 губерніяхъ, насчитывалось 68.000.000 десятинъ, принадлежавшихъ 103 тысячамъ владѣльцевъ. Еслибы съ тѣхъ поръ убыло еще 15% дворянской собственности и на столько же сократилось число владѣльцевъ, то помѣстное дворянство все еще оказалось бы достаточно многочисленнымъ сословіемъ, чтобы нераздѣльно нести всю мѣстную службу. Правда, дворянская собственность распредѣлена очень неравномѣрно. Десять лѣтъ тому назадъ группѣ владѣльцевъ въ 80½ тысячъ человѣкъ принадлежало лишь около 7 милл. десят., почти 74% всего земельнаго достоянія русскаго дворянства или 51 милл. десятинъ сосредоточивались въ рукахъ 12½ тысячъ помѣщиковъ, а остальные 10 милл. десят. распредѣлялись между 20-ю тысячами лицъ. Но отсюда видно, что еще 32½ тыс. дворянскихъ семей могутъ жить рентою отъ своей земельной собственности и болѣе ⅓ владѣльцевъ изъ этой среды принадлежитъ къ разряду богатыхъ людей. Было бы, однако, неблагоразумно успокоиться на этомъ соображеніи, неблагоразумно потому, что группа въ 20-ть тысячъ владѣльцевъ, изъ такъ называемаго среднепомѣстнаго дворянства, непремѣнно измельчаетъ съ теченіемъ времени вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, а вторая группа — крупныхъ собственниковъ, людей богатыхъ—не жилецъ въ деревняхъ. Если же исчезнетъ среднепомѣстное дворянство, то предположенное преобразованіе мѣстнаго управленія лишится своей опоры. Если безначаліе есть настоящій корень недуговъ, которыми нынѣ страдаетъ наша уѣздная жизнь и если не остается иного средства для излѣченія, какъ поручить мѣстное управленіе лицамъ, избраннымъ правительствомъ изъ дворянской землевладѣльческой среды, то настоитъ прежде всего сохранить эту среду отъ дальнѣйшаго разложенія. Нужно, по

крайней мѣрѣ, сберечь среднепомѣстное дворянство въ его настоящемъ видѣ. Но достигнуть этого возможно тогда только, когда сами дворяне сознаютъ, наконецъ, истинное политическое призваніе своего сословія и сдѣлаютъ рѣшительный шагъ къ закрѣпленію за каждымъ дворянскимъ родомъ земельной собственности въ такомъ количествѣ, чтобы помѣстье доставляло его владѣльцу средства къ жизни, соотвѣтственной званію представителя высшаго сословія, чтобы на эти средства могли получать необходимую подготовку будущіе дѣятели на поприщѣ мѣстной службы. Учрежденіе заповѣдныхъ имѣній является, такимъ образомъ, на столько же государственною, какъ и сословною необходимостью, вызываемою обстоятельствами времени. На этотъ путь уже вступили дворянства Казанское и Полтавское, и есть основаніе думать, что ихъ починъ найдетъ себѣ откликъ и въ другихъ губерніяхъ, особенно если русскимъ дворянамъ будетъ дана та же льгота, которая предоставлена дворянамъ Прибалтійскаго края, т. е. право учреждать заповѣдныя имѣнія лишь съ соблюденіемъ общихъ установленныхъ правилъ, безъ особаго на то каждый разъ соизволенія Высочайшей власти. Желательно, чтобы для каждой мѣстности былъ опредѣленъ минимумъ неподлежащаго раздѣлу наслѣдственнаго имѣнія, что, разумѣется, всего удобнѣе можетъ быть сдѣлано самими же дворянами и облечено въ форму постановленій дворянскихъ собраній, а затѣмъ каждому владѣльцу могла бы быть предоставлена свобода дѣйствія. Въ Англіи законъ не знаетъ заповѣдныхъ имуществъ, но маіоратный порядокъ наслѣдованія и владѣнія соблюдается тамъ исключительно въ силу обычая и права *совершенно свободно* распоряжаться землею. Образованіе латифундій по примѣру Англіи, гдѣ большая половина земельной собственности сосредоточена въ рукахъ 2.238 владѣльцевъ, конечно, не желательно, но къ этому и не могъ бы повести законъ, ограничивающій дробимость имѣній, и такой законъ вовсе не былъ бы у насъ новостію: въ силу статей 516 и 1191 т. X и теперь участки, отводимые малоимущимъ дворянамъ, переходятъ безъ раздробленія къ

старшему въ родѣ наслѣднику. Стоитъ только придать этому мудрому правилу нѣкоторое распространеніе — и наше среднепомѣстное дворянство будетъ спасено. Въ будущемъ же его численность еще увеличится вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ крупной поземельной собственности.

Въ пользу учрежденія недѣлимыхъ имѣній средней величины говорятъ и соображенія чисто хозяйственныя. По справедливому замѣчанію автора недавно вышедшей въ Варшавѣ брошюры: „Дворянское землевладѣніе въ связи съ мѣстной реформой“, малые участки земли, также какъ и весьма большіе, имѣютъ свои невыгоды. Земельная рента тѣхъ и другихъ обыкновенно ниже помѣстій средней величины. Это происходитъ отъ того, что по управленію и содержанію хозяйственныхъ построекъ мелкіе участки несутъ непосильные расходы, а крупные владѣльцы не въ состояніи обработать всю свою землю и такимъ образомъ воспользоваться ея высшею доходностью.

Наконецъ, хотя крупные собственники и несомнѣнно могутъ приносить громадную пользу нашему малоимущему крестьянству, учреждая школы и содержа больницы, но никогда они не замѣнятъ того личнаго нравственнаго вліянія, которое въ силу вещей, вслѣдствіе сложившихся хозяйственныхъ отношеній и сосѣдскаго сближенія съ крестьянами, оказываетъ на сельскій людъ осѣдлое на своей землѣ и наиболѣе просвѣщенное въ уѣздѣ среднепомѣстное сословіе дворянъ.

Немало правительственнаго вниманія и заботъ требуетъ порочная среда населенія Имперіи.

Изъ послѣдняго отчета тюремнаго вѣдомства видно, что въ теченіе 1885 года въ тюрьмахъ содержалось 693.471 мужч. и 104.271 женщ., всего 797.742 человѣка. Изъ этого числа выбыло 697.769 чел., затѣмъ къ 1-му января 1886 года въ мѣстахъ заключенія оставалось 99.933 арестанта, въ томъ числѣ 9.078 женщинъ. Средній ежедневный составъ арестантовъ обоего пола доходилъ почти до 95.000 человѣкъ. Вся эта армія порочныхъ людей размѣщалась въ 818 тюрьмахъ общаго устройства (въ такъ называемыхъ острогахъ и арест-

ныхъ домахъ), въ 35-ти исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ 12-ти каторжныхъ и 6 пересыльныхъ тюрьмахъ. На ея содержаніе и управленіе тюремною частью израсходовано 11.798,614 р., и то лишь благодаря пониженію цѣнъ на продовольственные и другіе жизненные припасы; отъ занятія же арестантовъ работами выручено всего 103.356 р. По этой ничтожной, сравнительно съ суммою расходовъ, доходной статьѣ произошелъ еще недоборъ противъ смѣтнаго предположенія на 30.214 р. Недоборъ объясняется, по отзыву мѣстныхъ начальствъ, сокращеніемъ спроса на арестантскій трудъ и уменьшеніемъ платы за него вслѣдствіе наплыва свободныхъ рабочихъ, происшедшаго отъ застоя въ заводской и фабричной промышленности. Такое соперничество свободнаго труда съ арестантскимъ подаетъ и впредь слабую надежду на возможность организаціи работъ, въ мѣстахъ заключенія, въ размѣрахъ сколько-нибудь значительныхъ, особенно при системѣ занятія арестантовъ трудомъ почти исключительно ремесленнымъ, о чемъ ниже мы еще скажемъ нѣсколько словъ. Бремя содержанія арестантовъ всякаго рода почти исключительно падаетъ на государственное казначейство, такъ какъ изъ другихъ источниковъ, кромѣ вышеозначенной выручки въ 103.356 р., поступило всего:

Въ возвратъ суммъ, отпущенныхъ изъ казны на путевое довольствіе ссылаемыхъ по приговорамъ обществъ . .	151.491 р.
Арендной платы за эксплоатацію дуэзскихъ каменноуг. копей на Сахалинѣ	31.456 „
Пособія изъ средствъ г. Петербурга.	15.550 „
Платы на содержаніе частныхъ должниковъ въ губерніяхъ Привислинскаго края	273 „
Итого . .	198.770 р.

Государство расходуетъ на арестантовъ больше, чѣмъ на содержаніе всего вѣдомства Св. Синода, т. е. централь-

наго управленія, синодальныхъ зданій, духовныхъ консисторій, правленій и епархіальныхъ канцелярій, архіерейскихъ домовъ, каѳедральныхъ соборовъ и викарныхъ епископовъ, лавръ и монастырей, всего городскаго и сельскаго духовенства, миссій и миссіонеровъ, православныхъ духовныхъ учрежденій заграницею и проч. и проч. Продовольствіе арестантовъ обходится около $3^1/_2$ милліоновъ рублей, на ихъ одежду и обувь идетъ до 1.700.000 р., содержаніе и лѣченіе больныхъ и погребеніе умершихъ обходится свыше 1.300.000 р., на перевозку арестантовъ, конвоя и казенныхъ грузовъ при нихъ расходуется не менѣе 1.000.000 и до 1.200.000 р. Въ будущемъ эти расходы грозятъ еще увеличиться, такъ какъ число арестантовъ ежегодно возрастаетъ и расходы на улучшеніе ихъ содержанія также.

Въ виду такого положенія дѣла и скудости средствъ нашего государственнаго казначейства, казалось бы, что утилизація арестантскаго труда должна составлять главнѣйшую заботу тюремнаго начальства. Что же оказывается на дѣлѣ?

За вычетомъ 25.000 арестантовъ подслѣдственныхъ и состоящихъ подъ судомъ, остальные заключенные, въ числѣ 70.000 человѣкъ *ежедневнаго* состава тюремнаго населенія, доставили своими работами всего 103.000 р. въ годъ, т. е. *менѣе полутора рубля* съ человѣка. Само тюремное начальство смотритъ на работу арестантовъ лишь какъ на *мѣру нравственнаго воздѣйствія* и видимо довольно своими мастерскими, менѣе всего заботясь о томъ, чтобы преступники, приговоренные къ срочному тюремному заключенію, въ значительной мѣрѣ содержали себя собственнымъ трудомъ. При такомъ взглядѣ весьма естественно, что расходы по занятію арестантовъ работами поглощаютъ болѣе $^3/_4$ валовой выручки мастерскихъ. Оставляя на время отчеты тюремнаго вѣдомства, въ которыхъ этихъ расходовъ не доищешься, и обращаясь къ отчетамъ государственнаго контролера по исполненію государственной росписи, мы видимъ, что въ 1886 году, напр., доходовъ отъ работъ арестантовъ исправительныхъ отдѣленій выручено 84.780 р.,

а израсходовано на тѣ же работы, не считая содержанія помѣщенія мастерскихъ, 62.494 р. Вотъ что говоритъ само тюремное вѣдомство объ организованныхъ имъ арестантскихъ работахъ въ Петербургѣ, подъ непосредственнымъ надзоромъ высшаго начальства:

„*Мѣры нравственнаго воздѣйствія*. Съ принятіемъ главнымъ тюремнымъ управленіемъ въ непосредственное вѣдѣніе С.-Петербургскихъ мѣстъ заключенія, управленіе обратило особенное вниманіе на развитіе въ нихъ арестантскаго труда; въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе получаютъ исправительное арестантское отдѣленіе и С.-Петербургская тюрьма съ ея женскимъ отдѣленіемъ, какъ мѣста содержанія лицъ, уже осужденныхъ на отбытіе срочнаго наказанія.

„Изъ числа прочно организованныхъ мастерскихъ по исправительному арестантскому отдѣленію обращаютъ на себя вниманіе мастерскія: столярная, слесарная, сапожная и портняжная. Сапожная и портняжная заработали въ теченіе 1885 года до 3.000 р. (*а что стоило содержаніе тѣхъ же мастерскихъ?*); столярная, будучи значительно расширена, нашла возможнымъ, помимо мелкихъ заказовъ, принять къ исполненію большой заказъ по заготовленію мебели для казармъ Новочеркасскаго полка, а слесарная мастерская, независимо частныхъ работъ, исполняла заказы по изготовленію мѣдной посуды для вновь строющейся въ С.-Петербургѣ краткосрочной тюрьмы и замочковъ къ откиднымъ форткамъ дверей камеръ одиночнаго заключенія. Сверхъ сего, продолжали существовать мастерскія: коробочная и мѣшкоклейная и были вновь организованы мастерскія: для шлифованія камня, выработывающая около 700 р. въ годъ, и переплетная“ (Прав. Вѣстн. 1887 г. № 207).

Невольно напрашивается соображеніе, на сколько дешевый (не платящій за столъ и помѣщеніе) трудъ невыгодно для частнаго труда конкуррируетъ съ нимъ, отнимая работу...

Такія же легкія работы, какъ дѣланіе переплетовъ и коробочекъ, которыми занимаются даже великосвѣтскія барышни, быть можетъ, и не лишены нѣкотораго *нравственнаго воздѣйствія* на преступника, но только это воздѣйствіе не

такого рода, чтобы дать ему почувствовать дѣйствительность наказанія.

Далѣе въ отчетѣ какъ бы подчеркивается, что арестанты *же* въ тюрьмѣ на Выборгской сторонѣ „исполняли обязанности чернорабочихъ“, которыхъ ежедневно требуется не менѣе 12—15 человѣкъ. Казалось бы, что „черныя работы“ по уборкѣ камеръ, арестантскихъ кухонь, дворовъ и т. д. должны составлять *непремѣнную* обязанность каждаго арестанта исправительнаго отдѣленія. Изъятіе отъ работъ такого рода можетъ быть допущено только для больныхъ, даже немощные могутъ исполнять легкія черныя работы. Исправительная тюрьма вовсе не есть учебное заведеніе для воспитанія тружениковъ, а есть мѣсто наказанія преступника. Свободный выборъ занятій здѣсь вовсе не можетъ быть допускаемъ, иначе всякій воръ изъ чернорабочихъ, всякій негодяй изъ фабричныхъ предпочтетъ легкую работу въ тюрьмѣ тяжелому труду на свободѣ.

Работа по выбору не только не есть наказаніе для заключеннаго, но служитъ для него пріятнымъ развлеченіемъ, что подтверждается слѣдующими словами того же отчета:

„Содержащіеся въ домѣ предварительнаго заключенія слѣдственные арестанты, хотя и не обязанные къ производству какихъ-либо работъ во время содержанія подъ стражей, тѣмъ не менѣе, получали полную возможность заниматься производительнымъ трудомъ, лишь бы только съ ихъ стороны было выражено на это желаніе. Хотя въ домѣ и имѣется всего только одна общая мастерская, въ которой арестованные занимаются всевозможными работами, въ зависимости отъ тѣхъ знаній, съ которыми они поступили въ домъ, но, тѣмъ не менѣе, общая, заработанная содержащимися за отчетное время, сумма достигла 2.600 р.“

Съ 1-го іюля 1886 г. началось постепенное введеніе работъ повсемѣстно и въ тюрьмахъ общаго устройства, а потому будетъ величайшимъ зломъ, если мѣста заключенія гражданскаго вѣдомства послѣдуютъ примѣру пресловутыхъ дисциплинарныхъ батальоновъ и станутъ развращать провинившагося передъ закономъ рабочаго тѣмъ же

нѣжничаньемъ, какимъ батальоны развращаютъ строевыя войска.

Обратимся снова къ этимъ дисциплинарнымъ батальонамъ, чтобы досказать о нихъ начатое въ предшествовавшемъ нашемъ обозрѣніи.

Хвастаясь передъ товарищами своею якобы удалью и разсказывая имъ о легкости пребыванія въ дисциплинарныхъ батальонахъ, порочные нижніе чины многихъ слабохарактерныхъ совращаютъ съ пути истиннаго, въ понятіяхъ же другихъ уничтожаютъ страхъ къ этому наказанію, доказательствомъ чему могутъ служить все чаще и чаще повторяющіеся преступленія, а равно и то, что со дня учрежденія дисциплинарныхъ батальоновъ, армія не воспользовалась ни однимъ солдатомъ, тамъ исправленнымъ.

Тутъ же кстати замѣтить, что самымъ положеніемъ о дисциплинарныхъ батальонахъ вносится въ понятія нижнихъ чиновъ неправильный взглядъ на значеніе труда, ибо хозяйственныя работы причислены какъ бы къ разряду наказаній. Тѣмъ самымъ сдѣлано посягательство на беззавѣтную любовь къ труду нашей арміи, въ которой она съ-испоконъ вѣковъ черпала и черпаетъ свои нравственныя и физическія силы. Исторія доказываетъ, что трудъ всегда служилъ лучшимъ средствомъ воспитанія народа и войска: римскія войска были непобѣдимы до тѣхъ поръ, пока въ программу мирнаго воспитанія ихъ входили тягчайшія работы. Въ нашихъ же современныхъ военноисправительныхъ учрежденіяхъ замѣчается полное отсутствіе серьезнаго труда, что̀ гибельно отражается на всей жизни, какъ тѣхъ, кто самъ былъ въ батальонахъ, такъ и тѣхъ, которые приходятъ съ этими порочными людьми въ соприкосновеніе: примѣръ, а особенно дурной—заразителенъ.

Нецѣлесообразное устройство дисциплинарныхъ батальоновъ причиняетъ значительный вредъ войску и также вредно вліяетъ на народную жизнь, внося безнравственныя понятія.

Да и въ самомъ дѣлѣ—куда дѣвается эта масса (около 3000 человѣкъ) порочныхъ нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ ежегодно въ запасъ не только неисправленными, а напро-

тивъ испытавшими на себѣ всю легкость наказанія за такія преступленія, одна мысль о которыхъ наполняла прежде ихъ сердца ужасомъ и отвращеніемъ?.. Вся она цѣликомъ вливается въ народъ; вливается—отвыкшею отъ труда, привыкшею къ праздности и готовому куску хлѣба массою, убѣжденною опытомъ въ сравнительной безнаказанности многихъ преступленій и вдобавокъ ко всему—имѣющею аттестацію безпорочности. Практика доказываетъ, что вся эта масса, якобы безпорочно прослужившая Царю и Отечеству, никогда не обращается къ честному труду и пробавляется преступленіями и разными темными дѣлишками, развращая своимъ примѣромъ окружающую ихъ народную среду, которая, заражаясь наглыми разсказами о легкости наказаній, легко рѣшается на воровство, обманы, дерзости не только по отношенію къ своимъ нанимателямъ, но и по отношенію къ властямъ.

Что порочные нижніе чины не исправляются, а продолжаютъ свою преступную дѣятельность и по выходѣ изъ службы, подтверждается тысячами судныхъ дѣлъ о запасныхъ нижнихъ чинахъ, разбираемыхъ и мировыми и окружными судами.

Вредъ обществу, наносимый порочными нижними чинами запаса, вызвалъ уже протестъ народа, выразившійся въ прозвищѣ, даннomъ запасному солдату, котораго называютъ не иначе, какъ „порченнымъ мужикомъ“. Какая разница между прежнимъ и настоящимъ!

Прежде съ понятіемъ „солдатъ“ соединялось понятіе о храбрости, беззавѣтной преданности своему долгу, безкорыстной службѣ Царю и Отечеству до забвенія своихъ интересовъ, выдержанности, безусловной честности и исполнительности въ разъ принятыхъ на себя обязанностяхъ, будь то на службѣ или въ отставкѣ; и имѣлъ тогда солдатъ прозвища „кавалера“, „служиваго“, пользовавшіяся въ народѣ всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ!.. А теперь онъ по народной молвѣ „порченный мужикъ“—и больше ничего...

Нельзя при этомъ еще не замѣтить, что громадное большинство содержащихся въ дисциплинарныхъ батальонахъ попали туда за преступленія общія, за которыя граждане

наказуются отдачею въ тюрьму, въ арестанскія роты и даже ссылкой на поселеніе; такимъ образомъ гражданскія лица несутъ за тѣ же преступленія несравненно тягчайшія наказанія, нежели нижніе чины, отдаваемые въ дисциплинарные батальоны, срокъ пребыванія въ которыхъ даже не исключается, а зачитывается въ общій срокъ службы.

Самое названіе „дисциплинарный батальонъ“ не соотвѣтствуетъ характеру тѣхъ преступленій, за которыя переводятъ туда нижнихъ чиновъ, и приходится опять-таки сказать, что прежнія арестантскія роты, какъ по своему названію, такъ и по внутреннему устройству, несравненно болѣе соотвѣтствовали своему назначенію.

Высказавъ наивозможно кратко нашъ взглядъ на дисциплинарные батальоны, перейдемъ къ тѣмъ мѣрамъ и измѣненіямъ, которыя, по нашему мнѣнію, должны были бы быть предприняты для того, чтобы прекратить дальнѣйшее развитіе понятія въ средѣ нижнихъ чиновъ о сравнительной безнаказанности за сдѣланныя преступленія и для искорененія вредныхъ послѣдствій нецѣлесообразности устройства нашихъ теперешнихъ военно-исправительныхъ учрежденій.

1) За важнѣйшія преступленія противъ дисциплины слѣдовало бы опредѣлить особыя наказанія, сопряженныя непремѣнно съ лишеніемъ навсегда воинскаго званія. Впрочемъ, и нынѣ существующія положенія по этому отдѣлу преступленій въ большинствѣ случаевъ цѣлесообразны и не требуютъ особыхъ измѣненій.

2) За проступки дисциплинарные, подвергнувъ виновнаго заслуженному наказанію и переведя въ разрядъ штрафованныхъ, надо бы оставлять его въ строю для несенія службы наравнѣ съ прочими нижними чинами, но при этомъ два дня службы считать за одинъ до тѣхъ поръ, пока онъ удостоится снятія штрафа и сообразно съ этимъ дѣлать разсчетъ службы для увольненія въ запасъ, при чемъ нижній чинъ, не получивъ прощенія штрафа, ни въ коемъ случаѣ не долженъ быть увольняемъ въ запасъ.

3) За преступленія уголовныя обвиненныхъ слѣдовало

бы отправлять въ военныя тюрьмы и время, проведенное въ тюрьмѣ, исключать изъ общаго срока службы въ строю.

4) Дисциплинарные батальоны уничтожить, а освободившіяся вслѣдствіе этого помѣщенія приспособить подъ военно-исправительныя тюрьмы, которымъ, давъ самую строгую военную организацію, примѣнить возможно болѣе суровый режимъ.

Одновременно съ предлагаемымъ измѣненіемъ наказуемости преступленій и переустройствомъ военно-исправительныхъ учрежденій, слѣдуетъ пересмотрѣть и нынѣ существующій дисциплинарный уставъ, а также выработать правила для содержащихся на гауптвахтахъ, ибо при нынѣ существующихъ правилахъ, совершившіе преступленіе, не говоря уже о дисциплинарно арестованныхъ, находятся на гауптвахтахъ въ полной бездѣятельности цѣлые мѣсяцы, что̀ крайне вредно отзывается на ихъ нравственности и пріучаетъ ихъ къ лѣни. Слѣдовало бы всѣмъ содержащимся на гауптвахтахъ производить тѣ же строевыя занятія, какъ и въ частяхъ войскъ, при чемъ възамѣнъ того, что они не могутъ нести караульной службы, выводить ихъ на занятія въ полной аммуниціи съ укладкой ранца. Кромѣ того, тѣ изъ арестованныхъ, которые состоятъ въ разрядѣ штрафованныхъ, не избавлялись бы отъ наказанія за учиненные проступки во время ареста.

Такъ какъ существующій способъ содержанія нижнихъ чиновъ на гауптвахтахъ, какъ уже сказано было, порождаетъ и укореняетъ въ нихъ извѣстную распущенность, а въ подлежащихъ суду сверхъ того и увѣренность, что со дня ареста они не подлежатъ вѣдѣнію военнаго начальства, находясь въ распоряженіи суда, необходимо возстановить мудрое правило, чтобы ни одинъ воинскій чинъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не былъ допрашиваемъ иначе, какъ при депутатѣ съ военной стороны [1]), потому что защитники, весьма часто имѣя съ подсудимыми свиданіе наединѣ, учатъ

[1]) Въ Германіи и во Франціи по сей день существуетъ это правило. Во Франціи, кромѣ того, ни одинъ военный чинъ даже не можетъ быть введенъ въ имущественное владѣніе безъ военнаго депутата.

ихъ показывать неправду, и ради своего оправданія или затягиванія дѣла, взводить даже обвиненія на свое начальство. Слѣдователи гражданскіе, а равно и военные могутъ прибѣгать къ тому же изъ личныхъ отношеній къ виновному или къ его начальству.

Слѣдуетъ непремѣнно отмѣнить параграфъ устава, въ коемъ начальнику вмѣняется въ обязанность во всѣхъ случаяхъ уклоняться отъ прямаго обращенія къ пьяному нижнему чину и предписывается дѣйствовать черезъ рядовыхъ; это роняетъ авторитетъ начальника. Начальникъ вездѣ и всегда долженъ быть *начальникомъ* и можно быть увѣреннымъ,—въ чемъ намъ неоднократно случалось убѣждаться на опытѣ,—что какъ бы солдатъ ни былъ пьянъ—онъ всегда отнесется къ начальнику такъ, какъ слѣдуетъ, а по злому умыслу можетъ оскорбить начальника и вполнѣ трезвый человѣкъ. Достовѣрно можно сказать, что большая половина штрафованныхъ нижнихъ чиновъ—есть элементъ погрязшихъ въ порокѣ еще до сдачи ихъ на службу въ войска. Въ 1883 г. былъ случай, что въ одинъ изъ полковъ поступили два новобранца, которыхъ по прослуженіи года въ части, вслѣдствіе приговора гражданскаго суда, пришлось отправить въ каторжныя работы за совершенные ими поджоги еще до поступленія на службу....

Вотъ главныя основанія того, что, казалось бы, должно быть сдѣлано по затронутому нами вопросу.

С.-Петербургской городской думѣ предстоитъ разрѣшить вопросъ о новомъ налогѣ, установленіе котораго неизбѣжно должно будетъ измѣнить составъ городскаго представительства.

Лишаясь адреснаго сбора, закономъ уничтоженнаго, городъ вынужденъ пріискать соотвѣтствующій новый источникъ дохода. Управа признала наиболѣе удобнымъ остановиться на поквартирномъ налогѣ, давъ ему названіе „городоваго сбора“. Налогъ предполагается не свыше 2% съ рубля наемной цѣны, съ освобожденіемъ отъ него нанимателей квартиръ цѣною ниже 100 р. въ годъ.

По статистическимъ даннымъ, собраннымъ переписью 1881 года, всѣхъ квартиръ въ Петербургѣ, занятыхъ *жильцами*, считается 86.667, съ платою па сумму 35.472.722 р., въ томъ числѣ квартиръ съ платою ниже 100 р. считалось 10.397, на сумму 749.499 р. Слѣдовательно, подлежащая обложенію сумма будетъ болѣе $34^1/_2$ милл., а $2^0/_0$ налога съ этой суммы дадутъ дохода не менѣе 690.000 р., если не считать пустующихъ квартиръ.

Размѣръ предположеннаго налога не великъ, поэтому наибольшаго вниманія заслуживаетъ положенное въ его основу начало. Въ существѣ, квартирный налогъ принадлежитъ къ разряду прямыхъ и подоходныхъ налоговъ. Каждое лицо, за немногими исключеніями, нанимаетъ квартиру для собственнаго жилья, сообразуясь съ тою частью своихъ доходовъ, которую оно намѣрено прожить. Расходъ на наемъ квартиры не служитъ, такимъ образомъ, полнымъ выраженіемъ степени достаточности нанимателя: милліонеръ можетъ довольствоваться скромною квартирою въ нѣсколько комнатъ, а человѣкъ, получающій тысячъ двадцать дохода, слѣдовательно далеко не милліонеръ, можетъ иногда нуждаться (напримѣръ, для помѣщенія своей многочисленной семьи) въ цѣломъ этажѣ большаго дома; квартирная плата находится въ гораздо болѣе тѣсномъ и постоянномъ соотношеніи къ итогу расходовъ, нежели къ итогу доходовъ, а потому квартирный сборъ въ пользу города, не теряя своего характера безусловно прямаго налога и въ значительной мѣрѣ налога подоходнаго, является вмѣстѣ съ тѣмъ и налогомъ на роскошь или на удобства жизни, доставляемыя себѣ или своему семейству нанимателемъ того или другаго жилья. Эта особенность поквартирнаго налога даетъ основаніе примѣнять къ нему принципъ прогрессивности, нѣсколько умѣряющій стремленіе къ роскошной жизни и болѣе справедливый, чѣмъ начало простаго пропорціональнаго обложенія, ибо заставляетъ людей, не жалѣющихъ расходовъ на себя, принимать усиленное участіе и въ расходахъ на общественныя нужды. Министръ финансовъ, по свѣдѣніямъ „Нов. Врем.“, предложилъ

городу въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ управы, установить въ данномъ случаѣ прогрессивный налогъ; но управа „не считаетъ справедливымъ(?)“ воспользоваться этимъ предложеніемъ „въ виду того, что прогрессивный налогъ можетъ оказаться стѣснительнымъ, въ особенности въ тѣхъ домахъ, которые вполнѣ или отчасти занимаются самимъ хозяиномъ“. Управа, очевидно, не обратила вниманія на только-что указанную особенность поквартирнаго налога, на то, что онъ является налогомъ на роскошь, на удобства жизни, доставляемыя себѣ квартирохозяиномъ, кто бы онъ ни былъ. Иначе для нея было бы ясно, что именно дома-особняки и слѣдуетъ „по справедливости“ облагать наивысшимъ налогомъ.

Въ докладѣ управы вопросъ объ участіи въ городскомъ представительствѣ будущихъ плательщиковъ поквартирнаго налога обойденъ молчаніемъ. Но этого вопроса коснулся С.-Петербургскій градоначальникъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ управы онъ высказываетъ, что, по его мнѣнію, было бы справедливо, привлекая къ платежу сборовъ въ пользу города новыхъ лицъ, предоставить имъ и право участія въ распоряженіи городскими средствами наравнѣ съ лицами, перечисленными въ ст. 17 городоваго положенія.

Такое требованіе не вытекаетъ изъ буквальнаго смысла приведенной статьи. Въ ней сказано опредѣлительно, что правомъ голоса въ избраніи гласныхъ пользуется всякій городской обыватель, русскій подданный, достигшій 25-ти лѣтняго возраста, если онъ владѣетъ въ городскихъ предѣлахъ, на правѣ собственности, недвижимымъ имуществомъ, подлежащимъ сбору въ пользу города, или содержитъ торговое или промышленное заведеніе по свидѣтельству купеческому, или же, проживъ въ городѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду предъ производствомъ выборовъ,—хотя бы и съ временными отлучками,—уплачиваетъ въ пользу города установленный сборъ со свидѣтельствъ: купеческаго, или промысловаго на мелочной торгъ, или прикащичьяго перваго разряда, или съ билетовъ на содержаніе промышленныхъ заведеній, указанныхъ въ уставѣ о пошлинахъ.

По буквѣ закона распорядителями городскаго хозяйства являются исключительно домовладѣльцы и мѣстное промышленное и торговое сословіе. Но такое толкованіе едва-ли бы было согласно съ духомъ городоваго положенія. Содержатели разныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній и ихъ прикащики стали распорядителями не въ силу своей принадлежности къ извѣстному сословію (законъ имѣлъ въ виду „*всякаго* городскаго обывателя"), а потому, что эти люди предполагались единственными плательщиками *прямыхъ* сборовъ въ пользу города. Было бы совершенною несообразностію предоставить право голоса прикащику, уплачивающему въ пользу города какихъ-нибудь *десять* рублей налога, и въ то же время отказывать въ этомъ правѣ квартирохозяину, плательщику прямаго налога втрое большаго, если, напримѣръ, онъ платитъ за свое жилье 1.500 рублей въ годъ. Послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ болѣе перваго заинтересованъ въ благоустройствѣ города и по всей вѣроятности больше перваго понимаетъ въ этомъ дѣлѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что промышленное и торговое сословіе въ городахъ живетъ на счетъ остальныхъ городскихъ обывателей и уже по одному этому ему не должна принадлежать въ городскомъ хозяйствѣ роль главнаго распорядителя. Въ большинствѣ же случаевъ разные торговцы и промышленники, подающіе свой голосъ на выборахъ,—люди пришлые, зачастую живущіе даже врознь съ семьею, ровно ни чѣмъ не связанные съ будущностію города и преслѣдующіе одну только цѣль: наживу. Чѣмъ меньше будетъ такихъ людей въ городскомъ управленіи, тѣмъ лучше. Поквартирный сборъ даетъ прекрасный поводъ и правильное основаніе къ измѣненію крайне неудовлетворительнаго въ настоящее время состава городскаго представительства, и надо думать, что мнѣніе С.-Петербургскаго градоначальника не останется безъ вниманія со стороны государственной власти.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рѣшительный поворотъ въ нѣмецкой политикѣ. — Ея вызывающій характеръ. — Обнародованіе Австро-Германскаго договора. — Рѣчь князя Бисмарка.

Мы уже указали на вызывающій характеръ германской политики по отношенію къ Россіи и главныя цѣли, преслѣдуемыя этой политикой. Германскій канцлеръ, повидимому, давно уже порѣшилъ помѣряться, рано или поздно, силами съ русскимъ коллосомъ, который такъ долго и любезно служилъ опорой для слабой и ничтожной Пруссіи и прикрывалъ ее отъ ударовъ многочисленныхъ враговъ, „отъ нихъ же первая“ Австрія, притворяющаяся теперь искреннымъ другомъ и вѣрнымъ союзникомъ Германіи. Рѣшимость Бисмарка нанести наиболѣе тяжкій ударъ— не подлежитъ сомнѣнію и только неувѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ удерживаетъ его отъ рѣшительнаго нападенія... Онъ медлитъ для того, чтобы, какъ мы сказали послѣдній разъ, „выиграть время, пока германская и австрійская арміи успѣютъ окончательно перевооружиться“. Надо думать, что, по-разсчетамъ германскаго канцлера, этотъ моментъ долженъ наступить очень скоро, потому что образъ дѣйствій его день ото дня начинаетъ принимать все болѣе и болѣе вызывающій характеръ.

Рѣшительный поворотъ въ тонѣ нѣмецкой политики въ отношеніи Россіи совершился минувшей осенью, немедленно вслѣдъ за посѣщеніемъ русскимъ Государемъ своего царственнаго дѣда, маститаго Императора Вильгельма. Въ самый день пріѣзда Государя Императора въ Берлинъ и пребыванія его въ столицѣ Германіи—услужливый телеграфъ Вольфа разнесъ по всей Европѣ извѣстіе объ аудіенціи, данной русскимъ Монархомъ—канцлеру Императора Вильгельма. Въ тотъ же день вся Европа и весь міръ узнали, что Августѣйшій Гость маститаго Императора цѣлый часъ и двѣнадцать минутъ провелъ въ бесѣдѣ съ княземъ Бисмаркомъ. Само собою разумѣется, что продолжительность бесѣды подчеркивалась какъ можно виднѣе для того, чтобы ею объяснить или, точнѣе, доказать степень вниманія и благосклонность Царя къ нѣмецкому канцлеру... Послѣ первыхъ телеграфныхъ извѣстій можно было предсказать, что комментаріямъ и толкамъ по поводу пріема Бисмарка Государемъ—не будетъ конца... Но прежде чѣмъ было приступлено къ этимъ толкованіямъ—читающая публика должна была до извѣстной степени уже пережить разочарованіе... Оказалось, что вольнонаемные телеграфисты Вольфовскаго Агенства ужь черезъ чуръ поусердствовали относительно обозначенія продолжительности аудіенціи. На повѣрку вышло, что хотя время пребыванія Бисмарка во дворцѣ русскаго посольства продолжалось около часа, но что собственно въ бесѣдѣ съ Государемъ Императоромъ онъ провелъ едва-ли нѣсколько минутъ... Въ то время когда въ Россіи уже знали это доподлинно—въ Германіи и Австріи все еще придерживались первоначальнаго текста телеграфныхъ сообщеній и изнурялись a qui mieux-mieux въ измышленіи предметовъ собесѣдованія русскаго Царя съ германскимъ политикомъ!.. Мы не станемъ, конечно, повторять, различныхъ варіацій передачи полной картины этой встрѣчи и всѣхъ деталей собесѣдованія... Нашлись такіе досужіе и „глубокомысленные“ Нѣмцы, которые сочиняли цѣлые діалоги по этому случаю и печатали ихъ въ качествѣ достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній, исходящихъ отъ самыхъ достовѣрныхъ и

чрезвычайныхъ корреспондентовъ. Хотя для того, чтобы повѣрить хоть на волосъ всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ и корреспонденціямъ, необходимо было предположить, что въ кабинетѣ сидѣла цѣлая дюжина нѣмецкихъ репортеровъ, тѣмъ не менѣе даже и оффиціозы, выдающіе себя за серьезные органы политическихъ дѣятелей, въ родѣ напр. Берлинской „Post“ или „Koeln. Zeit.“, пустились тогда въ весьма длинныя разсужденія по поводу свиданія Государя съ Бисмаркомъ. Впрочемъ большинство газетныхъ толковъ и сплетней сводились къ тому, что будто бы канцлеръ Германской имперіи успѣлъ убѣдить русскаго Монарха въ неосновательности всѣхъ обвиненій, взводимыхъ на него и его политику русскими „панславистами“ (?) и печатью, находящеюся въ ихъ распоряженіи. Удостовѣряютъ, что кн. Бисмаркъ успѣлъ доказать Императору Александру, что Германія постоянно была на сторонѣ Россіи во всѣхъ вопросахъ международной политики и главное въ болгарскомъ вопросѣ. Весьма темно и смутно говорилось о какихъ-то документахъ, которые кн. Бисмаркъ призналъ подложными и даже взялся доказать ихъ подложность самымъ неопровержимымъ образомъ. Въ это время вся германская печать, не щадившая до тѣхъ поръ Россію, значительно смягчила тонъ и начала доказывать, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдствіемъ Берлинскаго свиданія и происходившихъ при этомъ переговоровъ будетъ возвращеніе Россіи къ союзу съ Германіей и Австріей. Вѣнская политическая печать отнеслась къ этимъ намекамъ и предположеніямъ крайне недовѣрчиво и даже высказала совершенно открытое неудовольствіе по этому поводу, предполагая, что, въ случаѣ надобности, Германія не задумается принести Австрію и австрійскіе интересы въ жертву возобновленію своей дружбы къ Россіи. Дѣйствительно ли вѣнскіе политики и публицисты были такъ легковѣрны, что вѣрили въ возможность русско-германскаго сближенія въ данную минуту, или просто имѣлось въ виду отвести глаза Россіи, показавъ, что Германія ради сближенія съ ней готова навлечь на себя неудовольствіе своего австрійскаго друга—объ этомъ можно гадать и такъ и сякъ.

Несомнѣннымъ однако является то обстоятельство, что вѣнская политическая и даже прямо оффиціозная печать раздѣлилась на два лагеря. Одна сторона стала доказывать необходимость освободиться отъ германской опеки и полную возможность отдѣльнаго соглашенія съ Россіей, помимо всякаго участія Германіи,—противоположная сторона стояла за необходимость еще болѣе тѣснаго сближенія съ Германіей—сближенія на столько тѣснаго, что бы никакой вопросъ о соглашеніи Германіи съ Россіей не могъ повліять на это сближеніе... Во главѣ первой изъ указанныхъ фракцій политической публицистики стояла „Montagsrewue“—органъ придворной партіи и преимущественно эрцъ-герцога Альбрехта, постояннаго и убѣжденнаго сторонника сближенія Австріи съ Россіею. Запѣвалой въ хорѣ противоположной фракціи выступилъ органъ графа Кальноки—„Fremdenblatt“. Въ Германіи крайне недружелюбно отнеслись къ этой ничтожной попыткѣ высвободиться изъ-подъ ферулы князя Бисмарка и даже сочли за нужное указать на возможность возбужденія вопроса о законности продолжающейся оккупаціи Босніи и Герцоговины Австріей.

Эта легкая перебранка закадычныхъ друзей вызвала улыбку недовѣрія на устахъ всѣхъ болѣе или менѣе безпристрастныхъ дипломатовъ цѣлой Европы и имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что въ Вѣнѣ уже не рѣшились развивать далѣе этотъ щекотливый вопросъ и вся оффиціозная печать получила лозунгъ придерживаться воззрѣній германскихъ оффиціозовъ.

Между тѣмъ, какъ разъ къ этому времени подоспѣли на свѣтъ Божій документы, относительно которыхъ будто бы бесѣдовалъ съ Государемъ Императоромъ германскій канцлеръ. Эти письма, которыя князь Бисмаркъ выдавалъ за подложныя, заключали въ себѣ частную переписку Фердинанда Кобурскаго съ герцогиней Фландрской—женой роднаго брата бельгійскаго короля Леопольда II и заключали въ себѣ разоблаченіе двуличной политики германскаго канцлера, который, оставаясь по внѣшности солидарнымъ съ русскимъ правительствомъ относительно пре-

бываніе Фердинанда Кобурскаго въ Болгаріи, въ то же время совѣтовалъ конфиденціальнымъ образомъ болгарскому самозванцу оставаться непреклоннымъ и продолжать распоряжаться въ Болгаріи, несмотря на оффиціальные протесты Германіи и Австріи, которые будутъ продолжать его поддерживать по-прежнему, изъ-за угла, конечно. Германскій канцлеръ заручился удостовѣреніями отъ Фердинанда Кобурскаго и отъ герцогини Фландрской въ томъ, что первый никогда и не думалъ писать, а вторая никогда не получала подобныхъ писемъ. При этомъ Эбентальскій самозванецъ своими объясненіями совершенно обѣлилъ сильно скомпрометтированнаго въ этомъ дѣлѣ представителя Германіи при Вѣнскомъ дворѣ. Вооруженный такими несомнѣнными доказательствами, германскій канцлеръ тотчасъ же обнародовалъ эту переписку и всѣ германскіе оффиціозы поспѣшили измыслить къ ней приличныя прелюдіи и послѣсловія.

Такимъ образомъ, на судъ европейской публики были представлены письма, очевидно, написанныя человѣкомъ, весьма близко знакомымъ съ интимными подробностями политическаго положенія данной минуты, но авторъ этихъ писемъ остался неизвѣстнымъ... На сколько, не скажемъ дипломатія, а просто вся развитая часть русскаго и вообще европейскаго общества повѣрила *подложности* этихъ писемъ—это, вопросъ иной. Достаточно было того, что Бисмаркъ дѣлалъ видъ, что убѣдилъ всѣхъ, кому то вѣдать надлежало. Совершивъ эту первую часть своей задачи—„желѣзный канцлеръ“ поручилъ всей стаѣ пенсіонеровъ „Reptilien fond'a“ заняться розысками автора пресловутой переписки. Бисмарковскіе вольно-наемные публицисты — народъ дѣльный и опытный, они сразу поняли, такъ сказать, чутьемъ, чего нужно ихъ господину, и вотъ результатомъ этой догадливости было внезапное появленіе сперва отдаленныхъ намековъ, а потомъ и положительныхъ обвиненій, направленныхъ противъ одного очень высокопоставленнаго лица, принадлежащаго къ числу русскихъ дипломатическихъ дѣятелей... Эта клевета была до того дерзкой

даже и со стороны служителей Бисмарка, что органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, обыкновенно крайне сдержанный и молчаливый, напечаталъ весьма рѣзкое возраженіе въ отвѣтъ на эту непристойную инсинуацію. Послѣдняя выходка была вызвана раздраженіемъ канцлера, который былъ весьма недоволенъ крайне ограниченнымъ количествомъ проявленій довѣрія къ „*подложности*“ документовъ. Вершитель судебъ Германіи, задумавшій, кажется, не шутя, сдѣлаться повелителемъ всей Европы—не привыкъ къ какимъ бы то ни было неудачамъ—онѣ всегда выводятъ его изъ терпѣнія и онъ становится почти свирѣпымъ... Въ исторіи съ документами онъ совсѣмъ попался въ просакъ. Вся эта махинація съ письмами была задумана и приведена въ исполненіе гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Берлинской Фридрихштрассе: очевидно, зная очень хорошо о существованіи переписки Фердинанда съ герцогиней Фландрской, кн. Бисмаркъ, не имѣющій привычки выбирать средства для осуществленія своихъ замысловъ, воспользовался ею во-первыхъ для того, чтобы имѣть случай вступить въ объясненія съ русскимъ правительствомъ и такимъ образомъ, доказавъ свою невиновность передъ лицемъ русскаго Государя, склонить Россію вновь ко вступленію въ „лигу мира“, т. е., иными словами, для того, чтобы избавиться отъ самостоятельности русской политики, которую германскій канцлеръ чуть ли не считаетъ божескимъ наказаніемъ для себя. О самостоятельности политики Россіи, всѣ рептиліи Берлинскія не смѣютъ говорить иначе, какъ съ пѣной у рта и зубовнымъ скрежетомъ, и долго всѣ его помыслы были направлены къ тому, чтобы втянуть Россію въ новый союзъ и заставить, такъ сказать, работать на него, Бисмарка. Это не удалось и на сей разъ. Россія осталась по-прежнему спокойной и сдержанной и не выказала ни малѣйшаго стремленія принимать на себя еще разъ обузу, отъ которой едва успѣла освободиться.

Въ Австріи исторію съ подложными письмами приняли тоже довольно сдержанно и открыто выражали сомнѣніе въ возможности новаго сближенія Россіи съ Германіей, хотя и

нашлись скептики, которые уже заранѣе провидѣли не только сближеніе Берлина съ Петербургомъ, но измѣну канцлера австрійскимъ интересамъ ради тѣхъ выгодъ, которыя могло бы представить ему это сближеніе и толки о возможности для Австріи въ свою очередь сблизиться съ Россіей независимо отъ Германіи и тѣмъ парализовать по возможности значеніе предполагаемаго русско-германскаго соглашенія.

При такихъ обстоятельствахъ наступили рождественскіе праздники и сопряженныя съ ними парламентскія вакансіи. Оффиціозамъ было поручено въ это время заняться на досугѣ пережевываніемъ извѣстной статьи нашей русской военной газеты. Это порученіе было исполнено съ надлежащей добросовѣстностью и по всей линіи начались безконечные толки о вооруженіяхъ Россіи, о томъ, что мы болѣе Германіи и Австріи обезпечены на своей западной границѣ—словомъ начались подготовительныя работы для проведенія законопроекта о займѣ на цѣли приведенія въ исполненіе вотированнаго въ прошломъ году закона объ увеличеніи численности германской арміи — законопроекта, который стоялъ на очереди послѣ открытія сессіи рейхстага въ 1888 году.

Состоявшійся въ день Новаго Года всеподданнѣйшій докладъ русскаго министра финансовъ, изъ котораго было видно, что смѣта расходовъ военнаго министерства не увеличена—нѣсколько поколебалъ позицію, занятую нѣмецкой оффиціозной печатью, но, не надолго. „Кельнская Газета", которая вмѣстѣ съ Берлинской „Post" состоитъ въ числѣ застрѣльщиковъ по вопросамъ, которые имперская канцелярія намѣревается пустить въ ходъ—очень усердно стала утверждать, что предположенный нашимъ министромъ финансовъ внѣшній заемъ долженъ быть понимаемъ какъ средство для увеличенія нашего военнаго бюджета. Но и эта передержка не удалась — упоминая о возможности внѣшняго займа, нашъ министръ финансовъ прямо говоритъ и о его назначеніи: на проведеніе новыхъ линій желѣзныхъ до-

рогъ, необходимыхъ для улучшенія экономическаго благосостоянія страны.

Между тѣмъ время проходило и срокъ внесенія законопроекта о военномъ займѣ въ рейхстагѣ приближался. Какъ на зло германскій военный министръ имѣлъ неосторожность запугать достопочтенныхъ членовъ рейхстага, заявивъ имъ, что предстоящій чрезвычайный расходъ на военныя цѣли—вѣроятно не послѣдній... Дѣло начинало принимать довольно непріятный для канцлера оборотъ... Онъ примчался въ Берлинъ, и всѣ взоры политической Европы обратились къ столицѣ Германской имперіи въ ожиданіи того, что́ сдѣлаетъ и что̀ скажетъ германскій канцлеръ. На этотъ разъ онъ не обманулъ ожиданій и дѣйствительно заставилъ говорить объ себѣ. Канцлеръ Германской имперіи давно уже обнаружилъ особенную наклонность поражать европейскую публику сюрпризами и неожиданностями. Едва-ли кто-нибудь и когда-нибудь могъ предвидѣть и предсказать въ точности, что именно и когда вздумается ему совершить. Вотъ что онъ совершилъ на сей разъ: Обыватели двухъ столицъ, расположенныхъ одна—на берегахъ Дуная, а другая на берегахъ мутно-желтой Шпрее,—проснувшись утромъ 3 февраля н. с., были немало удивлены, усмотрѣвъ на первыхъ страницахъ своихъ оффиціальныхъ газетъ полный текстъ договора, заключеннаго между Германіей и Австріей противъ Россіи, ни болѣе ни менѣе какъ 7-го октября 1879 года. Вотъ текстъ этого договора:

Статья 1-я. Если, паче чаянія и желанія договаривающихся сторонъ, одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію со стороны Россіи, то договаривающіяся стороны обязаны помочь другъ другу всѣми своими вооруженными силами и заключить міръ не иначе, какъ сообща и съ полнаго взаимнаго согласія.

Статья 2-я. Если одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію какой-нибудь другой державы, то другая договаривающаяся сторона обязуется не помогать нападающему и соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Если, однако, нападаю-

щему будетъ оказана помощь со стороны Россіи, то вступаютъ въ силу опредѣленныя ст. 1-ою обязательства. Война должна быть ведена и миръ долженъ быть заключенъ сообща.

Статья 3. Договоръ долженъ носить мирный характеръ и, во избѣжаніе недоразумѣній, сохраняться въ тайнѣ. Третьимъ сторонамъ онъ можетъ быть сообщенъ не иначе, какъ съ взаимнаго согласія. Объ договаривающіяся стороны, въ виду чувствъ, выраженныхъ Императоромъ Русскимъ при встрѣчѣ въ Александрово, питаютъ надежду, что вооруженія Россіи дѣйствительно не примутъ для нихъ угрожающаго характера и не имѣютъ пока никакого повода дѣлать такое сообщеніе. Если, однако, паче чаянія, надежда эта окажется ошибочною, то объ договаривающіяся стороны признаютъ долгомъ лойальности увѣдомить Императора Александра, что нападеніе на одну сторону будетъ признано за нападеніе на объ стороны."

Кн. Бисмаркъ, конечно, ни на одну минуту не могъ сомнѣваться въ томъ, что опубликованіе приведеннаго договора чуть что не черезъ десять лѣтъ послѣ его заключенія должно было произвести сенсацію среди европейской публики даже въ спеціальныхъ политическихъ кружкахъ.... но этой сенсаціи ему показалось мало и, для усиленія эффекта, онъ, публикуя этотъ договоръ въ „Импер. Указ.", предпослалъ ему слѣдующее замѣчаніе: „Правительства Германіи и Австро-Венгріи пришли къ рѣшенію обнародовать заключенный имп 7-го октября 1879 года союзъ, дабы прекратить сомнѣнія, высказываемыя и эксплоатируемыя относительно чисто оборонительныхъ его намѣреній. Оба правительства руководствуются стремленіемъ сохранить миръ и дать отпоръ нарушеніямъ его, и они убѣждены, что опубликованіе союзнаго договора разсѣетъ всякія въ этомъ отношеніи сомнѣнія".

Если текстъ договора и несвоевременное его опубликованіе само по себѣ уже произвели извѣстный эффектъ и вызвали недоразумѣніе, то вышеприведенная приписка окон-

чательно должна была сбить всѣхъ съ толку. О существованіи этого договора было извѣстно очень давно, но, говоря правду, объ немъ, также очень давно уже успѣли забыть. Только когда стало извѣстнымъ, что между Германіей, Австріей и Италіей состоялся новѣйшій тройственный союзъ, иначе „*Лига мира*“, то объ договорѣ 1879 г. вспоминали всколзь и замѣчали, что Италія, собственно говоря, только примкнула къ давнишнему австро-германскому соглашенію...

Но какъ бы тамъ ни было, въ данную минуту никто въ Европѣ и не запкался ни объ этомъ договорѣ, ни о союзѣ Австріи и Германіи, который уже уступилъ мѣсто пресловутой „Лигѣ“. Все это князь Бисмаркъ, разумѣется, зналъ лучше чѣмъ кто-нибудь и если вытащилъ изъ архива документъ, который, повидимому, не имѣлъ никакого отношенія къ современному политическому положенію, то сдѣлалъ это, конечно, не спроста.

Вотъ это то „не спроста“ и стало занимать весь политическій міръ своей таинственностью: никто не могъ уяснить себѣ, въ чемъ дѣло, въ какую цѣль намѣтилъ этимъ новымъ ударомъ старый парламентскій боецъ?

Мнѣнія европейской политической публики раздѣлились: нѣкоторые, искренно или притворно, казалось, вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ объясненію „Имп. Указ.“ о „разсѣяніи какихъ-то сомнѣній“, но наиболѣе благоразумная часть европейской публики, къ которой слѣдуетъ отнести и русскую печать, увидѣла въ этомъ лишь новый и очень на сей разъ безцеремонный маневръ, придуманный для проведенія въ рейхстагѣ законопроекта о новомъ займѣ на покрытіе расходовъ по вотированнымъ еще въ прошломъ году военнымъ реформамъ, т.-е. проще, увеличенію германской арміи чуть не на милліонъ...

Впрочемъ всѣ ожидали дня когда самъ германскій канцлеръ заговоритъ передъ рейхстагомъ и объяснитъ, что именно должно означать опубликованіе договора 7 октября 1879 г. и для кого, или для чего оно было необходимо.

Между тѣмъ въ этомъ ожиданіи именно и была величай-

шая ошибка... Бисмарку ровно нечего было разъяснять... Договоръ ему былъ нуженъ только для того, чтобы служить придиркой для будущей рѣчи... Иначе, собственно говоря, ему не къ чему было придраться, а говорить было необходимо, необходимо потому, что хотя онъ и дѣлалъ какъ называется, „bonne mine au mauvais jeu“, но въ сущности сильно сомнѣвался въ особенной сговорчивости рейхстага.

Причина для такихъ сомнѣній была совершенно достаточна, чтобы внушить извѣстную осторожность такому искушенному опытомъ парламентному дѣятелю. Во-первыхъ, когда вотировался законъ, для котораго теперь испрашивался кредитъ—никто не имѣлъ въ виду предположенія, что осуществленіе его на практикѣ вызоветъ такія громадныя затраты; затѣмъ въ началѣ возобновленной парламентской сессіи имперскій военный министръ имѣлъ неосторожность проговориться, что эти затраты—еще далеко не послѣднія и наконецъ какъ разъ передъ опубликованіемъ договора 1879 г. внезапно разнесся по всей Европѣ слухъ, потомъ не подтвердившійся, о совершенномъ выздоровленіи и возвращеніи въ Берлинъ Кронъ-Принца. Послѣднее извѣстіе, съ точки зрѣнія Бисмарка было тревожнѣе другихъ обстоятельствъ, заставившихъ его задумываться... Выздоровленіе Кронъ-Принца возвратило бы надежды всѣхъ друзей мира, которые еще уцѣлѣли въ Германіи, послѣ превращенія ея Бисмаркомъ въ прусскую казарму, и могло бы повліять на степень уступчивости рейхстага болѣе, чѣмъ что-либо другое.

Однако эти надежды не оправдались и Бисмаркъ выступилъ 7-го февраля передъ рейхстагомъ даже съ облегченнымъ сердцемъ — свѣдѣнія о здоровьи Кронъ-Принца были снова печальны...

Знаменитую рѣчь, объ которой говоритъ уже вторую недѣлю вся Европа, мы передадимъ въ сокращенномъ видѣ, или точнѣе, приведемъ изъ нея наиболѣе выдающіяся мѣста.

„Я произношу сегодняшнюю мою рѣчь, сказалъ канцлеръ, не съ тою цѣлью, чтобы рекомендовать вамъ приня-

нятіе законопроекта, только-что изложеннаго президентомъ, я не безпокоюсь о томъ, что онъ не будетъ принятъ, и не думаю, чтобы я какъ-нибудь могъ содѣйствовать усиленію большинства въ пользу законопроекта, что во всякомъ случаѣ имѣетъ больше значенія въ самой странѣ, чѣмъ заграницей. Я убѣжденъ, что гг. члены всѣхъ фракцій уже составили себѣ опредѣленное мнѣніе о томъ, въ какомъ смыслѣ они будутъ подавать голоса. Я имѣю полное довѣріе къ германскому рейхстагу, *онъ дастъ намъ усиленіе нашей вооруженной силы, такое, какого мы до сихъ поръ не достигали и отъ котораго мы постепенно отказывались съ 1867—1882 годовъ.* Рѣчь моя, главнымъ образомъ, вызвана опасеніями, волнующими нынѣ общественное мнѣніе; и я выскажусь не только по поводу нашего положенія въ настоящую минуту, но также и по поводу общаго положенія Европы. Дѣлаю я это *неохотно*, ибо, въ подобномъ дѣлѣ, одно неосторожно произнесенное слово можетъ еще болѣе увеличить опасенія, а многословіе тутъ не можетъ принести пользы. Мои слова должны служить лишь для разъясненія моимъ соотечественникамъ, а также и заграницей, положенія, которое въ данную минуту считается чрезвычайно серьезнымъ. Я дѣлаю это неохотно, но я опасаюсь, что, еслибы я смолчалъ, то тревога, нервное безпокойство въ общественномъ мнѣніи не улеглись бы, а скорѣе усилились бы. Подумали бы, что дѣло такъ затруднительно, такъ тяжело, что министръ иностранныхъ дѣлъ даже не осмѣливается его касаться. Я могъ бы ограничиться ссылкою на объясненія, сдѣланныя мною здѣсь же годъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ положеніе мало измѣнилось"... Послѣ такого вступленія князь Бисмаркъ перешелъ къ оцѣнкѣ положенія, которое занимали въ прошломъ году и занимаютъ теперь Россія и Франція. Въ очень игривой формѣ онъ очертилъ современное миролюбіе Франціи и удостовѣрилъ достопочтенныхъ членовъ рейсхтага, что съ этой стороны Германія можетъ быть совершенно спокойна. Иное дѣло Россія. Германскій канцлеръ дѣлаетъ намъ великую честь и вѣритъ въ миролюбіе Россіи, вѣритъ въ то, что она не нападетъ

на Германію. Казалось бы достаточно указать рейхстагу на эту увѣренность и придти къ существу дѣла, но, заговоривъ о Россіи, желѣзный канцлеръ говорилъ на эту тему около двухъ часовъ, говорилъ онъ стоя, говорилъ сидя, говорилъ опять стоя и рѣчь лилась изъ устъ его неудержимымъ потокомъ, такъ что въ концѣ концевъ вся рѣчь оказалась посвященной почти одной Россіи и отношеніямъ къ ней Германіи. Если вѣрить словамъ князя Бисмарка, то придется заключить, что Германія постоянно находилась подъ страхомъ войны, что Россія играла довольно видную роль по части возбужденія этихъ страховъ и что только мудрость и миролюбіе его, Бисмарка, сумѣли предовратить многообразныя катастрофы, грозившія бѣднымъ скромнымъ Нѣмцамъ. Чтобы доказать справедливость этого положенія германскій канцлеръ вкратцѣ припомнилъ рейсхтагу главнѣйшія событія европейской исторіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ онъ не церемонился ни съ историческими фактами, ни съ истиной вообще. Образчикомъ его отношеній къ исторіи можетъ служить слѣдующая буквальная выписка изъ его рѣчи. „Въ 1848 г. намъ пришлось возиться съ двумя чреватыми войною вопросами—польскимъ и шлезвигъ-голштинскимъ. *Первый кризисъ былъ, такъ сказать, война съ Россіей изъ-за возстановленія Польши и вскорѣ*—опасность быть вовлеченными въ великую Европейскую войну стала угрожать намъ на чрезвычайно близкомъ разстояніи. Не стану выставлять на видъ того, что въ 1850 г. заключеннымъ въ Ольмюцѣ соглашеніемъ была предотвращена великая опасность. За этимъ послѣдовали два года, пожалуй, спокойнаго свойства, но исполненные неудовольствій. Тогда я былъ посланникомъ во Франкфуртѣ... Я помню, что время съ 1853 г. по 1855 г. я былъ вынужденъ сновать, такъ сказать, въ качествѣ посредника между Франкфуртомъ и Берлиномъ, потому что покойный король, удостоивая меня своимъ довѣріемъ, пользовался мною, въ сущности какъ оплотомъ для своей независимой политики, потому что давленіе западныхъ державъ на него въ томъ

смыслѣ, чтобы мы объявили войну Россіи, было слишкомъ сильно, и сопротивленіе его министерства стало слишкомъ слабо... Тогдашняя Пруссія стояла на рубежѣ большой войны, подвергалась враждѣ всей Европы, исключая Россіи, потому, что отказалась отъ разрыва съ Россіей... и т. д.“.

Кто не помнитъ исторіи того печальнаго времени, когда коалиція, задуманная Наполеономъ III, потому только и могла осуществиться, что Австрія и Пруссія, на которыхъ, какъ на неизбѣжныхъ и вѣрныхъ союзниковъ, разсчитывалъ покойный Императоръ Николай Павловичъ, не только не оказали ему поддержки, но явно стали на сторону его враговъ. Пруссія только тѣмъ оказалась лучше Австріи въ этомъ смыслѣ, что не рѣшилась выдвинуть своихъ войскъ противъ Россіи.

Перетасовавъ, согласно приведенному образцу, всю европейскую исторію, Бисмаркъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на своихъ *чрезвычайныхъ* заслугахъ по отношенію къ Россіи, оказанныхъ ей въ эпоху Берлинскаго конгресса. „Во время конгресса, могу сказать, замѣтилъ Бисмаркъ, на сколько то можно было сдѣлать, не нарушая отечественныхъ интересовъ и интересовъ друзей, я игралъ почти роль четвертаго русскаго уполномоченнаго. Я могу это почти сказать потому, что князя Горчакова я врядъ ли могъ признавать уполномоченнымъ тогдашней русской политики, настоящимъ представителемъ которой былъ графъ Шуваловъ. Во время конгресса я защищалъ и проводилъ все, что было добыто,—словомъ, я велъ себя такъ, что, когда все кончилось, я подумалъ: ну, величайшій русскій орденъ съ брилліантами у тебя уже есть давно, не то теперь бы тебѣ слѣдовало его получить“.

Эта наглая, дерзкая выходка была встрѣчена „дружнымъ и неудержимымъ хохотомъ“ почтеннаго рейхстага.

Объ опубликованіи договора 1879 года Бисмаркъ отозвался въ томъ смыслѣ, что „онъ служитъ только выраженіемъ общности интересовъ обѣихъ державъ и такъ же, какъ

и договоръ съ Италіей, указываетъ на стремленіе отвратить общія опасности и постоять за сохраненіе мира".

Затѣмъ дѣло пошло уже на хвастовство. „Великіе Тевтонцы непобѣдимы..." Германія можетъ выставить по милліону на каждый фронтъ и кромѣ того располагать резервами въ полтора милліона. Впрочемъ вотъ резюме окончанія рѣчи германскаго канцлера. „Ненависти Россіи бояться нечего; изъ ненависти войнъ не ведутъ, иначе Франція должна бы воевать съ Италіей и со всѣмъ міромъ. Могущество, которымъ мы обладаемъ, можно надѣяться, успокоитъ наше общественное мнѣніе, а также нервность биржъ и печати. Усилить это могущество—вотъ наша задача. Что мы должны имѣть наилучшее оружіе — понятно само собою. При помощи внесенныхъ теперь законопроектовъ мы будемъ въ состояніи выставить на каждой изъ нашихъ границъ по милліону хорошихъ солдатъ; а за ними стоятъ наши резервы. Пусть не говорятъ, будто то же самое могутъ сдѣлать и другіе; имъ это не по силамъ. У насъ есть матеріалъ для того, чтобы не только образовать громадную армію, но и снабдить ее офицерами. Корпусъ офицеровъ у насъ такой, какого нѣтъ ни у какой другой державы. Если мы начнемъ войну, то она должна быть войною народною, которой будутъ сочувствовать у насъ всѣ, какъ было въ 1870 году. Если на насъ нападутъ, то возгорится гнѣвъ Тевтоніи, съ которымъ никто бороться не можетъ. Ни сознаніе нашей силы, ни сознаніе нашей надежды на побѣду не отклонятъ насъ, однако, отъ прежнихъ мирныхъ стремленій. Мы не поддадимся запугиванію угрозами. Я надѣюсь, что мы останемся въ мирѣ съ нашими сосѣдями, особенно съ Россіей, которая не имѣетъ никакого повода къ войнѣ. Исторію съ Франціей изъ-за шпіоновъ принимать въ разсчетъ нечего; изъ-за мелочей никто войны не начинаетъ. Въ такихъ случаяхъ говорится, что кто умнѣе, тотъ и уступаетъ. Мы пробовали сохранить прежнія отношенія къ Россіи, но мы ни за кѣмъ не бѣгаемъ. По отношенію къ Болгаріи мы остались совершенно послѣдовательными. Россія, конечно,

имѣетъ полное основаніе признать честный образъ дѣйствій Германіи въ болгарскомъ вопросѣ. Какъ только Россія потребовала бы отъ насъ, чтобы мы поддержали передъ султаномъ ея притязанія въ Болгаріи, основанныя на постановленіяхъ Берлинскаго конгресса, я не поколебался бы исполнить это. Мы опираемся на наши вооруженныя силы; если намъ ихъ не нужно—тѣмъ лучше, но мы должны устроиться такъ, чтобы онѣ были у насъ наготовѣ. Угрозы насъ не устрашаютъ; угрозы печати—безпредѣльная глупость: ими насъ ни къ чему не побудишь. Мы, Нѣмцы, боимся Бога и никого больше на свѣтѣ. Страхъ Божій побуждаетъ насъ желать мира и заботиться о его сохраненіи; кто же, несмотря на то, нарушитъ миръ, тотъ убѣдится, что любовь къ отечеству, готовая на бой и собравшая въ 1813 году подъ знамена все населеніе Пруссіи, составляетъ общее достояніе всей германской націи и что кто сдѣлаетъ нападеніе на германскій народъ, тотъ встрѣтитъ его одѣтымъ въ броню, а каждаго воина—съ твердою вѣрою въ сердцѣ: „Съ нами Богъ!“

Нечего и говорить, что эта рѣчь, длившаяся около трехъ часовъ, была встрѣчена съ единодушнымъ и „неописаннымъ“, какъ выражаются нѣкоторыя Берлинскія газеты, восторгомъ. Все, что намъ, какъ и всякому безпристрастному и стороннему созерцателю современной германской политики, не можетъ не казаться не только страннымъ, но даже и положительно наглымъ и неприличнымъ со стороны такого, во всякомъ случаѣ, крупнаго государственнаго человѣка, какъ Бисмаркъ, все это, будучи измѣрено на нѣмецкій аршинъ, быть можетъ, дѣйствительно, способно привести въ восторгъ слушателей, особенно такихъ, которые не привыкли вдумываться въ существо слышаннаго... Нѣсколько иначе представляется дѣло не съ нѣмецкой точки зрѣнія.

Теперь, когда читатель знакомъ съ сущностью пресловутой рѣчи, ему нетрудно будетъ обнять цѣлую-картину положенія, нарисованнаго *не только словами* канцлера, но и всей суммой его прошедшей и настоящей дѣятельности...

*

Для князя Бисмарка, очевидно, правда и вѣрность историческихъ фактовъ не составляютъ необходимыхъ условій парламентскаго, политическаго краснорѣчія... Подтасовка и перестановка фактовъ, представленіе ихъ въ искаженномъ или даже совершенно фантастическомъ видѣ—все это совершенно прилично и удобно на канцлерской трибунѣ, по мнѣнію великаго вершителя судебъ Германіи, мнящаго безконтрольно властвовать надъ всей Европой... Облегчивъ себѣ такимъ образомъ ораторскіе пути—говорить и даже говорить очень занимательно—нетрудно, но все-таки необходимо поставить себѣ вопросъ: для чего же однако говорилъ Бисмаркъ? Вѣдь не для упражненій же въ облегченномъ способѣ парламентскаго краснорѣчія? На этотъ именно вопросъ мы и постараемся отвѣтить—подводя итоги Бисмарковской рѣчи. Мы сказали выше, что изъ словъ и дѣйствій Бисмарка нетрудно составить себѣ представленіе объ общей картинѣ настоящаго политическаго положенія Европы. Взглянемъ мелькомъ на эту картину.

Какъ бы самонадѣянъ, самолюбивъ и гордъ ни былъ Бисмаркъ, какъ бы глубоко ни вѣрилъ онъ въ силы Германіи и своего собственнаго политическаго генія, но трудно предположить все-таки, чтобы онъ заблуждался на столько, чтобы вѣрить, что современные Тевтоны дѣйствительно непобѣдимы и что на борьбу съ ними не отважится никто въ цѣлой Европѣ. Что нельзя предположить такой политической комбинаціи, которая сдѣлала бы не только возможной такую борьбу, но и крайне сомнительнымъ для „непобѣдимыхъ Тевтоновъ“ самый исходъ этой борьбы. Это съ одной стороны, а съ другой кн. Бисмаркъ едва-ли сомнѣвается относительно чувствъ, внушаемыхъ Германіей, да и его собственной особой всей остальной Европѣ. Намъ сильно сдается, что „великая Тевтонія“ давно уже играетъ роль волка, прославившагося своими подвигами въ цѣломъ округѣ. Не дай Богъ попасть „въ бѣду“ такому волку... Едва-ли удастся ему сберечь неприкосновенность своей шубы... Нѣчто въ этомъ родѣ можетъ случиться въ одинъ прекрасный день и съ „Тевтоніей“.

Но даже оставляя въ сторонѣ „тевтонское могущество“ и признавая вмѣстѣ съ Бисмаркомъ тевтонскую непобѣдимость, не лишенъ интереса вопросъ, почему руководитель политики столь могущественнаго и непобѣдимаго народа, какъ Тевтонцы, князь Бисмаркъ, посвящаетъ такъ много времени и словъ на обрисовку нѣмецкихъ отношеній къ Россіи, къ той самой Россіи, ненависть которой ему не страшна, и которая, если вѣрить ему, чуть-ли не самымъ своимъ существованіемъ обязана Пруссіи? Стоитъ ли объ ней столько хлопотать?

Положимъ, несомнѣнно, что современная Европа, а въ томъ числѣ, конечно, и мы—много обязаны Пруссіи, превратившейся нынѣ въ Германію. Мы ей обязаны такъ называемой политикой вооруженнаго мира, той самой политикой, которая въ мирное время истощаетъ силы и средства всякой страны не хуже самой продолжительной и кровавой войны... Пруссія придумала милитаризмъ и навязала его всей Европѣ—это ея заслуга, которой никто не станетъ у нея ни оспаривать, ни отнимать. Но, увы, къ сожалѣнію, это ея единственная заслуга, но собственно Россія воспользовалась этимъ изобрѣтеніемъ великой Пруссіи сравнительно менѣе другихъ; а между тѣмъ Бисмаркъ около двухъ часовъ говорилъ спеціально объ услугахъ, оказанныхъ Пруссіей Россіи. Къ сожалѣнію, сколько бы ни перебирали европейскую исторію текущаго столѣтія, мы нигдѣ не найдемъ никакого указанія и даже намека на какія-либо услуги Пруссіи по адресу Россіи.

Съ другой стороны, напротивъ того, еслибы размѣры ежемѣсячнаго политическаго обозрѣнія позволяли вдаваться въ историческія подробности, то намъ было бы легко, руководствуясь любымъ, самымъ несложнымъ, даже нѣмецкимъ учебникомъ исторіи, перечислить цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ Пруссія сохранила свою независимость и цѣлость только благодаря Россіи. Въ самомъ превращеніи сперва изъ курфиршества Бранденбургскаго въ Пруссію, а потомъ, чуть-ли не черезъ два вѣка, превращеніемъ Пруссіи въ германскую Имперію, гордые и „непобѣдимые Тев-

тонцы" обязаны все той же Россіи. Только Петръ Великій уговорилъ Европу признать курфиста Бранденбургскаго королемъ Пруссіи и только великодушіе покойнаго императора Александра Николаевича сдѣлало возможнымъ Версальское pronunciamento.

Дѣйствительно, достаточно въ общихъ чертахъ припомнить событія 1870 года для того, чтобы понять, что безъ благосклоннаго нейтралитета Россіи, удержавшей Австрію отъ расплаты за 1866 годъ—франко-прусская война, даже и при деморализаціи французской императорской арміи, вѣроятно, имѣла бы нѣсколько иной исходъ. Это сознавалъ Императоръ Вильгельмъ и засвидѣтельствовалъ передъ цѣлымъ міромъ въ своей телеграммѣ на имя покойнаго Государя. Вѣроятно, въ архивахъ имперскихъ канцелярій хранится подлинный текстъ этой телеграммы. Отчего бы, казалось, Бисмарку не заглянуть въ него ранѣе, чѣмъ говорить объ услугахъ, оказанныхъ Россіи Пруссіей. Но оставимъ эти счеты и обратимся къ вопросу, который поставили выше: отчего германскій канцлеръ такъ усердно заботится о Россіи?.. Пусть она неблагодарна Пруссіи, пусть она не умѣетъ цѣнить нѣмецкихъ услугъ... Что жъ дѣлать? Она не опасна, слѣдовательно, самое лучшее было бы махнуть на нее рукой и не заботиться о ней. А между тѣмъ такой серіозный и занятой человѣкъ, какъ германскій канцлеръ, тратитъ цѣлые часы для того, чтобы доказать, что Германія на столько могущественна и сильна, что Россія ей не страшна.

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ именно „не страшна" и заключается вся суть отвѣта на поставленный нами вопросъ. Дѣйствительно ли Россія такъ не страшна, какъ это желательно доказать князю Бисмарку? Мы полагаемъ, что, еслибы съ подобнымъ вопросомъ обратился кто-нибудь наединѣ къ тому же Бисмарку, то желѣзный канцлеръ не рѣшился бы отвѣтить на этотъ вопросъ такъ же категорически, какъ онъ отвѣчалъ на него передъ своимъ рейхстагомъ. Россія никогда и никому не угрожала; она не провозглашала во всеуслышаніе задачи и желанія сдѣлаться „сильнѣе всѣхъ державъ Европы"; своими милліо-

нами воиновъ она вовсе не ищетъ и не искала держать въ страхѣ и повиновеніи всю остальную Европу. Всѣ требованія Россіи сводятся къ тому, чтобы голосъ ея имѣлъ должное значеніе въ общемъ совѣтѣ Европейскихъ государствъ и чтобы ея значеніе признавалось всѣми и каждымъ. Добиться этого она всегда сумѣетъ и никакіе Тевтонцы не въ силахъ помѣшать этому. А это все, чего Россія добивается.

Видимое, или, скорѣе, кажущееся пораженіе Россіи, хотя бы, положимъ, въ болгарскомъ вопросѣ, — да успокоятся въ Берлинѣ — вовсе еще ничего не доказываетъ. Россія принесла уже такъ много жертвъ ради Болгаріи, что было бы просто неблагоразумно истратить на эту неблагодарную страну хотя еще одинъ рубль, не только что пожертвовать жизнью хотя бы одного солдата. Вотъ почему Россія остается спокойной зрительницей совершаемыхъ въ Болгаріи безобразій и Австрійскаго хозяйничанья въ этой несчастной странѣ. Россіи нечего особенно хлопотать въ этомъ случаѣ: славянскій вопросъ—въ будущемъ; то, что присуждено непреложнымъ закономъ исторіи, то не уйдетъ отъ насъ въ угоду какимъ бы то ни было Нѣмцамъ. У Россіи есть опасенія и заботы болѣе серьезныя.

И такъ, дѣло не въ Болгарскомъ вопросѣ. Это знаетъ очень хорошо и Бисмаркъ. Но мы смѣемъ думать, что онъ знаетъ и нѣчто болѣе существенное... Онъ знаетъ, что Россія сильнѣе его „Тевтоніи“ уже потому, что она стоитъ въ Европѣ, опираясь на свои силы и единодушіе сто-милліоннаго народа, совершенно независимой и свободной отъ всякихъ обязательствъ и союзовъ страны. Она сильнѣе Тевтоніи потому, что можетъ совершенно спокойно взирать на всякую перемѣну настоящаго политическаго положенія Европы. Сохранятся-ли на Европейскомъ материкѣ существующія теперь политическія комбинаціи, измѣнятся ли онѣ въ какомъ-либо другомъ направленіи, для Россіи въ сущности это совершенно все равно: она никогда не искала никакихъ союзовъ, не ищетъ ихъ и теперь и, вѣроятно, не станетъ искать ихъ и въ будущемъ. Но, да не прогнѣвается

князь Бисмаркъ—самая сила вещей, а отчасти и непомѣрные аппетиты „непобѣдимаго Тевтонца“ создадутъ для нея невольно, быть можетъ, союзниковъ... Мы не о Франціи говоримъ, хотя Франція съ 1870 года стремится къ союзу съ Россіей. И кромѣ Франціи, быть можетъ, найдутся союзники, которые примкнутъ къ Россіи, чтобы стряхнуть съ себя невыносимо-тяжелый кошмаръ тевтонскаго милитаризма... На сколько возможна подобная комбинація, мы постараемся доказать...

СООБЩЕНІЯ и ИЗВѢСТІЯ [1]).

Неизд. письмо Перваго Консула Наполеона Бонапарта (сообщ. С. С. Татищевымъ). Занимаясь минувшимъ лѣтомъ въ Парижскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ собираніемъ матеріаловъ для историческаго изслѣдованія моего объ отношеніяхъ Императора Павла къ Первому Консулу, я случайно напалъ на черновую письма, писаннаго генераломъ Бонапартомъ въ концѣ 1802 года къ одному изъ нашихъ дипломатовъ, бывшему посланнику Екатерины при Сардинскомъ дворѣ, князю А. М. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому [2]).

---

[1]) Въ редакціи собралось довольно значительное количество сообщеній по различнымъ отраслямъ наукъ искусствъ и литературы, принадлежащихъ лицамъ, извѣстнымъ на этихъ поприщахъ. Сообщенія по размѣру не подходили ни къ одному изъ отдѣловъ журнала. Между тѣмъ интересъ, представляемый ими, заставилъ насъ открыть для этихъ сообщеній особое мѣсто, гдѣ они и будутъ ставиться по мѣрѣ накопленія. Позволяемъ себѣ надѣяться, что это вызоветъ и другихъ лицъ на важныя и интересныя сообщенія, которыя здѣсь не потеряются и не забудутся какъ въ газетѣ.

[2]) Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій, какъ старѣйшій въ родѣ князей Бѣлозерскихъ, получилъ отъ императора Павла, при учрежденіи родоваго командорства державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, такъ называемою *конвенціею*, наименованіе князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Онъ родился въ 1752 г., умеръ въ 1809 г.

По справкѣ оказалось, что письмо это не включено въ изданную по распоряженію Наполеона III переписку императора Наполеона I. Между тѣмъ, оно представляетъ живой историческій интересъ, ярко характеризуя мысли Перваго Консула о загробной жизни, съ религіозной точки зрѣнія, въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за заключеніемъ конкордата съ Римомъ, для насъ же Русскихъ, служитъ, кромѣ того, доказательствомъ желанія его при всякомъ случаѣ искать расположить въ свою пользу Русскій Дворъ и высшее Петербургское общество, крайне враждебно настроенное противъ республиканской Франціи.

Письмо вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ бытность свою представителемъ Россіи при дворѣ короля Сардинскаго въ 1792 году, князь Бѣлосельскій лишился въ Туринѣ первой жены своей, княгини Варвары Яковлевны, рожденной Татищевой [1]). Извѣстная нетерпимость католическаго духовенства не допустила похоронить ее на общемъ городскомъ кладбищѣ. Король Карлъ-Эммануилъ подарилъ тогда князю въ окрестностяхъ столицы, на берегу рѣки По, мѣсто, на которомъ тотъ и воздвигнулъ кенотафъ надъ могилою супруги, предназначивъ его служить общею усыпальницею для лицъ православнаго исповѣданія. По завоеваніи Пьемонта Французами, миссія наша была отозвана изъ Турина и некому было присматривать за этимъ сооруженіемъ. Но вскорѣ по возобновленіи въ концѣ 1801 года правильныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею, князь Бѣлосельскій обратился къ французскому посланнику въ Петербургѣ, генералу Гедувилю, съ просьбою исходатайствовать ему отъ Перваго Консула подтвержденіе права собственности на подаренный королемъ Сардинскимъ участокъ земли. По совѣту посланника, онъ изложилъ ходатайство свое въ письмѣ, непосредственно обращенномъ къ Бонапарту, которое и было послано Гедувилемъ министру внѣшнихъ сношеній француз-

---

[1]) Княгиня Варвара Яковлевна, дочь Якова Аѳанасьевича Татищева, родилась въ 1764 году, скончалась въ 1792 г.

ской республики, гражданину Талейрану, при отношеніи отъ 2-го дополнительнаго дня X года республики единой и нераздѣльной (7 [19] сентября 1802 года).

Въ Парижскомъ архивѣ не сохранилось письма князя Бѣлосельскаго, на которое Первый Консулъ пожелалъ отвѣтить самъ. Черновая же отвѣта Бонапарта находится въ томѣ Russie, № 141, на листѣ 234. Она помѣчена концомъ X года, но, очевидно, относится къ началу XI года (октябрь 1802). Числа на ней не выставлено. Воспроизводимъ письмо въ подлинникѣ, съ русскимъ переводомъ.

Prince Bélosselsky, j'ai lu votre lettre. Elle respire les sentiments d'une piété et d'une tendresse dont j'ai été touché.

J'ai donné ordre qu'on me rendît compte du monument que vous réclamez. Je désire qu'il se trouve encore aux lieux où il a été élevé et que le temple que vous avez consacré à Dieu en mémoire de la femme qui vous est toujours chère puisse être rendu à l'usage auquel il a été voué. Les honneurs rendus à la cendre des morts sont pour ceux qui survivent une anticipation du bonheur de se chérir au delà du terme de toute existence et quand un tel sentiment est consacré par la religion, je ne connais rien qui soit plus digne d'être proposé pour exemple et d'obtenir le respect de tous les gouvernements.

Переводъ:

„Князь Бѣлосельскій, я читалъ ваше письмо. Оно дышетъ чувствомъ набожности и нѣжности, которыя растрогали меня".

„Я приказалъ представить мнѣ отчетъ о монументѣ, возвращеніе коего вы требуете. Я желаю, чтобы онъ сохранился на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ воздвигнутъ, и чтобы храмъ, посвященный вами Богу, въ память жены вамъ понынѣ дорогой, могъ снова получить прежнее назначеніе. Почести, воздаваемыя праху умершихъ, служатъ для оставшихся въ живыхъ предвкушеніемъ счастія той любви, что переносится за предѣлы земнаго существованія, и когда чувство это освящается религіей, то я не знаю ничего, что

могло бы служить лучшимъ примѣромъ и имѣть бо́льшее право на уваженіе всѣхъ правительствъ".

Пріобрѣтеніе Имп. Публ. Библ. Архива В. С. Попова (сообщ. И. А. Бычковымъ). Богатый архивъ извѣстнаго правителя канцеляріи князя Потемкина-Таврическаго и статсъ-секретаря Императрицы Екатерины II, впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника В. С. Попова († 1822), находившійся въ селѣ Рѣшетиловкѣ, Полтавской губерніи, давно уже сталъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей русской исторіи. Нѣсколько важныхъ матеріаловъ было изъ него извлечено профессоромъ Ставровскимъ; не мало документовъ было также издано въ „Записк. Одесск. Общ. ист. и древн." Н. Н. Мурзакевичемъ. Уже по напечатаннымъ матеріаламъ можно было судить о важности Рѣшетиловскаго Архива. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ потомки В. С. Попова обращались къ разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ съ предложеніемъ купить этотъ Архивъ въ полномъ его составѣ; но покупка эта не состоялась, вслѣдствіе громадности суммы (болѣе ста тысячъ), которую просили владѣльцы Архива. Въ концѣ прошлаго года правнукъ В. С. Попова, А. В. Поповъ предложилъ Императорской Публичной Библіотекѣ пріобрѣсти доставшуюся ему часть Рѣшетиловскаго Архива. Библіотека, желая сохранить отъ утраты важные историческіе документы, находившіеся у г. Попова, рѣшилась купить ихъ у него. Въ настоящее время приступлено къ разбору и приведенію въ порядокъ этихъ бумагъ. Уже при первомъ приступѣ къ разбору купленнаго собранія оказалось, что въ немъ находится немало матеріаловъ, содержащихъ въ себѣ важныя и интересныя данныя. Таковы, напримѣръ, письма къ Попову: канцлера графа Безбородка (болѣе 100 писемъ за 1783—1796 годы), которыя остались неизвѣстными г. Григоровичу, автору труда „Канцлеръ князь Безбородко"; многія изъ нихъ весьма любопытны; приведемъ, напр., выдержку изъ письма Безбородка отъ 12 сентября 1790 года, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о томъ, какъ были при-

няты нѣкоторыми лицами награды, пожалованныя по случаю заключенія мира со Швеціею: „Какія милости и награжденія учинены 8 сентября, въ день мирнаго торжества, вы, милостивый государь мой, усмотрите изъ росписи, читанной съ трона и изъ особаго реестра. Вы тутъ увидите въ первой, что и я получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Я знаю цѣну сей милости, мнѣ оказанной, и потому вы судить можете, съ какими чувствами признаю я благотворительное заступленіе, свѣтлѣйшимъ княземъ въ пользу мою сдѣланное. Чрезъ посредство графа Николая Ивановича Салтыкова сондировали меня, не пріятнѣе ли для меня, вмѣсто чина, орденъ св. Андрея. Я отвѣтствовалъ, что я отдаю все въ волю монаршую; но когда усильно меня спрашивать стали, то я долженъ былъ сказать, какія выгоды предпочтительно нахожу въ чинѣ предъ орденомъ. Вы знаете, что нѣтъ праздника, гдѣ бы не было недовольныхъ. Тутъ вышло, что такіе негодуютъ, которые весьма не забыты. Первый Нассау, котораго чужеземцы увѣряли, что онъ будетъ адмираломъ, бѣсился довольно, но, видя, что его отпустить были готовы, унялся. Другой, еще страннѣе, Игельштремъ; онъ думалъ, что сверхъ чина, ленты, шпаги и грамоты, должно ему дать деревни и деньги. Надобно знать, что Ея Величество не удалена отъ того, чтобъ дать ему въ Лифляндіи какую-либо аренду большую по смерть, а только до времени отложила; но я боюсь, чтобъ сіе неудовольство ему не сдѣлало вреда. Третій Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ. Вы помните, что его желаніе было имѣть деревни, и онъ мнѣ часто на Горичевъ указывалъ. Имѣя три ордена и саблю, нечего было ему и дать другого, какъ 500 душъ; но онъ негодуетъ, что не генералъ-поручикъ, и прочее. Однако жъ онъ, по крайней мѣрѣ, покойнѣе другихъ. Шумитъ на сторонѣ по Донскому манеру и при Дворѣ веселъ, въ городѣ играетъ въ карты и сбирается въ Лифляндію на службу“. Кромѣ писемъ Безбородка отмѣтимъ письма: генерала М. В. Каховскаго, командовавшаго войсками, разбившими польскихъ конфедератовъ (болѣе 100 писемъ за 1782—1800 годы); президента Академіи Наукъ графа В. Г. Орлова (75

писемъ за 1809—1822 гг., могущихъ служить дополненіемъ къ біографическому его очерку, составленному гр. Орловымъ Давыдовымъ); графа А. М. Дмитріева-Мамонова (36 писемъ); генералиссимуса князя Суворова (10 писемъ за 1787—1790), извѣстнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова (25 писемъ) и др.

Въ купленныхъ Библіотекою бумагахъ сохранилось также нѣсколько собственноручныхъ записокъ и 4 письма къ Попову Императрицы Екатерины II. Записки всѣ весьма краткаго содержанія; нѣкоторыя изъ нихъ относятся до занятій Императрицы русскою исторіею, напр. записка отъ 4 августа 1795 года: „Мнѣ нужно имѣть выписы изъ Московской Архивы, кои для меня здѣланы и у васъ хранятся, княженіе великаго князя Василья Дмитріевича"; или записка отъ 21 августа 1795 года:

„Пожалуй, привѣзи съ собою самой послѣдни листъ княженіе Святослава Всеволодовича Кіевскаго, отданной вчера для переписаніе на чисто."

Свѣдѣнія объ историческихъ занятіяхъ Императрицы содержатся еще въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Попову графа А. И. Мусина-Пушкина, запискахъ Попова къ статсъ-секретарю Императрицы, А. В. Храповицкому (автору извѣстнаго „Дневника") и отвѣтахъ послѣдняго Попову.

Письма Государыни относятся къ 1791 году. Въ двухъ изъ нихъ идетъ рѣчь о болѣзни князя Потемкина. Въ третьемъ письмѣ, отъ 16 октября, Екатерина II поручаетъ Попову доставить ей всѣ свѣдѣнія „касательно мирной негоціаціи" съ Турками. Четвертое письмо отъ 11 ноября 1791 года, наиболѣе интересно. Изъ этого письма видно, что Императрица ждала только заключенія міра съ Турціею, чтобы немедленно потомъ предпринять дѣйствія въ Польшѣ противъ конституціи 3-го мая 1791 года. Это же письмо содержитъ также еще новое доказательство того уваженія, которое питала Екатерина II къ государственнымъ мѣропріятіямъ Потемкина. „Присланныя отъ васъ при письмѣ вашемъ отъ 28-го октября дневныя записки обо всемъ съ Турками по мирной негоціаціи по тотъ день происходив-

шемъ я получила,—писала Государыня Попову,—и теперь чрезъ оныхъ полную имѣю свѣдѣніе о касательномъ до того; и если Турки не перемѣнятъ тонъ, то, кажется, скорое заключеніе мира ожидать должно [1]). . . . . Я графу Безбородку поручила видиться и условиться съ графами Потоцкимъ и Ржевусскимъ [2]), а теперь пишу, чтобъ и съ Браницкимъ говорилъ. Увидимъ, на что рѣшиться надлежитъ. Сеймъ уже имъ грозитъ отписать имѣніе и лишить чиновъ. Кажется, чего бы имъ ждать далѣе? Пора имъ просить, да и намъ приступить къ защищенію прямыхъ патріотовъ и древныхъ ихъ правъ и вольности. Какъ Богъ дастъ миръ, то иного дѣлать нечего. . . . . Еще извѣстно мнѣ, что князь изъ Молдавіи и Валахіи всякіе поселянъ, въ томъ числѣ и Армянъ, переводилъ въ свои губерніи и на заднѣстрскихъ земель, коихъ по мирной негоціаціи положено удержать въ наши руки; о сихъ поселеній соберите свѣдѣнія и карты для меня, дабы сіе его намѣреніе не осталось въ недѣйствіи и не исчезло. Также дайте мнѣ знать: Черноморскіе козаки не разбѣгаются ли и питается ли въ нихъ духъ тотъ же, который князь старался въ нихъ вложить".

Много бумагъ имѣется въ купленной коллекціи касательно отношеній Россіи къ Польшѣ въ царствованіе Екатерины II, между прочимъ донесенія Попову отъ разныхъ дипломатическихъ агентовъ или корреспондентовъ. Сохранились также черновые проекты указовъ и рескриптовъ Екатерины II, писанные рукою Попова, черновыя его письма къ разнымъ лицамъ, и проч.

Кромѣ того, въ составѣ настоящаго собранія оказалась часть переписки съ княземъ Потемкинымъ (три письма къ нему польскаго короля Станислава-Августа; письмо австрійскаго императора Леопольда и письма: графа Безбородка, графа П. С. Потемкина, А. Н. Самойлова (племянника свѣт-

---

[1]) Ясскій миръ заключенъ 29 декабря 1791 г.

[2]) Потоцкій и Ржевусскій прибыли въ Яссы, во время переговоровъ о мирѣ между Россіею и Турціею, чтобы просить покровительства Екатерины II и условиться на счетъ мѣръ къ успокоенію Польши.

лѣйшаго) и И. М. Рибопьера, бывшаго адъютантомъ князя Потемкина).

Въ настоящую минуту трудно еще дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о важныхъ, пріобрѣтенныхъ Библіотекою бумагахъ В. С. Попова въ полномъ ихъ составѣ, а равно оцѣнку ихъ значенія.

Къ исторіи масонскихъ ложъ въ Россіи (сообщ. Е. Н. Опочининымъ). Какъ извѣстно, въ 1822 г., послѣдовало запрещеніе всѣхъ находившихся въ то время въ Россіи масонскихъ ложъ. Несмотря на то, что запрещеніе исходило отъ Высочайшей власти, нѣкоторыя изъ ложъ продолжали тайно существовать и въ виду этого, четыре года спустя, именно въ 1826 г., послѣдовало подтвержденіе прежняго запрещенія; при этомъ, какъ въ 1822, такъ и въ 1826 г., лица, подозрѣвавшіяся въ принадлежности къ масонскимъ ложамъ, подвергались иногда допросамъ и отъ нихъ отбирались подписки. Нижеприводимый документъ, пріобрѣтенный мною вмѣстѣ съ цѣлымъ собраніемъ масонскихъ рукописей, представляетъ собою одну изъ такихъ „подписокъ", отобранную отъ сенатора П. Кутузова, пользовавшагося большею извѣстностью среди масоновъ въ первой четверти текущаго столѣтія. Этотъ документъ является небезъинтереснымъ, въ виду того, что, вмѣстѣ съ обязательствомъ впредь не вступать въ масонскія общества, въ немъ изложена какъ бы цѣлая исповѣдь бывшаго масона, очевидно, въ отвѣтъ на обращенные къ нему со стороны тогдашнихъ властей вопросы:

„Я нижеподписавшійся, говоритъ П. Кутузовъ, объявляю, что я принадлежалъ къ обществу братьевъ масоновъ, въ просторѣчіи называемыхъ *новиковскими*, въ Москвѣ, которое, какъ извѣстно, не токмо давно упразднилось, но и изъ членовъ, ложу сію составлявшихъ, едва-ли кто еще въ живыхъ находится. Потомъ, по возобновленіи ложъ здѣсь, въ Петербургѣ, я состоялъ почетнымъ членомъ двухъ ложъ, подъ вѣдомствомъ большой ложи Астреи состоявшихъ: нѣмецкой, Александра, коронованнаго Пеликана, и русской, Россійскаго Орла; также для братьевъ, не любящихъ шум-

ныхъ собраній и хвастовства, по праву, которое мнѣ давали пріобрѣтенныя мною въ масонскомъ орденѣ степени, держалъ особую, независимую ложу, о коей и Его Императорскому Величеству было извѣстно; и когда прошлаго декабря 5 дня, по нѣкоему возникшему сомнѣнію, г. оберъ-полицмейстеръ съ полицмейстерами и частнымъ приставомъ дѣлалъ осмотръ квартиры, въ коей содержалась ложа, и, взявъ найденныя тамъ бумаги, оную запечаталъ: то на другой день по утру присланъ ко мнѣ былъ полицмейстеръ, г. полковникъ Чихачовъ, который, извинясь въ причиненномъ намъ вчерашняго числа безпокойствѣ и возвратя мнѣ взятыя въ ложѣ бумаги, предложилъ свою готовность снять наложенныя тамъ на нѣкоторыя вещи печати, дабы мы безпрепятственно и несумнѣнно могли продолжать наши собранія, что того же утра и исполнилъ. Почему мы, получа все обратно въ свои руки, единодушно положили: праздновать ежегодно день рожденія Его Императорскаго Величества, какъ истиннаго благодѣтеля и высокаго покровителя нашего, и тогда, когда бы другой Государь былъ уже у насъ на престолѣ. Но несмотря на всѣ сіи увѣренія, мысль о прекращеніи масонскихъ работъ, какъ бы по предчувствію нѣкоему отмѣнно меня занимала и 28 апрѣля я ложу свою закрылъ; а какъ теперь вслѣдствіе сего Высочайшаго повелѣнія никакая и другая существовать уже не можетъ, то я ни къ какой уже и не принадлежу; и, какъ по христіанскимъ и по масонскимъ правиламъ повиновеніе законной власти есть одна изъ главнѣйшихъ должностей нашихъ: то на основаніи послѣдовавшаго нынѣ Высочайшаго повелѣнія, обязуюсь отнынѣ впредь ни прежнимъ и ни какимъ другимъ ложамъ, или тайнымъ обществамъ, какъ здѣсь въ имперіи, такъ и внѣ ея, находиться могущимъ, не принадлежать, и никакихъ сношеній съ ними не имѣть".

Біографія М. П. Погодина (сообщ. И. В. Помяловскимъ). Извѣстный археографъ Н. П. Барсуковъ печатаетъ составленную имъ біографію М. П. Погодина, первый томъ которой въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Г. Бар-

суковъ уже давно занимается исторіей нашего ученаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи и его замѣчательная біографія П. М. Строева, прекрасные комментаріи къ перепискѣ Сахарова и Погодина служатъ, конечно, порукою въ томъ, что и предпринятая имъ біографія послѣдняго будетъ книгою, выдающеюся по обилію и новизнѣ матеріаловъ, по ихъ всестороннему освѣщенію и по искусной группировкѣ. Погодинъ былъ личностью богато и разносторонне одаренною, не ограничивался сферою чисто ученою, имѣлъ связи самыя обширныя и разнообразныя, вслѣдствіе чего въ его біографіи мы встрѣчаемся съ массою людей, въ сношенія съ которыми онъ входилъ, и съ множествомъ вопросовъ, которые онъ затрогивалъ болѣе или менѣе непосредственно.

Мы имѣли возможность ознакомиться съ содержаніемъ нѣсколькихъ главъ изъ труда г. Барсукова, имѣющихъ войти во второй томъ біографіи и относящихся къ дѣятельности Погодина въ 1826 г. Изъ краткаго обозрѣнія содержанія этихъ главъ можно видѣть богатство и разнообразіе матеріаловъ, входящихъ въ трудъ г. Барсукова. — Разсказъ начинается съ прибытія, пребыванія въ Москвѣ и отбытія тѣла Императора Александра I, при чемъ Погодинъ принималъ участіе въ печальныхъ церемоніяхъ. Слово архіепископа Филарета при гробѣ Александра I; ода М. А. Дмитріева, которую Погодинъ читаетъ у Трубецкихъ. Въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, Погодинъ читаетъ о родѣ Великой Княгини Ольги. Сношенія съ Булгаринымъ и участіе Погодина въ Сѣверномъ Архивѣ. Издаетъ переводы трудовъ Еверса и Неймана. Письмо митрополита Евгенія. Академія Наукъ. Отношенія къ Полевымъ. Ходаковскій. Педагогическія чтенія. Вмѣстѣ съ Шевыревымъ Погодинъ переводитъ церковно-славянскую грамматику Добровскаго. Афоризмы. Увлеченіе Шиллеромъ. Отказъ Министерства Нар. Пр. въ командировкѣ весьма огорчаетъ Погодина. Жизнь у Трубецкихъ на дачѣ на Дѣвичьемъ Полѣ. Романтическія похожденія. Повѣсть „Адель“. Кончина Карамзина. Жизнь у Малиновскаго въ подмосковной Луневѣ. Хомяковъ. Верховный уголовный судъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на Погодина. Пріѣздъ въ Москву Императора Николая. Торжественный въѣздъ. Поѣздка Погодина на ярмарку въ Нижній Новгородъ. Коронація. Слово митрополита Филарета. Придворный маскарадъ, въ которомъ участвовалъ Погодинъ. Салонъ княгини Зин. А. Волконской. Вмѣстѣ съ Веневитиновымъ и другими, Погодинъ затѣваетъ издавать сборникъ Гермесъ. Пріѣздъ въ Москву Пушкина. Знакомство его съ Погодинымъ. Народный праздникъ на Дѣвичьемъ Полѣ. Чтеніе Бориса Годунова Пушкинымъ и чтеніе Ермака Хомяковымъ. Основаніе „Московскаго Вѣстника“ подъ покровительствомъ Пушкина. Обѣдъ по этому поводу. Мицкевичъ. Участіе Соболевскаго. Отношеніе Полеваго къ „Московскому Вѣстнику“ и къ Пушкину. Отъѣздъ Пушкина въ деревню. Переписка его съ княземъ П. А. Вяземскимъ и Языковымъ по поводу „Московскаго Вѣстника“. Переѣздъ Веневитинова въ Петербургъ на службу. Ппсьмо княгини З. А. Волконской къ Пушкину. Празднованіе имянинъ Погодина. Отношеніе его къ Кубареву и Строеву. Свадьба въ домѣ Трубецкихъ. Возвращеніе Пушкина въ Москву. Переписка съ Петербургскими друзьями (Веневитиновымъ и кн. Одоевскимъ) о „Московскомъ Вѣстникѣ“. Стремленіе Погодина привлечь къ участію въ немъ Петербургскія ученыя силы. Состояніе литературы нашей во время возникновенія „Московскаго Вѣстника“.

Изъ этого перечня содержанія десяти первыхъ главъ II-го тома уже видно, на сколько интересенъ будетъ предпринятый Н. П. Барсуковымъ трудъ. Нельзя не пожелать, чтобы онъ явился какъ можно скорѣе въ печати, чѣмъ не могутъ не интересоваться всѣ изучающіе историческія судьбы нашего просвѣщенія.

Древности Ярославля. (Сообщ. проф. Н. В. Покровскимъ). Редакціонный комитетъ VII-го археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ (1887 г.), подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, приступаетъ къ изданію ученыхъ

трудовъ этого съѣзда. Любителямъ отечественной старины извѣстно, какое оживленіе внесли археологическіе съѣзды въ изученіе русскихъ древностей: они вызвали на поприще археологической дѣятельности немало новыхъ дѣятелей, многое привели въ извѣстность, оказали вліяніе на учрежденіе провинціальныхъ археологическихъ обществъ и музеевъ. Но, безъ сомнѣнія, однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ и важныхъ результатовъ съѣздовъ служатъ издаваемые ими ученые труды, которые должны быть признаны показателями современнаго состоянія археологическаго знанія. Съ этой стороны предполагаемое изданіе трудовъ послѣдняго Ярославскаго съѣзда должно представлять особенный интересъ. Ростовъ Великій, Ярославль и другіе сосѣдніе города съ ихъ многочисленными древними монастырями, соборами и церквами даютъ обширный матеріалъ для археологическихъ изысканій: въ нихъ находитъ полное выраженіе русская художественная дѣятельность, особенно XVII-го вѣка, въ видѣ многочисленныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, рѣзьбы, шитья, металлическаго производства и проч. Богата эта мѣстность также и памятниками первобытной старины, въ видѣ могильныхъ кургановъ, вскрытіе которыхъ воскрешаетъ предъ нами давно-минувшую жизнь эпохи, предшествовавшей появленію нашихъ лѣтописей. Эти-то мѣстные памятники и займутъ главное мѣсто въ изданіи трудовъ VII-го археологическаго съѣзда. Въ виду ихъ особенной важности и многочисленности, редакціонный комитетъ не желаетъ ограничиться изданіемъ лишь тѣхъ матеріаловъ и рефератовъ, которые были предложены на самомъ съѣздѣ, но значительно расширяетъ свою программу включеніемъ новыхъ изслѣдованій и матеріаловъ по вопросамъ Ростово-Ярославской старины. Приглашены къ работамъ нѣкоторые изъ спеціалистовъ, которымъ и поручено не только внѣшнее описаніе памятниковъ, но и археологическое обслѣдованіе ихъ въ возможной полнотѣ, въ связи съ однородными памятниками другихъ мѣстностей. Изданіе будетъ снабжено атласомъ точныхъ снимковъ, которые дадутъ наглядное понятіе о памятникахъ древности. Нельзя не по-

желать успѣха этому въ высшей степени важному предпріятію.

Вновь открытыя гробницы Сидонскихъ царей (сообщ. Е.В. Бренковымъ). Среди археологическихъ находокъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время на Востокѣ, видное мѣсто занимаетъ открытіе въ Сайдѣ (древн. Сидонъ), въ Сиріи, саркофаговъ Сидонскихъ царей. Эти саркофаги, относящіеся къ V вѣку до Р. Х. и покрытые надписями, представляютъ большой интересъ какъ для исторіи Востока, такъ и въ художественномъ отношеніи, значительно пополняя собою образцы древняго искусства, хранящіеся въ европейскихъ музеяхъ. Одна изъ лучшихъ коллекцій собственно Сидонскихъ древностей, которымъ и посвящена настоящая замѣтка, принадлежитъ Луврскому музею, гдѣ, между прочимъ, хранится мраморный саркофагъ, съ финикійскою надписью, содержащею исторію похороненнаго въ немъ Сидонскаго царя.

Вообще саркофаги сирійскаго происхожденія далеко немногочисленны, вслѣдствіе чего каждая новая находка ихъ составляетъ для европейскихъ музеевъ цѣлое событіе. Минувшій 1887 годъ является въ этомъ отношеніи однимъ изъ самыхъ счастливыхъ: въ Сайдѣ въ этомъ году было сдѣлано подрядъ нѣсколько открытій, имѣющихъ большое значеніе для археологической науки и исторіи древняго искусства.

Первая изъ упомянутыхъ находокъ была сдѣлана, весною прошлаго года, въ одной, высѣченной въ скалѣ, пещерѣ, въ разстояніи получаса ѣзды отъ Сайды. Когда открыли эту пещеру, въ нее оказалось возможнымъ проникнуть только черезъ отверстіе на верху,—дверей или какихъ-либо иныхъ выходовъ не было. Пещера имѣетъ форму продолговатой, четырехугольной залы, со множествомъ высѣченныхъ въ стѣнахъ нишъ. — Въ послѣднихъ-то и было найдено 18 мраморныхъ саркофаговъ, — по большей части греческаго происхожденія. Всѣ эти саркафаги, по словамъ

очевидцевъ—великолѣпной скульптурной работы;—но особенно замѣчательны между ними два, изъ которыхъ одинъ, по сравненію съ прежними находками, отличается необыкновенною тонкостью и красотою покрывающихъ его изваяній. На его продольныхъ и поперечныхъ стѣнахъ высѣчены группы сражающихся конныхъ воиновъ и множество другихъ фигуръ, изъ которыхъ иныя выкрашены красною краскою. Другой саркофагъ отличается, прежде всего, необыкновенною массивностью и величиною: онъ вѣситъ около 900 пудовъ. На его выпуклой крышкѣ находится рядъ скульптурныхъ изображеній скачущихъ коней и женскихъ фигуръ. Къ сожалѣнію, пещера, въ которой была сдѣлана эта замѣчательная находка, и которая до того оставалась неизвѣстною ученымъ, — была ранѣе ихъ открыта хищниками; къ такому заключенію приводитъ то обстоятельство, что саркофаги оказались пустыми: трупы погребенныхъ въ нихъ Сидонскихъ царей были вынуты и унесены, вѣроятно, съ цѣлью посмертнаго ограбленія драгоцѣнностей, которыми обыкновенно украшались въ древности царскія муміи.

Для того, чтобы извлечь открытые саркофаги изъ подземнаго „некрополя“, потребовалось прорыть оттуда цѣлый корридоръ въ нѣсколько аршинъ шириною. — Исполненіе этой работы повлекло за собою новыя неожиданныя открытія, едва-ли не болѣе интересныя, нежели прежнія. При рытьѣ подземнаго корридора, натолкнулись на другія погребальныя залы съ древними саркофагами; изъ нихъ нѣкоторые оказались нетронутыми. Такъ, одинъ саркофагъ, найденный въ особой, высѣченной въ скалѣ нишѣ, глубиною около 5-и саженъ и закрытой громаднымъ камнемъ, при вскрытіи оказался вмѣстилищемъ царской муміи, которая покоилась въ немъ на доскѣ, снабженной съ каждой стороны шестью серебряными кольцами; на царское происхожденіе муміи указываетъ найденная въ этомъ саркофагѣ гладкая золотая діадема. Въ другомъ саркофагѣ нашли множество древнихъ драгоцѣнныхъ украшеній: браслетовъ, колецъ, перстней, ожерелій и проч. — Вмѣстѣ съ тѣмъ было

найдено нѣсколько древнихъ символическихъ украшеній (въ видѣ глаза изъ серебра и золота), а также бронзовое зеркало, весьма красивой работы. Въ другихъ погребальныхъ комнатахъ этой галлереи открыли еще нѣсколько драгоцѣнностей и два большихъ бронзовыхъ канделябра.

Два послѣдніе саркофага, какъ это видно изъ финикійской надписи на одномъ изъ нихъ, а равно изъ надписи на гробницѣ, открытой около 30-ти лѣтъ тому назадъ въ Сайдѣ,—принадлежатъ сидонскимъ царю и царицѣ Тибниту и Аммахоратѣ, и относятся къ V столѣтію до Рождества Христова.

Надпись на гробницѣ царя Тибнита, разобранная и переведенная, по фотографіи, парижскими учеными,—гласитъ слѣдующее: „Я, Тибнитъ, жрецъ Астарты, царь Сидонянъ, сынъ Ашмуназора, жреца Астарты и царя Сидонянъ, лежащій въ этой гробницѣ, говоритъ: не открывайте моей гробницы; въ ней нѣтъ ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнностей. Тотъ, кто откроетъ сію гробницу, не будетъ имѣть счастія подъ солнцемъ и не найдетъ покоя въ своей могилѣ“. Торжественный завѣтъ Тибнита не оказалъ никакого дѣйствія на директора Константинопольскаго музея, Хамди-бея: послѣдній, не убоявшись проклятій древле-почившаго царя, приказалъ, вмѣстѣ съ другими, найденными въ послѣднее время въ Сайдѣ, археологическими сокровищами, перенести ее на турецкій казенный пароходъ „Assir“,—который, въ іюнѣ прошлаго года, и увезъ навсегда царскія гробницы изъ Спріи въ Константинополь. Въ музеѣ Стамбула археологическія драгоцѣнности Сайды займутъ, безъ сомнѣнія, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ.

РОМАНЪ

В. В. Крестовскаго.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ [1].

РОМАНЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА V.

Два сюрприза.

Спокойно и беззаботно возвращался къ себѣ домой графъ Валентинъ Николаевичъ Карколь де-Нотрекъ послѣ свиданія съ Тамарой. Онъ былъ вполнѣ доволенъ и счастливъ: доволенъ собой, своею удачей, своимъ умомъ и умѣньемъ внушить къ себѣ чувство такой любви, какъ у Тамары, и счастливъ перспективой близкаго осуществленія своихъ самыхъ завѣтныхъ желаній и стремленій, всегда составлявшихъ любимѣйшую мечту, задачу и цѣль всей его жизни. И вдругъ теперь все это осуществляется; уже близится минута, когда мечта превратится въ осязательный фактъ. Конечно, до наступленія этой блаженной минуты, быть можетъ, предстоитъ еще не мало затрудненій и препятствій, но съ его умомъ и изворотливостью, съ его энергіей и умѣньемъ дѣйствовать настойчиво, ему ли не побѣдить всѣхъ этихъ затрудненій и препятствій, если главное уже достигнуто, а главное — болѣе половины всего дѣла! Такъ думалъ о

[1]) См. *Русск. Вѣстн.* № 1-й.

себѣ самомъ графъ Каржоль, возвращаясь въ радужномъ настроеніи отъ Тамары. Впрочемъ, такое самомнѣніе и такая самоувѣренность не составляли принадлежности исключительно данной минуты,—они являли собою черту, всегда присущую его характеру.

Онъ жилъ недалеко отъ Бендавидовъ, но на этотъ разъ пошелъ домой не кратчайшею дорогой, а избралъ окольный и длиннѣйшій путь, такъ какъ ему хотѣлось пройдтись, прогуляться, чтобы дать время остыть и успокоиться своему радужному, чуть не ликующему волненію, и въ то же время помечтать о будущемъ въ полномъ уединеніи, среди поэтической тишины весенней ночи.

Графъ нанималъ небольшой и совершенно отдѣльный, съ барскими удобствами построенный домикъ, съ садомъ, сараями и конюшней, расположенный въ глубинѣ обширнаго двора, посрединѣ котораго былъ разбитъ большой газонъ съ кустами сирени и цвѣточными клумбами. Этотъ домъ принадлежалъ проживавшимъ постоянно въ деревнѣ наслѣдникамъ какого-то польскаго пана, не то сосланнаго въ Самару, не то бѣжавшаго за-границу, и Каржолю было тѣмъ удобнѣе нанять его, что въ немъ онъ нашелъ готовое, вполнѣ комфортабельное убранство. Графъ хотя и жилъ на холостую ногу, но по роду своей дѣятельности ему постоянно являлась надобность принимать у себя разнаго рода „нужныхъ людей“ и губернскихъ „тузовъ“, иногда устраивать для нихъ холостые обѣды, иногда задавать карточные вечера съ роскошными ужинами и вообще „располагать“ къ себѣ, показывая „умѣнье жить“ на широкую ногу и заставляя предполагать у себя очень большія средства. Поэтому подобнаго рода домашняя обстановка была для него вполнѣ необходима. „Внѣшняя обстановка, это почти *все* для умнаго и практическаго человѣка“,—таково было убѣжденіе графа.

Мурлыча какую-то шикарную шансонетку, съ легкимъ духомъ послѣ хорошей и довольно продолжительной прогулки, подошелъ онъ въ эту ночь къ воротамъ своего обиталища, проскользнулъ, согнувшись, подъ цѣпь полурастворенной калитки и, уже подходя къ самому дому,

вдругъ, къ немалому удивленію, замѣтилъ сквозь щели ставень свѣтъ въ своемъ кабинетѣ.

Это его даже озадачило.—Неужели гости? Но кто жъ бы могъ быть въ такую пору?

— Что это за свѣтъ у насъ? спросилъ онъ у камердинера, отворившаго ему дверь съ параднаго крыльца.

— Барышня тамъ дожидаются, доложилъ тотъ, съ нѣкоторою таинственностью понизивъ голосъ.

— Какая барышня?

— Госпожа Ухова, Ольга Семеновна-съ.

— Что̀ такое! какъ бы про себя пробормоталъ графъ, окончательно уже озадаченный.

— Не могу знать. Я имъ докладывалъ, что вашего сіятельства дома нѣтъ, а онѣ говорятъ, все равно: крайне, молъ, надо видѣть.

— И давно ждетъ уже?

— Давно-съ; около часа будетъ.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ неожиданный поздній визитъ пришелся по сердцу графу. Недоумѣвая, зачѣмъ она здѣсь и что̀ все это значитъ, съ чувствомъ нѣкоторой тревоги въ душѣ вошелъ онъ въ дверь своего кабинета.

На встрѣчу ему поднялась изъ кресла высокая, стройная блондинка, съ неправильно краснвымъ и нѣсколько капризнымъ типомъ лица, которое вмѣсто привѣта выражало въ эту минуту одно только утомленіе и недовольство.

— Ольга!... Какими судьбами?... Въ такую пору... Что̀ это значитъ? заговорилъ онъ, протягивая руку.

— Необходимость заставила, съ плохо скрытою раздражительностью пожала она плечами.—Я ждала васъ третьяго дня, ждала вчера, наконецъ сегодня утромъ нарочно послала съ кучеромъ письмо, прося васъ заѣхать хоть на минутку, и вмѣсто того ни васъ, ни отвѣта!... Пришлось крадучись идти самой и дожидаться...

— Бога ради, извини меня, милая, дорогая моя! цѣлуя руки своей гостьи, сталъ оправдываться графъ.—Мнѣ крайне совѣстно, говорилъ онъ:—но еслибы знала ты, какая у меня масса дѣла, и самаго нетерпящаго дѣла, и сколько еще не-

пріятностей при этомъ! Просто голова кругомъ идетъ!... Я крайне виноватъ предъ тобою, но ей-Богу, клянусь тебѣ! Вотъ до сей самой поры ни минуты не было свободной.

— Будто? недовѣрчиво и зло усмѣхнулась дѣвушка.

— Вѣрь, не лгу, горячо увѣрялъ Каржоль:—я не отвѣчалъ тебѣ, потому что разсчитывалъ непремѣнно заѣхать вечеромъ, но, видитъ Богъ, не могъ, не успѣлъ, задержали... Въ чемъ дѣло, однако? доспросилъ онъ съ озабоченною торопливостью.

— Дѣло очень серьезное, вѣскимъ и размѣреннымъ тономъ сказала дѣвушка.

Каржоль вопросительно вскинулъ на нее встревоженный взглядъ, предчувствуя нѣчто скверное. Этотъ тонъ и нѣсколько раздраженное, недовольное выраженіе лица Ольги казались ему подозрительными: ужь не провѣдала ль она чего-нибудь на счетъ Тамары? И графъ на всякій случай приготовился возражать увѣреніями и клятвами.

— Что такое? спросилъ онъ, серьезно сдвинувъ брови.

— Я беременна, объявила дѣвушка.

У Каржоля, что называется, опустились руки.

— Не можетъ быть! испуганно пробормоталъ онъ.—Ты, вѣрно, ошибаешься, Ольга...

— Нѣтъ, отрицательно качнула она головой:—въ этомъ не осталось болѣе ни малѣйшихъ сомнѣній...

Каржоль закусилъ себѣ губы и глядѣлъ на нее растерянными, чуть не безсмысленными глазами.

— Но что жъ тебя такъ поражаетъ тутъ? продолжала Ольга, удивленная въ немъ этимъ испугомъ и растерянностію, которыхъ, повидимому, никакъ отъ него не ожидала.—Что съ тобой, Валентинъ?... Ты испуганъ?... Ты какъ-будто недоволенъ даже?...

— Признаюсь, я не ожидалъ этого... Но что жъ теперь мы будемъ дѣлать однако? пробормоталъ онъ сквозь зубы, принимаясь озабоченно шагать по комнатѣ.

Дѣвушка, прежде чѣмъ отвѣтить что-либо, нѣсколько времени слѣдила за нимъ все тѣмъ же недоумѣвающимъ, удивленнымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется, заговорила она наконецъ:—остается только одно: объявить отцу все какъ есть, всю правду. Я беру это на себя; ты же пріѣзжай завтра просить моей руки.

— Завтра?! переспросилъ Каржоль, круто повернувшись на ходу и остановясь съ такимъ видомъ, какъ будто его вдругъ по лбу ошаращали.

— Да, не иначе; непремѣнно завтра, подтвердила Ольга.— И сколь отцу ни непріятно это, продолжала она:—ты знаешь, онъ тебя очень не жалуетъ, но, конечно, въ виду такого обстоятельства, поневолѣ долженъ будетъ согласиться.

— Ты думаешь? обронилъ онъ съ какимъ-то разсѣяннымъ видомъ.

— Разумѣется. Не подвергать же свое имя публичному скандалу!... Мы, наконецъ, вмѣстѣ можемъ объявить ему, и, я увѣрена, отказа не будетъ... Теперь отказъ невозможенъ, немыслимъ.

Каржоль въ молчаливомъ раздумьѣ раза два прошелся по комнатѣ.

„Положеніе, однако, чортъ возьми! И не распутаешься!“ А какъ былъ бы онъ доволенъ такимъ положеніемъ не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ, когда только-что началась его тайная связь съ Ольгой Уховой, когда онъ еще не зналъ, что существуетъ на свѣтѣ Тамара, въ то время еще не возвращавшаяся изъ-за границы, и когда эта самая Ольга Ухова, дочь почтеннаго кавказскаго генерала, вдовца, невѣста со стотысячнымъ приданымъ, казалась ему отличною партіей, которая дала бы ему блестящій выходъ изъ его нынѣшняго, все еще шикарнаго, но въ сущности уже очень подорваннаго и стѣсненнаго положенія. Три мѣсяца назадъ эта беременность лучше всего могла бы повести къ такому счастливому результату, волей-неволей вынудивъ у строптиваго, несговорчиваго старика-генерала согласіе на бракъ Ольги съ Каржолемъ. Но жениться на Ольгѣ теперь, когда милліонная Тамара не сегодня-завтра можетъ сдѣлаться его женой, да это было бы просто безуміемъ!.. Каржоль перестанъ бы уважать себя за это; онъ сталъ бы презирать

себя!.. Упустить Тамару! Нѣтъ, это невозможно! Каржоль рѣшится на все, и все принесетъ въ жертву, но этого онъ не сдѣлаетъ. Что жъ дѣлать однако? Какимъ образомъ выдти изъ этого невозможнаго положенія?—вотъ о чемъ болѣе всего думалъ теперь графъ Каржоль де-Нотрекъ, и единственное что удалось ему придумать и на что онъ пока рѣшился, это выиграть время, время и время прежде всего! Выиграть его на столько, чтобъ успѣть привести въ исполненіе задуманный планъ относительно Тамары, а тамъ уже будь что будетъ! Тамъ ужь онъ придумаетъ, какъ быть ему далѣе. Но вотъ на эти роковыя полторы, двѣ недѣли надо во что бы то ни стало убаюкать, усыпить Ольгу Ухову.

— Хорошо! согласился онъ наконецъ, въ отвѣтъ на ея предложеніе:—хорошо, пускай по-твоему! Но... Какъ ты думаешь, не лучше ли будетъ приготовить старика постепенно, сроднить его мало-по-малу съ мыслью о твоемъ выходѣ замужъ за меня?

— Какимъ же образомъ? недоумѣло пожала плечами Ольга:—вѣдь четыре мѣсяца назадъ ты уже дѣлалъ предложеніе и получилъ отказъ?

— Да, но объ этомъ отказѣ, кромѣ насъ троихъ, никто въ городѣ не знаетъ, подхватилъ Каржоль: — вѣдь еще тогда же старикъ согласился дать мнѣ слово, что отказъ останется тайной между нами, и онъ вѣдь не болтунъ, на сколько я его знаю; стало-быть, новое согласіе на бракъ ни предъ кѣмъ не поставитъ его въ неловкое положеніе: почему-де сперва отказалъ, а теперь вдругъ согласился? И вѣдь въ сущности, продолжалъ графъ:—вся эта его антипатія ко мнѣ просто глупа и совершенно безпричинна. Ее-то вотъ и надо прежде всего постараться какъ-нибудь побороть, разсѣять, а для этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ дѣйствовать исподволь и нѣтъ надобности открывать ему всю правду.

— Безъ этой правды онъ не согласится, увѣренно возразила Ольга.—Только страхъ огласки и скандала можетъ заставить его не перечить нашей свадьбѣ. Я-то вѣдь, повѣрь, лучше чѣмъ ты его знаю!

— Хорошо! согласился Каржоль и на это:—пусть такъ.

но только, что̀ касается завтрашняго дня, то ужь извини: ни завтра, ни послѣ завтра я рѣшительно не могу этого сдѣлать.

Тѣнь недовѣрія и подозрѣнія, что ужь не отвиливаетъ ли графъ отъ женитьбы, смутно дрогнула въ какой-то жилкѣ надъ бровями Ольги. Она окинула его испытующимъ взглядомъ и спросила, почему это онъ не можетъ?

— О, Боже мой! возразилъ онъ со вспышкой нѣкоторой досады:—вѣдь жениться, полагаю, не то что надѣть пару перчатокъ! Для этого мнѣ прежде всего необходимо устроить свои дѣла, и дѣла весьма важныя, на которыхъ строится все благосостояніе моей дальнѣйшей жизни! Не могу же я вести мою жену на неопредѣленное и необезпеченное положеніе въ будущемъ!

— У меня есть свои сто тысячъ, замѣтила Ольга.

— Покорнѣйше благодарю! иронически поклонился графъ:—онѣ при васъ и останутся! Неужели мнѣ нужны ваши деньги! Ужь не думаете ли вы, что я на нихъ хоть сколько-нибудь разсчитывалъ?... Сто тысячъ, моя милая, въ наше время не есть еще нѣчто существенное; сто тысячъ годятся развѣ женѣ на однѣ лишь ея тряпки, а намъ надо *жить*, и вотъ потому-то, какъ честный человѣкъ, я и обязанъ сперва позаботиться объ обезпеченныхъ средствахъ къ жизни. Для этого мнѣ потребуется около двухъ недѣль времени, не болѣе. Но что такое двѣ недѣли! Вѣдь ровно ничего не стоитъ переждать ихъ! Вѣдь въ двѣ недѣли ничто еще не успѣетъ у тебя обнаружиться и никто ничего не замѣтитъ. Бога ради! нѣжно сталъ онъ предъ ней на колѣни, сжимая ея руки:—я умоляю тебя, ради нашего же собственнаго, общаго блага, не торопись ты пока съ этимъ дѣломъ! Дай мнѣ этотъ срокъ, и тогда я сдѣлаю все что̀ хочешь, все что̀ ты прикажешь!

Ольга не успѣла сказать на это ни да, ни нѣтъ, какъ въ прихожей раздался вдругъ чей-то громкій, порывистый звонокъ.

Это было такъ неожиданно, что оба они вздрогнули и всполошились, наскоро хватая и пряча Ольгины вещи: пер-

чатки, платокъ, соломенную шляпку... Рѣшительно невозможно было не только предположить, на даже и понять кто, и зачѣмъ могъ быть въ такую пору. Каржоль, ради предосторожности, предложилъ Ольгѣ удалиться въ его спальню, изъ которой онъ разсчитывалъ, въ случаѣ надобности, провести ее по небольшому боковому корридору въ диванную, откуда уже можно было незамѣтно вывести ее сквозь стеклянную дверь на террасу въ садъ, а изъ сада дорога домой уже не представила бы ей никакихъ затрудненій. Едва Ольга скрылась за портьерой, онъ поспѣшилъ ко двери кабинета и чутко насторожилъ подъ ней ухо, въ разсчетѣ — не узнаетъ ли предварительно, хотя бы по голосамъ, что тамъ такое? Но едва успѣлъ онъ это исполнить, какъ дверь осторожно пріотворилась и камердинеръ Каржоля, видимо озадаченный и даже смущенный чѣмъ-то, не безъ таинственности вызвалъ его прихожую. Тамъ, на порогѣ раскрытой половинки наружныхъ дверей, первое что бросилось графу въ глаза—была женская фигура, подъ вуалью и съ узелкомъ въ рукахъ. По общему очертанію онъ узналъ въ ней Тамару.

— Tout est découvert!... On nous à écoutés... Sauvez moi! [1]) едва успѣла проговорить она задыхающимся голосомъ, какъ Каржоль поспѣшилъ остановить ее.

— Тсс!... У меня посторонніе! предупредилъ онъ шепотомъ, указывая на дверь кабинета. — Я сейчасъ ихъ спроважу, продолжалъ онъ:—войдите пока сюда, налѣво, въ столовую, и подождите меня одну минуту... Только тише, Бога ради!

И введя Тамару въ комнату, онъ плотно заперъ за ней дверь, а самъ поспѣшилъ къ Ольгѣ.

Слегка держась за портьеру, дѣвица Ухова сторожко, что называется, на чеку стояла на порогѣ спальни и кабинета, эластически готовая каждое мгновеніе отпрянуть внутрь и спрятаться за драпировкой отъ посторонняго глаза. На ея лицѣ выражалось не одно лишь сильно возбужденное любо-

---

1) Все открыто!.. Насъ подслушали... Спасите меня!

пытство и опасеніе за себя, но и тревожное чувство ревнивой подозрительности.

— Уходи, Бога ради, скорѣе!.. Сію минуту! быстро подходя къ ней на-цыпочкахъ, прошепталъ Каржоль умоляющимъ голосомъ.

— Тамъ женщина? подозрительно спросила Ольга.

— Какая женщина!?.. Гдѣ?!.. Что это тебѣ чудится! досадливо проговорилъ встревоженный графъ.—Умоляю тебя, уходи Бога ради!

— Нѣтъ... Я слышала тамъ женскій голосъ... Ты сейчасъ говорилъ съ женщиной.

— Ольга, не дури! строго остановилъ онъ дѣвушку.— Уходи, говорю тебѣ! Пощади и себя, и меня... Иначе ты рискуешь страшно компрометтироваться.

— Нѣтъ, я не уйду. Скажите, кто тамъ? Кто эта женщина?

— Фу, ты, Господи! схватился онъ за виски.—Женщина!.. Компаньйонъ мой только-что вернулся изъ Петербурга съ важнѣйшими извѣстіями... Намъ надо сейчасъ же переговорить о дѣлѣ.

— Изъ Петербурга... Ночью?... Да на какомъ же это поѣздѣ? съ явнымъ недовѣріемъ спросила Ольга.

— Ахъ, да не на поѣздѣ!... Онъ съ поѣзда сперва тутъ въ одно имѣніе проѣхалъ, а теперь изъ имѣнія сюда... На лошадяхъ.

Барышня Ухова сомнительно качнула головой.

— Кто жъ этотъ компаньйонъ вашъ съ такимъ женскимъ голосомъ? И что это за дѣла въ три часа ночи?

— Ольга! отчаянно метнулся графъ, почти теряя всякое терпѣніе.—Это глупо, наконецъ!... Мнѣ некогда объяснять вамъ подробно, завтра узнаете; завтра скажу вамъ все, но теперь уходите; вѣдь человѣкъ тамъ стоитъ, ждетъ... Я просилъ его обождать лишь одну минуту... Ну что онъ можетъ подумать!... Это наконецъ неделикатно съ вашей стороны... Въ какое положеніе вы меня ставите!... Я долженъ чуть не выгонять васъ...

А Ольга, словно наслаждаясь этимъ непріятнымъ, без-

выходнымъ его положеніемъ, съ улыбкой смотрѣла на него какимъ-то страннымъ, не то явно недоумѣвающимъ, не то явно презрительнымъ взглядомъ, и не трогалась съ мѣста.

— Да уйдете ли вы, наконецъ! въ бѣшенствѣ прохрипѣлъ Каржоль сквозь стиснутые зубы.—Это чортъ знаетъ что такое!... Что же вы хотите, чтобъ я насиліе употребилъ надъ вами, что ли?

— Насиліе?... А ну-ка, попытайтесь!... Я закричу! возразила та вызывающимъ тономъ.

Графъ обезсиленно опустилъ руки и тоскливо оглядѣлся вокругъ, словно ищучи, гдѣ же, наконецъ, и въ чемъ найдти ему свой камень спасенія.

— Извольте, оставайтесь, если вамъ хочется, вздохнулъ онъ, какъ бы сдаваясь:—только сидите же смирно, не выдайте вашего присутствія ни малѣйшимъ шорохомъ... Позвольте затворить дверь, и помните, что если васъ застанетъ здѣсь утро, то не я виноватъ въ этомъ... А для бо́льшей предосторожности замкните, пожалуйста, дверь на ключъ.

— Зачѣмъ это? возразила Ольга.

— На всякій случай. Неравно компаньйонъ не вздумалъ бы заглянуть въ спальню.

— Да развѣ вы намѣрены долго сидѣть съ нимъ?

— Не знаю; это не отъ меня зависитъ... Извините, однако, мнѣ некогда... Прощайте.

И графъ рѣшительно затворилъ за собой дверь. „Сиди же коли такъ, чортъ тебя возьми!“ злобно подумалъ онъ и, захвативъ въ прихожей шляпу да надежную трость съ кастетомъ, осторожно, чтобы не услышала Ольга, замкнулъ дверь изъ кабинета въ прихожую, опустилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и, разсчитывая вернуться домой минутъ черезъ десять-двадцать, внушительно шепнулъ человѣку:

— До моего возвращенія не выпускать госпожу Ухову изъ дома ни подъ какимъ видомъ и ни въ какіе съ ней разговоры не вступать. Понимаешь?

Отлично дрессированный, привычный и безмолвный исполнитель приказаній своего барина только поклонился въ знакъ готовности безусловно исполнить его волю.

Затѣмъ, пріотворивъ дверь столовой, графъ жестомъ позвалъ Тамару и осторожно вышелъ съ ней изъ дома.

— Я не могъ васъ принять у себя, объяснялъ онъ, идя съ ней по двору:—ко мнѣ сейчасъ пріѣхалъ изъ имѣнія одинъ изъ моихъ компаньйоновъ и ночуетъ у меня... Онъ не спитъ еще.... Я не хотѣлъ васъ компрометтировать.... Въ чемъ дѣло однако?

Тамара въ двухъ словахъ разсказала ему все что произошло послѣ ихъ свиданія.

— Что же теперь дѣлать? невольно воскликнулъ графъ, у котораго дѣйствительно голова пошла наконецъ кругомъ отъ сплетенія всѣхъ этихъ неожиданностей.—Что дѣлать, Тамара?

— Проводите меня въ монастырь, рѣшительно предложила она:—и пойдемъ сейчасъ же, пока еще не разсвѣло. Домой я не вернусь, а другаго ничего не остается.

— Да, вы правы, согласился Каржоль.—Такъ что жъ, я къ вашимъ услугамъ. Поспѣшимте.

И, подавъ Тамарѣ руку, онъ быстрыми шагами направился съ ней со двора по улицѣ, держа путь къ Свято-Троицкой женской обители.

ГЛАВА VI.

Божья воля.

Начинало свѣтать, когда они подошли къ монастырскимъ святымъ воротамъ, расписаннымъ живописью al fresco, въ византійскомъ стилѣ. Строгіе, темноватые лики божьихъ угодниковъ, іерарховъ, иноковъ и страстотерпцевъ глядѣли своими нарисованными очами съ каменныхъ стѣнъ и съ обѣихъ широкихъ створъ святыхъ воротъ на подошедшую къ нимъ въ столь необычный часъ мірскую пару. Каржолю показалось, что эти продолговатые, изможженные образы, въ черныхъ схимахъ, смотрятъ на него изъ своихъ золотыхъ

вѣнчиковъ какъ-то особенно сурово, словно требуютъ отчета, такъ что его даже покоробило немного, и хотя онъ вообще былъ человѣкъ безъ предразсудковъ и на счетъ религіи вполнѣ беззаботенъ, тѣмъ не менѣе ему невольно стало какъ-то непріятно, жутко глядѣть на эти лики, и онъ отвернулся отъ нихъ въ сторону.

Мигающій красноватый свѣтъ большой лампады, висѣвшей предъ надворотнымъ образомъ Святой Троицы, все болѣе утрачивалъ свою силу, уступая бѣлесоватому, прозрачному свѣту небосклона, предвѣстнику скораго восхода. Звѣзды уже потухли и только одна лишь утренняя звѣзда ярко сверкала въ вышинѣ какъ чистая алмазная слезинка.

Каржоль брякнулъ большимъ желѣзнымъ кольцомъ въ скобу монастырской калитки, но на этотъ стукъ отозвались ему не скоро, такъ что пришлось постучать посильнѣе и подольше, во второй и въ третій разъ, пока наконецъ не скрипнула дверь подворотной сторожки и не послышались чьи-то старческіе шаги, кряхтѣнье и зѣвки, сопровождаемые молитвеннымъ присловьемъ.

Старикъ сторожъ однако отворилъ не сразу, а сначала облаялся,—кого-де носитъ нелегкая по ночамъ въ обитель? Проходи, молъ, своею дорогой!—а затѣмъ, въ отвѣтъ на настойчивую просьбу графа, приступилъ къ долгимъ, раздумчивымъ и обстоятельнымъ разспросамъ,—кто, молъ, стучитъ, какой человѣкъ, изъ какихъ онъ будетъ, зачѣмъ такъ рано, къ кому и для чего и за какою надобностію? Приходи, молъ, позднѣе, какъ ударятъ къ заутрени, тогда и ворота растворимъ, а теперь мать-игуменья почиваетъ еще и сестры спятъ, нельзя отворять-то.

Между тѣмъ понятно, на сколько была дорога и опасна для Каржоля каждая лишняя минута. „Приходи позднѣе“... Но куда онъ дѣнется, гдѣ проскитается, пока настанетъ это „позднѣе“? Домой вернуться нельзя: тамъ сидитъ взаперти Ольга, которая теперь, вѣроятно, рветъ и мечетъ отъ злости. Бродить по улицамъ? Но если, какъ на грѣхъ, кто-нибудь встрѣтитъ, или изъ окна увидитъ—сейчасъ же поднимутся толки, сплетни, всяческая грязь всевозможныхъ догадокъ и

хихиканья, скандалъ... Нѣтъ, это невозможно! Оставаться и ждать у монастыря, предъ воротами? Но Евреи обыкновенно встаютъ рано; бо́льшая часть изъ нихъ привыкла подыматься съ разсвѣтомъ; какой-нибудь Шмулька, живя по сосѣдству, легко можетъ увидѣть и узнать его съ Тамарой, и тогда все пропало! Тогда скандалъ еще хуже, еще непріятнѣе: ее просто отобьютъ у него на улицѣ, не дадутъ и ввести подъ монастырскія ворота... О, тогда подымется цѣлая исторія, изъ которой еще чортъ знаетъ какъ и выпутаешься!...

— Я заплачу тебѣ, голубчикъ... Возьми пять рублей, только впусти, Бога ради, умолялъ графъ и, для наибольшаго убѣжденія несговорчиваго сторожа, опустясь на колѣно, просунулъ ему въ скважину подворотни пятирублевую кредитку.

Вѣроятно соблазнясь столь щедрымъ даяніемъ, тотъ наконецъ снялъ съ крючка желѣзный болтъ, поослабилъ слегка калиточную цѣпку и осторожно оглядѣлъ въ одинъ глазъ, кто тамъ просится и много ли ихъ? Но убѣдясь по внѣшности Каржоля и Тамары, что люди, должно-быть, не лихіе и что ихъ только двое, уже безъ недовѣрія пропустилъ обоихъ въ калитку.

— Есть у васъ тутъ какая-нибудь дежурная монахиня, что ли? спросилъ его Каржоль.

— Дежурная? зашамкалъ сторожъ.—Что̀ ты, мой батюшка! Какія у насъ дежурныя, зачѣмъ?... Господь Богъ надъ нами, зачѣмъ намъ?... Помилуй Богъ!... Мы живемъ просто, по-Божьему, что̀ намъ!

— Но кто же можетъ разбудить игуменью?

— А по̀што ее будить-то!... Пущай почиваетъ матушка. Будить ее не для чего, не время... Ее колоколъ взбудитъ; какъ ударятъ къ заутренѣ, такъ и сама проснется.

— Да намъ необходимо сейчасъ же, сію минуту, убѣждалъ его графъ.—Поди, пожалуйста, голубчикъ дѣдушка, самъ ты и разбуди кого-нибудь... Я заплачу тебѣ.

— Зачѣмъ же, мы и такъ много довольны, а только мнѣ нельзя... Отъ воротъ я отлучаться не могу... Не мое это дѣло инокинь будить, сами свой часъ знаютъ... А вы лучше

посидите малость, пообождите до заутрени-то; вотъ, по двору, по кладбищу погуляйте: проснутся инокини, тогда о васъ матушкѣ и доложатъ... сами доложатъ... это точно. А я не могу; мое дѣло сторожевское, мужское, развѣ я смѣю по кельямъ-то ходить?... Мнѣ никакъ невозможно.

Очевидно, что дальше толковать со сторожемъ было нечего. Да Каржоль и тѣмъ уже былъ доволенъ, что, слава Богу, удалось кое-какъ проникнуть хотя за монастырскую ограду: здѣсь все-таки пріютъ, здѣсь безопасно.

Низенькіе, одноэтажные флигеля монашескихъ келій, соединенные на подобіе корридора общею стекольчатою галлереей; высокій храмъ, передѣланный нѣкогда изъ католическаго костела, и широкій монастырскій дворъ, обсаженный купами старорослыхъ каштановъ да аллеями пирамидальныхъ тополей, все это еще было пусто, безлюдно и беззвучно, и стояло въ своей отшельнической оградѣ словно проникнутое таинственною и важною тишиной, словно благоговѣйно и недвижно погруженное въ какую-то глубокую не отъ міра сего ночную думу. Дерновыя могилки съ каменными плитами, бѣлые кресты и намогильные памятники около церкви, съ ихъ чугунными рѣшетками, вѣнками изъ иммортелей, завившимся плющемъ и пестрыми цвѣтниками, все это еще дремало, овлаженное ночною росой; но ласточки уже начинали выглядывать изъ гнѣздъ, прилѣпившихся подъ церковнымъ карнизомъ, и проснувшіеся воробьи тамъ и сямъ подымали въ каштановыхъ вѣтвяхъ свое задорное чириканье. Повѣяло рѣзкимъ утреннимъ холодкомъ; изъ монастырской пекарни вдругъ потянуло въ воздухѣ вкуснымъ запахомъ свѣжихъ, только-что вынутыхъ изъ печи просфоръ, и вскорѣ на золоченыхъ, узорчато-прорѣзныхъ крестахъ двухъ церковныхъ башенокъ заиграли первые розоватые лучи восходящаго солнца.

Но долго еще пришлось Каржолю проспдѣть на каменныхъ ступеняхъ паперти, бережно кутая нѣсколько продрогшую Тамару въ ея широкую шаль, прежде чѣмъ людское населеніе монастыря стало просыпаться. Тамара успѣла за эти часы во всѣхъ подробностяхъ разсказать ему свое приклю-

ченіе съ Айзикомъ и переговорить о многомъ касательно своего будущаго. Много гадательныхъ плановъ и предположеній развернулось и пронеслось предъ ней; много ласкъ, и увѣреній, и клятвъ, и нѣжныхъ словъ любви и страсти выслушала она отъ своего друга... Но расточая свои ласки, Каржоль могъ только безконечно удивляться въ душѣ этой замѣчательной въ ея годы выдержкѣ характера и еще болѣе этой твердой рѣшимости ея намѣреній и взглядовъ на свою будущую судьбу, какова бы она ни была, рѣшимости, какая и теперь, въ эти томительные часы неизвѣстности и ожиданія на церковной паперти, ни на минуту не покинула дѣвушку. Ни раздумья, ни сомнѣній, ни тѣни какого-либо колебанія ни разу не проскользнуло не только въ ея словахъ, но даже и во взорѣ. Напротивъ, судя по ея виду, Каржоль могъ смѣло заключить, что тутъ дѣйствительно все уже продумано до конца и рѣшено безповоротно. И въ самомъ дѣлѣ, Тамара чувствовала себя гораздо цѣльнѣе, спокойнѣе, чѣмъ Каржоль, и успокоивала даже его самого, когда въ немъ прорывались нетерпѣливая досада и ропотъ на это сонное монастырское царство.

Но вотъ, въ шесть часовъ утра, на колокольнѣ раздался первый ударъ благовѣста, и вскорѣ послѣ этого нѣсколько темныхъ женскихъ фигуръ, словно движущіяся тѣни, показались въ разныхъ углахъ зданій, и во дворѣ, и вдоль по стекольчатой галлереѣ.

Каржоль обратился къ одной изъ монахинь, прося доложить о немъ матери игуменьѣ.

— А это уже вы къ ея послушницѣ, къ Натальѣ... Это она вамъ все можетъ, отвѣчала инокиня и, не вступая въ дальнѣйшіе разспросы, радушно предложила графу проводить его до дверей настоятельской квартиры и вызвать къ нему послушницу Наталью.

Графъ предварительно досталъ свою визитную карточку и на изысканномъ французскомъ языкѣ написалъ на ней карандашемъ о своей настоятельнѣйшей надобности видѣть мать Серафиму немедленно, по крайне важному, безотлагательному дѣлу.

Черезъ пять минутъ молодая, шустрая послушница, у которой носикъ былъ уточкой, а глаза какъ двѣ вишенки, довольно развязно заявила ему, что матушка теперь только-что встали съ постельки и облачаться изволятъ, а потому просятъ обождать немного.

Всѣ эти ожиданія и проволочки времени только раздражали графа и усиливали его внутреннюю тревогу. Онъ крайне безпокоился о томъ, что̀ выдѣлываетъ теперь въ его квартирѣ запертая Ольга Ухова, какова-то выйдетъ его неизбѣжно предстоящая встрѣча съ ней, и какими бы судьбами уйдти ей среди бѣла дня изъ его квартиры, безъ скандала, да и удастся ли еще проскользнуть никѣмъ незамѣченною?.. А тутъ еще этотъ старый дуракъ генералъ, пожалуй, хватится утромъ, гдѣ дочь, подниметъ цѣлую бурю, переполохъ, весь домъ вверхъ дномъ... И опять-таки скандалъ, исторія, опять-таки толки и сплетни... Господи!.. Каржоль обзывалъ себя мысленно дуракомъ за то, что не догадался оставить ключъ отъ кабинета своему камердинеру и не приказалъ ему выпустить Ольгу чрезъ полчаса послѣ своего ухода... Но могъ ли тогда онъ предвидѣть, зачѣмъ пришла къ нему Тамара, могъ ли предполагать, что ему придется немедленно же идти съ ней къ Серафимѣ? Онъ разсчитывалъ, что объясненіе его съ Тамарой продлится на дворѣ или на улицѣ не болѣе минутъ десяти, а вмѣсто того... О, Господи! Нужно же такое непредвидѣнное, просто дьявольское сплетеніе обстоятельствъ!.. Впрочемъ, у Каржоля оставалась еще одна маленькая надежда, что авось-либо Ольга, отыскивая себѣ выходъ, проникнетъ изъ спальни по корридорчику въ диванную и тамъ уже догадается уйдти чрезъ стеклянную дверь на террасу, въ садъ и такъ далѣе. Одна только эта гадательная надежда и успокоивала немножко графа.

Спустя около получаса, та же шустрая послушница ввела его въ пріемный покой настоятельницы. Тамара, по его же совѣту, осталась пока въ стекольчатомъ корридорѣ одна, предъ дверью Серафимы, чтобы не затруднить и не стѣснить своимъ присутствіемъ его объясненія съ игуменьей.

Обстановка настоятельской пріемной была въ высшей

степени проста, почти сурова: штукатурныя стѣны безъ обоевъ, окна безъ занавѣсокъ, съ однѣми лишь шторами, на подоконникахъ ни одного цвѣточнаго горшка; въ красномъ углу большой старинный образъ безъ ризы и украшеній; стариннаго фасона краснодеревые жесткіе стулья въ строгомъ порядкѣ вдоль стѣнъ, такой же диванъ съ гарусною на немъ подушкой, предъ диваномъ овальный столъ съ керосиновою, довольно убогаго вида лампой; у одного изъ оконъ большой мольбертъ и на немъ начатая масляными красками картина духовнаго содержанія (Серафима занималась живописью); на стѣнахъ — въ простѣйшихъ рамкахъ подъ стекломъ, литографированные виды какихъ-то обителей, изображенія государя и нѣсколькихъ іерарховъ Россійской Церкви, да два-три фотографическіе портрета высокихъ особъ, очевидно покровительницъ Серафимы, съ ихъ собственноручными подписями: „въ знакъ памяти такой-то отъ такихъ-то, тогда-то“.

Каржоль не успѣлъ еще хорошенько разсмотрѣть всѣ эти предметы, какъ къ нему уже вышла высокая, нѣсколько дородная женщина, лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ, еще сохранившимъ черты породистости и красоты уже поблекшей, одѣтая въ строгій и суровый костюмъ полной монахини. Она встрѣтила графа какъ стараго знакомаго, привѣтливо, хотя и съ невольнымъ выраженіемъ въ глазахъ нѣсколько недоумѣвающаго вопроса, и пригласила его садиться.

— Pour sûr, madame, vous êtes bien surprise de me voir à cette heure matinale, mais... почтительно началъ было извиняться графъ, но игуменья, безъ дальнихъ околичностей, тотчасъ же перебила его прямымъ вопросомъ, въ чемъ дѣло?

— Я привезъ къ вамъ прозелитку, объявилъ Каржоль:— прозелитку, которая на столько жаждетъ принять православіе, что рѣшилась для этого даже убѣжать изъ дома своихъ родныхъ. Она обратилась ко мнѣ за помощи и конечно, какъ русскій человѣкъ и христіанинъ, я не счелъ себя въ правѣ отказать ей, и вотъ привезъ ее къ вамъ, подъ вашу защиту и покровительство. Помогите ей, Бога ради!

Игуменья, къ удивленію Каржоля, не только не выразила при этомъ стремительной готовности исполнить его просьбу, но раздумчиво поджавъ губы, какъ-будто даже поморщилась съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Она совершеннолѣтняя? спросила наконецъ Серафима.

— Н-нѣтъ... Но впрочемъ ей уже двадцатый годъ пошелъ.

— Католичка?

— Нѣтъ, Еврейка. Но pardon! поспѣшилъ предупредить Каржоль:—мнѣ кажется, вы какъ будто сомнѣваетесь въ чемъ-то...

— Нѣтъ, не то, перебила его Серафима:—не то... Но скажу вамъ откровенно, я крайне боюсь этихъ еврейскихъ прозелитокъ... Ихъ у меня перебывало уже нѣсколько, и при этомъ каждый разъ приходится имѣть столько всевозможныхъ непріятностей съ ихъ родными, съ кагаломъ и даже съ нашими властями, что и не приведи Богъ!...

— Возможно ли! воскликнулъ графъ.—Мнѣ кажется, продолжалъ онъ:—наши власти въ такихъ случаяхъ, напротивъ, должны бы оказывать и вамъ, и прозелиткамъ всяческое содѣйствіе.

— Н-да, это такъ *кажется*; но вѣдь кагалы очень богаты. И потомъ это принятіе православія, продолжала игуменья:—вы знаете ли, вѣдь оно нерѣдко выходитъ у нихъ изъ побужденій очень мутныхъ: одинъ Еврей, напримѣръ, недавно еще крестился четыре раза въ разныхъ епархіяхъ, ради того, что ему за это каждый разъ дарили отъ тридцати до пятидесяти рублей вспоможенія.

— О, нѣтъ, въ данномъ случаѣ ничего такого и быть не можетъ! поспѣшилъ графъ разувѣрить монахиню:—напротивъ, эта дѣвушка имѣетъ свои собственныя богатыя средства, которыми могла бы даже служить на пользу разныхъ богоугодныхъ цѣлей.... Это ей ничего не стоитъ...

Серафима поморщилась: въ послѣднихъ словахъ Каржоля ей заподозрѣлось какъ будто нѣкоторое намѣреніе соблазнить ее на согласіе возможностью хорошаго вклада въ ея обитель со стороны будущей неофитки.

— И кромѣ того, продолжала она, какъ бы вовсе про-

пустивъ безъ вниманія его слова:—если тутъ и нѣтъ иногда прямаго разсчета на „гешефтъ“, то ко крещенію очень часто прибѣгаютъ въ разсчетѣ какъ на спасительное средство люди порочные, неблагонадежные.... Ужь тутъ такъ и гляди, что онъ либо въ чемъ-нибудь жестоко провинился предъ своею общиной, даже какое-нибудь преступленіе сдѣлалъ, либо же ищетъ себѣ въ христіанствѣ просто ширму, чтобъ удобнѣе проживать, гдѣ ему вздумается и легче обдѣлывать свои темныя дѣлишки.

Каржоль, конечно, поспѣшилъ протестовать и противъ этихъ послѣднихъ предположеній игуменьи, убѣждая и доказывая, что его прозелитка вовсе не изъ такихъ, что она достаточно хорошо ему извѣстна и онъ можетъ даже поручиться, чѣмъ угодно, что ее влечетъ ко Христу не какой-либо разсчетъ, а одно лишь искреннее глубокое убѣжденіе.

— Можетъ-быть... Охотно готова вамъ вѣрить, сказала ему на это Серафима.—Но если оно такъ, то для меня тѣмъ хуже....

Каржоль на это только выпучилъ на нее глаза съ видомъ удивленія и вопроса.

— Да, тѣмъ хуже подтвердила игуменья.—Чѣмъ чище побужденія прозелитки, тѣмъ цѣпче ухватываются за нее и родные, и кагалъ, чтобы вырвать ее у насъ и возвратить еврейству. Тутъ сейчасъ же пойдутъ у нихъ разные доносы, жалобы, кляузы... начнутъ насъ со всѣхъ сторонъ и отъ разныхъ властей бомбардировать запросами, поднимутся переписки да отписки.... А сколько сплетень да дрязгъ еще при этомъ!... Боже мой!.... Я уже знаю все это, испытала достаточно и потому, сознаюсь вамъ, всячески избѣгаю этихъ еврейскихъ прозелитокъ.... Отъ нихъ обитель каждый разъ только покоя лишается на нѣсколько мѣсяцевъ.

— Пусть такъ, со вздохомъ согласился Каржоль. — Конечно все это крайне... крайне грустно и даже прискорбно, но... мать Серафима! попросилъ онъ вдругъ тѣмъ особымъ интимно дружескимъ тономъ, дескать „для меня!“ на который обыкновенно не ожидается отказа:—сколь ни тяжело вамъ, но ужь на этотъ-то разъ (только на этотъ!) не отка-

жите, Бога ради!... Сдѣлайте маленькое исключеніе.... Принесите такую жертву въ послѣдній разъ, не откажите принять эту дѣвушку.... Ей-Богу, хорошая дѣвушка! Я бы не сталъ и просить иначе... Вы этимъ сдѣлаете такое доброе дѣло, за которое, конечно, и въ сей, и въ будущей жизни... Бога ради!...

— Нѣтъ, графъ, убѣдительно, тономъ просьбы перебила его мать Серафима:—избавьте меня, если возможно, отъ этого новаго бремени... Обратитесь лучше къ преосвященному, къ губернатору, къ супругѣ начальника края, къ кому знаете, но только не ко мнѣ, Бога ради!

— Къ сожалѣнію, заявилъ Каржоль:—это дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Ей надо дать немедленно же пріютъ, успокоить, укрыть ее... Она, говорю вамъ, только-что сейчасъ убѣжала изъ дома... Оставить ее у себя я не могу, это ее скомпрометтируетъ, а она дѣвушка честная, вполнѣ достойная, образованная... Она ищетъ христіанства, повторяю, не изъ выгодъ, а по глубокому убѣжденію... Церковь не въ правѣ отказывать стучащимся въ ея двери!.. Мать Серафима! воскликнулъ онъ наконецъ, отъ всей души и для большей экспрессивности стискивая самому себѣ руки:—вѣдь это же ваша миссія, вѣдь вы для этого сюда и посланы... Во имя Христа Спасителя заклинаю васъ!.. Молю васъ какъ христіанку, какъ женщину, не откажите!... Не оттолкните эту несчастную!... Подумайте, куда же ей, бѣдной дѣваться!?... Отказать вы не можете, это было бы безчеловѣчно!

Каржоль говорилъ горячо, съ убѣжденіемъ и даже со слезами.

Игуменья начала нѣсколько сдаваться.

— Право, ужь и не знаю, раздумчиво разводя руками и видимо колеблясь въ душѣ, говорила она:—я бы, повѣрьте, отъ всего сердца... мнѣ самой очень жаль... Конечно, нашъ долгъ, но... еслибъ она еще была совершеннолѣтнею или изъ другаго какого мѣста, а то вѣдь она здѣшняя, не такъ ли?

— Да, она здѣшняя, подтвердилъ графъ.

— Гм! Вѣдь это значитъ, кагалъ сегодня же спохватится, не успѣешь и мѣръ никакихъ принять.

— Но вѣдь сегодня шабашъ, напомнилъ Каржоль.

— Это ничего не значитъ. Для такого дѣла они и шабашомъ поступятся, законъ разрѣшаетъ... У насъ однажды уже было такое дѣло, и какъ разъ въ шабашъ. А кто такая? спросила Серафима.—Фамилія ея какъ?

— Тамара Бендавидъ, объявилъ графъ съ нѣкоторою, затаенною впрочемъ, неохотой и колебаніемъ, опасаясь какъ бы изъ этого не возникло еще новыхъ препятствій.

— Бендавидъ?! Ни за что! энергически воскликнула Серафима, отрицательно простирая впередъ свои руки, словно бы желала этимъ жестомъ защититься или оттолкнуть отъ себя нѣчто.—Ни за что, графъ! И не просите... Все что угодно, но этого я вамъ никакъ не сдѣлаю... Ни за что на свѣтѣ! Ни подъ какимъ видомъ!

— Но отчего же?... Отчего? повторялъ Каржоль, пораженный и смущенный непреклонною рѣшительностью этого отказа.

— Будь еще это какая-нибудь простая, бѣдная Евреечка, продолжала Серафима:—будь она сирота, бездомная, я бы, пожалуй, и согласилась. Но внучка извѣстнаго богача... О, вы не знаете, что тутъ подымется! Вы и представить себѣ не можете!.. Тутъ уже не только всѣ здѣшніе Евреи, а и въ Петербургѣ, и заграницей подымутъ гвалтъ, пустятъ въ ходъ разныя вліянія, клевету, интригу... Тутъ сейчасъ явятся всѣ эти адвокаты разные, корреспонденціи, статьи газетныя; выйдетъ цѣлый скандалъ для нашего монастыря... И Богъ знаетъ, какъ еще взглянутъ на все на это тамъ, свыше, въ Петербургѣ? Да, Боже мой, тутъ и не оберешься самыхъ ужасныхъ дрязгъ, и грязи, и непріятностей!... Нѣтъ, графъ, извините, но... я вынуждена отказать вамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Но что же теперь дѣлать этой несчастной! воскликнулъ глубоко огорченный и взволнованный Каржоль.—Войдите въ ея положеніе: домой вернуться нельзя; ей и говорить

объ этомъ нечего, она не согласится. Что жъ остается ей?... Съ моста да въ воду?... Подумайте!

Серафима, не находя словъ отвѣтить что-либо, только плечами пожала какъ-то неопредѣленно.

— И вы, христіанка, монахиня, укоризненно продолжалъ графъ:—вы являетесь такою эгоисткой! Простите, я поневолѣ говорю, быть можетъ рѣзко, но неужели же вы въ самомъ дѣлѣ на столько предпочитаете ваше собственное спокойствіе, что рѣшаетесь равнодушно закрыть глаза на ужасную судьбу безпомощной дѣвушки, обрекая ее тѣмъ самымъ, быть-можетъ, на самоубійство!... Если молчитъ въ васъ сердце, то разсудкомъ хотя пощадите достоинство вашего сана!

Всю эту горячую и даже дерзкую рѣчь монахиня, сверхъ ожиданій самого Каржоля, выслушала довольно хладнокровно, съ подобающимъ смиреніемъ.

— Упреки ваши, графъ, быть можетъ, и справедливы отчасти, проговорила она очень сдержаннымъ тономъ:—но что же дѣлать, если печальный опытъ нашъ неоднократно уже былъ таковъ, что мнѣ поневолѣ приходится вамъ отказывать... Что же съ этимъ дѣлать, если у насъ и христіанскій долгъ, и санъ, и духовныя дѣла, и все на свѣтѣ облечено въ такой стѣснительный чиновничій формализмъ!... Поѣзжайте къ преосвященному, посовѣтовала она Каржолю:—объяснитесь съ нимъ, попросите его, пусть онъ пришлетъ мнѣ формальную бумагу, предписаніе что-ли; это, по крайней мѣрѣ, будетъ мой оправдательный документъ, и тогда я приму вашу protégée тотчасъ же... Я сдѣлаю все, что возможно къ ея пользѣ и благу, но принять ее такъ, какъ вы теперь предлагаете, этого я, извините, несмотря на всю тяжесть вашихъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ, рѣшительно не могу... Не могу, графъ!

И мать Серафима сдѣлала легкій, исполненный скромнаго достоинства поклонъ, давая тѣмъ понять Каржолю, что ауді-енція ея кончена.

Каржоль замялся было, чувствуя, что почва какъ бы ускользаетъ изъ-подъ его ногъ и не зная, что предпринять

ему. Выйдти изъ стѣнъ монастыря вмѣстѣ съ Тамарой теперь, когда городъ уже проснулся, окончательно невозможно: это погубило бы все дѣло.

Но раздумье графа продолжалось не болѣе одного мгновенія.

Порывисто метнулся онъ вонъ изъ комнаты, выбѣжалъ въ корридоръ и, схвативъ Тамару за руку, втащилъ ее въ пріемную.

Все это случилось такъ быстро, что Серафима и опомниться не успѣла.

— Мать игуменья не хочетъ принять васъ, говорилъ Тамарѣ Каржоль, весь блѣдный и взволнованный до нервной дрожи, съ выраженіемъ какой-то отчаянности въ лицѣ:— она не хочетъ... Я истощилъ всѣ усилія, всѣ просьбы, доводы, она не соглашается... Простите, но я ничего больше не могу сдѣлать!... Вы знаете сами весь ужасъ вашего положенія, просите ее сами, умоляйте сжалиться надъ вами...

Тамара испуганно взглянула на Каржоля, взглянула на Серафиму, и, блѣдная какъ полотно, съ какимъ-то лютымъ выраженіемъ мольбы, страданія и отчаянія въ глазахъ, молча упала вдругъ съ земнымъ поклономъ предъ монахиней

— Примите... Спасите меня! простонала она, надрываясь отъ прилива рыданій, вдругъ заклокотавшихъ въ ея груди.

Неожиданность такого оборота дѣла и самая внезапность появленія Тамары, самый видъ молодой дѣвушки, исполненный такого страданія и скорби, этотъ молящій стонъ, прорвавшійся изъ глубины сердца, и эти судорожныя рыданія такъ потрясли Серафиму, что она смутилась и, взглянувъ на образъ, впсѣвшій въ углу, словно испрашивая себѣ свыше помощи и рѣшенія, какъ поступить, вдругъ покорно склонила голову и проговорила со вздохомъ.

— Ну, видно ужь такъ угодно Богу... Его святая воля!

И нагнувшись къ Тамарѣ, она подняла ее съ помощію графа.

— Встаньте, дитя мое... Я принимаю васъ... Успокойтесь... Господь надъ вами!...

До глубины души потрясенная слезами и восторгомъ бла-

годарнаго чувства, которое вдругъ смѣнило теперь въ ея душѣ весь гнетъ отчаянія и скорби, Тамара склонилась къ благословившей ее рукѣ монахини.

Серафима ласково положила эту руку на голову дѣвушки и поцѣловала ее въ лобъ.

— Божья воля... Божья воля, взволнованно повторяла она.—Что же дѣлать, оставайтесь... Такъ видно надо... Вамъ тутъ покойно будетъ... И не бойтесь: мы не обидимъ и не выдадимъ васъ. А вы, графъ, обратилась игуменья къ Каржолю:—все-таки поѣзжайте сейчасъ же къ преосвященному... Сейчасъ же, не медля ни минуты, и сдѣлайте то, что я вамъ говорила... Непремѣнно, а иначе я не могу... Я только на время даю пріютъ ей... Понимаете?

Каржоль поклонился въ знакъ безусловнаго подчиненія ея волѣ.

— Наташа! позвала она свою послушницу,—подай мнѣ мантію и посохъ... Заутреня началась уже. Да вотъ что: приготовь-ка сейчасъ же келейку для нихъ вотъ, рядомъ съ моею, и прикажи привратнику ворота и калитку сейчасъ же на запоръ, на заднемъ дворѣ тоже, и никакихъ Евреевъ и Евреекъ ни подъ какимъ видомъ, безъ доклада мнѣ, въ монастырь не пропускать... Скажи, матушка-де настрого приказали. А вы не бойтесь, милая, снова обратилась она къ Тамарѣ:—мы васъ оградимъ... Оставайтесь пока у меня, располагайтесь въ этой комнатѣ, вамъ успокоиться надо: отдохните, пока я вернусь изъ церкви... А если что понадобится, Наташа будетъ здѣсь... Господь съ вами!

И опираясь на длинный посохъ, игуменья, въ широкой мантіи со шлейфомъ и съ ниспадающимъ съ клобука длиннымъ вуалемъ изъ чернаго флера, какъ нѣкій призракъ, величественный и строгій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ожидавшихъ ее въ корридорѣ старшихъ монахинь, пошла по стекольчатой галлереѣ ко храму своею неслышною, какъ бы плывущею походкой.

ГЛАВА VII.

Дѣла идутъ на ладъ.

Каржоль, почтительно откланявшись, направился вслѣдъ за Серафимой и, проводивъ ее до паперти, вернулся снова къ стекольчатой галлереѣ. Онъ еще выходя отъ игуменьи успѣлъ изподтишка выразительно кивнуть ея шустрой послушницѣ, что, надо, молъ, сказать одно слово. Догадливая бѣлица поняла этотъ кивокъ и потому, провожая „матушку", замедлилась зачѣмъ-то на галлереѣ, гдѣ и засталъ ее теперь графъ.

— Вотъ что̀, сестрица, сказалъ онъ сунувъ ей въ руку красненькую кредитку:—если мнѣ неравно понадобится извѣстить о чемъ-нибудь эту Евреечку, могу я разсчитывать на васъ, передать ей черезъ васъ письмо напримѣръ?

— Отчего же-съ! Спаси Господи! Съ большимъ удовольствіемъ даже! согласилась привѣтливая послушница.

— Только какъ же бы намъ устроить это такъ, чтобы другія-то не знали?... А ужь васъ я буду очень, очень благодарить потомъ, поспѣшилъ онъ предупредить ее, въ особенности напирая на „васъ" и „очень".—Ужь вы только постарайтесь, а я не забуду... Я и еще, и еще разъ поблагодарю, повѣрьте!

— Помилуй Господи! Зачѣмъ же-съ! заманерничала та, опуская свои глазки-вишенки:—мы и такъ уже много довольны вашею милостью, спаси васъ Господи! И вы, ежели что̀, присылайте, а то лучше и сами приносите письмецо привратнику, на мое имя: послушницѣ Натальѣ... Я ужо̀, не безпокойтесь, предупрежу его, а тамъ мое дѣло... Все будетъ исполнено въ самой точности, будьте благонадежны-съ. Господь съ вами, сударь!

Такимъ образомъ заручившись на случай надобности содѣйствіемъ шустрой бѣлицы, Каржоль усталый, размаянный всѣми передрягами этой безсонной ночи, вышелъ изъ монастыря на улицу и, оглянувшись, нѣтъ ли гдѣ по близости

извощика, къ счастію своему замѣтилъ одиноко стоявшаго на углу ваньку-христіанина, который нарочно выѣхалъ сегодня пораньше, чтобы въ отсутствіи еврейской конкурренціи побольше заработать въ шабашъ. Графъ тотчасъ же порядилъ его, однако не домой: графу пока еще было не до отдыха и даже не до Ольги Уховой. Слѣдуя правилу „куй желѣзо пока горячо“, онъ преодолѣлъ на время усталость, постарался даже удвоить въ себѣ необходимую энергію и бодрость, и приказалъ извощику гнать поскорѣй къ архіерейскому дому.

„Прежде всего надо кончить *это*, главное, чтобы тамъ у Серафимы уже никакихъ сомнѣній, безъ сучка и задоринки... А съ Ольгой,—чортъ бы ее далъ!—ну, съ Ольгой какъ-нибудь обдѣлаемъ“! Такъ думалъ графъ Каржоль, подпрыгивая на тряскихъ, дребезжащихъ дрожкахъ. Онъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ полководцемъ, который открываетъ первый огонь генеральнаго сраженія.

— Владыка не принимаютъ, заявилъ ему какой-то семинарообразный субъектъ, встрѣтившій его въ обширныхъ сѣняхъ архіерейскаго дома.

Графъ началъ было объяснять, что ему надо видѣть владыку по самой неотложной, настоятельнѣйшей надобности.

— Все равно не принимаютъ. Они воды пьютъ и по саду теперь прогуливаются. А вы, ежели что по дѣлу какому, къ секретарю пожалуйте.

Каржоль даже обрадовался этому „секретарю“, ибо вспомнилъ какъ нельзя болѣе кстати, что, по городскимъ слухамъ и сплетнямъ, всѣми дѣлами, да чуть ли и не самимъ владыкой ворочаетъ его секретарь, господинъ Горизонтовъ. Поэтому Каржоль, поблагодаривъ за указаніе, прямо къ нему и направился, благо ходить пришлось недалеко, такъ какъ секретарь проживалъ тутъ же, по корридору, первая дверь направо.

Отворила ему какая-то среднихъ лѣтъ баба, въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ въ мушку, по внѣшнему виду — ку-

харка изъ пріѣзжихъ великороссокъ, изъ себя весьма румяная и дебёлая, кровь съ молокомъ, съ рожи ничто-себѣ, за то тѣлеса—что-называется „боберъ“!

— Вамъ кого-ста? Митрофана Миколанча? спросила она съ лѣниво медлительнымъ распѣвцемъ (графъ, на всякій случай, постарался съ ея словъ схватить и запомнить это имя и отчество).—Сождите малость, не одѣмшись ишшо.

И впустивъ Каржоля въ пріемную, она же и кабинетъ, толстуха на цыпочкахъ, съ медвѣжеватымъ перевальцемъ, прошла въ смежную комнату, очевидно спальную, и осторожно, но неуклюже притворила за собою дверь.

Въ надеждѣ разгадать по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, съ какого рода человѣкомъ придется имѣть дѣло, графъ принялся пока оглядывать окружавшую его обстановку, которая — собственно, невѣсть почему, но почти безусловно вѣрно сразу изобличала въ хозяинѣ человѣка холостаго. Это чувствовалось какъ-то. На всемъ былъ замѣтенъ безпорядокъ, но далеко не живописный: на полу разный соръ и окурки, повсюду пыль и папиросная зола, на подоконникѣ и въ углу пустыя пивныя бутылки, на стульяхъ бумаги, газеты и кое-какія принадлежности туалета; вообще сказывалась расхлестанность какая-то. Видно было, что въ комнатѣ давно не мыли, не мели, не прибирали и что никто особенно не заботился о порядкѣ. Надъ зеленымъ клеенчатымъ диваномъ висѣли подъ стекломъ, въ узенькихъ черныхъ рамкахъ, чьи-то два литографированные портрета. Каржоль нагнулся къ нимъ и прочемъ подъ однимъ подпись *Добролюбовъ*, подъ другимъ *Писаревъ*. На этажеркѣ и на забрызганномъ чернилами письменномъ столѣ, между кипами дѣловыхъ бумагъ, валялись растрепанныя книжки журнала *Дѣло*.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ къ Каржолю какъ-то сутловато-понуро, плечами впередъ, вышелъ изъ спальни господинъ Горизонтовъ, въ пиджачкѣ и сѣренькихъ брючкахъ, но въ грязной рубашкѣ и безъ галстука. На видъ это былъ среднихъ лѣтъ золотушно-невзрачный мужчинка плюгаво-семинарскаго пошиба, съ характерно-выдвинутою впередъ нижнею челюстью, что придавало его лицу какое-то

заостренное щучье выраженіе. Геморроидально-сѣроватый цвѣтъ его лица какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ тонкими, безцвѣтными, растянутыми губами, которымъ Горизонтовъ, очевидно, силился придать саркастическую улыбку, что впрочемъ успѣло у него отъ долгой практики обратиться даже въ привычку. Бѣлобрысые, жидковатые волосенки его вились на кончикахъ въ мелкія кудерки, усики существовали тоже, но не болѣе какъ въ видѣ намека, а вмѣсто бороды изъ-подъ ворота сорочки выползала наружу какая-то короткая рыжеватая шерстина, которую господинъ Горизонтовъ видимо желалъ себѣ устроить *по-добролюбовски*. Очки въ золотой оправѣ отчасти прикрывали жесткое выраженіе его водянисто-безцвѣтныхъ и вѣчно прищуренныхъ глазокъ. Каржоль сразу же подмѣтилъ въ его лицѣ особаго рода тикъ: при разговорѣ Горизонтовъ безпрестанно поправлялъ свои очки, вилообразно хватаясь за ихъ окрайки большимъ и среднимъ пальцами правой руки, при чемъ, глядя изподлобья мимо очковъ, какъ-то мазалъ, именно мазалъ косящимися глазами въ стороны и выдѣлывалъ ртомъ особую, не поддающуюся описанію гримасу.

Каржоль отрекомендовался ему съ полнымъ своимъ титуломъ, но семинаръ, къ удивленію его, слегка лишь кивнувъ головой, буркнулъ сквозь зубы одно только „знаю-съ, въ одномъ городѣ живемъ“, и затѣмъ ни самъ не сѣлъ, ни гостю своему не предложилъ стулъ, такъ что все послѣдующее объясненіе происходило между ними стоя.

— Въ чемъ дѣло-съ? сухо и съ какою-то напускною угрюмостью спросилъ Горизонтовъ, какъ будто счелъ за должное принять такой замкнутый видъ потому, что передъ нимъ было произнесено аристократическое, да еще и титулованное имя.

Графъ, отчасти озадаченный такимъ пріемомъ, напрямикъ объяснилъ ему, что сейчасъ только доставилъ къ Серафимѣ внучку извѣстнаго Бендавида, желающую креститься, и что Серафима совсѣмъ согласна на это, но только стѣсняется дѣйствовать безъ архипастырскаго формальнаго разрѣшенія или благословенія на принятіе къ себѣ прозелитки, что ей нужно-де

форменное предписаніе; поэтому будьте столь любезны, помогите устроить это.

— Какое же тутъ предписаніе? недоумѣло пожавъ плечами, еще суше возразилъ Горизонтовъ.—Это добрая воля самой игуменьи Серафимы принять или не принять къ себѣ кого ей угодно. На это никакихъ предписаній не требуется, да и примѣра такого у насъ никогда не было.

— Этого я уже не знаю, съ удвоенною любезностью замѣтилъ Каржоль, думая тѣмъ смягчить угрюмую сухость хозяина.—Я передаю вамъ, продолжалъ онъ:—только то, что мнѣ поручила мать игуменья, и если она нашла нужнымъ дать подобное порученіе, то, согласитесь, вѣроятно у нея есть на то и достаточныя основанія.

— Никакихъ такихъ основаній я не знаю, еще круче и рѣзче пожалъ плечами Горизонтовъ, какъ-то нагло-недовѣрчиво глядя на Каржоля: — и... извините меня, милостивый государь, но... если это дѣйствительно такъ, то... я думаю, что матушка въ этомъ дѣлѣ затѣяла сущій вздоръ-съ.

Графъ только вскинулся на него вопрошающимъ взглядомъ, ожидая дальнѣйшихъ разъясненій.

— Именно, вздоръ-съ, подтвердилъ секретарь, поправивъ себѣ очки своею рогулькой. — Окрестить прозелита, объяснилъ онъ:—имѣетъ полное право любой священникъ, а ужь тѣмъ паче такое духовное учрежденіе, какъ монастырь. Сами вы посудите, какія тутъ разрѣшенія!.. Тутъ одна только добрая воля крещаемаго и больше ничего-съ.

— Да, это конечно, въ разсужденіи ординарныхъ прозелитовъ оно такъ, скороговоркой замѣтилъ Каржоль: — но тутъ, видите ли, дѣло вовсе не ординарное: тутъ вѣдь хочетъ креститься внучка извѣстнаго богача и, въ своемъ родѣ, очень вліятельнаго человѣка. Это тоже надо взять въ соображеніе.

— Ну, такъ что же?.. Коли хочетъ, пусть ее и крестится, мы не препятствуемъ... И при чемъ же тутъ, я не понимаю, соображенія о богатствѣ и вліятельности Бендавида? Какое намъ до этого дѣло?

— То-есть... Я полагаю, пояснилъ Каржоль:—мнѣ такъ

кажется, что въ этомъ разѣ игуменья хочетъ только гарантировать себя на случай, еслибы возникли какія-нибудь недоразумѣнія со стороны властей, что̀ при нашихъ милыхъ порядкахъ (вставляя въ рѣчь и подчеркивая эти „милые порядки“, графъ вспомнилъ оба надписанные портрета и подумалъ, что это словцо должно угодить хозяину), сами вы знаете, не невозможно, коль скоро Бендавидъ захочетъ пустить въ ходъ свои средства, хотя бы, положимъ, въ Петербургѣ... Тутъ вѣдь могутъ возникнуть разные запросы, исторіи... вообще непріятности и мало ли что̀!

— Н-да-съ!.. Такъ вотъ оно что̀! саркастически-нагло усмѣхнулся господинъ Горизонтовъ, подтопывая ножкой.— Другими словами, это значитъ, продолжалъ онъ съ ироніей:— что матушкѣ-игуменьѣ желательно бы свернуть это дѣло съ больной головы на здоровую?.. Тэ-экъ-съ!.. Понимаемъ!.. Только зачѣмъ же-съ? ехидно вздохнулъ онъ съ лукавымъ смиренствомъ:—коль ужь сама заварила кашу, пущай сама и расхлебываетъ... Намъ-то изъ-за чего же соваться, сами подумайте?

— Но... я полагаю, что это дѣло общее, сказалъ Каржоль:—интересы православія въ этомъ краѣ безразлично и равно должны быть дороги всѣмъ правительственнымъ органамъ. Поэтому, мнѣ кажется, ваша даже обязанность оказать Серафимѣ всяческое содѣйствіе.

— Это всеконечно-съ, согласился Горизонтовъ.—И развѣ мы отказываемся?.. Помилуйте-съ!.. Ежели потребуется окрестить эту госпожу Бендавидъ, то владыка можетъ совершить обрядъ даже самолично, со всею торжественностью, въ сослуженіи цѣлаго собора, мы очень рады-съ!

Каржоль почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ въ положеніи живаго пискаря, котораго поджариваютъ на сковородкѣ то съ одного, то съ другаго бока: и такъ не хорошо, и эдакъ скверно, и всячески не везетъ! Онъ ясно уразумѣлъ, что съ господиномъ Горизонтовымъ на такой почвѣ ничего не подѣлаешь, что тутъ надо играть совсѣмъ на другихъ стрункахъ, пускать въ ходъ совсѣмъ иные рессурсы: на честолюбіе, что-ли, подѣйствовать, или взятку, напримѣръ,

хорошую предложить. Но, съ другой стороны—какъ предложишь, коль у него на стѣнѣ вонъ Писаревъ съ Добролюбовымъ висятъ? Дѣло щекотливое!.. Надо это какъ-нибудь съ подходцемъ, половчѣе, поосторожнѣе...

— Видите ли, приступилъ къ нему графъ, нѣсколько подумавъ: — должно вамъ сказать, что эта дѣвушка желаетъ принять христіанство по глубокому внутреннему убѣжденію... Она просто *жаждетъ* этого... И вы понимаете, что одно ужь ея положеніе въ еврейской средѣ произведетъ въ этомъ случаѣ громадное впечатлѣніе и вліяніе...

— То-есть, какое же вліяніе? недовѣрчиво и съ ужимкой хихикнулъ Горизонтовъ.

— А то, что ея примѣру могутъ послѣдовать многіе... Примѣръ внушительный.

— Ну, такъ что же-съ? продолжалъ тотъ, все также недовѣрчиво глядя мимо очковъ на графа.

— Какъ что?! Развитіе прозелитизма, убѣждающимъ тономъ подхватилъ Каржоль.—Помилуйте, да на такую миссіонерскую дѣятельность здѣшней епархіи, мнѣ кажется, и высшее ваше начальство поневолѣ обратитъ благосклонное вниманіе... Такая благотворная дѣятельность во всякомъ случаѣ не останется безъ поощренія и награды, тѣмъ болѣе, что и мы, съ своей стороны, приложимъ всѣ старанія, чтобъ это дѣло стало извѣстно даже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

— Намъ это безразлично-съ, заложивъ руки въ кармашки брючекъ и покачиваясь съ ноги на ногу равнодушно усмѣхнулся Горизонтовъ.—Мы знаемъ только свое, чтобы значитъ ровненько и аккуратно исполнить свое формальное дѣло, что положено-съ, а тамъ что до угожденія начальству, Богъ съ нимъ! махнулъ онъ рукой:—это тоже вѣдь какъ взглянуть, дѣло сомнительное... Палка, сами изволите знать, о двухъ концахъ бываетъ...

Видитъ Каржоль, что и на струнку честолюбія не поддѣнешь господина Горизонтова. Остается одно: предложить ему взятку.

— Кромѣ того, продолжалъ онъ: — вы безъ сомнѣнія знаете, что эта Бендавидъ очень богата.

— Какъ не знать-съ! мотнулъ головой Горизонтовъ:—въ одномъ, кажись, городѣ живемъ; только при чемъ же это въ данномъ случаѣ?... Намъ вѣдь оно рѣшительно все равно: мы тутъ люди посторонніе.

— Какъ вамъ сказать, возразилъ на это Каржоль, нѣсколько поеживаясь:—оно конечно, посторонніе, но... съ другой стороны и не совсѣмъ-таки посторонніе... Если, напримѣръ, принять въ соображеніе, что эта дѣвушка, при своемъ пламенномъ рвеніи къ религіи, охотно пожертвуетъ значительныя суммы на различныя богоугодныя цѣли, на монастырь, напримѣръ, и прочее... на сколько я знаю, съ нѣкоторымъ удареніемъ добавилъ графъ:—она не постоитъ за этимъ.

— Тэ-экъ-съ! замѣтилъ семинаръ опять все съ тою же своею подло-ироническою ухмылочкой, которая въ иныхъ обстоятельствахъ могла бы просто вывести изъ себя и взбѣсить Каржоля.—Понимаемъ-съ!... Оно точно, что хоть и журавль въ небѣ, н-но... для матери Серафимы дѣло не безъ заманчивости и стоитъ иной синицы... Только ради чего же намъ-то собственно помогать ей? спросилъ онъ, отступивъ на шагъ и по-наполеоновски скрещивая на груди руки.—У нея, слава Богу, и своихъ связей довольно... да напиши она хоть прямо въ Питеръ, хоть къ этимъ, къ высокимъ-то своимъ покровителькамъ, такъ и Господи помилуй!—ей и помимо насъ пришлютъ сколько угодно, и разрѣшеній, и благословеній прямо изъ Синода... Мы тутъ опять же совсѣмъ въ сторонѣ, намъ-то что?

— Написать въ Петербургъ, конечно, можно бы, замѣтилъ графъ:—но это все очень долгая процедура, а тутъ между тѣмъ надо сдѣлать дѣло какъ можно скорѣе, не теряя времени... Вотъ почему я собственно къ вамъ и обращаюсь... Помогите, батюшка! Выручите! бухнулъ ему прямо Каржоль, съ поклономъ разставляя руки:—ужь я вамъ за это просто и не знаю, какъ буду благодаренъ... Повѣрьте, что труды ваши не останутся безъ солиднаго вознагражденія.

Господинъ Горизонтовъ даже подпрыгнулъ какъ-то на

мѣстѣ, словно бы его неожиданно шиломъ сзади кольнули, и вдругъ изобразилъ на лицѣ своемъ чувство благороднаго негодованія.

— Еслибы, милостивый государь, здѣсь были свидѣтели, размѣренно сказалъ онъ оскорбленнымъ и внушительнымъ тономъ:—то я, конечно, пригласилъ бы ихъ къ составленію протокола; но мы одни, а потому что же мнѣ остается?... На дверь указать вамъ, что ли?

И онъ сдѣлалъ подобающій жестъ по направленію къ двери.

Каржоль совсѣмъ опѣшилъ. Все его дѣло, всѣ махинаціи готовы были рухнуть сію же минуту. Поэтому онъ поспѣшилъ принять до испуга ужаснувшійся видъ человѣка, который вдругъ и яко бы невзначай совершилъ непростительный промахъ.

— Извините меня, Бога ради! заговорилъ онъ съ самымъ предупредительнымъ видомъ:—но вы, ей-Богу, не такъ меня поняли... Я вовсе не имѣлъ въ виду... Повѣрьте, господинъ Горизонтовъ, я отнюдь не желалъ оскорбить васъ... И въ мыслях ъ даже не имѣлъ!... Бога ради!...

И говоря это, графъ протягивалъ впередъ обѣ свои длани, ловя для пожатія руку Горизонтова, пока наконецъ удалось поймать ее.

— Конечно, я охотно извиняю, и прошу извинить также и мнѣ, сказалъ тотъ, успокоившись и не отказавъ Каржолю въ пожатіи.—Что дѣлать! Самолюбіе-съ!... Оно, знаете, въ моемъ положеніи даже странно и оскорбляться-то... Эти наши гнусныя консисторіи да попы такъ уже пріучили ко взяткамъ и всякой мерзости, что общество не привыкло еще видѣть порядочнаго человѣка на подобныхъ мѣстахъ... Разумѣется, назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

Графъ, обрадованный этою смягченностію, опять разсыпался въ подходящихъ увѣреніяхъ.

— Я не сержусь, продолжалъ Горизонтовъ:—и со своей стороны могу только обѣщать вамъ позабыть что вы мнѣ сказали.

„Слава Тебѣ, Господи!“ отлегло на сердцѣ у Каржоля.

„Однако же гусь, должно-быть!“ подумалось ему:—„гусь несомнѣнный!.. Потому, еслибы взаправду оскорбился, то не сталъ бы разводить дальнѣйшіе разводы. Тутъ, какъ видно, пустяками не отдѣлаешься. Нѣ-ѣтъ!.. Раскрывай мошну пошире!“

— Отъ всей души благодарю васъ! съ особеннымъ чувствомъ еще разъ потрясъ Каржоль его руку:—отъ всей души!.. И вы не повѣрите, какъ я радъ, что судьба посылаетъ мнѣ возможность вести это дѣло именно съ такимъ человѣкомъ, какъ вы... Позвольте, мнѣ присѣсть и закурить папироску?

— Сдѣлайте одолженіе, буркнулъ на это Горизонтовъ, указавъ на стулъ и подвинувъ спичечницу.

Графъ досталъ серебряный портсигаръ и любезно предложилъ папироску хозяину.

— Не прикажете ли?

Семинаръ запустилъ въ папиросникъ свои гнуткіе, тонкіе, узловатые пальцы съ обкусанными чуть не до крови ногтями и досталъ себѣ курева. Графъ предупредительно поднесъ ему первому и зажженную спичку. Закурили. Горизонтовъ, видя, что гость уже сидитъ, и самъ опустился въ свое рабочее кресло.

— Итакъ, многоуважаемый.... Митрофанъ.... Николаевичъ, кажется? съ заигрывающею любезностью заговорилъ Каржоль.

— Николаевичъ, кивнулъ головой Горизонтовъ.

— Мм... да-съ. Такъ вотъ, будьте столь добры, многоуважаемый Митрофанъ Николаевичъ, не откажите помочь намъ!.. Я обращаюсь къ вамъ именно какъ порядочный человѣкъ къ порядочному человѣку... Помогите!

— Хорошо-съ, уже значительно мягче отозвался Горизонтовъ. — Только я, право, не понимаю, въ чемъ можетъ заключаться моя помощь?

— Да вотъ, все насчетъ предписанія...

— То-есть какое же тутъ предписаніе?.. На это и формы канцелярской у насъ не имѣется.

— Но вѣдь форма ужь не такая помѣха... Для такого

опытнаго дѣльца, какъ вы, ничего не стоитъ и создать надлежащую форму, если потребуется.

— Оно конечно... Но какъ ее создашь-то! поежился Горизонтовъ, впрочемъ съ такимъ видомъ, который ясно намекалъ, что создать для него—плевое дѣло, было бъ изъза чего трудиться.

— Ну, ужь не мнѣ же учить васъ... Я въ этихъ дѣлахъ пассъ! преклонился предъ нимъ Каржоль головой и плечами:—я пассъ и отдаюсь вполнѣ вашему авторитету. Предписаніе ли, разрѣшеніе, благословеніе, или какъ тамъ оно называется... Надо только написать безъ недомолвокъ и неясностей, чтобы никакихъ потомъ недоразумѣній и закорючекъ ни съ чьей стороны, ни съ вашей, ни съ монастырской.

— Хм?.. Оно конечно, раздумался нѣсколько Горизонтовъ, выпячивая впередъ свои каучуковыя губы:—только мудрено вѣдь это... Очень мудрено... Да скажите пожалуйста, спросилъ онъ вдругъ:—я все время думаю, причемъ вы-то тутъ? Изъ-за чего вы-то собственно хлопочете?

— Я?.. То-есть, какъ вамъ сказать!.. Конечно, изъ участія къ этой дѣвушкѣ... Я принимаю въ ней большое участіе, пояснилъ графъ, давно ожидавшій столь прямаго вопроса и очень о немъ безпокоившійся, именно о томъ, что отвѣчать ему.

— Я вижу, что участіе, ухмыльнулся себѣ на умѣ секретарь:—да ради чего жъ однако?

— Собственно какъ ея хорошій знакомый... Кромѣ меня, ей не къ кому было обратиться...

— Тэ-экъ-съ... Ну, а родные ея развѣ останутся безучастны?.. Вѣдь это дѣло, поди-ка чай, безъ ихъ согласія варганится?

— Разумѣется, подтвердилъ Каржоль.

— Тэ-экъ-съ. Но почему же дѣвица-то эта такъ уже вдругъ восчувствовала сладость православія? Что ей такъ приспичило?

— Такъ... убѣжденіе, замялся графъ, затрудняясь подходящимъ отвѣтомъ.

— Полноте, какія тутъ убѣжденія! усмѣхнулся секретарь

совсѣмъ какъ на пустыя слова.—Да и что же, въ самомъ дѣлѣ, въ православіи такого ужь ахти-какъ заманчиваго, особенно для Еврейки?.. Вы бы ее отговорили... Пускай лучше чѣмъ-нибудь дѣльнымъ займется, полезнѣе будетъ.

— Да чѣмъ же? пожалъ Каржоль плечами.

— Мало ли есть!.. Пусть на медицинскіе курсы поступаетъ, или въ Цюрихъ ѣдетъ. Вотъ на этотъ счетъ господинъ Шелгуновъ въ журналѣ *Дѣло* отлично говоритъ... Не читали?

Каржоль на этотъ вопросъ сдѣлалъ только безмолвный жестъ, который въ одно и то же время выражалъ и извиненіе, и сожалѣніе, что не читалъ статьи господина Шелгунова. Онъ чувствовалъ, что всѣми этими Цюрихами да Шелгуновыми господинъ Горизонтовъ, кажись, намѣревается всю душу изъ него выматывать, чтобы затягивать свой рѣшительный отвѣтъ и стачку по дѣлу.

— Не читали? Жаль-съ. Нынче мало кто такъ дѣльно пишетъ. Такъ вотъ-съ вы бы этой дѣвицѣ и посовѣтовали глупость-то бросить, а заняться практически настоящимъ, реальнымъ дѣломъ. Право-съ!

— Ей теперь не до совѣтовъ, замѣтилъ графъ:—она въ такомъ положеніи, что кромѣ крещенія выходовъ нѣтъ.

— Что же такъ? Али замужъ за христіанина захотѣлось?

— Мм... да, она, кажется, предполагаетъ выйдти замужъ.

— Тэкъ-съ... Понимаемъ. Но въ разсужденіи родныхъ-то?... Вѣдь тутъ пойдутъ ой-ой какія серьезныя исторіи!... Вамъ бы лучше отстраниться загодя, коли вы человѣкъ посторонній. Чего вамъ путаться!... Непріятностей только наживете себѣ, ей-Богу, большихъ непріятностей!

— Видите ли, Митрофанъ Николаичъ, послѣ нѣкотораго колебанія и видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, съ задушевнымъ вздохомъ приступилъ къ нему Каржоль.—Вы мнѣ позволите говорить съ вами совсѣмъ откровенно?

— Коли хотите, говорите...

— Ну, такъ вотъ что. Я въ этомъ дѣлѣ человѣкъ не посторонній... Госпожа Бендавидъ моя невѣста... Я женюсь на ней.

Секретарь, конечно, не удивился, только искоса какъ-то прищурился на графа какимъ-то испытующимъ, оцѣночнымъ взглядомъ.

— Безъ согласія ея родныхъ, разумѣется? спросилъ онъ наконецъ, ухмыльнувшись.

— Разумѣется, подтвердилъ тотъ.—Теперь вы понимаете?

— Понимаемъ-съ... Какъ не понять!... Цыплятинка хорошая! лукаво хихикнулъ онъ себѣ подъ носъ.

Эта „цыплятинка“, и въ особенности халуйски-наглый тонъ, какимъ она была сказана, внутренно покоробили графа, тѣмъ болѣе, что онъ ужь и раньше чувствовалъ, какъ господинъ Горизонтовъ, Богъ-вѣсть почему, все сильнѣе и сильнѣе забираетъ надъ нимъ какую-то оскорбительную доминирующую ноту, вслѣдствіе которой онъ, графъ Каржоль де-Нотрекъ, свѣтскій джентльменъ, въ нѣкоторомъ родѣ особа, долженъ предъ этимъ семинарскимъ прохвостомъ улыбаться и заискивать. Однако же графъ не выдалъ своихъ внутреннихъ ощущеній, напротивъ, счелъ за лучшее тоже хихикнуть совершенно подъ ладъ господину Горизонтову.

— Такъ вотъ, Митрофанъ Николаичъ, вздохнулъ Каржоль, ласково улещая и какъ бы глядя его масляными глазами:—теперь вы знаете все... Помогите, Бога ради!

Секретарь почесалъ всею пятерней свою подбородную шерстину.

— Подумать надо... Дѣло-то вѣдь такое, съ ужимкой процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Что же дѣло? Дѣло самое обыкновенное.

— Хм!... Обыкновенное... Вы полагаете?... Такія, батюшка, дѣла не часто встрѣчаются... Вамъ-то что! Вы свое клюнули да и упорхнули отсюда, а намъ-то вѣдь здѣсь оставаться... Тутъ жидовьё гвалтъ подыметъ, а я изъ-за васъ потомъ своими боками отдувайся... Эдакъ-то вѣдь нельзя-съ!

— Повѣрьте, Митрофанъ Николаичъ, заговорилъ Каржоль съ благороднымъ видомъ и не менѣе благородною инто-

націей:—повѣрьте, это уже *мой* нравственный долгъ не допустить ни до чего подобнаго.

— Хм!... Не допустить... Да какъ же это вы не допустите?

— О, Боже мой, для человѣка состоятельнаго и притомъ со связями на это есть множество способовъ!... На этотъ счетъ ужь можете быть совершенно покойны.

— Не въ безпокойствѣ дѣло. А только... Срокъ-то ужь вы больно короткій хотите.

— Бога ради! съ умоляющимъ видомъ сложилъ свои руки Каржоль:—Бога ради!... Вы понимаете, тутъ все именно въ срокѣ... Медлить невозможно.

— Н-да-съ... А между тѣмъ надо бы предварительно справочки забрать кое-какія; это ужь порядокъ, продолжалъ уклончиво мяться господинъ Горизонтовъ. — Такъ скоро нельзя-съ... Пока въ докладъ, пока резолюція, пока что, на все это время-съ... Безъ времени никакъ невозможно.. Я бы и готовъ, но... подумать надо. Дѣло-то вѣдь это, повторяю вамъ, острое-съ, объ него и порѣзаться можно, сами понимаете.

— Не телеграфировать ли къ начальнику края или къ митрополиту, какъ вы полагаете? подумавъ, попробовалъ еще якобы посовѣтоваться Каржоль:—они меня знаютъ, и тотъ и другой... Губернаторъ тоже, пожалуй, напишетъ...

— Это ужь ваше дѣло; я тутъ ничего не могу сказать вамъ, безразлично пожалъ плечами Горизонтовъ.

Видя, что и послѣдній маневръ не выгораетъ и что прижимистый семинаръ, очевидно, намѣренъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше выматывать изъ него душу, графъ взмолился къ нему снова.

— Помогите же, батюшка, ради самого Господа! воскликнулъ онъ, схватывая и съ чувствомъ пожимая обѣими руками его холодно-потную руку.—Вы мнѣ просто благодѣяніе сдѣлаете... То-есть такое благодѣяніе, что и словъ нѣтъ!.. Выручите!.. Я по весь вѣкъ мой вашъ неоплатный должникъ... Нравственный должникъ... Моя совѣсть, повѣрьте...

— Да въ чемъ помогать-то? перебилъ его Горизонтовъ.—

Вы мнѣ скажите, наконецъ, толкомъ, въ чемъ помогать вамъ?

— Боже мой, да все въ томъ же... Ну, посовѣтуйте, научите... насчетъ разрѣшенія-то...

— Да хорошо-съ!.. Насчетъ разрѣшенія... Такъ вѣдь тутъ нуженъ документъ, а мы съ вами вотъ уже цѣлый часъ только пустыми словами языкъ околачиваемъ. Документъ пожалуйте.

— То-есть, какъ документъ?.. Какого рода? недоумѣвая, заморгалъ глазами Каржоль. При словѣ документъ, въ его мозгу сейчасъ же возникло представленіе о векселѣ или росписки въ видѣ заручки, либо задатка Горизонтову.—Я готовъ... Съ удовольствіемъ даже! пробормоталъ онъ, и рука его уже сдѣлала было понятное движеніе за пазуху, къ боковому карману.—Съ величайшимъ удовольствіемъ, но... извините, какого именно рода документъ вы желали бы?

— Какъ какого рода? выпучилъ на него глаза секретарь, словно бы на дурня какого.—Заявленіе, конечно! Формальное заявленіе-съ!

Все еще не вполнѣ уразумѣвъ, Каржоль вопросительно продолжалъ глядѣть на Горизонтова съ какимъ-то глупо подчиненнымъ и даже извиняющимся видомъ, словно бы прося у него и снисхожденія къ своему непониманію, и разжеванія себѣ сути его требованій. Странное дѣло! Съ каждою дальнѣйшею минутой, онъ, къ стыду своему, все болѣе и болѣе начиналъ чувствовать въ душѣ, какъ, чортъ его знаетъ почему, невольно какъ-то пассуетъ нравственно предъ своехарактерною наглостью этого грубаго и нечистоплотнаго хама, презирая его въ то же время до полной ненависти, но не столько за его хамскій видъ, сколько за это самое свое предъ нимъ пассованье. Досадуя и оскорбляясь на самого себя, графъ тѣмъ не менѣе сдавался, какъ будто покорно признавалъ въ лицѣ Горизонтова какую-то силу, не вполнѣ ему понятную, но несомнѣнно болѣе дѣйствительную и стойкую, чѣмъ его собственная нравственная сила. Поэтому онъ, чуть не до жгучей боли, самъ предъ собой сознавалъ вполнѣ ясно, какъ его чувство собственнаго достоинства и вся его

обычная самоувѣренность, все самолюбіе, вся эта французски-гордая „noblesse“ его внѣшности и даже самая манера держать себя, какъ все это вдругъ слабѣетъ, испаряется, улетучивается куда-то, тогда какъ этотъ „хамъ плюгавый“ стоитъ аки гранитъ и господствуетъ надъ нимъ во всей своей великой хамской несокрушимости. И онъ, графъ Каржоль де-Нотрекъ, долженъ предъ нимъ лебезить и заискивать... О, никогда еще не переживалъ онъ подобнаго униженія! Но... всѣ эти чувства пришлось запрятать въ самый отдаленный и темный карманъ своего сердца и вмѣсто нихъ все время покорно вызывать на лицо любезную, искательную улыбку.

— Неужто не понятно?! дивясь, воскликнулъ между тѣмъ господинъ Горизонтовъ и съ улыбочкой принялся объяснять ему по пальцамъ.—Вѣдь для того, чтобы намъ имѣть законный поводъ пустить этакое предписаніе матери-игуменьѣ, говорилъ онъ:—должны же мы на чемъ-нибудь основаться! Не святымъ же духомъ узнали мы!.. Это разъ. Понимаете?

Каржоль утвердительно кивнулъ головой.

— Прекрасно-съ. Поэтому вамъ нужно, продолжалъ секретарь: — подать намъ на имя преосвященнаго маленькое заявленьице отъ своего лица, что такого-то, молъ, числа доставивъ въ Свято-Троицкую Украинскую женскую обитель новокрещаемую еврейскаго закона такую-то, честь имѣю покорнѣйше просить архипастырскаго благословенія вашего преосвященства на принятіе означенною обителью оной новокрещаемой дѣвицы, и прочее... Тогда мы сейчасъ же заготовимъ бумажку и пустимъ въ докладъ.

— Такъ это такъ просто! не воздержался отъ невольнаго восклицанія обрадованный графъ, чувствуя, что съ его плечъ словно бы гиря многопудовая свалилась и подъ ногами снова почва кое-какая начинаетъ ощущаться.

А торжествующій про себя семинаръ только поглядывалъ на него полунасмѣшливымъ, полупрезрительнымъ, но во всякомъ случаѣ довольно снисходительнымъ взглядомъ: дескать, дуракъ ты, братецъ, аристократишка несмысленный, а туда же съ форсомъ!

— Господи! восклицалъ между тѣмъ Каржоль: — какъ мнѣ благодарить васъ!?... Нѣтъ словъ, ей-Богу!... Ужь будьте такъ добры, позвольте клочечекъ бумажки,—я здѣсь же присяду и, не теряя времени, настрочу все что требуется... Вы ужь продиктуйте мнѣ, Митрофанъ Николаевичъ, будьте такой добрый!

— Пож...жалуй, какъ бы нехотя, но ужь такъ и быть, изъ милости только, согласился секретарь, указавъ графу на исчерканный чернилами столъ и подвинувъ ближе къ нему своими загребистыми, узловатыми пальцами тетрадку чистой бумаги да баночку чернилъ съ воткнутымъ въ ея горлышко стальнымъ перомъ на изгрызанной деревянной ручкѣ. На каждое изъ этихъ его движеній Каржоль безмолвно отвѣчалъ короткими, но признательными поклонцами, словно бы ужь и не зналъ какъ благодарить за подобную милость и снисхожденіе.

Заложивъ руки въ кармашки брючекъ и выставивъ нѣсколько ножку, обутую въ неуклюжую, стоптанную гарусную туфлю, Горизонтовъ единымъ взмахомъ закинулъ голову назадъ, якобы многодумно и потому усиленно прищурилъ глазки и наконецъ, подумавъ нѣсколько, принялся за диктовку такимъ вдолбяжно методическимъ тономъ, упоминая гдѣ запятая, гдѣ тире, гдѣ точка, какъ будто бы ему пришлось диктовать какому-нибудь ученику изъ самыхъ отъявленныхъ олуховъ.

Каржоль все это чувствовалъ, но покорялся и послушно писалъ все что лишь соблаговолилъ продиктовать ему многоопытный учитель.

— Готово, что-ли, у васъ?

— Готово... Вотъ только росчеркъ...

— Ну, слава тебѣ, тетереву! Чего тамъ еще росчеркъ! Давайте сюда.

И явно не довѣряя грамотности графа, онъ самолично, съ перомъ въ рукѣ, принялся провѣрять написанное, при чемъ со сдержанно досадливымъ цмоктомъ и кряхтомъ проставилъ двѣ недостающія запятыя, да одно ошибочно написанное *с* вмѣсто *ъ* (отчего Каржоль внутренно даже сконфузился)

и наконецъ, читая про-себя съ легкимъ бормотаньемъ, *всепочтительнѣйше прошу васъ, пресвященнѣйшій владыка*—э-эхъ! сказалъ секретарь и началъ-было передѣлывать *а* въ *о*.

Карлоль при этомъ нашелъ даже нужнымъ немножко постоять за себя.

— Тутъ, замѣтилъ онъ:—написано, кажись, такъ, какъ вы сказали, *владыка*.

— Вижу, что *владыка*, отозвался, не глядя на него, Горизонтовъ и окончательно переправилъ *а* въ *о*.

— Ну, да, *владыка*... Въ чемъ же неправильность? недоумѣвалъ графъ, которому стало уже казаться, что этотъ прохвостъ просто блажитъ и самодурствуетъ надъ нимъ.—*Владыка!*...

— То-то, что *ка*! подфыркнулъ Горизонтовъ:—потому и поправляю!

— То-есть, какъ же это?... *Владыка!*

— Да не *владыка*, а *владыко*,—понимаете ли, *ко! Ко*, а не *ка*, потому звательный падежъ.

— Ахъ, звательный! опять сконфузился Карлоль:—я и забылъ совсѣмъ, извините, пожалуйста...

— Н-да „звательный“... Оно вотъ и видно, что русской-то грамотѣ плохо учились, а все больше насчетъ бонжура происходили.

Карлоль, нечего дѣлать, проглотилъ и эту послѣднюю уже не пилюлю, а начисто дерзкую грубость: очень ужь онъ былъ доволенъ, когда секретарь, окончивъ вслѣдъ за симъ провѣрку бумаги, нашелъ наконецъ, что теперь ничего, все какъ слѣдъ, въ надлежащемъ видѣ и порядкѣ, только вотъ надо бы марки законныя приложить, безъ чего дѣло не можетъ получить надлежащаго хода.

— Сколько слѣдуетъ? предупредительно освѣдомился графъ.

— Шестигривенныя-съ. Одну на прошеніе, другую на отвѣтъ. Рубль двадцать, а ежели въ табачной взять: рубль тридцать копѣекъ.

Графъ досталъ свой бумажникъ. Тамъ лежала одна рублевая и одна сторублевая, послѣдняя его бумажка.

„Сейчасъ пробу пера сдѣлаю“, лукаво подумалось графу.

— У меня мелочи нѣтъ, деликатно и яко бы въ явномъ затрудненіи проговорилъ онъ, съ какимъ-то извиняющимся видомъ вытаскивая эту сторублевку.

— Хм!... Какъ же быть-то?... Размѣнять бы, да теперь еще рано, и къ тому же шабашъ, замѣтилъ Горизонтовъ.

— Все равно-съ! поспѣшилъ Каржоль сунуть ему на столъ радужную бумажку:—это рѣшительно все равно!. Тамъ же, вѣроятно, придутся и еще какіе-нибудь другіе расходы... Потомъ сочтемся какъ-нибудь, право!...

— Да когда же потомъ-то? нахмурился нѣсколько Горизонтовъ, показывая видъ, что это обстоятельство ему даже совсѣмъ непріятно.—Постойте, попытаюсь послать къ отцу казначею.

— Ахъ, Боже мой, это такіе пустяки!... Стоитъ ли, право, безпокоиться! скороговоркой и съ отнѣкивающимся видомъ забормоталъ Каржоль.—Вѣдь этакое дѣло, я же понимаю... И при томъ не кончаемъ же мы съ вами на этомъ, и не въ послѣдній, конечно, разъ видимся... Безъ расходовъ нельзя же!

— Ну, какіе же тамъ расходы!... Развѣ ужь такъ, консисторской братьѣ на молитву? съ цинпческимъ смѣшкомъ замѣтилъ Горизонтовъ.—На молитву можно; передамъ, равнодушно согласился онъ, даже и не взглянувъ хотя бъ искоса на оставленную ему бумажку.

— Такъ могу быть въ надеждѣ? уже откланиваясь, въ послѣдній разъ пустилъ Каржоль въ ходъ лебезяще-просительный тонъ и запскивающую улыбку.

— Сегодня же пустимъ въ докладъ, удостовѣрилъ семинаръ, уже значительно мягче:—сегодня же... А вечеркомъ и, можетъ быть, постараюсь и самъ завернуть къ вамъ съ отвѣтомъ.

И протянувъ на сей разъ уже первымъ свою руку, секретарь простеръ любезность до того, что проводилъ графа даже до дверей прихожей.

Только покончивъ съ Горизонтовымъ и выйдя отъ него на свѣжій воздухъ, наконецъ-то могъ Каржоль вздохнуть

облегченною грудью. Главное сдѣлано, можно и отдохнуть. Онъ взглянулъ на часы, было уже безъ пяти минутъ девять. Теперь оставался одинъ лишь смущающій вопросъ объ Ольгѣ, о встрѣчѣ и объясненіи съ ней. Но неужели жъ она на столько глупа, чтобы не догадаться уйдти чрезъ стеклянную дверь? И Каржоль, размышляя объ этомъ, все болѣе склонялся въ пользу предположенія объ уходѣ. Оно казалось ему и естественнымъ, и логичнымъ, почти до полной увѣренности, что онъ уже не застанетъ у себя Ольгу. Что же касается оправданій и объясненія ей своего ночнаго поступка, то „вечеръ мудренѣе утра, когда человѣку прежде всего выспаться надо; къ вечеру что-нибудь и придумаемъ“, рѣшилъ себѣ графъ, подъѣзжая къ воротамъ своего дома.

Но здѣсь, еще за нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ совершенно неожиданно былъ озадаченъ однимъ обстоятельствомъ, которое показалось ему не только страннымъ, но и подозрительнымъ.

У самыхъ воротъ его дома стояла кучка Евреевъ, которые словно ожидали чего-то. Эти Евреи, завидѣвъ его, какъ-то оживились, зашевелились, зашушукались между собой и вдругъ разсыпались въ разныя стороны по улицѣ, словно бъ они и ничего, „такъ-себѣ“, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, которые остались у воротъ молча и неподвижно.

„Не проѣхать ли мимо?“ мелькнуло въ умѣ Каржоля, но почему-то вдругъ стало совѣстно: „еще, пожалуй, подумаютъ канальи, что струсилъ!“ и онъ остановилъ извощика предъ воротами. Расплатясь съ нимъ и при этомъ взглянувъ мимоходомъ на двухъ оставшихся Евреевъ, графу показалось, что они какъ бы открыто слѣдятъ за нимъ и смотрятъ на него чуть не въ упоръ довольно нагло, явно враждебными и злобно подозрительными взглядами.

Тѣмъ не менѣе, показавъ видъ, будто не удостоиваетъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ, онъ прошелъ въ калитку, но и здѣсь: новое удивленіе! Человѣкъ до пятнадцати Евреевъ, преимущественно изъ молодежи, явно въ ожиданіи чего-то, частію сидѣли на ступеняхъ его крыльца, частію стояли и ходили мимо оконъ, все еще закрытыхъ ставнями, а двое

молодыхъ Еврейчиковъ виднѣлись даже въ саду, у калитки. Вся эта компанія, при появленіи Каржоля, вдругъ всполошилась, сошлась въ одну кучку и предъ самымъ крыльцомъ стала ему навстрѣчу.

„Что жъ это, однако?“ невольно ёкнулъ тревожный вопросъ въ сердцѣ Каржоля. Онъ очутился какъ бы въ западнѣ: Евреи у крыльца, Евреи у калитки, ни въ домъ, ни со двора. „Неужели пронюхали, канальи?“

ГЛАВА VIII.

Цоресъ грейсе! — Великія бѣды!

Айзикъ Шацкеръ, разставшись съ Тамарой, благополучно добрался до сѣновала и, успокоенный, умиленный, даже счастливый, завалился на душистое сѣно. Но спалось ему плохо. Возбужденная мысль его работала даже и во снѣ, который отъ этого былъ перерывчатъ и кратокъ. Это скорѣе было какое-то полулихорадочное забытье, нѣчто среднее между сномъ и бдѣніемъ, чѣмъ настоящій сонъ здороваго человѣка. Айзику порой казалось, что въ него забралась *клипа*,—нечистая сила въ соблазнительно-прелестномъ образѣ богини-дьяволицы Лилисъ, этой еврейской Венеры, которая прокрадывается къ людскимъ изголовьямъ во время сна и навѣваетъ на добрыхъ Евреевъ сладострастныя грёзы и грѣшныя мысли. Ужь не Лецъ ли шельмецъ, этотъ сатиръ еврейскихъ повѣрій, коварно подстроилъ ему на смѣхъ такія штуки, *маасе*?—Грезится вдругъ бѣдному Айзику, что онъ уже не бѣдный безъизвѣстный Айзикъ, а *ламданъ-годулъ* и *талмудъ-хухемъ*, великій ученый, мудрецъ-талмудистъ, успѣвшій пріобрѣсти себѣ *шемъ*, т. е. имя, славу и знаменитость, такъ что его во всемъ Израилѣ прозываютъ не иначе какъ „гордостію вѣка“, *гаонъ гадоръ*, и онъ вступаетъ съ самыми знаменитыми *хахомимъ*, мудрецами-раввинами въ торжественный

пильпулъ [1]), показываетъ на удивленіе всѣмъ такой *харибусъ* и *магидусъ* [2]), не оставляя ничего даже на долю *тейку* [3]), что предъ нимъ преклоняются не только свои, но и не-еврейскіе ученые, которыхъ онъ впрочемъ отъ души презираетъ, хотя и охотно принимаетъ отъ нихъ поклоны и льстивыя выраженія ихъ похвалъ, восторга и почтенія. Евреи признаютъ его даже *цадикомъ*, святымъ человѣкомъ, и въ качествѣ цадика онъ разъѣзжаетъ по всѣмъ еврейскимъ палестинамъ Россіи, Польши, Австріи и Румыніи, со свитой учениковъ и помощниковъ, трубящихъ и возвѣщающихъ его славу, лѣчитъ отъ неплодія, исцѣляетъ съ одного нашепту всяческіе недуги, рѣшаетъ семейныя дѣла и споры, судитъ и рядитъ, учитъ и проповѣдуетъ, и повсюду собираетъ обильную дань въ видѣ рублей, дукатовъ, гульденовъ и левовъ... Хорошо, дали-бугъ, прекрасно Айзику Шацкеру!... Но для его самолюбія мало этого. Онъ чувствуетъ себя великимъ человѣкомъ, онъ переустрояетъ вселенную по своему соціально-политическому плану: наверху Евреи, надъ Евреями—онъ, а внизу—все остальное... Онъ второй Лассаль, у котораго всѣ эти великіе Бебели и Ласкеры даже и сапоговъ снять недостойны! И кромѣ всего этого, Айзикъ еще лично счастливъ: у него есть своя *эйшесъ неуримъ*, подруга юности, даже почище тѣхъ нѣмецкихъ аристократокъ что Лассаля любили,—эйшесъ неуримъ, которой онъ даритъ свою *агавать неуримъ*, свою первую юношескую любовь. Ея *гуфъ* и *понимъ*—о, этотъ *мазалдигъ понимъ* для него *мосукъ мис-*

---

[1]) Религіозный казуистическій или юридическій диспутъ въ общемъ собраніи всѣхъ ученыхъ бейсъ-гамидраша.

[2]) Остроумный разборъ *Галаха*, религіозныхъ узаконеній, и ловкость въ свободномъ истолкованіи избранныхъ текстовъ (*Агада*), что является обыкновенно двумя составными частями *дераша*, т. е. самаго полнаго религіознаго ученія.

[3]) *Тейку*—слово, искусственно составленное талмудистами изъ начальныхъ буквъ фразы: *Тишби* (т. е. Илія пророкъ) разрѣшитъ вопросы и недоумѣнія. Талмудическое восклицаніе *Тейку* употребляется обыкновенно при неподдающихся разрѣшенію спорныхъ вопросахъ теологическаго или философскаго характера.

*ваш*ъ [1])! источникъ вѣчной-*симхас*ъ *ганефеш*и,—радости, праздника души, имянинъ его сердца, и онъ знаетъ, онъ увѣренъ, что она будетъ вполнѣ набожною, честною женою во Израилѣ, что называется *эйшесъ хаиль*. Онъ—раввинъ, она—его будущая *раббецене* [2]). И вотъ онъ уже на столько возпесся и возвеличился, что самъ рабби Соломонъ Бендавидъ почтительно является къ нему: о, удивленіе!—въ роли *шадхена* (свата) и предлагаетъ руку Тамары со всѣми ея милліонами, да заодно ужъ и со своими въ придачу!.. Этихъ милліоновъ, просто, несчетное количество! Боже мой! Тутъ и голланчики, и лабанчики, и червончики, гинеи и соврены, дублоны и дукаты, лиры и наполеондоры, просто духъ захватываетъ!.. Золотой дождь на него такъ и сыплется, такъ и льется, и весь этотъ дождь принадлежитъ ему; онъ его единственный, исключительный обладатель. У, какіе крупные проекты и гешефты, какія банковыя операціи и биржевыя спекуляціи мерещатся ему въ туманѣ!.. Словно въ дивной фантасмагоріи милліарды калейдоскопически какъ-то и радужно смѣняются милліардами, а ему все ни по чемъ, потому неизсякаемый источникъ!.. И вотъ онъ подписываетъ брачный контрактъ съ Тамарой. Теперь они *хассонъ* и *калло*, женихъ и невѣста. Начинается *хассуно*, свадьба; ихъ ведутъ въ торжественной процессіи къ вѣнцу, ставятъ на сорное сметье, подъ великолѣпнымъ вѣнчальнымъ балдахиномъ, и совершаютъ свадебный обрядъ. *Клезмеримъ*, эти милѣйшіе еврейскіе музыканты, гремятъ въ честь имъ обычную поздравительную кантату *Мазелъ-товъ*. Молодыхъ сажаютъ за свадебный столъ и угощаютъ рисовымъ супомъ, этою „золотою свадебною ухой“; *батханъ* [3]) импровизуетъ для нихъ подъ музыку веселые куплеты; дѣдушка съ бабушкой,

---

[1]) Ея тѣло и лицо—о, это счастливое, довольное лицо!—для него слаще меда.

[2]) Раббецене—жена раввина.

[3]) Импровизаторъ и шутъ, необходимое лицо на всѣхъ еврейскихъ свадьбахъ, отправляющее свою обязанность, впрочемъ, не иначе какъ съ разрѣшенія кагала. Ремесло батхана считается отчасти унизительнымъ.

ставъ въ надлежащую позитуру, деликатно, цирлихъ-манирлихъ танцуютъ *хуппо-минуэтъ*, и просто умилительно глядѣть на этотъ ихъ деликатный стариковскій танецъ!.. Выплясываютъ и прочіе гости особые свадебные танцы — *пулловъ* и *эсрогъ*.—„Ты понимаешь ли, *тирарамъ* (шелопутъ) ты эдакій, говоритъ Айзику раббп Соломонъ:—какой тебѣ всѣ добрые люди оказываютъ *ковод*ъ, честь, почетъ! Это тебѣ *зхаръ* за всю твою *зхусъ* и за *зехосъ овосъ*!“ [1]) И всѣ гости приносятъ Айзику *мазелъ-товъ*, поздравленія и пожеланія счастія и благополучія... Наконецъ, вотъ сюрпризъ-то! Вотъ куда проникла его слава! Самъ Гамбетта и самъ Кремье, и Ротшильдъ, и Монтефіоре шлютъ ему поздравительныя телеграммы. Всѣ знаменитые адвокаты и ходатаи, господа Бпиштоки и Пупштоки, Куперники и Муперники, братья Гантоверы и Пассоверы со всѣмъ остальнымъ своимъ сонмомъ и кагаломъ наперерывъ, чуть не до драки между собой, предлагаютъ ему свои услуги для веденія всевозможныхъ его гражданскихъ исковъ, дѣлъ и процессовъ, а коли и нѣтъ ихъ, такъ выдумаемъ! Раббп Оффенбахъ посвящаетъ ему свою новую оперетку, Блейхредеръ и всѣ остальные банкиры, берлинскіе, гамбургскіе, бременскіе, амстердамскіе и прочіе, и прочіе, и прочіе приглашаютъ его въ свои компаньйоны, въ почетные директора своихъ банковъ; отовсюду предлагаютъ ему всевозможныя акціи, облигаціи, цѣнныя бумаги; на всѣхъ биржахъ гремитъ одно только имя Айзика Шацкера; газеты посвящаютъ ему сочувственныя передовыя статьи, телеграфное агентство Вольфа аккуратно извѣщаетъ о томъ, съ кѣмъ онъ видѣлся и что замѣчательнаго сказалъ. Персидскій шахъ присылаетъ ему орденъ Льва и Солнца. Производятъ его, наконецъ, сразу въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и жалуютъ баронскій титулъ. Генералы съ пѣтушьими перьями и даже министры въ звѣздахъ терпѣливо ожидаютъ въ пріемной, пока ихъ не соблаговолятъ по одиночкѣ пригласить на аудіенцію въ его кабинетъ. Да что ему всѣ эти министры, если одно его

[1]) Воздаяніе за твою заслугу и за заслуги твоихъ предковъ.

собственное „Правленіе“ равняется четыремъ министерствамъ! Какая масса людей у него служитъ, а въ „Совѣтѣ“ его засѣдаютъ все генералы, все бывшіе сановники, губернаторы, директоры департаментовъ, и онъ всѣмъ имъ платитъ жалованье и отпускаетъ наградныя деньги. Онъ самъ живетъ и даетъ жить другимъ,—таковъ принципъ Айзика Шацкера. Онъ беретъ милліонные подряды, получаетъ выгоднѣйшія концессіи, даетъ за это въ департаментахъ, канцеляріяхъ и будуарахъ солидныя взятки въ цѣлыя сотни тысячъ; строитъ зданія, мосты, желѣзныя дороги, поставляетъ на армію сухари и подметки, жертвуетъ сто тысячъ—шутка-ль, сто тысячъ!—на реальное училище (чортъ съ нимъ, куда ни шло!) и, наконецъ, открываетъ „Всемірную Гласную Кассу Ссудъ“, разсуждая при этомъ, что если существуетъ „Всемірный Еврейскій Союзъ“, то отчего не быть и „Всемірной Гласной Кассѣ“. Тутъ уже благодарное человѣчество положительно внѣ себя отъ восторга и само заказываетъ художнику Маковскому портретъ благороднаго Айзика, при чемъ Айзикъ на этомъ портретѣ, по собственному своему желанію, заранѣе уже пишется въ Станиславской лентѣ черезъ плечо. А скульпторъ Антокольскій, въ поученіе и на память благодарному потомству, высѣкаетъ изъ каррарскаго мрамора благородныя черты физіономіи Айзика... Извѣстные писатели посвящаютъ ему оды, предлагаютъ въ полное его распоряженіе свои „честные органы печати“, газеты и журналы, и заранѣе поступаютъ въ гувернеры его будущихъ дѣтей, и онъ уже не Айзикъ, нѣтъ, не Айзикъ! Онъ теперь его превосходительство баронъ Анзельмъ Исаевичъ Шацкеръ фонъ-Украинцеръ. Онъ златой телецъ, онъ Молохъ, онъ Ваалъ нашего времени, вотъ онъ кто! И хотя Айзикъ принимаетъ всѣ эти почести и оніамы довольно благосклонно, какъ должную законную дань, однако жъ ему на нихъ просто наплевать, потому что онъ, въ сущности, новый Лассаль, потому что онъ міръ переустрояетъ по-своему и всѣмъ равно благодѣтельствуетъ (одна уже „Всемірная Гласная Касса“ чего стоитъ!) и всѣхъ равно презираетъ.—„Чортъ съ вами! Всѣ вы *сиволачь* и не стоите моихъ о васъ заботъ и попече-

ній, тѣмъ не менѣе я, по великодушію своему, согласенъ быть вашимъ благодѣтелемъ. Получите и убирайтесь!“ А свадебная музыка между тѣмъ гремитъ въ честь его *курантъ* (концерты), батханъ провозглашаетъ тостъ за тостомъ, экспромптъ за экспромптомъ. И вотъ, предъ тѣмъ, какъ отправиться на свою брачную постель, приготовленную какъ бы ручками самой соблазнительной богини Лилисъ, Айзикъ въ башмакахъ и бѣлыхъ чулкахъ подаетъ своей раббецене Тамарѣ руку, деликатно берется, какъ и она, кончиками пальцевъ за кончикъ носоваго платка и, по обычаю, начинаютъ они вдвоемъ послѣдній оффиціальный полонезъ, *амицветаницъ*—благочестивый, кашерный танецъ... И тутъ уже наступаетъ моментъ ореола. Айзика и Тамару окружаетъ *мухо* и *дуло* — величіе и слава, какъ бы самаго Ротшильда или Беніямина д'Израэли, съ ихъ законными подругами жизни. Но что жъ это такое? „Ф-фэ! Каково паскудства!“ — Сквозь лучи ореола начинаетъ вдругъ прорисовываться статная, изящная, но крайне для него непріятная фигура, съ огромною датскою собакой на цѣпочкѣ... Айзикъ узнаётъ знакомыя черты и приходитъ въ бѣшенство, хочетъ броситься на этого проклятаго человѣка, и не можетъ, собственныя руки и ноги его не слушаются, словно бы какая-то посторонняя невидимая сила приковываетъ его къ мѣсту и парализуетъ малѣйшее движеніе.—„Ай, *ду шейгецъ!*“ черезъ силу вскрикиваетъ онъ дикимъ голосомъ и просыпается.

Сонъ этотъ, впрочемъ, не оставилъ въ немъ надолго непріятнаго впечатлѣнія, потому что дѣйствительность, послѣ примиренія съ Тамарой, улыбалась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Айзикъ около часу проворочался съ боку на бокъ, однако уже болѣе не заснулъ. Вскорѣ первый солнечный лучъ заглянулъ къ нему на сѣновалъ сквозь щели досчатой стѣны; со двора слышалось гоготанье молодыхъ гусей, изъ сада доносился щебетъ всякой мелкой пташки; утро вступило уже въ свои права, и Айзикъ, потягиваясь, поднялся со своего ложа.

Каждый сынъ Израиля обязанъ прямо съ постели приступить къ омовенію рукъ, безъ чего не смѣетъ прикос-

нуться ни до рта, чтобы не сдѣлаться нѣмымъ, ни до глазъ, чтобы не ослѣпнуть, ни до ушей, чтобы не оглохнуть, ни до носа, чтобы не получить насморкъ, ни даже до воды, приготовленной для умыванія, потому что иначе она уже будетъ нечистою [1]). Айзикъ зналъ по *Талмуду*, что прежде омовенія нельзя сдѣлать по комнатѣ и четырехъ шаговъ, не рискуя смертною казнью свыше, потому что оставшаяся въ его рукахъ нечистая сила *шедъ* оскорбляетъ святость Бога, господствующаго надъ нимъ [2]); но такъ какъ онъ ночевалъ не въ комнатѣ, а на сѣновалѣ, насчетъ котораго въ *Талмудѣ* онъ не помнитъ, чтобъ имѣлись прямыя указанія, то потому и счелъ себя въ правѣ сдѣлать не только четыре шага, а и сойдти внизъ, во дворъ, къ колодцу, гдѣ у него еще съ вечера былъ приготовленъ наполненный водой кувшинъ, спеціально на случай утренняго омовенія. И Айзикъ, по обрядовой привычкѣ, взялъ эту посудину въ правую руку и передалъ въ лѣвую, послѣ чего облилъ водой сперва правую кисть, потомъ лѣвую, потомъ опять правую, потомъ опять лѣвую; и такъ до трехъ разъ, пока нечистая сила не удалилась [3]). Не то чтобъ Айзикъ вѣрилъ въ нее,—„сынъ вѣка“, онъ скорѣе ни во что не вѣрилъ, но онъ исполнилъ обрядъ по привычкѣ, унаслѣдованной и вкоренившейся съ дѣтства, равно какъ по привычкѣ же тотчасъ послѣ омовенія перешелъ и къ другому обряду *тфилинъ*, для чего надѣлъ себѣ на лобъ *шелъ-роишъ*, а на лѣвую руку *шелъ-ядъ*, обмотавъ себѣ идущимъ отъ него ремешкомъ семь разъ запястье и три средніе пальца, послѣ чего приступилъ къ

---

[1]) *Шилхенъ-Урихъ-Ойрахъ-Хаимъ* (сборникъ раввинскихъ ученій), трактатъ *Брухесъ*, гл. IV, ст. 1 и 5. Эти правила слѣдуетъ соблюдать вслѣдствіе того, что, по ученію *Талмуда*, душа выходитъ изъ тѣла спящаго, а злой духъ, пользуясь этимъ, овладѣваетъ тѣломъ. При пробужденіи же душа возвращается и тогда злой духъ исчезаетъ, но не совсѣмъ,—онъ остается на концахъ пальцевъ проснувшагося Еврея (книга *Зоаръ*, отдѣлъ *Ваіойшевъ*).

[2]) *Ойрахъ-Хаимъ* гл. I, ст. 7. Въ подлинникѣ вмѣсто четырехъ шаговъ сказано четыре локтя.

[3]) Достаточно облить собственно концы пальцевъ, но лучше облить лѣвую кисть руки (ibid.).

утренней молитвѣ, взывая между прочимъ: „Боже отмщеній, Боже отмщеній, явися! Возвысься Судія земли, отмѣри возмездіе надменнымъ!“ [1]) Не то чтобъ онъ чувствовалъ потребность въ молитвѣ, — въ Бога Айзикъ тоже не совсѣмъ-то вѣрилъ или по крайней мѣрѣ сильно сомнѣвался въ Его бытіи,—но будучи большимъ еврейскимъ патріотомъ, онъ полагалъ свою гордость и долгъ, какъ Еврея, въ не-

---

[1]) Обрядъ этотъ (*Исходъ*, гл. 13, ст. 16 и *Второзаконіе*, гл. 11, ст. 18) состоитъ въ слѣдующемъ: изъ кожи, покрытой лакомъ, дѣлаются двѣ квадратныя коробочки, величиной около вершка. Одна изъ нихъ, называемая *шелъ-рошъ*, надѣвается на голову, такъ, чтобъ она приходилась на лбу. Шелъ-рошъ держится на головѣ посредствомъ ремешка, завязаннаго съ затылка, такимъ образомъ, чтобы два его конца, *рейціесъ*, спускались съ обоихъ плечъ на грудь. Внутри шелъ-рошъ раздѣленъ на четыре части, изображающія какъ бы четыре ящичка, въ которые вкладывается по одной пергаментной полоскѣ, *паршесъ*, съ выдержками изъ *Пятикнижія*. На первой полоскѣ пишется текстъ изъ книги *Исходъ*, гл. 13, отъ ст. 1 до ст. 11; на второй полоскѣ: *Исходъ* гл. 13, отъ ст. 11 до конца; на третьей *Второзаконія* гл. 6, отъ ст. 4 до 10 и на четвертой *Второзаконія* же гл. 11, отъ ст. 13 до 22. Другая коробочка *шелъ-ядъ* прикрѣпляется къ лѣвой рукѣ; ремешкомъ, идущимъ отъ шелъ-яда, окручиваютъ всю руку семь разъ и обертываютъ концомъ его три средніе пальца, стараясь изобразить букву ל (делетъ, Д). Эта послѣдняя коробочка уже не раздѣляется внутри на четыре отдѣленія и всѣ вышеприведенныя выдержки изъ *Пятикнижія* пишутся для нея на одной паршесъ. Въ будничные дни, во время утренней молитвы, *тфилинъ* слѣдуетъ возлагать на лобъ и привязывать къ лѣвой рукѣ въ знакъ того, что въ мозгу находится душа и что крѣпкою рукой Богъ извелъ Евреевъ изъ Египта. На шелъ-рошѣ непремѣнно должна быть вытѣснена буква ש *шинъ*, какъ ініціалъ имени Бога—*Шадай* „чтобы всѣ народы видѣли, говоритъ *Талмудъ*, что сынъ Израиля названъ именемъ Бога“. Тфилинъ почитается однимъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ потому-де, что его исполняетъ самъ Богъ (кн. *Рабойны ушеръ*, отд. *Тфилинъ*, гл. I, ст. 12), надѣвая на себя каждое утро точно такія же кожаныя коробочки, только на паршесахъ этихъ коробочекъ изображенъ-де, вмѣсто выписокъ изъ Исхода и Второзаконія, комплиментъ избранному народу: „Кто еще такой *единственный* народъ на свѣтѣ, какъ мой Израиль?“—По увѣренію талмудистовъ, Моисей видѣлъ Бога одѣтымъ въ тфилинъ. Уставъ, заключающій въ себѣ правила о тфилинѣ, состоитъ изъ 246 статей, помѣщающихся на четырехъ печатныхъ листахъ мелкаго шрифта.

уклонномъ исполненіи всѣхъ обрядовъ религіи, столь рѣзко отличающей избранную расу отъ остальной мірской нечести, называемой человѣчествомъ. Онъ, по ученію своихъ ламдановъ новѣйшаго покроя, твердо придерживался этой обрядовой стороны собственно потому, что, вѣря въ великое *земное* призваніе всепокоряющаго еврейства, смотрѣлъ на обрядъ какъ на цементъ, какъ на силу, скрѣпляющую и объединяющую людей его рассы. При томъ же его самолюбію было и лестно, и пріятно, когда посторонніе, видя, сколь пунктуально исполняетъ онъ обряды, съ похвалой называли его добрымъ, истиннымъ Евреемъ. Это, конечно, было своего рода фарисейство; но Айзикъ находилъ, что и фарисейство не только не лишнее, а напротивъ, очень хорошее, вполнѣ необходимое дѣло для практическихъ житейскихъ цѣлей. Разсѣянно пробормотавъ положенныя молитвы, онъ наконецъ покончилъ съ утреннимъ обрядами, убралъ въ карманъ свои шелъ-рошъ и шелъ-ядъ и отправился помечтать, да погулять по саду.

Утро было великолѣпное. Длинныя тѣни отъ деревьевъ и кустарниковъ бѣжали и пятнами разсыпались по свѣжей зелени еще нескошенныхъ лужаекъ, ярко озаренныхъ солнцемъ и словно бы омытыхъ росой. При взглядѣ на эти лужайки, просто въ глазахъ рябило отъ массы одуванчиковъ, разсыпанныхъ въ свѣтло-зеленой травѣ, изъ которыхъ одни ужь отцвѣли и торчали бѣлопуховыми шапками, а другіе только-что распускались и махровились ярко-желтыми, золотистыми звѣздочками. „Точно червонцы разсыпаны!“ невольно и съ удовольствіемъ подумалось Айзику. По клумбамъ, окаймленнымъ резедой, маргарткамп и гвоздичкой, рдѣли роскошные піоны, высились оранжево-красныя лиліи, лиловые колокольчики, а по краямъ дорожекъ сирень благоухала изобильнымп гроздьями лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Весенній ароматъ всѣхъ этихъ цвѣтущихъ растеній и травъ, только-что пригрѣтыхъ солнышкомъ, носился тонкими струями въ утреннемъ воздухѣ. Черный дроздъ, малиновки и пѣночки гдѣ-то въ ближнихъ вѣтвяхъ оглашали садъ своимп мелодическими высвистами... Поэтически хорошо и при-

вольно почувствовалъ себя влюбленный бохеръ въ эту пору въ запущенномъ вѣковомъ саду Бендавида. „Вотъ тутъ-то любить и быть любимымъ,—о, какое счастіе!“ мечталось ему, когда, сорвавъ мимоходомъ лиловую вѣтку сирени, онъ съ наслажденіемъ упивался ея ароматомъ. Вотъ и то мѣсто, гдѣ давеча ночью въ слезахъ онъ упалъ предъ Тамарой на колѣни, гдѣ она сказала ему первое ласковое слово и протянула руку.—Ахъ, еслибъ удалось ему наконецъ побѣдить ея гордое сердце!.. Какое счастіе и какія богатыя перспективы открылись бы тогда ему въ будущемъ! Какая широкая финансовая дѣятельность!..

А вотъ и бесѣдка, вотъ и тотъ самый кустъ, у котораго онъ стоялъ и подслушивалъ... О, проклятый, ненавистный человѣкъ!... Лучше не вспоминать о немъ... Зачѣмъ не онъ, Айзикъ, на его мѣстѣ!... Но вѣдь она сама же сказала, что все это только такъ, пустяки, легкая шалость... Романъ, вишь, свой маленькій имѣть захотѣлось...

— Эге!... Однако что жъ это такое?!

И Айзикъ, незамѣтно дойдя до конца сада, въ крайнемъ изумленіи остановился предъ калиткой, тою самою, въ которую Тамара выпустила Каржоля.

Калитка стояла растворенною настежь.

Что это значитъ? Какъ и чѣмъ объяснить себѣ такое странное обстоятельство? Вѣдь онъ самъ, на сколько было возможно въ сумракѣ ночи, очень хорошо видѣлъ, какъ Тамара вслѣдъ за Каржолемъ затворила ее и даже замкнула на желѣзную замычку. Скрипъ ржавыхъ петель и звякъ этой замычки онъ слышалъ ясно, отчетливо, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; онъ точно слышалъ его и ошибиться не можетъ.

— Боже мой, неужли же?!...

И страшное подозрѣніе, какъ змѣя, невольно заползло въ душу Айзика.

Почти бѣгомъ пустился онъ назадъ, къ дому, и, раздвинувъ сиреневые кусты, очутился предъ раскрытымъ настежь окномъ Тамары. Заглянулъ въ ея компату,—пусто... Постель не смята, лампа не потушена, шкафъ раскрытъ и

ящики комода на-половину выдвинуты; нѣкоторыя вещи, выброшенныя изъ нихъ, валяются кое-какъ на полу, на столѣ, на креслѣ. Очевидно, все это вынуто было второпяхъ да такъ и покинуто.

Поблѣднѣвшій Айзикъ въ отчаяніи только хлопнулъ себя о полы безсильно повисшими руками. Сомнѣній для него уже не осталось, всѣ иллюзіи разсѣялись разомъ, и страшная дѣйствительность безмолвно, но убѣдительно свидѣтельствовала лишь одинъ ужасающій фактъ: Тамары нѣтъ, Тамара убѣжала.

Первою мыслью Айзика было броситься будить стариковъ, чтобъ имъ первымъ сообщить ужасную вѣсть. Онъ побѣжалъ-было къ крыльцу, но тутъ нашло на него внезапное раздумье: поразишь ихъ ударомъ, а пользы изъ того никакой не будетъ. Надо прежде всего, пока еще не поздно, вырвать Тамару изъ рукъ Каржоля. Если силу придется для того употребить, то брать и силой. Но что и какъ сдѣлать, объ этомъ лучше всего посовѣтоваться съ армеръ-ламданомъ, рабби Іонаѳаномъ; онъ, конечно, живѣйшимъ образомъ приметъ къ сердцу все дѣло и дастъ самый разумный совѣтъ. И Айзикъ бросился въ *аханіе*.

— Цоресъ грейсе! Цоресъ грейсе!—Великія бѣды! воскликнулъ онъ, влетая въ нумеръ ламдана, который еще покоился сладкимъ сномъ и, пробужденный Айзикомъ, сразу никакъ не могъ взять себѣ въ толкъ, чего надо бохеру и въ чемъ собственно эти его „цоресъ“ да еще и „грейсе“; но наконецъ понялъ.

— Старики знаютъ? было его первымъ вопросомъ.

— Хасъ вешолаумъ! Сохрани Боже! поднялъ Айзикъ къ вискамъ ладони.—Зачѣмъ прежде времени!... Можетъ, еще все и такъ устроится... Никто не знаетъ, заявилъ онъ,—никто!.. Къ вамъ первому прихожу за совѣтомъ и помощью.

— И хорошо сдѣлалъ, похвалилъ ламданъ.—Оно и точно, что не зачѣмъ пугать ихъ до времени. А гдѣ эта Тамара? спросилъ онъ, подумавъ.—Какъ ты полагаешь, куда именно могла она скрыться?

Айзикъ объяснилъ, что больше некуда какъ къ Каржолю.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ, присовѣтовалъ ламданъ тономъ приказанія:—сію же минуту, сынъ мой, соберп десятка полтора, два нашихъ молодцовъ и окружи съ ними домъ этого шейгеца (бездѣльника), чтобъ онъ никуда не успѣлъ увезти ее. А я сейчасъ же даю знать старшинамъ и *тубамъ*... [1]) Надо собрать *бейсъ-динъ*... [2]) О, такое дѣло... Это все равно, что *аунусъ нефошосъ* [3]), тутъ можно и шаббосъ по боку!... Живѣе, другъ, живѣе!

Айзикъ въ ту же минуту побѣжалъ на общественную ученическую квартиру, поднялъ тамъ нѣсколько знакомыхъ *бохеровъ-гиббоpовъ*, силачей изъ старшаго курса, да забѣжалъ по пути къ тремъ своимъ пріятелямъ, прикащикамъ изъ галантерейнаго магазина рабби Соломона, и со всею этою компаніей осадилъ квартиру Каржоля.

Съ одной стороны, благодаря Айзику, съ другой рабби Іонаѳану, слухъ о побѣгѣ Тамары и объ экспедиціи Айзпка Шацкера къ дому графа очень быстро распространился въ еврейской средѣ, такъ что къ семи часамъ утра бо́льшая часть Украинскаго Израиля уже знала въ чемъ дѣло и всполошилась и заволновалась, принимая эту исторію очень близко къ сердцу. Предъ квартирой графа къ этому времени собралось уже достаточное количество нпкѣмъ незваныхъ и несланыхъ добровольцевъ, готовыхъ принять участіе въ отбитіи Тамары.

Въ это-то время и подъѣхалъ Каржоль къ воротамъ своего дома.

---

[1]) *Тубъ*, представитель общины, засѣдающій въ кагальномъ совѣтѣ. Кагальныя власти дѣлятся на три степени: младшая, *икоръ*, изъ которой производятъ въ тубы (средняя степень), а изъ тубовъ въ *рошп* (старшины или головы); изъ нихъ *рошъ-бейсъ-динъ* есть предсѣдатель кагальнаго суда. Для признанія законной силы за рѣшеніями по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію бейсъ-дина, необходимо, чтобы въ засѣданіи присутствовало не менѣе семи тубовъ города.

[2]) *Бейсъ-динъ* или *бетъ-динъ*, домъ суда, судилище, состоитъ не менѣе какъ изъ трехъ судей (дойонъ), рѣшающихъ всѣ дѣла, возникающія въ общинѣ, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго характера.

[3]) Случай, когда жизни Еврея угрожаетъ смертная опасность,—*секонасъ-нефошосъ*, и когда поэтому *Талмудъ* разрѣшаетъ нарушеніе постановленій и обрядовыхъ законовъ субботняго дня.

ГЛАВА IX.

Не та!

— Что вамъ здѣсь надобно? далеко не любезнымъ образомъ спросилъ онъ всю эту компанію.

Жидки переглянулись между собой.

— Мы до васъ дѣло имѣемъ, заявилъ одинъ изъ наиболѣе бойкихъ, который поэтому и взялъ на себя починъ переговоровъ.

Айзикъ, весь блѣдный, съ исказившимся отъ злобы лицомъ, сверкая на Каржоля полными ненависти глазами, рванулся было впередъ, но двое пріятелей-прикащиковъ успѣли во время удержать его за руки, уговаривая вполголоса быть какъ можно спокойнѣе и благоразумнѣе: — „магтъ кайнъ гармидеръ, Айзикъ, кайнъ гармидеръ!.. Ш-ша!“

Каржоль, при этомъ вызывающемъ движеніи Айзика, только крѣпче сжалъ въ рукѣ свою палку съ кастетомъ.

— Какое дѣло? нахмурился онъ, изображая якобы недоумѣніе.

— Зжвините, издѣсъ неудобно объясняться, вѣжливо, но значительнымъ тономъ замѣтилъ переговорщикъ:—для васъ же самихъ неудобно будетъ. Мы лучше войдемъ у ваша квартэра.

— Это вздоръ. У меня съ Жидами никакихъ дѣлъ нѣтъ, если вы не подрядчики, довольно рѣзко возразилъ Каржоль.— Коли нужно что, говори здѣсь.

— Издѣсъ не ловко.

— А не ловко, такъ можешь и убираться.

— Аднако, ваше сшіятелство, позжволте!.. Сшто такова?.. Зачиво?.. Зачэмъ? зароптали вдругъ голоса въ еврейской кучкѣ.

*

— Къ чорту!.. Дайте мнѣ дорогу!

— Нѣтъ, зжвините, такъ не можно!.. Пазжволте пожалуста безъ шкандалъ!.. Для васъ самихъ за лучше!

— Какой скандалъ и что̀ такое „за лучше?“ Въ чемъ объясняться мнѣ?

Переговорщикъ опять рѣшительно выступилъ впередъ.

— Зжвините, сказалъ онъ:—у васъ скрывается одново нашево дѣвицу.

Каржоль принялъ въ высшей степени удивленный видъ.

— Дѣвица?.. У меня?.. Ваша дѣвица? Что-за вздоръ такой!

— Такъ. То вже не вздоръ... Одново благороднаво еврейскаво дѣвицу. Ми знаемъ завѣрно.

— Да вы съ ума сошли!

— Зачэмъ съ ума! Отдайте намъ наша дѣвица и кончимъ безъ шкандалъ.

— Но увѣряю васъ честью, у меня никого нѣтъ.

— Пфэ!.. Зачэмъ изъ честюмъ, когда ми знаемъ што естъ!.. Ми знаемъ!.. Ви эта дѣвица хочете на правосшлавье навертать... Н-ну, отдайте лучше безъ шкандалъ... Оставьте этово дѣлу... Съ такóво штука кéпськи интэресъ выйдетъ, вамъ же хуже будетъ.

— Однако мнѣ это надоѣло. Проваливайте! порѣшилъ съ ними Каржоль и сдѣлалъ попытку рѣшительнаго движенія къ крыльцу. Но Жидки снова преградили ему дорогу и снова загалдѣли что-то всѣ разомъ

— Къ чорту! гнѣвно возвысилъ графъ голосъ, замахнувшись палкой:—прочь!..

Жидки мгновенно разступились.

Пользуясь этою минутой, онъ взбѣжалъ на крыльцо и сильно, обычною своею хозяйскою манерой, дважды дернулъ ручку звонка. Но Жидки столь же мгновенно обступили его снова.

Въ это время камердинеръ, узнавъ хозяйскій звонокъ, поспѣшно отворилъ дверь, и не успѣлъ графъ переступить порогъ, какъ человѣкъ шесть Евреевъ вмѣстѣ съ нимъ насильно ворвались въ прихожую.

— Это что̀ такое?!.. Гони ихъ вонъ, крикнулъ онъ лакею.

— Но-но!.. Зачѣмъ вонъ... Не пойдемъ ми вонъ... Отдайте намъ наша дѣвица!

Между тѣмъ въ прихожую одинъ за другимъ набиралось все больше и больше Евреевъ.

— Вонъ, говорю, гони!.. Въ шею!..

— Уфъ шея?.. Го-го! загалдѣли Жидки всѣ разомъ.— Зжвините, нонче нельзя уфъ шея! Не тово времю!.. Ми объясниться изъ вамъ желаемъ, ми въ свавомъ правѣ!

Шумъ и гомонъ еврейской кучки разростался все больше, становясь и громче, и рѣзче, и настойчивѣе.

— Вонъ, мерзавцы! топнулъ на нихъ Каржоль, опять замахнувшись палкой.

Но на этотъ разъ такая угроза уже не подѣйствовала.

— Зжвините, не пойдемъ ми вонъ!.. И вы не замѣрайтесь на насъ изъ вашимъ палкомъ!.. Ми не сшпигаемся!.. Отдайте нашева дѣвицу!

— Я наконецъ пошлю за полиціей, чортъ возьми! пригрозился графъ.

— За палычія? Очень даже хорошо! Ми и сами пойшлемъ за палычія! Пускай приходитъ, будемъ дожидаться.

Въ эту самую минуту изнутри кабинета раздался энергическій стукъ въ дверь и сильно задергалась замочная ручка.

Каржоль поблѣднѣлъ и выразительно взглянулъ на своего человѣка.

— Развѣ тамъ еще? съ безпокойствомъ спросилъ онъ его вполголоса.

— Тамъ-съ. Я, какъ вы приказать изволили, не пустилъ ихъ, и даже стеклянную дверь съ террасы нарочно коломъ подперъ, чтобы не вышли... Очень плакали и стучались.

— Болванъ! въ безсильно-бѣшеной досадѣ прохрипѣлъ ему графъ.

„Господи! Что̀ жъ это будетъ теперь? что̀ это будетъ!? думалось ему: увидитъ вся эта сволочь, — скандалъ на цѣлый городъ“...

А стукъ изъ кабинета между тѣмъ продолжается порывисто, нервно, не прерываясь ни на мгновеніе.

— Отворите!... Отворите мнѣ двери! отчаянно кричалъ оттуда внѣ себя до изступленія раздраженный женскій голосъ.

Евреи всполошились еще болѣе.

— Ага!... Это она!... Она самая и есть!... Она! завопили они на всѣ лады уже заранѣе торжествуя свою побѣду.—А што, не наша правда?... Это такъ-то „изъ честюмъ клянусь, што никого нѣтъ?“... Ха-ха!... Хорошаво честю!... Н-ну, теперь и ми пойшлемъ за палычія, пускай она сама отвораетъ!... Юдхенъ, гей шнайлеръ цу палачмайстеръ ундъ битте инъ глайхъ гиръ-геръ цу кумменъ... Аберъ шнайлеръ, Юдхенъ! Гирстъ ду!

Этого только бы и не доставало въ довершеніе всей прелести и безъ того уже великаго скандала. Допустить, чтобы полиція открыла здѣсь Ольгу, Каржоль, разумѣется, не могъ и потому поспѣшилъ остановить одного изъ наиболѣе юныхъ и юркихъ Жидковъ, который уже собрался было бѣжать къ полицеймейстеру.

— Не надо. Я самъ отворю, сказалъ онъ Евреямъ:—и вы сейчасъ увидите, та ли.

Ключъ повернулся въ замкѣ и предъ изумленною кучкой въ распахнутой двери предстала блѣдная, негодующая, глубоко потрясенная дочь генерала Ухова, столь хорошо знакомая въ лицо всему Украинску.

Для Евреевъ это было до того неожиданно и такое постигло ихъ разочарованіе, что они сразу смутились и даже сконфузились до послѣдней степени, какъ только можно себѣ представить.

— Не та!... Что же это такое? въ полномъ недоумѣніи переглядывались они между собой.

— Теперь вы убѣдились?... Довольно съ васъ? обратился къ нимъ графъ.—Довольно? Ну, такъ вонъ, сію же минуту!

— Што вонъ!... Зачэмъ вонъ, когда, можно-битъ, тамъ еще естъ нашево дѣвицу? наконецъ-то очнувшись заговорили въ кучкѣ, но уже далеко не съ прежнею бойкостью и увѣренностью: — Можно-битъ, она зашпратана уфъ дру-

гому комнату?... Што мп знаемъ!... Надо обискъ на повѣрка издѣлать...

Но тутъ, къ крайнему удивленію графа, къ Евреямъ выступила вдругъ сама Ольга.

— Здѣсь нѣтъ никакой вашей дѣвицы, сказала она голосомъ, дрожащимъ отъ волненія: — *теперь* по крайней мѣрѣ нѣтъ больше... Но ночью былъ кто-то... Это навѣрное... Я слышала женскій голосъ... И этотъ человѣкъ, указала Ольга на графа:—ночью же увелъ ее куда-то.

— Шма Изроэль!... О, это значитъ уфъ манаштиръ!... Ваймиръ... Вусъ махенъ іецтъ?!.. Она уфъ манаштиру вже! въ смятеніи всполошились и загалдѣли Евреи.

— *Бохеримъ*! горестно воскликнулъ Айзикъ, съ мольбой обращаясь къ товарищамъ и въ отчаяніи ломая себѣ руки:— *Инсъ клейстеръ, бохеримъ*!... *Митъ миръ инсъ клейстеръ*!... *Битте*!

И кучка вслѣдъ за Айзикомъ опрометью кинулась вонъ изъ прихожей, а черезъ минуту уже ни души еврейской не осталось не только во дворѣ, но и у воротъ на улицѣ. Все это гурьбой хлынуло къ монастырю, въ самомъ тревожномъ и злобномъ возбужденіи.

ГЛАВА X.

Вывернулся.

Даже и не взглянувъ больше на графа, Ольга пошла было вслѣдъ за Евреями вонъ изъ его дома.

Но Каржоль не могъ отпустить ее не объяснившись. По его разсчетамъ, для него теперь нужнѣе всего было примириться съ Ольгой, для того чтобы сейчасъ же, что-называется, втереть ей розовыя очки, обезоружить ея гнѣвъ, обмануть подозрительность, усыпить на извѣстное время ревность и вернуть къ себѣ ея довѣріе,—нѣтъ, мало довѣріе, прежнюю вѣру въ него, пока не обработается окончательно

то дѣло. Поэтому онъ тотчасъ же бросился вслѣдъ за ней и, нагнавъ ее уже на послѣдней ступенькѣ крыльца, успѣлъ выше кисти схватить ея руку и насильно не ввелъ, а почти втащилъ ее обратно въ кабинетъ.

— Не сумашествуйте!... Вамъ невозможно идти въ такомъ видѣ, заговорилъ онъ твердо и строго, постаравшись придать себѣ возможно больше спокойствія.

Графъ понималъ, что въ предстоящемъ объясненіи ему прежде всего необходимо вполнѣ владѣть собой.

Между тѣмъ Ольга молча и мрачно глядѣла на него мало что съ ненавистью, а даже съ какимъ-то отвращеніемъ.

— Сейчасъ запрягутъ мою карету и отвезутъ васъ, продолжалъ онъ.—Сядьте... Успокойтесь прежде.

Вмѣсто всякаго отвѣта дѣвушка лишь сдѣлала попытку вырвать отъ него свою руку.

— Напрасно, Ольга: я не пущу васъ. Пока не успокоитесь, вы не выйдете отсюда.

— Пустите руку! повелительно крикнула она, сдѣлавъ новое порывистое движеніе.—Не держите меня!.. Вы мнѣ гадки!

— Извольте, согласился Каржоль, освобождая ея руку:— но изъ этой комнаты вы все-таки не выйдете. Прикажи сейчасъ же запрягать карету, запри подъѣздъ и никого не впускать сюда! крикнулъ онъ человѣку.

— Не къ чему! отозвалась Ольга.—Не удерживайте меня. Я пойду.

— Нѣтъ, Ольга... Бога ради...

— Я пойду, говорю вамъ!

— Но вѣдь васъ увидятъ...

— Такъ что же?... Меня уже видѣли, мнѣ все равно теперь.

— Не дѣлайте глупостей, Ольга! Не компрометтируйте себя еще болѣе!

— Я уже скомпрометтирована... Все равно!

— Нѣтъ, не все равно!.. Не все равно, Ольга!.. Во всякомъ случаѣ, я не пущу васъ такъ.

— Ахъ, да поймите же, раздраженно крикнула она съ

нервными слезами въ голосѣ:—поймите вы, что послѣ такого гнуснаго вашего поступка, мнѣ мерзко оставаться съ вами, мерзко глядѣть на васъ, мерзко дышать однимъ воздухомъ... Не могу я больше!.. Не могу!

— Если ужь кого винить, то вините себя, пожалъ Каржоль плечами:—вы сами пожелали этого. Я предупреждалъ васъ, я предлагалъ вамъ уходить тогда же.

— Да, для того чтобы самому остаться съ другою женщиной, язвительно сказала дѣвушка, обдавъ его презрительною усмѣшкой.

— Поберегите вашу ревность, Ольга, до другаго случая, спокойно замѣтилъ графъ:—здѣсь она ни причемъ и ни съ какою женщиной я не оставался.

— Какъ!.. Вы отпираетесь?.. Вы еще лгать хотите? Лгать предо мной! яростно накинулась она на Каржоля, потерявъ уже послѣднее терпѣнье.—И вы смѣете мнѣ говорить это! Вы можете еще смотрѣть мнѣ прямо въ глаза!.. Мнѣ?!.. Гнусный, безсовѣстный, безчестный вы человѣкъ послѣ этого!

— Перестаньте, Ольга. Брань вамъ вовсе не къ лицу, и тѣмъ болѣе что лгать предъ вами мнѣ нѣтъ никакой надобности.

— Такъ у васъ не было никакой женщины?.. Не было?.. Отвѣчайте же!.. Я васъ спрашиваю, никакой?.. Вы чисты и невинны? И стало-быть это *я* лгу?

— Нѣтъ, женщина приходила, спокойно и даже апатично какъ-то возразилъ графъ:—и что она была здѣсь, доказательство вамъ эти Евреи. Но не имѣлъ же я возможности объяснять вамъ все это дѣло тогда же!.. Вѣдь я обѣщалъ, что послѣ все скажу. Да и наконецъ, это была чужая тайна... Открывать ее раньше времени я не имѣлъ даже права. Теперь другое дѣло, она въ монастырѣ уже.

— Кто это она? О комъ говорите вы?

— О вашей пріятельницѣ Тамарѣ Бендавидъ.

Изумленная Ольга даже вскочила съ мѣста.

— Какъ?.. Тамара Бендавидъ?!. Да что вы за вздоръ говорите!

— Отнюдь не вздоръ. И съ какой же стати я сталъ бы

вдругъ злоупотреблять именемъ честной дѣвушки? Подумайте!

— Такъ это она приходила къ вамъ? Тамара?

— Да, Тамара. Она задумала креститься въ православную вѣру и обратилась ко мнѣ съ просьбой помочь ей устроить все это дѣло.

— Ну? нетерпѣливо перебила Ольга съ крайне изумленнымъ, жаднымъ любопытствомъ.

— Я далъ слово, продолжалъ графъ:—быть можетъ, это была неосторожность, но... дѣлать нечего!.. Пришлось, разумѣется, исполнить. Было условлено, что въ эту ночь я отвезу ее въ монастырь, къ Серафимѣ.

— Ну?!

— Ну, и вы чуть было не помѣшали всему этому. Вѣдь я же не разсчитывалъ найдти васъ у себя чуть не въ три часа ночи! Ну и подумайте, какъ было бы красиво, еслибы вдругъ она застала здѣсь васъ... среди ночи-то! Въ хорошемъ свѣтѣ, нечего сказать, оба мы предстали бы предъ ней!..

— Вы должны были тотчасъ же предупредить меня, замѣтила Ольга.

— Да когда же, подумайте! И до того ли мнѣ было, когда вы сразу огорошили меня такимъ сюрпризомъ, да и наконецъ, повторяю, я не имѣлъ тогда права выдавать чужую тайну, и не показалось ли бы вамъ все это слишкомъ невѣроятнымъ, если даже и теперь-то вы едва вѣрите?

— Хорошо; но гдѣ же вы до сихъ поръ пропадали и къ чему было запирать меня на замокъ такимъ предательскимъ образомъ? все еще раздраженно и подозрительно спросила дѣвушка.

— Къ тому, что не запри я васъ, вы, съ вашею взбалмошною натурою и съ этою ревностью безшабашною, навѣрное выбѣжали бы вслѣдъ за нами и надѣлали бы только величайшихъ скандаловъ и ей, и мнѣ, и себѣ... Что же мнѣ оставалось, коли вы добромъ не уходите?! Я разсчитывалъ вернуться вскорѣ, но вмѣсто того въ монастырѣ, да у архіерея задержали. Теперь, слава Богу, она уже принята.

Это открытіе относительно Тамары, когда наконецъ Ольга

вполнѣ повѣрила словамъ Каржоля, такъ поразило ее, что нѣсколько времени она не могла сказать ни слова и только во всѣ глаза глядѣла на графа.

— Ну и скажите же, милая Ольга, заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—убѣждаетесь ли вы хоть теперь-то, что все это дѣло гораздо проще и честнѣе, чѣмъ вамъ вообразилось?

— Боже мой! схватилась она за голову:—какихъ же я глупостей надѣлала!...

— Да, и преогромныхъ, къ сожалѣнію! нѣсколько менторскимъ тономъ замѣтилъ графъ:—но... вините свою собственную взбалмошность. Мнѣ же болѣе всего прискорбно, что теперь я убѣдился, на сколько мало вы въ меня вѣрите. Печальное убѣжденіе, Ольга, для будущей супружеской жизни! прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Да, но... вотъ что̀ однако, заговорила она въ раздумьѣ, какъ бы соображая нѣчто:—все это хорошо, но... съ какой стати Тамара съ этимъ дѣломъ обратилась къ вамъ? Почему къ вамъ именно?

— А ужь это вы ее спросите, съ легкой усмѣшкой пожалъ Каржоль плечами:—это ужь ея дѣло... Но полагаю потому, вѣроятно, что я болѣе другихъ внушалъ ей довѣрія.

— Да, но что̀ же вы за миссіонеръ такой? Откуда вдругъ этакое рвеніе къ религіи въ васъ-то, въ *васъ?!* Подумайте, вѣдь это курамъ на смѣхъ!

— Что жъ васъ такъ удивляетъ? невольно усмѣхнулся Каржоль (внутренно ему и самому, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалось очень смѣшно).—Mais non, dites sérieusement, отчего бы и не помочь человѣку, коли ужь у него такое искреннее рвеніе, какъ вы сказали? Да тутъ и всякій на моемъ мѣстѣ помогъ бы просто изъ гуманности и... наконецъ, какъ русскій человѣкъ, коли хотите. Въ этомъ краѣ оно даже и политически кстати. Вѣдь я же Русскій: какъ вы полагаете? Но это въ сторону, небрежно махнулъ онъ рукой:—меня заботитъ совсѣмъ другое, гораздо болѣе важное для насъ съ вами.

— То-есть что̀ жъ именно? спросила Ольга.

— А то, что творитъ теперь дома вашъ батюшка и чѣмъ объясните вы ему свое странное отсутствіе?

Ольга нѣсколько насупилась, но не надолго. Черезъ минуту ея чувственно крупныя, всегда полуоткрытыя губы, позволявшія видѣть рядъ жемчужно-бѣлыхъ зубовъ, опять сложились въ спокойно-самоувѣренную и даже безпечную улыбку, которая необыкновенно шла къ ея капризно-красивому, мило-неправильному лицу и вообще ко всей физически-задорно сложившейся, довольно крупной и развитой фигурѣ.

— Что же, поднявъ брови, мотнула она головой:—такъ и скажу, что была у васъ, и всѣмъ скажу то же.

— Однако?

Каржоль въ недоумѣніи отъ ея словъ даже нѣсколько смутился.

— Разумѣется, подтвердила Ольга:—другаго ничего не остается и тѣмъ болѣе, что эти Жиды меня видѣли.

— Но вѣдь тогда весь городъ заоретъ, что ты моя любовница.

— А пусть его оретъ, на здоровье!

— Ну, нѣтъ, мой другъ! Je vous demande pardon!... Развѣ для тебя это такъ безразлично?

— Какъ сказать тебѣ? И да, и нѣтъ. Но развѣ нельзя найдти приличнаго объясненія?

— „Приличнаго объясненія?!“ — возразилъ графъ, недоумѣвая: — объясненія такому невѣроятному факту, что въ девять часовъ утра цѣлый жидовскій кагалъ находитъ тебя въ квартирѣ холостаго человѣка, котораго, вдобавокъ, и дома-то сначала не оказалось.

— Вотъ это-то и хорошо, что не оказалось. Оно и кстати.

— Pardon, chère, но я тебя рѣшительно не понимаю. Вѣдь Жиды видѣли, что ты была заперта на ключъ; ты при нихъ ломилась въ дверь и кричала благимъ матомъ: отворите! Ты сама, наконецъ, сказала имъ, что была здѣсь ночью, слышала женскій голосъ... Стало быть, весь городъ будетъ знать, что ты именно ночью была у меня!

— Да, именно ночью. Что жъ изъ того? Скажу, что причиною всему та же Тамара, если только вы не лжете мнѣ, что это была она.

— Нѣтъ, Ольга, видитъ Богъ, я не лгу, дѣйствительно она, — искренно подтвердилъ графъ: — но, грѣшный человѣкъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше начинаю я понимать тебя. Или ужь отъ всей этой передряги да отъ безсонной ночи мой мозгъ усталъ наконецъ работать, я не знаю, но только объясни, Бога ради, какими судьбами ты находишь возможнымъ приплести сюда еще и эту бѣдную Евреечку?

— Я скажу всѣмъ, что участвовала въ ея тайнѣ, даже лично помогла ей уйдти изъ дому, сама привела ее сюда, потому что между нами троими это уже заранѣе было такъ условлено, и когда ты повелъ ее въ монастырь, я осталась здѣсь ожидать твоего возвращенія, чтобъ узнать о результатѣ, ну, и въ ожиданіи заснула на диванѣ да и проспала до утра, пока не испугалъ меня какой-то гвалтъ жидовскій. Весь этотъ шумъ я надѣлала отъ перепуга, съ просонья, это такъ понятно!

— Хорошо, хорошо!... Превосходно! „Понялъ Михайло Васильевичъ! Понялъ!“ — комически воскликнулъ графъ знаменитою фразой Расплюева, радостно потирая себѣ руки. — Однако ты, моя прелесть, просто Наполеонъ въ юпкѣ, ей-Богу!

— Ну, пожалуйста, нельзя ли безъ подобныхъ сравненій! — слегка оборвала его Ольга, нѣсколько задѣтая за живое этою, какъ показалось ей, неумѣстною шуткой. — Мнѣ вовсе не до смѣха, прибавила она не безъ горечи:— да и радоваться здѣсь, право, нечему.

Каржоль осѣкся и немножко задумался.

— Это хорошо придумано, — сказалъ онъ уже серьезнымъ тономъ:—даже очень хорошо, мой другъ, и, пожалуй, вполнѣ правдоподобно; но все-таки есть и въ этомъ своя маленькая закорючка.

— Какая еще?... Что-за закорючка? — досадливо сдвинула брови дѣвица Ухова.

— Да та, что вѣдь ты же сама выдала ее Жидамъ чуть не головой,— пояснилъ Каржоль:—ты засвидѣтельствовала имъ, что здѣсь была *какая-то* женщина, что ты *слышала* ея голосъ и прочее; стало быть, сама ты ея не видѣла и не знаешь, кто именно. Вѣдь это тоже распространится, ну и стало быть, ты была у меня совсѣмъ независимо отъ Тамары, вотъ что̀!

— Хм!... мало ли какія выдумки и сплетни распространяются!—презрительно двинула губой Ольга.—Кто же станетъ повѣрять это? И кому какая нужда справляться?... Будутъ говорить, конечно, и такъ, и этакъ. Но вѣдь вопросъ: въ какой средѣ оно распространится? Между Жидами? Такъ вѣдь намъ, полагаю, важны не Жиды, а общество. А для общества всегда можно подобрать достаточно убѣдительное доказательство.

— Воля твоя, я не вижу его,— сомнительно двинулъ графъ приподнятыми бровями и плечами.

— Не видишь?... Гм!... Убогій ты человѣкъ, какъ я погляжу!—съ добродушной ироніей покачала она головой.— А еще „дѣятель практическій“ называешься, „современный дѣятель“. Ну, и какіе же вы „дѣятели“, коли даже дѣвченки, какъ я, должны не только-что думать за васъ, а даже жевать и въ ротъ вамъ класть!... Дѣло очевидное,— пояснила Ухова:—для этого стоитъ только мнѣ самой написать къ этой бѣдной Тамарѣ. Я признаюсь ей, что я твоя невѣста, что я была у тебя въ то время, какъ она приходила, однимъ словомъ, разскажу откровенно все, что̀ случилось, и попрошу ее подтвердить въ случаѣ надобности и мое тоже участіе въ ея дѣлѣ. Она дѣвушка съ сердцемъ и, конечно, для старой подруги не откажетъ, да если даже не для меня лично, то хотя бы изъ благодарности къ тебѣ, за твою услугу. Ты и самъ, кромѣ того, можешь попросить ее.

Внутренно Каржоль очень испугался этого проекта. Объяснить Тамарѣ, что Ольга его невѣста, — какъ разъ кстати, что̀ и говорить!...

— Н-нѣтъ, моя милая,— сказалъ онъ сообразившись:—

къ чему тебѣ самой выдавать на себя такіе документы? Мало ли что въ жизни случается! Сегодня друзья, завтра враги. Это у васъ промежъ женщинъ такъ легко дѣлается. Да и Богъ знаетъ еще, попадетъ ли твое письмо непосредственно въ руки Тамары: вѣдь въ монастырѣ есть тоже своя цензура, и очень даже строгая. А лучше ужь предоставь мнѣ, я самъ скажу ей все это и попрошу ее.

— И то правда, согласилась Ольга.—Въ самомъ дѣлѣ, скажи; этакъ даже лучше. А затѣмъ,—продолжала она съ нѣсколько циническою усмѣшкой истинно житейской практичности:—гдѣ тамъ еще да и кому разбирать, что правда, что нѣтъ: добрыя души повѣрятъ, а кто и не повѣритъ, такъ наплевать!

— „Наплевать?!“ весело изобразилъ Каржоль всею фигурой своею комическій ужасъ:—„Наплевать“... Что за выраженіе?.. Барышня, благовоспитанная барышня!.. Генеральская дочка!.. Отъ васъ ли это слышу я?

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! досадливо дернулась Ольга.—Стану я еще съ вами-то выбирать теперь мои выраженія! Какъ сказалось, такъ и сказала. Мнѣ, ей-Богу, не до шутокъ!.. Я хочу, добавила она:—сказать только одно, что въ глаза мнѣ высказать этого никто, конечно, не посмѣетъ, а если и найдется кто, то вѣдь такъ оборву, что и своихъ не узнаетъ. А за глаза пусть себѣ болтаютъ, что хотятъ! Про всѣхъ говорятъ вѣдь и всѣхъ однако же принимаютъ и уважаютъ, и никому отъ этихъ разговоровъ ни теплѣе, ни холоднѣе.

— О, да ты у меня, въ самомъ дѣлѣ, что называется, козырь-дѣвка! съ видомъ напускнаго восторга воздѣлъ свои руки Каржоль:—ей-Богу! И знаешь, все это придумано тобой вовсе не дурно, даже очень хорошо! Прекрасно придумано! И я могу только изумляться такой находчивости. Именно, такъ и говорить: ждала, молъ, у Каржоля. И чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ лучше,—по крайней мѣрѣ, грязныхъ подозрѣній меньше будетъ.

Раза два онъ прошелся по комнатѣ и снова остановился предъ ней.

— Только, пожалуйста, разсказывай объ этомъ съ самымъ невиннымъ, обыкновеннымъ видомъ, понимаешь? Чтобы всѣ были окончательно съ толку сбиты, начиная съ твоего почтеннѣйшаго родителя. Это непремѣнно. Молодецъ, Ольга!.. Умница!.. Что̀ дѣло, то дѣло!

— Карета уже подана, слегка пріотворивъ дверь, объявилъ камердинеръ.

Барышня Ухова поспѣшно поднялась съ мѣста и стала собираться, надѣвать шляпку, зашпиливать предъ зеркаломъ вуаль, поправлять волосы, натягивать длинныя шведскія перчатки.

Каржоль невольно залюбовался плавнымъ изгибомъ и вообще всѣмъ этимъ краснвымъ рисункомъ ея соблазнительно стройной фигуры, которая, что̀ грѣха таить! — нравилась глазу и говорила его чувственности несравненно болѣе, чѣмъ нервная фигурка Тамары, хотя и Тамара тоже была очень и очень красива, только совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Наконецъ, окончивъ сборы, Ольга подошла къ нему проститься и протянула свою красивую руку, изящно затянутую далеко выше кисти въ сѣрую замшевую перчатку.

— Что̀ будетъ дома, вечеромъ постараюсь написать; ты не приходи сегодня, сказала она и на прощаніе подарила графу поцѣлуй полнаго примиренія.

— Фу-у!.. вывернулся! съ облегченнымъ вздохомъ, потягиваясь всѣми членами и отъ души зѣвая, сказалъ себѣ Каржоль послѣ ея ухода.

Повидимому, дѣла его начинали устраиваться не дурно!

Между тѣмъ Ольга, никѣмъ не замѣченная, усѣвшись въ экипажъ, ради предосторожности отъ постороннихъ взглядовъ, спустила всѣ сторки и безъ всякихъ приключеній благополучно доѣхала до дому.

ВС. КРЕСТОВСКІЙ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Издатели: Ф. Н. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза“.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА СТО ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАГО.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (по личнымъ воспоминаніямъ). *Н. А. Любимова* 1
Имянины прабабушки. Разсказъ. *Г. П. Данилевскаго*. . 47
Траяновъ перевалъ. *П. П. Карцова* 68
Восемь стихотвореній. *А. А. Фета* 106
Наши задачи на крайнемъ востокѣ. *А. Я. Максимова* . 111
Молодежь. Романъ. Гл. XIII—XIV. *К. Ф. Орловскаго* . 142
Археологія въ Римѣ. *Ю. А. Кулаковскаго*. 181
Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій. Гл. V. N. . . 217
Стихотвореніе *А. Н. Майкова*. 253
Разговоръ. Разсказъ *Кн. Д. П. Голицына* 255
Изъ исторіи Финляндіи. *К. Ф. Ордина* 263
Новости литературы. I. Энеида Вергилія. Пер. А. А. Фета. I—VI.—Москва. 1888.—II. Всеобщая исторія Георга Вебера. Томъ восьмой. Пер. Андреева. Москва. 1887 г.—III. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. 1887 г.—IV. „Военно-Историч. Христоматія“. К. К. Абаза. Спб., 1887 г.—V. Ernest Renan—„De la part des peuples sémitiques“, 1887.—VI. Seignobos „Histoire de la civilisation“ Paris. 1887. 2 vol.—VII. Karl Frenzel—„Shönheit“, Berlin. 1887.—VIII. Книжныя новости 289
Московская хроника. Праздничная Москва и будничная.—Городская смѣта.—Городскія изданія.—Расходы по „благоустройству“ города и значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Что такое ростъ Москвы.— 313

Внутреннее обозрѣніе. Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1888 годъ.—Университетскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—Внутренняя организація крестьянскихъ поземельныхъ товариществъ и переселенческое дѣло.—О дисциплинарныхъ батальонахъ 331
Политическое обозрѣніе. Старанія Германіи вернуть Россію на прежній путь. — Внутреннее и международное положеніе Германіи.—Познанскіе Поляки.—Борьба съ соціализмомъ.—Общеимперскіе дефициты.—Финансовая и экономическая война съ Россіей.—Военные законопроекты.—Чѣмъ будетъ война съ Россіей.—Что такое въ сущности лига мира.—Кенигсбергскіе маневры, какъ причина современнаго положенія 350
Тьма Египетская. Романъ *Вс. Вл. Крестовскаго*. Гл. I—IV. 1
Объявленія 69

ФЕВРАЛЬ.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (по личнымъ воспоминаніямъ). Продолженіе. Съ портретомъ. *П. А. Любимова*. . . . . .
Яромиръ и Предслава. Поэма (пѣснь первая) *графа А. А. Голенищева-Кутузова*. 32
Въ Библейской странѣ. *Е. В. Маркова*. 48
Молодежь. Романъ. Гл. XV. *К. Ѳ. Орловскаго*. 77
Тургеневъ въ Москвѣ (по личнымъ воспоминаніямъ). *К. Н. Леонтьева* 97
Стихотворенія. *А. Н. Майкова* 130
Изъ Гнѣзда. Повѣсть. (гл. I—IV). *А. В. Стерна*. . . 133
Траяновъ перевалъ. (Оконч.). *П. П. Карцова*. 159
Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій. Гл. VI. N. . 185
Памяти Р. Вагнера. Стихотвореніе *Кн. Д. Н. Цертелева*. 214
Новый романъ Филипса. *П.* 215
Долгъ Общества взаимнаго поз. кредита. *А—скій*. . 251

Новости Литературы. I. Древн. Росс. Госуд.—Кіевскій Софійскій соборъ.—Выпускъ IV.—Лягушки, комедія Аристофана. Перев. К. Нейлисовъ.—III. Собр. мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго, Т. V.—IV. П. А. Матвѣевъ. Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса.—V. А. Позднѣевъ. „Очерки быта буддійскихъ монастырей".—VI. Брюхо Петербурга. А. Бахтіарова. VII. Книжныя новости 266

Московская хроника. Благотворительная Москва.—Что такое Московская частная благотворительность.—Ляпинскія благотворительныя учрежденія.—Московское купеческое общество и его расходная смѣта на 1888 г.—Московское ночлежничество и точныя цифры, характеризующія положеніе дѣла за послѣдніе года.—Ростъ и наступившее паденіе этихъ цифръ.—Начало года у Московскихъ спортсменовъ.—Спортсмены-охотники и ихъ выставка.—Нѣчто о живописи.—Галлерея П. М. Третьякова. 292

Внутреннее обозрѣніе. Недѣлимыя дворянскія имѣнія.—Тюремное дѣло и дисциплинарные батальоны.—Поквартирный налогъ . . . . . .

Политическое обозрѣніе. Рѣшительный поворотъ въ нѣмецкой политикѣ.—Ея вызывающій характеръ.—Обнародованіе Австро-Германскаго договора.—Рѣчь князя Бисмарка 324

Сообщенія и извѣстія. I. Неизданное письмо Наполеона. (С. Татищева). II. Пріобрѣтеніе Публ. Библ. (И. Бычкова). III. Къ ист. масонскихъ ложъ (Е. Опочинина). IV. Соч. Погодина (И. Помяловскаго). V. Древности Ярославля (Н. Покровскаго). VI. Гробницы Сидонскихъ царей (Е. Бренкова). . . 345

Тьма Египетская. Романъ *Вс. Вл. Крестовскаго*. Гл. V—X. 69

Объявленія. 139

УДОСТОЕННАЯ НѢСКОЛЬКИХЪ МЕДАЛЕЙ
НА РАЗЛИЧНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ

ФАБРИКА
РОЯЛЕЙ И ПІАНИНО
А. СТРОБЛЬ

ВЪ КІЕВѢ,

Жилянская, № 25, собственный домъ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ
И. БУДКЕВИЧА и Кº.

Рояли: 550, 600, 650, 700 и 750 р. ❖ Піаниво: 400, 450, 500 и 550 р.

Всѣ нумера роялей и піанино имѣютъ 7 октавъ.

Означенные рояли съ особыми украшеніями и рѣзьбою дороже отъ 50 до 100 р.

Означенныя піанино съ особыми украшеніями и рѣзьбою дороже отъ 25 до 50 р.

Ко всѣмъ піанино примѣнена конструкція „двойной металлической рамы“ собственнаго усовершенствованія, которая укрѣпляетъ строй и рекомендуется для дальней перевозки. Всѣ нумера роялей съ перекрестными струнами, а также и піаннно, кромѣ средняго размѣра въ 450 р., который имѣетъ струны не перекрестныя. Цѣна піанино съ двойной металлической рамой дороже на 25 р. Упаковка въ ящикъ: рояля—15 р., піанино—10 р.

САМЫЙ ТЩАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ И ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВИЛЬНУЮ ДОСТАВКУ.

Инструменты фабрики А. СТРОБЛЬ удостоились неоднократно самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны столичной и провинціальной печати, а также лицъ, пользовавшихся ими въ своихъ концертахъ. Изящные по внѣшней отдѣлкѣ, они отличаются чрезвычайной пріятностью туше, чистотой и звучностью тона, а также способностью долго держать строй. Существуя около пятнадцати лѣтъ, фабрика А. СТРОБЛЬ довела свое производство до такихъ значительныхъ размѣровъ, которыхъ достигаетъ производство лишь наилучшихъ фабрикъ Россійской Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ НА

ВѢСТНИКЪ

ФИНАНСОВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ,

УКАЗАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО МИНИСТЕРСТВУ ФИНАНСОВЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Годовая:			**Полугодовая:**		
Въ С.-Петербургѣ.	безъ доставки	6 р.	Въ С.-Петербургѣ.	безъ доставки	3 р. 75 к.
	съ доставкой	7 »		съ доставкой	4 » 50 »
Съ пересылкою	во всѣ мѣста Имперіи	7 р.	Съ пересылкою	во всѣ мѣста Имперіи.	4 » 50 »
	заграницу	14 »		заграницу	9 » — »

Подписка принимается въ Редакціи (въ зданіи Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади.

ВЪ ВѢСТНИКѢ ПЕЧАТАЮТСЯ:

Всѣ распоряженія по Министерству Финансовъ.

Донесенія россійскихъ консуловъ о ходѣ торговли въ иностранныхъ государствахъ.

Ежемѣсячные балансы коммерческихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита.

Отчеты всѣхъ кредитныхъ учрежденій, торговыхъ и промышленныхъ обществъ и товариществъ.

Главнѣйшія статьи, напечатанныя въ теченіе 1887 года въ ВѢСТНИКѢ ФИНАНСОВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ, ниже сгруппированы по отдѣламъ:

Финансы. Всеподданѣйшій докладъ Министра Финасовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1887 годъ.—Ежемѣсячныя свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ и расходахъ.—Обложеніе акцій желѣзнодорожныхъ обществъ сборомъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.—Торговые сборы въ 1885 году.—Поступленіе питейнаго дохода въ 1886 году.—Мѣры къ увеличенію табачнаго дохода.—Новый законъ объ акцизѣ со спирта въ Германіи. Финансовое положеніе главнѣйшихъ государствъ Европы.

Кредитъ. Операціи кредитныхъ учрежденій въ Россіи.—Пересрочка 5% банковыхъ билетовъ 1 выпуска. Перечисленіе въ размѣнный фондъ 40 милліоновъ руб. золотомъ изъ оборотной кассы Государственнаго банка.—Операціи Крестьянскаго поземельнаго банка въ 1886 году.—Прекращеніе выдачи центральному банку русскаго поземельнаго кредита авансовъ изъ казны на пополненіе его курсовыхъ потерь.—Состояніе государственныхъ долговъ въ иностранныхъ государствахъ.

Таможенные сборы и тарифы. Измѣненіе пошлинъ на суда, на нашатырь, амміакъ и амміачныя соли, на чугунъ, желѣзо и сталь, на хмѣль и хмѣлевой

экстрактъ, на каменный уголь и коксъ, на швейныя и вязальныя нитки и на плиточный чай.—Измѣненія въ таможенныхъ тарифахъ иностранныхъ государствъ.

Промышленность. Производство и потребленіе соли въ Россіи.—Дѣятельность фабричной инспекціи въ 1885 г.—Горная промышленность на Кавказѣ.—Асхабадскія селитряныя мѣсторожденія.—Нефть на востокѣ.—Горные и землеудобрительные матеріалы на харьковской всероссійской выставкѣ 1887 года.—Спичечное производство въ санитарномъ отношеніи.—Мукомольная промышленность Кременчуга.—Лѣсопромышленность Финляндіи.—Всемірное производство шелка.—Хлопчато-бумажная промышленность въ текущемъ столѣтіи.—Нефть въ Галиціи.—Каменноугольная промышленность Силезіи.—Производство маисоваго крахмала въ Америкѣ.—Кустарная промышленность въ Германіи.—Желѣзная промышленность въ западной Европѣ.

Промышленности, обложенныя акцизомъ. Сводъ поступившихъ въ департаментъ неокладныхъ сборовъ отзывовъ о предположенныхъ мѣрахъ къ болѣе правильной постановкѣ винокуренной промышленности въ Россіи.—Развитіе ввоза русскаго спирта въ Швецію.—Вывозъ спирта изъ Россіи заграницу и значеніе его для развитія винокуренія.—Измѣненіе нѣкоторыхъ условій винокуренія и вывоза спирта заграницу.—Новыя временныя правила о фруктово и виноградовочномъ производствѣ.—Винокуреніе изъ дари.—Вывозъ сахарнаго песка въ Персію.—Оптовая торговля спиртомъ и раздробительная продажа питей въ 1886 г.—Состояніе винокуренной промышленности въ 1886 г.—Поступленіе сахарнаго дохода и состояніе свеклосахарной промышленности въ 1886 г.—Поступленіе табачнаго дохода въ 1886 г.—Статистическія данныя о положеніи свеклосахарной, винокуренной и табачной промышленности.—Свѣдѣнія о положеніи этихъ отраслей промышленности заграницею.

Земледѣліе. Стоимость производства пшеницы въ Россіи и заграницею.—Урожай хлѣбовъ въ Россіи.—Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края.—Разведеніе пробковаго дерева на Кавказѣ.—Турецкое просо.—Разведеніе хмѣля въ Екатеринославской губерніи.—Скотоводство въ Аргентинской республикѣ и значеніе его для международной торговли.—Свѣдѣнія о положеніи сельскаго хозяйства и состояніи урожаевъ въ иностранныхъ государствахъ.

Торговля. Внѣшняя торговля Европейской Россіи за 1886 г. и ежемѣсячныя свѣдѣнія объ ея движеніи въ 1887 г.—Хлѣбный районъ, тяготѣющій къ рижскому порту.—Торговля русскими ситцами въ Персіи.—Нѣкоторыя данныя о размѣрахъ хлѣбныхъ заготовокъ на волжскихъ пристаняхъ къ открытію навигаціи 1887 г.—Вывозная хлѣбная торговля Закавказья. — Торговля русскимъ керосиномъ заграницею.—Внѣшняя торговля Финляндіи въ 1886 году.—Сухопутная торговля Россіи съ Китаемъ чрезъ Кяхту.—Торговля гг. Одессы, Саратова, Либавы и др. въ 1886 году.—Лѣсная торговля Нарвы.—Условія торговли льномъ въ Поневѣжскомъ и Новоалександровскомъ уѣздахъ Ковенской губерніи.—Обзоръ хлѣбной торговли Россіи съ главнѣйшими государствами западной Европы и результаты внѣшней торговли послѣднихъ.—Сбытъ мяса заграницу.—Шерстяной рынокъ и шерстопромышленность во Франціи въ 1886 г.—Торговля хлопкомъ и хлопчатобумажное производство въ Великобританіи въ 1886 г.—Проектъ учрежденія акціонернаго обществъ для внутренней и внѣшней торговли спиртомъ въ Германіи.—Еженедѣльныя данныя о вывозѣ хлѣбовъ изъ Россіи чрезъ главнѣйшія таможни.

Открытія и усовершенствованія по техникѣ промышленныхъ производствъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся техническихъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ по всѣмъ отраслямъ промышленности.

Торговый отдѣлъ. Въ немъ печатаются еженедѣльныя торговыя корреспонденціи изъ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ Россіи, западной Европы, Азіи и Америки. Сообщенія эти, образуя особый отдѣлъ, даютъ періодически полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о настроеніи рынковъ, движеніи цѣнъ на главнѣйшіе товары, состоявшихся сдѣлкахъ и т. п.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

ВЪ 1888 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкой:	
На годъ	9 р. 60 к.	На годъ	12 р. — к.
» полгода	4 » 80 »	» полгода	6 » — »
» три мѣсяца. . . .	2 » 40 »	» три мѣсяца. . . .	3 » — »
» мѣсяцъ	— » 80 »	» мѣсяцъ	1 » — »

Заграницу (подъ бандеролью): на годъ—15 р. (20 гульд. или 40 франк.) полгода—7 р. 50 к. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 р. 75 к. (5 гульд. 10 франк.), мѣсяцъ—1 р. 25 к.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 р., а для православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. КАРБАСНИКОВА: въ С.-Петербургѣ, Литейный просп., № 48; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха, и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни, редакція старается выпускать нумера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“—быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Редакторъ-издатель **П. А. Кулаковскій.**

Варшава.

О ПОДПИСКѢ
НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
на 1888 годъ.

Годовое изданіе **„Русскаго Вѣстника“**, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1888 году стоитъ въ **Петербургѣ** и **Москвѣ** безъ доставки и пересылки **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкою **шестнадцать рублей**, съ пересылкою во всѣ города Россіи **семнадцать рублей**.

Допускается взносъ **въ два срока**, а именно: при подпискѣ **девять рублей**, а остальная сумма **къ 1-му Іюня**.

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—**18 руб.** Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на **„Русскій Вѣстникъ“** принимается въ **Петербургѣ**: для городскихъ — въ Конторѣ Журнала **„Русскій Вѣстникъ“ въ Товариществѣ „Общественная Польза“** (Б. Подъяч., 39), въ Книжномъ Магазинѣ **„Новаго Времени“** (Невск., 38) и въ **Редакціи** (Большая Морская, д. 32 кв. 7); въ **Москвѣ**: въ Редакціи **„Московскихъ Вѣдомостей“** — на Страст. бульв., въ Книжн. Магазинѣ **„Новаго Времени“** (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у **П. Печковской** (Петровскія линіи).

Иногородные адресуются въ Контору **„Русскаго Вѣстника“**—Спб., Б. Подъяч., № 39, въ **Товарищество „Общественная Польза“**. Редакторъ, **Фед. Ник. Бергъ**, принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ до 1 часу дня. (Большая Морская д. 32, кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, не возвращаются.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.